

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований

Азиатский экспертно-аналитический центр
этнологии и международного образовательного сотрудничества

ЭЛИТА В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Коллективная монография

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

УДК 902
ББК 63.3
Э468

Рецензент:
доктор исторических наук **А.В. Харинский**

Ответственный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Э468 Элита в истории древних и средневековых народов Евразии [Текст] : коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – 330 с.: ил.
ISBN 978-5-7904-1997-3

В монографии рассматриваются теоретические и исторические аспекты изучения элиты в кочевых обществах Евразии в эпоху поздней древности. Значительное внимание уделяется методологии и методике исследования элитных групп в социально-политической организации кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. На основе анализа археологического материала и письменных источников приводятся данные для выделения разных типов элит в социумах кочевников. Отдельное внимание уделено освещению сакрализации правителей кочевников и влиянию религиозного фактора на идеологическое обоснование легитимности власти.

Издание будет полезно историкам, религиоведам, археологам, этнографам и всем интересующимся социально-политической историей кочевых народов Евразии.

УДК 902
ББК 63.3

Монография подготовлена при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №13-31-01204 «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

ISBN 978-5-7904-1997-3

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2015

Ministry of education and science of the Russian Federation

Altai State University

Laboratory of the ethnocultural and religion science research

Asian Expert-Analytical Center of Ethnology and International Educational Cooperation

ELITE IN HISTORY OF ANCIENT AND MEDIEVAL PEOPLES OF EURASIA

Collective monograph

Barnaul 2015

Reviewer:
Doctor of Historical Sciences **A.V. Kharinskiy**

Managing editor:
Doctor of Historical Sciences **P.K. Dashkovskiy**

Elite in History of Ancient and Medieval peoples of Eurasia : collective monograph / Editor
P.K. Dashkovskiy. – Barnaul : ASU Publishing, 2015. – 330 p.

The book deals with the theoretical and historical aspects of the study of elites in nomadic societies of Eurasia in Late Antiquity. Much attention is given to research methodology of elite groups in the socio-political organization of the nomads of South Siberia and Central Asia. Based on the analysis of archaeological material and written sources data for demarcation of various types of elites in societies of nomads is given. Special attention is paid to sacralization of rulers of nomads and the influence of the religious factor on the ideological basis of the legitimacy of power.

The publication will be useful to historians, specialists on religious studies, archaeologists, ethnographers and everyone who are interested in the social and political history of the nomadic peoples of Eurasia.

*The monograph was prepared under the partial financial support of the grant RHNF
(project №13-31-01204 «Formation and functioning of elite in social structure
of the Sayan-Altai nomads in the Late Antiquity and early Middle Ages»*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (П.К. Дашковский)	9
Глава I. Элита в социальном пространстве кочевого общества (теоретический и методический аспекты) (П.К. Дашковский, И.А. Мейкишан).....	11
1.1. Теоретические принципы изучения элиты в социуме кочевников.....	11
1.2. Формирование категорий маркирующих признаков элиты в социальной структуре кочевых обществ	15
1.3. Аристократия, знать, элита в кочевом обществе: терминологический аспект	20
Глава II. Элиты в обществах кочевников Внутренней Азии (Н.Н. Крадин)	26
Глава III. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры (Л.Т. Яблонский)	37
3.1. Наиболее ранние погребения «савроматского» культурно-хронологического горизонта.....	37
3.2. Признаки погребального обряда элитарных погребений и комплексов.....	46
3.3. Элитные могильники Южного Приуралья в предсарматское время (V–IV вв. до н.э.).....	47
3.4. Роль кочевых элит в процессе формирования раннесарматской культуры	59
Глава IV. О погребениях скифских номархов (В.Ю. Мурзин)	61
Глава V. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) (П.К. Дашковский, И.А. Мейкишан)	72
Глава VI. Группы элиты у сарматов (С.А. Яценко)	86
Глава VII. Религиозный аспект политической культуры и влияние буддизма на процесс легитимации власти у кочевников Центральной Азии в хуннско-сяньбийско-жужанский период (П.К. Дашковский, И.А. Мейкишан)	99
Глава VIII. Кочевые элиты Центральной Азии эпохи Тюркских и Уйгурского каганатов (середина VI – первая половина IX в.) (С.А. Васютин)	108
8.1. Специфика кочевых элит раннего Средневековья	108
8.2. Кочевые элиты в рунических текстах.....	114
8.3. Особенности состава кочевых элит в эпоху Тюркских каганатов.....	117
8.4. Особенности состава кочевых элит в эпоху Уйгурского каганата	125
Глава IX. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Центральной Азии (Н.Н. Серегин)	131
9.1. Историография, источники и методы исследования	131
9.2. «Элитные» погребальные комплексы Алтае-Саянского региона.....	133
9.3. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Монголии.....	140
Глава X. Кочевая элита Степной империи, VI–IX вв.: взгляд на Других (Цветелин Степанов).....	144
10.1. Другой – «укрытый за стеной», или о роли устойчивого топоса «граница»	144
10.2. О свободе и дружескости, и об образах и знаках своего и чужого.....	151
10.3. Мировые религии и дружба	160
Глава XI. Элита Волжской Булгарии (X – начало XIII в.): между Востоком и Западом (постановка проблемы) (К.А. Руденко)	167

Глава XII. Управляющий класс в кочевой империи Ляо (907–1125 гг.) <i>(Г.Г. Пиков)</i>	199
12.1. Источники информации о киданьском управляющем классе и их особенности	200
12.2. Особенности формирования и развития киданьского управляющего класса	202
12.3. Киданьская элита и династия Елюй	207
12.4. Специфика киданьской элиты	218
12.5. Формирование бюрократической элиты в Ляо	223
12.6. Сферы деятельности киданьской элиты	224
12.7. Судьба киданьской элиты после крушения империи Ляо	235
Глава XIII. Киданьские истоки монгольского «мироустройства» <i>(Ю.И. Дробышев)</i>	240
Глава XIV. Титулатура монгольской элиты предимперского и раннеимперского периода <i>(Т.Д. Скрынникова)</i>	250
Глава XV. Торе в Центральной Азии <i>(Р.Ю. Почкаев)</i>	268
15.1. «Право» или «правление»?	268
15.2. От семейного клана к сословию	273
Заключение <i>(П.К. Дашковский)</i>	283
Список сокращений	286
Библиографический список	287
Summary	325
Сведения об авторах	328

CONTENTS

Introduction (<i>P.K. Dashkovskiy</i>)	9
Chapter I. Elite in the social space of the nomadic society (theoretical and methodical aspect) (<i>P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan</i>)	11
1.1. Theoretical principles of the study of elite in nomadic society	11
1.2. Formation of the categories of marking features of elite in social structure of nomadic society	15
1.3. Aristocracy, nobility, elite in nomadic society: terminology.....	20
Chapter II. Elites in nomadic society of Inner Asia (<i>N.N. Kradin</i>)	26
Chapter III. Elite subculture of the early nomads of the Southern Urals and mechanisms of the formation of early Sarmatians culture (<i>L.T. Yablonskiy</i>)	37
3.1. The earliest burial of «Savromatians» cultural-chronological horizon.....	37
3.2. Features of funeral rites of elite burials and complexes	46
3.3. Elite burial grounds in the Southern Urals in preSarmatians time (V–IV centuries BC) ...	47
3.4. The role of the nomadic elite in the process of formation of the early Sarmatians culture .	59
Chapter IV. About the burials of Scythian nomarch (<i>V.Yu. Murzin</i>)	61
Chapter V. The study of regional elite of nomads of Southern Siberia, Western Transbaikalia and Northern Mongolia of Late Antiquity (by the example of Pazyryk society and Xiongnu) (<i>P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan</i>)	72
Chapter VI. Elite groups of Sarmatians (<i>S.A. Yatsenko</i>)	86
Chapter VII. The religious aspect of the political culture and the influence of Buddhism on the process of legitimation of power of nomads in the Central Asian in the Xiongnu-Xianbei-Rouran period (<i>P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan</i>)	99
Chapter VIII. Nomadic elites of Central Asian in the period of Turkic and Uyghur Khaganate (mid. VI – first half of the IX century) (<i>S.A. Vasyutin</i>)	108
8.1. The specificity of the nomadic elite of early Middle Ages.....	108
8.2. The nomadic elite in runic texts.....	114
8.3. The features of the composition of the nomadic elites in the Turkic Khaganate epoch	117
8.4. The features of the composition of the nomadic elites in the Uyghur Khaganate epoch	125
Chapter IX. “Elite” funerary complexes of early medieval Turkic of Central Asia (<i>N.N. Seregin</i>)	131
9.1. Historiography, sources and methods of research	131
9.2. “Elite” funerary complexes of the Altai-Sayan region	133
9.3. “Elite” funerary complexes of early medieval Turks of Mongolia.....	140
Chapter X. The nomadic elite of Steppe Empire in VI–IX centuries: A look at <i>Other</i> (<i>Ts. Stepanov</i>)	144
10.1. <i>Other</i> – “covered behind the wall” or the role of sustainable <i>topos</i> “border”	144
10.2. About freedom and <i>otherness</i> , and about the images and signs <i>one’s own</i> and <i>others</i>	151
10.3. World Religions and <i>otherness</i>	160
Chapter XI. Elite of Volga Bulgaria (X – the beginning of XIII centuries): between East and West (statement of problem) (<i>K.A. Rudenko</i>)	167

Chapter XII. Managing class in nomadic Liao Empire (907–1125 gg.) (<i>G.G. Pìkov</i>)	199
12.1. Sources of information about the Khitan management class and their features	200
12.2. Features of the formation and development of the Khitan managing class	202
12.3. Khitan elite and Yelü dynasty	207
12.4. The specificity of the Khitan elite.....	218
12.5. Formation of bureaucratic elite in Liao	223
12.6. The field of activity of the Khitan elite.....	224
12.7. The fate of the Khitan elite after the ruin of the Liao Empire	235
Chapter XIII. Khitan’ sources of Mongol “world order” (<i>Yu.I. Drobyshev</i>)	240
Chapter XIV. Titles of Mongolian elite of the Pre-Empire and early Empire period (<i>T.D. Skrynnikova</i>)	250
Chapter XV Torus in Central Asia (<i>R.Yu. Pochekaev</i>).....	268
15.1. “Right” or “governance”?	268
15.2. From family clan to the bar	273
Conclusion (<i>P.K. Dashkovskiy</i>).....	283
List of abbreviations	286
List of sources and literature	287
Summary	325
Information About Authors	328

ВВЕДЕНИЕ

Изучение исторических процессов, протекавших на территории степной полосы Евразии в эпоху поздней древности и средневековье, демонстрирует сложность общественной и политической организации кочевых народов. Не останавливаясь на дискуссионных моментах в трактовках социо- и политогенеза номадов (см. обзор: Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009), отметим, что в различные периоды на данной территории возникали уникальные формы политий, которые в короткий срок подчиняли себе многие народы и огромные пространства. В последние годы появляются публикации, в которых все острее встает вопрос о необходимости и возможности изучения элиты древних обществ, в том числе и кочевых народов. В связи с этим возникает необходимость разработки как теоретических основ, так и установление конкретно-исторических особенностей формирования и функционирования элиты номадов. Кроме того, происходит планомерное изучение элитных и рядовых погребальных памятников на обширной территории расселения кочевых племен в Казахстане, Западной и Южной Сибири, Забайкалье, Северной Монголии, Южном Приуралье и в других регионах. Накапливаемые археологические материалы позволяют сформировать представление о наличии определенного «социального ранга» погребально-поминальных памятников, а также общественного статуса погребенного лица. При этом ученые выделяют совокупности социальных маркеров, характерных как для археологических объектов с учетом их параметров, так и для умерших, исходя из состава погребального инвентаря.

История изучения элитных памятников степной полосы Евразии, в том числе центральноазиатского региона, отражена в отдельных историографических работах (Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2013а–б; 2014б; и др.), поэтому отметим только следующие моменты. Элитные памятники кочевников стали привлекать внимание путешественников и ученых еще с XVIII–XIX вв. При этом если в XIX в. основное внимание уделялось памятникам скифской эпохи, расположенным на Украине, то в XX в. вектор смещается в сторону Центральной Азии и Южного Приуралья. Вместо термина «элита» отечественные ученые в имперский и советский периоды истории использовали такие понятия, как «князь», «царь», «вождь», «аристократия». Термин «элита» для обозначения социальных групп, обладающих властью, начинает использоваться в отечественной науке только с конца 1980-х – начала 1990-х гг. (Акишев К.А., 1994; Боковенко Н.А., 1994, 2001; Галанина Л.К., 1994; Гуцалов С.Ю., 2007; Дашковский П.К., 2005а–б, 2009а; Кузьмин Н.Ю., 1994; Марсадолов Л.С., 1997; Кубарев В.Д., 1992; Массон В.М., 1994; Миняев С.С., 2007; Серегин Н.Н., 2009, 2013; Тишкин А.А., 2005; Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.О., 2002; и др.). Его первоначальное значение распространялось на масштабные археологические памятники, которые были «элитными» по отношению к рядовым погребениям. В настоящее время ракурс проблематики начинает смещаться в сторону изучения самой кочевой элиты как социальной группы, что позволяет рассматривать социально-политические процессы в контексте властных отношений.

Для реконструкции и изучения элиты номадов возможно применять методологические принципы политологии и элитологии, что позволяет избежать односторонности археологических определений. Среди различных элитологических моделей, наиболее подходящих для изучения древних обществ, является «теория элит», разработанная Г. Москвой (1994). Согласно данной концепции, все общества, независимо от уровня их развития, подразделяются на две группы – управляемых (масса) и правящих (элиты). Таким образом, формируются базовые основания для проведения элитологических реконструкций на примере кочевых обществ.

В данной коллективной монографии отражены основные результаты изучения элитных групп у разных кочевых народов степной полосы Евразии от эпохи поздней древности и до Нового времени. Книга включает в себя 15 глав, написанных различными исследователями, которые представляют научные учреждения России, Украины и Болгарии. Главы подготовлены следующими авторами: глава I – П.К. Дашковским, И.А. Мейкшаном (Россия, Барнаул, Алтайский государственный

университет); глава II – Н.Н. Крадиным (Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН); глава III – Л.Т. Яблонским (Россия, Москва, Институт археологии РАН); глава IV – В.Ю. Мурзиным (Украина, Запорожье, Бердянский университет менеджмента и бизнеса); глава V – П.К. Дашковским, И.А. Мейкшаном (Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет); глава VI – С.А. Яценко (Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет); глава VII – П.К. Дашковским, И.А. Мейкшаном (Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет); глава VIII – С.А. Васютиным (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет), глава IX – Н.Н. Серегиним (Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет); глава X – Ц. Степановым (Болгария, София, Софийский университет); глава XI – К.А. Руденко (Россия, Казань, Казанский государственный университет культуры и искусств); глава XII – Г.Г. Пиковым (Россия, Новосибирск, Новосибирский государственный университет); глава XIII – Ю.И. Дробышевым (Россия, Москва, Институт востоковедения РАН); глава XIV – Т.Д. Скрынниковой (Россия, Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН); глава XV – Р.Ю. Почекаевым (Россия, Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

Коллектив авторов надеется, что данная книга будет полезна историкам, археологам, этнологам, политологам и всем интересующимся социально-политической историей народов Евразии.

Глава I

ЭЛИТА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА (теоретический и методический аспекты)¹

1.1. Теоретические принципы изучения элиты в социуме кочевников

В настоящее время в области социальных реконструкций всё чаще используются идеи и принципы теории элит, разработанной в трудах итальянских социологов Г. Моски и В. Парето. Основные установки данного направления базируются на том, что общество, какое бы оно ни было, изначально делится на управляющих (элита) и управляемых (масса). Так, Г. Моска (1994, с. 187) утверждал, что «во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизациям и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят».

Общие положения данной теории сводятся к тому, что: 1) исторический процесс и социальная динамика обуславливаются непрерывной сменой элит. Круговорот элит преподносится в качестве универсального закона истории; 2) утверждается, что неравенство является основой социальной жизни. Лица, обладающие большим влиянием и богатством, составляют высший слой общества – элиту; 3) исходной точкой построения социальной модели является абсолютизация политических отношений (в противовес абсолютизации экономических отношений в марксизме). Политическая власть является базисом социальных отношений, из которых наиболее значимыми являются отношения господства и подчинения (Ашин Г.К., 1985, с. 41–49; Ашин Г.К. и др., 1999, с. 30–38; Моска Г., 1994).

В современной элитологии представлены различные модели, подходы и методы, которые используются в процессе изучения феномена элитизма. К наиболее распространенным моделям относятся следующие:

1. Этологическая или поведенческая модель, основанная на изучении кратического поведения индивида или групп индивидов в обществе. В рамках данной модели анализируются биологические, психологические, а также социальные факторы, способствующие реализации властных отношений.

2. Социокультурная модель базируется на анализе особенностей цивилизационного развития общества, при этом специфика различных секторов управления (социального, экономического, политического) непосредственно связана с доминирующим типом ментальных форм и сословно-профессиональных групп.

3. Структурно-функциональная модель определяет признаки и особенности элиты, опираясь на структурно-функциональный анализ общества, в результате которого выделяются наиболее статусные, структурообразующие группы.

4. Особое место занимает социально-конфронтационная модель, в которой развитие общества в целом или отдельной локальной цивилизации строится на основе представления о ведущей роли социальной конфронтации (классовой борьбы, столкновения элит) в истории. В таких концепциях в качестве ведущих выступают категории групповых потребностей и корпоративных интересов. Политическая жизнь в этом случае редуцируется к социальным и экономическим структурам, генерирующим систему соответствующих интересов (Ашин Г.К. и др., 1999, с. 197; Дольник И.Р., 1994, с. 25).

Представленные модели являются основной платформой для проведения социополитического анализа. В большинстве случаев они вступают во взаимодействие между собой, определяя способы и методы эмпирического вычисления элит и их признаков, формируя теоретические конструкты для описания и обобщения материала, а также нацеливая на определенные источники информации.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-31-01204 «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья»).

В процессе практического применения данных методологических установок были разработаны различные подходы для определения сущности самого понятия «элиты». По мнению Г.К. Ашина, в определении этой дефиниции можно выделить различные подходы. Наиболее распространенными из них являются ценностный, структурно-функциональный, альтиметрический (или функциональный) и т.д. Сторонники первого объясняют существование элиты неким превосходством одних индивидов над другими, а представители второго – исключительной важностью функции управления, что в свою очередь детерминирует исключительность роли меньшинства людей, выполняющих эти функции (Ашин Г.К., 1985, с. 67).

Большинство политологов, ведущих эмпирические исследования элит, обращаются к альтиметрическому подходу, предлагающему определение элиты «в широком смысле, включающему не только лидеров, принадлежащих высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах города, округа, штата, а также активистов партий, деятелей местного масштаба» (Ашин Г.К. и др., 2001, с. 258).

Следует отметить, что альтиметрический или функциональный подход имеет ряд существенных недостатков, основным из которых является отсутствие четких критериев оценки социального статуса индивида, а также текучесть и аморфность самого понятия «элиты». С другой стороны, представляется возможным использование узкого подхода в процессе исследования элит, предполагающего включение в данную группу фиксированного количества лиц, принадлежащих к высшему эшелону власти, что помогает избежать подобных методологических трудностей (Ашин Г.К. и др., 1999, с. 123; 2001, с. 158).

В настоящее время в политологической науке также происходит становление когнитивной парадигмы, что во многом обусловлено критикой теории рационального выбора. Данный методологический подход направлен не столько на выделение элиты, сколько на изучение поведения агентов политических отношений. В рамках этой парадигмы была предложена новая модель поведения человека, суть которой в том, что «человек делает выбор не на основе просчитанной оптимальности решения, а на основе «удовлетворенности» тем или иным решением. Существенным здесь является переключение внимания с результатов выбора на процедуру выбора» (Голыгин Е.Н., 2007, с. 93).

В современной общественной науке представлен также синергетический подход, который позволяет рассматривать теорию элит не просто как политическую дисциплину, изучающую определенную страту в социальной системе, но, «основываясь на учении о системности бытия, опираясь на принципиально новый понятийный аппарат, ...дает возможность определить элиту как ключевой элемент, структурирующий социальное пространство» (Васильева Л.Н., 2005, с. 75).

Элита, с данной методологической позиции, рассматривается как «совокупность носителей наиболее значимых ценностей определенного человеческого сообщества, которые признаются членами этого сообщества личностями, обладающими наивысшей компетенцией в какой-либо одной или нескольких видах деятельности этого сообщества – культурной, религиозной, политической, социально-экономической» (Васильева Л.Н., 2005, с. 75). Лица, принадлежащие к равным социальным группам и выполняющие идентичные профессиональные функции в пределах каждой из этих групп, находятся не в одинаковом социальном положении с точки зрения элитного статуса. Такой статус уравнивает по значимости (с точки зрения общественного развития) обитателей и верхних, и нижних этажей социальной пирамиды, если они являются представителями элиты в рамках такого подхода.

Несмотря на достаточно продолжительное изучение феномена элиты в современном обществе, рассмотрение этого явления в кочевом социуме предпринималось редко, и только в последнее время подобная проблематика стала интересовать исследователей. Происходит развитие такого направления, как «социальная археология», в рамках которой исследователи выработали различные критерии выделения социальных групп, приемлемые для определения элиты общества. Методологические установки данного направления сводятся к тому, что «характер общественной орга-

низации кочевников отражается в масштабах и особенностях погребально-поминальной обрядности» (Генинг В.Ф., 1977, с. 54; Дашковский П.К., 2005а, с. 241). Главной составляющей реконструкции являются результаты изучения погребального обряда, зафиксированного археологически. Эти материалы служат основой для моделирования социальной структуры, так как в погребальном обряде отражена многосторонняя информация об обществе, а главное – о его социальной стратификации. В связи с этим необходима «археологическая фиксация хорошо выделяющихся погребальных комплексов эпохи бронзы, раннего железа и средневековья на большой территории степной полосы Евразии» (Тишкин А.А., 2005, с. 50).

Следует отметить, что консолидация элиты как отдельной группы в кочевом обществе происходит в раннескифское время, что находит свое отражение в «царских» курганах Тувы и Горного Алтая (Дашковский П.К., 2005а; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. и др., 2001; Аржан..., 2004; и др.). Этот факт свидетельствует о существенных социально-экономических и политических изменениях внутри социума номадов. С одной стороны, появление элиты стимулировало развитие искусства и ремесленной деятельности, способствовало распространению своеобразной кочевой моды (Дашковской П.К., 2005а, с. 241). С другой стороны, подобные объекты являются археологическим индикатором возникновения ранних кочевых политий, однако в большинстве случаев «материалы данной источниковой базы не позволяют определить конкретный уровень их развития» (Хазанов А.М., 2006, с. 478).

В последующие периоды происходит усложнение социальной структуры кочевников, образуются «кочевые империи», что влечет за собой дальнейшее укрепление позиций правящей элиты. Однако на археологическом материале прослеживается обратная противоположная тенденция: «царские» погребальные памятники мегалитического характера сменяются менее масштабными объектами, в некоторых случаях имеющими более сложные конструктивные элементы.

Объяснение данной тенденции возможно найти на мировоззренческом уровне. Следует отметить, что «для кочевников скифской эпохи евразийских степей характерна значительная степень мифологизации сознания» (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 244), что находит свое отражение и в семантике погребальной обрядности номадов. Как отмечают исследователи, основное назначение действий, совершаемых при погребальном обряде, заключается в создании модели универсума, посредством чего должен осуществиться трансцендентный переход душевной субстанции человека в загробный мир. В этом качестве курган адекватен космограмме, связанной с понятием мандалы (Дашковский П.К., 1996; 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 248). Вероятнее всего, смешивание религиозных традиций, а также религиозный синкретизм способствовали изменению мировоззренческих позиций кочевников, что нашло свое отражение в погребальном обряде кочевой знати.

Таким образом, особенности погребальной обрядности «царских» курганов являются в первую очередь следствием специфики религиозных представлений кочевников. Учитывая тот факт, что большая часть информации, заложенной в погребальном обряде, для нас недоступна, не следует отождествлять крупные археологические объекты с конкретной социальной группой. В такой ситуации представляется возможным определить имущественный, профессиональный статус конкретного лица, но утверждать наличие социальной группы, построенной на кратических (властных), а не на имущественных связях, которой является элита, достаточно сложно.

В настоящее время в проблеме выделения кочевой элиты возможно обозначить несколько подходов. В большинстве случаев в решении подобной проблемы исследователи исходят из факта наличия хорошо выделяющихся погребальных комплексов, которые маркируются как элитные (Акишев К.А., 1994; Дашковский П.К., 2005а; Массон В.М., 1994; Тишкин А.А., 2005; и др.). В данном случае логика построения социальной модели исходит от следствия (наличие погребальных памятников) к причине (социальные отношения). Тем не менее к проблеме выделения кочевой элиты представляется возможным применение и обратного алгоритма – от социальных отношений к погребальным памятникам.

Следует отметить некоторые методологические трудности в изучении кочевой элиты, связанные в первую очередь со спецификой самого понятия «элита». Изначально элита рассматривалась как необходимое следствие организации общества. Предполагалось, что «во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых» (Моска Г., 1994, с. 187). Исходя из этого принципа наличие элиты в обществе кочевников детерминировано наличием самой социальной организации.

Однако в настоящее время элита определяется как чисто функциональная группа, выполняющая необходимые для любого общества обязанности, она закрепляет за собой определенный статус, вырабатывает нормы поведения для лиц, входящих в нее, формирует свою субкультуру, отличающуюся от культуры масс, а также ограничивает себя от других, не привилегированных групп (Ашин Г.К., 1985, с. 84; Крушанов А.А., 2001, с. 684). Наличие таких специфических характеристик, как корпоративность и замкнутость, во многом усложняет или даже не представляет возможным выделение кочевой элиты. Это обусловлено тем, что общественные отношения кочевников не достигли необходимого уровня развития, при котором проявляются черты элитизма в его современном понимании.

Тем не менее данная проблема решается в рамках указанного выше синергетического подхода, в соответствии с которым элитный статус присваивается индивидам, имеющим наибольшие когнитивные способности в той или иной сфере деятельности, вне зависимости от их социально-профессионального статуса. Таким образом, эти теоретические разработки представляются наиболее применимыми к политическому анализу кочевого общества, разрешая тем самым возникшую проблему целесообразности подобного изучения.

Имеющиеся теоретические разработки по данной проблеме в области археологии основной задачей ставят перед собой выделение признаков, отражающих элитность погребального памятника как археологического объекта (Массон В.М., 1994, с. 3–4; Тишкин А.А., 2005, с. 50).

В работах, направленных на изучение социальной организации кочевников, понятие «элита» или не упоминается вообще (Васютин С.А., 2007; Данилов С.В., 2005; Худяков Ю.С., 1997), или затрагивается лишь вскользь, не останавливаясь на деталях (Васютин С.А., 2005б; Хазанов А.М., 2006). Лишь некоторые авторы раскрывают механизмы формирования и развития элиты, а также специфику взаимоотношений различных элитных групп в обществе кочевников (см., например: Дашковский П.К., 2005а; Савинов Д.Г., 2005).

Суммируя имеющиеся разработки в данной области, представляется возможным сформировать некоторые теоретические аспекты выделения элиты в обществе кочевников. Элита представляет собой определенную группу, которая характеризуется наличием корпоративных связей, внутри которой развиваются собственная культура и нормы поведения, отличающиеся от культуры масс. Данное обстоятельство необходимо учитывать в процессе выделения двойной и религиозной элиты кочевников, так как контингент лиц, составляющих эти группы, может не соответствовать приведенному требованию.

В рамках кочевой империи представляется возможным выделение этноса-элиты, а также «двойной» элиты, сформировавшейся в результате реализации системы социально-этнического подчинения (Савинов Д.Г., 2005, с. 32). В состав «двойной» элиты входят правители и знать подчиненных племен, наличие которых необходимо для осуществления управленческих функций на данной территории.

Этнос, имеющий элитный статус, также возможно разделить на конкретные элитные группы, такие как политическая, военная, религиозная, экономическая элита. Политическую элиту кочевого общества составляют аристократический род или несколько родов, ведущих свое происхождение от легендарного первопредка, что закрепляет за ними определенный социальный статус. Лидером политической элиты является правитель кочевого объединения, нередко заключающий в себе сакральные свойства. При этом его политический и мировоззренческий статус определялся нали-

чием харизмы (Скрынникова Т.Д., 1997б, с. 109–112). Также в состав политической элиты могли входить представители других этносов и культур, выполняющие роль советников при верховной ставке. Вообще круг лиц, входящих в политическую элиту, достаточно широк. В некоторых случаях представляется возможным выделить только политическую элиту, так как другие типы элит (военная, религиозная, экономическая) входят в ее состав.

1.2. Формирование категорий маркирующих признаков элиты в социальной структуре кочевых обществ

Для последовательного анализа элитных групп в кочевых социумах необходимо привлекать широкий круг источников, реконструировать систему кратических отношений, роли, функций элиты, механизмы ее воспроизводства и функционирования. Традиционно считается, что «характер общественной организации кочевников отражается в масштабах и особенностях погребально-поминальной обрядности» (Генинг В.Ф., 1977; Ольховский В.С., 1995; и др.). Для изучения социальной дифференциации по профессиональному или имущественному признаку данная методология, несомненно, является наиболее подходящей. Именно такой подход реализуется в большинстве исследований в области социальной археологии (см. обзор: Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009). В рамках обозначенной парадигмы ученые предлагают целый спектр признаков элитного погребального обряда (Зданович Д.Г., 1997; Тишкин А.А., 2005; и др.). К ним относятся: монументальность и сложность надмогильных конструкций (Галанина Л.К., 1994, с. 77); сложность внутримогильной конструкции (Кузьмин Н.Ю., 1994, с. 127); сопроводительные человеческие жертвоприношения (Миняев С.С., 1989, с. 116; Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2002, с. 110–111); большое количество сопроводительных захоронений жертвенных животных (Кукушкин И.А., 2004, с. 276); повышенное количество инвентаря, в котором отмечен вещевой комплекс «элиты», включающий в себя престижные вещи (оружие, упряжь), предметы роскоши, импортные и золотые изделия (Килуновская М.Е., 1994, с. 109); космологическая система организации сакрального пространства из кругов и квадратов (Марсадолов Л.С., 1989; Грязнов М.П., 1980); особая сложность и продолжительность погребального ритуала (Тишкин А.А., 2005, с. 50) и др.

Выявленные исследователями различные показатели отражают статус погребенного, но лишь в определенной, иногда весьма ограниченной форме. В большинстве своем они характеризуют сам погребальный памятник как археологический объект, являющийся элитным в сравнении с другими сооружениями. Это обстоятельство накладывает априорную ограниченность на археологические источники. Для разрешения сложившейся ситуации необходимо использовать комплексный подход, основанный на изучении как археологических, так и письменных источников. При этом особое внимание следует уделять анализу системы организации исследуемого общества, так как деление на элиту-массу не является имманентно социальной системе. Возникновение элиты характеризуется особым этапом развития социальных отношений, таких как формирование корпоративных связей, культуры, стиля жизни и др., многие из которых недоступны для слаборазвитых обществ.

Имеющиеся сегодня разработки в области исторического и социального развития кочевых обществ позволяют провести изучение признаков элиты кочевников, основанное на выделении наиболее характерных ее особенностей. В результате можно рассмотреть обозначенную проблематику в следующих аспектах.

1. Мировоззренческий аспект.

На уровне мировоззрения формируется представление о богоизбранности верховных правителей, а также о святости существующих социальных отношений. Царь (фараон, вождь и т.п.) рассматривался как гарант социального и мифологического порядка и гармонии как в земледельческих, так и в кочевых социумах (Скрынникова Т.Д., 1989, с. 67; и др.). Как показали исследования, начиная со скифо-сакского времени прослеживается традиция сакрализации правителя кочевого общества Центральной Азии (Васютин С.А., 2004; Дашковский П.К., 2005б; 2007а; 2011; Кляштор-

ный С.Г., 2003; Мейкшан И.А., 2007; Скрынникова Т.Д., 1997б; Угдыжеков С.А., 1997; и др.). Формирование генеалогических связей между правителем и божеством является важным элементом в механизме реализации власти, так как священность личности или отдельного рода определяет их неприкосновенность и уникальность.

В скифо-сакское время процесс сакрализации правителей проявлялся прежде всего в космологических воззрениях на правителя и в монументальности погребально-поминальных комплексов (Дашковский П.К., 2005б). С гунно-сарматского периода источники фиксируют особую сакральную титулатуру правителей. Так хуннуский шаньюй в официальных документах именовался «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный Великий шаньюй хунну» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 58; Сыма Цянь, 2002, с. 333, 336), посредством чего постулировалась идея его божественного происхождения. Демонстрация божественного происхождения правителей кочевников прослеживается и в эпоху средневековья. В орхонских текстах неоднократно подчеркивалась сакральность власти кагана – «небоподобный», «небом рожденный», «небом поставленный» (Малов С.Е., 1951, с. 33, 37, 39), а также ее неотделимость от небесного божества Тенгри (Войтов В.Е., 1996, с. 71–72; Кляшторный С.Г., 2003; и др.). Сакрализация тюркских каганов, как и всего рода Ашина, имела уровень государственного культа (Дашковский П.К., 2009а; Жумаганбетов Т.С., 2003), масштабность которого нашла отражение в мемориальных комплексах тюркской элиты (Войтов В.Е., 1996).

В монгольской империи сакрализация правителя приобретает более разработанную систему взаимоотношений хана и Неба. Основой иррационального статуса хагана является идея его божественного происхождения, общая для всех кочевых народов Центральной Азии. Возникает представление о «харизме» правителя, посредством которой осуществляется вся его деятельность, а также разрабатывается система взаимоотношений между Небом, как источником созидательной силы, и ханом, как проводником этой силы в общество и мир в целом (Скрынникова Т.Д., 1989, с. 69; 1997; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006). Однако наиболее ярко идея божественного происхождения власти средневековых монголов отразилась в процессе сакрализации Чингисхана и всего рода Чингизидов, проявлявшейся посредством установления каменных стел, храмов, принесением жертв, а также почитанием личных вещей Тэмучина (Викторова Л.Л., 1997, с. 24).

Как видно из приведенного материала, сакрализация правителей кочевых обществ берет начало в раннескифское время и логически развивается до эпохи монгольских завоеваний, оставаясь неотъемлемым элементом политической культуры скотоводов центральноазиатских степей. Идея божественного происхождения правящей династии в структуре мировоззрения кочевников создает определенные предпосылки для формирования элиты – это, в первую очередь, формирование группы лиц, связанных родственными отношениями в виде священного рода или клана, а также замкнутость данной группы в отношении «профанного» большинства. Наглядным подтверждением этому служит четкое разделение тюркского общества на «кара-бодун» (народ) и властную элиту, сохранившееся в текстах орхонских памятников (Васютин С.А., 2004, с. 99).

2. Функциональный аспект.

Одним из весьма важных вопросов элитологии является оценка роли элиты в развитии как отдельного общества, так и всего исторического процесса в целом. Определяя элиту как «ключевой элемент, структурирующий социальное пространство» (Васильева Л.Н., 2005, с. 75), исследователи признают исключительную необходимость ее функционирования для стабильного развития общества.

Системообразующие функции элиты возможно рассматривать на нескольких уровнях социального пространства – на макроуровне она определяет динамику изменений общественной системы, образуя «социальные циклы»; на микроуровне элита насаждает культуру, культивирует необходимые ценности и нормы в обществе, создает ситуацию конкурсного отбора наиболее приспособленных элементов для включения их в свою группу (рекрутирование элиты) и т.д. (Ашин Г.К., 1985, с. 43; Васильева Л.Н., 2005, с. 77).

В кочевом обществе элита также несет в себе организующие функции, действие которых возможно рассмотреть на двух представленных выше уровнях. На уровне империи элита в первую очередь создает необходимые условия для охранения своей власти, а также всей империи в целом. Правитель кочевого общества, являясь лидером политической элиты, в то же время не сосредоточивал в своих руках всю полноту власти. Как отмечает Н.Н. Крадин (2002, с. 73), правители кочевых империй являлись верховными военачальниками и обладали монополией на представление степной мультиполитии во внешнеполитических связях с другими странами и народами, в то время как во внутренних делах большинство политических решений принималось племенными вождями. Власть политического лидера в кочевом мире держится до тех пор, пока различные внутренние партии и социальные группы видят в ней определенную выгоду. В связи с этим Л.Н. Гумилёв (1967, с. 27–28) подчеркивал, что «покорность в степи понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы».

Важное место в кочевых обществах занимала родовая аристократия, которая далеко не всегда поддерживала кагана (хана и т.п.). Ее противовесом в данном случае могла выступать преданная правителю группа, состоящая из административного аппарата ставки и дружины, так как проявлять единовластие шаньюй, каган или хан могли лишь тогда, когда обладали достаточной военной силой (Давыдова А.В., 1975, с. 142). Именно данная группа лиц составляет элиту кочевого общества.

На индивидуальном уровне влияние элиты кочевников стимулировало развитие искусства и ремесленной деятельности, способствовало распространению своеобразной кочевой моды (Дашковской П.К., 2005а, с. 241). Будучи единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью, правитель кочевого общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи, создавая тем самым представление о «престижности» вещи, обладание которой демонстрирует высокий социальный уровень хозяина. Статус «престижности» предмета распространялся не только в среде, близкой к ставке правителя, но охватывал всю территорию кочевой мультиполитии. В связи с этим А.В. Харинский (2004, с. 113–114) отмечал, что «обладание предметами, имеющими отношение к господствующему в регионе этносу, отражало важное социальное и политическое значение для жителей дальней периферии Центрально-Азиатского региона. Оно подчеркивало их культурно-политическую ориентацию и имело важное символическое значение».

Отправление общегосударственных культов, имеющих первостепенную важность для стабильного развития общества, также входило в сферу деятельности правителя кочевого общества. Священнодействия, имеющие общеимперское значение, были у хунну, тюрков и монголов, являясь мощной централизующей силой как на социальном, так и на мировоззренческом уровне (Васютин С.А., 2004, с. 99; Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009, с. 287–312; Дашковский П.К., 2008б; 2009б; Мейкшан И.А., 2008а, с. 61; Скрынникова Т.Д., 1989, с. 74).

В кочевом обществе военная доблесть и мужество являлись основным критерием формирования статуса и положения кочевника (Крадин Н.Н., 1993; Худяков Ю.С., 1997) и в целом элиты. Еще Г. Моска (1994, с. 189) указывал на то обстоятельство, что в примитивных обществах, находящихся на ранней стадии развития, военная доблесть – это качество, которое быстро обеспечивает доступ в правящий или политический класс. Однако в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, ее можно считать нормальным явлением. И индивиды, проявляющие большие способности в военной области, легко добиваются превосходства над другими, при этом наиболее смелые становятся вождями.

Милитаризованный характер организации кочевых обществ требовал от своих членов в первую очередь военных успехов. Война являлась механизмом естественного отбора наиболее сильных, централизованных, дисциплинированных коллективов и выдающихся личностей, укреплявших свое положение и статус в ходе удачных военных действий. На основе данного принципа формируется дружина правителя, объединяющим принципом в которой было не знатное происхождение, а верность «вождю».

В результате военный предводитель с помощью преданной ему дружины мог соперничать за влияние с традиционной знатью и в конечном счете узурпировать власть. При этом вокруг него складывалась новая, служилая знать, становившаяся опорой в борьбе как с внешними, так и с внутренними противниками (Крадин Н.Н., 1993, с. 199). В данном случае можно говорить о противостоянии новой элиты и традиционной аристократической, отличающейся принципом формирования.

В контексте рассматриваемой проблемы важно обратить внимание не только на политическую и военную элиты, но также и на религиозную. В состав религиозной элиты в Тюркских и Кыргызском каганатах входил каган как сакрализованная персона, его клан и окружение, миссионеры, а также традиционные служители культа – шаманы, которые участвовали в наиболее значимых религиозных мероприятиях. Такой состав религиозной элиты стал формироваться в кочевых империях еще в гунно-сарматское время (Дашковский П.К., 2008б; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2011а). При этом следует отметить, что в повседневной жизни основной массы кочевников существенную роль по-прежнему играли главы семей и кланов, которые являлись носителями сакральных знаний, связанных с обрядами жизненного цикла, особенно погребально-поминального. Однако их деятельность по своей форме и содержанию не выходила за рамки небольшого родственного коллектива (Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009, с. 312).

Необходимо также подчеркнуть, что в эпоху средневековья на территории Центральной Азии распространенным явлением было формирование полиэтнических военно-политических образований кочевников (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Савинов Д.Г., 2005; и др.). В таких полициях, как правило, выделялась доминирующая этническая группа из числа завоевателей, которая представляет собой высшую элиту. С другой стороны, внутри кочевого политического объединения формируется и поддерживается местная элита, представители которой могут занимать прочные позиции в социальной иерархии (Тишкин А.А., 2005, с. 53).

Кроме того, исследователи отмечали, что сложение государств в эпоху раннего средневековья сопровождалось обычно сменой политической гегемонии отдельных племен при сохранении состава основного населения (Грач А.Д., 1966, с. 192). Борьба кыргызов с уйгурами является наглядным примером смены в регионе одного этноса-элиты на другой. Взаимоотношения между этносом-элитой и другими племенами, входящими в Кыргызский каганат, были различны: подарки, «подати», военная поддержка и др. (Савинов Д.Г., 2005, с. 36–37). Это обстоятельство позволяет говорить об определенной межэтнической иерархии в государстве кыргызов (Дашковский П.К., 2011 2015; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2012б).

Таким образом, признаками кочевой элиты в первую очередь является реализация функций, имеющих общеимперское значение, каналы использования которых недоступны для большинства кочевников. К ним следует отнести выполнение редистрибутивных и реципрокационных связей, дипломатические, регулирующие, религиозные функции, организацию охраны подвластных территорий, руководство набегами на соседние владения с целью получения добычи.

3. Культурный аспект.

Данный аспект включает в себя всё многообразие проявлений «элитной культуры», отраженной в погребально-поминальной обрядности, материальной культуре, этикете, моде и др. Наиболее выразительными объектами в этом случае являются «царские» погребальные и поминальные памятники Южной Сибири и Центральной Азии.

Кроме погребально-поминальных комплексов, маркирующими признаками элиты выступают престижные вещи, в первую очередь предметы импорта. Концентрируя в своих руках большую часть военной добычи, представители элиты отбирали наиболее ценные предметы, что выразительно демонстрируют курганы хуннских шаньюев (Крадин Н.Н., 1993, с. 199; Миняев С.С., 2009; Руденко С.И., 1962). Именно элита формирует представление о «престиже» той или иной вещи, что в свою очередь способствовало распространению своеобразной кочевой моды (Дашковской П.К., 2005а, с. 241). По мнению С.А. Васютина (2004, с. 97), созданию ореола престижности и успеха вокруг тюркских каганов во многом способствовала демонстрация богатства, особенно во время официальных мероприя-

тий и ритуалов. Владение богатством являлось важным фактором в формировании престижа правителя, так как наличие «бюджета» кочевого государства необходимо для реализации отношений престижной экономики и, следовательно, сохранения империи (Крадин Н.Н., 1993, с. 196–197).

Однако не только импортные вещи могли выступать в качестве признаков элитности погребения и принадлежности к группе «избранных» самого умершего. Важнейшим показателем социального статуса кочевника выступали характеристики костюмного комплекса, особенно пояс и головной убор (Добжанский В.Н., 1990; Яценко С.А., 2006; и др.). Функциональное назначение поясов был достаточно широкое: от утилитарной функции опоясывания и затягивания верхней одежды до символического «опоясывания» сакрального пространства. Как отмечают исследователи, с эпохи раннего железного века (VIII–VII вв. до н.э.) значительно повысилась символическая и ранговая роль мужских поясов. Пояс как таковой стал иметь достаточно высокую сакральную значимость – его изображения постоянно присутствуют на оленных камнях, которые, несомненно, имели культовое значение в раннескифский период (Богданов Е.С., 2006, с. 79).

Кроме символического, пояс имел важное социально-политическое значение, обозначая ранг владельца. Как отмечают А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков и Юй Су-Хуа (2004, с. 88), «вожди или цари скифских и сакских племен носили пояса, украшенные золотыми пряжками и бляхами». Вполне очевидно, что право на ношение «золотых поясов», украшенных изделиями из драгоценных металлов, имели представители кочевой элиты. Принимая во внимание находки из кургана Иссык, «золотой пояс» был важнейшим символом знатности и власти в обществе древних кочевников.

Таким образом, представленные теоретические принципы и исторические данные свидетельствуют о существовании в кочевых обществах такого института, как элита. Изучение данного явления в методическом аспекте должно включать определенную систему характеристик, которые возможно проследить как в археологических, так и в письменных источниках. При этом для эпохи поздней древности археологические материалы будут основным источником информации по данной проблеме, поскольку сведения письменных памятников либо отрывочны, либо совсем отсутствуют. Несколько иная ситуация будет складываться при изучении кочевых обществ раннего средневековья. Погребальный обряд вследствие усложнения религиозно-мифологической системы и трансформаций в социально-политической организации будет уже не так информативен в социальном аспекте, как в отношении предшествующих периодов.

В этой ситуации на первый план выдвигается изучение письменных источников, которые позволят на основе анализа конкретных событий проследить механизмы функционирования элитных групп. В то же время последнее утверждение не снимает значения социальной информативности погребального обряда. Очевидно, что с эпохи средневековья статусность погребенного, как и при жизни, подчеркивалась отдельными предметами (оружие, печать и др.) и элементами костюма (пояс, головной убор и др.). Причем не исключено, что такие вещи изготавливались из органического материала, что и обусловило их плохую сохранность в самих захоронениях, а это в свою очередь затрудняет проведение исследований в обозначенном направлении. Кроме того, погребения представителей отдельных элитных групп вообще могут быть не выявлены. В данном случае речь идет о религиозной элите, в процессе изучения которой уже обращалось внимание на обнаружение захоронений служителей культа (Дашковский П.К., 2005а; 2009б и др.).

В то же время, несмотря на обозначенные трудности, реализация теории элит в кочевниковедческих исследованиях, несомненно, имеет перспективы. Такое направление позволяет глубже понять механизмы образования и развития кочевых политий в контексте истории народов Центральной Азии и сопредельных территорий. В связи с этим важно также заметить, что в элитологии выделяют как минимум шесть типов формирования элит: европейский, мусульманский, дальневосточный, индийский (кастовый), примитивный и этнический (Волков С.В., 1999, с. 4).

Таким образом, в процессе применения комплексного подхода к вопросу изучения признаков кочевой элиты формируются несколько групп взаимосвязанных дефиниций, в конечном итоге характеризующих элиту с различных аспектов ее деятельности.

Мировоззренческий аспект

1. Сакрализация персоны правителя.
2. Разделение общества на «сакральную» и «профанную» группы населения.

Функциональный аспект

На политическом уровне

1. Отправление культов, имеющих общезначимый характер.
2. Мироустроительная функция, реализующаяся за счет связи правителя и божества.
3. Организация охраны территорий, а также руководство набегами на владение соседей с целью получения дефицитных продуктов.
4. Реализация редистрибутивных и реципрокационных связей.
5. Управление подвластными территориями (включая весь административный аппарат).

На индивидуальном уровне

1. Создание ситуации конкурсного отбора наилучших членов общества для реализации рекрутирования элиты.
2. Развитие «кочевой моды» и развитие представлений о «престижности» вещи.

Культурный аспект

1. Монументальность и сложность надмогильных конструкций.
2. Сложность внутримогильной конструкции.
3. Сопроводительные человеческие жертвоприношения.
4. Большое количество сопроводительных захоронений жертвенных животных.
5. Повышенное количество инвентаря, в котором отмечен вещевой комплекс «элиты», включающий в себя престижные вещи (оружие, упряжь), предметы роскоши, импортные и золотые изделия.
6. Космологическая система организации сакрального пространства из кругов и квадратов.
7. Особенная сложность и продолжительность погребального ритуала.

Данные признаки не являются исключительными – они присущи для многих социальных классов, однако максимальное их содержание в конкретной группе свидетельствует о ее элитном статусе. Таким образом, в процессе применения комплексного подхода к вопросу изучения признаков кочевой элиты формируются несколько групп взаимосвязанных дефиниций, в конечном итоге характеризующих элиту с различных аспектов ее деятельности. В процессе дальнейшего накопления материала возможен поиск других признаков, отражающих феномен кочевой элиты во всем его многообразии. Учитывая, что особенности социо- и политогенеза кочевников демонстрируют существенную специфику по сравнению с земледельческими обществами, можно полагать, что и процесс развития элиты был своеобразен. Это дает основание для выделения еще одного типа организации элиты – кочевого.

1.3. Аристократия, знать, элита в кочевом обществе: терминологический аспект

Реконструкция властных элементов в кочевых обществах требует от исследователя применения тех или иных дефиниций для обозначения группы лиц, выполняющих функции управления и обладающих кратическими полномочиями. Традиционно для этого применяются такие категории, как «знать» и «аристократия», однако в настоящее время в области социальной археологии всё чаще используется понятие «элита».

Вследствие наличия общих черт между данными определениями нередко происходит смешение и потеря их идентичности, что в свою очередь негативно отражается на результате исследования. Во избежание подобных ситуаций необходимо обозначить характерные черты для каждой из представленных выше категорий, определив их место и роль в общественной и политической системах кочевников Центральной Азии пазырыкского и хуннского времени.

В современной науке, в том числе в политологии и истории, далеко не всегда представлены различия между знатью, аристократией и элитой. Так, в энциклопедическом словаре представлено

следующее определение: «...аристократия – привилегированная знать. Применительно к политическим элитам современного общества термин «аристократия» употребляется в негативном смысле» (Политология, 1993, с. 27). Американский политолог Джерри Дэвид также отмечает, что аристократия – это «наследственная элита или класс знати» (Джери Д., Джери Дж., 2001, с. 37). Таким образом, констатируется тот факт, что далеко не всегда представляется возможным дать конкретные характеристики данным терминам, так как им часто задается идентичная смысловая нагрузка.

В то же время некоторые ученые указывают на то, что аристократия является не столько сословной стратой, сколько особой формой политической организации, при которой власть принадлежит привилегированным группам общества, внутри которых аккумулируется и ретранслируется моральные, этические и духовные ценности социума (Зубец О.П., 2000, с. 169–170; Тощенко Ж.Т., 1999, с. 71 и др.). Таким образом, анализируя имеющийся материал, представляется возможным разделить категории «знать», «аристократия», «элита», а также обозначить их отличительные черты.

Как отмечалось выше, аристократия представляет собой форму политической организации (Кредер А.А., 1998, с. 19), но в то же время отождествляется с привилегированным сословием, обладающим властными полномочиями в рамках данной политической системы (Тощенко Ж.Т., 1999, с. 71). К отличительным чертам аристократии можно отнести следующие: 1) родовое наследование. В аристократическую среду достаточно трудно попасть «извне», в силу замкнутости группы, однако для рожденных внутри нее, социальный статус сохраняется пожизненно, что определяет низкую социальную динамику аристократических родов. Именно данный фактор играет основную роль в процессе вырождения аристократии (Зубец О.П., 2000, с. 170); 2) ценностно-нормативная ориентация. Следует отметить, что представители аристократии всегда являли собой эстетический и этический идеал эпохи, тем самым сохраняя и передавая существующие нормы и традиции из поколения в поколение; 3) консерватизм взглядов и убеждений. Постепенно аристократия олицетворяется с классическим, а впоследствии с современным консерватизмом. Ее чертами становится защита традиционных устоев, убежденность в незыблемости ценностей, ориентация на эволюционное направление в развитии общества и отвержение революционных изменений (Тощенко Ж.Т., 1999, с. 71). Таким образом, перечисленные черты характеризуют аристократию как замкнутую, достаточно малочисленную группу, которая имеет властные полномочия, но обладает весьма низкой социальной динамикой, что отличает ее от знати и элиты общества.

Категория элиты достаточно схожа по своим характеристикам с аристократией, таким, например, как замкнутость группы, однако в отличие от последней элита является более динамичным элементом политической системы. Определяя элиту как «ключевой элемент, структурирующий социальное пространство» (Васильева Л.Н., 2005, с. 75), исследователи признают исключительную необходимость ее наличия и функционирования для стабильного развития общества. Общие идеи данного утверждения сводятся к тому, что: 1) исторический процесс и социальная динамика обусловливаются непрерывной сменой элит. Круговорот элит преподносится в качестве универсального закона истории; 2) утверждается, что неравенство является основой социальной жизни. Лица, обладающие большим влиянием и богатством, составляют высший слой общества – элиту; 3) за исходную точку построения социальной модели берется влияние и роль отдельного индивида (или группы индивидов) на развитие общества. Политическая власть рассматривается как базис социальных отношений, из которых наиболее значимыми являются отношения господства и подчинения (Ашин Г.К., 1985, с. 41–49; Ашин Г.К. и др., 1999, с. 30–38; Моска Г., 1994).

С позиции синергетического подхода, представители элиты рассматриваются как носители наиболее важных для общества ценностей и норм, обеспечивая тем самым их внедрение в массы. Обладая высоким уровнем когнитивных способностей, а также большой вариативностью поведения, элита способна в критической ситуации в кратчайшие сроки стабилизировать систему, ориентируя ее на оптимальный путь развития. В то же время элита, последовательно выбирающая стратегию развития по принципу «наименьшего сопротивления», выводит социум, к которому принадлежит, на тупиковый путь развития (Васильева Л.Н., 2005, с. 77–78).

Для объяснения социальной динамики В. Парето разрабатывает теорию «циркуляции элит», в которой утверждается, что 1) социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из равновесия она с течением времени возвращается к нему; 2) процесс колебания системы и прихода ее в исходное состояние равновесия составляет социальный цикл; 3) время перехода системы от одного социального цикла к другому зависит от характера циркуляции элит (Ашин Г.К., 1985, с. 42). В. Парето стремился представить исторический процесс в виде вечной циркуляции основных типов элит: «Элиты возникают из низших слоев общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются, уничтожаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории» (цит. по: Ашин Г.К., 1985, с. 43). Таким образом, элита, как лучшее меньшинство, является необходимым элементом социокультурной динамики: она ставит перед обществом конкретные цели и задачи для обеспечения благоприятного развития системы, а также создает необходимые условия для их реализации.

Таким образом, можно обозначить следующие характерные черты элиты: 1) элита является функциональной группой. Ее формирование и развитие непосредственно связано с существующей ситуацией, изменение которой влечет за собой смену или частичную замену существующей элиты; 2) высокая социальная активность. Обладая развитыми когнитивными способностями, представители элиты способны быстро реагировать на дестабилизацию социально-политической системы, в кратчайшие сроки ориентируя ее на оптимальный путь развития; 3) динамичность развития. Именно элита является первичным звеном ретрансляции инноваций в обществе, культивируя представление о престиже и моде, тем самым определяя уровень динамики всей социальной системы.

Понятие «знать» более обширное по своему содержанию, и обозначить его границы достаточно сложно. В научных исследованиях данный термин часто не употребляется обособленно, но рассматривается в сопряжении с другими близкими категориями. А.А. Кредер (1998, с. 19) указывает на то, что «аристократия... в широком смысле – это сама родовая знать». Таким образом, данная категория является более нарицательной, вбирая в себя характеристики правящего класса в широком смысле слова, подходящие как для определения аристократии, так и элиты социума.

Тем не менее исходя из анализа базовых элементов понятия «знать» возможно выделить отличительные черты данного феномена: 1) отсутствие внутренних дефиниций; 2) среднее звено государственного аппарата. Принадлежность к знати указывает на наличие кратических полномочий среднего порядка, а также определенное социальное положение. Вследствие этого знать занимает промежуточное значение между низшими слоями общества и его элитой; 3) открытость и высокая социальная мобильность. В отличие от аристократии и элиты, знать не представляет собой замкнутую группу, свободно включая в себя новые элементы. Наиболее способные индивиды в среде знати являются рекрутируемым потенциалом правящей элиты.

Таким образом, представленный обзор показал, что, несмотря на некоторые сложности в уточнении границ представленных выше терминов, представляется возможным обозначить их характерные черты, позволяющие в дальнейшем рассмотреть данные дефиниции на примере социально-политических систем кочевников Сибири и сопредельных районов Центральной Азии. Нужно отметить, что не следует рассматривать аристократию, элиту и знать в разрыве друг с другом, так как они взаимосвязаны многообразием внутренних и внешних отношений и их разделение во многом носит условный характер.

Имеющийся опыт изучения особенностей политической организации кочевых обществ Сибири и Центральной Азии эпохи поздней древности и раннего средневековья демонстрирует сложность общественных отношений, развитую систему «государственного аппарата», а также наличие определенных групп населения, занятых вопросами управления политикой кочевников (см. обзор: Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009; Крадин Н.Н., 1989, 2001в, 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; и др.). Данные разработки позволяют выделить категории «знать», «аристократия» и «элита» в социальной структуре скотоводов, обозначить их признаки, а также проанализировать деятельность этих групп по материалам письменных и археологических источников.

Рассмотрим сначала обозначенную проблематику в рамках носителей пазырыкской культуры Алтая. Изучению социальных групп пазырыкского общества по материалам курганных могильников посвящена обширная научная литература, в рамках которой представлены различные модели общественной дифференциации номадов (см. обзор: Грач А.Д., 1980; Марсадолов Л.С., 1997; Руденко С.И., 1953; Суразаков А.С., 1983; и др.). Исследователями, как правило, выделяются три категории памятников, каждая из которых в дальнейшем разделяется на отдельные подгруппы. Так, М.П. Грязнов классифицировал имеющиеся памятники на три основные группы: 1) бедные, принадлежащие основной массе населения; 2) более богатые; 3) огромные «царские» курганы (Марсадолов Л.С., 1997, с. 96). С.В. Киселёв (1951, с. 327–339) также выделял три категории курганов: рядовые, средние и огромные «курумы».

Подобное социальное разделение погребений также представлено в работах А.Д. Грача (1980, с. 46–48), где исследователь выделяет 1) царские курганы (Пазырык, Башадар, Туэкта); 2) погребения родовой дружинной аристократии (курганы с сопроводительными захоронениями коней); 3) погребения людей низших социальных групп, как правило, безынвентарные. Следует отметить, что трехчастное деление социальных рангов пазырыкских курганов вполне объективно.

Как отмечает Л.С. Марсадолов (1997, с. 97), «...классификации, подразделяющие все алтайские курганы эпохи древних кочевников на большие средние и малые, легко позволяют даже без раскопок отнести любой курган Алтая к той или иной социальной группе».

Тем не менее более детальный комплексный анализ характеристик погребений позволяет в каждой из трех обозначенных дефиниций выделить несколько подгрупп, каждая из которых будет обладать собственными отличительными чертами. Л.С. Марсадоловым (1997, с. 98–99) была предпринята дробная классификация социальных рангов пазырыкских курганов, где исследователь определяет девять позиций, заключенных в трехчастной системе: 1) большие курганы (I–II ранги) – погребения вождей племен (I ранг – Туэкта-1, Пазырык-2, Пазырык-3 и др.; II ранг – Башадар-2, Шибе, Катанда и др.); 2) средние курганы (III–IV ранг) – погребения представителей племенной знати (III ранг – Кутургунтас, Каракол-2, Ак-Алаха-3 и др.; IV ранг – Пазырык-6, Туэкта-7 и др.); 3) малые курганы (V–VIII ранг) – группы памятников основной части населения (Кок-су-1, курганы №31, 26; Юстыд-ХП, курган №4; Арагол, курган №5 и др.). В отдельный ранг исследователем отнесены погребения «зависимых людей» (IX ранг), произведенные либо внутри погребальной камеры племенных вождей (Пазырык-2, 5) или в заполнении могильной ямы (Башадар-10, Ак-Алаха-3, курган №1).

Таким образом, представленная выше социальная дифференциация пазырыкского общества, произведенная по материалам курганных памятников, позволяет достаточно четко обозначить категории элиты, аристократии и знати кочевников. Так, погребениями элиты являются курганы, относящиеся по представленной выше классификации к I–II рангам. Следует отметить, что изучение элиты пазырыкского общества проводилось в работах П.К. Дашковского (2005а, с. 241), где автор указывает на то, что «начиная с раннескифского периода у номадов стала формироваться властная элита». Анализ погребально-поминальной обрядности пазырыкской культуры и результаты палеосоциального моделирования (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003) позволяет говорить о наличии элитных групп в обществе кочевников. Властная элита представлена вождями племен с соответствующей аристократией, которая складывалась преимущественно по кровно-родственному принципу (Дашковский П.К., 2005а, с. 242).

Развитая социальная дифференциация «пазырыкцев», основанная на имущественной, ранговой, социальной, профессиональной и других категориях, создавала оптимальную ситуацию для формирования строгой иерархичности общества, что находит широкое отражение в материалах погребений. Для знати пазырыкского общества характерны памятники, отнесенные Л.С. Марсадоловым к III–IV рангам, менее масштабные, чем «царские» курганы, но более многочисленные. Таким образом, знать кочевников данного периода включала в себя родственников правителей, глав семей и кланов, составляя достаточно широкую социальную группу.

Аристократия как общественная дефиниция формировалась по кровно-родственным отношениям, ценностно-нормативная система которых не позволяла приток новых членов «со стороны». К числу аристократических родов следует отнести линидж правителя кочевой политики, а также некоторые другие рода, состоящие с ним в брачно-семейных связях. На материале курганных памятников данная группа маркируется в виде цепочки курганов, которая рассматривается исследователями как последовательное погребение членов одного рода (Шульга П.И., 1989; Кубарев Д.В., Шульга П.И., 2007, с. 49). Аристократия занимала лидирующее положение в обществе, сосредоточивая в своих руках политическую, военную, экономическую сферу жизнедеятельности кочевников.

Таким образом, в кочевой среде Южной Сибири и Центральной Азии в период поздней древности на примере пазырыкской культуры, опираясь на достаточно широкий фактический материал, представляется возможным разграничить категории элиты, аристократии и знати. Знать в данный период времени являлась достаточно широкой социальной группой, включавшей в себя «среднее звено» кочевого общества, и представлена широким набором археологических памятников. Элита «пазырыкцев» достаточно четко фиксируется по материалам «царских» курганов; она входит в категорию знати, однако в отличие от последней сохраняет замкнутость, тем не менее являясь открытой для рекрутирования.

Аристократия кочевников представлена в первую очередь правящим родом, который составляет «ядро» политической элиты, а также некоторых других родов, состоящих с правящим линиджем в брачных отношениях. В отличие от знати и элиты аристократия кочевников является практически замкнутой, воспроизводящейся за счет собственных ресурсов, социальной группой. Именно представители аристократии занимают ключевые позиции в аппарате управления кочевой политикой. На материалах погребальных памятников аристократия фиксируется по наличию ярко выраженных цепочек крупных курганов, которые возможно интерпретировать как родовой некрополь, масштабность погребальной обрядности которых указывает на принадлежность к высоким ступеням социальной иерархии.

Рассмотрим теперь дифференциации категорий «аристократия», «элита», «знать» на примере хунну Западного Забайкалья и Северной Монголии. Для хунну Центральной Азии характерно усложнение социально-политической системы и формирование первой в истории кочевых народов крупной политики – империи хунну (Крадин Н.Н., 2001а). Сам факт наличия подобного рода политической системы свидетельствует о высоком уровне социальной дифференциации номадов и формировании институтов управления, необходимых для обеспечения нормального функционирования «государства».

Усложнение социальной структуры общества сюнну опосредованно отразилось и в археологическом материале. Анализ хуннских захоронений показывает, что их можно разделить на несколько групп, значительно отличающихся друг от друга по степени сложности погребальных конструкций и богатству инвентаря (Давыдова А.В., 1978; 1982; Коновалов П.Б., 1976; 2008; Миняев С.С., 1989; 1998; 2009; Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2007а; Полосьмак Н.В. и др., 2006; 2008а; Руденко С.И., 1962; и др.). Данные группы памятников достаточно наглядно демонстрируют особенности социальной стратификации хуннского общества.

Как уже отмечалось, первая классификация могильников сюнну создана Ю.Д. Талько-Гринцевичем, которым было произведено обследование в конце XIX – начале XX в. большинства известных памятников сюнну в Забайкалье. Основываясь на характеристике внутримогильного сооружения, он разделил погребения на две группы: 1) погребения в листовенничных срубках. В данную категорию попало подавляющее большинство могил, для которых характерным внешним признаком было наличие курганной насыпи (Ильмовая падь, Бурдун); 2) погребения в листовенничных гробах. Данный тип памятников был обнаружен главным образом в Дэрестуйском могильнике, где внешние признаки могил либо вообще отсутствовали, либо были выражены небольшими каменными набросками (Давыдова А.В., 1978, с. 109–110).

Основа данного деления впоследствии была воспринята Г.П. Сосновским, который, дополнив ее фактическим материалом, обозначил первую группу памятников как суджинский тип, а вто-

рую – как дэрестуйский. Подобная классификация хуннских памятников прочно вошла в научный оборот, ограничив дальнейшие попытки создания какой-либо палеосоциологической модели по материалам могильников сюнну. Данное обстоятельство объясняется не только простотой и наглядностью данного разделения, но также и дефицитом раскопанных памятников, что не позволяет создать соответствующую социальную реконструкцию (Цэвэндорж Д., 1985, с. 53).

Имеющиеся опубликованные материалы раскопок хуннских погребений позволяют произвести их ранжирование в соответствии с социальным статусом умершего, что позволит выделить на основе археологического материала категории аристократии, элиты и знати сюнну. Следует отметить, что исходя из особенностей курганной конструкции можно выделить могилы с подквадратной в плане насыпью и дромосом, относящиеся к привилегированным слоям общества, а также крупные погребения с круглой насыпью, относящиеся к военно-дружинной группе кочевников (Доржсүрен Ц., 1962, с. 41)

Наиболее масштабные курганы хунну представлены погребениями в Ноин-Уле (курганы №6, 20, 24 и др.) (Руденко С.И., 1962; Полосьмак Н.В. и др., 2008а–б) и пади Царам (Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2007а–б). Характерными отличиями данной группы являются: 1) наличие мощной насыпи с ярко выраженным дромосом; 2) погребения в двойных срубах и гробе; 3) богатый сопроводительный инвентарь с обширным комплексом импортных вещей; 4) возможные человеческие жертвоприношения. Менее крупные курганные памятники хунну возможно разделить на две группы: 1) погребения с дромосом, внутримогильная конструкция представлена одним срубом, количество инвентаря небольшое, импортные вещи отсутствуют или достаточно малочисленны (Андреевский курган Ноин-Улы; Ноин-Ула, курган №46; Ильмовая падь, курган №54); 2) крупные погребения с округлой насыпью без дромоса, внутримогильная конструкция представлена гробом, помещенным в сруб, имеются погребения жертвенных животных, фиксируемых по наличию в могиле голов крупного рогатого скота (Ильмовая падь, Черемуховая падь, Дэрестуйский могильник).

Для элиты хуннского общества характерны памятники первой группы, представленные большими курганами с дромосом. Проведенные изучения элитных групп хунну показали, что абсолютным лидером в среде политической элиты являлся, несомненно, шаньюй. Кроме него, данным социальным статусом обладали все лица, входящие в правящий род Люанди – жены (яньчжи), сыновья (гуту), принцессы (цзюйцзы), младшие братья и другие родственники правителя, которые располагались в его ставке, составляя аппарат управления империей (Материалы..., 1973, с. 101; Мейкшан И.А., 2008а–б, с. 59; Крадин Н.Н., 2001а, с. 143).

Аристократия как социальная категория хуннского общества достаточно трудно фиксируется по материалам погребальных памятников, однако данные письменных источников позволяют с большой точностью реконструировать аристократические рода сюнну, к которым относятся собственно правящий род Люаньди, а также рода Хуань, Лань и Сюйбу (Крадин Н.Н., 2001а, с. 148), с которыми поддерживались брачные отношения (Сыма Цянь, 2002, с. 329). Аристократия закрепляла за собой посредством наследования наиболее важные административные и военные должности, создавая тем самым стабильную платформу управления империей, составляя ядро политической элиты.

Таким образом, из приведенного материала видно, что «элита», «знать» и «аристократия» являются хоть и смежными взаимопроникающими категориями, но тем не менее обладающими собственными характерными признаками. Для каждой из рассмотренных культур формируются свои отличительные особенности данных понятий, но тем не менее представляется возможным выделить маркирующие их признаки по археологическим материалам и данным письменных источников. Подобное определение терминологии позволит, с одной стороны, придать ясность палеосоциологическим реконструкциям, а с другой – показать многообразие общественных отношений кочевников.

Глава II

ЭЛИТЫ В ОБЩЕСТВАХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Проблематика элит, – скорее, предмет политической или социальной науки, где накоплен огромный теоретический и эмпирический опыт изучения данной социальной группы. Существует большое число теорий и еще большее количество конкретных исследований, посвященных современным и традиционным элитам. Применительно к обществам эпохи политогенеза данная проблематика разработана в меньшей степени. В частности, этот вопрос поднимался в контексте выделения элитных групп, связанных с теми или иными факторами властных отношений (Хазанов А.М., 1979; Mann M., 1986; Куббель Л.Е., 1988; Earle T., 1997; и др.).

Касательно обществ кочевников ставились различные вопросы: состав элиты в разных кочевых империях – у хунну (Pritzak O., 1954; Крадин Н.Н., 2002; Miller M., 2014; и др.) и в тюркских каганатах (Escedy H., 1972; 1977; и др.), инструменты и механизмы власти (Barfield T., 1981; 1992; Крадин Н.Н., 1996; 2007; Di Cosmo N., 2002), клановые и линиджные институты (Holmgren N., 1986a–b), идеология и харизма (Pritzak O., 1952; Golden P., 1982; Скрынникова Т.Д., 1997; и др.). Существует безграничная литература, посвященная раскопкам элитных курганов кочевников различных исторических периодов – кочевникам Монголии эпохи керексуров и плиточных могил (Honeychurch W., Wright J., Amartuvshin C., 2009; Hole J.-L. 2009 etc.), раннимномадам Южной Сибири (Руденко С.И., 1953; 1960; Грязнов М.П., 1950; 1980; Tschugunov K., Parzinger G., Nagler A., 2006), хунну (Руденко С.И., 1962; Коновалов П.Б., 2008; Miniaev S.S., Sakharovskaia L.M., 2006; 2007; Полосьмак Н.В. и др., 2011; Hyeung-won Yun, Eun-jeong Chang, 2011; Эрдэнэбаатар Д. и др., 2015; Эрэгзэн Г., Алдармунх П., 2015; и др.), тюркам и уйгурам (Очир А., Данилов С.В. и др., 2013; Очир А., Эрдэнэболд Л., 2013; Серегин Н.Н., 2013), киданям (Steinhardt N., 2003; Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., 2015) и другим народам. Наконец, пришло время подвести определенные итоги и обобщить опыт изучения элит обществ кочевников (см.: Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2013б).

В данной главе будут затронуты только некоторые аспекты этой поистине безграничной темы. Среди рассматриваемых вопросов – каналы власть и типы элитных групп в обществах кочевников; роль престижной экономики, символика статуса и престижа, циклы элит в кочевых империях.

Сразу следует сказать, что ключевой вопрос в теории лидерства и элит, которыми задавались многие исследователи, – как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво (Mann M., 1986; Feinman G., 1995; Earle T., 1997; Haas J., 2001; Flannery K., Marcus J., 2012). Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти – экономика, война и идеология. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами экономики и ресурсами, а также на доступе к перераспределению ресурсов. Т. Эрл (Earle T., 2002, с. 192–194) предлагает выделять основные финансы и финансы богатства. В первом случае имеется в виду контроль над реальными секторами экономики и их результатами – производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших престижно значимые для статуса товары (Brumfield E.M., Earle T., 1987), или о контроле над внешней торговлей (Saenz C., 1991).

Рассматривая властные отношения власти в кочевых обществах, обязательно необходимо учитывать особенности эволюции номадов в сравнении с их оседлыми соседями. Если в земледельческо-городском обществе основы власти покоились на управлении обществом, контроле и перераспределении прибавочного продукта, то в степном обществе данные факторы не могли обеспечить устойчивый фундамент власти. Прибавочный продукт скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать. Во-первых, специфика скотоводства предпо-

лагает рассеянный (дисперсный) образ существования. Концентрация больших стад животных в одном месте вела к перевыпасу, чрезмерному вытаптыванию травостоя, увеличению опасности распространения заразных заболеваний животных. Во-вторых, скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество определялось продуктивностью степного ландшафта. В отличие от материальных богатств, скот требовал постоянного ухода и обновления (воспроизводства). В-третьих, независимо от знатности скотовладельца все его стада могли быть уничтожены джудом, засухой или эпизоотией. Наконец, в-четвертых, значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке от него.

Роль элиты кочевых обществ во внутренней экономической жизни была в целом невелика. Здесь вся производственная деятельность осуществлялась внутри семейно-родственных и линиджных групп лишь при эпизодической необходимости трудовой кооперации сегментов подплеменного и племенного уровня (Bacon E., 1958; Krader L., 1963; Толыбеков С.Е., 1971; Марков Г.Е., 1976; Khazanov A.M., 1984; Масанов Н.Э., 1995; и др.). В силу всего этого власть предводителей степных обществ не могла развиваться до формализованного уровня на основе регулярного налогообложения скотоводов. Большинство скотоводов были хозяйственно самостоятельны и лично независимы. Степень влияния на них племенных предводителей и правителей вожеств была невысока. В кочевых обществах, не имевших в своем подчинении земледельческих территорий, обычным скотоводам приходилось компенсировать затраты вождей за отправление последними тех или иных общественных функций (рациональное перераспределение пастбищ и водных ресурсов; координация перекочевков; охрана кочевий от врагов, диких зверей и антиобщественных элементов; политические и торговые связи с иноэтничными группами и народами). Очевидно, что при этом верхушка степного общества имела более высокий статус и пользовалась некоторыми привилегиями, получала подношения, использовала общественные запасы – запретные пастбища, общественные стада и т.д. (Lattimore O., 1940; Хазанов А.М., 1975; Марков Г.Е., 1976; Irons W., 1979; Khazanov A.M., 1984; Fletcher 1986; Barfield T., 1992; Golden P.B., 1992; Крадин Н.Н., 1992; Голден П.Б., 1993; Масанов Н.Э., 1995; Salzman P., 2004; Honeychurch W., 2015; и др.).

Власть правителей крупных степных политий, как правило, основывалась, главным образом, на внешних источниках господства (Barfield T., 1981; 1992; Khazanov A.M., 1984; Fletcher J., 1986; Golden P.B., 1992; Крадин Н.Н., 1992; 2007; Голден П.Б., 1993; Васютин С.А., 2005б; и др.). Правители являлись верховными военачальниками кочевых империй и обладали монополией на представление степной мультиполитии во внешнеполитических связях с другими странами и народами. Это посредничество накладывало на них обязательство перераспределять «подарки», дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних шаньюи и каганы обладали гораздо меньшими полномочиями. Большинство политических решений принималось племенными вождями. Такая же двойственность обнаруживается в экономике любой кочевой империи. На примере империи Хунну Т. Барфилд (Barfield T., 1981, с. 52–57) подробно показал, как функционировал механизм степной имперской машины. Шаньюи использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен – членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине).

Из китайских «подарков» самую большую ценность представлял шелк. Он был включен в число так называемых *стратегических* товаров, которые не могли обмениваться на торговых рынках. Шелк можно было получить только в качестве «подарков» китайской администрации, в обмен на так называемую *дань*, преподносимую императору Поднебесной. В литературе данные отношения между Китаем и соседними народами, как правило, интерпретируют как особую форму международной торговли, хотя для обозначения этих отношений используется традиционная тенденциозная терминология древнекитайских источников («дань», «данническая торговля» и пр.).

Шелк также являлся важным маркером социального статуса. Традиционно символика статуса и власти может затрагивать широчайший спектр самых разнообразных материальных объектов

и сторон жизнедеятельности – одежду, прическу, украшения, вооружение, убранство коня, речь, поведение, пищу, предметы престижного потребления, специальные символы и знаки власти и статуса (Крадин Н.Н., 2004, с. 141–148). Однако, поскольку у кочевников накопление материальных богатств в значительной степени ограничено подвижным образом жизни, это обусловило, с одной стороны, наличие ярких, но, с другой – достаточно легких и транспортабельных маркеров высокого статуса. С давних времен в культурном мире степняков таковыми выступали лошадь, богато украшенный пояс, оружие, посуда из золота и серебра, парчовый халат и головной убор (Крамаровский М.Г., 2001; Доде З.В., 2005).

Шелк в такой ситуации был идеальным маркером социальных позиций. Отсюда понятно, почему расшитые золотом шелковые ткани так были популярны, в частности, у монгольских ханов. Они представляли собой предмет престижного потребления, и эти товары были важным ресурсом политической власти в обществе кочевников. «Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей багряницы», – с такой просьбой обращается правитель Турфанских уйгуров к Чингисхану (Козин С.А., 1941, §238). Впоследствии создание монгольской империи стимулировало развитие текстильного производства в Западной Азии и поступление тканей в Монголию и Китай. Т. Оллсон (Allsen T., 1997) полагает, что это было обусловлено давними традициями космологии и символами высокого статуса народов степи. «Богатые одеваются в золотые да в шелковые ткани, обшивают их перьями, мехами – собольими, горностаем, чернубурой лисицей, лисьими. Упряжь у них красивая, дорогая», – свидетельствует венецианский путешественник (Книга Марко Поло, 1956, с. 90).

Необходимо иметь в виду, что, поскольку речь идет о доиндустриальных обществах, в которых отношения между людьми выступают не в форме товарно-денежных, а личных связей, более правомерно было бы говорить о так называемых реципрокных (дарообменных) отношениях (подробнее см.: Мосс М., 1996; Салинз М., 1999; Годелье М., 2007; и др.). С точки зрения рациональных экономических отношений обмен «данью» и «подарками» был совершенно абсурден, поскольку ответные дары многократно превышали первоначальные подношения. Институты престижной экономики являлись механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племенных вождей племен, входивших в имперскую конфедерацию. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен по мере необходимости, шаньюй, хан или каган увеличивали свое политическое влияние и престиж «щедрого правителя» и одновременно как бы связывали получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, с одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а с другой – могли повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя степной империи дар, реципиент как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. Китайские источники эпохи династии Тан упоминали, что тюркские и уйгурские каганы раздавали подарки китайских императоров вождям племен, а военные трофеи – своему войску (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 298, 299, 314, 330). Рашид ад-Дин (1952б, с. 90) описывал молодого Чингисхана как типичного редистрибутора: «Этот царевич Тэмуджин снимает одетую (на себя) одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит, и отдает (ее). Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус». Однако массовыми раздачами занимался не только Чингис-хан (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 233), но и его ближайшие потомки, правившие империей до ее распада на независимые улусы: Угэдей (Рашид ад-Дин, 1960, с. 19, 41), Гуюк (Рашид ад-Дин, 1960, с. 119, 121; Плано Карпини 1957, с. 77), Мункэ (Рубрук Г., 1957, с. 146; Рашид ад-Дин, 1960, с. 142), Хулагуиды (Рашид ад-Дин, 1960, с. 67, 100, 190, 215–217), а также вожди и предводители многих кочевых обществ позднего средневековья и нового времени (Толыбеков С.Е., 1971, с. 121; Першиц А.И., 1994, с. 146; Хафизова К.Ш., 1995, с. 201–202; и др.).

Хорошо описаны редистрибутивные механизмы на примере ритуализированного обмена дарами между различными социальными стратами монгольского общества в Цинское время (с той только оговоркой, что монголы в этот период уже не являлись кочевой империей и не получали добычи от дистанционной эксплуатации Китая): «Низшее свободное сословие платило своему нойону чисто номинальную дань, что рассматривалось не столько как экономическое или политическое подчинение, сколько признание своего ‘младшего’ положения перед ‘старшим’ – ханом или нойоном, который принимал подношения и отдаривал младшего какими-либо вещами, скотом, иногда даже крепостными из своего хозяйства. Обмен дарами совершался, как правило, публично, на каком-либо массовом празднике типа Надома нескольких хошунов, и эта публичность в признании зависимого положения в значительной степени компенсировала материальную незначительность даров» (Жуковская Н.Л., 1988, с. 106).

Как правило, обмен подарками сопровождался проведением различных церемоний – пиршеств по тем или иным случаям, сезонных съездов элиты, религиозных ритуалов, свадебных и погребальных обрядов и др. Повторяемость ритуалов является одним из важнейших механизмов поддержания групповой идентичности и общей идеологии. С данной точки зрения следует отметить еще одну важную функцию правителей степных сообществ – выступать священным посредником между социумом и Небом (Тэнгри), что обеспечивало покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов, правитель степной политики олицетворял собой центр общества и в силу своих сакральных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение, поскольку одним из основных элементов идеологической системы архаических и традиционных обществ была вера в магические свойства сакрального правителя (Claessen H.J.M., 1978, с. 555–558; Куббель Л.Е., 1988; Скальник П., 1991; Скрынникова Т.Д., 1997б; Бондаренко Д.М., 1995; Сакрализация власти, 2005; и мн. др.). Подобный набор идеологических обязанностей был достаточно типичен для правителя традиционного общества. Сравнительно-историческое исследование 21 раннего государства, сделанное Х.Дж.М. Классеном (Claessen H.J.M., 1978, с. 556), показывает, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев он генеалогически был связан с богами; в 14 из 16 случаев он выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев правитель раннего государства имел статус верховного жреца.

Правитель степной империи, как правило, выполнял наиболее важные религиозные обряды, обеспечивая номадам покровительство со стороны сверхъестественных сил (Дашковский П.К., 2011). В официальных документах периода расцвета уже Хуннуской кочевой империи шаньюй именовался не иначе как «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 58; Материалы..., 1968, с. 45). Прослеживается прямая параллель именования правителя у древних хунну, тюрков и монголов: в китайской транскрипции чэнли гуду («сын неба») примерно соответствует древнетюркскому *tanrı qut(y)* («небопорожденный») и монгольскому *тэнгэрийн хүүд* («сыновья неба») (Панов В.А., 1916, с. 2, 33–40, 36–42; 1918, с. 23–24). Сходство фиксируется не только на языковом уровне. Для хунну, тюрков и монголов характерна близкая мифологическая система обоснования легитимности правителя степной империи. В соответствии с этой системой: 1) Небо и Земля избирают достойного претендента на престол; 2) Небо выбирает, а Земля порождает (т.е. переносит в мир людей) кандидата на трон, и, вероятно, они (совместно с Луной и Солнцем) защищают и помогают своему избраннику; 3) конечная цель этих деяний – обеспечить благоприятствование кочевникам (Golden P.B., 1982; Трепавлов В.В., 1993; Allsen T., 1996; Kürsat-Ahlers E., 1994; Скрынникова Т.Д., 1997а; и др.).

Для многих кочевых империй Евразии был характерен общий обряд инаугурации. В Тюркском каганате вожди поднимали претендента на войлоке и девять раз обносили по солнцу вокруг ханской юрты. После этого его сажали на оседланную лошадь и стягивали горло шелковой тканью, спрашивая при этом, сколько лет он собирается править ханством. Схожие элементы были зафик-

сированы в хазарском обряде коронации. «Когда хотят назначить этого хаkana, его приводят и душишат куском шелка, пока чуть не обрывается его дыхание, и говорят ему: сколько (лет) хочешь царствовать? Он отвечает: столько-то и столько-то лет». В той или иной степени подобные черты можно проследить в других крупных политиях евразийских кочевников. Систематизация данных показывает, что очередность данной процедуры включала следующие этапы: 1) шаманы назначали благоприятный для инаугурации день; 2) все присутствующие на церемонии снимали шапки и развязывали пояса – это открывало границы для проникновения сверхъестественных сил; 3–4) будущего хана просили занять место на престоле, он символически отказывался в пользу более старших родственников, но его «силой» усаживали на трон; 5) все допущенные на курултай приносили ему присягу; 6) правителя поднимали на войлоке и 7) заставляли поклясться Небу царствовать справедливо; 8) правителю совершали девятикратное поклонение; 9) по выходу из шатра все совершали трехкратное поклонение Солнцу (Golden P.B., 1982; Трепавлов В.В., 1993; Скрынникова Т.Д., 1997а).

Согласно представлениям того времени, считалось, что процветание социума зависит от данных качеств правителя, от его харизмы, от его умения обеспечить благорасположение со стороны Неба и других сверхъестественных сил. Это можно проиллюстрировать примерами из истории nomадных политий разных эпох, в частности, цитатой из «Алтан тобчи»: «Когда он (хаган. – Н.К.) там жил, то среди народа не было болезней, не было ни падежа скота, ни гололедицы, ни голода» (Лубсан Данзан, 1973, с. 271). В случае невыполнения правителем своих сакральных функций, если вдруг случался массовый джут, эпизоотия и гибель скота от болезни, то неудачливого вождя могли заменить или даже просто убить. Так, в 492 г. жужани отправились в поход на уйгуров двумя военными отрядами. Каган жужаней потерпел несколько поражений, а второй военачальник, его дядя, все сражения выиграл. Номады посчитали, что само Небо требует смены власти. Они убили кагана и возвели на престол его дядю (Материалы..., 1984, с. 278). Еще одно яркое свидетельство приведено в летописи «Цидань го чжи», повествующее, что у киданей V–IX вв., «...если племена страдали от бедствий и моровых болезней, а скот приходил в упадок, восемь племен собирались на совещание и выставляли знамя и барабан перед следующим дажэнем, меняя таким образом князя» (Е Лунли, 1979, с. 311). Однажды на шатер монгольского хана Ариг-буги – брата и противника Хубилая в борьбе за монгольский трон в XIII в. – налетел свирепый смерч. Шатер рухнул и поранил много человек. Многие номады посчитали это событие за божественное предзнаменование и откочевали от Ариг-буги (Рашид ад-Дин, 1960, с. 165).

Данные повествования являются классическим примером концепции традиционного господства М. Вебера, согласно которой оно (господство) базируется на убеждении в священном, непрекаемом характере традиций, нарушение которых ведет к тяжелым магико-религиозным последствиям. Вся человеческая деятельность в подобном социуме нацелена на воспроизводство общности, на обеспечение стабильного порядка, устраняющего хаос и нестабильность. Легитимность традиционного господства базируется на вере в наследственные способности правителей и жрецов взаимодействовать с потусторонними силами и обеспечивать с их стороны содействие своему народу (Weber M., 1922; Крадин Н.Н., 2004, с. 92–95).

Тем не менее идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их преодолении. Правитель кочевой империи не мог быть только «Сыном Бога», издали взирающим на копошащихся у его ног подданных, подобно египетским фараонам или китайским императорам. Поэтому божественного статуса было недостаточно для сохранения единства степной империи, правитель nomадного общества обязательно должен был обладать реальными талантами военного предводителя или же талантами организатора (отыскав способных полководцев), чтобы привести за собой nomадов к успеху на поле брани и обеспечить затем своих сподвижников богатствами оседлых народов.

Судя по данным источников, простые кочевники получали, в целом, весомую долю добычи (в войске Бату-хана, например, 40% от всех доходов (Тизенгаузен В., 1884, с. 188)). Разумеется, все

награбленное увезти с собой было нельзя. Источники, в частности, свидетельствуют, что у воинов Тимура, «которые с трудом находили необходимое пропитание», после походов в половецкую степь «скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения, идя назад, они не были в силах гнать их, а поэтому некоторых погнали, а некоторых оставляли» (Тизенгаузен В., 1941, с. 172). Часто пленники и рабы гибли от тяжелых условий перехода, повозки с награбленным имуществом приходилось бросать, спасаясь от погони. Однако нет оснований сомневаться, что в случае успешных походов результаты намного превосходили предполагаемые ожидания. «Обилие добычи и скота доходило до того, что пешие нукеры возвращались обратно с 10 и 20 головами лошадей, а одноконные – со 100 лошадьми и больше» (Тизенгаузен В., 1941, с. 118).

Для простых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободного скотовода существование, а для обедневших – достичь его. И именно рядовые номады нередко являлись зачинателями войн и грабительских набегов, оказывая при этом давление на своих вождей и ханов. Напротив, обеспеченные скотовладельцы, как свидетельствуют факты нового времени (впрочем, насколько указанная тенденция характерна для древности и средневековья – это еще вопрос), далеко не всегда предпочитали принимать участие в набеге и грабежах. Своего имущества у них хватало для безбедного существования, средства для вступления в брак своим сыновьям они могли предоставить и без военной добычи, а участие в походах и сражениях связано с известной долей риска (Калиновская К.П., Марков Г.Е., 1987, с. 62).

По этой причине в большинстве кочевых сообществ правитель был вынужден балансировать между аристократией и простыми номадами. Власть лидера нередко держится до тех пор, пока различные внутренние партии и большие социальные группы видят в ней для себя выгоду. В.В. Радлов (1893, с. 65) писал о кочевом хане, что «чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть и тем значительнее собирается вокруг него государство». Стоило перегнуть палку, как срабатывали механизмы обратной связи. «Покорность в степи, – заметил весьма метко в этой связи Л.Н. Гумилев (1967, с. 27–28), – понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы».

По этой причине было бы не совсем правильным считать, что возникновение кочевой империи представляло собой качественный скачок от племенного общества с сильными родовыми связями к военно-иерархической организации, в которой система традиционных кланово-линиджных связей была бы заменена личными иерархическими отношениями. На самом деле любая степная держава была в сущности «имперской конфедерацией» племен и/или вожеств, в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили, а сосуществовали и переплетались со сложной системой кланово-племенной генеалогии номадов (Скрынникова Т.Д., 1997а; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006).

Местные племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их реальная власть держалась на поддержке соплеменников и в известной степени была автономной от политики центра. Возможности влиять на племена со стороны наместников были ограничены. Следовательно, главная опасность единству империи находилась на уровне, связывающем подчиненные племена и имперских наместников. Данная ситуация осложнялась стремлением иноэтничных кочевых племен и других владений к политической независимости.

Вследствие этого любая кочевая империя, казавшаяся со стороны незыблемой иерархической пирамидой, на деле являлась, в известном смысле, достаточно хрупким механизмом. Теоретически ее правитель мог требовать от подданных беспрекословного подчинения и издавать любые приказы, однако в реальности его политическое могущество было ограничено рядом объективных обстоятельств: 1) хозяйственная самостоятельность делала племенных вождей потенциально независимыми от центра; 2) главные источники власти являлись достаточно нестабильными и находились

вне степного мира; они были связаны с организацией грабительских войн, перераспределением дани и других внешних субсидий, налаживанием торговли с земледельческими странами; 3) всеобщее вооружение ограничивало возможности политического давления сверху; 4) перед недовольными политикой центра племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства на юг или восстания.

Поскольку евразийский степной коридор на востоке упирается в Приамурскую тайгу и Маньчжурию, безопаснее было бежать на запад. Здесь степь тянется на многие тысячи километров, и можно откочевать так далеко, что затраты на любую карательную экспедицию будут неоправданны. Не случайно, все вынужденные «великие переселения» кочевых народов в истории Евразии (начало миграции хунну в Европу со II в.; отток жужаней в Венгрию в VI в., уход киданей с Елюем Даши в Восточный Туркестан в XII в., откочевка ойратов в Россию в XVII в.) происходили именно в данном направлении.

Исходя из вышеизложенного, политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в конфедерации обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а с другой – верховный хан и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Как можно было поддерживать вертикаль власти в подобном обществе? В отношениях с другими племенами верховный вождь или хан мог рассчитывать, в первую очередь, на поддержку своих родственников. Поэтому для сохранения единства, помимо редистрибуции военной добычи и подарков, правители кочевых империй использовали институт наместников из числа родственников и лично зависимых сподвижников. Подобная система, в частности, была прослежена на примере Хуннуской кочевой империи (Barfield T., 1981; Крадин Н.Н., 1996). В ней часть из высших в империи сановников, носивших титул «темника», была поставлена во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс. воинов. Данные лица должны были являться проводниками политики метрополии на местах. Точно так же были организованы другие кочевые империи Евразии. Система улусов существовала во всех мультиполитиях кочевников евразийских степей: у усуней (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 191), у европейских гуннов (Хазанов А.М., 1975, с. 190, 197), в Тюркском (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 270) и Уйгурском (Barfield T., 1992, с. 155) каганатах, в Монгольской империи (Владимирцов Б.Я., 1934, с. 98–110).

Кроме этого, во многих кочевых империях были специальные функционеры более низкого ранга, занимавшиеся поддержкой центральной власти в племенах. В империи Хунну такие лица назывались гудухоу (Pritsak O., 1954, p. 196–199; Крадин Н.Н., 1996, с. 77, 114–117). В Тюркском каганате существовали функционеры, посылаемые для контроля над племенными вождями (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 283). Тюрки также посылали своих наместников тутуков для контроля над зависимыми народами (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 77; Материалы..., 1984, с. 136, 156). Чингисхан после реформ 1206 г. приставил к своим родственникам для контроля специальных нойонов (Козин С.А., 1941, §243).

Еще один очень важный вопрос – это циклическая динамика элиты в империях номадов. Тематика циклов степных политий Внутренней Азии рассматривалась многими исследователями. Так, японский историк Дз. Тамура выделил два больших цикла в истории Северной Евразии: 1) цикл древних империй кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н.э. – IX в. н.э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; 2) цикл средневековых завоевательных династий, происшедших из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зон (X – начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Общества первого цикла взаимодействовали с Китаем на расстоянии, государства второго – завоевывали земледельческий Юг и создавали симбиотические государственные структуры с дуальной системой управления, оригинальными формами культуры и идеологии (Tamura J., 1956).

Л. Квантен предложил несколько иной принцип разграничения между древними и более поздними кочевниками. Империи раннего периода (хунну, сяньби, жужани) представляли, по его мнению, конфедерации племен, основанные на военном успехе и харизме предводителя. Империи переходного периода (тюрки и уйгуры) установили контроль над Шелковым путем, а кидани научились управлять смешанными оседло-кочевыми структурами. Поздний период приходится на время господства монголов. Создание империи Чингисхана было обусловлено сочетанием разнообразных факторов. Падение юаньской династии означало конец степного фактора мировой истории (Kwanten L., 1979).

Отчасти похожая точка зрения была сформулирована Н. Ди Космо. На основании способа получения доходов от внешнего мира он выделил четыре этапа в истории региона: 1) период даннических империй – от хунну до жужаней (209 г. до н.э. – 551 г. н.э.); 2) период торгово-даннических империй тюрков, хазар и уйгуров (551–907 гг.), когда номады научились получать доходы от внешнего обмена; 3) период дуально-административных империй (907–1259 гг.), когда номады научились завоевывать земледельческие цивилизации (кидани, чжурчжэни, монголы до Хубилая); 4) период зрелых империй (1260–1796 гг.), которые наряду с прочими способами эксплуатации использовали методы прямого налогообложения (монголы и их западноазиатские наследники, маньчжуры) (Di Cosmo N., 1999; Ди Космо Н., 2008). Красивая спираль степной истории была нарисована Н. Шираиси. Он рассматривает эволюцию кочевых империй в рамках спиральной эволюции от состояния раздробленности к фазе централизации и постепенной децентрализации. При этом каждый виток от хунну до монголов характеризуется все большим расширением дуги власти, максимально расширяясь в XIII в. (Шираиси Н., 2008).

Возможно, одна из самых очаровательных концепций периодизации степей Внутренней Азии принадлежит перу Т. Барфилда. По его мнению, можно установить синхронность процессов роста и упадка кочевых империй и аналогичных процессов в Китае. Кочевники не стремились к непосредственному завоеванию южного соседа, они предпочитали дистанционную эксплуатацию. Развал централизованной власти в Китае приводил к кризису степи и освобождал последних от давления как со стороны кочевников, так и со стороны китайцев. Освобожденные от внешнего прессинга, народы Маньчжурии создавали свои государственные образования и захватывали земледельческие области на юге. Такая циклическая структура политических связей между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока, по мнению Т. Барфилда (Barfield T., 1992, с. 8–16; Барфилд Т., 2002), повторялась трижды в течение двух тысяч лет: от хунну до жужаней, от тюрков до гибели Юань и от Мин до Синьхайской революции, которая прервала эту круговую эволюцию.

Данная точка зрения критиковалась отдельными исследователями за ряд фактических неточностей (Drompp M.R., 2005; Васютин С.А., 2010; Тишин В.В., 2015). Действительно, только хуннуско-ханьский цикл примерно совпадал, тогда как в дальнейшем же динамика взлетов–упадков китайских династий и степных империй шла в асинхронном ритме. В немалой степени это связано с тем, что Т. Барфилд, к сожалению, не учел такой важный внутренний фактор, как динамика численности элиты степной конфедерации. Впервые именно Ибн-Хальдун еще в XIV в. подметил, что династии, созданные кочевниками, живут не более трех-четырех поколений и от поколения к поколению они теряют способность к групповой консолидации (асабийя).

В процессе работы над книгой об имперской конфедерации Хунну автору этих строк удалось эмпирически установить факты перепроизводства элиты в хуннуском обществе. Они вписывались в три четкие цикла: соответственно 209–126, 126–60 гг. до н.э., 30 г. до н.э. – 48 г. н.э. Переход между первым и вторым циклами завершился относительно мирной сменой системы престолонаследия от брата к брату. Второй цикл завершился тридцатилетней гражданской войной. А последний, третий, цикл привел к окончательному распаду на Северную и Южную конфедерации хунну. Эти циклы почти точно совпали со структурно-демографическими циклами династии Хань (Крадин Н.Н., 1996).

Логически данный механизм должен был функционировать примерно следующим образом. Поскольку в имперских конфедерациях кочевников в среде элиты распространен полигамный брак, воспроизводство высших страт должно было осуществляться в геометрической прогрессии. Допустим, что некий правитель степного общества имел как минимум пять сыновей от главных жен. При таких темпах воспроизводства он должен был бы иметь 25 внуков и 125 правнуков! При этом если на детей приходилось в качестве наследства примерно по 20% совокупного ресурса политики, то уже на каждого из внуков – всего по 0,8%.

Разумеется, это идеальная модель: кто-то умирал в детстве, кто-то погибал в военных походах. Не все потомки имели право на наследование статуса, равного положению своего родителя (как правило, преемником мог быть старший сын от главной жены или его единокровные братья). Но в случае необходимости встречались попытки сделать исключение для других сыновей, например, для детей от молодых любимых жен. Однако, помимо детей от главной жены, были и другие сыновья, жены, дочери и зятья, а кроме них братья, племянники, дядья и пр., каждого из которых, в силу их происхождения, следовало наделить определенным количеством людей и скота. Возможности обеспечить всех достаточным количеством подчиненных людей и скота были резко ограничены экологическими пределами. Как правило, уже во втором поколении начиналась сильная конкуренция между представителями элиты, а более трех–четырёх поколений кочевые империи не переживали. Начиналась гражданская война, которая заканчивалась либо полным крахом, либо новым объединением после уничтожения всех конкурентов.

Поскольку эта особенность функционирования степных политий впервые была отмечена Ибн-Хальдуном (он, правда, писал об утрате асабийи), было предложено называть ее **законом Ибн-Хальдуна** (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006). Однако учитывая, что теоретическая значимость наблюдений Ибн-Хальдуна уже не раз стимулировала назвать то или иное заключение его именем, имеет смысл выделить несколько подобных законов. Описываемая здесь закономерность впоследствии получила солидное теоретическое обоснование. П. Турчиным (Turchin P., 2003, с. 38–40; 132–136, 212) была построена изящная математическая модель, в которой учтены такие показатели, как высокая скорость умножения элиты, доходы государства, снижение асабийи. А.В. Коротаев (2006) развил и углубил эти идеи, применив их к истории средневекового Египта.

Династические циклы степных империй Внутренней Азии

	Цикл, годы	Цикл, лет	Кол-во ханов	Кол-во поколений
Империя Хунну	209–126	83	3	3
	126–60	66	12	4.5
	30 BC – 48 AD	84	8	3
Жужаньский каганат	414–492	78	6	5
	492–552	60	4	4
Тюркский каганат 1	552–630	78	12	5
Тюркский каганат 2	682–740	58	6	3
Уйгурский каганат	742–795	53	7	5
	795–839	44	5	4
Империя Чингисхана	1206–1260	46	4	3

В таблице приводятся династические циклы степных империй Внутренней Азии. Особый интерес вызывает динамика циклов первой из кочевых империй Внутренней Азии – Хуннской. Таких циклов было три. Интересно, что второй и третий циклы хуннской элиты приходятся как раз на время распространения так называемых террасных элитных могил хунну. Термин «террасные могилы» был предложен У. Бросседер (Brosseder U., 2009) для обозначения элитных курганов хун-

ну с дромосом. Согласно радиоуглеродным датировкам их распространение приходится на I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Из этого следует, что на настоящий момент не известно ни одного элитного захоронения хунну, относящегося к периоду расцвета кочевой империи во времена шаньюя Модэ и его преемников. Исходя из вышеизложенного вполне логично связывать второй кризис перепроизводства хуннуской элиты с террасными погребениями.

В этой связи следует также отметить мнение А.А. Ковалева, согласно которому погребальная обрядность элиты раннего периода империи Хунну была другой. Он раскопал совместно с Д. Эрдэнэбаатаром одно погребение, которое может быть связано с высокостатусными группами ранних хунну (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.О., 2011). Имеет смысл также обратить более пристальное внимание на погребальную обрядность доимперских культур на территории Внутренней Монголии (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1983; У Энь, 1983; 1990; Pang Lin, 2011). Кроме того, следует иметь в виду, что в этот период шаньюй Хуханье находился под влиянием Китая и он явно мог заимствовать китайский церемониал.

Важно отметить, что в эпоху династии Хань китайский цикл почти полностью совпал с циклами хуннуской элиты. Однако впоследствии из-за разной продолжительности структурно-демографических циклов в Китае и циклов численности элиты степных конфедераций их такты часто не совпадали. Так кризис и гибель Второго Тюркского и Уйгурского каганатов пришлось на периоды стабильности в империи Тан. Однако все циклы империй монгольских степей вписывались в хронологические рамки 45–85 лет, что соответствовало трем–пяти поколениям (табл.).

Наибольшее количество фактов по численности семей элиты обеспечено источниками по истории монгольских ханств. В частности, известно, что у Чингисхана было около 500 жен и наложниц (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 68). Сын его единокровного брата Бельгутае Джауту имел 100 сыновей, за что получил шутовское прозвище «сотник» (Рашид ад-дин, 1952а, с. 57, 59). Бату имел 26 жен (Рубрук Г., 1957, с. 92). У Хубилая было 22 сына от четырех жен и еще 25 сыновей от наложниц (Книга Марко Поло, 1956, с. 104–105). Можно только представить, какое это было огромное потомство – наследники Потрясателя Вселенной! Уже во времена Джувейни так называемый золотой уруг (т.е. род) Чигисхана составлял порядка 20 тыс. человек (Juvaini, 1997, с. 43, 594). На курултае 1311 г. присутствовало 1400 чингизидов, имевших ханские титулы (Вернадский Г.В., 1997, с. 139).

Империя Чингисхана не прошла полный Ибн-Хальдуновский цикл, поскольку ее размеры были настолько велики, что ресурсов хватило на всех потомков основателя империи. Держава благополучно разделилась после смерти хагана Мунке (1259 г.) на отдельные части из-за невозможности управления такой огромной территорией. Уже во времена Угедея, чтобы проехать все владения чингизидов с запада на восток понадобился бы не один месяц. Когда умирал хаган, целостность империи оказывалась под угрозой. Начинался длительный период регентства, и власть оказывалась в руках кого-либо из близких родственников. Регентство длилось до тех пор, пока курултай не избирал нового правителя степной империи. Монгольская держава была настолько велика, что проходили долгие месяцы и годы, прежде чем удавалось собрать достаточный «кворум» из родственников, который был бы легитимен принимать подобные решения. Различные силы выдвигали своих кандидатов, но часто положение регентов давало им определенные преимущества (Fletcher J., 1986; Флетчер Дж., 2004).

Однако после деления империи перед всеми правителями улусов встала проблема обеспечения ресурсами представителей царствующей элиты. Так, в Китае монголы были изгнаны обратно в степь после одного столетнего цикла. Как писал Б.Я. Владимирцов (1934, с. 175): «Дело дошло до того, что давать в удел было уже нечего. Чингисханидов стало так много, что всем уже не хватало оттоков и аймаков в удел и владение. К концу XVII в. в разных местах монгольского мира появляются совсем мелкопоместные нояны, а затем младшие члены феодальных семей не получают уже в удел настоящих *albatu*, они должны удовлетворяться одними «домашними слугами», обычным кочевым достоянием, скотом, в первую очередь. Благодаря этому значительное число чингис-

ханидов оказывается в положении совершенно таком же, в каком были представители высшего класса *albatu*, т.е. табунаги, сайды и т.д.».

Возможно, только в Османской империи нашли решение задачи Ибн-Хальдуна. Там механизм наследования был институализирован таким образом, что круг естественных претендентов был сужен до одного кандидата. Участие других был шелковый шнурок или другие менее гуманные варианты снятия своей кандидатуры. Это несколько увеличило светские циклы Османского государства до 200–300 лет (Turchin P., Hall T., 2003, с. 54). В конечном счете, судьба кочевого общества зависела от того, насколько правитель степной державы был способен решить проблему перепроизводства элиты. Если это не удавалось, империя кочевников, как писал Ибн-Хальдун, редко переживала три–четыре поколения и оставалась обреченной на забвение, «подобно огню в светильнике, когда кончается масло».

Глава III

ЭЛИТАРНАЯ СУБКУЛЬТУРА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема формирования раннесарматской культуры решается уже около столетия (Ростовцев М.И., 1918) и имеет огромную историографию (библиография: Таиров А.Д., 2007). Сегодня все исследователи, кажется, согласны в том, что прародина раннесарматской культуры определяется в Южном Приуралье, в регионе, который включает районы Урало-Илекского междуречья, юго-восточного Башкортостана, западные районы Челябинской области. Сравнительно недавние раскопки памятников на территории Западного Казахстана (Курманкулов Ж. и др., 2002; Гуцалов С.Ю., 2004; 2010–2011; Сдыков М.Н., 2008) уверенно позволяют включить и этот регион в ареал формирования раннесарматской культуры.

При этом многие исследователи полагают, что в Южном Приуралье памятники раннего железного века, связанные с ранними кочевниками, в массе своей не могут быть датированы ранее второй половины VI в. до н.э. Исключения типа знаменитого Гумаровского кургана (Исмагилов Р.Б., 1987; Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б., 1999) только подтверждают это правило.

По данным С.Ю. Гуцалова (2004, с. 115), в Южном Приуралье насчитывается не более одиннадцати захоронений, которые можно более или менее уверенно датировать VII – первой половиной VI в. до н.э., а хорошо документированных памятников «переходного», по К.Ф. Смирнову (1964), типа (VIII–VII вв. до н.э.) нет вообще (Гуцалов С.Ю., Бисембаев А., 2005, с. 78). При этом, по мнению А.Д. Таирова (2007, с. 257, 279), в Южном Приуралье к VIII – первой половине VI в. до н.э. достаточно уверенно могут быть отнесены только четыре вводных погребения. Из всех погребений Южного Приуралья, датированных К.Ф. Смирновым (1964, с. 39–40) VI в. до н.э., к первой половине этого столетия можно более или менее уверенно отнести погребение в основной могиле 5 кургана №1 урочища Лопасина у с. Любимовка. Все остальные погребения датируются второй половиной столетия или его концом.

Следует признать, таким образом, что на «раннесакском» культурно-хронологическом горизонте степи Южного Приуралья оставались практически не заселенными. И прав С.Ю. Гуцалов (2004а, с. 115), утверждая, что ситуация здесь кардинально меняется только начиная со второй половины VI в. до н.э. Именно в это время в степях Южного Приуралья появляется довольно многочисленная группа захоронений, объединенных сходными признаками погребального обряда и типологическим составом сопровождающего инвентаря (Статистическая обработка..., 1994).

Создается впечатление о том, что в эпоху существования раннесакского горизонта степи Южного Приуралья были практически безлюдными на протяжении нескольких столетий после эпохи поздней бронзы.

В более или менее массовом порядке наиболее ранние памятники кочевников Южного Приуралья нигде не датируются ранее второй половины VI в. до н.э., но далее численность их нарастает и на упомянутых выше пространствах приуральской степи начинается процесс формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья¹.

3.1. Наиболее ранние погребения «савроматского» культурно-хронологического горизонта²

На территории Уральской области Казахстана к раннему периоду этого культурно-хронологического горизонта относится, очевидно, захоронение в могильнике *Илекшар* (рис. 1.-4) (курган №1, погребение 4) (Гуцалов С.Ю., 2009а; рис. 66, 67). В нем специфично надмогильное глиняное сооружение. Но некоторые признаки погребального обряда и типологический состав сопровождаю-

¹ О термине см.: Пшеничнюк А.Х., 1983; Яблонский Л.Т., 2010.

² Подробнее о культурно-хронологических горизонтах см.: Яблонский Л.Т., 2007а, 2011б; 2012; 2013а; Bashilov V.A., Yablonsky L.T., 1998.

щего инвентаря могут являться маркерами погребений элитарной группы данного культурно-хронологического горизонта. К ним относятся наличие деревянного подкурганного сооружения, захоронения взнузданных лошадей на поверхности древнего горизонта в пределах погребальной площадки, широкопрямоугольная могильная яма, углами ориентированная по сторонам света, наличие среди инвентаря предметов «ахеменидского круга» (Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т., 2012), бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел со сводчатой головкой, железный меч, железные пластинки панциря, подпружные пряжки, украшенные в зверином стиле (его относительно ранний вариант). Автор публикации приводит целый список синхронных памятников Южного Приуралья (в Западно-Казахстанской и Оренбургской областях), в которых видит аналогии илешарскому комплексу (Гуцалов С.Ю., 2009а, с. 76 и сл.). И это избавляет нас от необходимости приводить его вновь. Погребение сначала было датировано концом VI – серединой V в. до н.э. (Гуцалов С.Ю., 2009а, с. 75). Позже дата погребения была уточнена, в том числе стеклянным сосудом, в пределах первой половины V в. до н.э. (Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю., 2012а, с. 24–25). По мнению авторов раскопок, оно относится к «переходному» времени (Гуцалов С.Ю., Бисембаев, 2005, с. 78).

В Уральской области Казахстана к этому же периоду относится могильник Кырык-Оба-II (рис. 1.-6) (Курманкулов Ж. и др., 2002; Скифы..., 2007; Сдыков М.Н., 2008; Гуцалов С.Ю., 2010, 2011). В кургане №15 могильную яму окружал мощный глиняный вал. Прослежены следы деревянного перекрытия в виде сруба. Большая могильная яма четырехугольной формы имела длинный ступенчатый дромос, подходящий к ней с юго-востока (Гуцалов С.Ю., 2010, с. 52–54). Разнообразный инвентарь могильника (рис. 2) позволил автору датировать памятник в пределах конца VI – середины V в. до н.э. (Гуцалов С.Ю., 2010, с. 64).

С.Ю. Гуцалов (2011, с. 81, 93) трактует погребения могильника как захоронения знати. Примечательно, что именно в этом памятнике впервые для Южного Приуралья фиксируются деревянные перекрытия могил шатрового типа, в том числе сожженные и кольцевые валы вокруг могил, широкопрямоугольные могилы с дромосами, отходящими на юг, погребения на древнем горизонте, южная ориентировка погребенных. Автор предполагает, что именно здесь находился в то время центр южно-приуральских номадов (Гуцалов С.Ю., 2011, с. 95), я бы добавил – их элитарных родов. На территории Урало-Илекского водораздела, в Оренбургской области, перечисленные признаки погребального обряда еще проявятся, но относительно позже – в могильнике Филипповка-1 (см. далее).

Серия захоронений конца VI – V в. до н.э. была исследована также в могильнике Лебедевка-II в Западно-Казахстанской области (рис. 1.-7) (Скифы..., 2007; Гуцалов С.Ю., 2008). По данным С.Ю. Гуцалова, курганы содержали воинские захоронения в больших подпрямоугольных ямах, ограниченных двойными валами из «белой глины или известняка», квадратной или прямоугольной формы. В могилах совершали как индивидуальные, так и коллективные захоронения. Покойники располагались на спине. В индивидуальных погребениях – головой на запад, а в коллективных – ортогонально. Могильные ямы перекрывали накатом, лежавшим на поперечной балке и покрытым берестой или корой сосны. Характером сопровождающего инвентаря (рис. 3) автор датирует все курганы в пределах V в. до н.э. (Гуцалов С.Ю., 2008, с. 39).

Синхронные курганы есть и в левобережье Илека, на территории Оренбургской области. В 1911 г. И.А. Кастанье доследовал ограбленные местными крестьянами курганы в бывшем Уральском уезде. В отчете о раскопках (Кастанье И.А., 1913) не приводятся точные сведения о местонахождении этих курганов. Но там упоминается, что курганы находятся близ с. Покровка на возвышенности левого берега Большой Хобды, у ее слияния с р. Илек (Кастанье И.А., 1913, с. 72–83). В этом районе и ныне расположено упоминаемое И.А. Кастанье село Покровка, а в 5 км к востоку от него на левом берегу Хобды (современное название притока Илека) находится единственная хорошо выраженная возвышенность. Ее северный склон, спускающийся к реке, занимали курганы эпохи бронзы – могильник Покровка-9, а на гривке располагался курганный могильник Покровка-2 (Яблонский Л.Т., 1993). Он насчитывал 27 насыпей. На самой высокой точке возвышенности находились рядом два самых больших кургана (№1 и 2). К началу археологических разведок в 1991 г. обе насыпи были еще хорошо видны прямо из деревни.

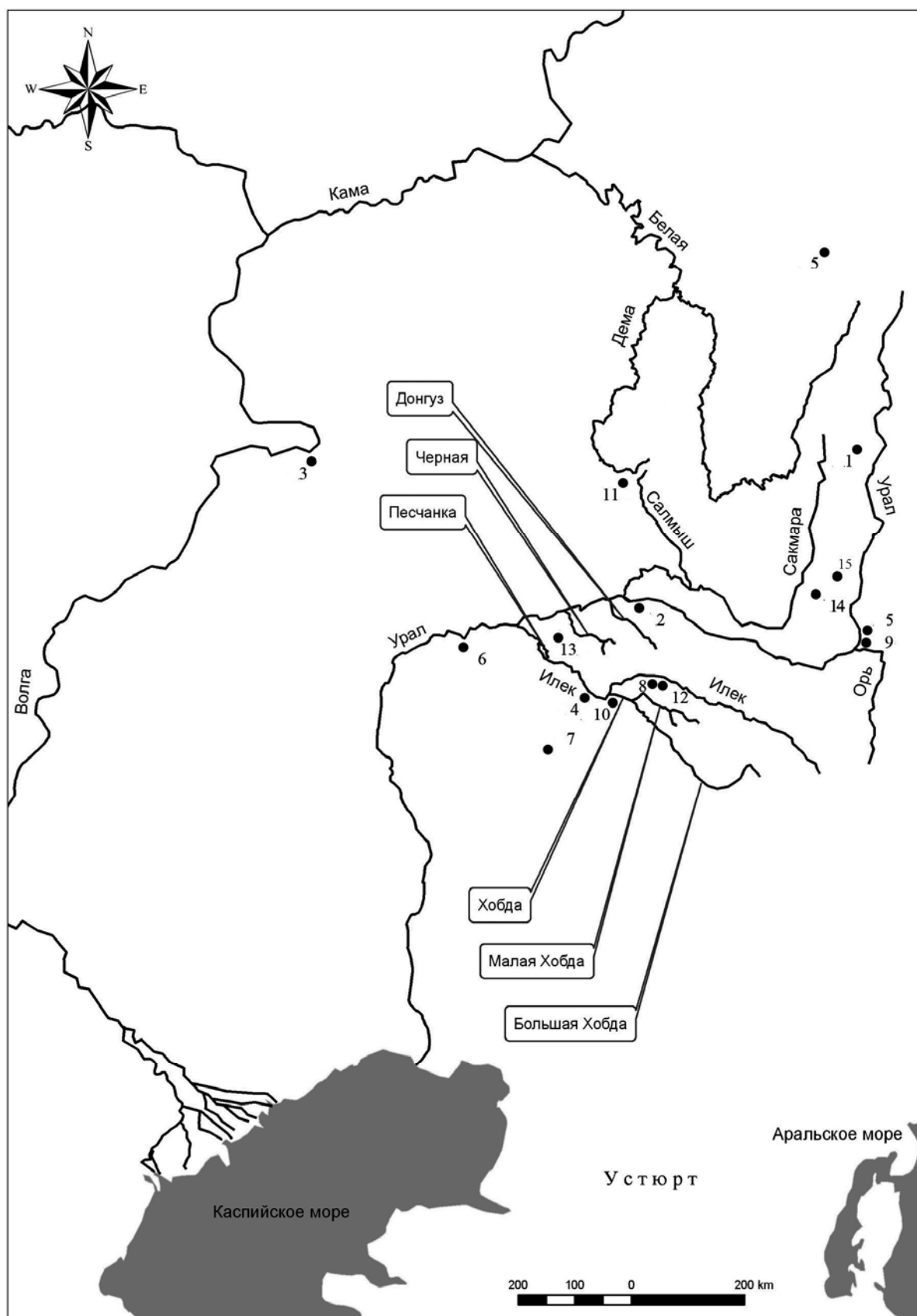

Рис. 1. Карта-схема Южного Приуралья с археологическими памятниками савроматского культурно-хронологического горизонта: 1 – Альмухаметовский; 2 – Бердянка; 3 – Березки; 4 – Илекшар; 5 – Красноуральский; 6 – Кырык-Оба-II; 7 – Лебедевка; 8 – Мечетсай; 9 – Ново-Кумакский; 10 – Покровка; 11 – Прохоровка; 12 – Пятимары; 13 – Филипповка-1; 14 – Яковлевка; 15 – Переволочаны (по: Влияния..., 2012, рис. 73)

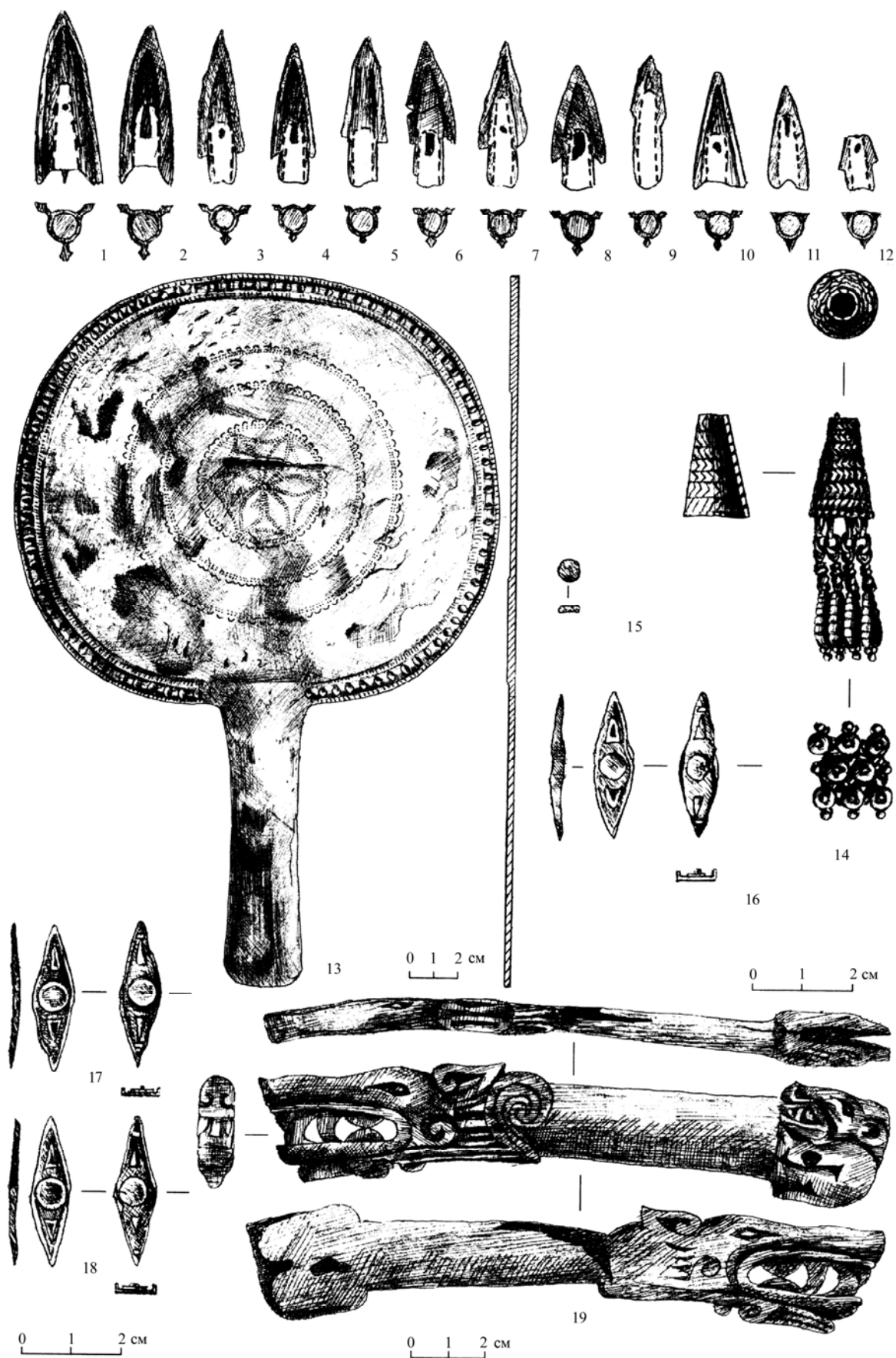

Рис. 2. Могильник Кырык-Оба-II. Инвентарь (по: Гуцалов С.Ю., 2010)

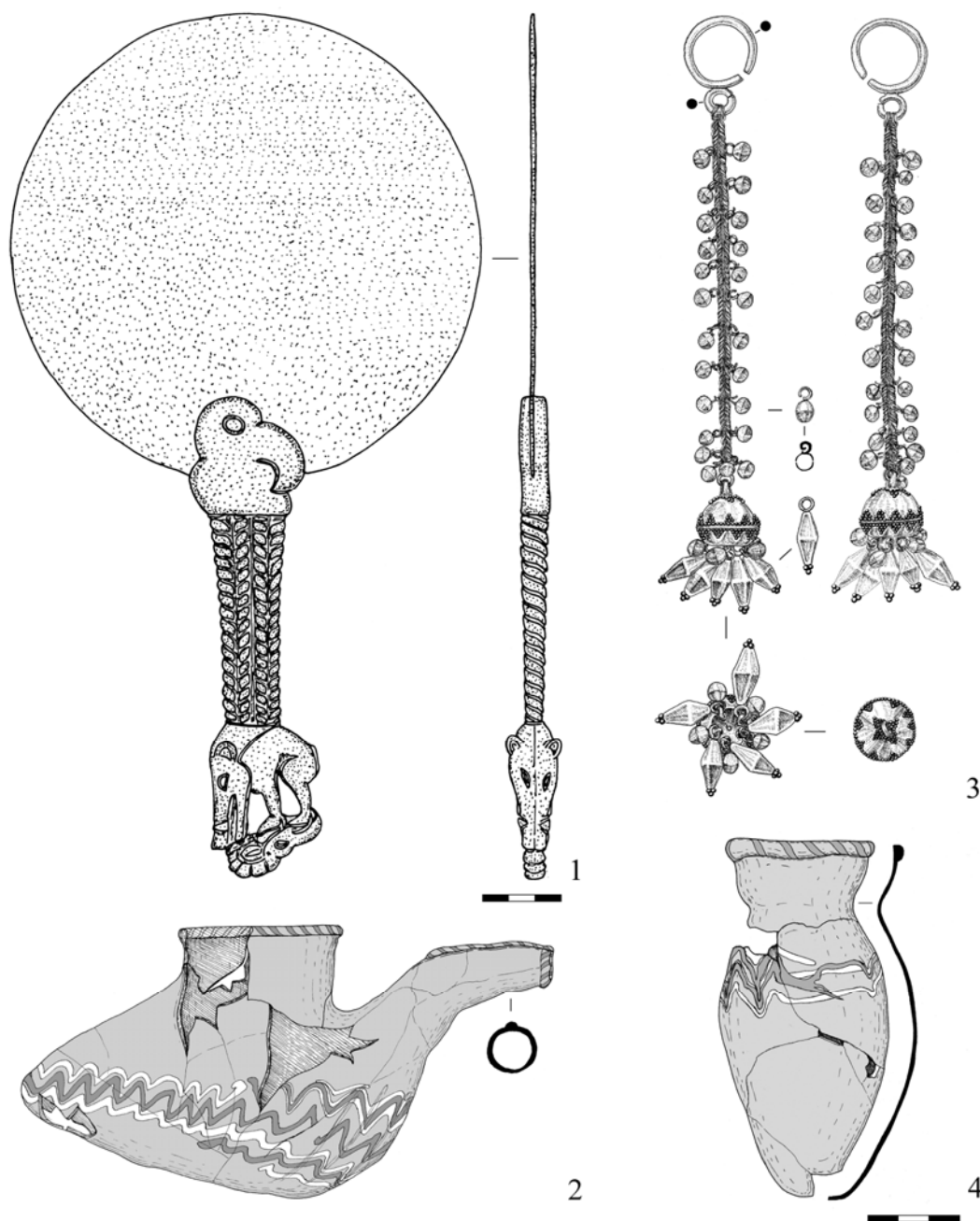

Рис. 3. Могилиник Лебедевка-II (курган №6, центральное погребение). Инвентарь: 1 – зеркало; 2 – ритон; 3 – серьги; 4 – сосуд (1 – бронза; остальное – стекло) (по: Влияния..., 2012, рис. 26)

Насыпь кургана №2 имела в диаметре около 43 м, а ее высота над уровнем современной дневной поверхности достигала 2 м. В самом центре насыпи располагалось воронкообразное углубление диаметром до 7 м и глубиной до 80 см от поверхности насыпи. Раскопки кургана проводились под руководством Н.Л. Моргуновой и Т.Н. Трунаевой (1993). В профилях насыпи фиксировались следы поздних перекопов. Центральная могила по форме в плане приближалась к овалу с размерами 9,5×8 м и длинной осью была направлена широтно. В заполнении ямы прослеживался «лаз» размерами 6×4 м. В заполнении встречались кости современных животных, а также железные гвозди и петли, обрывки шнура и остатки крепежных досок. Авторы публикации датировали эти находки 30–50 гг. XX столетия и отнесли их к грабителям (Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с. 16). Нельзя исключить однако, что эти вещи имели отношение к раскопкам И.А. Кастанье 1911 г. Истинное дно ямы имело размеры 465×510 см, и ориентировано оно было длинной осью

меридионально. Глубина могилы – 314 см от поверхности материка–?¹. У южного борта ямы, под слоем коры были найдены кости скелета лошади и предметы конской упряжи, в том числе железные предметы, покрытые золотой фольгой (Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с. 16). По мнению авторов раскопок, это погребение датируется в пределах конца VI – V в. до н.э. Два впускных в насыпь захоронения были датированы наконечниками стрел V в. до н.э. (рис. 4). Они не были потревожены.

Насыпь кургана №1 по форме в плане приближалась к овалу с тотальными размерами 66×54 м. Раскопки кургана проводились под руководством Л.Т. Яблонского и В.Л. Егорова (Веддер Дж. и др., 1993). «Грабительский» вкоп в центре насыпи имел в плане форму прямоугольника с размерами 10×5 м. Наибольшая высота сохранившейся насыпи – 2,5 м от уровня современной дневной поверхности. Под насыпью была расчищена погребальная площадка, с выстланной камышом поверхностью. В центральной части площадки камыш был подожжен. Мощность камышового слоя достигала 25 см. Бревна деревянной конструкции, сооруженной на поверхности древнего горизонта, перекрывали слой камыша и лежали радиально. Они были уложены не менее чем в пять слоев. Их внешние концы покоились на поверхности древнего горизонта, а внутренние были приподняты, опираясь на подсыпку, которая состояла из рыхлой коричневой супеси, перемешанной с интенсивными продуктами горения дерева и камыша. С севера к деревянному сооружению примыкал полукольцевой вал. В центральной части погребальной площадки на поверхности древнего горизонта была найдена бронзовая литая жаровня (?) с двумя петлевидными ручками.

У подножия юго-восточного сектора насыпи были расчищены плотные скопления костей лошади и конские черепа (14 единиц), уложенные в ряд, иногда в анатомическом сочленении с нижними челюстями (головы). Они лежали за пределами насыпи на поверхности погребенной почвы и были перекрыты естественными отложениями и слоем распахки. В толще насыпи было зафиксировано десять ям. Все они начинались с поверхности насыпи, имели разные формы и размеры и заглублялись в толщу материка на глубину от нескольких сантиметров до 97 см. Заполнение всех ям рыхлое, состоящее из коричневой супеси, перемешанной с продуктами горения. Никаких находок ямы не содержали, и их следует рассматривать, очевидно, как грабительские шурфы начала XX в. Две из этих ям, расположенные вблизи центральной части насыпи, выделяются правильными прямоугольными контурами, значительной глубиной (до 97 см) и относительно большими размерами – 140×75 см.

Находки из курганов у с. Покровка раскопок 1911 г. включают халцедоновую печать ахеменидского типа в золотой оправе, клык в золотой оправе, украшенный зернью, третичную раковину в золотой оправе с петлей для подвешивания, бляшки овальной формы с изображением композиции из двух вывернутых голов грифонов на длинных шеях, золотую бляшку квадратной формы с розеткой с четырьмя цветками лотоса по углам, золотые бляшки в форме головок льва с двумя петельками сзади, золотые пронизи в форме головок волка с отверстиями для нашивания или продевания шнура, золотые обоймы от деревянного сосуда в виде стилизованных фигур птиц, золотые и стеклянные бусы, другие находки (рис. 4)².

Предметы были впервые проанализированы и опубликованы М.И. Ростовцевым (1918, с. 19–22), который датировал их сначала VI–V вв. до н.э. Позже он передатировал их V в. до н.э. (Rostovtzeff M.I., 1922, p. 124). С такой датой согласились П. Рау (Rau P., 1929, s. 46), Б.Н. Граков (Grakov B.N., 1928, p. 60) и К.Ф. Смирнов (1964, с. 47, 52). В настоящее время дата комплекса устанавливается в пределах первой половины V в. до н.э. (Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т., 2012, с. 54). Этим же временем по находке бронзовой жаровни предположительно может быть датирован и курган №1 могильника Покровка-2. Датировке не противоречит и находка здесь характерного

¹ У авторов раскопок – «от поверхности горизонта» (Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с. 16).

² Вся коллекция И.А. Кастанье из Покровки хранится сейчас в Центральном государственном музее Республики Казахстан. Приношу глубокую благодарность директору музея Н. Алимбаю за возможность ознакомиться с коллекцией из Покровки.

бронзового наконечника стрелы (Веддер Дж. и др., 1993, рис. 24.-1). Остатки разрушенного погребения 2 в этом кургане, найденные на поверхности древнего горизонта, содержали кости лошади (Веддер Дж. и др., 1993, с. 24, рис. 23). Это также один из маркеров данного культурно-хронологического горизонта. Курганы №1 и 2 могильника Покровка-2, видимо, синхронизируются.

Составом сопровождающего инвентаря в могильнике выделяется погребение 2 в кургане №3 могильника Покровка-2 (центральное захоронение в нем было полностью ограблено в древности). Среди находок в погребении пожилой женщины найдены золотые нашивные бляшки (рис. 5.-4, 5), серебряное зеркало (рис. 5.-1), каменный жертвенник (рис. 5.-6), характерные конусовидные золотые височные подвески (рис. 5.-2, 3) (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с. 33–35; Davis-Kimball J., Yablonsky L., 1995–1996, р. 6–7, 13. Pl. 3). Находками погребение может быть датировано второй половиной VI – V в. до н.э. К этой дате независимо от нас пришли и исследователи звериного стиля из данного погребения (Переводчикова Е.В., Таиров А.Д., 2010, рис. 7)¹.

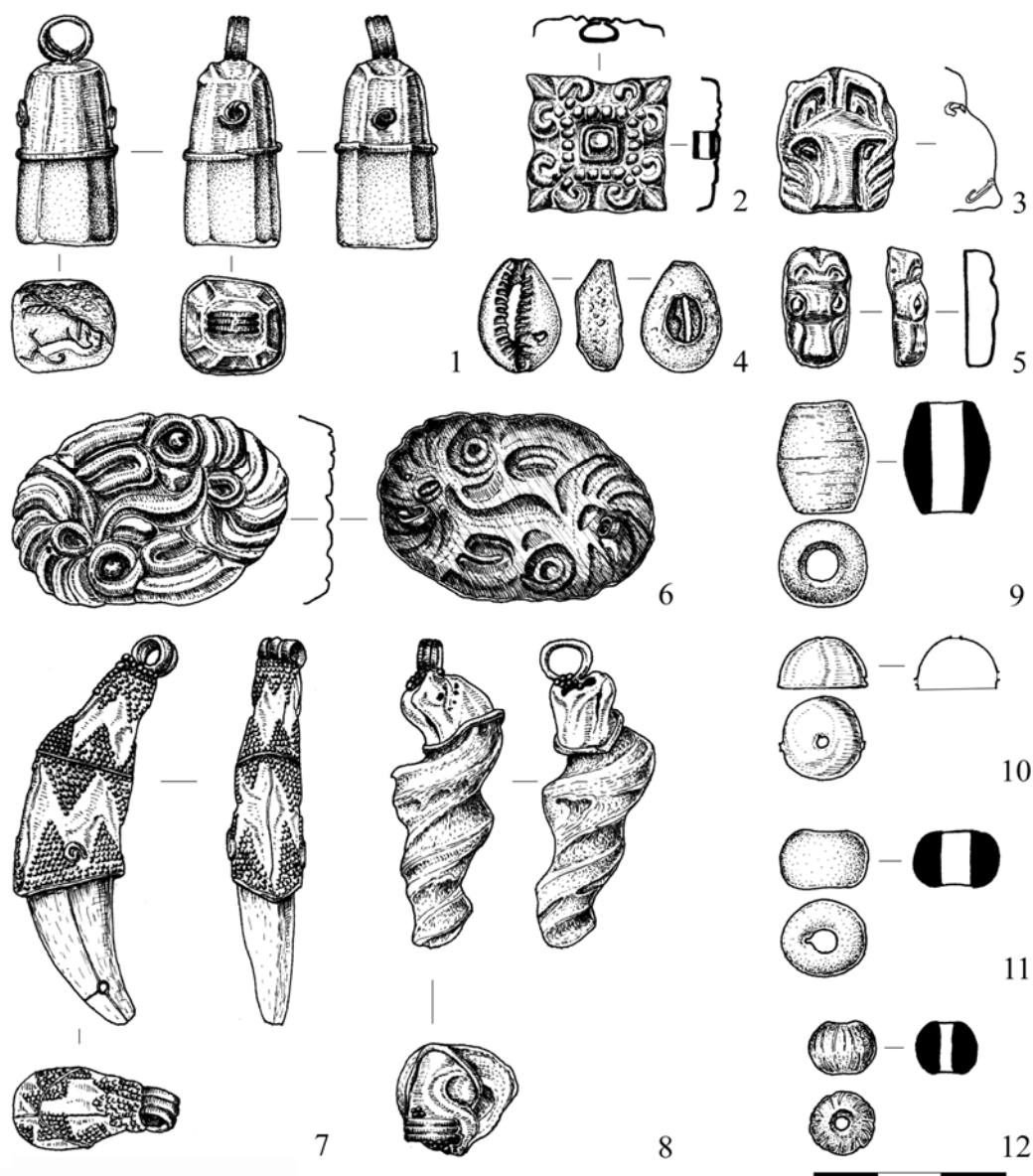

Рис. 4. Могильник Покровка-2. Инвентарь.
Раскопки И.А. Кастанье, 1911 г. (по: Влияния..., 2012, рис. 80)

¹ На рисунке 7 нашивка из погребения 2 кургана №3 Покровки-2 ошибочно помещена под №4. Предмет, отмеченный в подрисуночной подписи под №34, никакого отношения к могильнику Покровка-2 на самом деле не имеет.

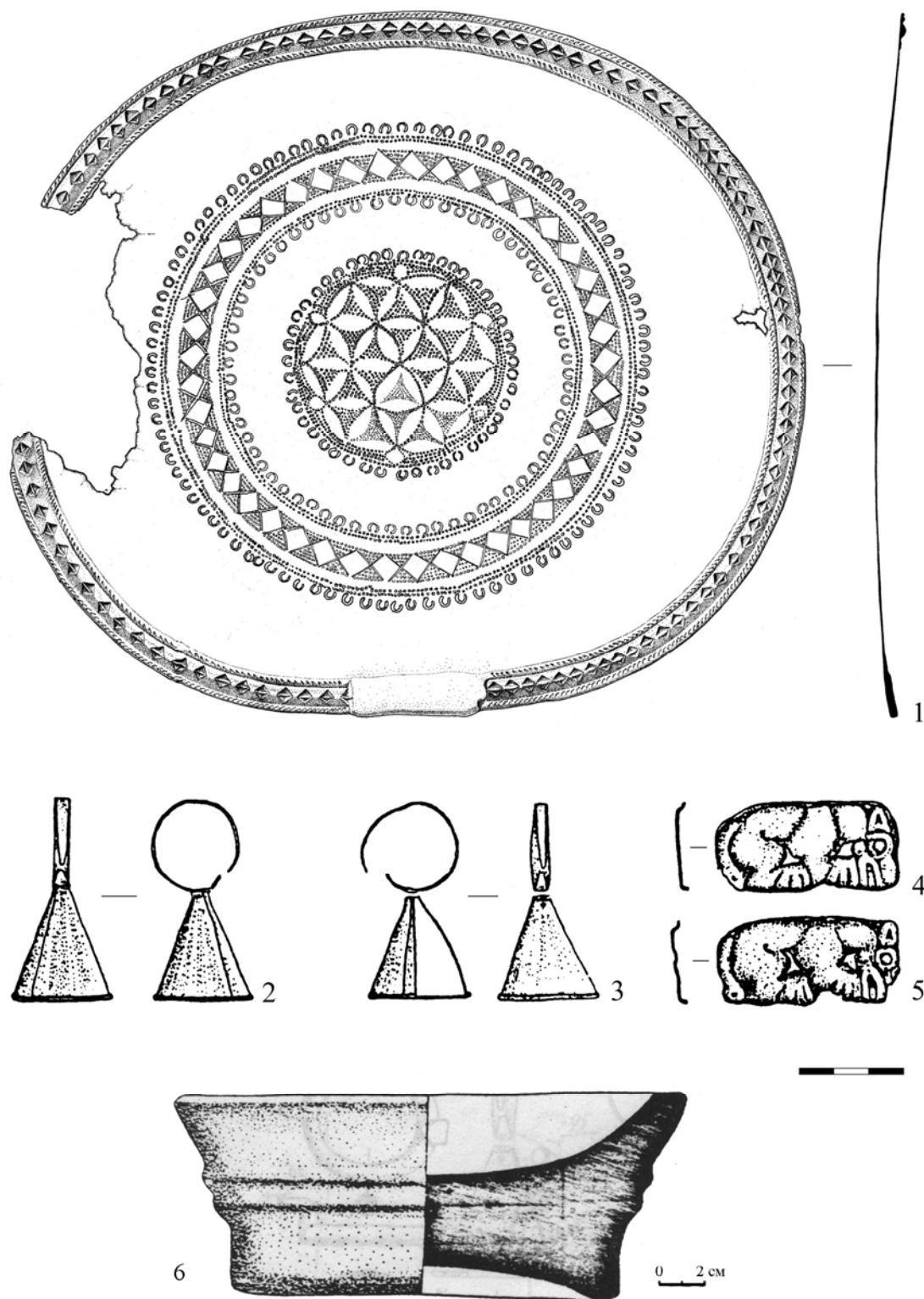

Рис. 5. Могильник Покровка-2 (курган №3, погребение 2).

Инвентарь: 1 – зеркало; 2, 3 – височные подвески; 4, 5 – нашивки; 6 – алтарь (жертвенник)

Золотые серьги с конусовидными подвесками были рассмотрены в статье Вл.А. Семенова (1999, с. 165–170). По приведенным аналогиям (в частности, могильники Бес-Оба в Казахстане и Комсомольский в Астраханской области) их верхняя дата лежит в пределах второй половины VI – начала V в. до н.э. По опубликованной в статье картографии подобных находок можно судить о том, что они распространены на огромной территории от Нижнего Поволжья до восточного Па-

мира и их следует рассматривать в качестве маркеров «савроматского» культурно-хронологического горизонта на его раннем этапе.

Синхронным ранним курганам в Покровке является другой курганный могильник левобережного Илека – Пятимары, частично раскопанный экспедицией К.Ф. Смирнова (1964). Дата комплекса – не позднее первой половины V в. до н.э. или не позднее начала V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 52; 1975, с. 35). Курганы содержали, в частности, большие подпрямоугольные ямы, перекрытые деревянными конструкциями. Среди находок – фрагменты сосуда ахеменидского типа ипохромного стекла, золотая оковка на деревянный сосуд, роговая пластина с резным изображением сцены борьбы двух хищников и копытного животного, предметы конской упряжи, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля.

Надо подчеркнуть, что ранние кочевники в южно-приуральском регионе заведомо являются мигрантами. Об этом свидетельствует хронологическая лакуна между археологическими памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа в несколько столетий. Вообще, представление о плавности перехода от одной эпохи к другой на востоке евразийских степей должно быть пересмотрено в пользу вывода о невозможности непосредственного выведения культур ранних кочевников региона из предшествующих культур эпохи бронзы (Таиров А.Д., 2003; Яблонский Л.Т., 2003).

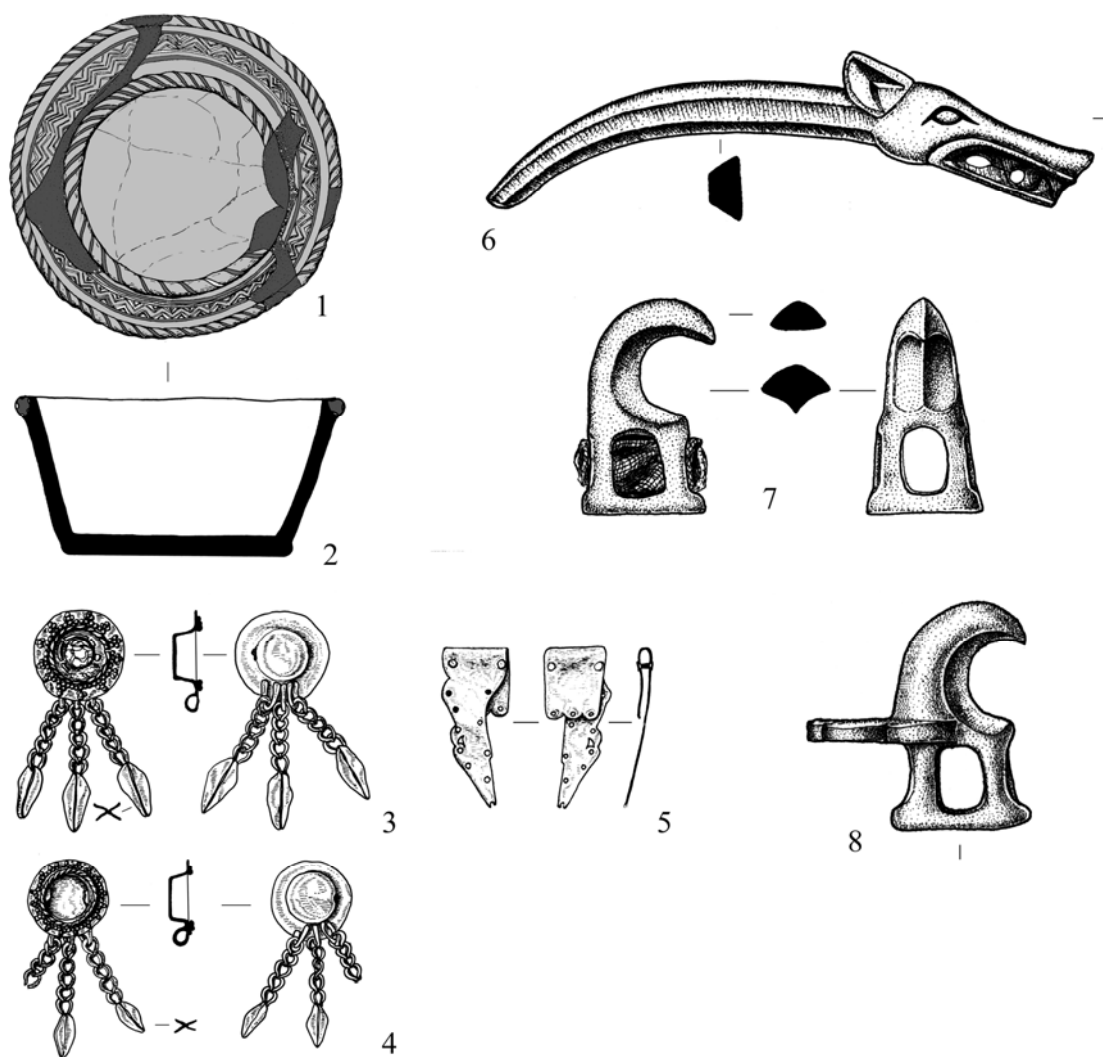

Рис. 6. Могильник Пятимары (курган №4, погребение 3). Инвентарь: 1 – чашечка; 2 – лепной сосудик; 3, 4 – серьги; 5 – оковка (обойма) деревянного сосуда; 6–8 – детали конской упряжи (1 – стекло; 2 – глина; 3–5 – золото; остальное – бронза)

А.Д. Таиров (2007, с. 127, 164) неоднократно отмечал роль элитарных слоев в формировании культуры ранних кочевников Приуралья. Также была сформулирована гипотеза о том, что в авангарде мигрантов в Южное Приуралье шли именно элитарные группы (Таиров А.Д., 2005; 2006).

Если с этой гипотезой согласиться, а для этого, как мне кажется, есть все основания, то именно в самых ранних памятниках кочевников Южного Приуралья и надо искать признаки, характеризующие элитарную материальную и духовную культуру этих мигрантов.

3.2. Признаки погребального обряда элитарных погребений и комплексов

Предполагают, что некоторые признаки погребального обряда и типологический состав сопровождающего инвентаря могут являться маркерами погребений элитарной группы кочевников.

В скифской археологической культуре к таким признаками относили размеры надмогильных и могильных сооружений, присутствие и количество сопроводительных конских и человеческих жертвоприношений, состав и богатство инвентаря (см., например: Бунятян Е.П., 1985б). Однако Л.К. Галанина (1994, с. 77) приводила убедительные аргументы, что ни один из перечисленных признаков не является ни абсолютным, ни универсальным на обширных территориях скифского мира.

Думаю, что для каждого из регионов этого мира в соответствии с концепцией М.П. Грязнова (1955) следует искать собственный и специфический набор признаков, характеризующий элитарные погребения и элитарные комплексы погребений (могильники).

Обзор вышеприведенных материалов показывает, что к числу таких признаков могут относиться следующие:

- 1) наличие в захоронении предметов, выполненных из драгоценных металлов;
- 2) погребальное сооружение в большой могильной яме с дромосом и деревянным перекрытием;
- 3) наличие в составе предметов сопровождающего инвентаря предметов импорта (в нашем случае, прежде всего, древностей «ахеменидского круга»¹;
- 4) наличие следов жертвоприношений;
- 5) наличие в могильнике курганов с большими насыпями;
- 6) наличие воинских захоронений с разнообразными и богато украшенными предметами вооружения;
- 7) наличие богатых женских захоронений с инвентарем, определяемым как жреческий.

Эти признаки маркируют, на наш взгляд, элитарный статус погребенного, а иногда и элитарный статус целого могильника, оставленного элитарным кочевым родом. При этом совершенно не обязательно, чтобы все курганы такого могильника отличались большими размерами, лишь некоторые из них. Примером может служить могильник Филипповка-1, в котором только две насыпи превышали 8 м в высоту, но почти во всех погребениях, даже при условии их почти стопроцентной ограбленности, были встречены предметы, выполненные из золота и серебра (Яблонский Л.Т., 2013б), металлов, которые и в это время считались драгоценными и показателями социального престижа в погребальном обряде (Яблонский Л.Т., 2014а).

А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк (1988, с. 143–145) правильно отмечали, что частично эти символы были заимствованы у находящихся в то время на более высокой ступени общественного развития скифских племен степи и лесостепи Восточной Европы.

В контексте нашей темы важно отметить, что «в межэтнические контакты ранее всего вступают относительно элитарные слои населения: правящие классы, аристократия, купечество... У элитарных слоев гораздо больше возможностей ознакомиться и усвоить элементы иноэтнической культуры. В то же время, поскольку они выступают в качестве референтной группы по отношению к нижестоящим социальным слоям, понятно, что усвоение элитой новшеств подчас почти автоматически приобретает для последних престижное значение» (Арутюнов С.А., 1982, с. 13).

¹ О термине см.: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т., 2012.

Часто, но не всегда, перечисленные признаки выступают в погребальном обряде ранних кочевников в комплексе. В хронологическом аспекте, судя по археологическим данным, наиболее ярко этот комплекс проявляется в памятниках, которые в Южном Приуралье датируют обычно в пределах конца V – IV в. до н.э. В плане относительной хронологии эти памятники предшествуют раннесарматской культуре и отражают завершающий или переходный этап «савроматской» археологической культуры (о термине см.: Скрипкин А.С., 2008).

3.3. Элитные могильники Южного Приуралья в предсарматское время¹ (V–IV вв. до н.э.)

Могильник Березки-1, курган №5 (Мышкин В.Н. и др., 2000; Скарбовенко В.А., 2005). Расположен в Самарской области. Дата – конец V – начало IV в. до н.э.

Насыпь 30,7×35,5 м, высота – 0,51 м, ров. Надмогильное сооружение в форме земляного вала, облицованного березовыми жердями; над валом – крыша в виде деревянного настила; поверх настила – сырцовые кирпичи, уложенные по радиальной схеме.

Погребальное сооружение: могильная яма трапецевидной формы, перекрытая тонкими деревянными жердями. Сооружение было сожжено в ходе погребального ритуала.

Находки: в том числе стеклянный флакон ахеменидского производства, золотая обойма деревянного сосуда, серебряная серьга, портупейный кожаный пояс с бронзовыми накладками.

Пол погребенного (определение антрополога) – мужской.

Могильник Альмухаметово, курган №8 (Пшеничнюк А.Х., 1983), расположен в Башкортостане, на левом берегу Кизила. Дата – конец V – первая половина V в. до н.э.

Насыпь обложена валунами, диаметр 21 м, высота 2,5 м.

Погребение единственное на горизонте, под сооружением из радиально уложенных березовых бревен в виде шатра с низким подпрямоугольным срубом под перекрытием.

Находки: в том числе бронзовое зеркало ольвийского типа, каменный жертвенник.

Могильник Красноуральский (Бытковский О.Ф., 2012). Расположен в Новоорском районе Оренбургской области.

Насыпь кургана №1 диаметром 31 м и высотой 1,2 м, окружена ровиком. Под насыпью – четыре погребения.

Центральное погребение (ограблено) совершено в большой могильной яме с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа, в которой были расчищены скелеты двух взрослых людей и подростка.

Среди находок – синий стеклянный косметический сосудик, вероятно, ахеменидского производства.

Могильник Кырык-Оба-III. Расположен в Уральской области Казахстана. Погребения в больших квадратных и прямоугольных ямах с дромосами, в круглых ямах и коллективные на поверхности древнего горизонта. К югу от могильной ямы на уровне погребенной почвы – захоронение взнузданного коня. Высота курганов 1,5–5,0 м. Диаметры насыпей 20–50 м.

Дата – VI–V вв. до н.э. (Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., 2006, с. 114–116; Гуцалов С.Ю., 2009б, с. 182–188; 2010, с. 51–66; 2011, с. 81–96; Смаилов Ж.Е., 2006, с. 139–141; 2007; 2012; Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К., 2007, с. 159–162; 2009, с. 178–181; Сейткалиев М.К., 2009, с. 62–69).

В кургане №1 (диаметр насыпи 40 м) на поверхности древнего горизонта было зафиксировано обугленное деревянное сооружение шатрового типа и земляной вал полукольцевидной формы.

Из находок отметим стеклянный туалетный сосудик (в насыпи); из погребения 3 кургана №2 – фрагмент стенки стеклянного туалетного сосудика, золотую накладку в виде головы грифона, стеклянный туалетный сосудик, фаянсовую фигурку-амулет в виде скарабея с тремя египетскими иероглифами; из погребения 4 кургана №2 – алабастр.

¹ По традиции, сложившейся в отечественной археологии, сарматская эпоха начинается в IV в. до н.э., вероятно, в середине – третьей четверти этого столетия (Яблонский Л.Т., 2012).

В кургане №12 (Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю., 2012б) была зафиксирована квадратная в плане яма (7,5×7,5 м) с дромосом шириной до 1 м и шатровым перекрытием. Она была окружена земляным валом и сопровождалась захоронениями лошадей и жертвенным комплексом (у авторов публикации – «клад»), состоявшим из предметов конской упряжи.

Авторы публикации датируют погребение V в. до н.э.

Среди находок – фрагмент стеклянного туалетного сосуда, золотая нашивка с тисненым изображением припавшего к земле хищника кошачьей породы.

Курган №23 могильника также содержал могильную яму размерами 7,2×6,4 м с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа. В дромосе было совершено захоронение ребенка.

Из этого погребения происходят, в частности, фаянсовая шкатулка, явно импортного производства, золотые и серебряные оковки деревянных сосудов, разнообразные круговые сосуды, золотая гривна, золотые серьги с подвесками, золотые нашивные бляшки, серебряные скрепы. Авторы публикации датируют погребение первой половиной V в. до н.э.

Могильник Лебедевка-II (курган №6). Могильник расположен в Уральской области Казахстана и включает в себя 37 объектов (34 кургана и 3 сооружения). Дата – VI–V вв. до н.э. (Мошкова М.Г., Кушаев Г.А., 1973; Железчиков Б.Ф. и др., 2006, с. 8–10; 54, рис. 3; Гуцалов С.Ю., 2007, с. 75–80; 2008, с. 38–46, рис. 1; 2009а, с. 188–189; 2009, с. 306–324, рис. 1; Мошкова М.Г. и др., 2011, с. 164–165; Гуцалов С.Ю. и др., 2012в).

Курган №6 занимал центральное место в цепочке и являлся в ней самым большим (диаметр 30 м при высоте насыпи 2,25 м).

Погребение совершено в большой яме квадратной формы, перекрытой деревянным настилом. Над ямой сооружен склеп из известняковых блоков с деревянным перекрытием. Склеп окружен валом прямоугольной формы на основании из мела, выполнен из саманных блоков на глиняном растворе. Дно погребальной ямы было устлано покрывалом (?) органического происхождения черного цвета толщиной 1–1,5 мм (войлок?).

Одежда погребенной была покрыта золотыми бляшками, стеклянными и янтарными бусинами. В изголовье фиксировалось конусовидное в плане скопление золотых же бляшек в виде голов оленя, принадлежавших, видимо, головному убору.

Из находок отметим золотые серьги с подвесками, ожерелье, включающее золотые подвески, разнотипные золотые нашивные бляшки головного убора, стеклянный туалетный сосудик, стеклянный ритон в форме уточки.

Могильник Мечет-сай. Расположен в Соль-Илецком районе Оренбургской области. Из 25 курганов могильника было раскопано десять. Дата – IV в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1975; Мошкова М.Г. и др., 2011; Фирсов К.Б., 2012).

В погребении 5 кургана №8 были обнаружены остатки надмогильного сооружения в форме сруба или клетки из бревен липы. Под деревянным сооружением находилась большая грунтовая могила с дромосом.

Среди находок – бронзовые, обтянутые золотой фольгой гривны, серебряные (?) височные кольца, серебряные (?) браслеты.

Новокумакский могильник находится близ Орска в Оренбургской области. В нем насчитывалось около 70 курганов, датированных IV в. до н.э. (Мошкова М.Г., 1961, с. 115–126; 1962, с. 206–242; 1972, с. 27–48; Савельева Т.В., Смирнов К.Ф., 1972; 1973, с. 214–219; 1977а, с. 3–51, с. 4, рис. 1; 1978, с. 58–59; Мошкова М.Г. и др., 2011, с. 163; Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., 2012).

Под насыпью кургана №1 (диаметр более 50 м, высота 2,7 м) была обнаружена большая квадратная яма с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа и закладом из каменных плит у входа в могильную яму. Погребение было ограблено. В нем было захоронено не менее шести человек.

Тем не менее на деревянном перекрытии были найдены серебряный ритон с протомой коня и золотая литая гривна (рис. 7).

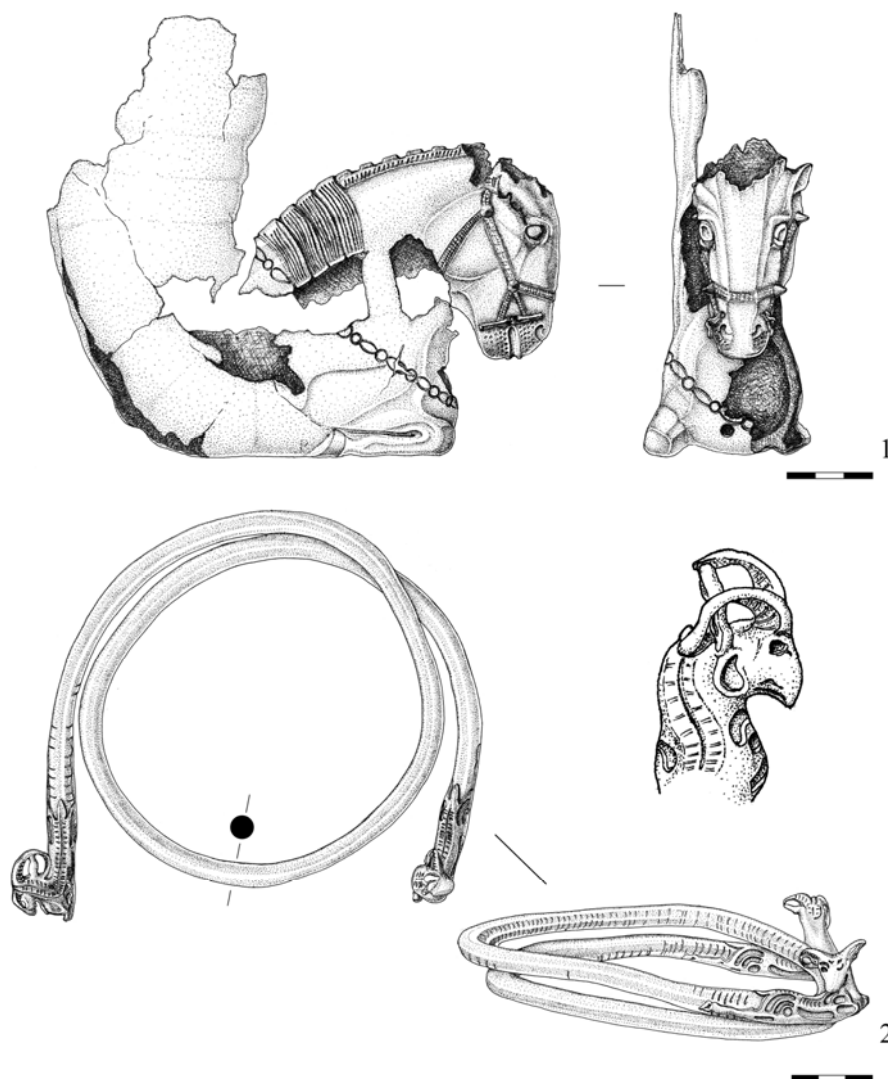

Рис. 7. Могильник Новокумакский (курган №1, погребение 3).
Инвентарь: 1 – ритон; 2 – гривна (1 – серебро; 2 – золото) (по: Влияния..., рис. 34)

Могильники у с. Покровка. Располагаются на левом берегу Илека в районе с. Покровка (Соль-Илецкий район Оренбургской области). В 1911 г. два кургана, грабительно раскопанных жителями с. Покровки, были исследованы членом Оренбургской Архивной комиссии И.А. Кастанье. В 1991–2001 гг. Илекской экспедицией ИА РАН здесь были полностью раскопаны пять могильников: Покровка-1 (17 курганов), Покровка-2 (27 курганов), Покровка-7 (4 кургана), Покровка-8 (6 курганов) и Покровка-10 (ок. 100 курганов), которые содержали в том числе захоронения второй половины VI–IV вв. до н.э. (Кастанье И.А., 1913, с. 73–83; Ростовцев М.И., 1918, с. 19–22, табл. VI; Курганы левобережного Илека, 1993–1996; Яблонский Л.Т., 1998а, с. 97–119; 1999, с. 325–339; Куринских О.И., 2008, с. 63–85; 2010, с. 218–221; Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008, с. 5–6; Трейстер М.Ю. и др., 2012).

Курган №2 (раскопки И.А. Кастанье, 1911 г.) был разграблен жителями с. Покровки в 1911 г. По слухам, при ограблении здесь были найдены золотые сосуды. И.А. Кастанье обнаружил в насыпи «деревянный помост, под которым находился мел, а ниже на глубине 3 аршин (ок. 2,14 м) – лошадиные кости». Дата – начало V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 47, 52), вероятно, около середины столетия (ср.: VI–V вв. до н.э. (Ростовцев М.И., 1918, с. 19–22); V в. до н.э. (Rostovtzeff M.I., 1922, р. 124; Rau P., 1929, р. 46); V в. до н.э. (Grakov B., 1928, з. 60); начало – первая половина V в. до н.э. (Трейстер М.Ю. и др., 2012)).

Предположительно, из раскопок этого кургана происходят, в частности, следующие находки: печать в золотой оправе, клык-подвеска в золотой оправе, третичная раковина в золотой оправе, золотые бляшки с изображением композиции из двух вывернутых голов грифонов на длинных шеях (4 экз.), золотая бляшка квадратной формы с изображением четырех лепестков лотоса, золотые бляшки в форме головок льва, золотые пронизи в форме головок волка, четыре золотые обоймы от деревянного сосуда, золотые бусины, фрагменты стеклянного сосуда, подвеска в виде когтя птицы зеленого стекла.

Дата – начало V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 47, 52), вероятно, около середины этого столетия (ср.: VI–V вв. до н.э. (Ростовцев М.И., 1918, с. 19–22); V в. до н.э. (Rostovtzeff M.I., 1922, p. 124; Rau P., 1929, p. 46); V в. до н.э. (Grakov B., 1928, p. 60)).

Покровка-2. Погребение 2 кургана №3/1993, впускное, расположено к северу от центрального погребения 1, у внутренней стенки глинобитного вала; прямоугольная могильная яма со скругленными углами с перекрытием из досок. Захоронение пожилой женщины, положение вытянутое, на спине, головой на запад, на подсыпке из гумуса, покрытой слоем коры.

Дата – конец VI – начало V в. до н.э. (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с. 33–35, 129, рис. 50; с. 155–156, рис. 76–77; Davis-Kimball J., Yablonsky L., 1995, p. 6–7, 13. Pl. 3; Яблонский Л.Т., 1998а, с. 99–100, 111–112, рис. 4–5; 1999, с. 328–329, рис. 3–4; 2009а, с. 265–268, рис. 9–11; Wedder D., 2004, p. 19–20, figs. 6–8).

Среди находок – пара золотых височных подвесок, золотые бляшки, нашивные с изображением лежащего кошачьего хищника (3 шт.), золотая пронизь, серебряное, богато орнаментированное зеркало, каменный жертвенник, костяной амулет.

Одиночный курган Яковлевка-II расположен в юго-восточном Башкортостане.

Дата комплекса – конец V – IV в. до н.э. (Сиротин С.В., 2010, 2012).

Диаметр насыпи – 50 м, высота – 3,67 м. Надмогильное сооружение из березовых бревен над разграбленной центральной могилой (коллективное погребение). Центральное и восемь впускных индивидуальных захоронений вокруг.

Погребение 4 (подбой) – богато украшенное бронзовое зеркало, круговой сосуд, серебряные оковки деревянного сосуда, бусины из золотой фольги, золотая пронизь.

Могильник Переволочанский расположен в юго-восточном Башкортостане. Он насчитывал 12 насыпей (Пшеничнюк А.Х., 1983), диаметром от 25 до 40 м и высотой от 0,5 до 4 м. Дата – IV в. до н.э. (Сиротин С.В., 2008, с. 139). Под насыпями курганов, по большей части ограбленных, были обнаружены деревянные конструкции и захоронения на уровне поверхности древнего горизонта, а также коллективные могильные ямы с дромосом и деревянным перекрытием. В кургане №3 был найден золотой браслет.

Позже в могильнике были исследованы еще два больших кургана. В них зафиксированы сожженные деревянные конструкции шатрового типа с коллективными погребениями, окруженные дополнительными индивидуальными захоронениями. Также были найдены, в частности, золотые предметы – пронизки, височная подвеска, обоймы от деревянного сосуда. Курганы неоднократно подвергались ограблениям, и золотых предметов в них было, видимо, больше.

Могильник Филипповка-1. Однако в наиболее сконцентрированном и ярком виде черты элитарного погребального обряда проявляются в материалах могильника Филипповка-1. Памятник расположен на возвышенном участке равнины Урало-Илекского водораздела и датируется концом V – IV в. до н.э. (Pchenichniuk A.H., 1994, p. 64–65; Пшеничнюк А.Х., 2013; Яблонский Л.Т., 2008а–б; 2013; Yablonsky L.T., 2010, p. 129–143).

Здесь было раскопано 27 курганов различной величины, в том числе два кургана, которые по размерам насыпей (высота более 8 м) и количеству сокровищ, содержащихся в погребениях, могут быть отнесены к разряду «царских». Под насыпью кургана №4 были обнаружены четыре погребения, которые датируются в пределах конца V – IV в. до н.э. Центральное погребение было оформлено в виде большой ямы с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа, которое в ходе погребального ритуала было сожжено. Остальные захоронения располагались вокруг цент-

рального под периферийной частью насыпи. Материалы раскопок этого кургана публиковались неоднократно и, не имея возможности даже просто перечислить сделанные в нем находки, я отсылаю читателя к этим публикациям (Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., 2007; Яблонский Л.Т., 2007б–в, 2008в; 2013б; Yablonsky L.T., 2007, 2010) (рис. 8–9).

Рис. 8. Могильник Филипповка-1 (курган №4, погребение 2). Инвентарь: 1 – гривна; 2 – портупейная пряжка; 3 – умбон горита; 4, 5 – колчанный крюк; 6 – темлячная подвеска

Характеризуя могильник в целом в контексте этой работы, отмечу следующие основные черты его погребального обряда:

- 1) почти стопроцентное нахождение больших ям с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа под центральными частями насыпей;
- 2) многоактность и коллективность погребений в ямах с дромосами;
- 3) частое сожжение деревянных перекрытий могил с дромосами в ходе погребального ритуала;
- 4) наличие изделий из драгоценных металлов почти во всех захоронениях, в том числе в курганах с небольшими размерами насыпей;
- 5) система индивидуальных захоронений в подбоях, в ямах с деревянным перекрытием и в ямах без дополнительных конструкций, располагавшихся вокруг центрального погребения под периферийными частями насыпи.
- 6) наличие в составе сопровождающего инвентаря импортных предметов и, в первую очередь, ахеменидского производства или ахеменидского круга;
- 7) наличие мужских (вожеских) захоронений лиц высокого социального ранга;
- 8) наличие женских жреческих захоронений, в том числе лиц высокого социального ранга.

Рис. 9. Могильник Филипповка-1 (курган №4, погребение 4).
Золотая гривна (женская) (по: Влияния..., 2012, табл. 90)

Рассмотрим эти характеристики подробнее. Хотя могильные ямы с дромосами и деревянными перекрытиями встречались и в других могильниках Волго-Уральского региона, нигде они не составили столь значительной доли среди прочих. Есть основания полагать, что после IV в. до н.э. коллективные погребения в ямах с дромосами в Приуралье уже не встречаются (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 143).

Группа авторов (Мошкова М.Г. и др., 2011) выступила с предположением, что эти могилы были оставлены какой-то особой этнической группой кочевников. Эта идея встретила возражения со стороны автора этой работы (Яблонский Л.Т., 2011б), который доказывал, что этот погребальный обряд является характеристикой не этнической, а социальной и принадлежит статусным родам ранних кочевников Южного Приуралья.

А.Д. Таиров (2007) отмечал, что такие погребения известны на территории Китая, по крайней мере, с позднешанского времени (эпоха поздней бронзы) и характерны именно для захоронений знати. По его словам, погребальные конструкции с дромосом являются маркерами элитарного положения в обществе.

1. В отличие от дополнительных (периферийных) захоронений, центральные, с шатровым перекрытием являются, как правило, коллективными, а ведь именно ради них сооружались первоначальные насыпи курганов. Это еще раз делает оправданным предположение о высоком социальном статусе погребенных по этому обряду. Характерна ситуация в царском кургане №1 могильни-

ка Филипповка-1 с центральным дромосным захоронением и индивидуальным боковым, явно впущенным в уже готовую насыпь (Яблонский Л.Т., 2014б).

2. Перекрытия могильных ям в царских курганах №1 и 4 могильника Филипповка-1 были сожжены в ходе погребального обряда¹, что делает допустимым предположение о социальном содержании этого признака. Два других кургана (№13 и 15) могильника содержали предметы из золота.

3. Вообще, предметы из золота содержались даже в индивидуальных погребениях под небольшими курганными насыпями (Яблонский Л.Т., 2013а).

4. Кольцевые планировки курганов станут характерными для курганных могильников раннесарматской культуры Южного Приуралья. Это один из признаков погребального обряда, который роднит обряды савроматской и раннесарматской эпох и служит одним из аргументов в гипотезе о «генетической» связи «савроматской» и раннесарматской археологических культур (Смирнов К.Ф., 1964; Мошкова М.Г., 1974).

5. Импортные предметы находили в большинстве захоронений могильника Филипповка-1 (курган №1 – два погребения; №4 – четыре погребения; №11, 15, 17, 29) (20% от общего числа раскопанных).

Основная масса находок представлена стеклянными, серебряными и бронзовыми сосудами, золотыми украшениями (серьги, гривны, браслеты, нашивки), предметами культа (рис. 10–13).

Рис. 10. Могильник Филипповка-1 (курган №15, погребение 1).

Элемент нагрудного украшения (золото, эмаль) (по: Влияния..., 2012, цв. табл. 30)

¹ Справедливости ради надо сказать, что иной точки зрения придерживается А.Х. Пшеничнюк (2013), который полагает, что сожжение перекрытий могильных ям – это дело рук грабителей (ср.: Сиротин С.В., 2008).

Рис. 11. Могильник Филипповка-1 (курган №4, погребение 5).
Золотая подвеска (по: Влияния..., 2012, табл. 93)

Рис. 12. Могильник Филипповка-1 (курган №1, погребение 1).
Инвентарь: 1–3 – серьга; 4 – облицовочная плитка; 5 – браслет; 6 – пронизь
(4 – паста; 6 – агат, золото; остальное – золото) (по: Влияния..., 2012, цв. табл. 21)

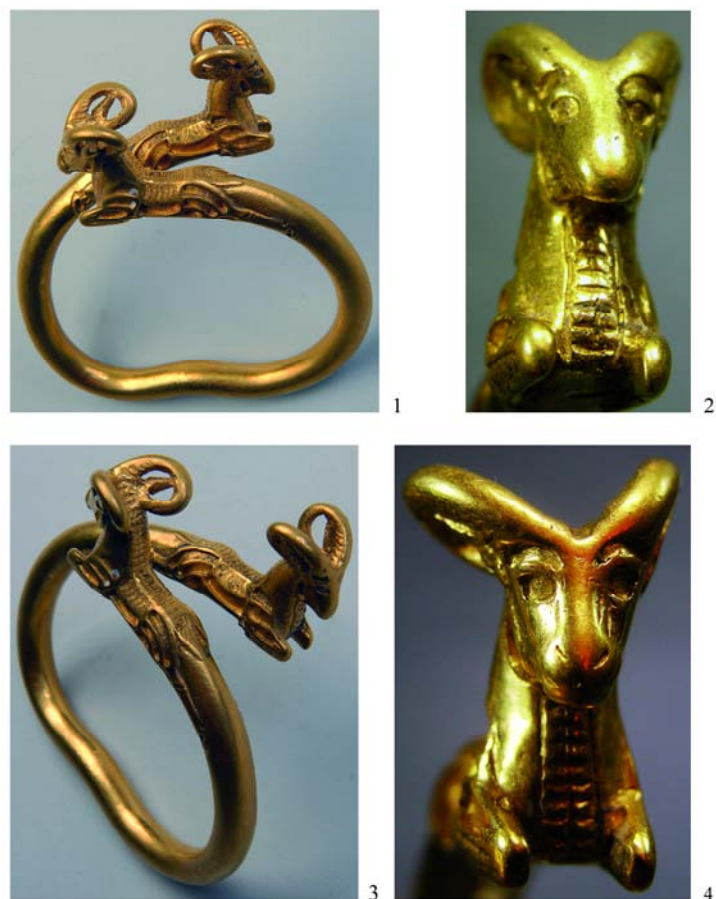

Рис. 13. Могильник Филипповка-1 (курган №4, погребение 4).
Золотой браслет: 1–2 – общие виды; 3–4 – детали (по Влияния..., табл. 100)

Все эти предметы были получены из погребений могильника, которые выделялись своим богатством даже на общем его фоне. Таковы, в частности, захоронения из обоих царских курганов (№1 и 4). Это дает возможность предположить, что импортные вещи в ходе погребального обряда распределялись, прежде всего, именно в высших элитарных стратах рода или были получены ими при жизни в качестве наград, быть может, при распределении добычи от военного грабежа. Комплексы этих предметов, безусловно, относились к погребениям военачальников, в которых, кроме того, находили и высококачественное и прекрасно оформленное наступательное и защитное вооружение. Мужчины, погребенные в таких могилах, и стали прообразами древних катафрактариев (Яблонский Л.Т., 2014в).

В массе женских погребений Филипповки-1 выделяются те из них, которые могут быть связаны с функциями отправления культов. По-видимому, в эти функции входили обряды нанесения татуировок. В рядовых захоронениях могильника неоднократно зафиксированы наборы предметов для нанесения татуировок – каменные «палитры» для растирания и смешивания разноцветных красок, костяные и железные татуировочные иглы, специальные железные ножи с загнутыми вверх лезвиями.

По-видимому, жрицы в сообществе, оставившем могильник, также были социально детерминированы. Наиболее богатое захоронение жрицы было найдено в дополнительном погребении царского кургана №1.

Под восточной полкой кургана вблизи края насыпи была обнаружена нетронутая грабителями могильная яма. По форме в плане она приближалась к прямоугольнику общими размерами 3,57×2,6 м. Длинной осью она была ориентирована параллельно насыпи кургана на этом участке. Глубина ямы составляла 3,7 м. На уровне погребенной почвы и в профиле бровки насыпи зафиксированы остатки бревен деревянного перекрытия погребальной камеры. На дне ямы на многослойной подстилке из коры, камыша и травы был расчищен человеческий скелет с исключительно богатым и разнообразным погребальным инвентарем (рис. 14).

Рис. 14. Могильник Филипповка-1 (курган №1, погребение 2). Общий план после расчистки

Захоронение принадлежало женщине¹. Она лежала в вытянутом положении на спине, головой в южный сектор. В изголовье слева находился сделанный из луба ларь, заполненный доверху предметами, включавшими две литые серебряные фиалы (одна из них использовалась в качестве крышки для другой); стеклянные и серебряный туалетные сосудики; кожаный ремень с прикрепленными к нему бронзовыми бубенчиками; плетеную покрытую кожей коробочку, доверху наполненную большими жуками (скарабей и носорог); две костяные и одну бронзовую татуировальные иглы; наполненные пигментами кожаные мешочки; каменную орнаментированную (раскрашенную) по венчику чашечку с минеральным агрегатом² ярко-голубого цвета; сосудики из кожуры каштана и грецкого ореха; обработанные и необработанные камни; предметы из янтаря, деревянный сосуд с золотыми накладками и ручкой, выполненной в виде объемной фигуры медведя (рис. 15).

Рис. 15. Могильник Филипповка-1 (курган №1, погребение 2).
Золотая накладка (обойма) на деревянный сосуд

¹ Определение генетиков.

² Агрегат минеральный – скопления и сращения минеральных индивидов (кристаллов и зерен) одного и того же или разных минералов, отделенных друг от друга поверхностями раздела (минералогия).

Рис. 16. Могильник Филипповка-1 (курган №1, погребение 2). Солярная подвеска

Между ларцем и черепом находилась золотая бляха: от центрального звена отходят золотые цепочки с удлиненно-каплевидными подвесками. Предмет в целом (рис. 16) изображает солнечный диск; центральная часть округлой формы выполнена из золота в технике перегородчатой мозаики из разноцветного стекла. В центре украшения изображено мировое древо с охраняющими его крону мифологическими птицами симургами, частично покрытыми рыбьей чешуей. Корни дерева уходят в подземный мир. Венчает композицию распростершая крылья главная птица симург – охранительница.

К северу от короба лежало большое серебряное зеркало с позолоченной ручкой, украшенной в зверином стиле, и рельефной позолоченной композицией на тыльной стороне диска. В центре диска – изображение орла, окруженное фигурками крылатых быков в полный рост и внешним растительным фризом из чередующихся «пальметт» двух видов (рис. 17). Трехчастная композиция в целом отражает мифологическое понимание древними иранцами структуры мира, как и в случае с нагрудной бляхой.

Зеркало помещалось в футляр из коры, который застегивался с помощью гагатовой пронизи-пуговицы. Под зеркалом найдены серебряный туалетный сосудик; деревянный предмет; белемнит; кожаный мешочек с черным пигментом; бусы из стекла, золота, самоцветов и бирюзовая подвеска, оправленная золотом; подвески из перламутра и резного камня; бронзовая и костяная ложечки; шесть золотых татуировальных иголок; кремневый (неолитический) наконечник стрелы; оселок, под которым лежала пара железных ножей, инкрустированных золотом.

Севернее зеркала стоял деревянный сосуд с серебряными накладками и носиком-сливом. Рядом с ним лежали предметы из железа. Под северным бортом могилы располагалось скопление обработанных деревянных брусков.

В юго-восточном углу погребальной камеры находился деревянный сосуд с роговой крышкой, гравированной в зверином стиле. Он украшен золотыми накладками, одна из которых служила ручкой и была выполнена в виде объемной фигуры кулана или самки (безрогой) джейрана. Сосуд был помещен в плетенный из прутьев футляр, расшитый бисером.

Севернее лежало большое (диаметром 33 см) серебряное блюдо с ложковидным орнаментом, колчан с бронзовыми наконечниками стрел. Колчан многослойный, выполнен из луба, коры и кожи. Рядом с колчаном находились его детали: меловая, яшмовая и золотые пронизи.

Рис. 17. Могильник Филипповка-1 (курган №1, погребение 2). Зеркало (серебро, золото)

У правой стопы располагалось деревянное блюдо и сосуд-алабастр в отдельном футляре. В пределах блюда стоял серебряный туалетный сосудик, заключенный в футляр из коры, и крупная золотая бусина в мешочке, расшитом бисером и бусами. Футляры украшены семью золотыми пронизиями.

К северу от алабастра найдены две каменные палитры и пестик для растирания татуировальных пигментов и сопровождающие их многочисленные предметы, из которых отметим кожаный ремешок с бронзовыми колокольчиками; лошадиный клык, наполненный красной охрой; пронизи из полудрагоценных камней и морские раковины; разнообразные камни; скорлупу грецкого ореха; костяную ложечку.

За пределами подстилки находились бронзовые предметы: в северо-западном углу могильной ямы – чайник на ножках и ковш, у восточной стенки – жаровня. В северо-восточном углу могилы расчищен уздечный набор, который состоял из железных удиц, бронзовых псалиев и бляшек.

Одежды (платье, рубаха и шаль) погребенной были украшены многочисленными нашивками, изображающими цветы-розетты; сцены терзания сайгака пантерой; сайгака, свернутого в кольцо, – всего 656 штампованных нашивок из золотого листа. Кроме того, «бахрома» шали представлена золотыми цепочками из мелких литых деталей. Рукава рубахи расшиты разноцветным золотым и стеклянным бисером, образующим сложный геометрический орнамент.

В районе височных костей черепа находились две литые золотые подвески с деталями, выполненными в технике перегородчатой стеклянной мозаики, подобно тому, как были сделаны нагрудное украшение и браслеты.

На каждом пальце рук находились литые золотые перстни (10 шт.) с изображениями в зверином стиле на щитках. Это фигуры лежащих с подогнутыми ногами оленей, рога которых превращаются в протомы грифонов (рис. 18).

Рис. 18. Могильник Филипповка-1 (курган №1, погребение 2). Золотые перстни

На запястья были надеты по два браслета: один – из каменных стеклянных и золотых бус, другой – из золотых деталей, которые оправляли элементы из сердолика.

Захоронение датируется в пределах IV в. до н.э. и синхронно, таким образом, погребению 1 этого кургана.

3.4. Роль кочевых элит в процессе формирования раннесарматской культуры

По мысли А.Д. Таирова (1998, с. 87–88), конец VI в. до н.э. знаменуется усилением подвижности Урало-Аральского региона, что было связано с изменениями этнополитической ситуации в Средней Азии и в Хорезме, в частности. Далее, со ссылкой на работы Е.Н. Черныха (1987, 1989), он пишет о том, что «миграции и переселения способствуют социальной дифференциации общества, выделению в нем военной прослойки, возрастанию роли военных вождей..., деформируются основные структуры нормативного фактора, закреплявших положение отдельных этносоциальных группировок...»

Выше мы отмечали богатство сопровождающего инвентаря таких могильников, как Филипповка-1 и 2, Переволочаны, Кырык-Оба-II и Лебедевка-II в Западном Казахстане. Материалы этих памятников показывают тенденцию формирования прохоровской культуры Южного Приуралья на первом этапе, когда ее основополагающие черты были присущи кочевой знати (Гуцалов С.Ю., 2007, с. 91).

Погребальные конструкции с дромосом являются маркерами элитарного положения в обществе и характерны для раннего этапа прохоровской культуры (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 143, 147, 151–152; Таиров А.Д., 2005, с. 234).

Могут возразить: далеко не все из упомянутых выше памятников являются, очевидно, элитарными с точки зрения богатства сопровождающего погребенных инвентаря. Действительно, например, коллективные погребения на возвышенности Сакар-Чага в Хорезме не только не содержат ценных, с материальной точки зрения вещей, но и даже предметов вооружения (Яблонский Л.Т., 1998б).

Но в этом контексте мы должны вспомнить разработки С.А. Арутюнова (1983) о возможности постепенного вертикального (сверху-вниз) перемещения престижных ценностей от элитарных слоев общества к низовым. Тогда оказывается, что наиболее богатые захоронения в ямах с дромосами являются и относительно наиболее ранними в Приуралье (V (если не VI) – первая половина IV в. до н.э.), а сравнительно бедными (по инвентарю) – относительно более поздние, датирующиеся временем от второй половины IV в. и даже первыми веками нашей эры. В Хорезме в первые века нашей эры воспоминания об обряде захоронения в могилах с дромосами еще сохранялись в IV–V вв. н.э., но в такие сооружения устанавливались уже оссуарные захоронения, принципиально лишенные какого бы то ни было инвентаря (Яблонский Л.Т., 1999).

Начиная со второй половины IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Приуралья наступают новые социально-экономические перемены, которые находят отражение в признаках их погребального обряда. Яркие примеры тому дают, в частности, материалы эпонимного для российской археологии Прохоровского могильника. Импортными находками, имеющими хорошо хронологически атрибутированные аналогии в Средиземноморье, наиболее ранние погребения этого могильника датируются второй половиной или третьей четвертью IV в. до н.э. (Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т., 2008; 2009; Трейстер М.Ю., 2008) при том, что большинство захоронений могильника относятся к III в. до н.э., а отдельные – и ко II в. до н.э. (Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., 2008).

Лишь один курган могильника (А), расположенный в центральной части памятника, по своим габаритам (высота около 3,5 м, диаметр насыпи – 38 м) (Зуев В.Ю., 2003, с. 55) может быть сопоставлен с насыпями приуральских курганов V–IV вв. до н.э. Но мы никогда не узнаем дату его захоронений. В современности насыпь этого кургана использовалась и используется под кладбище, и раскопки его не возможны.

Ареал могильников переходного к раннесарматскому времени велик и охватывает территории Среднего Поволжья на Севере и Уральской области Казахстана на юге, левобережье Волги на западе и районы юго-восточной Башкирии на востоке. Здесь, как в огромном котле, вываривались основные элементы раннесарматской культуры и погребального обряда ее носителей. И этот процесс завершился не ранее III в. до н.э., когда на смену могильникам савроматской эпохи и переходного времени, опять повсеместно, появляются памятники классической раннесарматской (прохоровской) культуры. Но в это время роль кочевой элиты уже не проявляется столь явственно, как ранее. Причины этого явления выходят за рамки обсуждения в этой главе и должны быть рассмотрены в специальном исследовании.

Итак, до наступления фазы «А» степи Южного Приуралья на протяжении нескольких столетий после эпохи поздней бронзы были практически безлюдными. Уже это обстоятельство позволяет с уверенностью говорить о том, что ранние кочевники появились здесь именно в результате миграции. В авангарде этих миграций выступали элитарные группы номадов, которые своими грандиозными погребальными сооружениями как бы «метили» вновь освоенные ими пастбища. Такие миграции отражают памятники Южного Приуралья фазы «А». Это могильники Илекшар, Кырык-Оба, Лебедевка в Западном Казахстане (рис. 1). В степном Оренбуржье элитарные памятники ранних кочевников данной фазы отсутствуют, но отдельные захоронения, к ней относящиеся, известны по материалам могильников Покровка-1 и 2 (Савельев Т.В., Яблонский Л.Т., 2014).

Глава IV

О ПОГРЕБЕНИЯХ СКИФСКИХ НОМАРХОВ

Прежде чем рассматривать поставленный нами вопрос, нужно, хотя бы в общих чертах, остановиться на характеристике общественного строя скифов.

Сразу же необходимо заметить, что данная проблема всегда была и есть предметом оживленных дискуссий. Во многом эти споры обуславливались не только потребностями научного развития, но, к сожалению, и теми идеологическими догмами, которые господствовали в то или иное время. Пожалуй, наиболее свободным, не испытывающим давления каких-либо устоявшихся схем был в этом вопросе основоположник современного скифоведения М.И. Ростовцев, взгляды которого до сих пор заметно влияют на современное осмысление скифской истории. Именно М.И. Ростовцев (1918; 2002, с. 37–39), рассматривая характеристику скифского общества в своей известной работе, изданной в 1918 г. и переизданной в 2002 г., заметил значительное сходство его структуры с Хазарским каганатом и Золотой Ордой, что позволило ему трактовать его как военно-феодальное государство.

Действительно, сама система организации скифской орды (деление Скифии, во главе которой стоял верховный царь, на три царства, которые, в свою очередь, делились на номы) внешне весьма напоминает феодальную. Если она и отличалась от феодального общества в его классическом виде (что, в принципе, само по себе весьма размытое определение), заслуга М.И. Ростовцева, несомненно, состоит в том, что он первым подчеркнул своеобразие устройства скифского общества по сравнению с другими, более известными в то время государственными образованиями древности – прежде всего, греческими полисами и Римом. Надо заметить, что в настоящее время с появлением в исторической науке и социологии такого понятия, как «прафеодальное общество» или «раннефеодальное общество», выводы М.И. Ростовцева выглядят достаточно актуально.

Однако с установлением советской власти единственно правильной в отечественном скифоведении была признана марксистско-ленинская теория развития общества, предусматривающая стадийное его развитие, основанное на эволюции системы производственных отношений. Естественно, сравнивать общественный строй скифов с феодальным стало уже невозможно по определению, поскольку это никак не вписывалось в прокрустово ложе пяти последовательных общественно-экономических формаций. Поэтому выбор для ученых того времени был невелик – трактовать скифское общество как первобытнообщинное на стадии его разложения («военная демократия») или же как рабовладельческое.

Если первая точка зрения возобладала в трудах С.А. Семенова-Зусера (1931), В. Равдоникаса (1932, с. 5), С.А. Жебелева (1953, с. 87), то ко второй склонялись такие известные ученые, как А.П. Смирнов (1966, с. 59), Б.Н. Граков (1950), А.И. Тереножкин (1966), в какой-то степени М.И. Артамонов (1972, с. 62; 1974, с. 143).

Однако сторонники второй точки зрения по-разному определяли время формирования скифского рабовладельческого государства. А.И. Тереножкин считал, что оно начало формироваться уже в период переднеазиатских походов и окончательно сложилось в VI в. до н.э., Б.Н. Граков относил начало такого процесса к концу V в. до н.э., а окончательное его завершение связывал с эпохой Атея. М.И. Артамонов искал истоки скифской государственности в истории позднескифского царства в Крыму.

Как известно, в 50–70-е гг. XX в. в среде советских историков развернулась широкая дискуссия относительно азиатского способа производства (Никифоров В.Н., 1975, с. 6–12), которая привела к значительной либерализации подходов относительно устоявшихся ранее схем.

Нельзя не отметить, что советские историки, вынужденные корректировать свои выводы с тем или иным положением марксизма, развернули свою дискуссию под «защитным зонтиком» работы К. Маркса, во многом действительно провидческой, посвященной формам, которые предшествовали капиталистическому производству (<http://www.marxism-leninism.narod.ru/Library/Marx/>

Marx3.htm). В ней упоминалась и отдельная «азиатская» форма собственности. В другой работе – «К критике политической экономии» – К. Маркс (1959, с. 7) пишет: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации».

К сожалению, в дальнейшем «теоретики марксизма» значительно упростили линию развития общества, намеченную К. Марксом, сведя ее к внешне простой «пятичленке», исключив тем самым многовариантность исторического развития.

Ярким примером новых веяний стали работы известного историка Л.С. Васильева (1981), в частности его статья о вождестве как протогосударственном образовании. Согласно его определению (Васильев Л.С., 1981, с. 175), вождество или чифдом – это структура, основанная на принципах конического клана, возглавляемая сакрализированным лидером и знакомая с социальной стратификацией. В отличие от государства, эта структура свободна еще от легализованного принуждения и насилия. Ее главной функцией является административно-экономическая.

Коснулась эта дискуссия и скифоведения. Под влиянием работ Б.Д. Шелова (1972) и А.М. Хазанова (1972), как прямо пишет об этом А.И. Тереножкин (1977), он уже в 1977 г. признал ошибочной свою прежнюю точку зрения и охарактеризовал скифское общество как раннеклассовое.

Что же представляло собою раннеклассовое скифское общество?

В связи с этим необходимо кратко остановиться на удельном весе рабства в социально-экономической структуре скифского общества.

Единственным достоверным источником, подтверждающим наличие у скифов института рабства, является рассказ Геродота (IV, 2) о неких слепых рабах (упоминание об их слепоте является, вероятно, неправильной трактовкой информации, изложенной его скифскими собеседниками), которые использовались при доении кобылиц. Иными словами, речь здесь идет о сугубо патриархальном рабстве.

Противоречит тезису о широком распространении рабства и сюжет об убийстве скифами каждого сотого пленника (Геродот IV, 62), т.е. потенциального раба. Это вполне объяснимо – ведь даже возможности «экспорта» рабов были в то время весьма ограничены. По наблюдению Ю.В. Павленко (1990), достаточно большую потребность в невольниках испытывали лишь те греческие полисы, экономика которых ориентировалась на внешний рынок (Милет, Самос, Афины и др.). При этом в древнегреческом мире преобладало мелкое крестьянское производство, которое не испытывало особой нужды в большом количестве рабов. Однако, основываясь на данных о применении рабского труда у средневековых кочевников, А.И. Тереножкин (1977, с. 18) считал, что рабство у скифов могло быть более распространено, чем это следует из письменных источников. При этом рабы могли использоваться не только в домашнем, но и в скотоводческом хозяйстве.

Таким образом, у скифов, по А.И. Тереножкину, явно прослеживается сосуществование двух укладов – феодального, который пронизывал все иерархические уровни собственно скифского общества от верховного владыки до рядового номада, и рабовладельческого, базирующегося на подневольном труде, где использовались, прежде всего, обращенные в рабство плененные противники. Все это напоминает феодально-рабовладельческий уклад, который Л.С. Васильев и И.А. Стучевский (1966) выделили в качестве одной из форм докапиталистических обществ. К близкой точке зрения склонялся и А.И. Тереножкин (1977, с. 25).

В нашем представлении скифское общество было более близко к раннефеодальному, которое отличалось многоукладностью (Гуревич А.И., 2007, с. 196–197). Впрочем, как справедливо заметили Л.С. Васильев и И.А. Стучевский (1966, с. 87) в ходе дискуссии о моделях и эволюции докапиталистических обществ сочетание рабовладельческого и феодального укладов в различных ситуациях было неодинаковым. С нашей точки зрения, скифское общество было таким, где феодальный уклад явно превалировал.

Так же, как и другие подобные общественные организации, оно к тому же усложнялось пережитками родоплеменного строя (например, основанная на вымышленном кровном родстве всех скифов родоплеменная структура скифской орды) и элементами рабовладения.

Раннефеодальный уклад зиждился, прежде всего, на сочетании коллективной собственности на землю с частной собственностью на скот (Бунятян Е.П., 1984; 1985а), что обуславливало личную независимость каждого члена общества, в том числе и рядовых общинников, способных вести самостоятельное хозяйство. Как свидетельствуют этнографические данные, для этого средняя кочевая семья должна была иметь около 20–25 голов скота в условном перерасчете на лошадь (Масанов Н.Э., 1995, с. 39).

Естественно, слой рядовых общинников не был однородным в имущественном отношении (Бунятян Е.П., 1985б, с. 91–97). На одном его полюсе находилась достаточно немногочисленная, судя по археологическим данным, прослойка безлошадных скифов, не имевших, подобно скифу Стратону, упомянутому поэтом Пиндаром, даже кибитки (Схолии к комедиям Аристофана, ст. 941), – то ли рабы, принятые в состав патриархальной семьи, то ли утратившие в силу каких-то причин свое имущество рядовые общинники. На противоположном полюсе находилась наиболее зажиточная и также весьма незначительная в количественном отношении часть рядовых скифов, приближающаяся по своему имущественному статусу к скифской знати. По всей вероятности, ими были главы скифских родов и, соответственно, предводители родовых воинских подразделений или главы больших семей¹, состоявших из двух-трех поколений, их многочисленных слуг из числа бедных родственников и домашних рабов.

Основную массу рядовых скифов, вероятно, составляли «восьминогие» Лукиана (Скиф или гость, 1), т.е. обладатели кибитки, пары волов и определенного количества скота, необходимого для нормального существования семьи.

Однако все скифы, независимо от их имущественного положения, были, прежде всего, воинами – предметы вооружения, хотя бы их минимальный набор в виде наконечников стрел, обнаружены в 97,4% скифских мужских погребений (Бунятян Е.П., 1985б, с. 92). Это давало им относительную личную свободу, ограниченную, однако, потребностями всего кочевого сообщества.

Вершину скифской пирамиды занимал верховный царь и его ближайшие сподвижники из числа высшей скифской аристократии. Среди них были цари двух менее значительных царств² и владельцы номов, под которыми, вероятно, следует понимать крупные военно-племенные подразделения скифской орды. Все они, очевидно, были связаны своим происхождением с правящим родом.

Создание трехчленной административно-военной структуры Скифии (два «крыла» и «центр» или, как обозначил Геродот (IV, 62; IV, 120) более понятными грекам терминами – три царства-басилеи, одно из которых – «великое») было связано, согласно скифской этногенетической легенде (версия Г–1 по Д.С. Раевскому), с именем Колокса, разделившим Скифию между тремя своими сыновьями. Тем самым сакрализировалась сама существующая система, поскольку Колокса символизировал на космологическом уровне одну из сфер мироздания (Грантовский Э.А., 1960, с. 9), а само трехчленное деление Скифии являлось воплощением на социально-политическом уровне идеальной трехчленной модели мира (Раевский Д.С., 1977, с. 72).

Однако у скифов, как и у других кочевников, начальным толчком к формированию триадной военно-политической организации послужило разложение первобытнообщинных отношений, выделение знатных и правящих родов.

¹ По С.А. Плетневой (2010, с. 139), у половцев такие семьи – «кош» или «аил» не были равновеликими по численности и богатству. В зависимости от экономических и внеэкономических причин (в частности, от степени знатности семьи) все они стояли на разных ступенях иерархической лестницы. И в некоторых случаях глава такой семьи приближался по своему положению к главе рода.

² По всей вероятности, три «царства», на которые делилась скифская орда, можно весьма условно сопоставить с улусами более поздних монголо- и тюркоязычных кочевников.

В кочевых обществах с их характерной, организованной по родоплеменному принципу структурой по такой схеме строились отношения господства и зависимости между родовой знатью и рядовыми общинниками. При этом более слабым племенам отводилось особое место – как правило, «левое крыло» – в рамках уже относительно единой родоплеменной структуры кочевого союза. Так формировалась основа – два неравноправных «крыла» будущей триадной организации. В отличие от последней, такая организация получила название «дуальной». Формирование трехчленной организации на основе дуальной происходило в момент завоевания кочевниками новых групп населения – в случае со скифами речь идет о киммерийцах. С выделением «центра» – этой наиболее привилегированной части кочевого общества, триадная организация окончательно оформлялась и становилась орудием господства правящей верхушки («центра»), которая опиралась на «природных» подданных (обычно «правое крыло» новой орды), над только что подчиненными группами населения, объединенных в «левом крыле» новой военно-политической организации (Карагодин А.И., 1984, с. 26–34).

При этом правое крыло выполняло функцию постоянного войска, левое – военного ополчения, а центр – органа военно-политической власти (Стратанович Г.Г., 1974). Как нам представляется (Мурзин В.Ю., 2014, с. 81–82), «центр» или «главное царство» во главе с верховным царем скифской орды составляли скифы-царские, правое «крыло» их «природные» подданные – скифы-кочевники, а левое крыло – потомки покоренных киммерийцев, которыми мы считаем скифов-*γεωργοί*. В связи этим важна точка зрения выдающегося ираниста В.И. Абаева (Дискуссионные проблемы..., 1980, с. 130), который предложил скифов-*γεωργοί* считать не «скифами-земледельцами», как переводился этот термин ранее исходя из древнегреческого языка, а огреченым названием скифов-«*gau-varga*», т.е. тех, что разводят скот. Кроме того следует заметить, что скифы-царские, скифы-кочевники и скифы-*γεωργοί*, вероятно, имели собственную достаточно сложную родоплеменную структуру – что-то наподобие, например, родоплеменной структуры трех казахских жузов – «*Уш Алаш*» (Масанов Н.Э., 1995, с. 55–64)), родоначальниками которых были три сына Алаш-хана, мифологического прародителя казахского народа (Валиханов Ч.Ч., 1985а, с. 308).

Именно эти племенные группировки, входившие в состав трех скифских «царств», по видимому, и можно считать Геродотовыми номами.

Если со стратификацией курганных погребений рядовых скифов, как мы видели, ныне особых проблем не возникает, то с выделением среди курганных памятников высшей скифской аристократии курганов того или иного ранга дело обстоит намного сложнее.

Для примера возьмем памятники конца V – IV в. до н.э., исследованные на территории северопричерноморской Степи, т.е. памятники эпохи наивысшего расцвета северопричерноморской Скифии. В свое время Б.Н. Мозолевский (1979, с. 152, 157, табл. IV) разделил курганы скифской знати на четыре группы в зависимости от высоты надмогильного сооружения, заметив при этом, что ранг погребенных в них лиц нельзя определять лишь по этому признаку. Г.Н. Курочкин (1980) предложил расширить список признаков, определяющих ранг лиц, погребенных в курганах кочевой аристократии. В него он включил трудовые затраты при сооружении погребальных комплексов; количество сопровождающих человеческих захоронений; количество конских сопровождающих захоронений; богатство инвентаря, а именно количество изделий из драгоценных металлов.

Несомненно, все эти моменты (кроме «богатства инвентаря») нашли свое отражение при анализе наиболее известных погребений скифской знати, например кургана Чертомлык (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991, с. 144).

Вместе с тем нельзя согласиться с Ю.В. Болтриком (2004; 2013, с. 199), который сводит проблему ранжирования курганов высшей скифской аристократии практически лишь к сравнению трудозатрат, затраченных на сооружение курганной насыпи. По сути, такой подход практически не отличается от подхода Б.Н. Мозолевого – ведь абсолютно понятно, что чем выше была насыпь, тем больше труда было затрачено на ее возведение. При этом исследователь (Болтрик Ю.В., 2004, с. 88) на основании объемов курганных насыпей выделил несколько категорий курганов высшей

скифской аристократии: 1) курганы верховных царей (117–82 тыс. куб. м); 2) курганы членов царской семьи (?) (40–36 тыс. куб. м); 3) родственников царя (?) (13–11 тыс. куб. м); 4) колпаконосцев¹ «первого уровня» (7,7–6,6 тыс. куб. м); 5) колпаконосцев «второго уровня» (4,2–2,4 тыс. куб. м). Затем Ю.В. Болтрик (2004, с. 86, 89) высказал мысль о том, что каждому рангу соответствовало «определенное количество повозок материала», более того, по его мнению, имело место государственное регулирование уровня погребальных почестей в зависимости от социальной позиции умерших².

Между тем так называемые **курганные насыпи** представляли собой достаточно сложные архитектурные сооружения. Этот тезис не вызывает сейчас никаких возражений. Подробнее продемонстрируем это на примере кургана Чертомлык.

Основным материалом, использованным при его возведении, были пластины дерна. По наблюдению немецких палеопочвоведов М. Кламма, Г. Фиброка и Б. Мейера (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991, с. 306), для его строительства понадобилось 70 000 куб. м грунта, т.е. несколько меньше, чем представлялось Ю.В. Болтрику. Это означает, что с этой целью был срезан дерн на площади около 35 га, причем дерн брали в непосредственной близости от возводимого кургана. Сооружение из дерна было укреплено тремя concentрическими клиновидными, сужающимися кверху, прослойками, состоявшими из грунта того же происхождения, но который, для придания ему необходимой жесткости, был утрамбован или утопан в увлажненном состоянии.

Естественно, для подобного строительства привлекалась значительная масса людей. Мы не знаем, да и едва ли узнаем точное их количество, однако можем предположить, что в нем участвовали представители всех крупных подразделений скифской орды, объединенных под властью великого царя Скифии, погребенного в Центральной гробнице Чертомлыка.

Такой вывод позволяют сделать наблюдения известного специалиста в области античной архитектуры С.Д. Крыжицкого, изучавшего остатки каменной вертикальной стены (высотой до 2,5 м), окружавшей надмогильное сооружение Чертомлыка, благодаря которой создавалось впечатление, что надмогильное сооружение покоится на высоком каменном цоколе, как бы визуальнo отделявшем этот рукотворный холм от окружающего рельефа.

С.Д. Крыжицкому при анализе кладки наиболее сохранившегося участка этой стены длиной около 40 м удалось выявить, как минимум, семь так называемых *захваток*, т.е. участков стены, возводимых одновременно разными группами строителей, с использованием разной техники (кладка постелистая однорядная и иррегулярная с разной степенью однородности) и с применением камня различных пород (известняк или серый гранит) и различного размера. Таким образом, только в строительстве этого сравнительно небольшого участка стены (общий размер стены примерно 80×90 м) участвовало семь групп людей, обладавших различной техникой каменной кладки.

Естественно, при подсчете труда, затраченного на сооружение погребальных сооружений, необходимо учитывать и размеры подземных погребальных сооружений, характерных для конца V – IV в. до н.э., – так называемых скифских катакомб.

¹ По Лукиану (Лукиан. Скиф или гость, 1) – *πλοφόριχοι* (пилофоров), т.е. носящих особый головной убор, что в вольном переводе может означать «колпаконосцев». Однако остроконечные войлочные шапки, как свидетельствуют материалы торевтики и изобразительного искусства, были характерной особенностью всех кочевников Великой степи в скифское время. Вероятно, здесь речь идет о лицах, традиционные головные уборы которых дополнялись особым декором. Уникальным в этом смысле является головной убор «Золотого человека» из кургана Иссык (Акишев К.А., 1978, с. 43–46). Однако, как справедливо заметил А.М. Хазанов (1975, с. 181), мы не знаем, идет ли речь в рассказе о пилофорах обо всей скифской аристократии или о какой-то ее части.

² Не хочется приводить неуместные аналогии, но четкая регламентация почестей, оказываемых представителям скифской знати после смерти, предложенная Ю.В. Болтриком, невольно вызывает в уме ассоциацию с намного более поздними советскими традициями – кого-то из государственных или партийных деятелей было положено хоронить на Новодевичьем кладбище, кого-то – в Кремлевской стене, иных – у Кремлевской стены, а в исключительных случаях тела помещались в Мавзолей.

При этом их глубина не является определяющим фактором. Это объясняется тем, что глубина¹ подземных сооружений зависела не столько от пожеланий «архитектора кургана» (а наличие таких специалистов у кочевников у нас не вызывает сомнения), сколько от особенностей грунта, в котором вырубались камеры – своеобразные погребальные покои.

Например, в том же Чертомлыке глубина Центральной гробницы составляла 10,82 м и подземные камеры были сооружены в суглинке естественной плотности, что обеспечивало относительную устойчивость их сводов, а ниже – примерно с глубины 12 м, как показали две гидрогеографические скважины, пробуренные на кургане, начинался плавун, проходка которого и в настоящее время сопровождается значительными техническими сложностями (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991, с. 319).

Более показательный признак – площадь подземных сооружений. Если не принимать во внимание курган Огуз, погребальное сооружение в котором представляло собой каменный склеп, сложенный на дне огромной (16,3×16,3×6,6 м) ямы из хорошо отесанных блоков (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 138), что абсолютно нехарактерно для курганов скифской аристократии, исследованных на территории северопричерноморской Степи, но, несомненно, потребовавший очень значительных затрат труда для его сооружения, то наиболее обширным погребальным сооружением в Степи является, пожалуй, пятикамерная катакомба Центральной гробницы Чертомлыка (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991, с. 54–64).

Многокамерные гробницы также были выявлены в курганах Козел² и Большая Цымбалка (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 149). Двухкамерная катакомба была сооружена в Центральной гробнице Солохи (Манцевич А.П., 1987, рис. 4). Зафиксированы многокамерные катакомбы и в менее значительных по высоте курганах: Мордвиновском-I, Мордвиновском-II и др.

В некоторых случаях у архитекторов средних, скажем так, по размерам курганов также наблюдается стремление претворить в жизнь нечто подобное, но несколько иным способом. Так, под насыпью Бердянского кургана было обнаружено три основных и одновременных катакомбы. Об этом свидетельствует материковый выкид из них, прослеженный на уровне погребенного чернозема (Мурзин В.Ю., Фіалко О.Є., 1988, с. 88), а это означает, что катакомбы Бердянского кургана могут рассматриваться как некий эквивалент многокамерным гробницам Чертомлыка, Козла, Цымбалки и Солохи и др.

Впрочем, Ю.В. Болтрик (2000) склонен считать, что под насыпями и других средних по размерам курганов скифской аристократии, в частности под насыпью Гаймановой Могилы, нет впускных погребений, а все они являются основными, т.е. они подобны Бердянскому кургану. Но такому предположению противоречит, в частности, четко зафиксированная очередность погребений на той же Гаймановой Могиле (Бидзиля В.И., Полин С.В., 2012, с. 57, рис. 41).

Количество погребенных вместе с основным покойным слуг не всегда возможно установить по причине практически тотального ограбления центральных могил. Их наибольшее количество (9) было зафиксировано в Чертомлыке (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991, с. 143, табл. 2).

То же самое касается и **захоронений коней**, которые достаточно хорошо сохранились лишь в отдельных конских могилах. Между тем, как справедливо заметила М.А. Очир-Горяева (2012, с. 454), в погребальных сооружениях кочевников степей Евразии конские погребения занимали место дорогого сопровождающего погребального «инвентаря», соответствующего статусу важных транспортных животных. В отличие от других транспортных животных, которые также использовались в хозяйстве кочевников, кони были показателем социального престижа покойного.

¹ Во всех погребениях высшей скифской аристократии она довольно значительна – наибольшая (12,5 м) зафиксирована в Бердянском кургане (Мурзин В.Ю., Фіалко О.Є., 1998, с. 88).

² В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин упоминают четыре камеры в кургане Козел. Однако, как сообщил мне в частном письме А.Ю. Алексеев, опираясь на архивные данные, он допускает, что Центральная гробница Козла была пятикамерной, а ее план был почти тождественен планировке Центральной гробницы Чертомлыка.

Если исходить из этого тезиса, то к числу скифских аристократов наивысшего социального ранга следует отнести лиц, покоящихся в центральных гробницах Чертомлыка и кургана Козел (по 11 коней в трех отдельных конских могилах).

Однако этот показатель «срабатывает» далеко не всегда. Так, в одном из скифских курганов-гигантов – Александропольском (высота около 21 м) – рядом с центральной гробницей была выявлена одна конская могила с захоронением одного коня (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 136), а в кургане Чмырева Могила, высота которого не превышала 6 м, рядом с впускной катакомбой находилась конская могила со скелетами десяти лошадей (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 148).

Более показателен в этом плане состав конской узды. Роскошные уздечные наборы соответствовали высокому статусу, но не самих коней, а погребенного в этом кургане человека (Очир-Горяева М.А., 2012, с. 454). Тем не менее и в данном случае уловить определенные закономерности не так уж и просто. В том же кургане Козел отсутствовали золотые украшения деталей узды, а в Чмыревой Могиле, например, были выявлены роскошные конские уборы, в состав которых входили многочисленные золотые, серебряные и бронзовые украшения.

Еще более размыт такой показатель, как **«богатство погребального инвентаря»**, на основании количества найденных изделий из золота и серебра.

Во-первых, практически все центральные погребения в курганах скифской аристократии оказались ограбленными в древности с той или иной опустошительностью.

Во-вторых, не понятен принцип подсчета – не ясно, следует ли считать за одну единицу и такие шедевры древнего ювелирного искусства, как золотой гребень из кургана Солоха, серебряная амфора из кургана Чертомлык или пектораль из Толстой Могилы, и небольшую золотую нашивную бляшку. Кроме того, как считать – скажем, женский головной убор, декорированный золотыми пластинами и бляшками, как одну единицу или каждое его украшение учитывать как единицу.

По нашей просьбе А.Ю. Алексеев подсчитал количество всех золотых и серебряных украшений, найденных в Центральной гробнице Чертомлыка. По его примерным данным, оно составляет 4030 золотых и 90 серебряных изделий. Но каким образом это можно увязать с определением статуса погребенного в ней лица, остается совершенно неясным.

В целом основные критерии социального ранжирования курганов можно охарактеризовать таблицей, в основу которой положены наблюдения А.Ю. Алексеева (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991, с. 143, табл. 2).

Основываясь на этих и других признаках, выдающиеся специалисты в области археологии и истории скифов А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская (1983, с. 124–139) выделили четыре кургана, которые они считали погребальными памятниками верховных скифских царей: Солоху, Чертомлык, Александрополь и Огуз. А.Ю. Алексеев склонен расширить этот список за счет Толстой Могилы и Цымбалки. Это следует из того, что один из этих курганов он считает возможной усыпальницей Атея – одного из наиболее выдающихся и известных царей Скифии (Алексеев А.Ю., 2003, с. 276). Надо сказать, что А.Ю. Алексеев (2003, с. 276, 279) посвятил этой теме – соотношению династической истории Европейской Скифии с эталонными памятниками скифов – не одно свое исследование, подведя их общий итог в своей фундаментальной монографии, отметив при этом всю деликатность этой проблемы.

Поскольку это занятие оказалось весьма привлекательным в силу возможностей, которое оно представляет исследователю для демонстрации своего неординарного мышления, по проторенному А.Ю. Алексеевым пути пошли и другие ученые, подходя к этому вопросу более прямолинейно. О перипетиях этого поиска наглядно свидетельствуют хотя бы попытки поиска гробницы одного из сыновей скифского царя Ариапифа – Орика (Кузнецова Т.М., 2012). В связи с этим можно заметить, что занятие это, бесспорно, увлекательное, но чем-то сродни гаданию на кофейной гуще.

Памятник	Кол-во		Преобладающий материал украшений сруи			Кол-во		Высота насыпи, м
	кон-ских могил	ске-летов	золо-то	сереб-ро	брон-за	камер	«слуг»	
Чертомлык (центральное погребение)	3	11	+	+		5	Не менее 9	Около 21
Козел	3	11		+	+	4 или 5	Не менее 3	14
Огуз (центральное погребение)	1	4	+			каменный склеп	Не менее 4	Около 20–21
Цымбалка	1	6	+	+		3	Не менее 1	Около 15
Солоха (впускное погребение)	1	5	+	+		1	3	Досыпка с 15 до 18
Толстая Могила	2	6	+	+		2	Не менее 3	8
Солоха (центральное погребение)	1	2	+			2	?	Около 15
Александрополь (первичное погребение)	1	1	+			1	?	Менее 21
Краснокутский	1	4		+		1	?	8,5
Лемешев	1	3		+	+	1	?	8,5
Мелитопольский (впускное погребение)	1	2			+	1	1	Досыпка
Мордвиновский-II	1	1			+	4	9	Около 7
Башмачка	1	1			+	1		7,2
Мордвиновский-I (центральное)						4	9	Менее 7

Но вернемся к теме нашей работы. Совершенно очевидно, что в настоящее время мы более или менее уверенно можем выделить памятники конца V – IV в. до н.э., которые венчали пирамиду скифской власти (гробницы верховных скифских царей) и ее фундамент – погребения рядовых скифов.

Что касается промежуточных конструкций этой пирамиды – гробниц скифской аристократии, то определить социальный статус погребенных в ней лиц в настоящее время едва ли возможно, да и вряд ли это можно будет сделать в дальнейшем¹.

Не случайно В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин (1983, с. 360) подразделяли скифские погребальные памятники на царские курганы, курганы скифской знати, богатых скифов и рядового населения без дополнительной градации усыпальниц скифской знати. В свою очередь Б.Н. Мозолевский (Мозолевский Б.М., 1979, с. 229–230) при подведении итогов своего исследования, посвященному широко известному кургану Толстая Могила, отмечал, что определение социального статуса основного погребенного в ней пока преждевременно, хотя он и близок к статусу погребенных в царских курганах.

¹ Т.М. Кузнецова (2009) предложила считать археологическим маркером могил скифских номархов бронзовые котлы малых размеров и связанные с такими погребениями антропоморфные стелы без изображения ритона. В отношении котлов идея не нова, она хорошо разработана С.А. Плетневой на примере металлических казанов гуннов и половцев. В связи с этим она считала, что небольшие котлы были обязательным атрибутом «кащеев» русских летописей, т.е. глав больших семей – кошей или айлов (Плетнева С.А., 1982, с. 23, 55; 2010, с. 139). Именно поэтому настаивать на том, что скифские бронзовые котлы небольших размеров являются признаком именно погребений скифских номархов, не имеет смысла. Немногочисленны и находки скифских антропоморфных стел – согласно сводке В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова (1994, с. 41), на территории Степного Причерноморья насчитывается 28 таких находок IV–III вв. до н.э. (включая как стелы, так и базисы к ним без стел), причем далеко не все они связаны с определенными курганами.

Попробуем разобраться, чем обусловлена подобная ситуация.

Одной из характерных особенностей удельной системы, характерной практически для всех раннегосударственных, точнее – раннефеодальных, образований как у кочевников, так и у оседлых народов было то, что все их крупные подразделения (у скифов, надо полагать, – это «царства» и номы) возглавлялись представителями одного правящего рода. В связи с этим для них был обычен весьма специфический порядок престолонаследия, так называемая удельно-лестничная система, которая зиждилась на представлении о том, что власть принадлежала не одной правящей династии, а всему правящему («золотому») роду в целом. Это предусматривало последовательное восхождение к власти не по прямой линии – от отца к сыну, а по старшинству членов правящей династии – от старшего брата к младшему и далее к старшему племяннику.

Такая система имела достаточно большое практическое значение, поскольку исключала переход власти к малолетнему наследнику, а также сдерживала губительные для государства центробежные тенденции, «привязывая» владельцев уделов к центральной власти, на получение которой, в идеале, мог рассчитывать каждый из них (Гумилев Л.Н., 1959, с. 12; 1967, с. 56–58). Однако идеальная схема далеко не всегда соблюдалась в реальной жизни.

Одной из причин была многочисленность правящего рода, что делало для многих ее представителей надежду на достижение верховной власти весьма призрачной. Это неизбежно порождало династическую борьбу внутри правящего рода, иногда весьма ожесточенную и кровавую. Достаточно вспомнить историю князей-мучеников Бориса и Глеба, убитых их братом Святополком Окаянным.

У номадов на устойчивость власти во многом влияло и настроение кочевого сообщества, поскольку обязательства кочевого сообщества по отношению к своему властителю, легитимность которого определялась его принадлежностью к «золотому роду» и сакрализацией его власти, предусматривала, в свою очередь, и его определенные обязательства относительно своих кочевых подданных. Так, клятва номадов отдавать ценнейшую часть добычи своему царю или кагану автоматически означала, что правитель должен обеспечить получение такой добычи и процветание кочевого общества (Хара-Даван Э., 1992, с. 51–52).

В случае невыполнения властителем своих обязанностей или недостаточным их выполнением перед кочевым сообществом, номады могли задействовать крайние меры, тем более, что претендентов на его место хватало – ведь «золотые роды» были весьма многочисленными.

Поскольку кровь представителя правящего рода считалась священной, номады часто использовали такой простой способ, как откочевка от никчемного или жестокого властителя под руку его более удачливого родственника. Это отнюдь не было формой пассивного сопротивления, поскольку жизнь кочевника за пределами коллектива означала не только его гражданскую смерть, а часто и физическую смерть в условиях враждебной среды.

Примерами такого рода пестрит история средневековых кочевников (Бисенбаев Асылбек, 2003, с. 131–133). Одной из самых ярких является печальная история Тахир-Хана, который несдержанностью своего характера вызвал негодование своих эмиров и воинов. В результате его подданные ушли от него. Если в начале своего владычества под его началом было 40000 воинов, то верными ему остались лишь около тысячи (Тизенгаузен В., 1941, с. 215).

К сожалению, из-за недостатка письменных источников мы не располагаем подлинными данными о подобных случаях в среде ранних кочевников. Однако они явно имели место, в том числе, как мы считаем, и у скифов. Ведь их царский род также был очень многочисленным, о чем свидетельствует характерная удельно-лестничная система наследования верховной власти, которая, как мы думаем, имела место в скифской орде подобно и другим раннеклассовым образованиям (Мурзин В.Ю., 1990, с. 74–75).

О том, что и у скифов практиковалась смена неугодных или неумелых правителей, свидетельствуют трагические судьбы скифского царя Скила, покинутого скифским войском ради его брата Октамасада, приказавшего затем казнить Скила, а также скифского принца Анахарсиса, при-

нявшего свою смерть от руки родного дяди (Геродот IV, 76–80). Несомненно, все эти дворцовые интриги скифов были связаны с борьбой за власть внутри многочисленного царского рода. Учитывая, что пролитие царской крови было событием неординарным, видимость легитимности этому была придана обвинением Анахарсиса и Скила в приверженности чужеземным обычаям и поклонением чужеземным богам, что было равносильно измене своему народу.

Если причиной убийства царевича Анахарсиса его братом царем Савлием было, как нам представляется, стремление последнего передать власть своему сыну Иданфирсу – будущему победителю Дария I, в обход его дяди Анахарсиса, то в трагической судьбе Скила большую роль сыграло недовольство его ближайшего окружения – прежде всего, личной дружины, с которой он прибыл к стенам Ольвии для «кормления» и сбора дани¹, вызванное, по официальной версии, его поклонением чужеземным богам, а на деле, очевидно, – размером собранных с ольвиополитов «даров», т.е. ситуация, напоминающая ту, в которой оказался позднее князь Игорь, упоминаемый летописцами под именем Игоря Старого, во время сбора дани с древлян.

Соответственно, смерть Анахарсиса и Скила была обусловлена, по нашему мнению, не борьбой эллинофильской партии и партии скифских ортодоксов, существование которых внутри скифского общества можно было бы предположить, а борьбой за верховную власть над Скифией между наиболее сильными претендентами.

Таким образом, в письменных источниках зафиксированы, главным образом, те имена скифских властителей, которые отличались своей харизмой и воинским талантом. Именно им принадлежат величественные курганы, подобные Солохе, Чертомлыку, Огузу и др. Имена их более слабых соперников не сохранились в народной памяти скифов и, следовательно, не сохранились и в свитках древних рукописей, да и похоронены они, вероятно, не с такой величественной роскошью.

В связи с этим интересно погребение, обнаруженное в центре небольшого античного города на Северном побережье Черного моря – Никония, которому покровительствовал Скил и в котором чеканилась монеты с его именем. Здесь, в каменном склепе, обнаруженном «черными археологами», был выявлен инвентарь, уцелевший после ограбления склепа в древности. Среди них бронзовое навершие, увенчанное скульптурой скифского бога Папая, около 750 золотых нашивных бляшек, золотые оковки двух ритонов, что абсолютно не соответствует древнегреческим погребальным традициям. По оригинальной мысли В.А. Рябовой и И.П. Лежуха (http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/ryabova_lezhukh.htm) этот склеп мог служить усыпальницей Скила, тело которого его сторонники тайно похоронили в любимом его городе, но без надлежащих царскому сану почестей.

На более низких уровнях достижение власти обуславливалось не только внутридинастической борьбой и настроением основной массы кочевников данного подразделения – «царства» или нома. На выбор их предводителей не могла не влиять политика верховного царя, естественно, стремящегося закрепить узловые позиции в военно-административной системе не только за способными военачальниками и организаторами (говоря нынешним языком) из числа своих многочисленных родственников, но и за наиболее преданными ему лично лицами. Поскольку верховный царь Скифии непосредственно участвовал в распределении властных полномочий, а также, по нашему мнению, определял границы кочевий основных военно-политических подразделений скифской орды – прежде всего трех «царств», владельцы которых, в свою очередь, определяли территорию кочевий подвластных им номов, в скифском раннефеодальном государстве не могла не возникнуть вассально-ленная система.

В связи с этим нам очень импонирует мысль выдающегося французского медиевиста А. Блока (2003, с. 434), согласно которому в воинском сословии (а к его числу принадлежала практически вся мужская часть дееспособного населения скифской орды) феодальные отношения строятся на основе повиновения и покровительства – «патроната», иными словами, которые и определяют размер вознаграждений сюзерена своим вассалам.

¹ По авторитетному мнению Ю.Г. Виноградова (1989, с. 104), Ольвия в V в. до н.э. находилась под протекторатом скифов.

Поскольку скифское государство было по своей сути экспансионистским, его главной функцией была внешняя эксплуатация подчиненных племен и народов в виде прямого военного грабежа, получения выгоды от контроля над торговыми путями и, прежде всего, наложения дани на покоренное земледельческое население Лесостепи (Хазанов А.М., 1975, с. 264).

Доля номархов в этой добыче определялась не только степенью их воинской доблести, но и численностью нома, а также положением последнего в социальной структуре скифской орды.

Поэтому и степень влияния и богатства номарха малочисленного нома, входившего в состав наименее привилегированного «царства» («крыла»), могла очень заметно отличаться от влияния и богатства номарха в составе «главного царства» («центра») скифской орды, возглавляемого непосредственно верховным царем Скифии и объединяющим племена скифов-царских, считавших всех прочих скифов своими рабами (Геродот, IV, 20). Это не могло не сказываться на различиях в степени роскоши их погребального инвентаря.

Различными были и масштабы их погребальных сооружений, поскольку трудовые затраты на их возведение определялись, прежде всего, числом лиц, подвластных тому или иному номарху.

Едва ли мы можем сейчас точно уловить все эти нюансы, поэтому говорить о каких-то определенных критериях выделения погребений скифских номархов среди значительного массива курганов скифской аристократии, по нашему мнению, будет чересчур самонадеянно.

Глава V

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ, ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЯ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ (на примере пазырыкского общества и хунну)¹

В вопросе изучения специфики кратических отношений в кочевом обществе важную роль играет изучение механизмов управления политическими формированиями номадов, существующих на региональных уровнях. Любая политическая система включает в себя механизмы трансляции власти в социуме, обеспечивающие ей возможности реализации власти.

Понятие «региональная элита» вошло в научный категориальный аппарат сравнительно недавно (Кондратович И.В., 2009, с. 166). Появление данной социальной группы требует наличия определенных условий. Во-первых, формирование региональных управленческих структур в составе более крупного политического объединения, имеющего систему центрального управления. Во-вторых, региональная элита обладает относительной свободой в рамках собственных территориальных границ, что отличает ее от института номенклатуры (Понеделков А.В., Старостин А.М., 2000, с. 31–32).

При структурном анализе региональной элиты можно использовать несколько подходов. Н.С. Слепцов, И.В. Куколев, Т.М. Рыскова (1998) предлагают социологическую методику в исследовании региональной элиты, что позволяет анализировать ее с точки зрения социально-профессионального происхождения. Другой подход предполагает применение географического принципа в определении структуры региональной элиты по ее территориальному происхождению. Например, изучается соотношение автохтонных (местных) и «пришлых» административных единиц. При этом определяются устойчивые группы элиты, происходящие с одной территории внутри региона.

Этнический подход определяет этническую структуру региональной элиты и ее соответствие этнической структуре населения. Вопрос распределения власти и ключевых политических позиций между представителями этнических и субэтнических групп является особенно актуальным в национальных автономиях (Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М., 1998).

При сравнительно большом многообразии представителей региональной элиты в настоящее время исследователи затрудняются дать конкретные характеристики и отличительные признаки данной группы. Следует отметить, что нередко в каждом конкретном регионе можно говорить о своих особенностях формирования структуры власти, с учетом влияния этнического, экономического и других факторов. В связи с этим набор маркеров, определяющих именно региональную элиту, значительно расширяется (Понеделков А.В., Старостин А.М., 2000). Несмотря на это, важнейшим признаком элиты, в том числе и региональной, будет являться обладание властью.

Имеющиеся материалы и теоретические разработки позволяют провести изучение региональной элиты в системе политических формирований номадов Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности.

При изучении региональной элиты носителей пазырыкской культуры следует отметить вопрос институализации власти в структуре пазырыкского общества. Некоторые исследователи отмечают, что территориальный ареал распространения памятников данной культуры дает основания полагать о наличии обширной политики номадов, имеющих как центр, возглавляемый политической элитой, так и периферию, с присущей ей системой реализации власти. При отсутствии письменных свидетельств в вопросе изучения социальной структуры древних обществ привлекаются материалы археологических памятников.

«Царские» погребальные объекты, принадлежащие представителям верховной власти, достаточно легко верифицируются исходя из масштабности и богатства сопроводительного инвентаря. Однако в отношении изучения региональных структур власти можно отметить отсутствие подоб-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-31-01204 «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья»).

ных четко прослеживающихся маркеров, что делает затруднительным выделение погребальных памятников, принадлежащих представителям «региональной» элиты.

К числу маркирующих признаков региональной элиты следует отнести «престижные» вещи, имеющие наибольшую ценность в обществе кочевников (Харинский А.В., 2004, с. 118). Как уже отмечалось, важной функцией элиты в кочевом обществе было формирование определенной «кочевой моды» (Дашковской П.К., 2005а, с. 241), что в свою очередь проявлялось в стремлении представителей местной власти подражать политическим лидерам в обладании наиболее «статусными» предметами. Для пазырыкской культуры к их числу можно отнести лаковые изделия, обязательное сопроводительное погребение лошади, наличие набора предметов вооружения, предметы костюмного комплекса – украшения, гривны и головные уборы.

В территориальном аспекте «царские» памятники пазырыкской культуры располагаются в Центральном и Юго-Восточном Алтае, определяя собой сакральный центр политического формирования «пазырыкцев». Однако территориальный охват данной политики был гораздо большим, включая в свою структуру обширные предгорные и горные районы Алтая и прилегающей территории Монголии. Северо-Западный Алтай – один из перспективных для археологического изучения регионов Южной Сибири. Это связано с тем, что по рекам Чарыш, Иня, которые являются основными водными артериями территории, проходил определенный исторический коридор, позволявший попасть из горных районов в предгорную и степную зону Алтая и соседнего Казахстана. В связи с этим исследование памятников кочевников представляет существенный интерес для реконструкции этнокультурных и этносоциальных процессов, протекавших в данной области в эпоху поздней древности. В этой части Алтая известна целая серия могильников пазырыкской культуры, что свидетельствует о значительной заселенности региона кочевниками в V–III вв. до н.э. При этом здесь почти нет масштабных «царских» курганов пазырыкской культуры, за исключением одного объекта в долине р. Сентелек, который не раскопан (Шульга П.И., 2000).

В связи с этим вполне закономерен вопрос об особенностях социально-политического функционирования объединения «пазырыкцев» в этом районе. Ответ на такой вопрос связан как раз с возможностью выделения региональной элиты «пазырыкцев» на основе анализа археологического материала. В данном случае уместно обратиться к результатам исследования более 40 курганов пазырыкской культуры на могильниках Ханкаринский дол, Чинета-II и Инской дол, входящих в Чинетинский археологический микрорайон (Краснощековский район Алтайского края) (рис. 1). В течение многих лет Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством П.К. Дашковского при участии автора проводила исследование пазырыкских курганов в этой части Алтая (Дашковский П.К., 2002; 2003б; 2004б; 2005д; 2006; 2007б; 2008в; 2009д; 2010в; 2012; 2013 г; 2014е; 2015в; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2014б; 2015а; Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А., 2015; и др.). Полученные результаты и служат фактическим основанием выделения региональной элиты у «пазырыкцев» Северо-Западного Алтая.

Прежде всего обратимся к результатам анализа материалов могильника Ханкаринский дол, которые отражены в отчетах экспедиционных исследований, хранящихся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (Дашковский П.К., 2002; 2003б; 2004б; 2005д; 2006; 2007б; 2008в; 2009д; 2010в; 2012; 2013 г; 2015в). В пределах данного памятника курганы сгруппированы в две «цепочки» по линии Ю–С с незначительными отклонениями. В настоящее время раскопаны 22 объекта скифо-сакского периода, которые можно разделить на два типа – погребальные (курганы №1–13, 15–19, 21–23) и ритуальный (курганы №20). По периметру 15 курганов (№3–6, 8–9, 11–12, 15–17, 19, 22–23) выявлены каменные кольцевые выкладки из более крупных камней. В трех объектах такие выкладки прослежены частично (№10, 18, 21), а в остальных случаях данный элемент отсутствовал. Диаметр сооружений составлял от 5 до 14,25 м, высота – от 0,1 до 1 м. При этом объекты западной цепочки (№1–3) в среднем имели меньший диаметр, но большую высоту по сравнению с остальными объектами (№4–6, 7–19, 21–23) восточной группы. Внутримогильные конструкции атрибутировать достаточно сложно, поскольку дерево в погребениях сохраняется плохо. На дне могилы в кургане №3 зафиксирована колода. В двух погребениях обнаружены заплечики, на которых в одном случае располагались остатки деревянного перекрытия (№1), а в другом – каменные плиты (№23).

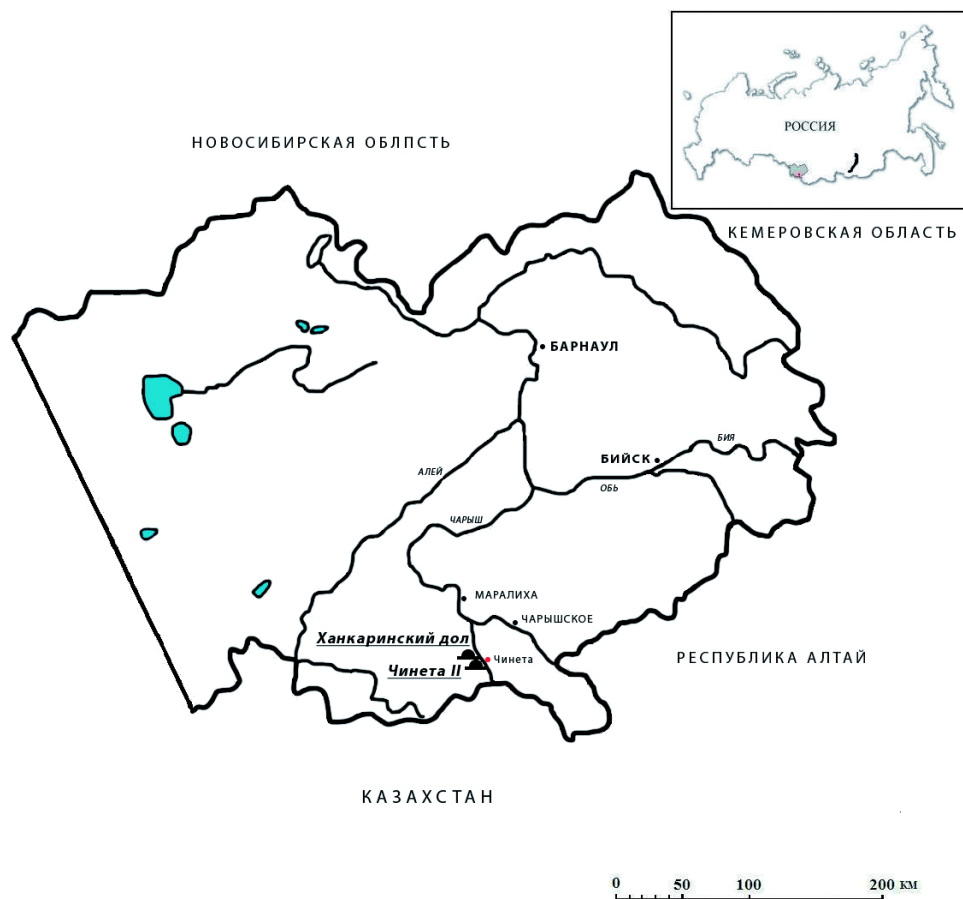

Рис. 1. Месторасположение могильников Ханкаринский дол и Чинета-II

Наиболее распространенной внутримогильной конструкцией являлась деревянная рама с перекрытием, останки которой выявлены в 11 объектах (№4, 6–7, 9, 11–12, 15–16, 19, 21–22). В кургане №8 по дну могилы прослежен древесный тлен. В объектах №10, 13 внутримогильные стенки были обложены камнями и перекрыты сверху настилом. В остальных случаях (№2, 5, 17, 18) дополнительных конструктивных элементов в могилах не обнаружено.

Важной чертой погребального обряда рассматриваемого комплекса являются сопроводительные захоронения лошадей, обнаруженные в 13 курганах (№4–12, 15, 17, 19, 22) восточной группы некрополя. В западной микрогруппе объектов (№1–3) такой признак не зафиксирован. Погребальный инвентарь из рассмотренных захоронений характеризуется достаточно традиционным набором вещей, типичных для памятников пазырыкской культуры Алтая: бронзовые миниатюрные зеркала, ножи, кинжалы, чеканы, костяной наконечник стрелы, керамические сосуды, железные ножи, удила, заколки с шаровидными навершиями, покрытыми золотой фольгой, головные уборы с нашитыми аппликациями из золотой фольги, золотые и бронзовые восьмеркообразные серьги.

Особый интерес представляет обнаружение головных уборов в курганах №5 и 15 могильника Ханкаринский дол (рис. 2–7). При этом в кургане №15 обнаружен уникальный женский головной убор, результаты изучения которого освещены в отдельных публикациях (Дашковский П.К., Усова И.А., 2010; 2011; Дашковский П.К., Каримова С.В., 2012, с. 131–136). Такие находки единичны в степях Евразии в скифо-сакский период и встречаются только в элитных захоронениях (Полосмак Н.В., 2001; Акишев А.К., 1984; Алтынбеков К., 2013; и др.). При этом головные уборы, являясь частью костюмного комплекса кочевников, выступали не только важным социальным маркером, но и выполняли мировоззренческую функцию, поскольку отражали представления о модели мироздания. Обильное использование золота в оформлении головных уборов и одежды кочевников связано с особым сакральным и социальным статусом данного металла. В связи с этим не случайно в Центральной Азии уже выявлена целая группа так называемых погребений «золотых людей» (Чугунов К.В., 2014).

Рис. 2. Курган №15 могильника Ханкаринский дол (фото П.К. Дашковского)

Рис. 3. Погребение в кургане №15 могильника Ханкаринский дол (фото П.К. Дашковского)

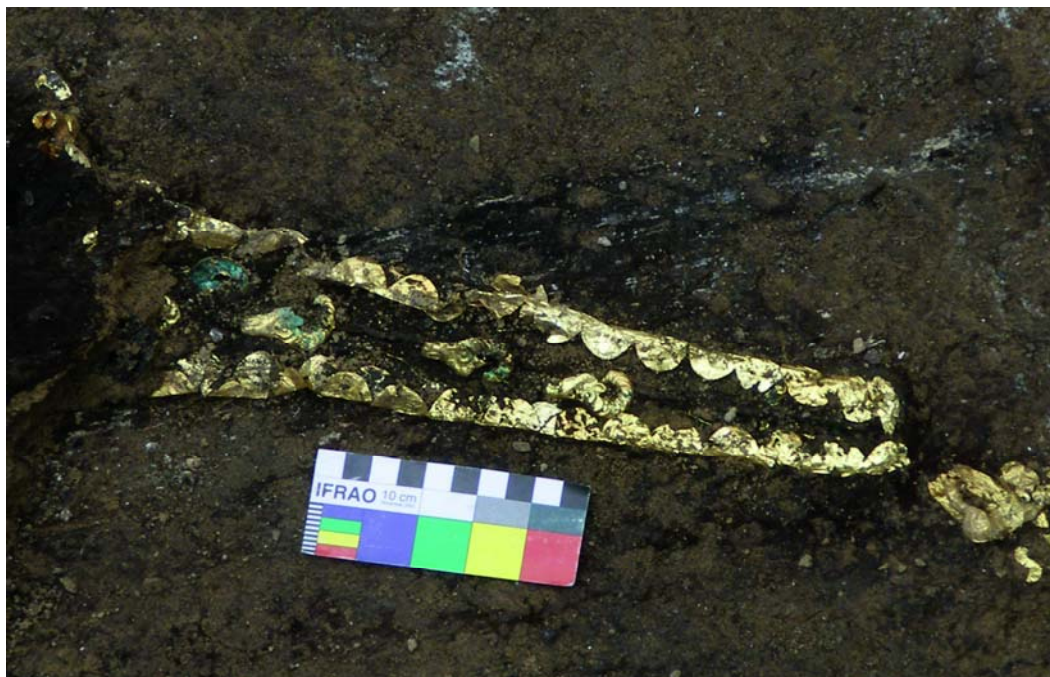

Рис. 4. Головной убор в кургане №15 могильника Ханкаринский дол
(фото П.К. Дашковского)

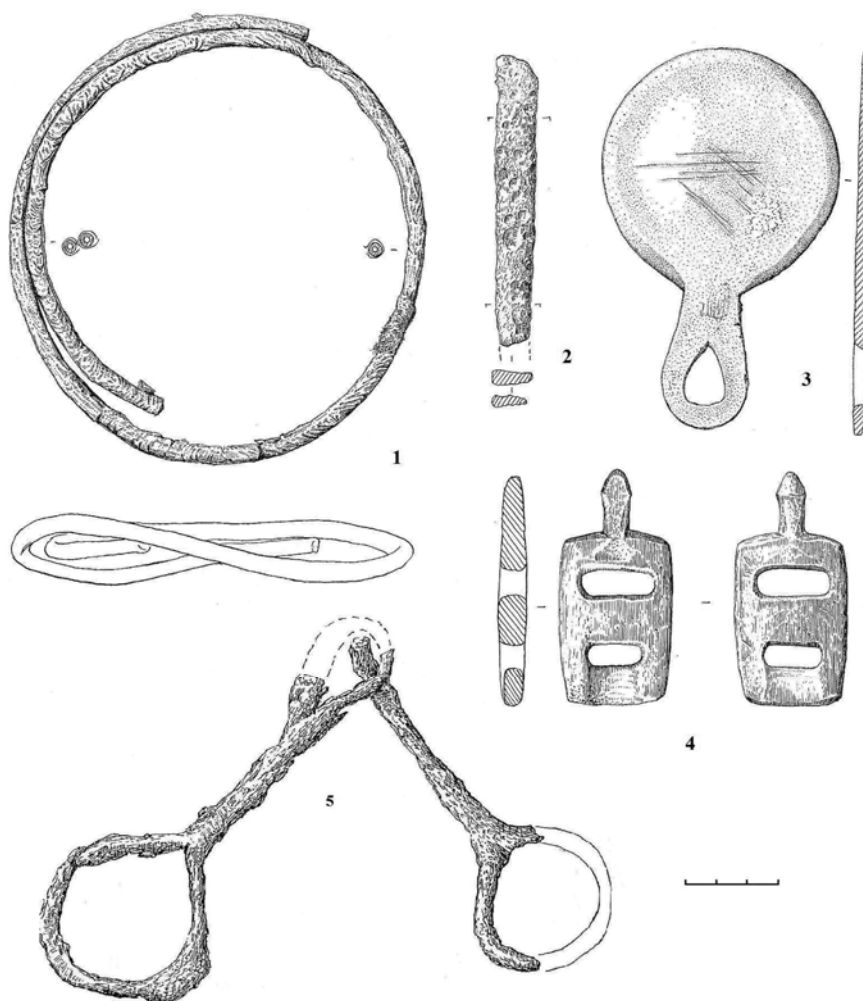

Рис. 5. Инвентарь из кургана №15 могильника Ханкаринский дол: 1 – бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой; 2 – железный нож; 3 – бронзовое зеркало; 4 – костяная подпружная пряжка; 5 – железные удила

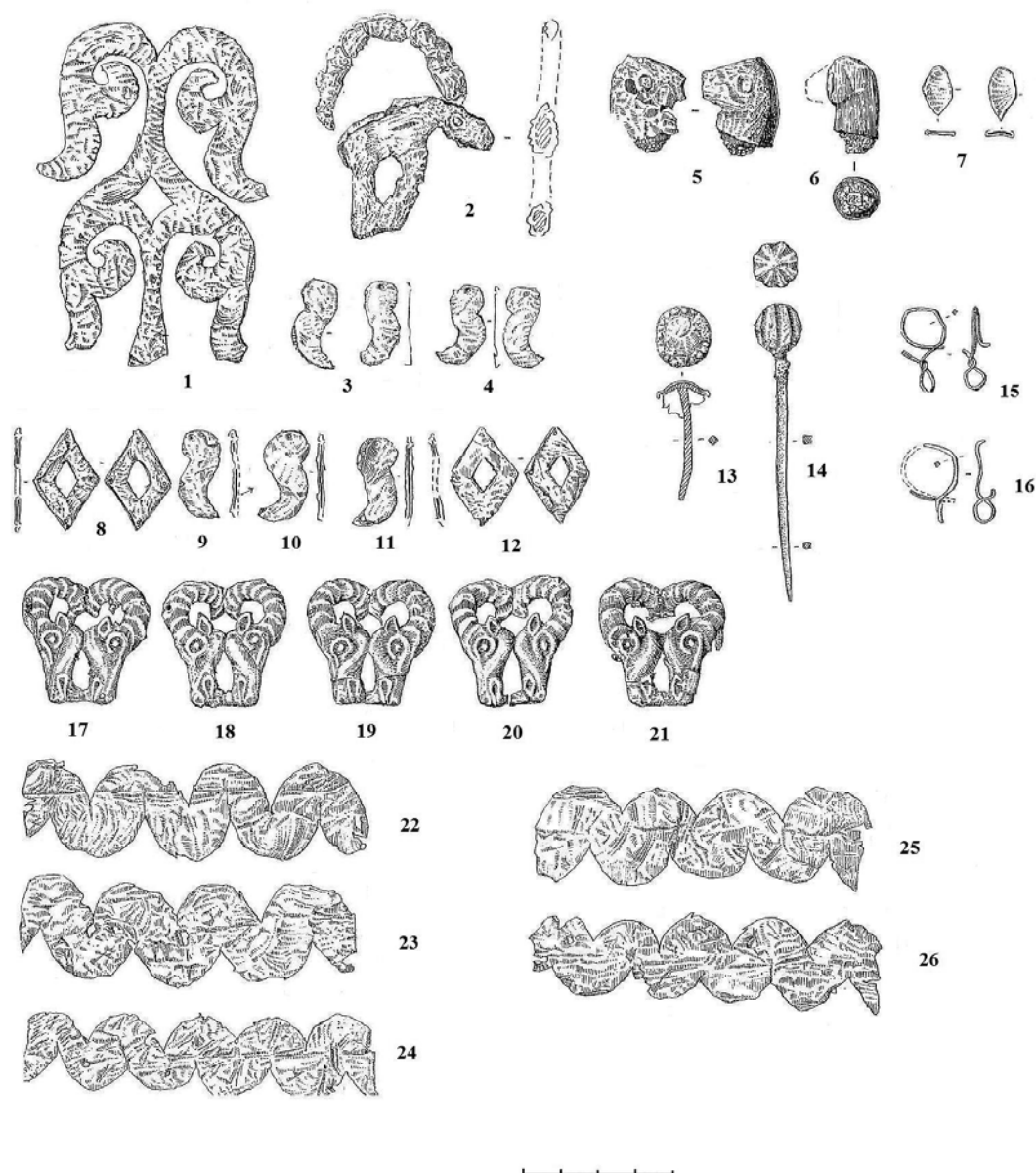

Рис. 6. Инвентарь из кургана №15 могильника Ханкаринский дол: 1, 3-4, 7-12, 17-26 – аппликации из золотой фольги с головного убора; 2 – фигурка оленя; 5-6 – фигурка грифона с головного убора; 13-14 – металлические закладки, покрытые фольгой; 15-16 – золотые серьги

Важно обратить внимание и на значительное количество деревянных, железных и бронзовых гривен, обложенных золотой фольгой. В курганах могильника Ханкаринский дол обнаружено шесть таких предметов (рис. 5.-1). В настоящее время гривен в курганах скифского времени Горного Алтая известно около 60 экземпляров, в том числе двадцать металлических (Степанов Н.Ф., 2001, с. 90; Кубарев В.Д., 2005). Если учесть, что в горных районах Алтая раскопано более 600 погребений пазырыкской культуры, то в количественном отношении захоронения, где выявлены гривны, составляют меньше 10%. Металлические гривны встречаются всего примерно в 3% погребений кочевников. В то же время в погребениях могильника Ханкаринский дол доля захоронений гривен составляет 28%. Высокий процент обнаружения погребений с металлическими гривнами, который составляет 19%. Такая особенность, в совокупности с другими показателями погребального обряда (топографическое и планиграфическое расположение могильника в пределах Чинетинского микрорайона, высокий процент сопроводительных захоронений лошадей, находки головных уборов и др.), свидетельствует о том, что погребенные в данных курганах кочевники занимали достаточно высокое социальное положение в долинах р. Ини по отношению к остальному населению этой территории, что дает основания определить их как региональную элиту в структуре пазырыкского общества.

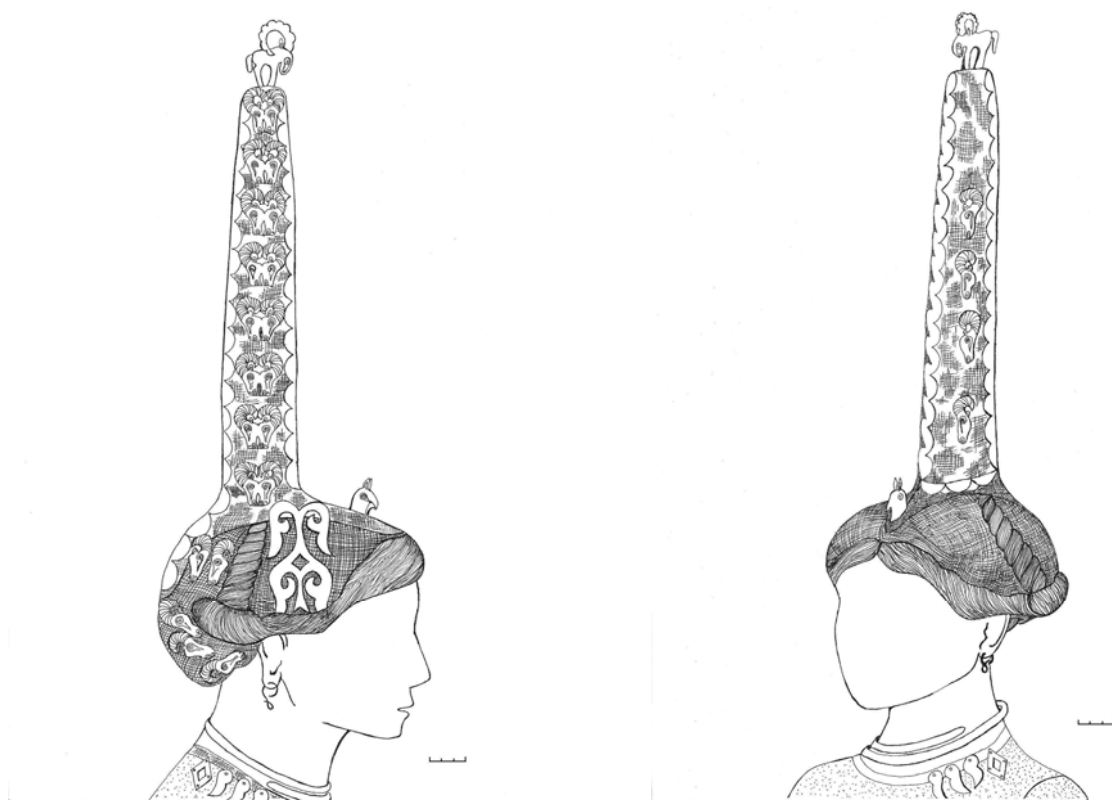

Рис. 7. Реконструкция женского головного убора из кургана №15 могильника Ханкаринский дол

В непосредственной близости с вышеописанным памятником Ханкаринский дол в пределах одной речной долины располагается разновременный курганный могильник Чинета-II (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2002; Дашковский П.К., 2008а; 2010а–б; 2011–2012; 2013а–б; 2014а; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2014б; 2015а; и др.). В пределах некрополя Чинета-II исследовано 12 объектов скифо-сакского периода (курганы №16, 19, 21–24, 26–31), в том числе пазырыкской культуры (Дашковский П.К., 2010а–б; 2011–2012; 2013а–б; 2014а; 2015б; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2014б; 2015а). Полученные результаты также можно использовать в качестве демонстрации наличия региональной элиты. Из всей совокупности раскопанных курганов на данном могильнике разительно по размерам и характеру сопроводительного инвентаря выделяются два кургана – №21 (рис. 8–11) и №31 (рис. 12–15). Так, курган №21 наиболее крупный из раскопанных в настоящее время объектов пазырыкской культуры не только в пределах Чинитинского археологического микрорайона, но и Северо-Западного Алтая. Диаметр каменной насыпи объекта, по периметру которой сооружена мощная крепида из камней, 17,5 м, высота до 0,6 м (рис. 8). При этом диаметр насыпи основной массы курганов скифского времени на могильнике Чинета-II 6–8 м. Могильная яма в кургане №21 также имела значительные размеры, которые отчасти еще увеличились из-за разграбления в древности погребения – 4,9×3,1×2,82 м. В могиле, вероятно, была сооружена деревянная рама с настилом по дну, на котором находилась умершая женщина в возрасте около 35 лет, ориентированная головой на восток. Вдоль западной стенки могилы выявлено не потревоженное грабителями сопроводительное захоронение лошади со снаряжением, включающим в себя железные двухзвенные кольчатые удила костяные пронизки (рис. 10.-10–11) и подпружную пряжку (рис. 10.-12). В погребении также найден развал керамического сосуда, фрагменты золотой фольги (рис. 10.-2–8), уникальная золотая серьга с тремя подвесками, украшенная техникой зёрн (рис. 10.-1), и остатки деревянной лаковой чашечки* (рис. 11).

* В настоящее время образцы деревянных лаковых изделий из курганов №21 и 31 находятся на экспертизе в Государственном Эрмитаже. Авторы благодарны научному сотруднику Государственного Эрмитажа О.Н. Новиковой за возможность ознакомиться с предварительными результатами экспертизы. Более развернутый анализ образцов представлен в статье П.К. Дашковского, О.Г. Новиковой «Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета-II (Алтай)» (в печ.) (Археология, этнография и антропология Евразии. 2016).

Рис. 8. Курган №21 могильника Чинета-II (фото П.К. Дашковского)

Рис. 9. Погребение в кургане №21 могильника Чинета-II (фото П.К. Дашковского)

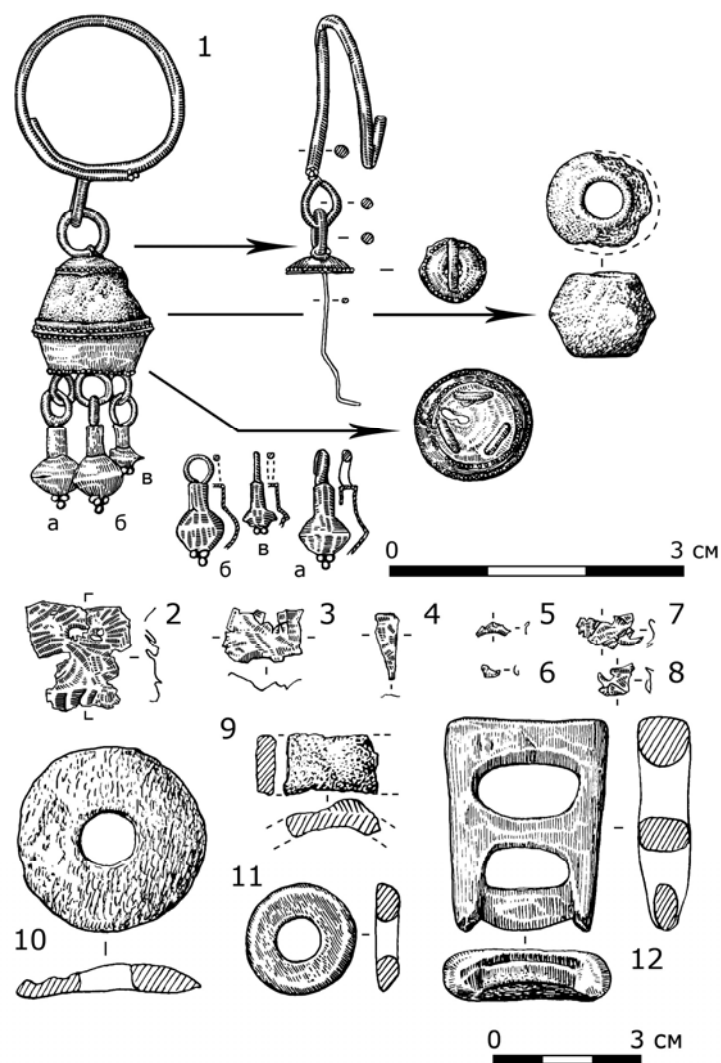

Рис. 10. Инвентарь из кургана №21 могильника Чинета-II: 1 – золотая серьга с подвесками; 2–8 – фрагменты фольги; 10–11 – костяные пронизки; 12 – костяная подпружная пряжка

Рис. 11. Общий вид лакокрасочных фрагментов из кургана №21 Чинета-II (фото О.Н. Новиковой)

Показательным также является еще один курган №31 могильника Чинета-II (Дашковский П.К., 2015б; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2015а). Этот курган имел немного меньший диаметр каменной насыпи 15 м, но зато в высоту достигал почти 1 м (рис. 12). Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних и больших камней в 2–4 слоя. При этом камни были уложены достаточно плотно, образуя целостность насыпи. По периметру кургана выявлены более крупные камни, чем в насыпи, образующие каменную кольцевую выкладку-крепиду.

Рис. 12. Курган №31 могильника Чинета-II (фото П.К. Дашковского)

Рис. 13. Погребение в кургане №31 могильника Чинета-II (фото П.К. Дашковского)

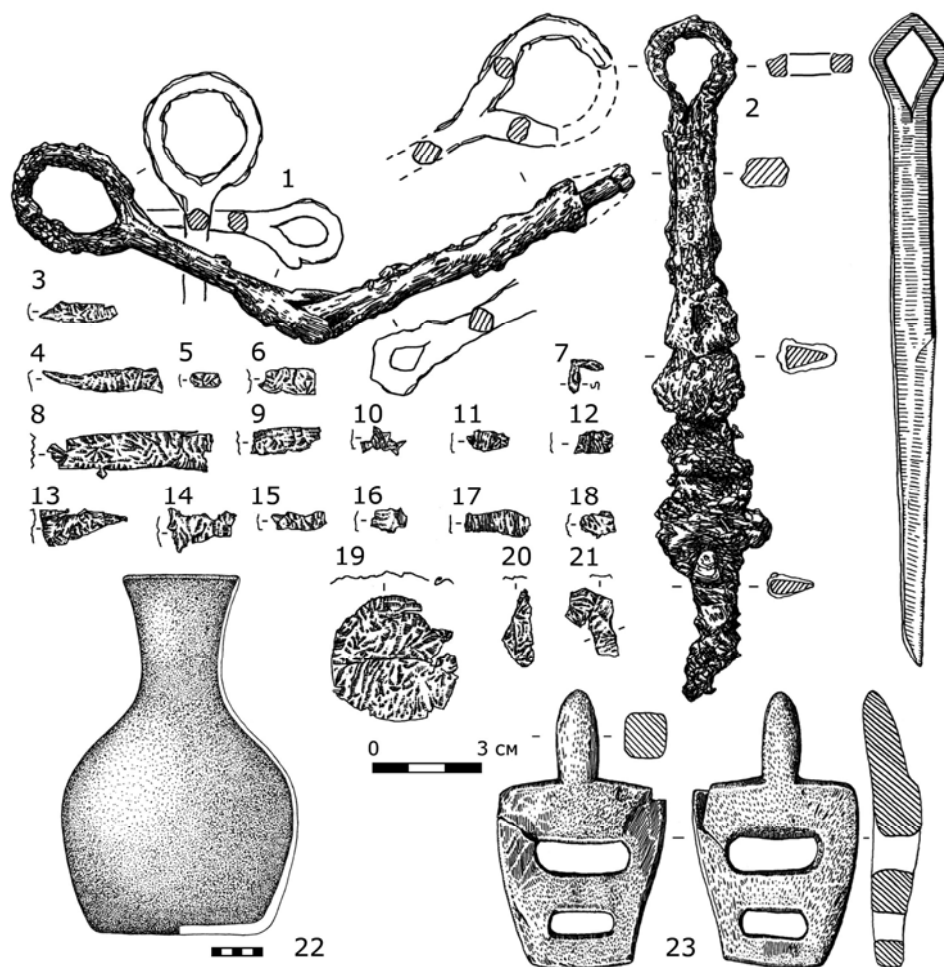
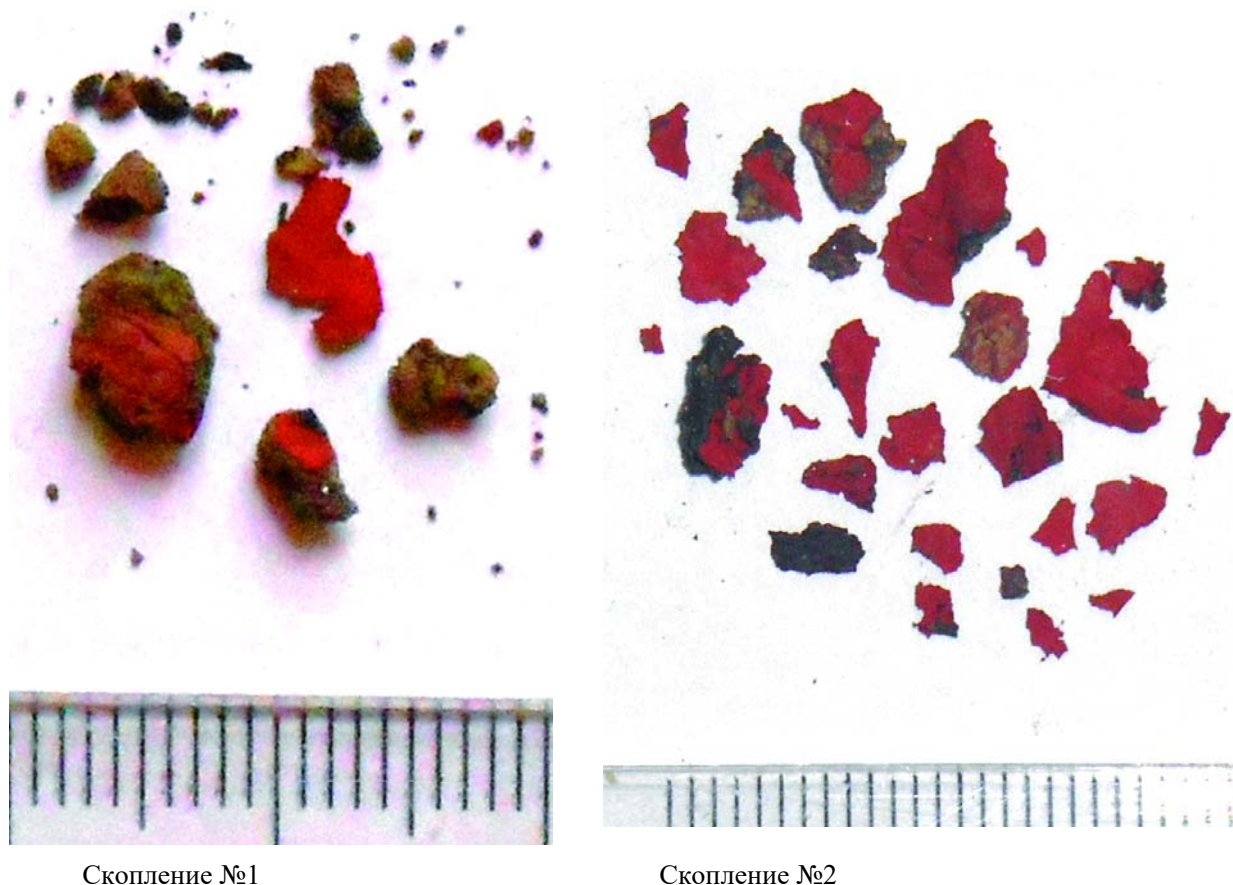

Рис. 14. Инвентарь из кургана №31 могильника Чинета-II: 1 – железные кольчатые удила; 2 – железный нож; 3–18, 19–20 – фрагменты золотой фольги; 19 – налобная бляха из золотой фольги; 22 – керамический сосуд; 23 – костяная подпружная пряжка

Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ, ее размеры от уровня древнего горизонта 3,3×2,5×3,1 м (рис. 13). Вся могила до самого погребения была забутована камнями. На глубине 2,55–2,8 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади, уложенной на живот и ориентированной головой на восток. Из сопроводительного инвентаря у лошади выявлена костяная подпружная пряжка (рис. 14.-23), железные кольчатые удила (рис. 14.-1), золотая круглая налобная бляха из фольги (рис. 14.-19). В могиле, вероятно, была сооружена деревянная рама, внутри которой выявлен очень плохой сохранности скелет человека. Судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям скелета, умерший был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток. Из сопроводительного инвентаря выявлены фрагменты золотой фольги (рис. 14.- 3–20), вероятно, от аппликаций, развал керамического сосуда (рис. 14.-22), железный нож (рис. 14.-2), а также фрагменты двух деревянных лаковых чашечек китайского происхождения (рис. 15).

Предметный комплекс из могильников Ханкаринский дол и Чинета-II имеет широкие аналогии в памятниках пазырыкской культуры Центрального и Юго-Восточного Алтая второй половины V–III вв. до н.э. (Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007; и др.). В целом анализ вещевого комплекса из погребений рассматриваемого могильника позволяет датировать его IV – началом III в. до н.э. Археологическое датирование подтверждается и результатами радиоуглеродного исследования по могильнику Ханкаринский дол (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2007).

Скопление №1

Скопление №2

Рис. 15. Общий вид лакокрасочных фрагментов из кургана №31 Чинета-II
(фото О.Н. Новиковой)

Проведенные П.К. Дашковский и О.Н. Новиковой исследования лакокрасочных покрытий из курганов №21 и 31 могильника Чинета-II Северо-Западного Алтая показали, что все они выполнены с использованием традиционных китайских материалов (ци-лак, киноварь, каолин, альбит) с соблюдением традиционной для ци-лака технологии. Сопоставление результатов анализов лаков и красок из курганов пазырыкской культуры некрополя Чинета-II с лакокрасочными покрытиями, взятыми из курганов №2–5 могильника Пазырык, показало значительную степень соответствия. Высокая цена импортных лаковых изделий указывает на значительный социальный статус погребенных, похороненных в курганах №21 и 31 могильника Чинета-II. Несмотря на то, что по своим размерам указанные курганы уступают «царским» объектам некрополей Пазырык, Туэкта, Башадар, Берель, тем не менее они значительно превосходят остальные сооружения не только на могильнике Чинета-II, но и на других раскопанных памятниках Северо-Западного Алтая. Находки китайских лаковых изделий в этих курганах, наряду с другими признаками погребального обряда и инвентаря, позволяют отнести погребенных к региональной элите кочевников Северо-Западного Алтая. Кроме того, по мнению П.К. Дашковского и О.Н. Новиковой, можно сделать предположение, что остатки деревянных лаковых предметов, обнаруженных в погребениях Горного Алтая (Второй Туэктинский курган и курганы №3–5 могильника Пазырык) и его предгорий (курганы №21 и 31 могильника Чинета-II и курганы №1, 4 могильника Бугры), поступали к кочевникам из одной зоны лакового производства Древнего Китая VI–IV вв. до н.э.

Таким образом, параметры курганов №21 и 31 могильника Чинета-II (насыпь, могильная яма), находки уникальных ювелирных изделий и особенно импортных китайских деревянных чашечек, покрытых красным лаком, позволяют рассматривать данные объекты как погребения лиц с высоким социальным статусом, т.е. непосредственно представителей региональной элиты, в руках которых и сосредоточивались все основные формы власти для обеспечения функционирования и управления части пазырыкского общества данного региона.

В процессе изучения региональной элиты хунну имеется возможность широкого привлечения письменных источников, что позволяет относительно полно воспроизвести политическую и административную систему кочевников. Особенно это касается хуннского общества, социально-политическая организация которого достаточно хорошо отражена в китайских письменных источниках (Материалы..., 1968; 1973; 1984; и др.). Огромный территориальный охват Хуннской державы определяет возникновение широкого слоя «среднего звена», который можно обозначить как «региональную элиту». Кочевая империя предполагает наличие развитых социальных отношений, административного устройства, разработанной системы соподчинения, основными механизмами которой являлись престижная экономика и редиистрибутивные связи (Крадин Н.Н., 2002, с. 73–74).

В китайских письменных источниках приводится достаточно обширный перечень административных должностей, существовавших в хуннской империи (Материалы..., 1968, с. 40; Сыма Цянь, 2002, с. 329–330). Вожди племен и этноплеменных объединений, обозначаемые в китайских источниках общим термином «князь» (ван), обладали достаточной автономностью в границах вверенных им владений. Каждый из них имел в своем подчинении определенное количество кочевников и скота, при этом их положение на иерархической лестнице определялось числом подвластных им людей (Крадин Н.Н., 2002, с. 151). Письменные источники упоминают о 24 старейшинах, каждый из которых «для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляет у себя Ду-юй, Данху и Цзюйкюев» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 49). Данную категорию лиц следует отличать от высшей элиты. Однако эта категория лиц обладает властными полномочиями, на основании чего их возможно определить как региональную элиту в рамках определенного административного округа.

Следует также отметить проявление «двойной элиты» в социальной структуре хунну. Подобная форма общественных отношений возникает тогда, когда небольшой этнос захватывает большие территории с преобладающим числом подчиненного населения. В таком случае, с одной стороны, внутри нового политического объединения существует высшая элита из числа завоевателей, а с другой – формируется или поддерживается элита в автохтонной массе населения (Тишкин А.А., 2005, с. 53). Данная практика использовалась кочевниками в отношении завоеванных племен лоуфань и байян, которые, войдя в состав Хуннской империи, сохранили своих традиционных вождей (Материалы..., 1968, с. 39, 51, 72). Однако вследствие опасения того, что при благоприятной ситуации покоренные племена могут изменить имперскому правительству, хуннские шаньюи предпочитали, по возможности, ставить во главе подчиненных народов своих наместников, связывали их узами династических браков или заставляли местных правителей присылать своих детей в качестве заложников в ставку шаньюя (Крадин Н.Н., 2001, с. 158).

На основании письменных источников не представляется возможным выделить и рассмотреть группы региональной элиты оседлого населения в структуре империи кочевников, однако их существование возможно предполагать вследствие широкого распространения и необходимости земледелия и ремесленного производства для жизнеобеспечения государства. «Признавая земледелие у сюнну, следует в первую очередь подчеркнуть его жизненную необходимость, непреходящую обязательность для этого общества; развитие земледелия было важной частью экономической базы древнего государства сюнну» (Давыдова А.В., 1978, с. 56).

Принимая во внимание данное положение, возможно предположить наличие группы людей, занимающих лидирующее положение среди оседлого населения, а также имеющее возможность аккумулировать продукты производства. Следует отдельно разобрать контингент лиц, формирующих оседлое население Хуннской империи. Большую часть данной категории составляет китайское население, захваченное в процессе военных походов кочевников. Несомненно, что, сменив место пребывания, китайцы вряд ли изменили свою земледельческую культуру. Кроме зависимого населения, к оседлости были вынуждены переходить обедневшие слои кочевников. Однако явление седентаризации чаще являлось не причиной стратификации, а следствием кризиса кочевничества (Крадин Н.Н., 2001, с. 167).

Китайские письменные источники не содержат информации относительно структуры и управления оседлыми поселениями у сюнну. Вследствие этого невозможно восстановить весь аппарат урегулирования процесса производства. Однако учитывая его важность для экономики кочевой империи, возможно предположить, что управление оседлыми поселениями происходило на самых высоких уровнях власти. Тем не менее подробная классификация должностной иерархии кочевников, приведенная Н.Н. Крадиным (2001, с. 143–167), не предусматривает наличие такого рода инстанции. В связи с этим следует отметить, что по социально-экономическому и юридическому положению большинство военнопленных не являлись рабами. Их статус был близок к отношению данничества. При этом данничество является формой внешней, а не внутренней эксплуатации. В таком случае политический статус оседлого населения хуннской империи возможно рассматривать как статус зависимого племени, имеющего свою форму общественной организации, администрации и управления.

Кроме того, стационарное положение поселений в структуре мобильного образа жизни кочевников предполагает наличие автономности существования данных образований. В таком варианте статус данничества вполне подходит к определению подобной формы общественных отношений. В данном случае наблюдается возникновение социально-политических отношений «двойной элиты», проявляющееся в процессе взаимодействия собственно «земледельческой» элиты и элиты хуннского общества.

В то же время управление оседлыми поселениями возможно рассматривать в рамках уже существующих административных единиц. При этом земледельческие образования попадали в юрисдикцию тех округов, на территории которых они располагались. В таком случае не представляется возможным выделение «земледельческой» элиты, так как в подобной ситуации руководство поселениями возлагалось на кочевых князей, составляющих субэлиту общества.

На материалах археологических памятников региональная элита хуннского общества фиксируется достаточно отчетливо. С ним можно соотнести могилы с дромосом, а также курганы с округлой насыпью, имеющие погребальной конструкцией гроб в срубе (Данилов С.В., 1999, с. 84–85; Доржсурэн Ц., 1962, с. 39; Коновалов П.Б., 1976; и др.). К их числу можно отнести курган №45 Ильмовой пади. Памятник №46 указанного могильника, несмотря на сильную ограбленность, предположительно имел богатый инвентарь. В его составе были выявлены остатки китайской лаковой чашечки, короткий железный меч, остатки пояса (Коновалов П.Б., 1976, с. 33–38). В погребении 52 были обнаружены предметы импорта: шелк, лаковые изделия (Коновалов П.Б., 1976, с. 55–58). Погребальный инвентарь в кургане №58 также отличается наличием импорта, предметов вооружения. Сохранившиеся фрагменты боковых стенок гроба имеют следы росписи красной и черной краской. Данные памятники в границах одного могильника демонстрируют резкий контраст с погребениями, имеющими в своей конструкции только гроб, или представленные без него. Например, курганы №57, 58 (Коновалов П.Б., 1976, с. 70–74).

В социальной планировке дэрестуйского могильника выделяются обособленные группы, включающие в себя курганы, грунтовые захоронения без внешних признаков, погребения жертвенных животных, ямы различного назначения (Миняев С.С., 1989, с. 115). В каждой группе имеется отчетливая тенденция к расположению захоронений комплексами, различными по своей структуре. Композиционным центром каждого комплекса является курган с каменной насыпью. Вокруг него располагаются остальные захоронения, как правило, не имеющие внешних признаков, более простые по конструкции и бедные по инвентарю (Миняев С.С., 1989, с. 116; 1998). Данные комплексы возможно рассматривать как родовой некрополь группы населения, занимающей среднее положение в социальной иерархии и соотносимой с категорией региональной элиты покоренных территорий.

Глава VI

ГРУППЫ ЭЛИТЫ У САРМАТОВ¹

...Что топор в руке своей сжимая,
Войско удалое возглавляя,
Шел я в бой с врагами, не жалею.
...Что я шлем стальной, с луною схожий,
Надевал не раз, я не жалею.
Что седлал могучего тулпара
И по степи мчался, не жалею.
Что красавиц целовал, на ложе
Распустивших косы, не жалею.
...Жизнь свою сейчас припоминая,
Ни о чем прожитом не жалею.

(Из предсмертной песни казахского жырау Доспамбета)

Сегодня археологические материалы об элите трех основных «сарматских» культур III в. до н.э. – IV в. н.э. уже куда более определены, чем краткие сообщения их современников – греко-римских авторов (см. историографию: Вдовченков Е.В., 2011). К тому же последним в освещении сарматского общества были свойственны явные тенденциозность и необъективность². К сожалению, не менее тенденциозными были до недавнего времени и взгляды сарматологов, во многом воспринявших стереотипы из античных текстов. Изначально сопоставляемый со знаменитыми скифами-сколотами сарматский материал казался скромным, отражающим более примитивные общества, с «пережитками матриархата», без допущения протогосударственности, возможности их массового оседания, наличия навыков городской жизни в пограничных зонах, отрицалось их сколько-нибудь заметное культурное влияние на оседлых соседей и т.п. Если скифология начиналась с раскопок княжеских могил (Куль-Оба и др.), то сарматология – с исследования некрополей рядовых скотоводов в периферийном Среднем Поволжье. Племенные союзы трех сарматских культур, как выяснилось, имели иную ментальность и культурные акценты, чем скифы; это отразилось и в том, что у аристократии курганы проще устроены, не содержат убитых слуг и обычно – лошадей (Яценко С.А., 1994, табл. 1; 2002, с. 127–130). Недавно была предпринята попытка оценить степень социальной сложности сарматских группировок на материале Подонья (Вдовченков Е.В., 2014).

Кроме того, археологов дезориентировало то, что куда более низкие, по сравнению со скифскими, могильные сооружения сарматской знати было намного проще грабить, и ни одного уцелевшего чисто сарматского кургана царского ранга не сохранилось. К счастью, сарматы подчас не демонстрировали могилы своей знати, а прятали их; поэтому уцелели некоторые могилы, впущенные в курганы эпохи бронзы (Пороги, Соколова Могила, Ногайчин) или природные бугры (Косика), холмы древних городищ (Цветна), склоны балок (Мигулинская) или пещеры (оз. Батырь на Мангышлаке).

¹ Текст подготовлен при поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

² Предшественники сарматов – скифы – часто идеализировались в греческой литературе, представлялись как мудрый народ, живущий простой жизнью на лоне природы, непобедимый благодаря справедливым обычаям и не чуждый усвоению уроков цивилизации, но в отношении сарматов наблюдается противоположная картина. Типично замечание Б.Н. Флора, что они якобы «коснеют в таком диком варварстве, что даже не понимают окружающего мира» (Сокращения из Тита Ливия, II, 29); часто их именуют вероломными (Тацит, Тертуллиан и др.) и т.п. Уже справедливо отмечалось, что у античных авторов «сарматская “дикость” разрабатывается как средство исследования греко-римской “цивилизации”». Это означает, что классические описания сарматов... глубоко идеологизированы» (Браунд Д., 1994, с. 169).

Ниже рассматриваются материалы двух культур – среднесарматской (конец I в. до н.э. – середина II в. н.э.) и позднесарматской (середина II – конец IV вв. н.э., чаще всего – по ее раннему этапу до середины III в. н.э.). По данным курганных могильников мы сегодня можем вполне достоверно говорить о четырех группах сарматской элиты. Перечислим их.

1. Члены правящего *царского рода* больших межплеменных (в том числе протогосударственных?) объединений (Lucian. Tox. 51; Мовсес Хоренаци. История Армении. II. 50, 58) (термин реконструируется В.И. Абаевым (1979) как близкий к скифскому *kšaya* / «ksais» – «сияющий»: (группа 1). 2. Семьи *доминирующих родов небольших племен* (их наименование *ardar* – «державший в руках» – сохранено в синхронной греко-боспорской эпиграфике и бытовало в форме *aeldar* в алано-осетинской традиции до XX в. (Абаев В.И., 1968)) (группа 2). В греко-римских текстах их, видимо, называли «скипетроносцами» (Tacit. Annal. VI. 33). 3. *Руководители рядовых кланов* (осетин. *histar*)¹ (группа 3). 4. *Профессиональные воины-дружинники* (в алано-осетинском эпосе сохранилось их старинное наименование *aembal*) (группа 4); при этом надо учесть, что руководители дружин, скорее всего, принадлежали к другим социальным группам – 3 или даже 2.

Специальных некрополей для аристократии в сарматском обществе не было. Обычной картиной были небольшие могильники всего из нескольких курганов у предполагаемых зимников, где хоронили малую группу близких родственников – как богатых в данный момент, так и кочевавших с ними бедных². Похоже, знатность происхождения еще не гарантировала богатства и стабильности. Однако подчас встречаем курганные некрополи, где найдены только пожилые люди или только мужчины (Балабанова М.А., 2000, с. 203), а прочих, видимо, хоронили где-то на стороне (их могилы до нас не дошли), и уже само погребение в кургане в таких случаях отчасти элитарно. Здесь приводятся данные, в первую очередь по тем могильникам, где были сделаны антропологические определения пола и возраста (для верховьев Дона, где сохранность костей и многих вещей очень плохая, нас «выручают» жесткие различия мужских и женских сопровождающих вещей (Медведев А.П., 2008, с. 95)).

Поскольку мы имеем дело почти исключительно с одним типом памятников элитных групп – с их могилами в курганах, то для характеристики первых очень важны некоторые особенности погребального обряда, а также характер действий грабителей-современников при вскрытии захоронений разных групп. Критерии определения социального ранга умерших в сарматологии предлагались различные, но обычно без внятной аргументации. В основе различий разных групп элиты предлагалось видеть какой-то *один* аспект погребальных сооружений: специфику найденных вещей (Гороховский Е.Л., 1989, с. 19) (что трудно учесть в условиях почти тотального грабежа могил знати и часто – рядовых некрополей) или трудозатраты на погребальные сооружения (Скрипкин А.С., 1992, с. 29) (однако в связи с более «экономным» подходом к подобным сооружениям в сарматскую эпоху, когда они впускались в ранние сооружения, шансы реализовать этот подход невелики, и решающее значение этого аспекта выглядит проблематичным). Нам представляется продуктивным лишь комплексный подход к выявлению таких критериев.

Корректное выделение социальных рангов затруднено несколькими обстоятельствами. В большинстве погребений групп 1 и 2 доля разрушений и хищений столь велика, что по одним лишь сохранившимся кое-где атрибутам выделить ранги невозможно. Кроме того, каждый аристо-

¹ В условиях, когда средняя продолжительность жизни некоторых групп «средних сарматов», по данным антропологов, была до 32–34 лет, а выживших стариков сородичи презирали как трусов (Amm. Marc. Res gestae. XXXI, 2, 22.), о «старейшинах» говорить не приходится. Речь идет скорее о военно-административных лидерах кланов. В отличие от поздних оседлых алано-осетин, у кочевых и воинственных сарматов эта должность наверняка гораздо больше зависела от физического здоровья и боевого опыта такого зрелого мужчины. Вероятно, этот статус был близок высокому статусу позднейшего осетинского старейшины селения (*хъауы хистар*) (ср.: Кобахидзе Е.И., 2002, с. 250).

² Например, на территории Азиатской Сарматии (к востоку от р. Дон) в позднесарматское время в могильнике обычно содержалось 10–18 умерших соплеменников; более 30–50 – лишь в Южном Приуралье и на юге Волго-Донского междуречья (Статистическая обработка..., 2009, табл. 19).

кратический курган отличается сложным ритуалом захоронения (который, как правило, был грубо нарушен) и обычно намного более индивидуален; такие сведения нелегко обобщать, и для работы с подобным уникальным, а не массовым материалом, требуются особые навыки.

Раскопки таких курганов требуют от исследователя дополнительного труда и большого полевого опыта, осторожности, особой добросовестности, а на деле они часто проходят в нервной обстановке. Результатом являются досадные умолчания в отчетах и публикациях о собственных промахах в фиксации, нежелание публиковать материалы полностью, противоречия в описании важных деталей между разными видами документирования, между полевой документацией и публикациями. Кроме того, хотя погребения знати обладают в принципе особо высокой информативностью, грабились они современниками, да и потомками, наиболее опустошительно.

При этом для части таких курганов нет сведений о поле и возрасте умерших (из-за сохранности костей или недоступности данного материала для антропологов). Однако трудность определений пола для конкретной культуры и местности не следует и преувеличивать¹.

Поможет ли дальнейшему изучению аристократических курганов компьютерная обработка всех микродеталей? В этом имеются серьезные сомнения. Даже если мы получим список и параметры ряда выявленных микрогрупп, будет непонятно, что именно они отражают из реальностей прошлого: обстоятельства смерти погребенных, их ритуальный статус, наследственную знатность, личные заслуги, старшинство в клане / патронимии или что-то иное?

Критерии различий групп 1, 2 и 3 могут подчас быть неожиданными. Например, для женщин среднесарматского времени важным разграничением их оказался облик диадем, украшенных композицией с Мировым деревом (Яценко С.А., 2006, с. 336). В группе 1 (Хохлач) диадема царицы сделана из массивного золота, обильно украшена альмадинами и по контуру основных деталей – жемчугом. В группе 2 (курган №10 в Кобяково) она сделана уже из кожи, к которой приклеены золотые пластинки. Наконец, в группе 3 (жена одного из предводителей дружин в кургане №46 из Усть-Лабинской на «Золотом кладбище») наклеиваемые на ткань пластинки уже не золотые, а бронзовые и лишь покрыты золотой фольгой.

Что касается такого специфического обычая «поздних сарматов», как искусственная деформация головы в раннем детстве, то это была, видимо, традиция отдельных кланов, не ставшая обязательной для всего общества и бывшая скорее культурным маркером, нежели элементом социальной стратификации. К такому выводу приходят и исследователи культур Средней Азии, где он зародился². Вместе с тем у «поздних сарматов» продолжительность жизни мужчин с деформированной головой была в среднем на 4 года больше, чем у хозяев «обычной» (Балобанова М.А., 2000, с. 205).

Характеристика признаков могил двух групп аристократии (царских кланов и *ardar*/скуптухов) среднесарматской культуры была впервые обнародована нами в одном из докладов 1990 г.³ Для группы 1 это были на тот момент: у мужчин – золотые гривны с зооморфными изображениями или геммами; комплекты предметов импортной серебряной посуды; точильные камни в золотой оправе; пояс и меч, обильно украшенные золотом и самоцветами; личные знамена (Дачи)⁴; конская упряжь с золотыми бляхами; серебряные сосуды разных типов с изображениями местных мифоэпических сцен; серебряные кубки с зооморфными ручками; особые золотые перстни («перстень Инисмея»). Для женщин – золотые диадемы и браслеты с мифологическими сюжетами; золотые

¹ В достоверно мужских могилах, например, изредка встречаются, как амулеты, зеркала или пряслица от веретен. Однако в целом «список допустимого» для сопровождающих вещей у каждого социального слоя конкретного пола был вполне устойчивым.

² Например, в джетысарской культуре устьев Сырдарьи в могильниках групп Алтынасар-4 существовали шесть (!) основных типов деформации, два из которых были особенно популярны (Шведчикова Т.Ю., 2010, с. 17, 22).

³ О социально-политическом развитии сармато-аланов / Ин-т археологии РАН. 16.05.1990.

⁴ По формам два знамени из тайника в Дачах имеют близкие аналогии траурным и свадебным знаменам этнографических осетин (Яценко С.А., 2001в).

кубки с зооморфной ручкой и туалетные флаконы. Для *группы 2* у мужчин – пояса и конская упряжь с позолоченными пряжками и бляхами; простые по оформлению золотые браслеты; меч с золотыми элементами декора; бронзовая и малая серебряная импортная посуда; для женщин – скромные диадемы или гривны с золотым декором; особые скипетры; специфические ожерелье из амулетов и сумочка с амулетами; единичные небольшие «идолы» разного происхождения; перстни и серебряные туалетные флаконы; большинство предметов окрашено в красный цвет (Яценко С.А., 2002, с. 132–133; 2006, с. 330). Любопытно, что для *группы 1* наиболее яркая специфика проявлялась у мужчин, а для *группы 2* – у женщин. В 2014 г. на материале среднесарматской культуры обширного бассейна р. Дон мною были предложены дополнительные критерии разграничения двух групп аристократии. Оказалось, что в этом регионе в данный период были важны и *размеры* курганов. Для *группы 1* это высота 1,5–5 м и диаметр 35–65 м; для *группы 2* – высота 0,4–1,2 м и диаметр 15–35 м (Яценко С.А., 2015а, с. 616, прим. 1). Речь, разумеется, идет о тех многих курганах, которые не подвергались современной распашке (но и при этом, например, курган №53 в Ново-Александровке сохранил высоту 3 м) или масштабному снятию грунта с вершины (как это было под г. Новочеркасском в знаменитых курганах Хохлач и Садовый).

В бассейне Дона погребения среднесарматской знати, как правило, располагались под индивидуальными насыпями; лишь изредка они впускались (с досыпкой) в высокие курганы и помещались в их центре. Умершие чаще всего хоронились в больших ямах в форме квадрата (подчас с закругленными углами) или вытянутого прямоугольника, с ориентацией головой в южном секторе.

Наличный материал свидетельствует о том, что две высшие элитарные группы у сарматов практически монополизировали использование многих сложных, эффектных и дорогих атрибутов. Считается, что в погребальном обряде древних иранских кочевых этносов и связанных с могилами изобразительных композициях часто отражались представления о загробном путешествии души умершего и ее последующем воскрешении (Вертиенко Г.В., 2010). Это в полной мере касается и сармато-аланских памятников (Вертиенко Г.В., 2025). Не удивительно, что почти все собственно сарматские сюжеты на мифологические и эпические темы (кроме примитивных идольчиков и граффити на сосудах и стенах) связаны с погребениями женщин этих двух групп (см., например: Яценко С.А., 1992; 2000в). То же можно сказать и об особом, устойчивом подборе греко-римских изделий разного происхождения всего с несколькими образами античных божеств, которые ассоциировались с местным пантеоном (Яценко С.А., 1996)¹. Привилегией высших слоев было, видимо, и активное использование в costume и важных атрибутах различных оттенков красного цвета – цвета воинского сословия у иранцев, часто, разумеется, – с высокой себестоимостью (пурпур, червец и др.) и в дорогих материалах (Яценко С.А., 2006, с. 164; Yatsenko S.A., 2013, p. 176–177). Именно к знати попадали все яркие и крупные, случайно находимые населением древние «громовые орудия» (полированные топоры и т.п.), которые явно имели магическое значение (Яценко С.А., 2008б).

Сегодня есть все основания полагать, что могилы двух групп среднесарматской знати в бассейне Дона грабили по-разному (Яценко С.А., 2015а, с. 619–621)². В *группе 1* встречаются тайники в стенках могильной ямы или в ее дне. Эти тайники всегда бывают ограблены (в отличие от тех, что помещались в насыпи), за исключением случая в кургане №3 у Бердии, где тайник обвалился при работе грабителей (Сергацков И.В., 2000, с. 67; рис. 83, 1). В могилах *группы 2* подобных тай-

¹ Для ранних сарматов II–I вв. до н.э. в этот список входили Афродита, Аполлон или Гелиос, реке Тихе, Ника и Дионис; для среднесарматской и начала позднесарматской культур свойственен совершенно иной перечень божеств – Афина/Минерва, Эрот и Силен. С I в. н.э. «туземные» божества также почти все совершенно новые, прежде всего восседающий на барсе бог-«монголоид», барано-люди, усмиряющие китайского дракона, сидящий по-турецки мужчина с сосудом в руках, бог со звериными ушами, охота на кабана, птиц или грифона, скачущий всадник с плетью в руке, богиня с древесным листом в руках и т.д.

² В позднесарматское время именно частое ограбление богатых могил изменило ряд деталей погребального ритуала. Например, для маскировки при засыпании могильной ямы вынутые грунты помещали в обратном порядке, имитируя непотревоженную почву (Яценко С.А., 2013, с. 31).

ников нет. По-разному для двух названных групп грабители разбирали свою добычу – труп и принадлежавшие ему вещи. В *группе 1* в комплексах низовьев Дона они делали это у верхнего края ямы, а в Волго-Донском междуречье – на дне. В *группе 2* картина иная: случай разборки добычи у верхнего края известен всего однажды (Царский, курган №38), господствует «обработка» ее на дне или чуть выше. В обширной могильной яме бывает и полное отсутствие костей, но такое видим только в тех могилах, где остались следы разборки трупов и иного содержимого могил у *верхнего края* ямы. Дело в том, что более богатая «добыча» требовала более тщательно и неспешного осмотра и разборки при лучшем освещении – наверху, куда иногда вытаскивали практически все содержимое ямы.

Столь же сильно различались и приемы проникновения в могилы обеих групп. В *группе 2* эти приемы были просты и сводились обычно к выборке могильного пятна по контуру грунта, реже – чуть шире по сторонам, еще реже – это сравнительно узкий лаз вдоль стенки, у которой стояла гробовина. Для курганов *группы 1* характерны самые разнообразные приемы ограбления. Особенно интересны действия проникших в могилы в районе устья Дона. Здесь в трех случаях (курган №53 в Ново-Александровке, Соколовский курган №3, Садовый) удалось достоверно проследить один и тот же прием: ограбление происходило узкой прямой траншеей (шириной всего 60 см) с вертикальными стенками. Так грабили и несколько лет спустя, и вскоре после похорон. Вероятно, у устья Дона на рубеже I–II вв. действовала единая группа грабителей. В погребениях из низовьев Дона в *группе 2* всегда, а в *группе 1*, – как правило, проникновение происходило не вскоре после похорон, а через несколько лет. Три названных могилы *группы 1* с перекрытием из досок (Садовый, Соколовский, Ново-Александровка) «дозревали» до ситуации, когда перекрытие успевало обрушиться. После разорения во многих больших могилах *группы 1* яма какое-то время стояла открытой, и позже она была заполнена затекшим грунтом (Хохлач, Дачи (курган №1), Чалтырь (курган №3), Октябрьский-V (курган №1)).

Кроме ограблений, известны и очень редкие *ритуальные проникновения* в могилы аристократов, в частности, в Волго-Донском междуречье; они, видимо, были связаны с особыми обстоятельствами биографии или смерти конкретных людей. Например, рядом с центральным женским центральным погребением 2 (курган №1) в Октябрьском V (*группа 1*) обнаружено совершенное вскоре погребение мужчины более старшего возраста (50–60 лет) и того же ранга (Мыськов Е.П., 1996, с. 41). В могиле весь богатый инвентарь, несмотря повторное проникновение, явно полностью уцелел, в том числе положенный у левого локтя жезл с золотой обкладкой в полихромном «зверином стиле». Целью людей, навестивших могилу вторично, были лишь останки самого умершего: его правая рука, центральная часть туловища и ноги были сняты с первоначального места и положены аккуратной кучкой рядом – в области бывших колен. Еще один пример – главное впускное погребение среднесарматского времени в кургане у с. Писаревка (Сергацков И.В., 2000, с. 80–81, рис. 98). Здесь картина была похожа, хотя «имущество» покойного было намного скромнее: взрослый мужчина в одежде, расшитой золотыми нитями, был похоронен с различными приношениями (бронзовый котел, кинжал, глиняные кувшины и др.), которые уцелели. Однако кости были, в основном, смещены – здесь, наоборот, кости ног и кисти правой руки оставили *in situ*, а остальные сложили по левую сторону двумя аккуратными кучками. Обряды с кистями рук, особенно правой, были весьма обычны в ненарушенных могилах знатных женщин этого времени (Яценко С.А., 2006, с. 356; 2007, с. 64).

О мужчинах-царях сохранилась разнообразная информация. Правда, она почти всегда связана с их участием в различных военных акциях (Гутнов Ф.Х., 1995, с. 21–38). Для донских ранних аланов описана церемония венчания на царство, когда претендент должен был имитировать находку на берегу Дона/Танаиса камешка, напоминавшего горный хрусталь, после чего он получал золотой скипетр правителя (Plut. De Fluv. XIV). Для кубанских сираков важным атрибутом царя была золотая диадема (Zinob. Epitom. V.25), а в западноукраинской Аорсии в диадеме изображен Фарзой на чеканенных в Ольвии монетах. Власть в царском роду у ранних аланов была наследственной (Мовсес Хоренаци. II, 50, 52, 58). Мы находим упоминания о брачных связях аланских царей

с боспорскими, армянскими и парфянскими правящими домами: аланы всегда давали невест (Лис. Тох., 51; Tacit. Annal. II.4; Мовсес Хоренаци. II, 50 и 83), о дворцах в степи с восседающими на троне правителями (Эвنون Аорский: Tacit. Annal. XII.18).

Видимо, был достаточно обычен институт соправления двух братьев (хроника «Картлис цховреба» – Базук и Амбазук в I в. н.э. и, вероятно, о Фероше/Пеорзе и Кавтии в III в. н.э., «величайшие цари Аорсии» в Ольвийской надписи с Мангупа) (Яценко С.А., 2008а, с. 303). Имена-прозвища ранних аланских царей часто весьма красноречивы, отражая личные привычки и особенности внешности: Кондак («Носящий одежду из конопли»), Беоргус («Захватывающий много скота»), Эохор («Просоед»), Базук («Плечистый») и т.п. Некоторые цари носили иноземные имена – греческие (Эвنون) или персидские (Шапур/Шапух, Пероз/Ферош). Вероятно, это было следствием упоминаемых древними авторами династических браков с правителями земледельческих государств – Боспорского царства, Армении и родства с царями парфянского Ирана. Царь лично вступал в бой с предводителем вражеской армии. При этом он ловко метал аркан. Так, в 316 г. креститель Армении Трдат III чуть не попал в плен, заарканенный правителем базилов Гедреоном (Армянские источники..., 1985, с. 23–24).

Положение знатных женщин в сарматском обществе было более высоким, чем у скифов. Вдовы-правительницы в период взросления сына лично руководили военными походами (Polyaen. Strat. VIII, 56). Жена правителя могла получать для собственных нужд дань с подвластной крепости (Алектор под Ольвией в правление Инисмея из Аорсии (Dio. Chrys. Orat. Borisph. II, 48). Титул аланских цариц *ašhen* («госпожа»), зафиксированный в начале IV в. н.э., сохранялся у осетинских княжен до XIX в. (*æxin*).

Не исключено, что в мужской субкультуре сарматов немалую роль могли играть воинские союзы, в которых участвовали и представители знати (Вдовченко Е.В., 2004). К сожалению, этот вопрос пока остается на уровне предположений. Степень воинственности в разных сарматских культурах оценивается по-разному. По материалам Поволжья и Подонья мужчины «поздних сарматов», на первый взгляд, выглядят особенно сурово и воинственно: травматизм, связанный с боевыми ранениями и верховой ездой, у них в два раза выше, чем у кочевников предыдущей культуры (Перерва Е.В., 2005, с. 21). Боевые травмы найдены у 70% мужчин, причем они очень разнообразны: это резаные, колотые, рубленые и стреляные, нанесенные различным оружием (Балабанова М.А., 2004, с. 26). У них были сильно изношены суставы, гипертрофированно развиты мышцы плеч и рук, они имели болезни позвоночника, связанные с постоянным пребыванием в седле. Мужскую субкультуру такого типа можно назвать неустойчивой, не устоявшейся вполне на занятой территории и озабоченной более всего войной. Однако дело в том, что в курганах того времени хоронили лишь небольшую, почему-то значимую часть населения...

Происхождение племен среднесарматской культуры (и среди них – нижнедонских аланов), как принято думать, во многом тесно связано с «кочевой империей» Кангюй на юге Казахстана. С политическим усилением Кангюя с самого рубежа нашей эры совпадает и появление в Сарматии дорогих подражаний изделиям так называемого *бирюзово-золотого звериного стиля* с изображениями среднеазиатской фауны (гепард, чубарый олень и др.), заметно отличающихся по облику от бактрийских и парфянских изделий (Яценко С.А., 2000б, с. 178–179). Их можно рассматривать как дары кангюйских владык еще в Средней Азии или уже после миграции в Европу¹, а в более удаленных от низовьев Дона районах – так же как их более поздние и менее роскошные имитации в более дешевом материале. Изделия из Дач, Чалтыря и других погребений при близком знакомстве производят впечатление вполне новых, на них нет серьезных потертостей, выпавших каменных и стеклянных вставок и т.п.

¹ На сегодня не известно серии ярких параллелей в социальной модели сарматских культур и «кочевых империй» Центральной Азии (Кангюй, Кушания, Усунь), с которыми они были исходно связаны. Видимо, будущие сарматские группировки обитали на северной периферии этих «империй» и потому не могли (или не имели права) полностью заимствовать их социальные модели.

В доиндустриальных обществах своеобразным «паспортом» человека являлся его костюм. Поэтому немаловажно упомянуть о его общих чертах и различиях для групп 1 и 2 (Яценко С.А., 2006, с. 335–337). Сарматская аристократия использовала дорогие материалы (шелк, ткани, шитые золотом и окрашенные пурпуром, расшивку сотнями фигурных золотых бляшек, жемчугом, вставки самоцветов, аксессуары с сакральными изображениями), а также набор золотых или серебряных аксессуаров (гривен, серег, перстней, фибул-брошей). Одним из отличий знатных мужчин были подчас сильно удлиненные носки обуви.

Мужчин социальной группы *ardar* (группа 2) в греческих надписях, видимо, называют (по В.И. Абаеву) также *pati* («господин») и *pataka* («вождь, указующий дорогу»). Некоторые из них были «прославленны и могучи, принадлежали к высшему сословию и были первыми в бою» («Мученичество Воскянов»). Известные раннеаланские полководцы, такие как Базук и Анариска, были высокорослыми богатырями (что не удивительно, так как поединок вождей в те времена часто решал исход войны): «чудовищный исполин, с ног до головы вооруженный, совершал чудеса храбрости во главе войска» (Степанос Таронский. Всеобщая история. II. 1).

Для изучения группы 2 важное значение может иметь полностью раскопанный малый средне-сарматский некрополь Царский, который находился в пределах видимости от стен древнего города Танаис. Все 13 его невысоких (недавно распаханных) курганов образуют цепочку, вытянутую по водоразделу между балками и принадлежат к одной культуре; при этом все они (кроме одного, содержащего детские могилы) ограблены в древности (Ильюков Л.С., 2004). Могильные ямы были трех разных форм. Некрополь создавался у единственного скифского кургана. Специальный курган №33 на краю комплекса, обращенном к Дону, вмещал три детские могилы, соединенные друг с другом практически в одну линию (в отличие от остальных, с очень скромным «имуществом», центральный умерший ребенок сопровождался мечом). Курган №62 на другом конце некрополя не имел насыпи и был ритуальной площадкой для совершения тризн (там найдены фрагменты посуды семи разных типов). Наиболее важными здесь были, вероятно, два соседних кургана – №38 и 41 с могилами супругов (?) возрастом около 40 лет каждый, где в квадратных ямах большую часть пространства занимал деревянный ящик. Оба эти кургана заметно отличались от остальных и уникальностью своей конструкции. Курган №41, наиболее высокий в группе, со значимым мужским погребением имел овальную форму и перекрывал собою курган скифского «предка», используя его как «фундамент». Женский курган №38 первоначально ограничивался квадратной каменной конструкцией толщиной около 1 м, 9×9 м изнутри. После его ограбления родственники, видимо (уникальный случай!), забросали выкопанную и оскверненную могилу камнями. В кургане №64 покрытые золотом псалии узды (Власкин М.В., 1990), сделанные в форме тамги, наиболее близко родственной знаку Инисмея – царя Аорсии, находились к западу от Днепра (Яценко С.А., 2001б, рис. 5.-28).

В районе устья Дона хорошо изучен некрополь из групп курганов отдельных кланов Высочино–Новоалександровка (Беспалый Е.И., 1990; Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И., 2008). В серии могил позднесарматской культуры в этом некрополе по каким-то причинам остались нетронутыми две могилы воительниц (Высочино-I, курган №10; Высочино-V, курган №18), отличающиеся, в первую очередь, эффектным платьем (с бусами и серебряными колокольчиками в первом случае; с вышивкой золотом, небольшими золотыми полихромными подвесками и нашитыми бляшками, римским колье, шелковым платьем и т.п.) (Яценко С.А., 2015б, с. 51–52), а также римской серебряной и бронзовой посудой. Кроме того, состав вооружения у них в каждом случае весьма оригинален: в первой из могил с женщиной были положены длинный меч, кинжал и метательный нож, во втором она имела лишь клевец. Знатных мужчин с достоверным комплектом вооружения здесь не найдено¹.

¹ Лишь одна, не слишком богатая мужская могила (Новоалександровка-I, курган №25) включала набор из копья, длинного всаднического меча и кинжала (Беспалый Е.И., 1990). Из сохранившегося от грабителей в захоронениях остальных мужчин преобладают кинжалы, лишь в одном случае достоверно сочетаемые с колчаном (Высочино-V, курган №6, погребение 1); к «старикам» иногда положены нагайки.

В археологических материалах не документируется никаких убедительных следов влиятельных профессиональных «жриц». При этом только у сарматов в иранском кочевом мире известна серия погребений людей (знатных женщин) с ярко выраженными культовыми функциями, с большими наборами разнообразных амулетов и иных культовых атрибутов (Яценко С.А., 2007). В частности, они характерны для предполагаемых жен «скипетроносцев» – правителей небольших племен. Особенно интересно в этом плане сармато-позднескифское погребение двух женщин I–II вв. в склепе 595 в Усть-Альме под Севастополем с серией специфических культовых атрибутов (деревянный мини-шатер; кресло, на которое были поставлены специальные деревянные сосуды для гаданий с резными фигурками животных и людей, и пучок ореховых прутьев для той же цели; объемный макет фигуры лежащей взнузданной лошади и др.) (Зайцев Ю.П., 2000, с. 295).

Сложнее выявить по археологическим материалам предводителей небольших кланов или патрионимий. Дело в том, что могилы таких местных лидеров в малых некрополях чаще всего и целенаправленно, со знанием дела разрушались грабителями. Проще это сделать в тех исключительных случаях, когда мы имеем дело с крупными некролями, где хоронили (за редким исключением) людей одного культурного этапа. Только один такой могильник полностью раскопан – это памятник среднесарматской культуры, расположенный у хут. Новый на р. Сал в Нижнем Подонье (Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992, с. 30–142, 230–255). Здесь мы видим скопление около 200 курганных насыпей, созданных примерно за полтора столетия – примерно за восемь поколений (конец I в. до н.э. – начало II в. н.э.). Этот некрополь много раз привлекал внимание исследователей, в том числе по проблемам хронологии (см., например: Глебов В.П., 2006), и антропологов (Батиева Е.Ф., 2011, с. 100–103). По удачному определению В.П. Глебова, это была своеобразная резервация для побежденных групп номадов, отражающая распространенную этническую стратификацию номадов¹. Между тем и у этой группы существовала своя элита (Яценко С.А., 2015б, с. 53). В нее входили и женщины с довольно большим количеством золотых аксессуаров – бляшек одежды и т.п. (их могилы почти всегда ограблены). Важнее для нашей темы три погребения предполагаемых военных предводителей кланового ополчения (бывшего частью более обширного «народа-войска») с соответствующим вооружением, относящиеся к обоим этапам существования некрополя; все они были ограблены современниками. У этих мужчин 25–40 лет, по определению Е.Ф. Батиевой, в могилах, несмотря на ограбления, во всех случаях сохранились копья; в одной могиле копье сочеталось с комплектом колчана, пластинчатым панцирем и удилами². Такой комплект вооружения заметно отличался от того, который был положен в соседние погребения рядовым сородичам³.

¹ Побежденные, изначально сопротивлявшиеся, нарушившие договоры или более «худородные», несомненно, жили на менее хороших пастбищах, должны были регулярно участвовать в военных акциях и платить немалую дань скотом. Они, естественно, нередко пытались освободиться от тягостных обязательств. Таковы, например, драматические отношения ардарагантов и более многочисленных, но зависимых лимигантов на Среднем Дунае IV в. н.э., во времена императора Константина, приведшие к поражению «господ» (Amm. Marc. Res gestae. XVII, 12, 18; Euseb. Vita Constantini. IV, 6) (ср.: Вдовченков Е.В., 2012). В другом случае потесненные с исходных пастбищ и подвергшиеся культурному влиянию новых завоевателей бывшие носители среднесарматской культуры в 70–80-х гг. II в. были, вероятно, поселены для несения военной службы в окруженном степняками Танаисе, образовав оригинальную общину «танаитов» (Яценко С.А., 2011, с. 204; см. также: Медведев А.П., 2010).

² Курган №48, погребение 1 кургана №48; курган №125, погребение 1 кургана №125 и парное захоронение из погребения 8 кургана №80.

³ Здесь почти все мужчины до 30 лет («глубокая старость» для этой группы) сопровождалась оружием (у более старших «стариков» оно во многих случаях отсутствовало). Типовым набором вооружения рядовых мужчин являлись короткий меч и набор стрел из колчана (от 8 до 120 экз.) – 35 погребенных, из них 22 не ограбленных, 86% которых были «молодыми» (в возрасте от 18 до 30 лет). 14 погребенных мужчин (от 8 до 60 лет, чаще «старых») сопровождал только меч. Кинжалы встречены у них лишь в трех могилах, уздечка – в четырех (Яценко С.А., 2014а, с. 300). В Новом обнаружена и уникальная для степной Евразии серия из 13 могил женщин-воительниц (в том числе замужних, с 1–2 маленькими детьми, 8 из них ограблено); им обычно символически клали в могилу несколько стрел, реже кинжал, или меч с боевым ножом; их костюм и сопровождающие вещи, в отличие от «не воинственных» родственниц, были весьма скромны (Яценко С.А., 2015б, с. 53).

Приведем примеры такого типа из обычных, малых некрополей, вначале относящихся к среднесарматской культуре. В среднесарматское время в основном существовал могильник Барановка-I на р. Иловля (Сергацков И.В., 2000), когда там хоронили женщин, реже – двух супругов. У женщин здесь только пара скромных золотых подвесок, зеркало и простое ожерелье, иногда костюм обшивали золотыми бляшками. В комплект мужчин из курганов №4 и 10 входили меч с золотыми накладками и комплект стрел.

В упомянутом некрополе Высочино–Новоалександровка в среднесарматское время вероятно военному лидеру, видимо, принадлежала основательно разграбленная могила супругов (?) (курган №13, погребение 1). Здесь фрагментарно сохранилась часть вооружения: копье, кинжал и набор стрел.

В верховьях Дона в основном раскопан позднесарматский могильник Ново-Никольский II–III вв. (исследовано 55 курганов из более чем 70, расположенных пятью компактными цепочками и практически не грабившихся в древности) (Медведев А.П., 1990, с. 103–121). Из мужчин (составлявших большинство) половина была лишена оружия. Здесь рядовые мужчины имели очень скромный набор вещей, а состав помещенного оружия был весьма неустойчив¹. Могилы двух военных лидеров здесь также отличались именно комплектом оружия, состоявшим из трех разных типов (курган №29 – меч, кинжал и копье; курган №53 – кинжал, копье и набор стрел).

На р. Сал интересен позднесарматский могильник Кировский-I/III (Ильюков Л.С., 2000, рис. 6–7 и 19). Кроме наличия многочисленных жертвенных ям, в нем были похоронены старые для той эпохи трое мужчин и три женщины (35–50 лет), по одному умершему каждого пола уцелело от грабителей. В таком могильнике похоронили лиц, отличавшихся, на первый взгляд, лишь почтенным возрастом. У каждого мужчины были оружие и символическая конская упряжь; при этом в каждой из лучше сохранившихся могил имелись изображения двух-трех типов клановых знаков-тамг, они были и на конской упряжи; видимо, здесь весьма значима была узда с тамгами. В кургане №1 группы I на упряжи с золотой плакировкой были три разных тамги (часть ее, возможно вместе с лошастью, была даром умершему от представителей других кланов). Если у двух мужчин документировано по одному образцу клинкового оружия, то в кургане №1 группы III, несмотря на ограбление, был, вероятно, полный комплект вооружения (кинжал, два коротких копья, два метательных ножа и набор стрел).

Немалый интерес представляет также серия из шести воинских изваяний I–II вв. в могильнике Заветное у городища Алма-Кермен в юго-западном Крыму, в котором сочетаются позднескифские и сарматские элементы, а также контекст их находок. Важно изваяние №5, представляющее сидящего воина в шлеме и с луком, с татуировкой на щеках и т.п. (Яценко С.А., 2014в, с. 46–47; рис. 4–8).

Погребения лидеров патронимий/кланов иногда можно спутать с могилами заслуженных воинов (жертв конкретной военной акции и т.п.). Именно такое объяснение кажется наиболее подходящим для первоначальной группы умерших мужчин, похороненных поодиночке в четырех соседних курганах бронзового века (№38, 43, 56 и 62) в рядовом среднесарматском некрополе Усть-Каменка на правобережье Днепра (Костенко В.И., 1993, с. 11). Все могилы – квадратные, с диагональным положением умершего, обязательно содержавшие меч, копье или их сочетание, иногда с колчаном и уздой; они никогда не подвергались грабежу².

Перейдем к характеристике *группы 4* – дружинников. Выделение серий дружинных погребений для ранних кочевников и сегодня остается серьезной и трудноразрешимой проблемой (Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009, с. 191, 212). К сожалению, письменные сообщения о возможных

¹ Чаще всего это один предмет, символизировавший «вооруженность» (кинжал, копье, реже – меч, от которого иногда клали лишь фрагмент), в четырех случаях – кинжал и копье и т.п., а также символические удила.

² Вскоре вокруг них возник могильник из еще 59 курганов с могилами трех разных форм, где грабители (судя по нетронутым комплексам и уцелевшим фрагментам), видимо, старались изъять у лучше экипированных умерших воинов меч, оставляя лишь несколько стрел (в нескольких случаях символически – единственную).

дружинах сарматов Полиена (VIII.55–56), Констанция (Vita Germani, 28) и Фавстоса Бузанда (III.6) (Фавтос Бузанд, 1953, с. 15–16) слишком кратки и невняты (Нефедкин А.К., 2011, с. 74, 83; Яценко С.А., 2014б, с. 25). Изучение дружинных групп строится нами лишь на материалах достаточно полно раскопанных могильников (Яценко С.А., Вдовченков Е.В., 2015). С высокой достоверностью с дружинниками можно связать такие некрополи, где *все* погребенные мужчины сопровождались оружием. Из сотен могильников сарматских племен на огромной территории их проживания от Казахстана до Венгрии пока известны всего *три* подобных пункта (в древности их, конечно, могло быть больше), которые различаются размерами, богатством погребенных, а также наличием современных им ограблений. Это Чертовицкий-I в верховьях Дона (I – начало II в. н.э.); цепочка некрополей «Золотого кладбища» длиной более 40 км на правобережье Средней Кубани (середина I – конец II в. н.э.); своеобразный маленький и стандартизованный некрополь из линии могил в Новых Бедражах у р. Прут (Молдова, рубеж II–III вв. н.э.) (Курчатов С.И., Симоненко О.В., Чирков А.Ю., 1995), который есть все основания считать мемориалом жертв некоей военной акции, при этом – только лиц старшего возраста (Яценко С.А., 2014б). По разным причинам (в первом случае – из-за особенностей погребальных сооружений и почв, во втором – из-за почти поголовного ограбления современниками) у нас в первом случае нет, а во втором почти нет антропологических определений пола и возраста умерших. Однако на практике серьезных проблем с этим из-за четкой дифференциации сопровождающих вещей по полу не возникает (Медведев А.П., 2008, с. 95; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 8).

Названные некрополи имеют ряд важных особенностей. Прежде всего, они размещены на границе кочевой Степи с зоной оседлых зависимых племен, всего в 300–500 м от городищ местных земледельцев, что обеспечивало их «кормление». Курганы в них расположены малыми группами (по принципу семейного родства или дружеских связей?). В Чертовицком с высокой плотностью размещения курганов всего, вероятно, было похоронено около 30 мужчин-воинов. Примерно половина умерших здесь, по сопроводительным вещам, были женщинами (женами). Для этих некрополей также характерна высокая стандартизация форм могильных сооружений и важных деталей погребального обряда. При этом на «Золотом кладбище» форма самих курганов и могил-катакомб весьма специфична. В Чертовицком это были насыпи высотой всего 0,2–0,4 м.

В этих некрополях явно отсутствовал обязательный набор предметов вооружения (что было во многом игрой случая: даров, военной добычи и разной степени боевых заслуг). Понятно, что вооружение предполагаемых дружинников находилось в прямой зависимости от такового у потенциального противника. В сравнительно бедных ресурсами и населением верховьях Дона оседлые поселения этого времени чаще всего не укреплены (вероятно, потому, что туземцам это не позволялось). Здесь дружинникам объединения сарматов-гиппофагов достаточно было меча (обычно короткого) и лука со стрелами (в бою явно предусматривалось вначале осыпание врага стрелами, а затем возможная схватка врукопашную). А похороненные в некрополях «Золотого кладбища» воины объединения сираков не только противостояли находившимся к югу от Кубани прекрасно вооруженным кольчугами до пят, каркасными шлемами и т.п. племенам меотов (Сазонов А.А., 1992; Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахарьек З.Н., Тов А.А., 1995) и пограничным пунктам Боспорского царства, но и (судя по характеру ряда помещенных в могилы вероятных военных трофеев римского и ближневосточного происхождения) участвовали в дальних, многомесячных походах. На Кубани мы видим, прежде всего, тяжелую кавалерию катафрактариев в доспехе (комбинированном или кольчуге), вооруженную по базовой модели копьем (в половине документированных случаев специальным – контосом, очень длинным и с массивным наконечником – для пробивания доспехов), длинным мечом и кинжалом, а также луком и стрелами для дальнего боя¹. В могилу с ними подчас

¹ Вероятно, именно сиракские катафрактарии детально изображены на росписи «склепа Ашика» в Керчи 3-й четверти I в. н.э. (Ростовцев М.И., 1913, табл. LXXXVIII, 2). Много позже воинская экипировка аланов, видимо, произвела большое впечатление на императора Грациана (375–384 гг.), который за огромную сумму золотом пригласил их на службу гвардейцами (Aur. Victor. Epitome Caesar. XLVII).

клали лошадь с набором упряжи. Замечу, что полная экипировка тяжеловооруженного всадника-катафракта не помещалась в могилы высшей знати, она известна в менее роскошных комплексах¹.

Материальное богатство дружинников зависело, видимо, как от ресурсов «кормивших» соседей-земледельцев, так и от возможности получения военной добычи и выкупа пленных. Здесь явное преимущество имели кубанские воины (в могилах которых найдено много дорогой римской металлической посуды, причудливых амулетов; они и их жены декорировали одежду рядами золотых бляшек и т.п., хотя массивные золотые вещи, обычные для аристократии, здесь отсутствуют). Ограбления этих могильников современниками напрямую от их богатства не зависели, а определялись взаимоотношениями с зависимым населением. Так, в Чертовицком практически нет синхронных ограблений, а в весьма бедных Новых Бедражах ограблены современниками два центральных погребения в ряду. Напротив, на все могильники обширного «Золотого кладбища» не нарушенным остался единственный курган №18 у Тифлисской с бедным женским захоронением.

В каждом из предполагаемых дружинных некрополей находились, видимо, и несколько могил *предводителей* таких отрядов. В Чертовицком они отличались наличием длинного всаднического меча (курганы №4 и 6), а их могилы размещались вплотную друг к другу в центре основного подквадратного скопления курганов (Медведев А.П., 1990, рис. 7). Единственный предполагаемый предводитель в Новых Бедражах (похороненный на краю ряда могил) отличался длинным всадническим мечом и дополнительными костюмными аксессуарами. В группах «Золотого кладбища» атрибуты предполагаемых лидеров, судя по сохранившимся от разграбления вещам, сводились к плакированному золотом чешуйчатому доспеху – Тифлисская, курган №3; к металлическому шлему, набору из нескольких копий – Казанская, курган №17; конскому доспеху – Тифлисская, курган №15 (и, видимо, породистому коню); поясу с золотыми бляхами (в полихромном «зверином стиле»). Кроме обычного оружия, предводители иногда использовали магическое, сделанное из «ископаемых» топоров-молотов бронзового века (так, в кургане №1 у станицы Ярославской он был насажен на очень длинный железный стержень и был своего рода штандартом (Яценко С.А., 2008б, с. 121)). Важным фактором здесь была и высота кургана: она колебалась от объектов высотой 0,3–0,4 м для рядовых дружинников до курганов предводителей высотой 3,2–4,5 м (Усть-Лабинская, курганы №29, 30, 32; Казанская, курган №17; Тбилисская, курган №1).

Для понимания общественного положения дружинников и особенностей их расквартирования важны наличие и статус в их некрополях могил женщин и детей. В Чертовицком женских погребений было примерно столько же, сколько мужских, т.е. воинов сопровождали находившиеся неподалеку могилы жен (эти могилы размещались на периферии основного скопления курганов). На «Золотом кладбище» женских могил заметно меньше, чем мужских, причем первые подчас явно находились рядом, когда, вероятно, хоронили 2–3 женщин, связанных с несколькими мужчинами – родственниками или побратимами (курганы №8 и 9 у Тбилисской; курганы №4 и 6, 13 и 15, а также №43–45 у Казанской; курганы №1, 2 и 4 у Тифлисской). Поскольку обряд погребений у всех женщин – сарматского типа, а не тот, что был типичен для оседлых зависимых соседей, дружинники брали своих жен из своего или родственных этносов. В пользу того, что эти женщины не были неполноправными наложницами, захваченными в плен, говорит наличие в их могилах достаточно редких статусных аксессуаров костюма, прежде всего шейных гривен (из бронзы в Чертовицком, из золота – на Кубани). Но для большинства женщин этого слоя отчасти характерен не слишком престижный «бронзовый статус» важнейших аксессуаров (гривна в кургане №2 Чертовицкого; диадема с Мировым деревом из кургана №46 в Усть-Лабинской с золотой плакировкой; скипетр из кургана №20 в Тифлисской).

¹ А.В. Симоненко (2011, с. 34) готов распространить особенность западного, конкретного племени *роксолан* в определенный период его весьма долгой истории, у которого, по Тациту (Hist. I. 79.3), «князья и все наиболее знатные имели это прикрытие» (катафракту) на все сарматские этносы разных периодов. Однако фактических оснований для этого нет. Справедливо замечание, что «в кочевых войсках социальная грань между тяжеловооруженными и легковооруженными воинами-всадниками отнюдь не была постоянной и больше зависела от превратностей индивидуальных судеб и боевых качеств самих воинов, чем от наследственной социальной стратификации» (Хазанов А.М., 2007, с. 12).

Главным же показателем их статуса можно считать наличие таких небольших золотых аксессуаров костюма, как детали ожерелий и серьги (курганы №4, 13 и 43 в Казанской, №42 в Усть-Лабинской), тонкие гривны (Усть-Лабинская, курганы №32 и 43; Тифлисская-Казанская, курган №49) и золотые флакончики (Усть-Лабинская, курган №42). Как мужчинам, во входную яму клали целую лошадь (Тбилисская, курган №9) (Ждановский А.М., 1984, с. 85). На общем фоне в Прикубанье выделялось женское погребение из кургана №20 в Тифлисской, имевшая два особых скипетра, богатое «амулетное» ожерелье, серию подобранных изделий с антропоморфными изображениями; набор вещей этой женщины можно (несмотря на расхищение большинства из них) отчасти сопоставить (с поправкой на дешевизну их материала) со списком атрибутов жен из сарматского княжеского сословия *ardar/aldar* (Яценко С.А., 2007). Две женщины из Чертовицкого с более высоким статусом (курганы №3/42, 5/40) отличались наличием одного недорогого золотого аксессуара костюма (серьги или височные кольца), а их могилы находились на северном краю основного скопления.

Итак, речь идет о наличии в зоне размещения дружин полноценных семей. В обоих стационарных некрополях находилось место для погребений не только жен, но и детей (немногих значимых из них). В Чертовицком-1 это курганы №22, 25 и 31, находившиеся по краям могильника (детский возраст умерших определяет длина ям в них – всего 1,3–1,4 м). На «Золотом кладбище» детей хоронили «вслед» рядом с недавно ограбленными могилами взрослых или даже внутри них (в Усть-Лабинской это были самые высокие курганы №29, 30 и 32 высотой от 4,3 м; в каждом ребенку положили по четыре сосуда из глины или металла).

Важно, что все три известных ныне погребальных комплекса дружинников датируются временем от середины I в. н.э. и, видимо, до рубежа II–III вв. н.э. (достоверных артефактов, бытовавших с III в. н.э., в них нет). Это совпадает со временем максимального военного присутствия Рима на краю европейской Степи. Периодическое противостояние с военной машиной римлян и их союзников, видимо, во многом способствовало формированию у кочевников дружин, при всех проблемах организации, экипировки и прокормления последних. Вместе с тем характерно, что некрополей с наличием оружия у всех мужчин нет ни в скифское время (VII–IV вв. до н.э.)¹, ни в раннесарматское (т.е. до второй половины I в. до н.э.). Вряд ли на носителей среднесарматской и начальной позднесарматских культур повлиял в этом опыт «кочевых империй» запада Центральной Азии откуда мигрировали в Европу их предки: в них свидетельств наличия дружин пока не выявлено.

В целом сегодня нет никаких данных в пользу принадлежности рядовых сарматских дружинников к наследственной аристократии (ср. о содержании аристократией дружин с дорогостоящей экипировкой: Хазанов А.М., 1971, с. 81). Их участники образовывали особую социальную прослойку, но не замкнутую: иначе пополнение этих небольших дружин представляло бы серьезную проблему (ср.: Вдовченков Е.В., 2012а, с. 75–76)².

Кроме этого, высока вероятность наличия небольшой военной дружины из сармато-аланов в Танаисе 2-й половины II – 1-й половины III вв. н.э. (Вдовченков Е.В., 2012б; Яценко С.А., 2014б, с. 27–28; ср. Завойкина Н.В., 2004), исходя из серии специфических свидетельств городской эпиграфики. Вероятно, к 188 г. н.э. в городе оформилась особая организация местной общественной жизни, ранее достоверно не известная. Она во многом связана с нарастающим в каждом поколении включением в состав граждан (всего около 300 человек) лиц сармато-аланского происхождения, но-

¹ Известны предположения о наличии дружин у ранних скифов Лесостепи начиная с середины VII в. до н.э. (см., например: Бессонова С.С., 1998, с. 57), однако критерии выделения связанных с ними могильников при этом остаются неясными.

² По предположению А.О. Наглера (Наглер А.О., Чипирова Л.А., 1985), «аланы» – это группы профессиональных дружинников у разных племен, которые при этом были в каждой местности именно заведомо интернациональными по составу. Однако такая трактовка этого этнонима как сословного термина пока ничем реально не подтверждается: аланы везде фигурируют в источниках как конкретный этнос, имеющий в каждом отдельном случае вполне ясно очерченную территорию и называемый без всяких комментариев среди прочих кочевых племен. Аргументация последующих сторонников этой «эффектной» версии за 30 лет ее существования так и осталась сугубо тезисной.

сивших соответствующие имена, в среднем в каждом поколении – около 40% (Шелов Д.Б., 1972, с. 244–277). Это были имена-прозвища (с греческой транскрипцией и окончаниями), даваемые уже взрослым людям и имеющие прямые аналогии в поздней алано-осетинской традиции (Яценко С.А., 1998, с. 54). Совокупность местных граждан основывалась на существовании двух общин – эллинов и «танаитов». Кроме гражданских лидеров общин, «танаиты» имели своего особого военного предводителя-«лохага», что не документировано для эллинов; в нем можно видеть начальника дружины численностью до 150 человек (весьма солидной для небольшого городка). Речь идет фактически о двух переселениях сарматских дружинников в город. В списках более ранних поселенцев В.И. Абаев отметил группу имен-прозвищ, связанных с предполагаемой дружиной: *Состоящий в том же (боевом) отряде, Получающий первую награду* и т.п. (Абаев В.И., 1979, с. 289, 298; Яценко С.А., 1998, с. 54–55). Позже, в начале III в., в городе оказалось еще около 60 граждан, носивших сарматские имена нового типа, совершенно уникальные для Северного Причерноморья и явно связанные с окрестными «поздними сарматами». Среди них не только те, что связаны с тотемными животными (особенно кабаном), но также «героические», вроде *Потирающий стрелой, Имеющий силу 10 мужей, Чья речь полна отваги* и т.п. (Абаев В.И., 1979, с. 278, 287, 309). Видимо, до катаклизма около 253 г. жизнь военных поселенцев в Танаисе была относительно безопасна: судя по данным антропологии, на характерных черепах с искусственной деформацией из некрополя отсутствуют следы травм, а плодovitость этой группы была вдвое выше, чем у остальных горожан (Батиева ЕФ., 2007, с. 99).

К востоку и северо-востоку от городища Танаис до активной распахки существовал огромный курганный могильник, в погребениях которого явно господствовала сарматская обрядность. Здесь компактно располагались несколько сотен курганов высотой от 0,2 до 4 м. Археологический анализ следов дружины здесь невозможен из-за почти повального ограбления мужских воинских погребений и нынешней активной хозяйственной деятельности. Мы имеем дело именно с единичными и крайне фрагментированными погребениями. Так, в парном богатом погребении 1 кургана №12 (1968 г.) мужчина сопровождался, среди прочего, длинным всадническим мечом, седлом с золотыми аппликациями, уздечкой и нагайкой (Толочко И.В., 2004, с. 193–194).

Другим перспективным пунктом поисков археологических следов дружин в наиболее «варваризованных» центрах Боспора мог бы считаться городок Илурат, особенно его Нижний некрополь, частично изученный в 1988 г. Здесь, несмотря на ограбления, оружие (в основном – фрагменты клинков) найдено в каждой пятой мужской могиле (Горнчаровский В.А., 1998, с. 85–88).

Одним из ярких проявлений межрегиональной активности сарматской аристократии стало использование их родовых знаков-тамг (*gakk*), заменявших подпись участников различных акций в различных святилищах Северного Причерноморья (в том числе находящихся в греческих городах). Выделяются всего семь кланов, которые в I–III вв. н.э. проявляли наибольшую активность, большинство из них проживали в низовьях Дона в среднесарматское время (Яценко С.А., 2001б, с. 86–87, рис. 19).

Важной стороной жизни групп сарматской элиты являлись периодическое использование подчиненных им воинских формирований боспорскими правителями с начала I в. н.э., браки боспорской и сарматской знати и частичное оседание последней в городах. Самый ранний погребальный комплекс в Пантикапее, соотносимый с аристократической семьей сарматского происхождения – знаменитый склеп Анфестерия, в котором, видимо, изображена сцена из сармато-аланского мифа (Яценко С.А., 1995) (на стене соседнего синхронного склепа его вероятного брата Алкима – его предполагаемого брата – гравирована сарматская тамга). Он датируется В.А. Горнчаровским первой третью I в. н.э. Активная же «сарматизация» Боспора происходит во второй половине II в. н.э., начиная с правления Тиберия Евпатора, со 154 г. н.э. В 150–200 гг. в Пантикапее известна серия склеповых могил всадников с конем, основным оружием которых были длинные мечи и кинжалы. Редкие комплексы сарматской аристократии известны в разных городах Боспора в трудное время 260–300 гг. Последняя группа могил сарматской знати на Боспоре датируется первой половиной IV в. В ней парадные мечи и кинжалы с полихромным навершием иногда сочетались, по сарматской традиции, с двумя комплектами узды (Шаров О.В., 2009, с. 7–9, 19–20).

Глава VII

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА НА ПРОЦЕСС ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ У НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКИЙ ПЕРИОД¹

В контексте изучения структуры власти и политической системы кочевых обществ выделение особого типа политической культуры, характеризующей особенности ментального и идеологического развития номадов, в настоящее время является актуальной и весьма неполно исследованной проблемой. Имеющиеся работы в данной области во многом обозначили основные аспекты в изучении данного вопроса (см. обзор: Васютин С.А., 2004; Дашковский П.К., 2008а; Жумаганбетов, 2006а–б), однако рассмотрение политической культуры в ее функциональном аспекте, а также выделение этнических и религиозных особенностей данного феномена в настоящее время не предпринималось.

Прежде чем характеризовать политическую культуру кочевых народов Центральной Азии в скифо-сакский и хуно-сяньбийско-жужаньский периоды, необходимо коснуться вопроса терминологии. Политическая культура – это исторически сложившиеся, относительно устойчивые воплощающие опыт предшествующих поколений людей политические представления, убеждения и установки, а также модели и нормы политического поведения, проявляющиеся в действиях субъектов политических отношений данного общества и обеспечивающие воспроизводство политической жизни социума на основе преемственности (Мельник В.А., 2004, с. 320).

Впервые данный термин был введен в научный оборот американским политологом Г. Алмондом в 1956 г. В его понимании значение термина раскрывается как особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы. С одной стороны, политическая культура является особой частью общей культуры данного общества, хотя и обладающей определенной автономией, с другой – она связана с конкретной политической системой, хотя и не сводима к ней (Политическая культура, 1993, с. 264).

Г. Алмонд и С. Верба предложили также классификацию политической культуры, которая в настоящее время является наиболее распространенной. В ее основании лежит трехчастное деление, основанное на особенностях тех или иных стран и регионов. Так, западными учеными было выделено три «чистых» типа культур: 1) патриархальный, характеризующийся отсутствием интереса граждан к политике; 2) подданныческий, отличающийся сильной ориентацией на политические институты и невысоким уровнем политического участия; 3) активистский, характеризующийся заинтересованностью граждан в политическом участии и проявлением ими политической активности (Культура политическая, 2000, с. 128). По мнению авторов, наиболее оптимальной культурой будет гражданская культура, синтезирующая подданныческие установки и высокий уровень политического участия. В каждой стране гражданская культура обладает своими специфическими чертами, дополняющими и конкретизирующими «идеальный тип».

Важной характеристикой политической культуры конкретного общества является степень ее гомогенности и неоднородности. Среди причин, вызывающих неоднородность политической культуры, можно назвать объективную социальную поляризацию социума и неоднородность политических структур, которые в свою очередь порождают широкий разброс потребностей и интересов групп и личностей, которые, в свою очередь, по-разному формируют элементы их политической культуры.

Различия в ряде основных параметров политической культуры разных социальных групп в единой национальной и государственной общности делают оправданной постановку вопроса о возможности существования в ней своеобразных субкультур. В одних случаях отличия этих ча-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-31-01204 «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья»).

стных культур от общей политической культуры этносоциальной общности не носят принципиального характера и интегрированы в нее на положении субкультур. В других – настолько отличаются от общей политической культуры, что могут рассматриваться в качестве самостоятельных контркультур. Это означает, что в каждом обществе могут существовать одновременно несколько политических культур: господствующая, или общая, субкультуры и контркультуры (Политическая культура, 1993, с. 265). При этом данная дифференциация может быть основана на социально-классовых, национальных, религиозных и других различиях между общественными группами и отдельными людьми.

Политическая культура не остается застывшей, а развивается вместе с ее носителями – социальными общностями. Политический опыт при передаче от поколения к поколению подвергается внешним воздействиям, которые либо укрепляют основы сложившейся политической культуры, либо видоизменяют ее. К таким воздействиям относятся, во-первых, динамика отношений в сфере политического воспроизводства, которая приводит к перестройке общественной структуры и, следовательно, потребностей и интересов соответствующих социальных групп; во-вторых, приобретение нового исторического опыта, который может совпадать с предыдущим, дополняет его новыми представлениями или противоречит ему.

Политический опыт передается последующему поколению не в чистом, а в переосмысленном виде. Эта трансформация первичного опыта происходит через систему закрепляющих его идеологических представлений, норм и ценностей, а также за счет субъективных особенностей носителей культуры. Поскольку господствующая идеологическая система поддерживается стоящими у власти социальными группами – элитой, воздействие идеологии часто способствует укреплению тех элементов культуры, которые обладают стабилизирующим эффектом, т.е. работают на сохранение официальной политической культуры (Политическая культура, 1993, с. 265).

Важным средством консервации устоявшихся элементов политической культуры являются традиции. Условно межрегенерационную передачу политической культуры можно представить как процесс закрепления в сознании граждан определенной системы их ориентаций на соответствующие нормы и образцы политического поведения, в рамках которой существует более устойчивое ядро, обеспечивающее преемственность политической культуры и менее устойчивые, изменяющиеся ориентации. Необходимым условием существенных преобразований политической культуры является накопление в обществе мощных изменений, воздействие которых на сознание людей способно преодолеть их сопротивление внедрению новых образцов и норм политического поведения.

Политическая культура является важной составляющей духовной жизни общества, находит выражение в политическом сознании, в том числе в его идеологических формах. Однако многие из ориентаций, составляющих политическую культуру, имплицитно заложены в людях и часто проявляются у них непроизвольно, без предварительной рефлексии. Сохраняемые в подсознании, эти чувства определяют поведение граждан и смысл политической деятельности, содействуют формированию более глубоких представлений о политическом процессе, что является необходимым фактором для эволюции форм политической культуры. Таким образом, политическое сознание является лишь одной из форм реализации политической культуры, наряду с неосознанными реакциями, ориентировочного порядка и импульсивными поведенческими актами (Политическая культура, 1993, с. 265).

Следует отметить, что политическая культура выполняет определенные функции по обеспечению жизнедеятельности социума, к числу которых можно отнести интеграционную, коммуникативную, регулятивную функции, а также функцию политической социализации личности (Мельник В.А., 2004, с. 322). Интеграционная функция политической культуры проявляется за счет общих для всех субъектов политики стереотипов мышления и образцов политического поведения, обеспечивается интеграция различных социальных групп, слоев и общностей в единое целое, поддерживается устойчивость общества и его динамическое развитие. Коммуникативная функция выражается посредством таких составляющих, как политический язык, символы, нормы, ценности,

образцы смыслового восприятия политических явлений и стереотипов поведения, обеспечивается взаимопонимание различных субъектов политических отношений, их разностороннее взаимодействие в рамках государства и других политических институтов (Культура политическая, 2000, с. 128). Регулятивная функция политической культуры состоит в том, что благодаря устойчивым формам политического мышления и общепринятым нормам политического поведения обеспечивается определенный порядок в действиях различных субъектов политических отношений, структурируются их ценностные ориентации, устанавливаются рамки приемлемого и неприемлемого в сфере политики. Функция политической социализации находит свое выражение в том, что политическая культура как социальный феномен представляет собой одновременно и механизм передачи индивидам знаний и умений, необходимых для участия в политике в соответствии с принятыми в обществе нормами. Посредством данной функции обеспечивается ретрансляция политического опыта от поколения к поколению (Мельник В.А., 2004, с. 323).

Из приведенного материала видно, что политическая культура как феномен общественной жизни включает в себя фундаментальные основы реализации всего политического процесса, сохраняя, дополняя и передавая имеющийся опыт, обеспечивая тем самым культурную преемственность. Вместе с тем политическая культура содержит в себе не только поведенческие мотивации субъекта в сфере политики, но, проникая в ментальные слои общественного сознания, оказывает влияние на многие аспекты жизнедеятельности человека, такие как религиозный, идеологический, ценностно-нормативный и др., обеспечивая тем самым стабильное развитие как отдельной личности, так и всей социальной системы в целом. Вследствие этого вопросы формирования, искусственного изменения и управления политической культурой конкретного общества в тот или иной период его истории являются весьма важными в понимании и оценке особенностей его развития.

Политическая культура кочевых обществ, как правило, не рассматривается в политологических исследованиях как одна из самостоятельных форм данного феномена, хотя имеются все предпосылки для выделения особой формы кочевой политической культуры, в рамках которой имела бы возможность дифференцировать имеющиеся политические системы кочевников. В классификации Г. Алмонда, политическая культура кочевников располагается на уровне патриархальных отношений, однако определять основанием деления степень политической активности субъектов для анализа кочевого общества в принципе малоэффективно. Следует учитывать тот факт, что социум кочевников развивается по иным как внутренним, так и внешним закономерностям, вследствие чего невозможно применять для его анализа данные политологии посредством прямой редукции, из-за чего возникает необходимость адаптировать их к кочевой среде.

Имеющиеся данные письменных и археологических источников позволяют с определенной долей вероятности реконструировать политическую культуру кочевых народов Центральной Азии в хунно-сяньбийское и тюркское время, а также обозначить религиозный ее аспект. Следует отметить, что религиозный фактор играл первостепенную роль в организации общественной жизни кочевников, являясь не только способом адаптации к окружающему миру, что отражается в его мировоззренческой функции, но также важным элементом легитимации как существующих общественных отношений, так и действий элиты, которая в свою очередь является первичным звеном воспроизведения политической культуры.

Религиозный аспект политической культуры в обществе кочевников во многих его формах, как в свернутом, ментальном, так и открытом способе функционирования, являлся наиболее ярким способом выражения нормативных, поведенческих и ценностных категорий, обеспечивающих нормальное функционирование нестабильного по своей природе кочевого общества, статус которых приравнивался к священному вследствие своей непосредственной апелляции к божеству, что в свою очередь определяло его беспрекословный авторитет. Исходя из данного определения возможно обрисовать информационное поле реконструкции, основным компонентом которого будут являться традиционные верования кочевников, в структуре которых содержатся основополагающие элементы их политической культуры.

Первый опыт создания обширной кочевой империи на территории Центральной Азии принадлежит хунну, этническое ядро которых смогло в короткий срок включить в границы конфедерации многие племена номадов данного региона (Крадин Н.Н., 2001). Сам факт создания политической организации подобного масштаба свидетельствует о наличии в структуре социально-культурного пространства соответствующих нормативных, ценностных и идеологических установок, которые в целом можно обозначить политической культурой.

На материале письменных и археологических источников представляется возможным реконструировать некоторые элементы политической культуры хунну, а также рассмотреть ее религиозный аспект. Так, в структуре данного феномена выделить следующие составляющие: 1) идеологические, 2) ценностные, 3) репродуктивные, 4) мировоззренческие установки, в каждой из которых можно обнаружить определенные пласты религиозных представлений.

Идеологическая установка раскрывается в широком спектре культурных явлений, среди которых можно обозначить традицию сооружения элитных памятников хунну, являющихся средством материального воплощения сакрального статуса хуннских шаньюев (Миняев С.С., 2009; Полосьмак Н.В. и др., 2008а; Руденко С.И., 1958; и др.). Мегалитические объекты «царской» погребальной обрядности выражают в себе не просто престиж власти, но твердое убеждение в ее иррациональной природе, являющееся важным элементом идеологии в обществе кочевников.

В милитаризованном обществе кочевников огромную роль в функционировании политической системы играла воинская идеология, элементы которой возможно фиксировать у хунну. К ним в первую очередь относится упоминание о подготовке Маодунем собственной военной дружины, воины которой обладают четкой идеологической установкой на безоговорочное выполнение приказов правителя, что отражено в словах шаньюя: «Каждый, кто не станет немедленно стрелять в направлении полета свистящей стрелы, будет обезглавлен» (Сыма Цянь, 2002, с. 327).

Ценностные и нормативные характеристики политической культуры хунну проявляются, во-первых, в системе уголовного права кочевников (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 50), которое исходит из традиций, являвшихся абсолютным авторитетом, а во-вторых, в культивируемых общественных ценностях, в связи с чем показательным является сюжет источника, повествующий о дипломатическом общении хунну и дунху, где, вполне возможно, в аллегорической форме представлена иерархия политических ценностей, главенствующее место в которой занимает мирное сосуществование в Степи – «Разве можно живя по соседству с другим государством пожалеть [для него] одного коня?», – а также провозглашение обладания территорией как наивысшей ценностью – «Земля – это основа государства, разве можно отдавать ее?» (Сыма Цянь, 2002, с. 328).

Репродуктивные элементы политической культуры хунну направлены на формирование особой системы рекрутирования элиты, а также способов сохранения и передачи имеющихся традиций. В религиозном аспекте данная проблематика решается путем выделения главенствующих кланов в этнической среде сюнну, происхождение которых носило иррациональный характер (Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2008; Коновалов П.Б., 1993, с. 5–29). Таким образом, воспроизводство политического аппарата имело границы только лишь среди данных линиджей, отсекая доступ к власти большинству простых кочевников.

Мировоззренческий комплекс представлений в структуре политической культуры кочевников представлен весьма широким набором характеристик. Наиболее выразительной из них является традиция сакрализации правителя, выражавшаяся в том числе в титулатуре шаньюя: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный великий шаньюй хунну» (Сыма Цянь, 2002, с. 336), которая постулирует не только божественное его происхождение, но также демонстрирует иерархию верховных божеств в структуре мировоззрения данных кочевников (Мейкшан И.А., 2007а).

Мировоззренческие аспекты политической культуры имеют также и менее значимые элементы, как, например, представления о социальной и политической организации общества. К ним, в частности, можно отнести упоминание источников о том, что «шаньюй утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру поклоняться луне», «Он (шаньюй) сидит на левой сто-

роне, лицом к северу» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 50). Данные сообщения указывают на связь пространственных категорий с конкретными формами политической жизни, выражающиеся в организации социального пространства.

Следует отметить, что религиозный аспект политической культуры хунну наиболее ярко проявлялся в традициях совмещения главных политических мероприятий империи и сезонных ритуалов, что упоминается в источниках. «В первой луне каждого года все предводители съезжаются на малый сбор в ставку шаньюя и приносят жертвы, в пятой луне съезжаются на большой сбор в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, Небу и земле, духам людей и небесным духам – гуйшэнь. Осенью, когда лошади откормлены, вновь съезжаются на большой сбор в Дайлане, подсчитывают и сверяют количество своих людей и домашнего скота» (Сыма Цянь, 2002, с. 330), из чего можно сделать вывод, что главные политические мероприятия хунну, в рамках которых решались основные вопросы жизнедеятельности общества, никогда не были в отрыве от соответствующих религиозных ритуалов.

На основе приведенного материала можно заключить следующее, что религиозный аспект политической культуры хунну имеет ярко выраженный характер, проявляющийся, во-первых, в системе легитимации власти и обосновании сакрального статуса правителя, а во-вторых, можно утверждать о непосредственной взаимосвязи сезонных ритуалов кочевников с проведением собраний, в рамках которых решались основные политические и организационные вопросы жизнеобеспечения общества. При этом трудно сказать, какое именно действие в данном случае имеет приоритетный характер, отправление культовых действий, направленных на стабилизацию макрокосмоса, или решение насущных политических проблем.

В период гегемонии дунхуских племен в степях Центральной Азии происходит ряд существенных изменений как в политической организации, так и в мировоззрении кочевников, что находит свое отражение в новых формах политий, а также в распространении на данной территории мировых религий, и в первую очередь буддизма.

В мировоззренческом аспекте можно указать на наличие в политической культуре данных кочевников элементов сакрализации правящей династии, что нашло отражение в легенде о чудесном происхождении Таньшихуая у сяньби (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 154; Материалы..., 1984, с. 75), а также Ногая у жужаней (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 195). Другим подтверждением связи политической и религиозной систем дунхуских племен является упоминание о наличии сакрального центра кочевников на реке Шара-Мурэнь, где, подобно хунну, отправлялись сезонные ритуалы и решались основные политические вопросы (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 140; Материалы..., 1984, с. 70).

В данный период времени имела место быть активная религиозная политика в кочевых империях Северная Вэй и Великое Ляо (Дашковский П.К., 2008б, с. 40). При этом в религии видели не просто систему мировоззрения, но мощную политическую силу, умело управляя которой, можно добиться значительных результатов. Наиболее ярким проявлением религиозного аспекта политической культуры стало время правления тобаской династии, когда император Тоба Гун, победив Муюн-линя, «перенес столицу в Пьхин-чэн, построил дворец, основал храм предкам своего Дома, поставил жертвенник духам Шэ и Цзи (прим.: храм предкам и жертвенник духам Шэ и Цзи суть коренные принадлежности китайского Двора). В храме предков ежегодно пять раз приносили жертву: в два равноденствия, в два поворота [зимний и летний] и в двенадцатой луне. ...По древним обычаям Дома Вэй, т.е. сяньбийским, в первой летней луне приносили жертв Небу и в восточном храме, т.е. предкам; в последней летней луне выходили с войсками прогонять иней на хребет Инь-шань; в первый осенний месяц приносили жертву Небу в западном предградии. Все сии обряды ныне возобновил на прежних установлениях. Определил жертвенные приношения в предградиях и храме предкам; установил обряды и музыку» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 177).

Данные преобразования имели своей целью укрепление престижа традиционных верований как государственной идеологии посредством централизации культа и создания главных святилищ в столице, а также изменения внешней атрибутики культового действия вследствие введения более

пышного оформления культовых мест и музыкального сопровождения ритуальных действий, что напрямую связано с политическими интересами. Вопрос распространения буддизма или даосизма в Северной Вэй также во многом имел политические мотивы, как собственно и религиозная политика у жужаней. Насколько случайным являлось практически синхронное развитие религиозной ситуации Тобаской империи и Жужаньского каганата, соперничавших друг с другом, в настоящее время можно лишь предполагать, однако политический аспект в данном случае очевиден (Дробышев Ю.А., 2002, с. 112–113; Сухэбатор Г., 1979, с. 66).

Таким образом, в политической культуре дунхуских племен наблюдается повышение интереса к религиозной политике, а также изменение статуса религиозного аспекта, игравшего в данном случае важную роль в системе международных отношений. Следует также отметить, что в этот период времени возникают новые типы политической организации, получившие название «полукочевые империи», представленные тобаской династией Северная Вэй, а также империей киданей Великое Ляо. При этом новые государства порождают иные формы политической культуры, которую называют «двойной», вследствие наличия в рамках единого государства как оседлого, так и кочевого населения, при этом функционирование их традиционных социальных и политических институтов развивается в рамках своей, гармонично связанной с последними, политической культурой.

В вопросе изучения религиозной политики в кочевых империях поздней древности важным аспектом является формирование соответствующей системы легитимации существующих властных отношений. Кроме традиционных способов легитимации, правители политических формирований кочевников все чаще обращались к заимствованным механизмам идеологических принципов, одним из которых являлся буддизм.

Важный аспект изучения религиозной политики в Центральной Азии связан с проблемой знакомства кочевых народов в гунно-сарматское время с буддизмом. Исследователям хорошо известен из китайских источников хрестоматийный сюжет о том, что в 121 г. до н.э. императорскими войсками у сюнну была захвачена статуя золотого человека, перед которой они приносили жертвы Небу (Сыма Цянь, 2002, с. 344). На основе этого повествования некоторые исследователи, интерпретируя данную фигуру как изображение Будды, делают предположение о том, что еще в конце I тыс. до н.э. сюнну были знакомы с буддизмом (Жуковская Н.Л., 1994, с. 7; и др.).

Теоретически возможность знакомства с буддизмом Сючжу-ван и его окружения не исключал и Е.М. Кычанов (1997, с. 33–34), хотя отмечал, что статуя могла использоваться и для поклонения Небу. Однако Р.В. Вяткин (2002, с. 448) считает неуместной такую трактовку данного упоминания, аргументируя это тем, что буддизм проникает в Китай только в I в. н.э., а описываемые Сымой Цянем события относятся к более раннему периоду. Более осторожную точку зрения по этому вопросу приводит Б.А. Литвинский, который вслед за Э. Цюрхером указывает на постепенную инфильтрацию буддизма в Китай с первой половины I в. до н.э. до середины I в. н.э. (Восточный Туркестан..., 1992, с. 441).

Один из наиболее древних храмовых комплексов Китая, в котором в конце II в. н.э. достоверно имелась богато украшенная статуя Будды, находился в г. Пэнчэн (Васильев Л.С., 2001, с. 305). Кроме того, самой новой религии потребовалось еще два–три столетия, чтобы достаточно закрепиться в этом регионе Азии, тем более, что первоначально последователями-мирянами буддизма была военная, интеллектуальная и административная элита. Лишь начиная с IV в. н.э. стало существенно расти количество буддийских храмов и монастырей, а само учение активно распространяться среди разных слоев населения (Васильев Л.С., 2001, с. 309–312). В связи с этим антропоморфная статуя Будды вряд ли могла быть привезена хунну из Китая, на территории которого миссионерская деятельность еще только начиналась.

Рассматривая этноконфессиональное взаимодействие народов Центральной Азии, необходимо учитывать и тот факт, что политические и культурные связи кочевников не ограничивались одним Китаем. Сюнну также имели непосредственный контакт со странами Средней Азии (Сухбатор Г., 1978, с. 61), которые являлись своеобразным «религиозно-историческим коридором» для

распространения разных религий, в том числе и буддизма (Литвинский Б.А., 1968, с. 135; 1997; Восточный Туркестан..., 1992; Мкрытычев Т.К., 2002). По мнению Г. Сухбатова (1978, с. 61–65), знакомство хунну с буддизмом является вполне естественным, вследствие продолжительного взаимодействия кочевников с носителями этой религии. Полностью разделяет позицию монгольского ученого А.В. Тиваненко.

Исследователь к данным Г. Сухбатова добавляет факт находки в одном разрушенном хуннском погребении близ Цаган-Усуна 108 каменных бус, составляющих буддийские четки (Тиваненко А.В., 1994, с. 51–53). В то же время наиболее ранние буддийские комплексы Средней Азии обнаружены в Бактрии-Тохаристане, которые датируются преимущественно не ранее I в. до н.э. – I в. н.э. Правда, отдельные буддийские миссионеры могли проникать сюда несколько ранее – в III–II вв. до н.э., но закрепились религия в данном регионе только в период расцвета Кушанского государства в I–IV вв. н.э. (Восточный Туркестан..., 1992; Мкрытычев Т.К., 2002, с. 16–18; Ставицкий Б.Я., 1996, с. 26; и др.).

Для более основательного анализа данной проблематики следует обратить внимание на время формирования канона скульптурного изображения Будды, а также на тенденцию распространения буддизма в Центральной Азии. Относительно проблемы возникновения антропоморфных изображений Будды до сих пор не сформировалось единой точки зрения. В частности, одна группа востоковедов считает, что антропоморфные изображения Будды появились только в I в. н.э. в Индии (Гандхара) (Галеркина О.И., 1963; Прокофьев О.С., 1964; Тюляев С.И., 1988). Другие исследователи отрицают подобную точку зрения (Фишер Р.Е., 2001, с. 44; Гожева И.А., 2001, с. 297). Так, Р.Е. Фишер (2001, с. 44) отмечает, что создание первых скульптурных образов Будды относится к I в. до н.э.

При этом он ссылается, хотя и не разделяя полностью, на мнение отдельных ученых, объясняющих отсутствие антропоморфных изображений Будды на раннем этапе развития религии стремлением в аллегоричных образах выражать новую религию. Аналогичную ситуацию, по мнению религиоведа, можно увидеть в раннем христианстве, в котором изображение креста заменяло Христа. Исходя из имеющихся данных, вероятно, следует обозначить время возникновения скульптурных образов Будды не позднее I в. до н.э. – I в. н.э.

Таким образом, теоретически хунну вполне могли быть знакомы с буддизмом, который проникал к ним через Великий шелковый путь не из Китая, а из Средней Азии. Интерпретировать упоминаемую китайскими источниками золотую антропоморфную статую конца II в. до н.э. как изображение Будды пока нет весомых оснований в силу более позднего формирования и распространения такого канона как в самой Индии, так и в государствах Средней Азии. Кроме того, знакомство с этой религией у хунну на данном этапе носило в лучшем случае поверхностный характер и касалось только элиты кочевого общества. Вероятно, прояснить степень влияния буддизма на религию хунну будет возможно только в случае находок предметов буддийского культа непосредственно на памятниках хунну.

Сведений о знакомстве с буддизмом сяньбийцев и жужаней, как и хунну, крайне мало, хотя они и отличаются в некоторой степени большей определенностью. Тобаская династия Северная Вэй отличалась религиозным разнообразием. В различные периоды государственной религией признавался как буддизм, так и имевший широкий круг последователей в среде кочевой элиты даосизм. Основатель тобаской династии Тоба Гуй официально принял буддизм, положив начало его активной адаптации в кочевой среде. Ю.А. Дробышев (2002, с. 110–111) обозначает три периода в истории распространения новой религии в среде тобасцев: 1) 316–439 гг.; 2) 440–494 гг.; 3) 495–534 гг.

Несмотря на широкое распространение буддизма среди тобасцев, император Тоба Тао открыто благоволил даосизму, что явилось причиной его быстрого распространения, в связи с чем буддизм потерял политическую силу. Провозгласив девиз «Великого равенства», Тоба Тао принял принцип «двух правлений» – духовного и светского, где прерогатива духовного лидера принадлежала даосскому монаху (Головачёв В.Ц., 1990, с. 28–29; Дробышев Ю.А., 2002, с. 112). По мнению Г. Сухбатова (1978, с. 65–68), имеются данные китайских источников о том, что некоторые прави-

тели не только интересовались литературой и учением этой конфессии, но и носили имена, которые символизировали поддержку Будде. Буддийские миссионеры занимались проповедческой деятельностью и переводом священных текстов, в том числе на тобаский (сяньбийский) язык. К сожалению, проверить приводимые исследователем данные проблематично, поэтому можно сделать только некоторые комментарии по этому вопросу.

Так, согласно письменным источникам, в 419 г. н.э. монах Фа Го объявил императора тобаской династии Вэй Тай-цзу Буддой (Кычанов Е.И., 1997, с. 64). До этого момента у представителей тобаской династии, начиная с Тоба-Гуя, господствовал титул императора и сына Неба (Бичурин Н.Я., 1998а, с. 179), который он принял после успешных военно-политических действий. Этот факт еще раз подтверждает, что инициатором распространения буддизма среди сяньбийцев, как и других кочевых народов, были правители и окружающая элита. Возможность проникновения отдельных религиозных идей и миссионеров в кочевую среду косвенно подтверждается тем, во II–III вв. н.э. из Средней Азии в Восточный Туркестан и далее в Китай стали регулярно в большом количестве направляться последователи буддизма, хотя отдельные проповедники попадали сюда и несколько ранее (Восточный Туркестан..., 1992, с. 441, Елихина Ю.И., 2010, с. 37–40; и др.). В конечном итоге в IV–V вв. н.э. буддизм достаточно хорошо закрепился в указанных регионах, с которыми номады постоянно взаимодействовали, что подтверждается находками памятников буддийской архитектуры, искусства и письменности (Пещеры тысячи будд..., 2008). В то же время, вероятно, не стоит преувеличивать влияние этой религии на мировоззрение сяньбийцев. В связи с этим не совсем понятным является мнение Г. Сухбатова (1978, с. 66) о переводе буддийских текстов на тобаский язык, поскольку в этом случае у номадов должна быть своя письменность. Существование же собственной письменности у сяньбийских племен пока не является доказанным фактом.

В это же время в Жужаньском каганате получает активное распространение буддизм, приобретающий статус государственной религии. Примерно в 440–450 гг. н.э. шамана из Лунси по имени Фа Ай был назначен государственным наставником, тем самым реализуя упоминавшийся выше принцип двух правлений, только в его буддийском варианте (Дробышев Ю.А., 2002, с. 112–113; Сухбатор Г., 1978, с. 66). Насколько случайным являлось практически синхронное развитие религиозной ситуации Тобаской империи и Жужаньского каганата, соперничавших друг с другом, в настоящее время можно лишь предполагать, однако политический аспект в данном случае очевиден.

В источниках имеются сведения, прямо указывающие на наличие представителей этой конфессии в окружении правящей элиты номадов. Так, согласно источникам, «...в четвертое лето правления Юн-пхин, 510, в девятый месяц, Чэуну послал Двору с Шамыне Хунсюанем идола, жемчугом обложенного» (Бичурин Н.Я., 1998б, с. 78). В этом фрагменте рассказывается о подарке китайскому императору статуи Будды, преподнесенной от имени правителя жужаней Чэуна буддийским священником. В данном случае речь, вероятно, идет о тобаской династии Вэй, которая захватила к этому времени Северный Китай (Кычанов Е.И., 1997, с. 64, 78). Отдельные сведения о деятельности буддийских миссионеров при ставке жужанского правителя приводит Г. Сухбатор (1978, с. 67–68), отмечая, что данная религия проникала к номадам из бассейна Тарима, королевства Хотана (Юйтянь), Яньчжи (Карашара) и Сулэй. Кроме того, исследователь упоминает отдельные находки каменных изваяний и стел, на которых зафиксированы надписи, написанные письмом брахми и по-тибетски (Сухбатор Г., 1978, с. 68).

Позицию о широком распространении буддизма среди жужаней разделяет А.В. Тиваненко (1994, с. 65–69), который в своих изысканиях целиком опирался на разработки Г. Сухбатова. Кроме того, ученый упоминает о находке на Нижнеиволгинском городище походного бронзового буддийского алтаря с надписью 441 г. н.э., который был изготовлен для ханского императора, предпринявшего карательный поход против кочевников (Тиваненко А.В., 1994, с. 65–69). Таким образом, имеющиеся, преимущественно отрывочные, письменные сведения о возможном знакомстве жужаней с буддизмом позволяют сделать вывод только о деятельности миссионеров в Центральной Азии, которые входили в религиозную элиту кочевого общества. Некоторые из представителей этой конфессии, как отмечено выше, могли находиться в окружении правителя.

Примечательно, что во многих государствах Средней и Центральной Азии, а также в Китае правящая элита активно поддерживала буддийских миссионеров, организацию общин и строительство храмов. При этом правители часто стремились использовать положения вероучения для обоснования сакрализации своих персон и власти (Мартынов А.С., 1972, с. 6–7; Шомахмадов С.Х., 2007; и др.). Более того, известны случаи привлечения буддийских проповедников в качестве государственных советников и даже потенциальных регентов (Восточный Туркестан..., 1992, с. 475).

Использование различных догматов для обоснования верховной власти было характерным явлением и для кочевых империй Центральной Азии. В отношении буддизма в наиболее полной мере это проявилось в более поздний период у монголов в эпоху средневековья (Скрынникова Т.Д., 1988), хотя указанное обстоятельство и являлось одним из наиболее привлекательных факторов для симпатий кочевых правителей к этой конфессии начиная уже с хуннуско-сяньбийско-жужанского периода.

К тому же правители соседних земледельческих государств, с которыми взаимодействовали кочевники, оказывали значительную поддержку новой религии. Соответственно, чтобы находиться на одном политическом уровне с главами соседних государств, прежде всего Китая, нужно было иметь соответствующее мифологическое обоснование легитимности власти над кочевым народом, которое обладало бы таким же высоким статусом. В то же время имеющиеся на сегодняшний момент источники не позволяют говорить о широком распространении идей буддизма среди кочевников эпохи поздней древности. В связи с этим основу религиозной элиты по-прежнему составляли служители культа традиционного комплекса верований и обрядов, клан правителя и его окружение (вожди племен или старейшины). В отличие от скифо-сакской эпохи в религиозную элиту стали входить и миссионеры, особенно приближенные к окружению кочевого правителя.

Отражение в письменных и археологических источниках сведений о разнообразных формах жертвоприношения, магии, мантике, погребально-поминальных комплексах и культовых сооружениях (святилища, храмы) свидетельствует о наличии сложной религиозно-мифологической системы и дальнейшей тенденции формирования и развития особой категории священнослужителей. Такие лица, безусловно, являлись носителем важной сакральной информации и могли оказывать определенное влияние на политические события в кочевой империи. Однако в силу специфики социально-политической организации кочевников и исторических процессов в эпоху поздней древности сформировавшаяся религиозная элита не трансформировалась в корпоративную социальную группу профессионального жречества.

Таким образом, из приведенного материала видно, что религиозные верования хунну и племен группы дунху имеют достаточно разработанную структуру, в которой можно выделить комплекс анимистических представлений, погребально-поминальную практику, систему мировоззренческих установок, связанных с сакрализацией персоны правителя, а также широкое развитие религиозного эклектизма и знакомство кочевников с различными религиозными системами земледельческой цивилизации. Несмотря на достаточно пеструю обрядовую и культовую практику дунху, можно обозначить фундаментальные, базовые элементы религиозной системы данных кочевников.

К ним в первую очередь необходимо отнести культ предков, занимавший важное место в жизни дунхуских племен. Об этом свидетельствует тот факт, что ни внедрение даосизма, ни буддизм не смогли изжить данный комплекс верований. Более того, император тобаской династии Тоба Гуй обратился к реорганизации традиционной системы верований, и в первую очередь культа предков, справедливо видя в нем гарантию единства империи. Распространение буддизма в Центральной Азии с начала нашей эры в определенной степени отразилось на конфессиональной ситуации в кочевых империях. Если в отношении хунну среди исследователей ведется дискуссия относительно возможности проникновения к ним буддизма, то в истории сяньби и жужаней данная конфессия оставила достаточно заметный след. Более того, буддийские миссионеры часто оказывали поддержку элите кочевников, что особенно хорошо прослеживается на примере сяньбийской и жужаньской политической системы.

Глава VIII

КОЧЕВЫЕ ЭЛИТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ ТЮРКСКИХ И УЙГУРСКОГО КАГАНАТОВ (середина VI – первая половина IX в.)¹

8.1. Специфика кочевых элит раннего Средневековья

Современные теории элит включают в состав элитарных слоев разнообразные общественные группы, обладающие влиянием в политике, военном деле, религиозной сфере, науке и культуре. Характеристика политической элиты предполагает ее деление на ряд страт: 1) правящую, олицетворяющую центральную власть; 2) «бюрократическую», обслуживающую интересы верховных управленцев; 3) региональную. Указанные страты дополнительно могут быть разбиты на более мелкие группы в зависимости от функциональной роли конкретных представителей элиты. Подобный подход применяется не только к современным, но и к доиндустриальным обществам. Исследования показывают, что термин «элита» может быть использован в отношении социумов с разной по уровню сложности общественно-политической организацией. Даже в доклассовых и догосударственных образованиях удастся выявить элитные страты. В этом случае понятием «элита» маркируются «группы людей, занимающих господствующее положение» в управлении обществом (Тишкин А.А., 2005, с. 48).

Характер власти (раннее государство, чифдом, альтернативные формы) в кочевых империях Центральной Азии периода раннего Средневековья остается предметом постоянных дискуссий специалистов. Вне зависимости от решения данного вопроса, мы будем исходить из понимания кочевых элит как сложной по составу, иерархической и рассредоточенной в степном пространстве группы лиц, связанной с властью во всех ее аспектах (политической, военной, религиозной, экономической и т.д.). Высокое положение их представителей в обществе основывается преимущественно на традиции признания исключительных прав старшего в семье, клане или племени мужчины. Однако этого явно недостаточно. Вожди и аристократия должны были обладать определенным богатством (прежде всего, значительным количеством скота), инструментами управления (*törü*, суд, руководство военными подразделениями во время походов, выполнение культовых действий и т.д.) и моральным авторитетом. При этом следует учитывать, что положение собственно кочевых элит достаточно уязвимо. Прежде всего, нестабильность степных элит, как и всех кочевников, связана с природной средой. Морозы, джуг, голод, эпизоотии и эпидемии (пандемии) охватывают все общественные группы. Более того, в ситуации джуга или эпизоотии, чем больше скота, тем большим был риск больших потерь и разорения. Кочевники периодически переживали падеж скота и голод. При кагане Шаболио в степи случился голод. «Вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости. Свиристствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 236).

Сочетание нескольких «бед» (джуг, голод и эпидемии) становится фактором, способным спровоцировать мятежи, междоусобицы, нападение противников и, в конечном итоге, падение кочевой империи. Так, в 627 г. в Тюркском каганате одновременно с восстанием сеяньто, уйгуров и байегу начался падеж скота и голод, что ослабило власть Хэйлу (Эль-кагана), вступившего в конфликт с владельцем восточного удела Тули. Вслед за этим последовало провозглашение сеяньто собственного хана, переход ряда племен теле в подданство танскому императору и разгром тюркских войск Китаем и мятежными племенами с последующей сдачей Эль-кагана Поднебесной (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 254–255). Зимой 723/24 г. во время зимовки тюркского войска «в Магы Кургане» произошел падеж скота, народ был «слаб» и едва не был разбит огузами (Малов С.Е.,

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014К «Культурно-историческое наследие народов Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения достояния мировой цивилизации)».

1950, с. 42; 1959, с. 21). Падение Уйгурского каганата напрямую было связано с голодом, начавшимся зимой 839/40 г. Танские хроники пестрят сообщениями о голоде и его последствиях. Одновременно с голодом «открылась моровая язва и выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей» и «хойху ослабели» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 334; Малявкин А.Г., 1974, с. 27). В другом источнике говорится, что «уйгуры попали в полосу бедствий. Из года в год был неурожай. Произошел падеж скота. Поселения опустели. Бездомные люди бежали в пустыни. Умиравшие в пути устилали пустынные районы» (Малявкин А.Г., 1983, с. 153).

Другой причиной неустойчивости кочевых элит был военно-политический фактор: нападения и завоевания соседних кочевников. Правитель, аристократы и дружинники могли быть убиты в бою, плененными или подчиниться врагу. В тюркских и уйгурских надписях содержится упоминание о смерти в сражениях уйгурского Баз-кагана кыргызского хана, тюркешского кагана, ябгу и шада тюркешей, Кушу-тутука и его мужей, Барс-бега (азского кагана), Капаган-кагана, «героев из племени тонгра», тюркского аристократа Кули-чур, хана Озамыш-тегина, «именитых» [вождей] карлуков, уйгурские Кадыр Касар и Беди Берсил (Малов С.Е., 1950, с. 38–39, 41, 67, 69; 1951, с. 20–22, 29, 39; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 1983, с. 88; 2010, с. 43, 61, 88). Представители кочевой элиты вместе со своими соплеменниками вынуждены были переселяться, стремясь сохранить свою жизнь. Китайскими хронистами зафиксирована миграция отдельных семей и кланов из племен теле в уезд Шофан округа Сячжоу на территории Ордоса после разгрома сеяньто в 646 г. В малых округах в Ордосе оказались седе (аде, хэдэ, эдизы), яньто (сеяньто), численностью 673 человека (124 семьи), пугу (буку, боку), численностью 673 человека (122 семьи). В другом округе Линчжоу разместились сицзе (сыцзе), численностью 556 человек (132 семьи), аде (эдизы), численностью 469 человек (104 семьи), хунь (кун), численностью 5182 человека (1342 семьи). Здесь же в 664–665 гг. находилось «более 10 тыс. юрт представителей телеских племен хунь и хусе (хуса)» (Малявкин А.Г., 1980, с. 115–118; 1981, с. 28, 83, коммент. 29, 97–99; 1989, с. 19–20, 23–24).

В середине 90-х гг. VII в. с возвращением тюрков в степи к северу от Гоби и восстановлением каганата уйгурский каган Фудифу с частью уйгуров, цибя, сыцзе и хунь бежал в Хэси (Ганьчжоу и Лянчжоу) (Камалов А.К., 2001, с. 63; Кляшторный С.Г., 2010, с. 240; Малявкин А.Г., 1981, с. 148–149, коммент. 178). Новая миграция токуз-огузов в районы Ганьчжоу и Ланьчжоу (среди переселенцев названы уйгуры, тонгра, белые си, байырку, пугу) произошла после убийства байырку Капаган-кагана в 716 г. и развернувшихся в степи междоусобиц (Камалов А.К., 2001, с. 63–64; Кляшторный С.Г., 2010, с. 240–241). В надписи в честь Бильге-кагана сказано, что «народ токуз-огузов покинул страну свою (землю и воду) и предался табгачам... На юге у табгачей погибли их имя и слава» (Малов С.Е., 1959, с. 22). Позднее, во время карательного похода Бильге-кагана на Селенгу, тюрки разоряли дома и грабили народ. Уйгурский эльтебер вынужден был «приблизительно со ста человеками» бежать на восток (Малов С.Е., 1959, с. 22). Расселение в Китае то же не гарантировало безопасность. Известны случаи, когда китайцы применяли репрессии против аристократии кочевников и подвергали их физическому уничтожению. Один из примеров – это события в округе Седе (округ располагался к северу от р. Хуанхе, в том месте, где река, огибая Ордос, течет с запада на восток) осенью 720 г. Центром округа являлась крепость Шоусянчэн. По сведениям Цзю Тан шу, в округе находились бежавшие из степи седе (эдизы) во главе с Арсланом Седе Сытым, пугу во главе с дуду по имени Шаомо и другие племена. Комендант крепости Ван Цзюнь узнал, что эдизы и пугу «замыслили привлечь тюрков и, действуя совместно, захватить крепость», а потом отложиться от Тан. Он «направил доклад императору с тайной просьбой казнить их». Приглашив на пир около 800 человек (вожди и их свита), Ван Цзюнь «напоил их допьяна, выставил войско и всех перебил...» (Малявкин А.Г., 1980, с. 105; 1981, с. 84–86, коммент. 29).

Самый большой стресс элиты испытывали во время продолжительных конфликтов, в ходе которых гибли многие представители знати. Острая борьба развернулась между представителями рода Ашина в конце VI – начале VII в. Она привела к расколу единого каганата на две империи – Восточно-тюркский и Западно-тюркский каганат. В ходе столкновений противники вели открытые

бои, наносили удары по ставкам, убивали племенных вождей. Так в 599 г. войска Кара-Чурина Тюрка (Ta-t'ou khagan) и Дулань-хана (Yung-yü-lü) напали на ставку Жаньганя (Тули-каган, Жангар, Jan-kan, Ju-tan). Братья, дети, все родственники и сподвижники кагана были убиты. Лишь самому Жаньганю с пятью всадниками удалось сбежать (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 241; Liu Mau-tsai, 1958, s. 104). В самый разгар борьбы Чуло-хан обложил «тяжелой податью» племена теле, а когда почувствовал, что они готовы выступить, «собрал несколько сот их старейшин... и всех предал смерти» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 301). Урон, нанесенный племенным элитам, был огромен, но сама резня спровоцировала восстание теле и провозглашение независимых племенных союзов (Сеяньто, объединение уйгуров с тунло, пугу и байегу).

Один из самых ярких примеров уничтожения большого числа представителей элиты – это действия Кюль-тегина после смерти Капагана-кагана, убитого мятежными байырку. Со своими сторонниками он перебил почти всех родственников Капагана, включая только что возведенного на каганский престол наследника, а также всех «государственных людей», советников и служащих (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 273). После этого Бильге-каган и Кюль-тегин еще восемь лет подавляли восстания кочевых племен в Монголии, нередко в назидание убивая вождей и «сановников».

Еще одним стрессовым событием была гибель кочевых империй, приводившая к хаосу в степи, жертвам и миграциям. В 555 г. жуань-жуани, потерпевшие несколько поражений от тюрков, вынуждены были укрыться вместе со своим предводителем Дыншущыном во владениях Западной Вэй. Однако местный правитель по договоренности с тюрками выдал жуань-жуаней посланнику Тюркского каганата. 3000 взрослых мужчин были казнены, жизнь сохранили только детям и слугам (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 208). Это событие ознаменовало конец Жуань-жуаньского каганата. К большому количеству жертв привел разгром Сеяньто. Танские войска, включавшие тюркские и согдийские отряды под руководством Ашина Шер, Чжиши Сы-ли и Цыби Хэли в 642 г. и в 645–646 гг. провели несколько успешных операций против сеяньто. В степи имперские части поддерживали уйгуры и часть телеских племен. Только по приказу китайского военачальника Ли Цзи было казнено 8000 воинов сеяньто, тысячи погибли в сражениях, десятки тысяч попали в плен, около 60 тысяч бежали в Сиюй (Западный край), часть сеяньто остались в Хангае под надзором Срединного государства (Малявкин А.Г., 1980, с. 113–114).

В начале 740-х гг. в полосу кризиса вступил последний тюркский каганат. Междоусобные конфликты охватили тюркскую орду еще во второй половине 730-х гг. Были убиты несколько ханов и их сторонники. В 741 г. ябгу Гуду сверг хана и узурпировал престол. Тюркское общество раскололось, началось противоборство племен. В 742 г. восстали уйгуры, басмылы и карлуки. На тюркском престоле побывало еще два хана, но они не смогли спасти империю. Практически вся тюркская элита была перебита (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 277–279, 307–308; Liu Mau-tsai, 1958, s. 278). Остатки тюрков откочевали в Китай, а в степи развернулась борьба между бывшими союзниками по антитюркской коалиции. Особенно подробно данное противостояние изложено в надписи из Могойн Шине-усу. Сначала уйгуры разбили басмылов, чей правитель Седе Иши провозгласил себя каганом. Затем последовала затяжная война с карлуками и девятиплеменными татарами. В этой борьбе уйгурский Тенгриде болмыш Элетмиш-каган применял специальную тактику, уничтожая вождей и «именитых» противника. По ходу почти десятилетней войны на стороне карлуков воевали басмылы, чики, некоторые огузские племена, вернувшиеся в степь из Китая тюрки. Только к 755 г. уйгуры овладели всей загобийской Монголией (Кляшторный С.Г., 2010, с. 61–65).

Трагичным оказался и конец Уйгурского каганата. Кыргызы, захватив Орду-балык, убили кагана, многих министров и сожгли город. Как повествует «Цзю Тан шу», «уйгуры рассеялись по различным народам» (Малявкин А.Г., 1974, с. 26). Значительная часть уйгуров (15 родов) во главе с министром Са-чжи и наследником Пан-тегином бежали на запад к карлукам. Еще одна часть уйгуров оказалась в подчинении у Тибета, а другая осела в Ань-си. Тринадцать родов, близких к «каганскому аймаку», провозгласили Уцзе-тегина каганом, который увел их к границам Китая и стал совершать набеги на провинции Срединного государства. Среди оставшихся в степи

уйгуров не было единства. Об этом свидетельствует убийство министра Чи-синя, не желавшего признавать Уцзе. Сторонники тегина На-се-чо, также не признававшие Уцзе, подверглись нападению китайской армии Чжан Чжун-чжи. Танцы перебили и обезглавили большую часть войск На-се, пленили 90 000 стариков и детей. Сам На-се, раненный стрелой, скрылся в степи, но был найден и убит Уцзе. В 843–844 гг. многие вожди со своими племенами сдались Китаю. Танские чиновники не отказывались оказывать продовольственную и иную помощь уйгурам, но только «тем, кто изъявил желание перейти на службу к танскому государству» (Малявкин А.Г., 1975, с. 74). Постепенно сторонники Уцзе рассеялись, и из «нескольких десятков тысяч человек осталось менее 3 000». По «принуждению» уйгурского министра Мэй-цюань-чжэ И-инь-чо Уцзе был убит (847 г.), а каганом был поставлен его младший брат тегин Э-нянь. Поначалу Э-няню удалось собрать около 5 000 человек. Зерно и баранов они получали от князя племени си. Но весной 848 г. китайцы разгромили си и с Э-нянем осталось «500 человек именитых князей и знатных людей», которые на этот раз укрылись у шивэй. Китайцы требовали шивэй выдать («прислать») им Э-няня, поэтому каган с сыном и несколькими сподвижниками бежали на запад. Оставшихся уйгуров шивэй распределили между семью своими племенами, но кыргызы совершили набег на шивэй и увели большую часть уйгуров в степь. Поднявшие в Китае восстание уйгуры были разбиты Лю Мянem, который приказал закопать в землю живьем 3 000 повстанцев. Манихейские книги и священные изображения уйгуров были сожжены на дороге (Малявкин А.Г., 1974, с. 28–31; 1980, с. 105). Дальнейшая судьба уйгуров была связана с основанными ими государствами в Восточном Туркестане.

Среди вариантов действий в том случае, когда та или иная кочевая группа становилась объектом завоевания, было непосредственное подчинение врагу. В этом случае племя или племенной союз включались в имперскую иерархию, а племенные лидеры и их аристократическое окружение становились частью имперской элиты. Подобная насильственная «интеграция» племен в иерархические структуры кочевых политий была частым явлением в эпоху Тюркских и Уйгурского каганатов. Иногда в случае подчинения одним племенным союзом кочевниками другого объединения возникал так называемый феномен «двойной» элиты. Внутри данной политии «существует высшая элита из числа завоевателей» и «формируется или поддерживается элита из автохтонной массы людей, представители которой достигают больших высот». Практический опыт изучения археологических культур древности и средневековья подтверждает такую оценку (Тишкин А.А., 2005, с. 53–54).

В кочевых империях подобные отношения проецируются на несколько уровней иерархии и трансформируются в «многосоставную элиту». Положение высшей имперской аристократии в таких образованиях приобретает некоторые черты сословного превосходства над другими кочевниками (обладание престижными титулами и должностями, контроль за уделами и отдельными племенными территориями, получение от кагана даров в рамках системы «престижной экономики», участие в имперских политических и религиозных церемониях). Граница между нижними слоями элиты (сыновья и родственники племенных лидеров, региональная служилая знать, служители культа) и рядовыми кочевниками, прежде всего, главами аилов, семейных домохозяйственных групп была размыта.

Система «социально-этнического подчинения» (Савинов Д.Г., 2005, с. 32–37) в кочевых империях базировалась на военно-политической зависимости племен от доминирующей линиджной группы. Кочевые племена чаще всего несли воинскую повинность и служили военной опорой империи. Периферийные племена с низким статусом выплачивали дань. Для этого в удаленных владениях создавались опорные пункты, где размещались гарнизоны и должностные лица с соответствующими полномочиями (Худяков Ю.С., 2004; Кубарев Г.В., 2005, с. 381; и др.). Зависимое подтаежное население Южной Сибири поставляло пушнину, железные изделия и другую продукцию ремесла.

Именно в этом смысле (подчинение, зависимость) в тюркских и уйгурских текстах фигурируют понятия *qul* и *kün* (*küng*), которые обычно переводят как «раб» и рабыня», «невольник» и «не-

вольница», «служанка» (см., например: Древнетюркский словарь, 1969, с. 328, 464). Если в других источниках, особенно более поздних (IX–XIV вв.), слово «кул» чаще всего подразумевает рабский статус или продажу в рабство, то тюркские и уйгурские надписи понимают под дефинициями *qul* и *küñ* исключительно зависимость, возникающую в результате завоевания непокоренных или разгрома мятежных племен (см. сходную интерпретацию данных терминов: Гумилев Л.Н., 1967, с. 54–55; Кляшторный С.Г., 1985; 1986а, с. 225–227; 1986б, с. 326–334; 2003, с. 477–489 и др.; Golden P.B., 2001, p. 28–29; обзор мнений см.: Тишин В.В., 2014а). Так авторами надписей маркировалось подчинение тюрками кыргызов (Малов С.Е., 1959, с. 20) и азов (Малов С.Е., 1951, с. 38, 39), а уйгурами – восьмиплеменных огузов и татар (Кляшторный С.Е., 2010, с. 61). В этом же ключе трактуется подчинение тюрков Китаю: «...китайскому императору стали они рабами крепкими сыновьями, рабынями – своими чистыми дочерьми (Кляшторный С.Г., 2003, с. 62; ср.: Малов С.Е., 1951, с. 37). Особенно показательно, что термины «раб» и «рабыня» используются для того, чтобы подчеркнуть процветание каганата, где зависимые от тюрков племена имели свои подневольные кланы и линиджи: «...мы поселили... тюркский народ и завели в нем порядок. В то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами» (Малов С.Е., 1951, с. 39). Так характеризовалась система племенной иерархии, подчинения и зависимости одних племен и племенных союзов от других.

В итоге в качестве «кулов» могли выступать:

- 1) кочевники, признавшие зависимость от других кочевников или Поднебесной, но сохранившие свой образ жизни, социальные связи и кланово-племенную организацию;
- 2) подчиненныеномадам полуоседлые и оседлые жители периферии империи или захваченные (контролируемые) кочевниками обитатели городов и земледельцы из Восточного Туркестана, платившие дань тюркам и уйгурам. Эти ресурсы обогащали кочевые элиты, усложняя тем самым имущественную и социальную стратификацию;
- 3) люди «низкого происхождения», иноземцы, выполнявшие разную работу в качестве слуг и, возможно, невольников, бывших на положении семейной челяди.

В контексте проблематики кочевых элит могут быть привлечены все три интерпретации термина «кул». Первая характеризует характер подчинения племен в составе имперской иерархии. Вторая показывает важные экономические ресурсы элит в каганатах. Третья отражает формирование и развитие служебной организации в окружении кагана и высшей аристократии.

Таким образом, для степных элит существовало много потенциальных угроз, что делало их положение неустойчивым и рискованным. В то же время именно элиты объединяли многочисленные племенные союзы в крупные политии. В первую очередь речь идет о персоне правителя, чья власть имеет священный характер и представляет собой «один из главных конструкторов социокультурного пространства» (Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2012б, с. 126; Скрынникова Т.Д., 2013в, с. 183–286). Обожествление кочевых лидеров выражается в его титулатуре, в ведущих функциях с сакральным подтекстом (посредник между обществом и священными силами, «создатель эля», заботящийся «о народе» правитель, приводящий его «в порядок», раздающий дары и т.д.) и происхождении. Такими были династы из кланов Ашина и Яглакар. Сакрализация правящего кагана и всего его рода также «постулируется посредством формирования генеалогического мифа, в котором его происхождение связано с деятельностью сакральных сил» (Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2012б, с. 127).

В главенствующих племенных союзах, к которым, например, относились «тюрки девяти фамилий» в Восточно-тюркском каганате, «десять стрел» в Западно-тюркском каганате и 10 племен хойху (уйгуров) в Уйгурском каганате, так же как и в других племенных объединениях, существовала фиктивная легендарно-мифологическая генеалогия родства (Крадин Н.Н., 1992, с. 44–48, 134–138; 2000, с. 315, 322; 2007, с. 137, 166 и др.; Хазанов А.М., 2000, с. 227–262; Барфилд Т.Дж., 2009, с. 34, 35; и др.). В большинстве случаев правящие элиты стремились распространить ее и на подчиненные племена с высоким статусом, составлявшие основу армии или ее значимую часть. Так,

тюрки транслировали ее на племена теле, отдельно уйгуров, позднее – токуз-огузов. В надписях в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана от их имени токуз-гузов называли их «собственным народом» (Малов С.Е., 1951, с. 42; 1959, с. 21), а в тексте поминально-погребального комплекса в Налайхе указывается, что «тюркский Бильге-каган возвышает тюрков-сиров и народ огузов» (Малов С.Е., 1951, с. 70).

Функциональные роли (политические, военные, социокультурные, религиозные) присущи и другим слоям кочевой элиты. Ключевые позиции здесь принадлежали кочевой аристократии, которая «сосредоточивала в своих руках политическую, военную, экономическую сферу жизнедеятельности кочевников». Она «закрепляла за собой посредством наследования наиболее важные административные и военные должности, создавая тем самым стабильную платформу управления империей, составляя ядро политической элиты» (Мейкшан И.А., 2011, с. 144, 146). В целом элиту отличает «высокая социальная активность». Обладая развитыми когнитивными способностями, представители элиты способны быстро реагировать на социально-политические вызовы и выбирать оптимальные пути решения проблем (Мейкшан И.А., 2011, с. 143).

Элита «закрепляет за собой определенный статус, вырабатывает нормы поведения для своих членов» (Тишкин А.А., 2005, с. 49), которые служат образцами для всего кочевого общества. В тюркских и уйгурских памятниках письменности такие образцы поведения задавали Кюль-тегин, Тоньюкук, Бильге-каган, Кули-чур, Элетмиш бильге-каган. Более того, именно элита «является первичным звеном ретрансляции инноваций в обществе, культивируя представление о престиже и моде, тем самым определяя уровень динамики всей социальной системы» (Мейкшан И.А., 2011, с. 143). Очевидно, что элиты организуют общество, придают ему политико-религиозную и социокультурную целостность.

Можно выделить несколько теоретических моделей элит в кочевых обществах раннего средневековья, отличающихся по уровню их сложности:

1. Племя (племенной союз) с традиционным руководством старшего представителя правящего клана (рода, линиджа). В этом случае элитарный слой ограничивается членами правящего клана и семьями других глав племен, если речь идет о «вторичном» племени, т.е. племенном союзе с политическими функциями его главы. И в первом и во втором случаях наследственная власть делает существование элитных групп более или менее устойчивым.

2. Конфедерация племен и племенных союзов без устойчивого центра власти и персоны общего правителя. Очевидным примером такой конфедерации был союз теле (IV–VII вв.), где периодически возникали более консолидированные объединения во главе с вождями, зачастую не включавшие всех племен конфедерации, а только отдельные ее племенные сегменты. Такие объединения быстро распадались после смерти правителя или крупных поражений от соседей. Примером в данном случае выступает судьба каганата Сеяньто, просуществовавшего всего 17–18 лет (628/629–646 гг.) и павшего под ударами китайцев и телеских племен во главе с уйгурами. Более продолжительным было существование политического объединения, созданного главой гаогюйского племени Фуфуло Афучжило. В середине 480-х гг. он отложился от жуань-жуаней, откочевал на запад, где провозгласил себя «независимым государем» Хэу-лэу-фулэ («Великий сын Неба») и разделил свои владения пополам с двоюродным братом Цюнки, получившим титул «наследного государя» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 216–217). Эта полития просуществовала около 50 лет, но последние годы ее существования были омрачены постоянными поражениями от жуань-жуаней и убийствами правителей, пока последний из них не бежал от жуань-жуаней в Восточную Вэй (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 219). В данной модели отчетливо видно усложнение элит, возникновение «штаба» с привлечением аристократических и служилых ресурсов, но главной проблемой подобной модели кочевой элиты была преемственность власти.

3. Более консолидированные конфедерации с главенствующим племенным союзом и династией правителей (токуз-огузы, кидани, трехплеменной союз карлуков и другие объединения). В этом случае возникает достаточно устойчивая и структурированная элитная среда: правящий

клан доминирующего племенного союза (например, «тюрки девяти фамилий» или десятиплеменные уйгуры), главы других племен, входящих в доминирующий племенной союз и их окружение, правящие кланы других племенных союзов, входящих в объединение, племенная аристократия в рамках этих племенных союзов. В этом случае мы можем говорить о появлении служилой знати на разных ступенях политической иерархии и зарождении в ставке правителя служебной организации (о служебной организации см.: Флоря Б.Н., 1987, с. 142–151).

4. Кочевые империи (эль элей, см. в Тэсинской надписи: «триста лет множеством [тысячей] элей») управляли предки уйгурских каганов (Кляшторный С.Г., 1983, с. 88; 2010, с. 88)). В кочевых империях, где возникает «система социально-этнического подчинения и число иерархических связей «управленческого центра» с подчиненными племенами и племенными союзами возрастает, возникает многоступенчатая пирамида страт, включенных в состав элиты. Подробно эта модель будет рассмотрена далее.

5. Завоевательные империи или номадно-оседлые сообщества (Ляо, Юань, государство ильханов / Хулагуидов). В таких политиях возникали наиболее сложные и иерархические формы элит с дуальной системой управления (Ди Космо Н., 2008, с. 213–215).

8.2. Кочевые элиты в рунических текстах

В надписях эпохи Тюркских и Уйгурского каганатов, представлявших взгляды тюркской и уйгурской элит, нашли отражение религиозная картина мира, репрезентация власти, политическая история и ее «конструирование» (генеалогические легенды, сюжеты о завоеваниях, сражениях, подчинении другим народам, рассказы о древних «царствах» уйгуров и пр.), прославление подвигов каганов и представителей кочевой аристократии, различного рода обращения (прокламации, поучения) к «народу», составы делегаций, участвовавших в похоронных церемониях, и много другое, т.е. все, что заслуживает сохранения в народной памяти. Данный массив источников настолько содержателен, что позволяет исследователям изыскивать в рунических памятниках письменности различные сведения, в том числе и об элитных слоях кочевых империй середины VI – первой половины IX в.

В тюркских и уйгурских текстах ключевая роль однозначно отводилась кагану. Кочевой правитель характеризовался почти исключительно в восхвалительных тонах (это и понятно, так как надписи составлялись по распоряжению каганов и от их имени). Он предстает как сакральный, интеллектуальный, военный героический лидер: «Неборжденный» / «рожденный Небом» (Малов С.Е., 1951, с. 33; Кляшторный С.Г., 1980, с. 92–94; 1983; 2010, с. 88; 41, 42, 44, 89), «Небом поставленный» / «Небом данный» (Малов С.Е., 1951, с. 65; 1959, с. 20, 23, 38), «Небесный хан» / «Небесный каган» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42, 43), «Небоподобный» (Малов С.Е., 1951, с. 33; 1959, с. 23), «Богородный» (Малов С.Е., 1959, с. 20), «божественный» (Малов С.Е., 1951, с. 10), «благородный» (Малов С.Е., 1951, с. 11) «устроитель государства» (Кляшторный С.Г., 2010, с. 60), «мудрый в делах правления» (Кляшторный С.Г., 2010, с. 60), «герой» (Малов С.Е., 1951, с. 65, 67), «сильный геройский» (Малов С.Е., 1959, с. 10), «мудрый» и «мужественный» (Малов С.Е., 1951, с. 36; 1959, с. 20; Кляшторный С.Г., 2003, с. 61), «мудрый и великий» (Кляшторный С.Г., 1983, с. 88; 2010, с. 88).

Каган «выступает (идет) в поход» (Малов С.Е., 1951, с. 38, 40; 1959, с. 39; Кляшторный С.Г., 2010, с. 43, 44, 60, 61, 63, 65), «ходит с войском» (Малов С.Е., 1959, с. 20, 21; Кляшторный С.Г., 2010, с. 63), «много приобретает [завоевывает]» (Малов С.Е., 1951, с. 40; 1959, с. 21–23) «приобретает с большим усердием» (Малов С.Е., 1959, с. 21), «приобретает [завоевывает] до полного изнеможения» (Малов С.Е., 1951, с. 40), с врагами «сражается», их «громит», «разбивает», «побеждает», «уничтожает», «разрушает... эль» противника (Малов С.Е., 1951, с. 40, 42; 1959, с. 20–22, 39–43; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 43, 61–62, 64–65), «принуждает к миру», «покоряет», «подчиняет», «захватывает» и «завладевает народами» (Малов С.Е., 1951, с. 40; 1959, с. 20–21; Кляш-

торный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42–43), у «имевших [своих] каганов» он отнимает каганов (Малов С.Е., 1951, с. 38), у «имевших колени... заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить головы» (в другом варианте – «имеющих головы заставляет склониться, а имеющих колени заставляет согнуться») (Малов С.Е., 1951, с. 3; 1959, с. 24), забирает (у побежденных) «юношей и девиц (в других сюжетах – «сыновей и дочерей», «девиц и женщин»), скот («табуны») и имущество» (Малов С.Е., 1959, с. 20, 22, 39, 42; Кляшторный С.Г., 2010, с. 62). Он «четыре угла [мира] притеснил, повалил, победил, раздавил» (Малов С.Е., 1959, с. 9). Каган «приводит в порядок», «устраивает» и «властвует («осуществляет крепкую власть») над народами, «жившими по четырем углам» [т.е. по четырем странам света] (Малов С.Е., 1959, с. 20, 23), «народы всех четырех сторон света» отдают ему «труды» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 92; 2010, с. 41).

Правитель «устанавливает» и «заводит» порядок («приводит в порядок») (Малов С.Е., 1951, с. 38–39), «устраивает и поднимает... народ (тюркский народ)» (Малов С.Е., 1951, с. 36, 38, 40), приводит в порядок и обучает... народ (Малов С.Е., 1951, с. 37), «устраивает эль и установления тюркского народа» (Малов С.Е., 1951, с. 37; 1959, с. 24), делал народ «[настоящим] народом» (Малов С.Е., 1951, с. 70), приобретает для него «добро» (Малов С.Е., 1959, с. 23), «управляет элем» (Кляшторный С.Г., 1983, с. 88; 2010, с. 88), «дает титулы ябгу и шад» и дает им «в правление [народы] тардуш и тёлис» (Малов С.Е., 1951, с. 38; 1959, с. 40; Кляшторный С.Г., 2010, с. 62–63), «приказывает воздвигать ставки, стены [крепости], города» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 92, 94; 2010, с. 41, 44, 63, 65), «вырезать» свои «знаки» и «письмена» (Малов С.Е., 1959, с. 42–43; Кляшторный С.Г., 1980, с. 92; 1983, с. 88; 2010, с. 41, 63, 65–66, 89), «устанавливает границы [своих владений]» (Кляшторный С.Г., 2010, с. 63), «расселяет («поселяет») свой народ» (Малов С.Е., 1951, с. 39), «вскармливает народ» (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 140), «добывает» для «тюркского народа» «золото и блестящее серебро табгачей, их хорошо тканые шелка, их добытые из хлеба напитки, их верховых лошадей, их жеребцов, их черных соболей и голубых белок» (Малов С.Е., 1959, с. 24; Кляшторный С.Г., 2003, с. 62), награждает добычей, распределяет дани, «снабжает платьем нагой народ, делает богатым неимущий народ, ...многочисленным малочисленный народ» (Малов С.Е., 1951, с. 38, 40) и т.д. Идеальная модель отношений кагана и «народа» (в широком понимании данного термина, включающего разные страты номадов) предполагает, что каган должен ради народа трудиться днем и ночью (Малов С.Е., 1951, с. 40), а народ «свое счастье, труд и силу» отдавать хану (Малов С.Е., 1959, с. 10).

Но все же не все каганы в рунических текстах имеют сугубо положительные оценки. В большой надписи Кюль-тегина говорится, что мудрых и мужественных каганов через несколько поколений сменили «неразумные» и «трусливые» каганы (Малов С.Е., 1951, с. 36). Каганы также могли быть с порчей (Малов С.Е., 1951, с. 34) и другими недостатками. В надписи в честь Тоньюкука указывалось, что герой надписи, сам претендующий на мудрость, вынужден был поддержать Эльтериш-кагана, хотя у него «были слабые способности» и он не мог отличить жирного быка от тощего (Малов С.Е., 1951, с. 65). Особенно критично в рунических надписях характеризуются лидеры мятежных племенных союзов. Кан («каган») токуз-огузов не почитал ни «Неба вверху», ни «священной Родины (Йерсуба) [внизу]», народ токуз-огузов покинул страну свою [землю и воду] и предался табгачам». Там «на юге у табгачей погибли их имя и слава» (Малов С.Е., 1959, с. 22). Терхинская надпись напрямую связывает личные качества кагана, его успехи и жизнь номадов: «Сила у обладающего благополучием весь народ делает [благополучным], сила у неблагополучного становится родниковой водой» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 94; 2010, с. 44).

Правителя окружают «Неборожденная» хатун (Кляшторный С.Г., 2010, с. 41, 44), члены семьи, прежде всего наследники – тегины, «тегины-принцы» (Малов С.Е., 1959, с. 23, 29; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42) и другие родственники (Малов С.Е., 1951, с. 33, 43; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 140), представители тюркской / уйгурской кочевой аристократии, чье общественно-политическое положение подчеркивают статусные титулы и «должности» ябгу и шадов (Малов С.Е., 1951, с. 38, 40, 43, 68; 1959, с. 10, 23; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93, 94; 1983,

с. 88; 2010, с. 42, 44, 61, 88), апа / апа-таркан [главнокомандующий], куркапаны (Малов С.Е., 1951, с. 33, 68; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 139, 140), бойлов бага-тарханов ([титул Тоньюкука] (Малов С.Е., 1959, с. 23); бойла – судья (Малов С.Е., 1951, с. 77)), советников (Малов С.Е., 1951, с. 69), бага-тарханов (Малов С.Е., 1951, с. 77; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42), шадапытов (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 139, 140), «великих буюруков» («пятисотники», «тысячники», «начальники над пятью тысячами воинов» – девять «великих буюруков», главы девяти племен токуз-огузов Уйгурского каганата (см.: Кляшторный С.Г., 1980, с. 93, 94; 2010, с. 42, 44)), «внутренних» буюруков (главы племен и племенных союзов, входящих в состав каганатов (см.: Малов С.Е., 1959, с. 23; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42)), буюруков / «приказных» (Малов С.Е., 1951, с. 36, 38, 77; 1959, с. 23; Кляшторный С.Г., 2010, с. 60), тюркских «тардуш-бегов» и «толес-бегов», а также стоявших их ниже «шадапыт-бегов» (Малов С.Е., 1959, с. 23), ышбары (Малов С.Е., 1951, с. 28, 29; 1959, с. 28, 29, 41; Кляшторный С.Г., 1980, с. 92; 2010, с. 42, 64), «великого тархана» и тарханов (Малов С.Е., 1959, с. 45; Кляшторный С.Г., 2010, с. 42; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 139, 140), «таркан-сенгуна» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 43), «именитые... Небесного хана» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42), сенгу-тутуков, сенгунов и тудунов господствующего племенного союза (Малов С.Е., 1959, с. 22, 45; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93, 94; 2010, с. 42, 44; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 139, 140), других «начальников» и «сановников» (Малов С.Е., 1951, с. 41, 68; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42).

В разряд имперской знати входили и назначаемые каганом для надзора за покоренными племенами «территориальные сановники» – тутуки (Малов С.Е., 1959, с. 39, 41; Кляшторный С.Г., 2010, с. 61, 63). Первый уйгурский каган – Кюль Бильге-каган Тай-Бильге-тутука, управлявшего «тремя карлуками», возвел в сан ябгу (Малов С.Е., 1959, с. 39; Кляшторный С.Г., 2010, с. 61). Преемник Кюль Бильге-кагана Элетмиш Бильге-каган, после завоевания Тувы, «установив границы своих владений», «назначил («дал») народу чиков тутука» (Малов С.Е., 1959, с. 41; Кляшторный С.Г., 2010, с. 64). Иногда во главе отдельных племен каганы ставили своих родственников. Это могло быть связано с условиями покорения и включения в имперскую иерархию того или иного племени. К примеру, басмылы обязаны были посылать дань (посылать посольства, караваны). Обеспечивать регулярность таких подношений должен был ыдук-кут из рода Ашина. В целом памятники тюрко-уйгурской письменности показывают высокий статус правителей номадных империй и отдельных представителей кочевой аристократии (Тоньюкук, Ышбара Бильге Кули-чур (Малов С.Е., 1951, с. 64–70; 1959, с. 28–29)). Терхинская надпись упоминает близких к кагану гвардейцев и их «начальников» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42, 66). Судя по их числу («три сотни») речь шла об аристократической молодежи, но не исключено, что среди «гвардейцев» были и выходцы из служилой знати.

Следующую группу в составе элит каганатов составляли главы подчиненных племенных союзов и племенная знать. Эти категории условно можно отнести к среднему звену имперских вельмож. В тюркских и уйгурских текстах представители этой страты фигурируют как эльтеберы (эльтебиры) (Малов С.Е., 1959, с. 22, 24, 43; Кляшторный С.Г., 2010, с. 66), «начальники» (Малов С.Е., 1959, с. 40, 53), «правители» (Малов С.Е., 1951, с. 43), «именитые» / «именитые вожди» (Малов С.Е., 1959, с. 40; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42, 61, 62), беги (Малов С.Е., 1959, с. 10, 20, 21, 40; Кляшторный С.Г., 2010, с. 42, 64), «сенгуны» и «буюруки» подчиненных народов (Малов С.Е., 1951, с. 40, 43; Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42). Эти знатные лица также могли получать имперские титулы (бегам чиков «я пожаловал титулы ышбаров и тарканов» (Кляшторный С.Г., 2010, с. 64)), включаясь в иерархическую систему имперских сановников. Возможно, такому тархану – влиятельному человеку Алтун Тамган-тархану, младшему брату Кюль-тудуна, была посвящена надпись в Ихе-Асхете (Малов С.Е., 1959, с. 45). Нижние ступени элитных слоев в каганатах занимали сыновья и родственники беков. В Терхинской надписи названы телисский Кюлюг Эрен и тардушский Кюлюг Эрен – тысячники над сыновьями беков телисов и тардусей соответственно (Кляшторный С.Г., 2010, с. 42).

Именитые сановники в рунических надписях предстают как верные помощники правителя (Кули-Чур, Тоньюкук, Кюль-тегин), готовые служить кагану и, «...не спав ночами, не имея покоя днем», «проливать свою красную кровь и заставлять течь свой черный пот», «отдавать народу [свою] работу и силу» (Малов С.Е., 1951, с. 69).

Отрицательная («мятежная») роль «именитых», оказывающих негативное с точки зрения правителя влияние на общество представлена в эпизоде победы уйгуров во главе с Тенгриде болмыш Элетмиш Бильге-каганом над «восьмиплеменными огузами и девятиплеменными татарами». Уйгурский каган констатирует: «Погрешивших именитых людей... Небо прибрало [т.е. они погибли]. Простой же народ я не погубил... оставил [их] жить как прежде» (Кляшторный С.Г., 2010, с. 61).

В кланово-племенной системе роль и положение представителей элит определялись старшинством и главенством в семейно-родственном коллективе. Старшинство в кочевых обществах – это олицетворение всего социокультурного опыта клановой группы. Старший выполнял распределительные, судебные и культовые функции, обладал особым общественным статусом, авторитетом (см., например, поучение героя Онгинского памятника младших братьев и сыновей (Малов С.Е., 1959, с. 10)). Памятник из Суджи повествует о семейных заботах уйгурского огя-буюрука как старшего в клане: «Моих младших братьев было семь, моих сыновей – трое, моих дочерей – три. Я сыновей своих наделил домохозяйством (т.е. женил). Своих дочерей девиц я выдал (замуж)...» (Малов С.Е., 1951, с. 77).

Имело значение и имущественное положение элитарных групп. В надписях этот социальный мотив в отношении кагана и его окружения отражен слабо. Но в текстах, отражающих интересы и чаяния региональных элит, все же можно встретить прямое указание на имущественный достаток: «Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без числа» (Малов С.Е., 1951, с. 77). Но необходимо помнить, что в силу специфики кочевой экономики и социально-политической практики в кочевых империях Центральной Азии, высокое общественное положение не всегда гарантировало представителям даже правящих слоев соответствующее имущественное положение.

8.3. Особенности состава кочевых элит в эпоху Тюркских каганатов

Элиты каганатов были сложными по составу и включали правящий род (клан, линидж), племенную знать главенствующего племенного союза, глав подчиненных племен (в зависимости от статуса в иерархии каганата), служилую знать разных уровней, выходцев из оседлых групп населения (советники, торговцы-посредники, духовенство, главы оседлых общин).

Также состав элиты может быть дифференцирован по функциональному назначению – политическому, военному, религиозному, культурному, экономическому. На высшем уровне все эти «функциональные роли» объединял каган, выступавший преимущественно как верховный политический, военный и сакрально-религиозный лидер (каган-шаман, олицетворение «культа верховной, центральной власти») (Жумаганбетов Т.С., 2006, с. 161)). Правитель мог разделять часть этих функций с другими значимыми чинами в каганате. В иных слоях элиты эти «роли» (управленческие, военные, религиозные, служебная организация) распределялись между выходцами из разных кланов и племен, в зависимости от положения и статуса данных племенных групп в имперской иерархии, а также личных качеств.

Тюрки. В Тюркских каганатах наряду с каганом высшее управленческое звено кочевых империй было представлено шадами и ябгу, главами уделов, тутуками и другими военно-административными лицами, составлявшими политическую и военно-административную элиту. Состав имперской элиты, ее высших слоев во Втором Тюркском каганате наиболее полно описан в эпизоде надписи в честь Бильге-кагана, посвященной интронизации (восшествию на престол) этого правителя. Западные владения каганата представляли тардуш-беги (главы тюркских племен на западе империи) во главе с Кюль-чуром (шад тардущей; Ышбара Чекан Кули-чур, Великий Кули-чур, Ышбарой Бильге Кули-чур (Малов С.Е., 1959, с. 28)), за которыми «шли» щадапыт-беги (главы

подчиненных племен?). На востоке расположились толес-беги (главы тюркских племен на востоке империи) во главе с Апа-Тарканом (шад толесов), а «за ними шадапыт-беги» (главы подчиненных племен?). На юге «...беги... Таман Таркан, Тоньюкук Бойла Бага Таркан во главе, а за ним Буюрук-[беги]» – правители владений Ашидэ (?) или владельцы и племенные вожди южных территорий каганата. И, наконец, сановники, осуществлявшие власть в центре империи, в каганских аймаках – «вожди внутренних буюруков Кюль-Эркин», т.е. глава каганских тюркских племен и буюруки – их племенные вожди (Малов С.Е., 1959, с. 23).

В исторической науке неоднократно поднимался вопрос об институте соправителей, малых каганов у тюрков. Проблема эта инициировалась, прежде всего, в связи с упоминанием в китайских источниках сяо-кэ-ханей и эв каганов и определенными параллелями с организацией верховной власти в Хазарском каганате (каган и бек / мелех – «царь» / малик – «правитель» / халифа – «заместитель») и у тюрко-болгар на Дунае (кан сюбиги и кавхан). Также требовали интерпретации сведения Бугутской надписи о соотношении власти Таспар-кагана и Нивар-кагана (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 129–130), слова о «верных каганах» в надписи в честь Кюль-тегина (Малов С.Е., 1951, с. 40), данные об Инэль-кагане и Бёгю-кагане в период правления Капагана в надписи в честь Тоньюкука (Малов С.Е., 1951, с. 68, 69) и другие сюжеты рунических текстов. Исследователи выдвигали разные гипотезы в отношении малых каганов: второй титул в иерархии тюрков (Мелиоранский П.Б., 1899, с. 110), глава удела (Зуев Ю.А., 1998, с. 160), удельные князья и соправители (Трепавлов В.В., 1994, с. 51), члены рода Ашина, высказывавшие претензии на власть и желавшие ее разделить с верховным каганом (Кычанов Е.И., 1997, с. 107), и др.

Разбор сюжетов китайских хроник и тюркских надписей, в которых упоминаются малые каганы, проведенный В.В. Тишиным (2014, с. 23–26), показал, что в одних случаях малыми каганами выступают ябгу и шад (ябгу Истеми, Диту каган, управлявший восточными землями в Тюркском каганате при Мухан-кагане (см. также: Жумаганбетов Т.С., 2008, с. 14, 15)); в других – удельные князья империи (Або-каган, Тань-хан и др.; каганы ниже е-ху / ябгу, и каганы больших племен (Зуев Ю.А., 1998, с. 155)); в третьих – старшие сыновья действующего правителя (например, Фуцзэя / Фугю / Бёгю-каган / Тоси – «властитель Запада», старший сын Капагана, получивший от отца полномочия выше шадов правого и левого крыла и Инэль-каган, «начальник войска», второй сын Капагана (Гумилев Л.Н., 1967, с. 470; Кляшторный С.Г., 2003, с. 115; Тишин В.В., 2014, с. 24)); в четвертых – претенденты на власть, не оказавшиеся в силу нарушения лестничного принципа и других причин на троне (Тули-хан при Хйели-кагане / Сели-кагане (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 259)); в пятых – реальный управленец и военачальник при номинальном кагане, который стал «своеобразным духовного главы» (Нивар-каган при Таспар-кагане (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 129, 130; см. также: Тишин В.В., 2014б, с. 24)). Очевидно, что институт «малых каганов» существовал, но никакой устойчивой системы собой не представлял. По большому счету, мы сталкиваемся с большим количеством конъюнктурных ситуаций, которые могут говорить, что данный титул широко использовался для повышения статуса выходцев из ближайшего окружения верховных правителей и укрепления власти самих каганов. В.В. Тишин полагает, что «у тюрков не существовало ни титула малый каган, ни соответствующего политического института», а слово *сяо кэ-хань* китайских хроник «не обозначало конкретного термина, а лишь применялось для обозначения носителей титула каган, находящихся рангом ниже верховного кагана (да-кэ-хань)» (Тишин В.В., 2014б, с. 26). Так или иначе, мы должны учитывать существование в самой высшей страте тюркской элиты, наряду с верховным каганом, влиятельных малых каганов (или просто каганов).

В этом контексте можно рассматривать ситуации, когда верховный правитель временно сохранял титул «каган» у подчиненных племенных союзов («Там, где верные племенные союзы [т.е. эли] и верные каганы, я творил добро» (Малов С.Е., 1951, с. 40)) и даже назначал каганом главу того или иного племени. В тюркских надписях фиксируется единственный случай, когда азскому Барс-бегу был ненадолго дарован титул кагана и дана в жены сестра тюркского правителя (Ма-

лов С.Е., 1951, с. 38). По всей видимости, тюрки, намериваясь совершить поход против кыргызов, не хотели, чтобы в их тылу находились униженные азы, и пошли на компромисс.

Также нельзя оставить без внимания факты назначения императорами Поднебесной каганами, малыми каганами и ханами представителей кочевой элиты с целью контроля за политической ситуацией в степи или провоцирования конфликтов и междоусобиц, т.е. в соответствии с задачами внешней политики Срединного государства. Так в 638 г. император Тай-цзун, опасаясь, что сеянь-тоский правитель Инань (Чжэньчжу Бильге-каган) «слишком усилится», назначил двух его сыновей (Имана и Бачжо) малыми каганами (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 340; Малявкин А.Г., 1981, с. 8). Еще в 615 г. правитель Суй хотел дать в жены дочь из императорского дома и назначить южным каганом *Tsch'I-ki* Чжики-шад (Чицзи) младшего брата Шиби-кагана (Liu Mau-tsai, 1958, s. 87; Лю Маоцай, 2002, с. 59; Кляшторный С.Г., 1964, с. 115). И в том, и в другом случае это была попытка рассорить кагана с его ближайшими родственниками и ослабить правителя. Но достичь этого не удалось, поскольку сыновья Инаня еще до распоряжения китайского императора были назначены отцом командующими северного и южного аймаков (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 340), а Чжики-шад отказался принять титул (Liu Mau-tsai, 1958, s. 87).

В отношении двух ведущих родов (племен) Тюркских каганатов Ашина и Ашидэ интересна оригинальная гипотеза Ю.А. Зуева (2002, с. 86–89, 167–169, 214–220, 223–227 и др.) о том, что эти элитные кланы составляли устойчивые брачные союзы и фактически представители клана Ашидэ занимались государственным управлением, выбирали кагана, в компетенцию которого входили в основном военные функции. Пафос этой концепции заключался и в том, что такие замкнутые межклановые браки у тюрков соответствовали брачно-партнерским отношениям киданьского клана Елюй и уйгурского клана Сяо (Wittfogel K. A., Feng Ch., 1949, p. 191; Крадин Н.Н., 2007, с. 178, 179; Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., 2014, с. 236, 237) в империи Ляо и выявленной Т.Д. Скрынниковой дуальной структуре (тюрки и монголы) межэтнических браков у кият-борджигинов (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 164, 185–199; Скрынникова Т.Д., 2012, с. 387–396). В случае с тюркским родом Ашина, чье происхождение связывалось с тохарско-иранским наследием усуней и юэчжей (Зуев Ю.А., 2002) и позднехуннскими группами, смешавшимися с согдийцами Восточного Туркестана (Кляшторный С.Г., 1964, с. 109–110; 2003, с. 149–160; 2010, с. 182–192; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 75–81, 195–197), подобная дуальная система партнерства в браке также могла осуществляться между разными по этническому происхождению (возможно, в период Тюркских каганатов принявшую более нивелированную форму) родами. Более того, по предположению Т.С. Жумаганбетова (2003, с. 183–184; 2008, с. 16–17), катун из Ашидэ выступала как соправительница, и «в идеологическом плане только союз каганского и катунского родов делал власть легальной и легитимной».

Стоит согласиться с В.В. Тишиным (2014б, с. 26, 29), что главным препятствием для развития гипотезы Ю.А. Зуева и наполнения ее конкретно-историческими материалами служит практическое отсутствие данных по этой теме в письменных источниках. Опорой, как указывает В.В. Тишин, могут служить только сравнительно-исторические параллели, а также результаты этнографических и лингвистических исследований. Исходя из этого нет «причин уверенно говорить о дуальной организации родов Ашина и Ашидэ, по крайней мере, о ее существовании в Тюркском каганате в ранний период (VI–VII вв.)» (Тишин В.В., 2014б, с. 29). Он лишь допускает возможность формирования такой системы в начале VIII в.

Действительно, если бы браки Ашина и Ашидэ сложились в систему еще во времена Велико-го Тюркского и Восточно-тюркского каганатов, то такая информация, скорее всего, попала бы на страницы вэйских, суйских и танских хроник, так как китайцы хорошо были информированы о происходящем в ставках каганов. Нельзя не принять во внимание тот факт, что представители рода Ашидэ начинают упоминаться в китайских источниках только с 20-х гг. VII в. (Тишин В.В., 2014б, с. 27). В танских документах вплоть до VIII в. нет ни единого намека на то, что представительницы рода Ашидэ были исключительными брачными партнерами Ашина. Брачные связи меж-

ду Ашина и Ашидэ вплоть до брака дочери Тоньюкука и Могиляня (Бильге-кагана) в источниках не прослеживаются. На сегодняшний день мы даже не знаем, к какому клану или роду принадлежала супруга Эльтериш-кагана Ильбильге-хатун (Малов С.Е., 1951, с. 37), мать хатун Бильге-кагана и Кюль-тегина (Малов С.Е., 1951, с. 40, 42). Да и гарантий того, что Могилян, взявший за муж дочь Тоньюкука, станет каганом, не было. Судя по всему, Капаган рассматривал в качестве претендента на престол тюркских каганов своего сына, и он стал таковым после убийства отцоправителя байырку. Если бы не молниеносные действия Кюль-тегина, Могилянню вряд ли бы удалось занять трон. Поэтому воспринимать брак Могиляня и дочери Тоньюкука как результат традиционных брачных связей между родом кагана и родом хатун нет оснований. Само возвышение рода Ашидэ, как верно отметил В.В. Тишин (2014б, с. 27), связано с его значимой ролью в антикитайских восстаниях 679–681 гг., а брак сына Эльтериш-кагана Могиляня и дочери Тоньюкука стал следствием высокого положения Тоньюкука (Бойла Бага Таркана (Малов С.Е., 1959, с. 23)) в политической иерархии Второго Восточно-тюркского каганата при Эльтерише и Капагане.

Известные нам другие брачные связи рода Ашина в VIII в. не ограничивались собственно тюркской элитой, а служили решению внешнеполитических задач. Примером этого был «перекрестный» брак дочери Бильге-кагана и кагана тюргешей («Тюргешскому кагану я дал с большими почестями [в жены] мою дочь») и замужество дочери тюргешского правителя за сына тюркского кагана («Дочь тюргеш-хана я дал в жены с большими почестями своему сыну») (Малов С.Е., 1959, с. 23–24). Понятно, что в элитной среде тюрков процветало многоженство, но в рассмотренном случае трудно предположить, что дочь кагана тюргешей не стала хатун. Другой, уже рассматривавшейся, пример связан с выдачей замуж младшей сестры Бильге-кагана за правителя азов (Малов С.Е., 1951, с. 38). Нельзя не учесть и высказывавшиеся длительное время от имени Бильге-кагана просьбы заключить династический брак с танской династией.

Элиты в Тюркском каганате были тесно связаны с военно-административной службой. Основная иерархическая лестница, представленная в китайских источниках, выглядела так: за каганом шли высшие чины Ye-hu (ябгу), Sche (шад), T'ê-lê (тегин), затем Sse-li-fa (сылифа) и T'u-t'un-fa (тутны, тутуки), а затем «другие, более мелкие чиновники» (Liu Mau-tsai, 1958, s. 8–9). Оформление административной системы и сановных наследственных должностей приходится на время правления кагана Таспара (Тобо-каган, 572–582 гг.). В дальнейшем число шадов, возглавлявших уделы, тутуков – представителей центральной власти в племенах и более мелких «чиновников» – сыциньей (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 283; Liu Mau-tsai, 1958, s. 132, 498–499), постоянно росло. Если первоначально у тюрков «от знатных до низших чинов званий» было всего «десять степеней» (Зуев Ю.А., 1998, с. 154), то со временем в управленческой иерархии стало насчитываться «28 классов» (Liu Mau-tsai, 1958, s. 9). В своде китайских сведений о тюрках Лю Маоцяя имеются указания на «чины», которые исполняли традиционные «придворные» роли в ставке правителя. Например, саньдоло предположительно мог быть виночерпием (название должности было производным от слов «сосуд для вина»). Этот «чиновный титул был особенно высоким и только сыновья или братья кагана имели право носить его» (Liu Mau-tsai, 1958, s. 498). Фуни жэхань «должен был перепроверять нарушения закона и следить за субординацией», аньчжаныцзюни – «соответствовал государственному служащему» и «заведовал домашними делами» (Liu Mau-tsai, 1958, s. 498–499). «Должность» фулинь была связана с каганской гвардией и охраной правителя (Liu Mau-tsai, 1958, s. 9).

Ю.А. Зуев произвел подробный разбор зафиксированных в танских источниках титулов и должностей. Он полагал, что «с первых шагов» образования каганата «тюркское общество было строго ранжировано». Политический вес «члена общества во многом определялись его титулом, нередко наследственным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений» (Зуев Ю.А., 1998, с. 154). Его трактовки, основанные на исследовании фонетики китайского языка и знании древней и средневековой тюркской, иранской и согдийской социальной терминологии, позволили уточнить понимание некоторых терминов. В частности, он доказывает,

что транскрипция китайского слова ши-бо-ло соответствует ŠĪBARA / ĪŠBARA, т.е. хорошо известному по руническим надписям титулу Ышбара в значении «отважный», «крепкий», «свирепый» (Зуев Ю.А., 1998, с. 154, 155). Транскрипция другого термина гэ-ли да-гуань (<K'Â-LJI D'AT-KUAN) восходит к тюркскому понятию QARY TARQWAN, что соответствует согдийскому TARKHWAN Бугутской надписи и древнетюркскому TARQAN (тархан). Также выявлены военные чины в кавалерии, аристократические титулы Кара-чор и «предводителя дружины-сотни», Борishaда (главы гвардии), ябгу, и-каганов (глав уделов), управляющего династийным домом (двором), «эбом» (куда входила и ставка-орда) тюркских надписей (Зуев Ю.А., 1998, с. 155–159). Таким образом, картина социального ранжирования в китайских источниках во многом соответствовала иерархии элитных сановников в тюркских текстах.

Ступенью ниже стояли главы тюркских и подчиненных племен. Как ни странно в отношении Первого (Великого) Тюркского (555–603 гг.), Восточно-тюркского (603–630 гг.) и Второго Тюркского (Восточно-тюркского) каганатов мы практически не знаем имен и биографий племенных лидеров собственно тюркских племен, кроме членов рода Ашина. Какие конгломераты племенных групп тюрков они возглавляли или контролировали, тоже не известно. По территориальным владениям и событиям мы можем выявить только состав подчиненных иноэтничных племен и племенных союзов. Отчасти отсутствие сведений о тюркских племенах и их вождях компенсируется данными китайских источников о капитуляции и расселении тюрков в пограничных округах после падения Восточно-тюркского каганата. Для их размещения в 630 г. на северных территориях от Линчжоу до Ючжоу (Ордос, север современных провинций Шэньси и Шаньси) было создано четыре округа (Шуньчжоу, Ючжоу, Хаучжоу, Чанчжоу), и в каждом округе – дудуфу (генерал-губернаторство). К ним позднее были добавлены на западе дудуфу Динсян, на востоке – дудуфу Юньчжун, «для контроля за их народом». Сдавшихся тюрков Сели-кагана (Хели-каган, Эль-каган) насчитывалось около 100 тыс. (часть тюрков подчинились сеяньто и довольно значительная группа ушла в Западный край). Поэтому одновременно создавались и другие административно-территориальные единицы как места для расселения кочевников. В 638–639 гг. в связи с восстанием брата «назначенного» китайским императором кагана Тули Ашина Цзешэшуая и попыткой сына Тули Хэлоху захватить императорский кортеж округа Шуньчжоу, Хаучжоу и Чанчжоу были ликвидированы, а тюрков переселили на север за р. Хуанхэ и в Ордос (Малявкин А.Г., 1980, с. 105, 106).

Тюрки капитулировали либо отдельными племенами (группой племен), либо большим конгломератом во главе с князем из рода Ашина. Среди сдавшихся племен в источниках называются тули, юйшэ, иньнай (Малявкин А.Г., 1980, с. 106). Интересно, что названия этих племен дублировали имена своих «управленцев» – кагана Тули, шада Юйшэ и тегина Иньная (Малявкин А.Г., 1981, с. 76–77, коммент. 15). Также «со своим народом» капитулировал Ашина Суниси. Вместе с тюрками Китаю подчинилась и согдийская община во главе с Кан Суми (Малявкин А.Г., 1980, с. 106). С каганом Сели сдался Ашина Сымо, получивший сначала чин «правого большого генерала военного дозора», а затем назначенного на должность генерал-губернатора в округе Северный Кайчжоу «для управления прежним народом Сели» (Малявкин А.Г., 1981, с. 74–75, коммент. 13). Известно, что несколько тысяч семей тюркских аристократов были поселены в столице империи Тан Чанъане.

На предоставленных Китаем территориях состав родоплеменных объединений не нарушался, вожди не смещались, «их право управлять своими людьми подтверждалось соответствующими актами танских властей» (Малявкин А.Г., 1980, с. 109). В составе «тюркских» округов размещались представители и других этнических групп, мигрировавших или проживавших в Китае (сеяньто, эдизы, пугу, согдийцы и др.). Территория больших округов делилась на малые округа, состав населения которых скрупулезно учитывался китайцами. В отношении тюрков часто указывалось, что в том или ином округе размещались «тюрки девяти фамилий» или давались названия округов по этнониму конкретных племен с дополнительными данными о количестве семей и общей численности (Малявкин А.Г., 1981, с. 30). Так в малых округах дудуфу Юньчжун размещались представите-

ли племен шэли, сыби, ашина, чобу и байден (1430 семей, 5 681 человек), в другом дуду Сангань находились юйши, чжиши, биши, чилюзэ (274 семьи, 1323 человека). В малых округах дуду Динсн были расселены представители племен адэ (ашидэ), чжиши, сунун, баянь (460 семей, 1463 человека). Всего называется около двух десятков племен, но не все они являлись тюркскими, так как в малых округах вместе с тюрками фигурируют седе (эдиэ), чобу, чо (чики), несколько племен яньто и другие этнические группы. В некоторых округах указано только количество семей и численность без конкретизации племенного состава (Малявкин А.Г., 1981, с. 28, 80).

О племенных лидерах известно немного, преимущественно фигурируют выходцы из рода (племени) Ашина. Так в малом округе Шэли было расселено племя шэли-тули (сокращенно – шэли; название племени реконструируется как *Shar-du-li*). Среди предводителей племени известны левый генерал храброй стражи Шэли Чили, принимавший участие в 655 г. против Ашина Хэлу, вождь племени и дуду округа Юньчжан Шэли Юаньин, отец Кутулуга. Должность дуду была присвоена Шэли Юаньину в связи с «районированием», проведенным после разгрома Западно-тюркского каганата (Малявкин А.Г., 1981, с. 78–79, коммент. 21). В рассмотренных сведениях о племени шэли обращают на себя внимание два факта. Во-первых, имена глав племен совпадают с названием племени, т.е. «этноним в танских хрониках превратился в фамилию» (или наоборот?). Во-вторых, глава племени Шэли Юаньин представлял боковую линию Ашина и был отцом основателя Второго Тюркского каганата Кутулуга.

Аналогичную ситуацию мы встречаем в описании племени хэлу из одноименного округа. В «Синь Тан шу» говорится, что «этот округ был создан из представителей племени хэлу» (на территории округа проживала небольшая часть племени). Название этого племени совпадает с именем тюркского вождя Ашина Хэлу, который подчинился Поднебесной в 642 г. (Малявкин А.Г., 1981, с. 82, коммент. 27). Выше уже упоминалась сдача в плен китайцам племени юйшэ во главе с шадом Юйшэ. В Китае юйшэ (юйшэши) разместились в одноименном малом округе в составе дуду Сагань. Шад Юйшэ известен по источникам и до событий 630 г. В частности, он оказывал поддержку Лян Шиду, который боролся с основателем династии Тан Ли Юанем (Малявкин А.Г., 1981, с. 88). В случае с шадом Юйшэ мы опять сталкиваемся с совпадением названия племени и имени правителя. Нет никаких сомнений, что шад происходил из Ашина. Это подтверждает имя другого шад юйшэ Ашина Момо. Он был сыном кагана Чуло и принадлежал к самому элитарному слою у тюрков. Ашина Момо, по словам Масао Мори, «осуществлял руководство племенами и родами через иркинов... через родовых вождей», через «этих иркинов взимал подати с подведомственных ему племен» (цит. по: Малявкин А.Г., 1981, с. 89–90). Здесь мы можем зафиксировать, что все-таки существовали родовые (племенные?) вожди, представлявшие особый слой в элите Тюркских каганатов, но дополнить эту информацию для VII в. практически нечем. Несколько позднее, в 715 г. танские источники называют великого вождя племени юйшэши Хуцзюэ сецзина (иркина, эркина) (Малявкин А.Г., 1981, с. 86, 89). По всей видимости, это связано с восстаниями племен во Втором Тюркском каганате, в котором против Капагана, как известно, выступили и некоторые тюркские племена. Вероятно, система управления племенами, в рамках которой непосредственной властью в каждом племенном объединении обладал выходец из линиджей ашина или ашидэ, вызывала сопротивление племен, стремившихся к тому, чтобы их возглавляли собственные вожди.

Несколько по-иному обстоит дело с племенем сангань. В китайских источниках есть прямое указание на принадлежность данного племени к тюркам. Само название дуду Сангань и р. Сангань произошло от тюркского слова *Sarun, Saŋun, Sāñün* – «генерал», крупный военный чин у тюрков. Возможно, звание (титул) сагун (генерал) имели вожди тюркских племен в указанном генерал-губернаторстве, а китайские хронисты протранскрибировали его как этноним или топоним (Малявкин А.Г., 1981, с. 88, коммент. 30). Для нас же важно, что главы этого племени или племенной группы обладали высоким имперским чином и почти наверняка принадлежали к Ашина!

В отношении племени чжиши примечателен тот факт, что его вожди выполняли дипломатические миссии. В конце 626 г. племенной вождь Чжиши Сыли был отправлен к танскому двору, но

был «посажен китайцами в тюрьму по обвинению в шпионаже». Позднее Чжиши Сыли верой и правдой служил династии до 663 г. и умер в должности правителя округа Гуйчжоу. В 726 г. другой эркин Чжиши был направлен в танский императорский дворец с поздравлениями (Малявкин А.Г., 1981, с. 90, коммент. 32). Выполнение дипломатических миссий может свидетельствовать о том, что и племенные вожди чжиши происходили из Ашина или пользовались большим доверием правящего рода.

Для племени биши во главе с великим вождем (эркином) Биси Сели (Биси = биши) был создан округ в 716 г. Для периода 627–647 гг. имеются сообщения, что биши жили на западе Монголии на р. Долосы и управляли народами пяти родов – чуюэ, чуми, гусу, гэллолу и биши (Малявкин А.Г., 1981, с. 91–92, коммент. 33). Судя по упоминанию в составе этой группы карлуков (гэллолу), гусу (гушу), позже зафиксированных в составе тюргешей (Малявкин А.Г., 1981, с. 190–191), чуми и чуюэ, против которых в 648 г. ходил походом Ашина Шэр, в 651 г. генерал Циби Хэли напал на них как на союзников Ашина Хэлу, а в 654 г. для них было создано генерал-губернаторство в Западном крае (Малявкин А.Г., 1981, с. 103, 104, 187, коммент. 283), не все перечисленные племена считались собственно тюркскими (восточно-тюркскими).

К тюркским родам и племенам можно отнести чилюэ (чили), так как китайские хроники упоминают тюркского аристократа Чили Юаньчун (Малявкин А.Г., 1981, с. 92, коммент. 34); ашидэ, второго по знатности тюркского рода, кочевавшего в начале правления династии Тан к югу от Гоби (Малявкин А.Г., 1981, с. 93, коммент. 93); сунун, поскольку танским хронистам хорошо известны имена тюркских вождей, в которых этноним «сунун» превратился в фамилию (Сунун Нишу, великий вождь Сунун Цзюэ-тархан, вельможи Сунун Чуло-тархан. Сунун Хэлэ, Сунун Хэ).

Исследователи указывают, что, помимо двух знатных родов ашина и ашидэ, родоплеменной состав тюрков неизвестен. Отсутствует уверенность, что шэли, хоба, сунун, чили (чилюэ), чжиши и другие племена, размещенные в округах на севере Китая, принадлежали к тюркам (Малявкин А.Г., 1981, с. 78–79, коммент. 21; 1989, с. 17). Но факт совместного нахождения и, по всей видимости, миграции и расселения целого ряда племен (или части племен) рядом с племенами ашина и ашидэ позволяет предполагать, что речь идет именно о тюркских племенах и ранее иноэтничных племенах, интегрированных в каганате в структуру тюркского племенного союза. То, что в ряде рассмотренных нами случаев среди вождей племен фигурировали аристократы из Ашина, наталкивает на мысль о том, что структура управления племенами в Тюркском каганате (во всяком случае, в Восточно-тюркском каганате) имела крайне специфическую форму. Довольно часто племенными вождями тюрков, сдавшихся китайцам в 630 г., выступали представители рода Ашина. В таких случаях только на уровне родов сохранялась власть местных эркинов (вождей). Означает ли это, что в каждом племени была представлена какая-то ветвь (линидж или клан) Ашина, или главы племен назначались каганом из своих родственников, мы не знаем. Во всяком случае, эта трудно доказуемая гипотеза позволяет хотя бы как-то объяснить, почему у тюрков, в отличие от теле, уйгуров, токуз-огузских племен и других кочевых объединений в VI–VII вв., не известны главы племен, помимо кочевых аристократов из Ашина. К VIII в. ситуация меняется и тюркские племена Второго Тюркского каганата представляли собственные вожди (эркины, иркины).

Далее в иерархии каганата располагались предводители зависимых племенных союзов и племен. Для Восточно-тюркского каганата нам хорошо известны главы уйгуров – сыгинь Шыгянь и его сын Пуса, присвоивший себе титул Хо-Гйелифа (Сылифа, т.е. эльтебер), и сеяньто – Ишибо (Йехи хан) и его внук Инань, получивший в 629 г. от Тан титул Чжэньчжу Бильге-каган (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 340; Малявкин А.Г., 1981, с. 8). Также известно существование племенных вождей у киданей, татабов, пугу, байырку и других «подданных» племен каганата. В составе элиты они занимали «третью ступень», но положение этих племенных лидеров сильно зависело от места в имперской иерархии, где наиболее влиятельная роль принадлежала уйгурам, силами которых тюрки «геройствовали в пустынях севера» (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 301).

В составе Второго Тюркского каганата позиции вождей племенных союзов стали более отчетливыми. Уйгурский эльтебер (Малов С.Е., 1959, с. 22) одновременно являлся главой токуз-огузов, а каждое племя в этом объединении возглавлял эркин / бег / сенгун (см., например: «девять бегов огузов» (Малов С.Е., 1959, с. 10); Куны-Сенгун и Тонгра Сема (Малов С.Е., 1951, с. 65)). Близкую структуру имело объединение трех племен карлуков (моуло, чисы / пофу, таши (Малявкин А.Г., 1989, с. 41, 168–170, коммент. 250–252)), во главе которого также стоял эльтебер (Малов С.Е., 1959, с. 22). В надписи в честь Бильге-кагана упоминается народ «двух эльтеберов» (Малов С.Е., 1959, с. 22). Интерпретация данного сюжета осложнена порчей надписи в этом месте. Среди других племенных лидеров, принадлежавших к этой категории элиты, следует назвать «великого иркина Йер Байырку», ыдук-кута басмылов (позднее иркина), как уточняется в тексте Бильге-кагану, «из моего рода», т.е. из Ашина, Куг-сенгун татабов, Барс-бег азов / эльтебера азов (Малов С.Е., 1951, с. 41, 42; 1951, с. 38; 1959, с. 20, 22). В единственном случае назван и глава одного из родов племени тонгра – Тонгыра Йылпагут (Малов С.Е., 1959, с. 21).

Источники умалчивают о служилой знати, но ее существование в Тюркских каганатах на нескольких уровнях (имперско-каганском, «штабы» территориальных князей и глав племенных союзов, племенном) не вызывает сомнения.

Важную роль в окружении кагана играли согдийские купцы, главы согдийских общин и китайские советники. Роль согдийцев в истории Тюркских и Уйгурского каганатов освещена достаточно полно (см.: Pulleyblank E.G., 1952; Кляшторный С.Г., 1964, с. 114–122; 2003, с. 160–166; 2010, с. 265–275; и др.). Ограничимся лишь указанием на исключительную роль согдийцев в посреднической торговле шелком и другими престижными товарами, а также несколькими примерами влияния и высокого положения согдийцев. Первым влиятельным лицом согдийского происхождения на востоке Великого тюркского каганата был фаворит китайской принцессы Да-и, жены Дулань-кагана Ань Суй-цзя. За участие в заговоре он был казнен (593 г.), но уже при Шиби-кагане в монгольских степях оказалась многочисленная согдийская община, глава которой *Schi-schu-hu-si* Шишухуси стал влиятельным вельможей в каганате. Слабеющая династия Суй осознавала усиление тюрков и в качестве объекта интриги выбрала именно Шишухуси, который «имеет много коварных планов, и... пользуется благосклонностью *Schi-pi* Шиби-кагана». Шишухуси и его люди попали в засаду на границе с Китаем, где, как они были информированы, должна была открыться торговля с «варварами». Китайцы казнили Шишухуси, лишив тюркского правителя опытного советника (Liu Mau-tsai, 1958, s. 88; Лю Маоцай, 2002, с. 59–60; Кляшторный С.Г., 1964, с. 115; и др.). Однако численность согдийской общины продолжала расти. Ее пополнили выходцы из Бухары, возглавляемые Ань Ту-хань (Ань У-хуань). Он получил титул сылифа (эльтебера), как и другие подчиненные тюркам крупные этнические группы (Кляшторный С.Г., 1964, с. 119).

К концу существования Восточно-тюркского каганата, по словам китайских пограничных чиновников, Сели-каган «постоянно действовал так, как это было выгодно ху (согдийцам), и пренебрегал людьми своего собственного племени» (Кляшторный С.Г., 1964, с. 118). Испытывая недостаток в ресурсах, Сели поручал согдийцам и китайцам осуществлять сборы налогов и даней, чем подтолкнул подчиненные племена к восстаниям. Две согдийские диаспоры (самаркандская и бухарская) сдались Срединному государству, причем в составе бухарской общины Ань Ту-ханя / Ань Дохань, сына Ань Ту-ханя Старшего, при переходе к китайцам было учтено более 5 тыс. его соплеменников (Кляшторный С.Г., 1964, с. 119; Малявкин А.Г., 1981, с. 105).

В тот же период правления Сели-кагана в каганате укрывались сторонники династии Суй и различные оппозиционеры, проигравшие борьбу за власть первому императору Тан Ли Юаню. Среди них колоритной личностью был Лин Шиду, выходец из богатой семьи и крупный военачальник в Ордосе. Он пытался создать при поддержке тюрков собственное государство Лян, но, в конце концов, уступив Ли Юаню, вынужден был укрыться в каганате. Вместе с тюрками он напал на китайские города и жаждал реванша, но в 629 г. был убит младшим дядей по отцу, который затем сдался Тан. Также в ставке Сели находился китайский ученый Чжао Дэ-янь, «мало-

помалу управлявший государственными делами» (Кляшторный С.Г., 1964, с. 118). В религиозном плане особенно большое влияние на Таспара (Тобо-кагана) оказал «знаменитый миссионер индийский монах Чинагупта. Вместе со своими спутниками в течение десяти лет (574–584) оставался у тюрков и успешно проповедовал буддизм в каганской ставке. В этот период были переведены на тюркский язык и записаны для Таспара некоторые сутры, были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри, где сам Таспар принимал участие в обрядах» (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 133). По другой версии монах Хуй Лина из царства Северная Ли убедил кагана принять новую веру и построить храм. А в 574 г. на тюркский язык была переведена «Нирван сутра» (Жумаганбетов Т.С., 2006, с. 155).

Согдийцы были хорошо известны и во Втором тюркском каганате, правда, в степь чаще всего они попадали насильно. Тюрки совершали нападения на согдийские колонии в Ордосе и Восточном Туркестане, захватывая в плен их жителей. Некоторые из согдийцев сделали в каганате неплохую карьеру. Так Ань Янь-янь стал тюркским военачальником и женился на девушке из рода Ашидэ. Их первенцем был Рокшан, которого китайцы называли Лу-шанем, а потом Ань Лу-шанем. Он стал организатором знаменитого восстания ху в Китае в середине VIII в. При Капаган-кагане главе согдийской общины был дарован титул эльтебер. В пору междоусобиц в каганате, спасая свои жизни, Ань Лу-шань со своим дядей Ань Бо-цзюем и другими родственниками бежали в Китай. Но некоторые согдийцы оставались в степи вплоть до падения власти тюрков. В 742 г. среди сдавшихся Поднебесной тюркских вождей был Кан А-и Кюль-таркан, согдиец с высоким тюркским титулом (Кляшторный С.Г., 1964, с. 121).

Таким образом, в имперской системе Тюркских каганатов существовала сложная по своему составу элита, происходил постоянный процесс численного роста аристократии и племенной знати, оформились низшие (служилые) категории элит, включавшие и выходцев из оседлых общин.

8.3. Особенности состава кочевых элит в эпоху Уйгурского каганата

Формирование элиты Уйгурского каганата началось задолго до его создания. В течение VII в. оформился союз токуз-огузов («девяти племен») во главе с династией Яглакар. Он представлял собой конфедерацию, включавшую девять телеских племенных объединений: 1) уйгуры (хойху, хуэйхэ); 2) пугу (бугу); 3) хунь (кун); 4) тунло (тонгра); 5) сыцзе (сыгир); 6) циби (киби); 7) абусы (абуз); 9) гулуныгу (Камалов А.К., 2001, с. 66). Доминирующую роль среди токуз-огузов играло десятиплеменное объединение уйгуров, откуда и происходил правящий род. Власть Яглакаров носила наследственный характер и начиная, по крайней мере, с сыгиня Шыгяня (Шы-гянь, Sse-kin, T'ê-kien Sse-kin (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 302; Liu Mau-tsai, 1958, р. 350, 351)). Далее наследственную линию продолжили эльтеберы Пуса, сын Шыгиня – Тумиду (объявил себя в 647 г. каганом) – Пожун (Пожунь), сын Тумиду – Бисуду, сын Пожуна (ум. 680 или 681) – Дучечжи, сын Бисуду (возможно, Баз-каган тюркских рунических надписей) – Фудифу (ум. 719) – Чэнцзун (кит.; 719–727) – Хушу – Куллиг-бойла (Гули Пэйло, основатель Уйгурского каганата и первый каган в 744–747 гг. с титулом Гудлоу Бильге Кюль-каган; в китайских источниках гудолу-пицзя-цюэ-кэхань или каган Хуай-жэнь (Малявкин А.Г., 1980, с. 106, 112–125; 1989, с. 173, коммент. 259; Камалов А.К., 2001, с. 61–65; Кляшторный С.Г., 2010, с. 238–241; и др.). В состав уйгурских племен, помимо яглакаров (яолэгэ), входили утуркар (худугэ), курабир (цзюйлэу / долоу) боксигит (могэ-сихэ), авчуг (аучжай), хазар (хэса), угуз (хувэньсу), ябуткар (яогэ), аявир (сиеу) (Камалов А.К., 2001, с. 66). Численный состав союза достигал 200 тыс. человек, только уйгуры могли выставить до 50 000 воинов. Помимо указанных девяти племен, важную роль в судьбе токуз-огузского объединения играли доланьгэ, хусе, белых си, сицзе и особенно эдизы.

Таким образом, к моменту провозглашения каганата токуз-огузское объединение имело сложную трех-четырёхступенчатую структуру и соответствующую по сложности элиту. Она включала клан правителя, его военно-аристократическое и служилое окружение, глав племен и наибо-

лее знатные роды десятиплеменного союза уйгуров, племенных вождей и аристократию токуз-огузов, родовую знать племен, входивших в состав крупных племенных объединений токуз-огузов (пугу, тунло, цибь, эдизы и др.).

Как уже указывалось, успешное свержение тюркской власти в 742–744 гг. вызвало борьбу между уйгурами басмылами и карлуками, которая в общей сложности продолжалась около десяти лет (Малов С.В., 1959, с. 39–43). Выступления токуз-огузских племен против уйгуров и их урегулирование позволили Элетмиш Билтге кагану (747–759 гг.) выстроить отношения с главами союзных племенных объединений, окончательно построить управленческую иерархию.

Наиболее обстоятельная картина элиты Уйгурского каганата первых десятилетий его существования представлена в Терхинском тексте, написанном от лица Элетмиш Бильге-каганом его сыном Бильге Кутлуг Тархан-сенгуном, будущим Бёгю-каганом (Тенгри-каган, полный титул Тенгри Эль-тутмыш Алп Кюлюг-Ин-и-Бильге-каган). Данный исторический документ наиболее полно характеризует представление кочевого правителя о своей власти в доманихейский период. «Неборрожденный Элетмиш Бильге-каган и [вместе с] Неборрожденной Эльбильге-катун» приняли «на себя титулы каган и катун». Так как к кагану «благоволило Голубое Небо, что наверху», так как его «взлелеяла Бурая Земля, что внизу», то был «создан... Эль» и его «установления» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 85, 92; 2010, с. 35, 41). Свою империю Элетмиш Бильге-каган описывал в традиционных для тюркоязычного мира раннего средневековья формулах: «Народы, обитавшие впереди (на востоке), там где восходит солнце, народы, обитающие позади (на западе), там где восходит луна, народы всех четырех стран света отдают [мне свои] труды и силы, а мои враги утратили свою долю...» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 92; 2010, с. 41).

У «Неборрожденного Элетмиш Бильге-кагана [было] шестьдесят внутренних сановников». В их качестве выступали высшие чины империи, главы племен токуз-огузского объединения и другие племенные лидеры. Главой «внутренних буюруков», т.е. всех токуз-огузских племен, на которых постепенно в каганате будет распространен политоним «уйгуры», был Ынанчу-багатаркан. Далее в надписи перечисляются девять «великих буюруков» – главы племенных объединений, входивших в состав токуз-огузов: «Бильге тай-сенгун-тутук, пятисотник; Кюлюг Онгы Оз-Ынанчу, пятисотник; Улуг Оз-Ынанчу-Урунгу, сотник; Улуг Урунгу; тысячник над сыновьями бегов телисов, телисский Кюлюг Эрен; тысячник над сыновьями бегов тардушей, тардушский Кюлюг Эрен, Тардуш Ышбарыш, начальник над пятью тысячами воинов; Алп Ышбара-сенгун Яглакар... начальник над девятью сотнями воинов Туйкан; велики таркан Букуг» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42). Среди «великих буюруков» представлены два шада, вернее ябгу и шад телисов и тардушей соответственно – ключевые фигуры в территориальном управлении империей, а также Алп Ышбара-сенгун Яглакар – глава десятиплеменного союза уйгуров.

Такое внимание к вождям токуз-огузов свидетельствует о понимании правителем важного значения данного объединения в имперской структуре каганата. Без согласия и взаимопонимания с племенными лидерами токуз-огузов, которые вырабатывалось десятилетиями и прошли испытания многочисленными столкновениями с внешними врагами и внутренними междоусобицами, уйгурская полития не могла существовать. Это оказало существенное влияние на систему власти в каганате, согласно которой уйгурский правитель и Яглакары должны были учитывать мнение племенных элит. Данная особенность политической организации каганата была отмечена еще Л.Н. Гумилевым (1967, с. 370). Не случайно, что в перечне племенных групп, входивших в состав каганата, в отличие от тюркских текстов, «уйгурский народ вместе... с тегинами», имперская гвардия с ее начальниками названы после восьмиплеменных татар, азских буюруков, сенгунов и тысячного отряда тонгра. Правда, в следующей строке Терхинской надписи предложен другой иерархический порядок: «Сыновья моего Небесного хана, Бильге-таркан Кутлуг Бильге-ябгу (вариант титула автора надписи (Кляшторный С.Г., 2010, с. 35)), именитые вожди... [восьми]племенные байырку (поскольку в этом месте надписи утрачено всего 2–3 знака, то, скорее всего, имеются в виду «именитые вожди» байырку), азский Шипа Тай-сенгун и его народ; Баш Кай-

баш из [племени] тонгра, трехплеменные карлуки...» (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93; 2010, с. 42). Все эти перечисления титулов, участников похорон (?) Элетмиш Бильге-кагана, требующие отдельного исследования и интерпретации, так или иначе показывают сложный характер элит Уйгурского каганата.

В каганате существовала иерархия и уже во второй половине 40-х – 50-е гг. VIII в. оказались востребованы институты управления племенами. Представители центральной власти осуществляли надзор за племенами, реализовывали политику кагана на местах. Территориальные «чиновники», стоявшие по положению ниже шадов, назначались каганом. К примеру, над чиками были поставлены тутук, а их бегам были присвоены имперские титулы – ышбары и тарханов (Малов С.В., 1959, с. 41; 2010, с. 64).

С развитием Уйгурского каганата состав и характер элиты изменились. Необходимо подчеркнуть, что одной из самых ярких черт в истории Уйгурского каганата была урбанизация. Во второй половине VIII – начале IX в. в каганате сложилась иерархия городских центров: столичный город Хара-балгас (Орду-балык) – «областные» административные центры – провинциальные города и военные крепости. Благодаря наличию в степи значительного количества согдийцев и китайцев, в каганате также возникла сеть аграрных поселений, особенно рядом с крупными городскими центрами (Киселев С.В., 1957, с. 94–95; Данилов С.В., 2004, с. 151; Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц., 2008, с. 191; Крадин Н.Н., 2008, с. 333–334; и др.).

Их возникновение обуславливались как внешними (подъем транзитной торговли по Шелковому пути под влиянием экономического расцвета Арабского халифа, смещение торговых путей в монгольскую степь в связи с захватом Тибетом к концу VIII в. ключевых торговых центров в Восточном Туркестане и, в частности, важнейшего участка Шелкового пути «от Ичжоу до Ганьсуского коридора», что позволило заблокировать на данном направлении развитие транзитного обмена товарами), так и внутренними (запросы элиты на товары земледельцев, наличие в степи согдийского и китайского населения, распространение манихейства) факторами. В результате в степи появились довольно многочисленные и интегрированные в социальную иерархию кочевой державы страты городского и, если доверять Тамиму ибн-Бахру (Асадов Ф.М., 1993, с. 45), аграрного населения.

Уйгуры перестали зависеть от поставок сельскохозяйственной продукции из Китая, а в качестве «даров» из Поднебесной предпочитали шелк (в конце VIII в. до 100 тыс., а в IX в. – до 500 тыс. кусков шелка) или монету (до 200 тыс. связок монет) (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 313, 322–333; Асадов Ф.М., 1993, с. 46; Камалов А.К., 2001, с. 110; и др.). Китайский шелк и монеты обеспечивали активное участие Уйгурского каганата в международной торговле. Основная ветвь Великого шелкового пути на маршруте от Семиречья и Джунгарии до Китая пролегла теперь через монгольские степи. Эта дорога в танское время получила название «уйгурского пути» (хуэйху лу). «Уйгурский путь» шел от озера Бэйтин к оз. Баркуль и далее на северо-восток к Хар-балгасу. От столицы Уйгурского каганата дорога поворачивала на юго-восток, проходила через пустыню Гоби и далее через Ордос и северную излучину Хуанхэ путешественники попадали в Чанъань. У уйгуров этот отрезок пути получил название «дороги кагана Цаньтяня». По ней в Китай доставляли дань и шкуры соболей в качестве «податей» народы севера. По «дороге кагана Цаньтяня» в VIII – первой половине IX в. велась активная торговля шелком и лошадьми. Существовал еще альтернативный, южный вариант «уйгурской дороги»: из Бейтина путь пролегал через Тунчэн (Эдзина, Хара-Хото) и Ордос в Центральный Китай (Лубо-Лесниченко Е.И., 1988, с. 380).

Согдийские колонисты в Монголии имели устойчивые связи с торговцами из Китая, Восточного Туркестана, Семиречья, Арабского халифата. В каганат стекались товары с его северных и восточных окраин (пушнина, металлы, скот и др.). На всем протяжении «уйгурского пути» от Турфана до Орду-балыка, по свидетельству Тамим ибн Бахра, существовали поселения с рынками (Асадов Ф.М., 1993, с. 46.). Особенно славилась своими рынками столица каганата. Поступавшие из Китая престижные товары шли на удовлетворение запросов кагана и его окружения, раздавались племенным лидерам в обмен на их лояльность верховному правителю.

Столица Уйгурского каганата стала степным мегаполисом. По описанию Тамим ибн Бахра, Орду-балык был «большим и богатым городом, вокруг которого располагались бесконечным рядом деревни...», в городе «...много народу, толкотни, рынков, товаров» (Асадов Ф.М., 1993, с. 45, 46). Увиденное Тамим ибн Бахром подтверждается исследованиями городища Орду-балык и его окрестностей (общая площадь памятника комплекса 25 км²). Наряду с крепостью фиксируются многочисленные усадьбы, деревенские поселения, торгово-ремесленные пригороды, поля, ирригационные каналы (Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц., 2008, с. 180–182; Hüttel H.-G., Erdenebat U., 2009, р. 4–7, 17–21, 35; Крадин Н.Н., 2011, с. 336, 350; и мн. др.).

Принятие манихейства произвело культурную трансформацию кочевой элиты: новая религиозная практика, образование, новая уйгурская письменность (Кызласов Л.Р., 2004, с. 5, 7). Происходит изменение погребальной обрядности элит, что свидетельствует о серьезной эволюции ментально-религиозных установок (см.: Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L., 2010; Эрдэнэболд Л., 2011).

Наличие городов, оседлого населения, влияние согдийского и китайского опыта управления, стремление кочевой элиты увеличить свои доходы, возрастающие поставки шелка и монет уйгурским лидерам из ослабленной Танской империи привели к возникновению раннего государства и переходных форм общественной организации, что стало решающим фактором трансформации элиты. Уйгурская знать составила основу центрального и провинциального аппарата управления.

С развитием городов появились городское управление и иерархия городских чиновников (глава города, сборщики налогов, судьи и т.д.). В провинциях значительно выросло количество фискальных и военных чиновников (Малявкин А.Г., 1974, 113–114, коммент. 164–166). Кроме того, в состав власть имущих, если судить по примеру «министра» Ань Юнь-хэ (Малявкин А.Г., 1974, с. 26), вошли и представители согдийской диаспоры. Уйгурская знать (военно-аристократическое окружение кагана и высшее имперское чиновничество) в отличие от типичной аристократии кочевых империй жила не только за счет получения «даров» из Китая и продажи шелка, но и за счет регулярных фискальных поборов. Поощряя развитие торговли, ремесла, земледелия, уйгуры собирали налоги и пошлины. Особенно доходными были многочисленные рынки на территории империи.

Если в Терхинской надписи (750-е гг.) упоминалось только 60 «сановников» (Кляшторный С.Г., 2010, с. 43), то источники первой половины VIII в. фиксируют заметное увеличение как столичных, так и провинциальных чиновников. В Карабалгасунской надписи постоянно указываются представители имперской «бюрократии» – тутуки, чигиши, внутренние и внешние министры (Камалов А.К., 2001, с. 196). Слово «чиновники» фигурирует в тексте четыре раза. Кроме того, упоминаются указы и закон, поборы и подати (Камалов А.К., 2001, с. 195–197). Всего существовало «шесть внутренних и три внешних» министра. Являлись ли они сугубо функциональными чиновниками со своими профессиональными задачами? Нет! События 840–847 гг. показывают, что «министры» были связаны с разными группами уйгурских племен и, по всей видимости, осуществляли руководство ими. Можно предположить, что часть «министров», учитывая, что среди них были и согдийцы, – это потомки глав племен токуз-огузов (Малявкин А.Г., 1974, с. 26).

Высшие административные чины империи одновременно являлись ее крупнейшими военачальниками. Тамим ибн-Бахр сообщал, что только под Орду-балыком располагались лагеря 17 высших военачальников и около 20 тысяч воинов (Асадов Ф.М., 1993, с. 46). Возрастает и численность провинциального чиновничества с фискальными функциями: В «Цзю Тан шу» указывается, что «у народа си и киданей находились уйгурские уполномоченные по надзору и попечению, наблюдавшие за поступлением ежегодной дани». С падением каганата китайцы, по соглашению с си и киданями, схватили «более 800 человек» (Малявкин А.Г., 1974, с. 35, 113–114, коммент. 164–166), т.е. больше чем в десять раз числа всех сановников при Элетмиш Бильге-кагане.

Структура уйгурской элиты соответствовала политической иерархии. На высшей ступени стоял каган и его ближайшее окружение, далее шли кочевая аристократия и столичное чиновниче-

ство. В состав имперской и городской бюрократии могли входить не только уйгуры и представители других кочевых племен, но и согдийцы, а также выходцы из Китая. Свое влияние сохранили главы племен не уйгурского происхождения. Нижнюю ступень составляли провинциальные чиновники (тутки, тарханы и др.).

Для кочевой аристократии из-за особенностей кочевой экономики всегда было трудно закрепить свой привилегированный статус (богатство у кочевников нестабильно). Именно принадлежность к числу управленцев империи позволяла знати укреплять свои социально-экономические позиции. Получение и сохранение богатства было возможно только в имперских городах. Имперская знать в то же время оставалась кочевой аристократией, владевшей большими стадами, но рост экономических ресурсов такой знати происходил за счет доходов государства и торговли шелком. Сочетая городской образ жизни и выезд на кочевья, высшая уйгурская знать, не могла оформиться в отдельную социальную группу, не связанную с рядовыми кочевниками. Не сложились межплеменные и территориальные связи. Показательно, что после разгрома каганата кыргызами представители уйгурской элиты мигрировали вместе со своими племенами и кланами (Малявкин А.Г., 1974, с. 26–31).

К элитным слоям относилось высшее манихейское духовенство и наиболее богатые и связанные с продажей шелка согдийские купцы (здесь важна их приближенность к кагану и уйгурской знати, от которой согдийские купцы получали шелк на продажу). Согдийцы, как сообщается в китайских источниках, «преумножали свои товары», зарабатывали на транзитной торговле, контроле отдельных сфер торговли в Уйгурии, Китае, Восточном Туркестане, в других странах и регионах.

По сложности социальной организации каганат достиг возможного в условиях монгольских степей предела. Но, несмотря на появление нескольких привилегированных групп, сословно-классовая структура в Уйгурском каганате не сложилась. Прежде всего, это объясняется коротким с точки зрения исторических процессов периодом существования Уйгурской державы. Очевидно, что политическая интеграция в кочевых обществах (в данном случае в Уйгурском каганате) опережала процессы социальной дифференциации. Потенциально элита в каганате могла приобрести сословный статус. Однако события, связанные с падением Уйгурского каганата, показали, что сложные общественные структуры в степи были неустойчивыми и дискретными. Перепроизводство элиты вело к росту внутренних противоречий и конфликтам, что было наряду с голодом, падением скота, вторжением кыргызов одной из причин краха каганата.

Тамим ибн-Бахр писал о «промежуточных станциях» и их «служителях» (Асадов Ф.М., 1993, с. 45) – прообразе ямной системы Монгольской империи. Нет сомнения, что в состав элит входили высшее манихейское духовенство и согдийское купечество, связанное с транзитной торговлей. В социальной структуре Уйгурского каганата оформляются специфичные для степей страты городских ремесленников, торговцев, земледельцев. Но, несмотря на тенденции к усложнению общественной структуры в Уйгурском каганате, полного обособления знати не произошло. Это было связано с рядом причин: 1) относительная скоротечность существования каганата, в рамках которого сословная знать не успела оформиться; 2) сила клановых традиций, определявшая взаимодействие знати с племенными сообществами, и слабость межплеменных и территориальных связей; 3) противоречия между разными группировками в составе элиты, которые привели к междоусобицам, конфликтам за ресурсы и власть, а в конечном итоге – к падению каганата в результате внешней экспансии.

Таким образом, положение степных элит, как нами было показано выше, нельзя назвать устойчивым. Природные катаклизмы, эпидемии, войны, междоусобицы, гибель в сражениях, намеренное уничтожение кагана, его родственников, вождей, старейшин и более широкого круга аристократии – все это было реальностью жизни кочевых элит в раннесредневековый период. В то же время элиты были системообразующей группой в кочевых империях и менее масштабных кочевых сообществах. Элиты выполняли важнейшие функции в обществе: от традиционного внутриплеменного регулирования до организации походов и завоеваний.

Усложнение элит происходило в связи с интеграцией племен и племенных союзов в более крупные политические образования. Особенно разнообразными являлись элиты кочевых империй. Элиты Тюркских каганатов представляли собой наглядный образец имперского варианта кочевых элит. В тюркских полициях существовали сложные по своему составу и иерархичности элиты. Начиная с кагана, его семьи и рода Ашина, элитные слои охватывали знатный род Ашидэ, племенных вождей и аристократию тюркских племен, сложносоставную знать токуз-огузов, вождей и родовую знать сеяньто, карлуков, байырку, азов и другие племена и племенные союзы телеской конфедерации, стоявших ниже в имперской «табеле о рангах» кыргызов, киданей, татабов, шивэй и других племенных объединений. В состав элит включались также главы оседлых государств Восточного Туркестана и Средней Азии, нередко вступающие в брачные союзы с представителями правящего рода, земледельческая и городская знать территорий, находящихся под непосредственным управлением тюрков, вожди племен в лесостепной и подтаежной зоне Южной Сибири. Важным элементом элит в степи были согдийские купцы, контролировавшие транзитную торговлю, этельберы согдийских общин и другие выходцы из согдийской среды, лидеры китайской оппозиции, нередко укрывавшихся в пределах каганатов, китайские советники при ставке кагана. Тюркские военачальники согдийского происхождения и согдийские купцы – яркий пример формирования в окружении кагана служилой знати и так называемой служебной организации.

Особый интерес вызывают элиты Уйгурского каганата. В этой кочевой империи возникла сеть городских поселений, велась активная транзитная и местная торговля, получили распространение манихейство и грамотность, возникли элементы государственного управления на имперском, провинциальном и городском уровнях. Все это способствовало формированию весьма сложных по составу элит и процессам их численного увеличения. В связи с этим следует подчеркнуть одну важную деталь. Перепроизводство элит характерно для сложных обществ как аграрных, так и пасторальных объединений кочевников. Разница заключается в том, что одни общества, как правило, оседло-земледельческие, благодаря более устойчивой экономике могут длительное время поддерживать этот рост, не сталкиваясь с кризисами или благополучно преодолевая их, а для кочевых сообществ, чья жизнь сильно зависит от природных условий и поставок продовольствия и престижных товаров из земледельческих цивилизаций, перепроизводство элит может иметь катастрофические последствия – междоусобицы, мятежи подвластных племен, уязвимость перед внешними врагами и в конечном итоге распад политии.

В Уйгурском каганате отчетливо проявилась тенденция к усложнению общественной структуры, однако полного обособления знати, в состав которой вошли и наиболее успешные согдийские купцы, и манихейское духовенство, в замкнутое сословие не произошло. Это объясняется скоротечностью существования каганата, в рамках которого сословная знать просто не успела оформиться (в кочевой среде по-прежнему доминировали клановые связи), а элита Уйгурской империи уже к 830-м гг. вступила в фазу внутренних конфликтов и противоречий. Наряду с природными катаклизмами, голодом и эпидемиями это позволило кыргызам сравнительно легко разгромить каганат. В развитии кочевых обществ существовал своеобразный непреодолимый «порог» социального усложнения. В Уйгурском каганате тенденция к формированию привилегированного сословия и численный рост полиэтнической элиты вызвали «перегрев» общества, внутренние конфликты, которые облегчили победу кыргызов над уйгурами.

Глава IX

«ЭЛИТНЫЕ» ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

9.1. Историография, источники и методы исследования

Изучение «элитных» погребальных комплексов имеет особое значение при реконструкции социальной истории кочевников древности и средневековья. Раскопки таких памятников, несмотря на частые случаи ограбления, позволяют получить наиболее яркие материалы. Определение структуры элиты и особенностей организации высших слоев общества способствует уточнению уровня развития и специфики устройства рассматриваемого социума в целом. Именно поэтому изучению и интерпретации «элитных» археологических комплексов традиционно уделяется повышенное внимание. К настоящему времени получены значительные результаты в области исследования «царских» курганов раннего железного века в различных районах Центральной Азии (Грязнов М.П., 1950, 1980; Руденко С.И., 1962; Акишев К.А., 1978; Элитные курганы..., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Аржан..., 2004; Миняев С.С., 2009; Полосьмак Н.В. и др., 2011; и мн. др.). Изучение таких объектов, отличавшихся колоссальным объемом трудозатрат на сооружение наземных и внутримогильных конструкций, наличием большого количества «престижных» элементов предметного комплекса, способствовало развитию представлений по многим аспектам социальной истории кочевников. Гораздо меньший объем сведений накоплен в области исследования захоронений представителей высших слоев обществ средневековых кочевников обозначенного региона. В настоящей работе представлен опыт интерпретации материалов раскопок «элитных» погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии (2-я половина V – XI в. н.э.). Некоторые результаты исследований в этом направлении уже отражены в ряде публикаций (Серегин Н.Н., 2013а, с. 119–126; 2013б, с. 71–83). Далее они приведены в дополненном и переработанном виде.

Существование высших слоев общества традиционно наиболее подробно представлено в письменных источниках. Такая ситуация характерна не только для объединений кочевников различных исторических периодов (Селезнев Ю.В., 2009, с. 7), но и в целом является вполне закономерной. В рунических текстах и китайских династийных хрониках имеется значительное количество информации о структуре элиты раннесредневековых тюрок, специфике титулатуры, организации управления. Однако эти данные отражают, главным образом, историю центра империй кочевников. Политические и социальные процессы, происходившие на периферии объединений раннесредневековых тюрок, в том числе в Алтае-Саянском регионе, наиболее полно исследованном в археологическом плане, освещены в письменных источниках I тыс. н.э. весьма фрагментарно. Кроме того, в имеющихся документах охарактеризован лишь период гегемонии тюрок в степях Центральной Азии, в то время как дальнейшая история кочевников данной общности в составе каганатов уйгуров и кыргызов практически не представлена. В связи с этим основным источником для реконструкции социальной структуры и организации раннесредневековых тюрок, а также рассмотрения специфики существования элиты кочевников являются погребальные комплексы. Основная масса захоронений раннесредневековых тюрок исследована в Алтае-Саянском регионе (Серегин Н.Н., 2013а, с. 186–204). Кроме того, для получения дополнительных сведений и уточнения отдельных аспектов социальной истории кочевников, могут привлекаться результаты раскопок на сопредельных территориях – в Монголии, Казахстане, Кыргызстане.

Отечественными археологами в разные годы были сделаны важные наблюдения в рамках социальной интерпретации материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии, в том числе при определении показателей «элитных» памятников. Од-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Центральная Азия в эпоху раннего средневековья: комплексная реконструкция этнокультурной и социально-политической истории», МК-2490.2014.6).

ним из первых специалистов, осуществивших попытку реконструкции структуры тюркского общества на основе изучения захоронений, стал С.В. Киселев (1951, с. 530–544). Материалы, использованные исследователем, были весьма немногочисленны, однако ограниченность источниковой базы не помешала ему сделать ряд достаточно обоснованных заключений. Известные археологу погребения раннесредневековых тюрков, главным образом из собственных раскопок, он разделил на три группы и скоррелировал с основными слоями социума кочевников (Киселев С.В., 1951, с. 530–544). К третьей группе объектов С.В. Киселев отнес наиболее «богатые» курганы. «Элитные» погребения, по мнению исследователя, отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории вещей (Киселев С.В., 1951, с. 535). С.В. Киселев (1951, с. 544) предположил, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати».

В последующие годы при интерпретации захоронений раннесредневековых тюрков, раскопанных, главным образом, на Алтае и в Туве, археологами был сделан ряд наблюдений о социальной дифференциации общества раннесредневековых тюрков, получивших отражение в материалах погребальных комплексов (Грач А.Д., 1958, с. 34; Гаврилова А.А., 1965, с. 39; Трифонов Ю.И., 1971, с. 122; 1975, с. 193; Длужневская Г.В., 1976; Овчинникова Б.Б., 1984, с. 220–221). Важным результатом стало обозначение социально значимых предметов сопроводительного инвентаря (Кызласов Л.Р., 1951; Добжанский В.Н., 1990, с. 73–80; Горбунова Т.Г., 2004, с. 18). В.В. Горбунов (2007) на основе анализа комплекса вооружения из погребений раннесредневековых тюрков Алтая выделил группы захоронений и соотнес их с конкретными уровнями военной иерархии кочевников. Накопленные сведения позволили поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003), хотя подробной характеристики отличительных показателей таких памятников, а также их интерпретации представлено не было.

Опыт работ отечественных исследователей, а также новые результаты анализа захоронений кочевников второй половины I тыс. н.э., полученные в последние годы, позволяют рассматривать вопросы, связанные как с реконструкцией социальной структуры раннесредневековых тюрков Центральной Азии, так и с выделением и интерпретацией «элитных» погребальных комплексов кочевников на качественно новом уровне.

Объективность результатов, получаемых в ходе работы, в значительной степени зависит от корректности выбранной методики исследования. При разработке программы социальной интерпретации материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрков учитывался ряд моментов. Принимались во внимание как многочисленные теоретические разработки в области анализа захоронений для определения отдельных характеристик общества (Массон В.М., 1976; Алекшин В.А., 1981; Добролюбский А.О., 1982; Генинг В.Ф., Бунятян Е.П. и др., 1990; Ольховский В.С., 1995; Васютин С.А., 1998; Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2010а, 2012б, 2014а; и мн. др.), так и обширный практический опыт в этом направлении (Матвеева Н.П., 2000; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004; Кондрашов А.В., 2004; Матренин С.С., 2005; и мн. др.).

Важным фактором при определении программы исследования стали выявленные особенности источниковой базы. Ряд обстоятельств (ограбленность объектов, редкость антропологических определений, неравномерность распределения числа исследованных захоронений в рамках различных хронологических этапов и др.) определил ограниченность количества памятников, используемых в ходе анализа. Основой для изучения различных аспектов социальной структуры и организации раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона стали 204 погребения, исследованные на территории Алтая (95 объектов), Тувы (48 объектов) и Минусинской котловины (61 объект)¹. Основным фактором в ходе отбора памятников из общего количества исследованных на сегодняшний день могил (более 300) стала возможность определения пола умершего, что является необхо-

¹ Отдельно рассматривались результаты раскопок «элитных» погребальных комплексов раннего средневековья на территории Монголии.

димым условием для полноценной социальной интерпретации погребений. К сожалению, количество антропологических определений материалов захоронений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, несмотря на наличие специальных работ (Алексеев В.П., 1960; Богданова В.И., 1980; Поздняков Д.В., 2006), весьма незначительно. В связи с этим формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе осуществлялось изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов были выделены погребения, материалы которых содержат устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. Следует отметить, что учитывались только не ограбленные захоронения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранились характеристики, необходимые для полноценного анализа. В итоге учтены 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских погребений и 31 детское.

Комплексная социальная интерпретация материалов раскопок погребальных комплексов предполагала последовательную реализацию трех основных этапов исследования. *Первый этап* работы по реконструкции социальной структуры и организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона заключался в рассмотрении горизонтальной стратификации общества кочевников, нашедшей отражение в половозрастной дифференциации погребальной обрядности. Выделение признаков, вариабельность которых связана с полом и возрастом погребенных, позволило перейти к обозначению социально обусловленных элементов обряда. Данная работа проводилась на *втором этапе* исследования. Наконец, *третий этап* заключался в интерпретации полученных результатов. Моделирование социальной структуры и организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона предполагало выделение социально-типологических групп в рамках рассматриваемой совокупности погребений и их характеристику. Не останавливаясь на описании всех результатов исследования, подробно представленных ранее (Серегин Н.Н., 2013а), сконцентрируем внимание на выводах, связанных с определением отличительных признаков «элитных» погребальных комплексов и интерпретацией зафиксированных показателей.

9.2. «Элитные» погребальные комплексы Алтае-Саянского региона

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, является значительная степень нивелировки обряда. Это проявилось не в унификации и стандартизации сооружений, ритуала и предметного комплекса, которые были достаточно вариабельными (Серегин Н.Н., 2009, 2010; и др.), а в стирании резких границ между погребениями по признакам, которые традиционно рассматриваются как социально значимые. Так, выдающиеся параметры каменной насыпи и внутримогильных конструкций, являющиеся одним из ключевых показателей «царских» курганов раннего железного века, не характерны для «элитных» комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Анализ размеров погребальных сооружений населения тюркской культуры показал, что их вариабельность определялась, главным образом, причинами, не связанными с прижизненным социальным статусом умершего. Некоторое значение имела специфика природно-климатических условий конкретных районов, а также сезон совершения погребения. К примеру, создание необходимой по размерам могильной ямы могло быть затруднено каменистой почвой, тем, что земля была промерзшей и др. Другим фактором была замкнутость отдельных локальных групп кочевников, различная родовая принадлежность кочевников. Определенное значение могла иметь датировка памятников, что отражает существование различных традиций в конкретные хронологические периоды. Так, насыпи курганов раннего кызыл-ташского этапа тюркской культуры нередко представляют небольшую однослойную наброску, подобную надмогильным сооружениям, исследованным на известном некрополе Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965). Достаточно четко фиксируются меньшие

размеры значительного количества курганов раннесредневековых тюрков Минусинской котловины, по сравнению с объектами Алтая и Тувы. Таким образом, параметры наземных и внутримогильных сооружений являлись второстепенным показателем при выделении «элитных» погребений. Такие объекты, хоть и отличались от основной массы памятников, особенно в рамках отдельных некрополей, но отклонения были незначительными.

Другим показателем, выделяющим захоронения представителей высших слоев общества раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона, было количество лошадей, сопровождавших умершего. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде населения тюркской культуры продемонстрировал, что наличие одного животного было непрямым атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариативность количества коней определялась имущественным статусом кочевника. В немногочисленных «элитных» погребениях тюркской культуры Алтае-Саянского региона находилось три или четыре лошади. С другой стороны, в некоторых захоронениях, которые по ряду других признаков могут быть связаны с представителями высших слоев общества, находилось один или два коня, что характерно и для «рядовых» могил. Поэтому обозначенный компонент обряда также не может рассматриваться как абсолютный показатель «элитных» объектов.

Комплексное изучение материалов раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона позволяет утверждать, что основным критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного рядом с умершим. Корректное определение социальной значимости конкретных групп предметов не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов. Основными являются следующие факторы: 1) материальная ценность предметов; 2) символическая значимость вещей; 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок; 4) общие тенденции развития кочевых обществ Центрально-Азиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

Обоснованным является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований (Васютин С.А., 1998, с. 18; Кондрашов А.В., 2004, с. 20; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), позволяет не только корректно обозначить значимость рассматриваемых предметов, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов. «Комплекс власти» в обществе кочевников тюркской культуры был представлен, главным образом, предметами вооружения (меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех), а также, в меньшей степени, плетями, стеками и котлами (рис. 1). «Комплекс богатства» включал предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду (рис. 2).

В результате проведенного многоступенчатого анализа материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона, предполагавшего последовательную корреляцию всех показателей обряда, но главным образом тех, которые были определены как социально значимые, были выделены социально-типологические модели. Каждая из них отличается определенным набором маркирующих ее признаков. Для объектов, объединенных в рамках отдельных социально-типологических групп, отмечена высокая степень унификации показателей, характерных для каждой из моделей. Вариативность признаков в целом незначительна. Выделено девять мужских, четыре женских и три детских социально-типологических модели (Сергеев Н.Н., 2013а, с. 99–105). Часть из них демонстрирует признаки, характерные для «элитных» погребений.

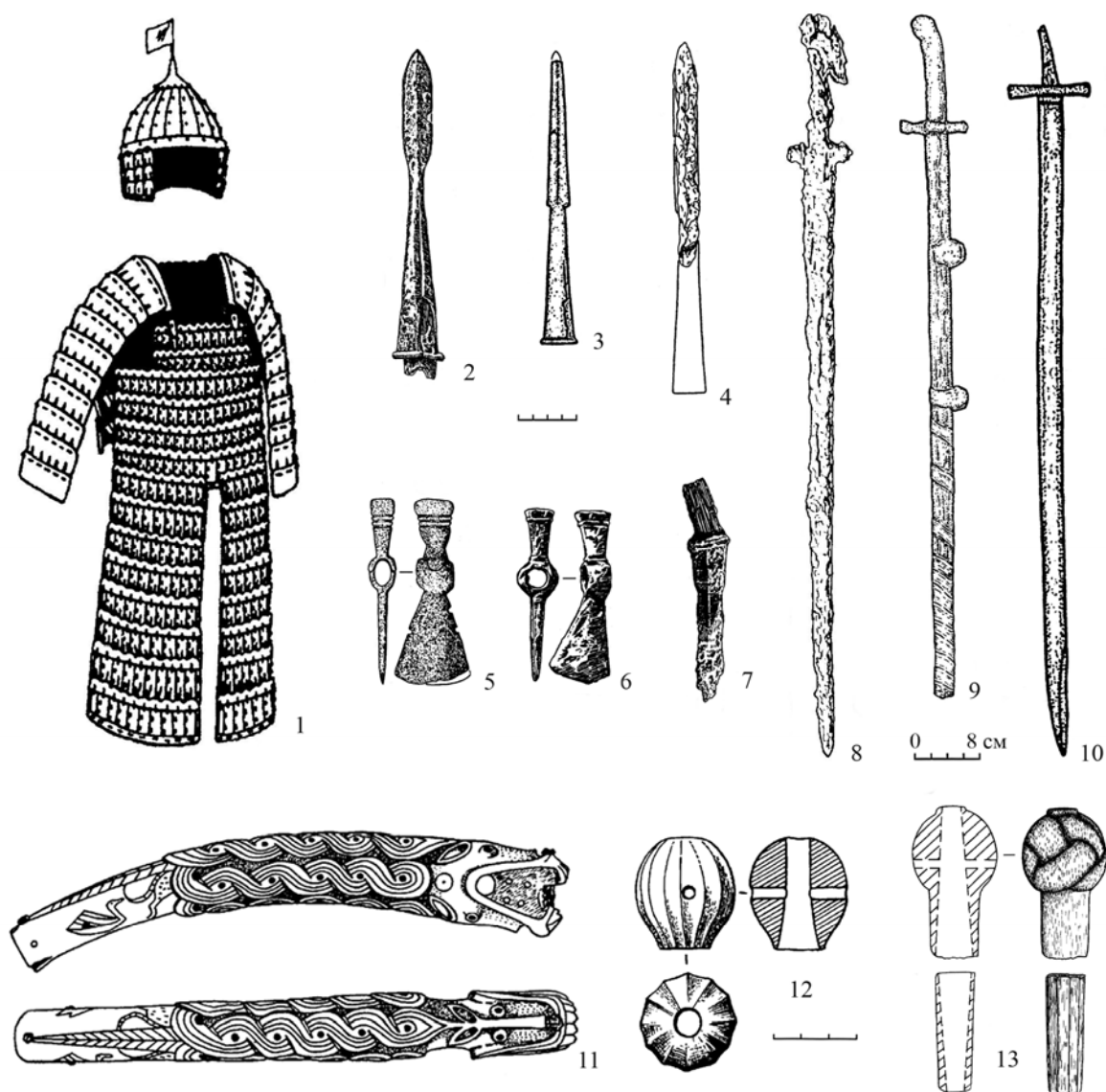

Рис. 1. «Комплекс власти» в погребальных памятниках раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона (по: Кызласов Л.Р., 1951; Гаврилова А.А., 1965; Овчинникова Б.Б., 1982; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996; Могильников В.А., 1997; Горбунов В.В., 2003, 2006; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; Худяков Ю.С., 2004; Кубарев Г.В., 2005)

Наиболее полная картина дифференциации общества раннесредневековых кочевников получила отражение в материалах мужских захоронений. Из девяти выделенных социально-типологических моделей с погребениями элиты различного уровня могут быть связаны первые три. Представим краткую характеристику отнесенных к ним объектов.

I. Основным показателем погребений, объединенных в рамках первой модели, является максимальный по количеству и разнообразию состав сопроводительного инвентаря. Во всех могилах присутствовали наборный пояс, дополнительные аксессуары костюма и украшения конской амуниции, изготовленные с использованием драгоценных металлов, а также серебряные сосуды. Кроме того, зафиксированы серьги, фрагменты шелка, плетель или стек и железный котел. Вариации наблюдаются в составе предметов вооружения; объяснение им приведено далее. Погребенного сопровождали две, три или четыре лошади, что является максимальным количеством животных, обнаруженных в памятниках тюркской культуры. Показательны также выдающиеся параметры курганных насыпей и могильных ям.

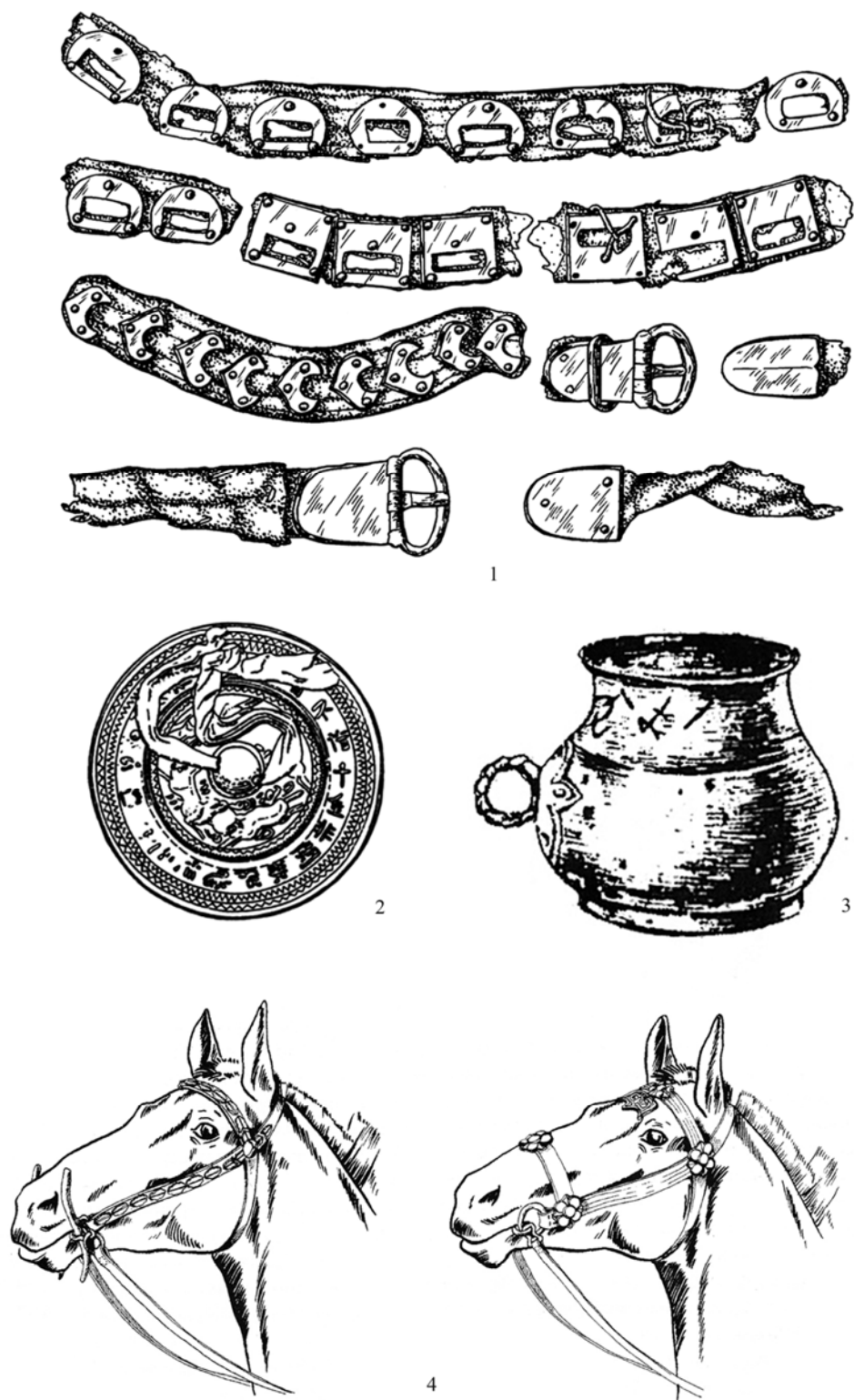

Рис. 2. «Комплекс богатства» в погребальных памятниках раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона (по: Kenk R., 1982; Овчинникова Б.Б., 1990; Кубарев Г.В., 2005)

Всего к первой модели отнесены три объекта: Балык-Соок-I (курган №11) (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003); Курай-IV (курган №1); Туекта (курган №3) (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941), что составляет 2,25% от всех рассмотренных мужских погребений. Кроме того, к данной группе представляется возможным причислить некоторые ограбленные памятники, не включенные в число анализируемых объектов, однако учитываемые при определении общих тенденций социальной

истории тюрок Алтае-Саянского региона. В частности, к первой модели могут быть отнесены курган №21 комплекса Маркелов Мыс-I (Тетерин Ю.В., 1999) и курган №34 некрополя Маркелов Мыс-II (Митько О.А., 1992), исследованные в Минусинской котловине. Обозначенные объекты выделяются монументальностью наземных сооружений, особенностями планиграфического расположения на могильном поле, а также присутствием в составе сопроводительного инвентаря предметов торевтики, изготовленных с использованием драгоценных металлов. По ряду подобных признаков к первой модели, судя по всему, относится и ограбленное погребение кургана №3 могильника Курай-IV, раскопанное на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113).

II. В ходе исследования погребений, отнесенных ко второй модели, зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие, топор, защитный доспех) с предметами торевтики, изготовленными в большинстве случаев с использованием драгоценных металлов. Почти во всех могилах этой группы отмечены фрагменты шелка. Более редкими являлись находки стеков (два случая), а также металлического сосуда и железного котла, встреченных по одному разу. В целом качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря рассматриваемых объектов уступает вещевому комплексу, обнаруженному в памятниках, отнесенных к первой модели. Кроме того, в могилах второй группы чаще всего присутствовала одна лошадь, и только дважды исследованы погребения с двумя захороненными животными. По размерам наземных и подкурганных конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Ко второй социально-типологической модели отнесено семь (5,25%) погребений: Джолин-I (курган №9) (Кубарев В.Д., 1992); Кара-Коба-I (курган №85) (Могильников В.А., 1997); Кудыргэ (курган №9) (Гаврилова А.А., 1965); Узунтал-I (курган №2, погребение 1) (Савинов Д.Г., 1987); Узунтал-V (курган №2) (Савинов Д.Г., 1982); Аймырлыг-V-1 (Овчинникова Б.Б., 1982); Мойгун-Тайга-58-IV (Грач А.Д., 1960б). Отметим, что наряду со «стандартными» захоронениями в данную группу включены два кенотафа.

III. Для погребений третьей модели характерен минимальный набор вооружения (лук и стрелы, или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя) и в то же время весьма показательный состав предметов торевтики. Во всех объектах зафиксирован наборный пояс и/или украшения конского снаряжения, а также дополнительные аксессуары костюма, изготовленные с использованием драгоценных металлов. При исследовании всех могил встречены фрагменты шелка. В одном из мужских погребений отмечено присутствие металлического китайского зеркала в сочетании с железным котлом. Умерших сопровождало чаще всего одно животное; в трех случаях в могиле находились две лошади. К третьей социально-типологической модели отнесено восемь (6%) погребений, в том числе один кенотаф: Ак-Кообы; Барбургазы-II (курган №9); Юстыд-I (курган №8); Юстыд-XII (курган №29); Юстыд-XXIV (курган №13) (Кубарев Г.В., 2005); Бай-Тайга-59-1 (Грач А.Д., 1966); Мойгун-Тайга-57-XXVI (Грач А.Д., 1960а); Мойгун-Тайга-58-V (Грач А.Д., 1960б).

Рассмотренные социально-типологические группы включают 18 погребений, что составляет 13,5% от всех учтенных мужских захоронений. Вероятно, именно такой процент населения тюркской культуры Алтае-Саянского региона относился к элитным слоям общества кочевников. Осмысление результатов, полученных в ходе социальной интерпретации материалов раскопок археологических памятников, предполагает привлечение сведений из письменных источников. Наибольший интерес в данном случае представляет информация, в той или иной степени относящаяся к истории периферии кочевых империй раннесредневековых тюрок.

В китайских династийных хрониках аппарат управления тюркской империи представлен как достаточно сложная система. В частности, упоминаются 28 основных должностей чиновников, из которых пять были высшими (Кычанов Е.И., 1997, с. 102; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 184–185). На отдельных территориях державы кочевников находились наместники кагана, выполнявшие основные управленческие функции (Кычанов Е.И., 1997, с. 103–104). Согласно имеющимся сведениям, на завоеванных землях тюрки оставляли прежние формы самоуправления, устанавливая контроль лишь

над фискальной системой и военной организацией подвластного социума (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 191). По всей видимости, в этих областях оставалась местная знать, которая нередко стремилась для сохранения власти и поднятия престижа породниться с аристократией этноса-элиты (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 166). Главы крупных племен (в большинстве случаев телеских), подчиненных тюркам, получали титулы эльтебер и иркин (Бернштам А.Н., 1946, с. 144; Кычанов Е.И., 1997, с. 105; Горбунов В.В., 2007, с. 90). В целом представляется возможным говорить о существовании на подобных территориях так называемой двойной элиты (Тишкин А.А., 2005, с. 53–54).

В письменных источниках достаточно четко обозначен военно-административный характер управления в тюркских каганатах (Кычанов Е.И., 1997, с. 113). Согласно имеющимся сведениям, практически все высшие должностные лица были командующими военных подразделений различного уровня (Горбунов В.В., 2007, с. 86–88). На наш взгляд, данная ситуация не является объективной и соответствующей достаточно высокому уровню развития империй кочевников второй половины I тыс. н.э. В сложноорганизованных политических объединениях военная и управленческая власть, как известно, не могла быть сосредоточена в одних руках. Необходим был разветвленный аппарат, включавший и должности «чиновников», деятельность которых не была связана непосредственно с военным делом. Данный тезис находит подтверждение в результатах анализа погребальных комплексов мужского населения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона.

При выделении социально-типологических моделей погребений достаточно четко обозначилась не только имущественная дифференциация населения, но также различия в профессиональной деятельности умерших при жизни. Прежде всего, обратим внимание на памятники «высшей» элиты (группа I). Даже на материалах трех погребений, объединенных в рамках этой модели, фиксируется принадлежность умерших к двум основным «ветвям» элиты кочевников – военной и той, которую можно условно обозначить как управленческая или «чиновничья». Различное прижизненное положение людей отражено, главным образом, в соотношении предметов вооружения и «комплекса богатства». В погребениях кургана №1 могильника Курай-IV и кургана №3 некрополя Туэкта минимальное количество оружия сочеталось с исключительным по составу «комплексом богатства», а также присутствием ряда предметов, отражающих властные полномочия людей (котел, плеть и др.). Погребение, исследованное на памятнике Балык-Соок-I (курган №11), помимо схожего по характеру инвентаря, включало редкие предметы вооружения (копье, защитный доспех), что, вероятно, отражало принадлежность умершего к военной элите.

Отмеченные тенденции находят подтверждение и на большем материале. Выделены две группы погребений (модели III и IV), отличительным признаком которых является минимальный состав вооружения и весьма насыщенный набор предметов, включенных в «комплекс богатства». При этом достаточно четко фиксируются объекты (модель V), в ходе исследования которых обнаружен исключительный состав вооружения и ограниченное количество предметов торевтики и других изделий, отражающих материальный достаток. Весьма интересной является группа VI, объединяющая погребения, содержащие в составе сопроводительного инвентаря разнообразное оружие в сочетании с полным отсутствием предметов, включенных в «комплекс богатства» (Серегин Н.Н., 2013а, с. 101–102). Очевидно, что в данном случае представлены могилы профессиональных воинов, командующих подразделениями определенного уровня.

Вместе с тем выделена группа «элитных» погребений (модель II), объединяющих как исключительный по качеству и количеству состав оружия, так и достаточно насыщенный набор предметов, включенных в «комплекс богатства». По всей видимости, эти объекты принадлежали кочевникам, соединявшим в своих руках как военные, так и наиболее высокие управленческие функции.

Следует признать, что право на существование имеет и другая интерпретация зафиксированных отличий. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с отражением существования «двойной» элиты – феномена, который является достаточно распространенным в обществах кочевников, однако изучен еще недостаточно (Кондрашов А.В., 2004, с. 22; Тишкин А.А., 2005, с. 53–54; Дашковский П.К., 2015а, с. 162–164). «Богатые» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского

региона с минимальным набором вооружения могли принадлежать местной элите, которая не относила к правящему роду тюрок Ашина и выполняла определенные управленческие функции.

Выше уже отмечалось, что изучение особенностей существования элиты раннесредневековых кочевников по материалам археологических памятников имеет определенную специфику по сравнению с исследованиями, в которых рассмотрены комплексы высших слоев социума кочевников раннего железного века. Социальная дифференциация средневекового общества менее четко отражена в погребальной обрядности по сравнению с традициями, характерными для многих культур скифо-сакского и «гунно-сарматского» времени. В частности, «элитные» погребения уже не столь резко отличались от памятников, принадлежавших рядовым кочевникам. Проявляется это, главным образом, в снижении объема трудозатрат, уменьшении числа захороненных лошадей, почти полном отсутствии сопроводительных погребений зависимых людей, ограничении качественных и количественных показателей по отношению к помещаемым в погребение вещам.

Исследователи неоднократно отмечали обозначенную особенность и по-разному ее объясняли. В.М. Массон (1976, с. 175–176) предположил, что для погребальной обрядности развитых обществ характерен больший рационализм в использовании материальных ценностей, что привело к сокращению затрат и на сооружение «элитных» комплексов. С.С. Матренин и А.А. Тишкин (2005, с. 158) среди причин, обусловивших сокращение объема трудозатрат на осуществление процедуры захоронения населением булан-кобинской культуры «гунно-сарматского» времени, назвали изменение социально-экономической ситуации и религиозно-мифологической концепции, низкий уровень консолидации кочевников региона, а также их зависимость от кочевых империй Центральной Азии.

Соглашаясь со справедливостью замечаний указанных авторов, выскажем точку зрения, дополняющую их наблюдения. На наш взгляд, обозначенная ситуация в период раннего средневековья может быть связана с усложнением структуры общества кочевников, а также с усовершенствованием политической организации кочевников. На данном этапе развития общества скотоводов исчезает столь значительный разрыв между представителями элитных слоев различных уровней, появляется разветвленный аппарат управления, причем основные характеристики центральных органов власти воспроизводятся на местах. Закономерным процессом стало также увеличение численности людей, относящихся к привилегированным слоям общества кочевников, что привело в некоторых случаях к «перепроизводству политической элиты» (Васютин С.А., 2005б, с. 58). Поэтому произошла определенная нивелировка и в отражении прижизненного статуса кочевников в погребальной обрядности. Отметим, что уровень развития социальной организации общества тесно связан с повышением политической консолидации кочевников, которая проявляется в унификации типов сооружений, стандартизации ритуала и т.д. Именно такая ситуация зафиксирована при изучении погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона.

В то же время фигура верховного правителя по-прежнему оставалась сакральной и отделенной от простых смертных (Кляшторный С.Г., 2004). Поэтому, по всей видимости, погребения каганов (возможно, даже шире – представителей высших слоев элиты кочевых империй) до сих пор не известны исследователям. Исключение составляют мемориальные комплексы, исследованные в Монголии и встреченные на территории Алтае-Саянского региона крайне фрагментарно (Войтов В.Е., 1996, с. 12), а также раннесредневековые мавзолеи, раскопанные в последние годы в Центральной Монголии и рассмотренные далее. На наш взгляд, имеется несколько возможных объяснений такой ситуации: 1) локализация погребальных памятников элиты кочевников на территории, до сих пор не охваченной масштабными раскопками (Монголия); 2) отличие обряда захоронения у представителей высших слоев социума каганатов от других кочевников. В связи со вторым предположением не лишено смысла представляется точка зрения Л.Н. Гумилева (2002, с. 91–92) о том, что члены рода Ашина придерживались несколько иных религиозных представлений, нежели основная масса кочевников, а данное обстоятельство, несомненно, влияло и на обрядовую практику. Опыт исследования «элитных» погребальных комплексов Монголии, представленный далее,

позволяет говорить о несомненных перспективах, связанных с дальнейшим изучением не только «княжеских» мемориалов на этой территории, но и других групп объектов, датируемых в рамках второй половины I тыс. н.э.

Рассмотрение локализации памятников высших слоев общества раннесредневековых тюрков позволяет утверждать, что абсолютное большинство «элитных» погребений расположено на территории Алтая. Некоторые объекты обнаружены неподалеку от мест сосредоточения «царских» курганов скифо-сакского времени (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 8–15). Такая ситуация, безусловно, не случайна и требует отдельного рассмотрения. Отмеченную закономерность можно объяснить стремлением раннесредневековых кочевников продемонстрировать свое привилегированное положение связью с предками-представителями высших слоев общества прошлых эпох, подтвердить легитимность на конкретной территории и др. Тенденцией противоположного характера является сравнительная «бедность» большинства погребальных комплексов тюркской культуры, исследованных на территории Минусинской котловины. Судя по всему, данное обстоятельство объясняется кратковременностью привилегированного положения тюрков в этой части Алтае-Саянского региона и спецификой дальнейшей истории кочевников в данной области.

Итак, анализ и социальная интерпретация погребений раннесредневековых тюрков в сочетании с информацией письменных источников позволяют представить сложную структуру и организацию общества кочевников Алтае-Саянского региона. В частности, это утверждение иллюстрируется неоднородностью элитных слоев социума не только в имущественном, но также в профессиональном плане.

9.3. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Монголии

Основным источником для изучения элиты кочевников второй половины I тыс. н.э. традиционно считаются мемориальные «каганские» комплексы Монголии. Нет сомнений, что эти памятники дают возможность для исследования различных сторон существования высших слоев тюркского общества. Вместе с тем нельзя не отметить целый ряд моментов, ограничивающих информативность обозначенных объектов. Прежде всего, обратим внимание на то, что к настоящему времени полноценно раскопана лишь незначительная часть мемориальных комплексов, к тому же зачастую разрушенных (Войтов В.Е., 1996; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006). Представительные вещественные материалы, демонстрирующие «элитную» субкультуру раннесредневековых тюрков, получены только в ходе раскопок на комплексе Бильге-кагана (Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж., 2003; Баяр Д., 2004, с. 73–84). Кроме того, важно отметить, что большая часть рассматриваемых памятников относится к непродолжительному периоду существования Второго Тюркского каганата. Более ранние мемориалы весьма немногочисленны, и их выделение до сих пор является предметом для обсуждения.

В связи с этим отдельного рассмотрения требуют «элитные» погребальные комплексы раннего средневековья, раскопанные на территории Монголии. Эти объекты пока весьма немногочисленны, однако несколько лет назад специалисты не могли даже надеяться на получение столь информативных материалов, разнопланово демонстрирующих элитную субкультуру кочевников обозначенного периода. Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. – Шороон Дов (рис. 3) и Майхан-Уул (Шороон Бумбагар) (рис. 4). Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в археологии раннесредневековых тюрков, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем некоторые аспекты исследования данных объектов уже представлены в научной литературе (Данилов С.В., Очир А. и др., 2010; Алтынбеков К., 2011; Сарткожаулы К., 2011; Бураев А.И., 2012, 2013; Сарткожаулы К., Очир А. и др., 2012; Кызласов И.Л., 2012; Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х., 2013; Yatsenko S.A., 2014). Обратим внимание на основные черты «элитных» погребальных комплексов Монголии, позволяющие раскрыть некоторые сюжеты социально-политической истории кочевников.

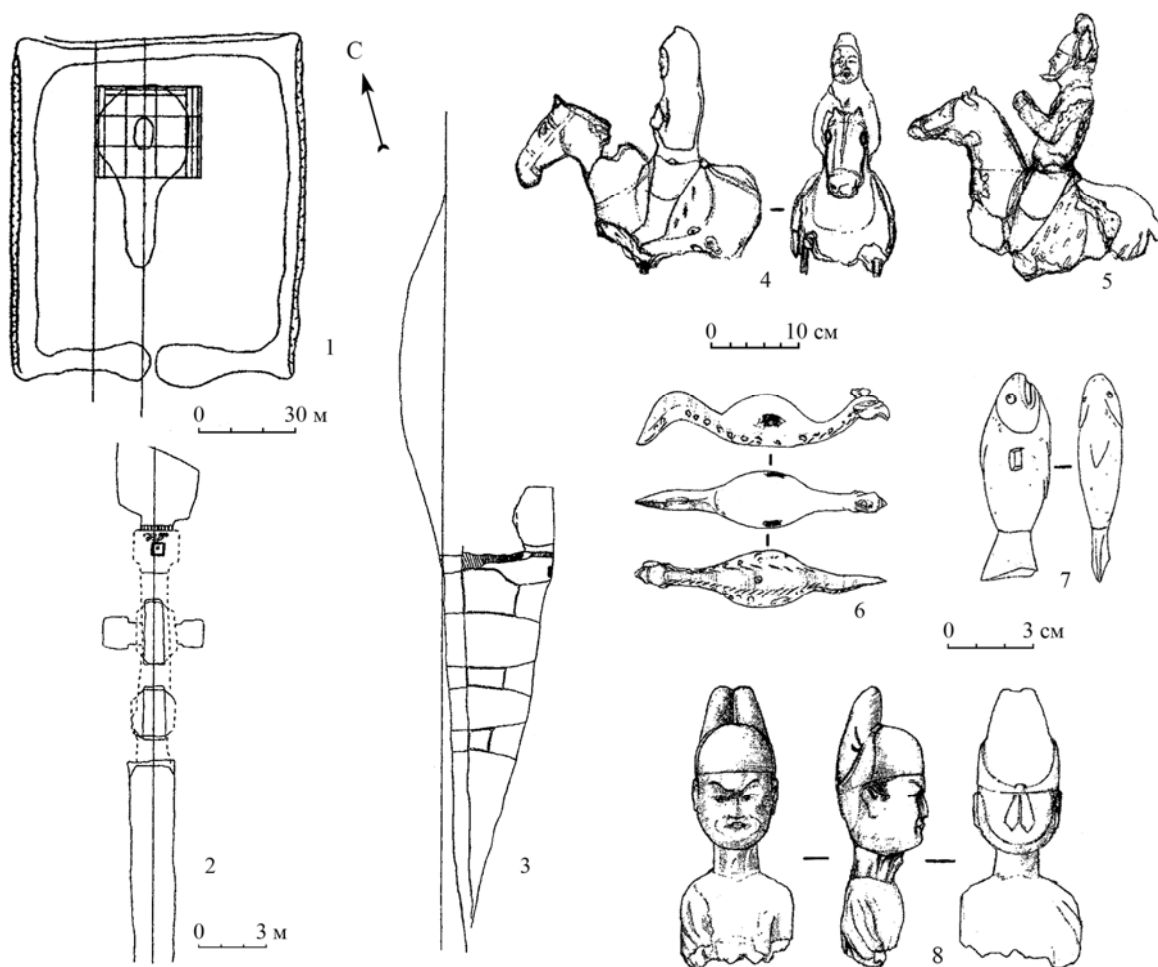

Рис. 3. Археологический комплекс Шороон Дов
(по: Данилов С.В., Очир А. и др., 2010, рис. 1)

Комплексы Шороон Дов и Майхан-Уул (Шороон Бумбагар), несмотря на определенную специфику каждого памятника, а также различную степень сохранности объектов, демонстрируют ряд схожих характеристик. Показательными конструктивными элементами сооружений являются крупная земляная насыпь (курган), длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный мавзолей, общая меридиональная ориентировка с входом на юге, а также боковые ниши, заложенные кирпичами или каменными плитами, в которых находились многочисленные деревянные и глиняные фигурки стоящих людей и всадников. Отличительной чертой комплекса Шороон Дов является каменная плита, на которой высечен текст эпитафии китайскими иероглифами. К сожалению, этот памятник оказался ограбленным. Вероятно, первоначально там находились и какие-то предметы, сходные с теми, что были обнаружены в ходе раскопок мавзолея Майхан-Уул.

Одним из наиболее важных показателей, зафиксированных при исследовании комплекса Майхан-Уул, являются останки кремации человека, уложенные в деревянном гробу, первоначально, вероятно, помещенные в шелковый мешочек (Сарткожаулы К., Очир А. и др., 2012, с. 86). Данная находка может стать объяснением информации письменных источников об обряде сожжения у раннесредневековых тюрков. Очевидно, эти сведения связаны с характеристикой погребальных традиций элиты кочевников рассматриваемой общности. В таком случае противоречие между письменными источниками и археологическими материалами, породившее известную дискуссию об обряде захоронения раннесредневековых тюрков (см. обзор: Трифонов Ю.И., 1973), может быть снято. Кроме того, у исследователей появляется реальное подтверждение отличия погребальной практики элиты кочевников от рядовых кочевников.

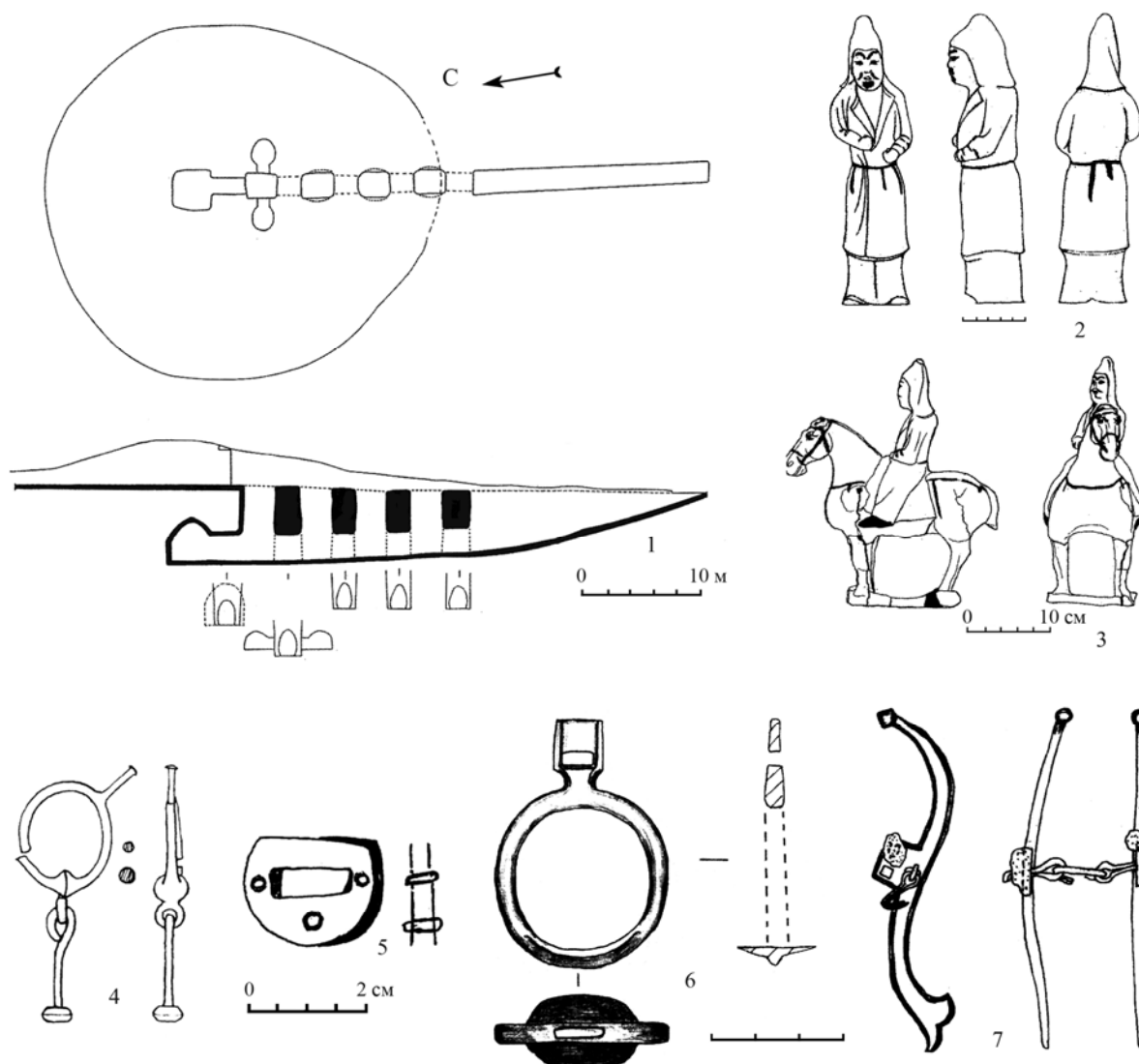

Рис. 4. Археологический комплекс Майхан-Уул (Шороон Бумбагар) (по: Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х., 2013, зургаг 15; тал. 60, 132, 173, 209, 213–214)

Интерпретация материалов раскопок «элитных» погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии в значительной степени связана с определением датировки этих объектов. Большое значение имело прочтение двух китайских надписей, зафиксированных на плите из памятника Шороон Дов. Согласно предварительному переводу, представленному авторами публикации, мавзолей был создан для природного тюрка И Яюэ родом с гор Цзиньшань (Алтай), служащему Танскому императорскому двору и умершему в 677 г. (Данилов С.В., Очир А. и др., 2010, с. 256). В ходе исследования комплекса Майхан-Уул китайские надписи не зафиксированы, однако значительные возможности для установления датировки памятника дает многочисленный инвентарь. Особую группу находок представляют монеты и подражания им, насчитывающие 45 экземпляров и относящиеся, по замечанию авторов раскопок, к нескольким группам (Сарткожаулы К., Очир А. и др., 2012, с. 86). По предварительному заключению специалиста в области нумизматики Е.Ю. Гончарова, приведенному в статье С.А. Яценко, наиболее четко определимые брактеаты византийских монет демонстрируют экземпляры, выпуск которых осуществлялся в последней четверти VI – первой четверти VII в. (Yatsenko S.A., 2014, p. 4).

Можно понять стремление казахстанских исследователей, принимавших активное участие в изучении памятника Майхан-Уул, подчеркнуть тюркскую принадлежность мавзолея и найти черты, подтверждающие минимальное влияние извне на культуру кочевников (Сарткожаулы К., 2011, с. 285–287). Однако для такой позиции нет объективных оснований. Скорее, наоборот – материалы раскопок рассмотренных комплексов демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на тюрков Монголии. Обозначенные выше конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Майхан-Уул (Очир А., Данилов С.В., Эр-дэнэболд Л., Цэрэндорж Ц., 2013, зураг 58) (рис. 2.-4–7).

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии второй половины VII в. в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках. После крушения Восточнотюркского каганата в 630 г. тюрки вплоть до 679 г. находились в зависимости от Китая. Исследователи по-разному оценивают статус кочевников в это время (Бернштам А.Н., 1946, с. 10; Кычанов Е.И., 2010, с. 140–141; Ганиев Р.Т., 2011; и др.). Вместе с тем очевидно, что изменения социально-политической организации номадов, происходившие в 630–679 гг., связаны с процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи. Из династических хроник известно, что, согласно решению императора, тюрков было решено использовать для охраны границ, а также в ходе дальних военных походов (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 256–258). Эти сведения находят подтверждение в рунических текстах, созданных уже в период существования Второго Восточнотюркского каганата. В них сообщается, что номады «...стали рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством», «...пятьдесят лет служили табгачскому правителю и отдавали свои духовные и физические силы» (Малов С.Е., 1951, с. 37; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 39–40). Включение кочевников в военно-административную систему Китая сопровождалось созданием двух наместничеств, находившихся под управлением китайских чиновников (Кляшторный С.Г., 1964, с. 22–23; Гумилев Л.Н., 2002, с. 230). При этом сохранялось значение и высокое положение представителей прежней элиты кочевников, получивших соответствующие должности (Кычанов Е.И., 2010, с. 115).

Таким образом, материалы раскопок «элитных» погребальных комплексов, судя по имеющимся к настоящему времени сведениям, демонстрируют особенности существования высших слоев общества в период зависимости тюрков от Китая. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня политической иерархии в тех областях, которые были населены кочевниками, но находились под управлением императоров Поднебесной империи. При этом важно отметить, что материалы раскопок обозначенных памятников отражают традиции тюркской элиты также и предшествующего времени, ранее не фиксируемые археологически.

Судя по устной информации, полученной от монгольских коллег, а также учитывая сведения, приведенные авторами раскопок мавзолея Майхан-Уул (Сарткожаулы К., Очир А. и др., 2012, с. 80), подобные памятники не являются единичными. Дальнейшие исследования «элитных» погребальных комплексов на территории Монголии будут иметь огромное значение для расширения представлений об особенностях традиций высших слоев тюркского общества. Кроме того, нет сомнений, что продолжение изучения уже полученных материалов позволит детализировать и скорректировать сделанные выводы.

Глава X

КОЧЕВАЯ ЭЛИТА СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ, VI–IX вв.: ВЗГЛЯД НА ДРУГИХ

10.1. Другой – «укрытый за стеной», или о роли устойчивого *топоса* «граница»

Наверное, один из самых интригующих вопросов в истории степной Евразии можно сформулировать следующим образом: какова причина, побуждающая кочевников к массовым переселениям и походам против оседлых земледельческих цивилизаций к югу от них? По этому поводу было высказано множество разнообразных мнений (Khazanov A., 1994, p. 37–39, *passim*; обобщение см.: Крадин Н.Н., 2001a, с. 23), которых можно обобщить следующим образом: 1) разнообразные глобальные климатические изменения (А. Тойнби, Г. Грумм-Гржимайло, Л.Н. Гумилёв); 2) воинственная и склонная к грабежам природа кочевников; 3) перенаселенность степей; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих цивилизаций вследствие феодальной раздробленности (разные концепции, поддерживающие марксистскую модель); 5) необходимость дополнять экстенсивную скотоводческую экономику путем набегов на более стабильные оседлые земледельческие цивилизации; 6) нежелание со стороны оседлых обществ торговать с кочевниками (излишки скотоводства негде было продавать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы («пассионарность», по Л.Н. Гумилёву).

Многие из этих факторов содержат серьезный рациональный момент. Однако вряд ли какой-нибудь из них в отдельности способен объяснить все конкретные казусы так, чтобы можно было свести всю историю передвижений кочевников к одному общему знаменателю. Это противоречило бы и специфике того, что мы обычно именуем «историческим развитием» или, говоря проще, «историей». Выражаясь максимально беспристрастно, общий знаменатель может быть сведен единственно к существованию интереса у кочевников к оседлым цивилизациям. Стабильность степных обществ напрямую зависела от умений их аристократических элит организовывать производство и получение шелка, продуктов земледелия, некоторых ремесленных изделий, а также разнообразных драгоценностей (золота, серебра, украшений и пр.) из оседлых обществ, так как в степи эту продукцию было или невозможно произвести, или же ее количество было крайне недостаточным. Только таким образом можно было поддерживать существование «степной империи» в течение более длительного периода времени. Альтернативой являлось экстенсивное скотоводческое хозяйство, но его ресурсов не хватало, чтобы создать и поддерживать «степную империю» (Khazanov A., 1994, *passim*; Крадин Н.Н., 2001a, с. 24). Так что элиты степной Евразии могли отправить свой взор прежде всего на юг, к оседлым цивилизациям. Они же в свою очередь всячески старались *разграничить*-ся от мира к северу от них. На следующих страницах я постараюсь изложить некоторые толкования *Другого* среди кочевых и полукочевых обществ степной Евразии в раннем Средневековье, уделяя особое внимание интерпретации баз данных прежде всего о Центральной Азии, и в частности о тюрках и уйгурах*.

Реальность раз-*граничения* оседлых народов от кочевников также подтверждается строительством первыми специальных стен и укрепительных линий. Таким образом, противопоставление *своей–чужой* напрямую соотносится с оппозицией *внутренний–внешний* по отношению к местоположению относительно стен и укреплений вдоль границ. Конечно же, эти стены и укрепления не являются основанием для создания некой «номадской идентичности» среди кочевников, но все же они – ясный знак о нежелании (или, по крайней мере, о сведении к минимуму) частых контактов между двумя мирами. Все эти искусственные барьеры (стены, валы и пр.) маркируют границу между *своим* и *чужим* или между освещенным/сакральным *нашим* и десакрализованной *другой/чужой* землей. Изъятие или отрицание священности для пространства *другого* в досовременную эпоху стремится к возвышению *своего* и придания дополнительной ценности *нашему*. Похо-

* Для более обширного и панорамного анализа, включающего данные и толкования, охватывающие Дунайскую Болгарию и Хазарию, см.: Степанов Ц., 2005; Stepanov Ts., 2010.

жие лимесы строили еще китайцы против гуннов во время династии Хань (начиная с III в. н.э.), но особо активными на этом поприще в V–VI вв. были ромеи (так называемая Стена Анастасия перед Константинополем и три оборонительные линии вдоль Дунайского лимеса со времен Юстиниана I Великого), а также Сасаниды (укрепления в Дербенте и Кавказе, а также в Мерве (Плетнева С.А., 1976, с. 17–18; Christian D., 1998, p. 253)). В VIII в. арабы построили длинные стены около оазисных центров в Мавераннахре (так арабы именовали землю между реками Амударья и Сырдарья) в Средней Азии (Khazanov A., 1994, p. 222 f.).

Китайская стена, например, начинается в Маньчжурии, т.е. напротив восточных Ху (варваров), и дальше тянется на запад, вплоть до Дуньхуана, напротив северных Ху, т.е. гуннов. К югу от нее находилась цивилизация, которая воспринималась как оседлый образ жизни в городах; севернее же царил хаос, беспорядок, ужасный холодный климат и непригодная для обработки земля; по крайней мере, так всё выглядело в глазах китайцев, или, точнее, так оно укоренилось в их сознании (см.: Barfield Th., 1989; Waldron A., 1990).

Византийцы, как последователи римских традиций разграничения цивилизации и «римского порядка» от «варваров» к северу (сарматов, германов и др.), и на фоне учащения гуннских, болгарских, славянских, аварских и т.п. нашествий на земли Юго-Восточной Европы в V–VI вв., в начале шестого столетия построили «Длинную стену». Стена появилась при императоре Анастасии (491–518 гг.), который с ее помощью хотел защитить Константинополь. Немного позже, во время правления императора Юстиниана I Великого (527–565 гг.), началась реализация грандиозной строительной программы, с целью укрепить балканские земли Византии от северных «варваров» (прежде всего славян и болгар). Были построены три линии обороны, включающие и систему крепостей вдоль Дунайского лимеса, которые были описаны Прокопием Кесарийским (VI в.) в его известном сочинении «О постройках» (Procopius, 1958, с. 154–178). Укрепления не смогли остановить нашествий и предотвратить грабежи, но всё же они указывали (вместе с природной границей, рекой Дунай), откуда начиналась цивилизация, понимаемая как христианская ойкумена.

В мятежном VI в., и снова против «северных варваров» (гуннов-савилов, берсилов, хазар, аланов и др.), но на этот раз в другом невральгическом пункте и другим представителем старой оседлой цивилизации – Сасанидским Ираном, было воздвигнуто несколько укреплений на Кавказе. Шах Кавад (488–531 гг.) построил глинобитную стену между Ширваном и Дарьялом с множеством крепостей по всему ее протяжению (Ибн Хордадбех, 1986, с. 109). Чуть позже, в том же веке, его сын Хосрой I Ануширван (531–579 гг.) воздвиг – уже из больших каменных квадров – известную Дербентскую стену, а также несколько крепостей (Ибн аль-Факих говорит о более 360, но их количество явно завышено); и снова «на мушке» оказались кочевые «гуннские» племена с севера, которые подрывали экономику и жизнь в пограничных территориях Сасанидов (Армении и Кавказской Албании). Сасаниды уделяли большое внимание этой пограничной области и не ослабляли наблюдение над ней, заселяя ее переселенцами из других частей своей обширной империи, чтобы превратить ее в надежный барьер и настоящий щит от разных врагов. Эта система обороны, наверное, была весьма впечатляющей, потому что арабская письменная традиция уделяет ей весьма серьезное внимание. Показательно и имя одной из расположенных там крепостей, которая впоследствии превратилась в один из ранних столичных центров Хазарского каганата – Семендер/Самандар. На персидском языке оно означает «крайние ворота» (Ибн Хордадбех, 1986, с. 109 и сн. 47; Плетнева С.А., 1976, с. 17–18, 29; Магомедов М.Г., 1994, с. 73; Кудрявцев А., 1993) и, очевидно, имплицитно включает в себя представления об одной особой семантической цепочке *дверь–ключ* (отсюда запирасть–отпирать, открывать–закрывать *другому*) – *свое* (оседлость, города и т.п.). Схожим образом, Дербент или защитная каменная стена, возведенная в восточной части Кавказа рядом с побережьем Каспийского моря для обороны подступов к северному Ирану, по-арабски именуется как «Дар алам», что означает «дверь мира/в мир» (Большаков О.Г., 1998, с. 174).

В середине и второй половине VI в. Семендер был конечной укрепленной северной точкой Сасанидских шахиншахов против «диких и воинственных кочевников» (Плетнева С.А., 1976, с. 29).

У них был и специальный укрепленный пояс вдоль северо-западной границы, в Бактрии, и точнее – в Мервском оазисе, который препятствовал проникновению гуннов-эфталитов в цивилизацию, а после их уничтожения в 50-х и 60-х гг. VI в. – и тюрков (после 569 г.) (Christian D., 1998, p. 253; Frye R., 1977). После краха Сасанидского Ирана Ибн Хордадбех также счел необходимым отметить, что Хосрой (*sic*), т.е. Сасаниды, после VI в. «закрыли свои границы с пяти сторон». Специально упомянуты преграды перед теми, кто шел «из страны тюрков», а также и преграды, задерживающие «нежданных гостей» «из страны хазар и аланов» (Ибн Хордадбех, 1986, с. 135). В этой же связи Р. Фрай использует выражение «психология стен» (*wall psychology*), чтобы отметить характерную черту мышления как оседлых элит в Центральной Азии, так и Сасанидов (Frye R., 1996, p. 227).

Т. Барфилд обращает внимание на одну важную закономерность, касающуюся региона степной Евразии, и прежде всего отношений Китая и северных «варваров». По его мнению, как только пограничная зона попадала под контроль сильных и централизованных империй, появлялась тенденция к строгой лимитации границы для ясного отделения/разграничения от кочевников. Она осуществлялась с помощью разных средств, включающих чаще всего построение стен, расположение вооруженных гарнизонов в специальных укреплениях, как и создание исключительно строгого режима для регулирования свободного доступа и передвижения северных «варваров». Именно такие ограничительные меры провоцировали «ответ» кочевников, которые со своей стороны были вынуждены объединяться и централизоваться, чтобы иметь шанс найти выгодное для них решение в сложившейся ситуации, в которой столкновение с потенциально враждебным и сильным оседлым миром было неизбежным. С помощью Китайской стены и торговыми регуляциями Поднебесная империя пыталась свести контакты с северными кочевниками до абсолютного минимума, но они отвечали на это насилием, поскольку для них единственно таким образом ситуация могла измениться к лучшему. Следовательно, практикуемое ими насилие основывалось на хладнокровно продуманной политико-экономической стратегии с тщательно обдуманными конечными целями, а не являлось чередой случайных набегов на китайские земли (Barfield Th., 1994, p. 165–166).

Конечно же, для кочевников, проживающих к северу от реальных стен, люди за этими стенами тоже являлись *другими*. Стены, однако, несомненно могли провоцировать и кое-что еще у «северных варваров» – их любопытство. Это относится особенно к VI столетию, когда «северные варвары», казалось, буквально повсеместно – от Монголии до Юго-Восточной Европы, сталкивались с «укрытыми за стенами» ромеями, иранцами, китайцами... Таким образом, началось истинное ознакомление с *другими*, а также постепенные попытки *при-свои-ть их* и некоторые из *их* культурных, социальных и других характеристик. Быстрее всего этот процесс развивался на территориях Западного Тюркского каганата, и в особенности в Семиречье, где *другость* согдийцев (восточных иранцев) довольно быстро была *у-свое-на* и растворилась в *своем*, т.е. тюркском. Этот процесс подлинного формирования контактной зоны (о контактной зоне см.: Арутюнова-Фиданян В., 1995, с. 42–61; 1998, с. 3–4; Некрасов А.М., 1995, с. 22–41; Восточная Европа..., 1999) и, как следствие, синкретичной культуры в значительной степени поддерживался и самими согдийцами. По мнению С.Г. Кляшторного, и в самом Семиречье, и в Восточном Туркестане в целом согдийские аристократы-дехканы охотно принимали тюркские имена и титулы, стремясь определить свое социальное положение как по отношению к местной аристократии, так и к относительно самым бедным слоям населения (Кляшторный С.Г., 1964; см. также: Krippes U., 1991, p. 67–80). Мы могли бы добавить к этому и кое-что еще – аристократы также стремились определиться в связи со своим целостным включением в структуры и культуру каганата. Таким образом, абсолютные границы *другости* (в ее значении как непонятной *чужести*) постепенно исчезают или, по крайней мере, размываются, поскольку доминирующие аспекты *другости* (этнолингвистический аспект – наш/другой язык; религиозный – свои/чужие религиозные системы, поведенческие стереотипы и этические нормы; бытовой – жизнь в городах/жизнь в степях и, соответственно, более высокий уровень технологий в городах/примитивный уровень технологий в степях) начинают менять свою непоколебимость (Gabain A., 1983, p. 613–624).

Еще один письменный источник – тюркские каменные стелы, тоже в состоянии подтвердить наличие устойчивого топоса «граница» в сознании тюркской аристократии, а также его значение для сохранения их собственной идентичности и, прежде всего, независимости. В надписи Кюльтегина специально подчеркнуто, что некоторые «не переступали границ», и указывается на опасность установления вблизи границы с Китаем, из-за чего центр Тюркского каганата рекомендуется расположить в священном пространстве Отюкена (см. надпись: Rybatzki V., 1997; Кляшторный С.Г., 1964). Проблема о реальных границах и реального (или символического) вторжения *другости* через них острее всего ощущается среди западных тюрков в Согдиане. Для западных тюрков этим *другим* первоначально являлись Сасаниды, а позже арабы, особенно после 704 г.

Ю.М. Лотман допускает, что в семиозисе и, в частности, при диалоге периферия, т.е. пограничные пространства, являются местом наиболее интенсивного обмена и наиболее быстрых изменений, вызывающих впоследствии серьезные трансформации ядра/центра (Лотман Ю.М., 1992, с. 21). В нашем случае эта концепция касается, прежде всего, западных тюрков и, в отдельных случаях, уйгуров (см. обращение в манихейство уйгурского кагана в 762/763 г. во время его пребывания в китайской столице) (Christian D., 1998, p. 267; Mackerras C., 1990, p. 329–330), а также и тюрков в эпоху отсутствия тюркского государства (с 30-х по 80-е гг. VII в.), когда большая часть их аристократии китаизировалась (Кляшторный С.Г., 1992, с. 330–334) вследствие заселения тюрков в Северном Китае и в Ордосе и получения ими китайских титулов, должностей и пр.

Особо показательна судьба тюрков, которые потеряли свою независимость и покорились Китаю. Принимая во внимание тюркский менталитет и стиль управления, основанный на харизматическом управлении, а не на принципе подданства (как это было в Китае), династия Тан (618–907 гг.) допустила различные тюркские племенные формации вдоль своих северных границ (причем к югу от Стены!). Они должны были служить буферной зоной против других северных «варваров»; эта система в какой-то мере напоминает византийскую федеративную концепцию со времен Великого переселения народов. Тюркские Орхонские надписи (Тоньюкука, Кюльтегина и Бильге-кагана) свидетельствуют о распространении китайских титулов и обычаев среди тюркской аристократии в результате этих перемен, которые однозначно воспринимались как пагубные для тюркской сущности (см.: Кляшторный С.Г., 1992, с. 330–334, *passim*; Стеблева И.В., 1976; Малов С.В., 1959; Rybatzki V., 1997). Вряд ли изменения в этих пограничных зонах были действительно существенными, так как проживающие там тюрки продолжали вести привычный образ жизни и управляли ими их же вожди (но подчиненные китайцам). Они также избегали городов, т.е. наиболее важных с символической и содержательной точки зрения *мест* китайской цивилизации. Следовательно, вопрос о реальной китаизации тюрков и их восприятие китайской *другости* в 30–80-е гг. VII в. до известной степени остается открытым (Попова И., 1999, 190–202). Однако жизнь в периферийной зоне этой старой оседлой цивилизации, несомненно, имеет свое значение для лучшего понимания китайской *другости* со стороны тюрков. Это заключение трудно подкрепить какими-то серьезными материальными (видимыми) доказательствами. Скорее, оно имплицитно содержится в некоторых пассажах вышеупомянутых Орхонских надписей, а также в «Тан-шу».

Ситуация с периферией–диалогом–*другостью*–границей выглядит намного яснее у уйгуров в 762/763 гг., когда каган Идигянь (Бёгю), во время своего трехмесячного пребывания в китайской столице Лоян, обратился в манихейство и сразу после этого объявил его государственной религией (Mackerras C., 1990, p. 329–330; Barfield Th., 1989, p. 159; Christian D., 1998, p. 267). Но он был привлечен к новой религии не китайцами, а согдийцами, которые проживали в столице Поднебесной империи. Этому факту будет уделено специальное внимание чуть позже. На данный момент достаточно отметить, что проникновение в столицу уйгуров Орду-балык *другости* манихейства действительно вызвало немало перемен среди аристократической элиты каганата (Barfield Th., 1989, p. 157–159).

Еще одна значимая контактная зона Европейского континента в раннем Средневековье, которая была связана с границами и возможностями создания синкретичной культуры и где было

возможно смягчение самых отрицательных представлений о *другом*, – это, несомненно, Крымский полуостров (см.: Баранов И., 1990; Некрасов А.М., 1995, с. 22–41; Noonan Th., 1998–1999, p. 207–230; Сорочан С., 2003, с. 21–46). Он, однако, находился под контролем западных тюркских каганов в течение слишком короткого времени (после 70-х гг. VI в.). После 70-х гг. VII в., за исключением Херсонеса и цепочки поселений и монастырей вдоль южного побережья полуострова, Крым находился под властью хазарского кагана вплоть до XI в. Полуостров являлся одним из мест «экспорта» византийского влияния в причерноморские степи и был чем-то вроде наблюдательного пункта для ромеев, откуда они могли следить за ситуацией и положением дел в степях. Очевидно, в те времена ромеи действительно воспринимали Таврику как ничье пространство (ср. с византийскими представлениями о Дунае как о северной/западной границе ойкумены, упорядоченного пространства согласно правилам византийского христианского и имперского порядка (Тыпкова-Заимова В., 1976, с. 14; Вачкова В., 2004, с. 135–150)).

Во времена расцвета кочевых конфедераций пограничные территории, как правило, оставались необитаемыми, и места для ознакомления с *другим* сводились преимущественно к торговым пунктам вдоль Великого шелкового пути (см.: Лубо-Лесниченко Е.И., 1994; Liu X., 1998; Barfield Th., 2001, p. 234–249; De la Vaissière É., 2002; p. 124–153, 183–191, *passim*; Плетнева С.А., 1996; Савченко Е.И., 1999, с. 125–141), и, прежде всего, к каганским ставкам/лагерям-столицам. Это относилось и к ромеям, и к персам и китайцам.

По отношению к границам, однако, существует одно многозначительное исключение, которое упоминалось и раньше, – это симбиоз, существующий между тюркскими и уйгурскими кочевниками, с одной стороны, и оседлыми согдийцами – с другой. В Восточном Туркестане и Семиречье в период с середины VI по IX в. реально не существовало пограничных барьеров, таких как валы, стены и т.п. Это является еще одним доказательством в пользу старой констатации, что в Средней Азии в эпоху раннего Средневековья не существовало острого конфликта между кочевниками и оседлыми обществами. Очевидно, *другость* согдийцев (которые, кроме всего прочего, говорили на восточноиранских диалектах) не воспринималась как абсолютная *другость* тюрками и уйгурами, которые сами говорили на некоем тюркском диалекте и жили по-*другому*. Поэтому, как и было упомянуто раньше, после середины VI в. согдийцы часто перенимали тюркские титулы, имена, одежду и обычаи, легко вписываясь в тюркскую военно-политическую систему, в то же время строя первые города каганатов и заселяя их (Minorsky V., 1978, p. 283 ff./Nr. 1/). Многие думают, что переворот Тун Бага таркана (впоследствии Алп Кутлуг, 779–789 гг.) был направлен прежде всего против согдов и, вообще, против представителей оседлых цивилизаций в рамках каганата, влияние которых не всегда воспринималось положительно представителями тюркоязычных аристократов (Golden P., 1992, p. 160; Mackerras C., 1972, p. 10, 88–89, 152; 1990, p. 335). И тюркские города, и города уйгуров были построены по образу согдийских, и подавляющее большинство из них, вероятно, были спроектированы и построены согдийскими мастерами. Они являлись одним из мест, где оседлая восточноиранская цивилизация «открылась» для кочевой *другости* и наоборот. По словам А. фон Габена, концепция о «городе» у центральноазиатских народов по своей сути является специфически иранской и представлена словом ‘kent/kand’ (Sogd. kndh), хотя и частично совпадает с оригинальным тюркским ‘baliq’ (Gabain A., 1983, p. 623; см. также: Mackerras C., 1990, p. 321). Это заключение служит еще одним подтверждением в пользу тюрко-согдийского симбиоза и принятия без особого смущения кочевниками согдийской *другости* (см.: Распопова В.И., 1970, с. 86–91; Khazanov A., 1994, p. 256 f.; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 92).

Но как тюрки, так и уйгуры также перенимали *чужие* согдийские титулы, символы и обычаи (Gabain A., 1983, p. 622–623; Лобачева Н.П., 1979, с. 24–25; Кызласов Л.Р., 2004, с. 4 и сн. 8) и, наверное, самое главное, – согдийскую письменность, на основе которой в первой половине VII в. они создали руническое письмо. Самые древние надписи тюрков (например, надпись из Бугута, ок. 582 г.) написаны на согдийском языке (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 121–146; Kljash-tornyĭ S., Livshic, V., 1972, p. 69–102; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 150–151), который

стал своего рода *lingua franca* (Frye R., Litvinsky B., 1996, p. 467; см. также: Róna-Tas A., 1987, p. 7–14) для этносов Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья и таким образом убрал еще один барьер перед общением с *другим* и его пониманием (Gabain A., 1983, p. 621).

Согдийцы изучали тюркский язык, а тюрки со своей стороны учили согдийские диалекты. Поэтому согдийцев не воспринимали как *враждебного другого*, а как учителей. С помощью своей письменности они способствовали не только улучшению взаимопонимания между кочевниками и оседлыми общностями, но и снижению уровня культурной гетерогенности в каганатах тюрков и уйгуров. Это было особо необходимо во время первого этапа создания тюркской государственности во второй половине VI в. Слова одного именитого китайца-военачальника второй половины этого же столетия весьма показательны в этом отношении. По его мнению, без согдийцев тюрки были обречены из-за своей большой простоты (в смысле бесхитростности) и неведения в государственных делах; «...к сожалению, – продолжает он, – среди них [тюрков] живет много ху (согдийцев)... они научают и направляют тюрков» (Lieu S., 1992, p. 228; Golden P., 1992, p. 134). Показателен также тот факт, что самые ранние миссии тюрков в Византию руководились согдийцами, которые были сильно заинтересованы в решении вопроса о торговле шелком (Menander, 1958, с. 221; подробнее см: De la Vaissière É., 2002, p. 230–233). С помощью могущественных тюркских каганов они стремились отвоевать себе роль посредников в этой торговле между Китаем и Византией – самым крупным производителем и самым серьезным потребителем шелка в эпоху раннего Средневековья. Тем не менее не будем забывать, что одним из самых устойчивых способов и механизмов для ознакомления с *другим* и взаимодействия с *другостью* вообще являлся как раз Великий шелковый путь, который разрушал все границы. По нему распространялись как товары, так и реальные и воображаемые (клишированные, порожденные старыми книгами) представления о *другом* (см.: Лубо-Лесниченко Е.И., 1994; Байпаков К., 1998; Liu X., 1998; специально об архаизации в Византийской империи, см.: Bartusis M., 1995, p. 271–278).

Здесь необходимо снова вернуться к письменности и ее роли для преодоления барьеров при ознакомлении с *другим*. Бурное развитие рунического письма в VII–IX вв. предоставило тюркам и уйгурам мощное средство для создания собственной идентичности с помощью письменной риторики и предоставленных для следующих поколений представлений о *своем* и *чужом*. Надписями на камне они также пытались предложить своего рода рационализацию или «приручение» *чужести* китайцев – слово на камне могло быть прочтенным и в то же время увиденным, а не только услышанным. Таким образом, его запоминание становилось легче и эффективнее (кроме искомого визуального эффекта от возвышающихся из земли каменных стел). К сожалению, сохранившихся памятников с подобным содержанием осталось немного, но и уцелевшие чрезвычайно важны, потому что они происходят из местной среды и выявляют более подлинно образ *другого* (см.: Кызласов И.Л., 1994, с. 208–235; Степанов Ц., 2005b, с. 151–157).

Как раз «домашние» надписи на камне предоставляют хорошую возможность интерпретировать взгляды «степной империи» относительно наименования *оседлого другого*. А наименование, как хорошо известно, содержит в себе и мощный (само)идентификационный заряд и потенциал. Тюркские Орхонские надписи предоставляют многочисленные примеры в этом направлении. В них подданные Поднебесной империи называются «табгач».

Поскольку у согдийцев не было сильного и централизованного государства и они занимались преимущественно торговлей и ремесленным делом (Ikeda O., 1981, p. 77 ff.; De la Vaissière É., 2002, p. 196–221, 244–252), они не предоставляли реальной опасности для тюрков и уйгуров; скорее, они сами искали защиту могущественных степных каганов, чтобы добиться порядка по Великому шелковому пути (Pritsak O., 1981, p. 14–17). Поэтому и представление о согдийцах можно описать как «*дружественный-другой*». Не случайно Т. Барфильд пишет, что согдийцы воспринимали степняков не как врагов, а как союзников (Barfield Th., 1989, p. 158; ср.: Golden P., 1992, p. 172–173). Вот почему неудивительно, что именно согдийцы способствовали больше всего формированию тюркской идентичности после середины VI в. Именно их города превратились в контактную зону, где

появилась синкретичная культура, несмотря на то, что население было двуязычным. Процесс аккультурации там похоже проходил через несколько этапов: 1) совместная жизнь и взаимное узнавание – после 60-х гг. VI в.; 2) восприятие *дружости другой* социокультурной системы – VIII–IX вв. (ср. о костюме (Лобачева Н.П., 1979, с. 28)); 3) финальный синтез – после 840 г., с окончательным заселением уйгуров в Восточном Туркестане (в Кочо и Турфане, в частности) и их окончательный переход к оседлому образу жизни (Gabain A., 1961; Gabain A., 1973; см. также: Степанов Ц., 2004, с. 288–305).

Для создания этой тюркской идентичности роль играет и Китай, как пограничная культура, но роль эта посредническая, поскольку в ее основе как зеркальный образ заложена оппозиция «мы, кочевники» – «они, оседлые».

Существование реальных границ вроде Кавказа и степей к северу от Китая мешало ему подлинно и прочно овладеть тюркскими территориями, так же как и арабам, соответственно, овладеть территориями хазар. Такой же вывод справедлив и для другой стороны этих взаимоотношений – тюрки и уйгуры не стремились основательно покорить оседлых китайцев (Pritsak O., 1981, p. 19; Jagchid S., 1991, p. 69, 75, 77 f.), так как китайский стиль управления был им чужд. *Чуждость* «северных варваров» и неприязнь китайцев к ним – очередное косвенное доказательство того, насколько сильно отличалась ситуация с двух сторон китайской стены. В своей «Истории династии Хань» Бань Гу недвусмысленно называет конкретные параметры и имена этих отличий. В сравнении с Поднебесной империей, пишет он, кочевники одеваются по-другому, у них другие обычаи, они употребляют другую пищу и другие напитки, говорят на непонятном языке, уединенно живут в степях, перемещаясь с места на место в поисках травы для скота, и занимаются охотой. И еще: «Они отрезаны [от нас] горными долинами и укрыты песчаной пустыней, которыми Небо и Земля [в смысле боги] (*Прим. авт. – Ц.С.*) отделили внутренние земли от внешних. Их земли непригодны для обработки [для земледелия], (*Прим. авт. – Ц.С.*) а народ нельзя сделать [своими] слугами». В связи с этим можно припомнить замечание Т. Барфильда (Barfield Th., 1989; см. также: Barfield Th., 1991, p. 35) о так называемых ‘inner and outer frontier strategies’, типичных для Поднебесной империи. Такие идеи, отраженные в китайских источниках и, соответственно, в тюркских и уйгурских надписях, побудили Л.Н. Гумилёва (1967, с. 327) несколько десятилетий назад заявить, что китайцы и кочевники к северу от них вообще не могли найти общего языка, «ибо их психологии были взаимно чужды».

Разумеется, к VII–IX в. немало вещей из верхнего описания уже изменилось, но взаимные представления-клише, бытующие как в среде тюрков и уйгуров касательно китайцев, так и в Поднебесной по отношению кочевников, поддерживали основное статус-кво и обеспечивали существование устойчивых мысленных стереотипов.

Как ни боялись кочевники *дружости* оседлой цивилизации, они всё же должны были торговать с проживающими там людьми. Слова Иордана (VI в.) – подходящая иллюстрация этой необходимости: «С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья [побережья Черного моря] (*Прим. авт. – Ц.С.*), она охвачена небезызвестными городами; это – Борисфенида, Ольвия, Херсонес и др., основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю» (Iordanes, 1958, с. 335). Эта старая «скифская модель» утвердилась среди большинства «варваров» степной Евразии. С.Г. Кляшторный, например, указывает на частые попытки тюркских каганов заполучить от китайских императоров право открывать новые торговые пункты. Поскольку в Поднебесной империи пограничная торговля всегда воспринималась как инструмент для политического контроля и давления над «варварами», то торговля эта была практически монополией двора. Поэтому за всю почти 200-летнюю историю Тюркских каганатов в Центральной Азии существует лишь несколько сообщений об открытии подобных торговых пунктов вдоль северной китайской границы (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 84).

Существует, однако, еще одна особенная форма «разменной торговли» – когда китайские императоры просили о помощи «северных варваров» для усмирения внутренних неурядиц

(см.: Jagchid S., 1991, p. 66–69; Ecsedy I., 1968, 131–180; Ecsedy I., 1990, p. 123–132). Таким образом, количество мест для «встреч» с китайской цивилизацией увеличилось, хотя в целом они практически не изменили представления и предрассудки кочевников о Китае. И всё же некоторые тюрки, а также уйгуры восприняли немало элементов этой оседлой цивилизации, особенно после усиления уйгурской роли в Китае вследствие подавления восстания Ань Лушаня в 763 г. (Pulleyblank E., 1955; Mackerras C., 1990, p. 317, 330). Они, однако, были лишь красивой наружностью. Тем не менее они способствовали размыванию границ между *своим* и *чужим*, особенно в каганских столичных центрах. С точки зрения китайцев, это привело единственно к нравственной деградации среди уйгуров. Это их убеждение представлено следующим образом в хрониках: до 780 г. уйгуры имели простые нравы и обычаи, и поэтому они все были единодушны и не имели соперников; но как только они начали получать великие дары от Танского Китая, каган, возгордившись, построил себе дворец, а женщины во дворе начали использовать белила и дорогие одеяния; Поднебесная совсем истощила свои ресурсы для оплаты этой роскоши среди кочевников, но не менее сильно испортились и нравы последних (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 323 и сл.). Здесь нельзя не отметить наличие элемента риторики и дидактичности, но даже он не в состоянии скрыть подлинное беспокойство и реальные последствия нарушенного статус-кво вдоль границы после подавления восстания с помощью уйгуров. Вторжения китайской *дружести* в каганат и уйгурской – в Поднебесную империю (в основном как следствие защиты расположенных там манихейских общин), однако совсем не соизмеримы между собой. Совсем скоро эта *дружест* оказалась пагубной для уйгуров и их государства, хотя его центр, согласно традиции, находился далеко от северной границы Китая, в священном пространстве Отюкена. Следовательно, как для тюрков, так и для уйгуров «отпирание двери» к оседлой китайской цивилизации оказалось пагубным, так как в те времена они не располагали ни символическими, ни экономическими ресурсами надолго противостоять ее цивилизационной *дружести* и экономической мощи.

Этот обзор показывает, что если в VI–VII вв. вышеперечисленные имперские конфедерации принадлежали к кочевому типу (как ценностная система, взгляды, образ жизни и т.д.), то к VIII–IX вв. границы размылись. Среди бывших кочевников, и особенно среди части тюрков в Западном каганате и части уйгуров, зародилась городская жизнь, сочетающая принятие *дружести* оседлых с их собственными традициями. В «степной империи» усилилась и «пропаганда» мировых религий (см. подробнее: Khazanov A., 1994b, p. 11–33). Всё это привело к лучшему пониманию *внешнего другого*. Противоречия не исчезли, но появилась возможность смягчить самые крайние черты в образе оседлого *другого*. Таким образом, акцентирование на *дружести* и ее неприятие с целью создания собственной идентичности среди вышеперечисленных общностей уже не рассматривается лишь сквозь призму оседлости – номадизма или же степи (=подходящей для мобильного скотоводства) – равнины (=подходящей для земледелия). Изначально экологическое (природное) основание для разграничения между этими двумя мирами постепенно потеряло свою интенсивность после VIII в., так как во многих регионах (и особенно в Юго-Восточной Европе, а также к северу от Кавказа и в древней Согдиане) строгие экологические границы размыты. Дольше всего «степная (экологическая) перспектива» по отношению к *другому* задержалась, конечно же, среди уйгуров, поскольку к IX столетию лишь они населяли классическую степь к северу от Китая.

Однако *дружест*, как хорошо известно, находит свои основания, опоры и проявления не только в природном, но и в человеческом (в смысле набора качеств), и в религиозном факторе, о которых пойдет речь чуть позже.

10.2. О свободе и *дружести*, и об образах и знаках *своего* и *чужого*

Человеческий фактор, исследуемый сквозь призму *Rex Nomadica* – оседлый мир, можно связать и с проблемой свободы и отношения кочевников к ней. Она являлась одним из основных краеугольных камней при создании образов *другого*. В отличие от, скажем, Византии, где свобода ин-

терпретировалась сквозь призму христианской доктрины, внушающей, что настоящая свобода – это свобода индивида от греха, помогающая ему превозмочь смерть и таким образом спастись, свобода вышеизложенного типа обществ связана не столько с *отдельным* индивидом и его *Я*, сколько с коллективом, с *нами* и *нашем* образом жизни и ценностями. А это, в сущности, и есть жизнь вольного ездока, который являлся членом конкретного рода и был бесконечно предан своему предводителю (владельцу). Для родового общества *мы* можем реализоваться в наиболее полной степени лишь при наличии своей ясной антитезы – *они* (Сагалаев А.М., Октябрьская И.В., 1990, с. 14), которыми в данном случае являлись оседлые общества. Признаки *нашей* свободы и *наших* ценностей среди кочевников воспринимались в следующей плоскости: степь, чистый воздух, стада, юрты, отсутствие искусственных границ, динамика и воинственность, родовая солидарность, а, может быть, также мясо и молоко (Сагалаев А.М., Октябрьская И.В., 1990, с. 22). В их представлениях единственная достойная форма жизни для свободного человека – это жизнь воина и пастыря, а основная социальная структура (по крайней мере, согласно традиционным восприятиям) – это племенная организация с ее сильно развитой военной иерархией и субординацией, где племена были объединены под властью наместника Неба – кагана (Базен Л., 1986, с. 353 и сл.).

Среди оседлого мира номад видел знаки и качества (полуземлянки и переполненные дома, спертый воздух, спины, согнутые над рисовыми или пшеничными полями, убийственные налоги, изнеженность, коварство, сластолюбие и леность (Jagchid S., 1991, p. 64; Кардини Ф., 1987, с. 38), хотя бы часть которых он ассоциировал с несвободой, а некоторые – такие, как коварство, сластолюбие и изнеженность, – по презумпции отводил в поле *женскости*, изначально связанной с подчинением, т.е. снова с несвободой.

Но в сознании кочевника среди имен-образов *оседлой дружости* также числились «богатство», «роскошь», «золото», «грамотность», «шелк», «бани», т.е. именно всё то, чем кочевники (особенно в VI в.) всё еще редко владели. Приведенные далее примеры говорят сами за себя. Один из них можно найти у Прокопия Кесарийского (VI в.), который упоминает, что «и до сих пор гунны [кутригуры и утигуры, проживающие у северного Черноморья] (*Прим. авт. – Ц.С.*), совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже и простых писцов... Эти послы, как это бывает у самых варварских народов, должны были устно передать императору то, что их царь [Сандилх, государь утигуров] (*Прим. авт. – Ц.С.*) поручил им» (Procopius, 1958, с. 144).

Этот же автор передает отношение кочевников-утигуров к определенным знакам оседлой *дружости* и цивилизации: «Так и мы: живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной, а этим кутригурам дается возможность наедаться хлебом, они имеют полную возможность напиваться допьяна вином и выбирать себе всякие приправы. Конечно, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные золотом...» (Procopius, 1958, с. 145). В таком случае неудивительно наличие бань во дворцах болгарского владетеля в Плиске (не раньше конца VIII в.), которые воспринимались как признак роскоши и престижа в этих уже достаточно иерархизированных обществах. В остальных зданиях бань, конечно же, не было – лишь владетель мог «славиться» ими. Воинам и обыкновенным людям эту опасную *дружость*, появившуюся из оседлого мира, вообще нельзя было предлагать, поскольку она несла с собой изнеженность и испорченность.

Будучи практичными людьми, населяющие «степную империю» общества быстро пришли к выводу, что мир в степи намного легче и выгоднее поддерживать, направляя агрессию вовне, в основном против своих оседлых соседей. Этот факт имеет отношение к проблеме о свободе, хотя и косвенное. Вышеупомянутая стратегия была намного более выгодной в сравнении с кражей стад соседей кочевников, а и кроме того обеспечивала гораздо больше ресурсов. Именно с помощью этих ресурсов кочевники могли поддерживать боеспособные армии и «имперский» тип администрации, не облагая непосильными налогами свое собственное население (Barfield Th., 1994, p. 164), – практика, особо присущая оседлым обществам и их государствам. Этот факт дополнительно улуч-

шал самочувствие обитателям степной Евразии и позволял им воспринимать себя намного более свободными в сравнении со своими южными соседями.

Часть этих имен-знаков *дружости* была воспринята с большим энтузиазмом кочевой аристократией, причем в реальном измерении. В Орхонской тюркской надписи Кюль-тегина (ок. 732 г.) ясно указано, что тюрки получали от китайцев и золото, и серебро, и шелка, и всё это было обильно и щедро «сдобрено» сладкой и обольстительной речью китайцев (Стеблева И.В., 1965, с. 108, 112). Элитам были хорошо известны символическая стоимость и экономические выгоды от владения подобными предметами роскоши, и в особенности пурпурной одеждой, шелком и изящными золотыми украшениями и сосудами, изготовленными в мастерских Китая, Ирана или Византии. Эта *дружость* не пугала их и они с радостью принимали ее в *свою* среду. Накопление богатств всякого рода для них на самом деле являлось функцией их представлений о высоком престиже и «сокрытой» (особенно) в золоте могущественной силе – источника жизни, удачи, хорошей судьбы и т.п. Среди древних иранцев она называлась *hvarena/farn*, а среди тюркоязычных этносов – *qut* (Литвинский Б.А., 1968; Golden P., 1980, p. 192–196; 1992, p. 147, 167; Stepanov Ts., 2001, p. 10–11). Из-за своего стремления к приобретению всех этих предметов – знаков престижа, роскоши, богатства и славы, а также из-за способности их растрачивать с чрезмерной легкостью (по крайней мере, так это казалось представителям оседлых цивилизаций), кочевники снискали славу алчных и неблагодарных соседей в глазах оседлого мира, который был вынужден постоянно откупаться от них (см.: Прокопий, 1983, с. 49; Christian D., 1998, p. 267; Mackerras C., 1972, p. 86; Honey D., 1990, p. 172–173; ср.: Агафий Миринейский, 1996, с. 143).

Отношение к оседлым цивилизациям, следовательно, двойственное: всё это богатство привлекало и одновременно пугало и отталкивало кочевников, которые его связывали с соблазном и упадком нравов. Рафинированная, укрытая за своими стенами оседлая цивилизация манила кочевников, но в то же время вынуждала их презирать ее (Кардини Ф., 1987, с. 38 и сл.).

Для степной Евразии свобода имела, прежде всего, пространственное измерение, это была свобода-среди-природы и являлась результатом большой мобильности этих народов. Однако, сами того не осознавая, кочевники были несвободны с другой точки зрения: они зависели полностью от устного права и традиции, от клана и старейшин, так как их основным социальным ядром был прежде всего род, а не столько нуклеарная семья. Всё было подчинено роду и всё научалось и регулировалось с помощью традиционного права; всё являлось продуктом поведенческих моделей и образцов для подражания, а не нравственных норм, утвержденных писаными законами, как это было у оседлых народов. Без сомнения, это являлось еще одной *дружостью*, которую кочевники отмечали, сравнивая *себя* с *другими* культурами (персов, ромеев, китайцев, а после VII в. – и арабов). Впрочем, поэтому и харизматичность, особенно та, которая проявлялась на бойном поле, имела моделирующее значение для кочевников – она являлась единственным достойным поведением-образцом, которому каждый номад должен был следовать, как следовал он за своим харизматическим вождем. По этой причине кочевые владетели даже самого высокого ранга часто лично возглавляли свои армии, что случалось довольно редко у византийцев или китайцев в эпоху Средневековья. Это явное отличие в стратегиях при войне и в правилах жизни и действий в этих двух вселенных кочевники обычно трактовали как трусость и нехватку достоинства у владетелей оседлого мира (т.е. как очередную не-свободу, поскольку трусливый человек не мог считаться свободным).

Следовательно, и у кочевников были свои шаблоны и клише о свободе, как понятие и о том, как она практикуется, и именно от них зависел образ *другого*. Их собственная свобода воспринималась как движение коллектива в пространстве, или, иными словами, как эманация «движущегося тела коллектива» (Гачев Г., 1995, с. 127), а не как индивидуальная и при этом осмысленная свобода-от-коллектива. Поэтому и неудивительно, что среди кочевников так и не появился ни один выдающийся философ. Их «любовь/дружба по отношению к мудрости» и свободе не имеет характер абстрактного поиска и рефлексии, а во многом несет в себе признаки природного и утилитарного. Вот почему она является не только свободой-среди-природы, но и свободой-коллектива, и в этом

смысле она отличается половинчатостью; но именно такой она и воспринималась кочевниками как *настоящая* свобода.

В кочевых общностях *другость* имела значение и применялась также в поле морали. Кочевники воспринимали себя как люди чести и данного слова, уважающие договоры, заключенные с оседлыми народами. И в этом случае, снова на принципе антитезы, они создали образ *внешнего другого*: он лживый, надменный и хитрый, манипулятивный и с легкостью нарушает договоры. Особенно красноречивым – по крайней мере, согласно представлениям, созданным Менандром, – был Тюрк-шад, который был одним из восьмерых самых видных аристократов Западного Тюркского каганата в 70-х гг. VI в. Он встретил весьма укоризненными словами византийского посла Валентина, когда тот прибыл к тюркам, чтобы просить о подновлении контракта с ними о совместных действиях против Сасанидского Ирана, а также чтобы сообщить о восхождении на престол нового императора ромеев Тиберия: «Не вы ли те самые ромеи, употребляющие десять языков, но один обман?» Выговорив эти слова, продолжает Менандр, тюрк заткнул себе рот десятью пальцами и потом продолжал: «Как у меня теперь во рту десять пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков: одним вы обманываете меня, другим – моих рабов вархонитов [авар]. Просто сказать, лаская все народы и обольщая искусством речей и коварством души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся в беду головой, а пользу от того получаете сами. И вы, посланники, приезжаете ко мне, облеченные ложью, да и сам пославший вас обманщик. Я вас убью без малейшего отлагательства, сейчас же. Чуждо и несвойственно тюркскому человеку лгать» (Menander, 1958, с. 228–229).

Обвинения в коварстве и лжи действительно являлись «общим местом» при описании оседлых народов кочевниками (см.: Литаврин Г.Г., 1986, с. 103–105; El-Cheik N., 1996, p. 122–135). Показательны в этом отношении и Орхонские надписи, датированные между 716 и 734/5 гг. В них китайцы (под именем Табгач) представлены как ласкающие, хитрые и коварные люди, нарочно провоцирующие раздоры среди тюрков (Стеблева И.В., 1965, с. 108, 112). Поэтому и Тоньюкук призывает тюрков не принимать китайские манеры и не жить в городах, а «следовать за водой и травой». Именно таким образом он разубедил Бильге-кагана (716–734) строить город в степи, после того как в 727 г. каган получил от Китая 100 000 кусков шелка и почувствовал себя достаточно богатым и готовым к подобному начинанию. В качестве контрмеры Тоньюкук привел серьезный аргумент: тюрки всегда рассчитывали на свою гибкость и мобильность для выживания; однако при наличии города они могли потерять всё в одном лишь сражении и быть покорены, тогда как жизнь вольных кочевников предоставляла им преимущество нападать или отступать в зависимости от силы врага (Liu Mau-tsai, 1958, s. 172–173; Barfield Th., 1989, p. 149; Minorsky V., 1978, p. 284 /Nr. 1/).

Геройство и храбрость в битве всегда были среди качеств, впечатляющих кочевников. Они ценили силу и признавали ее и у *другого*, если она демонстрировалась подходящим (т.е. в соответствии с их воинским этосом) способом. В подобных моментах всевозможные другие соображения отходили на задний план. Поэтому мы можем доверять Ат-Табари, который вкладывает такие слова в уста кагана: «Поистине, арабы, когда их ставят в отчаянное положение, они ищут себе смерти; оставьте их, чтобы они вышли [с поле боя] (Прим. авт. – Ц.С.), не становитесь на их пути, ведь вам не устоять против них» (История Ат-Табари, 1987, с. 223). Такое признание еще более ценно, если учесть тот факт, что оно было сделано после того, как арабы в течение многих десятилетий пытались овладеть Средней Азией и ввести там ислам. Там им противостояли объединенные (чаще всего) силы согдийцев и тюрков, а до Таласской битвы в 751 г. – и войска Танского Китая (Christian D., 1998, p. 307–314). Все они противостояли не только арабам, но и исламской религии, но даже конфессиональная оппозиция, известная иногда своими крайностями, в данном случае не может скрыть положительное отношение к *другому*, чья храбрость была оценена высоко по шкале тюркского воинского этоса (ср. о Ли Ши-мине: Barfield Th., 1989, p. 143–144). Здесь вновь отправной точкой для оценки является *свой* этос, всё то, что хорошо знакомо и воспринимается как особо ценное и достойное уважения.

Предупреждения Тоньюкука, цитированные выше, являются косвенным свидетельством об увеличившемся китайском влиянии среди элиты Тюркского каганата после начала VIII в. Не случайно такие знаки *китайской дружости*, как черепаха и дракон, были допущены в сакральную тюркскую среду – в один из поминальных храмовых комплексов Кюль-тегина (ок. 732 г.) и Бильге-кагана (ок. 735 г.) (Войтов В.Е., 1996). Конечно же, тюрки их воспринимали и толковали сквозь другую призму, в которой дракон был символом небесной власти кагана (т.е. он обозначал «верх» в космограмме), а черепаха – как символ устойчивости, вечности и неизменности мира, а также долголетия (и, соответственно, обозначающая «низ» в космограмме). Если В.Е. Войтов прав (1996, с. 75, 97–99, рис. 60, 101–103; см. также: Кляшторный С.Г., 1980, с. 487; Решетов А.М., 1996, с. 142–163), то мы можем «разглядеть» в них не только некое китайское влияние, но и зоо-код тюркской космографической схемы (верхний, средний и нижний мир и, соответственно, дракон, овны, львы и черепаха). Именно эти животные изображены на статуях, которые находились во многих поминальных комплексах тюркских и уйгурских каганов.

Дракон издавна известен в степях как зоо-код Неба и власти верховного государя. Не случайно и имена некоторых гуннских (Hsiung-nu) городов: «Город Дракона», «Храм Дракона», «Привал (место) Дракона» и др. Летняя резиденция северных гуннов (Hsiung-nu) называлась Лунчэн, т.е. Город императора=Город Дракона (Тиваненко А.В., 1994, с. 35, 38–40). (Конечно же, здесь остается сомнение, что имена этим городам давались согласно китайской модели, т.е. что эти имена не соответствовали реальным названиям городов, используемых гуннами). Изображения дракона характерны и для гуннских штандартов (Яценко С.А., 2001б, с. 90).

Хотя духовные направления китайской цивилизации во многом были чужды тюркским народам (Войтов В.Е., 1996, с. 78), Бильге-каган охотно принял посланных китайским императором мастеров и стенописцев, которые построили храм его брата Кюль-тегина в 732–733 гг. (Кляшторный С.Г., 1964, с. 56–58; Новгородова Э.А., 1981, с. 207–213; Войтов В.Е., 1996, с. 100–101; Стеблева И.В., 1965, с. 110, 123; Кубарев В.Д., 1984, с. 60). Одна из причин заключается в том, что среди тюрков не было таких искусных мастеров. В храме наблюдается явный синтез китайского и тюркского, особенно в тех элементах, которые были общими для культур Центральной Азии и которые не входили в явное противоречие между собой. В.Е. Войтов упоминает некоторые из них, как, например, аллеи, образованные двумя рядами статуй, которые видны в храме Кюль-тегина. Они характерны для похоронно-поминальных памятников императорам и самым высшим военным и гражданским сановникам в государствах чжурчжэни, корейцев и китайцев; у последних «аллея из скульптур, ведущая к гробу», обозначена как «путь духов», т.е. она связана семантически с макрокосмической вертикальной осью (Войтов В.Е., 1996, с. 108; см. также: Кубарев В.Д., 1984, с. 60–63).

Император Сюань-цзун прислал тюркам мастеров и после смерти Бильге-кагана, и они построили еще один великолепный храм, расположенный недалеко от храма его брата (Войтов В.Е., 1996, с. 101). Судя по всему, адаптация всех этих знаков в тюркской (причем исключительно сакральной!) среде оказалась беспроблемной; скорее всего, тюрки ее «толковали» и сквозь другую возможную призму – как почтение со стороны чужого владетеля, что подтверждается и надписями на стелах в обоих храмах.

Опасение, что что-нибудь из *дружости* оседлой китайской цивилизации может повлиять для непонимания *тюркскости* (на первом месте здесь различные языки), ясно выразил Йоллыг-тегин, который был уполномочен Бильге-каганом организовать построение поминального храма Кюль-тегина. Йоллыг-тегин посчитал необходимым – что само по себе достаточно показательно – подчеркнуть на каменной стеле, что ни один из каменотесов, прибывших из Китая, «не исказил того, что [он] сказать хотел» (Стеблева И.В., 1965, с. 110).

Хотя кочевники и восприняли *чужое*, они всё же ценили превыше всего *свое*. Среди его примет – и особые прически, и специальное оформление бровей у тюрков (которое было отражено и на их балбалах). Согласно тюркской традиции, волосы сплетались в косы на спине, и этот вид

прически с явными сигнификативными и разграничительными функциями действительно являлся отличительной чертой знатного тюрка (то же самое валидно и для аваров). Это было засвидетельствовано несколькими авторами, а тот факт, что прическа эта воспринималась как *свой* знак с исключительно самоидентификационной стоимостью, подтверждается как балбалами, где эта подробность была обязательно отображена (Степи Евразии, 1981, с. 127, 264–265; Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1966, с. 179–181), так и изображениями в Пенджикенте. Обычай сплетать волосы в косы на спине отмечает и Мовсэс Каланкатуаци, описывая его как характерного для хазар (савир?) в целом (Магомедов М., 1994, с. 109). Агафий Миринейский (1996, с. 14 /кн. I.3/) тоже умышленно отмечает, что волосы «у тюрков и авар» совсем «не причесаны, запущены или некрасиво заплетены». Совершенно независимо от него спустя несколько десятилетий (точнее, в 630 г.) об этом же говорит и буддийский монах паломник Сюань-цзан, в своем описании Тун-ябгу и его двора: владетель был окружен своей свитой из 200 всадников, чьи волосы были заплетены в косы. В то же время у самого владетеля Тун-ябгу длинные волосы спадали на плечи и были перехвачены на лбу узкой шелковой лентой (Гумилев Л.Н., 1967, с. 164).

В качестве *своих* признаков они воспринимали и специфически подравненные брови, смазанные специальным веществом, для блеска, как сообщает «Бейши» (об этой хронике, см.: Бичурин Н.Я., 1950б, с. 241 и сл.). Вероятно, особая трактовка бровей на некоторых тюркских балбалах связана именно с этим обычаем и практикой, что и привело к их схематическому изображению на статуях (Шер Я.А., 1966, с. 67). Дистинкция в этом виде обществ действительно была ведущим принципом, и каждое характерное отличие, которое использовалось после того, как было воспринято как знак *своего*, очевидно, эксплуатировалось подобающим способом.

Особую проблему с точки зрения знаковости представляет и разница в запахивании одежды у китайцев и степных кочевников (слева направо и, соответственно, справа налево). Исследование этого вопроса показывает постепенное усиление китайского влияния и в этой области. Китайцы уделяли должное внимание не только тому, каким образом тюрки укладывали волосы, но и различному запахиванию верхних одежд, наряду с обычаями при выборе владетеля, разновидности хозяйства и выращиваемых культур, а также их одеждам и нравам, т.е. всего того, что, согласно современному человеку, делало коллектив *своим* или *чужим* (см. классическое описание: Бичурин Н.Я., 1950а, с. 229–231). У древних индоиранцев-кочевников, как и у ранних тюрков, запахивание кафтана производилось справа налево, что являлось распространенным обычаем в кочевом мире до IV–V вв. н. э. Табгачи (династия Тоба Вэй) – бывшие кочевники, которые в IV в. овладели землями северного Китая, постепенно китаизировались и начали воспринимать китайскую манеру запахивания слева направо. Этот вариант стал популярным и на севере в степях к IX в., а впоследствии, при посредничестве тюрков, распространился и на Ближнем Востоке и в Восточной Европе.

С другой стороны, утверждение *своего* и ассимиляция *чужого*, рассматриваемое сквозь призму костюма в его целостности, могло бы еще раз послужить подтверждением уже упомянутой констатации о тюрко-согдийском симбиозе. Костюм в Согде, а также в Куче действительно тюркизировался после VI в. (Распопова В.И., 1980, с. 94–97, рис. 63, 67; Восточный Туркестан..., 2000, с. 361). В Турфанском оазисе (Гаочане), в конце VI в. – начале VII в. тюрки даже пытались с помощью административных мер ввести тюркский костюм и обычаи среди местного населения, о чем свидетельствует «Тан-шу» (Chavannes E., 1903, р. 102–103). По словам С.А. Яценко (2000а, с. 363), ни в одном другом месте тюрки не проводили подобную политику и не оказывали давления о смене местного костюма с тюркским; для этого исключения он, соответственно, ищет другие объяснительные схемы. По его мнению, это можно объяснить только с помощью одной тюркской этнографической легенды, согласно которой Турфан был прародиной тюрков, которые покинули его в V в. (об этой легенде см.: Кляшторный С.Г., 1964, с. 103–104). В смутные для Китая времена в IV–VI вв., в Гаочане поселилось довольно много китайцев, среди которых было и немало аристократов. После того, как они полностью овладели этим районом, тюрки попытались уменьшить китайское культурное влияние там с помощью насильственного введения *своих* знаков еще и из-за стратеги-

ческой важности этого региона (Яценко С.А., 2000а, с. 363). В сущности, это была своего рода «война символов» между тюрками и местным владельцем.

Значительную роль в распространении тюркского костюма и прежде всего особых видов наборных поясов, вероятно, сыграли административные реформы западнотюркского кагана Тун/Тон-ябгу (618–630). С их помощью в систему правления каганатом были включены аристократы покоренных тюрками среднеазиатских этносов, которым были даны тюркские титулы и пр. (Яценко С.А., 2001а, с. 10). Местные (прежде всего) согдийские модные тенденции, однако, тоже отчасти повлияли на тюркский костюм, о чем свидетельствуют стенописи в Афрасиабе и Пенджикенте (Лобачева Н.П., 1979, с. 25, рис. 1; Альбаум Л.И., 1975, рис. 5, фиг. 5; Беленицкий А.М., Распопова В.И., 1980, 213–218; Яценко С.А., 2001а, с. 12). И в этом случае, по словам С.А. Яценко, уже невозможно обнаружить никаких (*sic*) следов влияния костюма южных оседлых земледельческих империй в одеждах аристократов-кочевников, и это его утверждение основывается как на артефактах из захоронений, так и на изображениях на похоронных статуях. Однако вполне возможно, что это отчасти связано с ритуальным характером этих комплексов, где трудно допускалось *чужое*. Исключения наблюдаются лишь среди единичных функционально привлекательных мелких аксессуаров, как, например, фибул и пр. (Яценко С.А., 2001а, с. 13–14).

Уйгурский костюм долгое время сохранял свою самобытность, но к VIII в. уйгуры начали перенимать некоторые элементы китайского костюмного комплекса. Скорее всего, это произошло задолго до окончательного заселения уйгур в Турфане во второй половине IX в., возможно еще при Тенгри-кагане (759–779) (Малявкин А.Г., 1974, с. 92). К моменту заселения в Турфане среди них уже господствовал обычай запахивать кафтаны слева направо, и эта манера была особенно характерна для аристократии. С.А. Яценко, вероятно, прав, указывая, что эта новость (мы могли бы ее метафорически назвать «беспрекословно принятой *чуждостью*») была результатом реальных взаимоотношений между уйгурами и китайцами после 762 г. Каждый год многочисленные делегации из каганата приезжали в одну из столиц Танского Китая, где их одаривали китайскими халатами (Яценко С.А., 2000а, с. 367). Уйгуры, вероятно, не считали опасным восприятие и других китайских элементов (некоторые женские прически, головные уборы, пояса, разрисовывание лба и щек женщин красной краской) (Яценко С.А., 2000а, с. 367, табл. 64), но в целом все эти китайские элементы всё же не несли какую-либо серьезную тяжесть.

Небольшим исключением, пожалуй, была гибкость в поведении некоторых уйгурских торговцев в столице Китая – Чанъань. Начиная с середины VIII в., на расположенном в западной части города большом базаре особо серьезным престижем и популярностью пользовались торговцы чаем. Новая мода наслаждаться этим напитком распространилась и среди уйгуров: прежде чем заняться чем-либо другим, уйгурские посетители базара в Чанъане останавливали своих лошадей именно у магазинчиков торговцев чаем (Schafer E., 1963, p. 20; Шефер Э., 1981). Однако такую гибкость и вольность они могли себе позволить только «во внешнем мире». Дома же традиция повелевала пить кумыс, да и условия к северу от китайской стены не позволяли выращивать чай. Так что употребление *чужого* напитка оставалось лишь экзотикой для уйгурских торговцев. Очевидно, подобные проявления не смогли поставить под угрозу основы уйгурской идентичности, тем более что после 763 г. их аристократическая элита приняла в качестве своего вероисповедания одну из мировых религий – манихейство, тем самым воздвигая еще один «барьер» перед китайской *другостью*. Известно также, что китайцы – против своей воли и подчиняясь уйгурскому давлению – поддерживали манихейские общины в Китае; не случайно сразу после распада каганата в 840 г. манихейство было официально запрещено в Поднебесной империи (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 337; Schafer E., 1963, p. 10).

Вопреки пренебрежительному отношению к кочевникам, и, в частности, к тюркам и уйгурам, которых китайцы воспринимали как всецело *чужими*, в Срединном государстве, и особенно в его столицах Лоян и Чанъань, существовала традиция следовать тюркской и восточноиранской моде в одевании (Шефер Э., 1981, с. 48; Майтдинова Г.М., 1990, с. 131). В эпоху Тан при езде мужчины

и женщины надевали на головы «варварские» шапки. Даже некоторые прически и косметика тоже были «некитайскими», а в VIII в. придворные дамы носили «уйгурский шиньон» (Schafer E., 1963, p. 29; Шефер Э., 1981, с. 49). Он был изготовлен из мягкой древесины, кожи или ткани и помещался под шапкой (Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1979, с. 159).

Если и есть элемент одежды, который в период с VI по X в. был широко распространен как в Китае, так и в Тохаристане и Согдиане, а также среди тюрков и уйгуров, то это одна особая шапка, известная прежде всего своим китайским наименованием «пуютоу». Наверное, оживленные контакты по Великому шелковому пути в эту эпоху, и прежде всего тот факт, что тюркоязычные этносы, восточные иранцы и китайцы активно общались на разных уровнях, привели к массовому введению «пуютоу» в обширном географическом районе (Майтдинова Г.М., 1990, с. 133; Яценко С.А., 2000а, с. 351, 367). А что касается производства этого головного убора, в литературе нет единомыслия по этому вопросу. По мнению С.А. Яценко (2000а, с. 367, с указ. лит.) «пуютоу» была частью китайского мужского костюма, тогда как Г.М. Майтдинова (1990, с. 128–133), опираясь на сведения китайского энциклопедиста XI в. Шэнь Ко («Китайская одежда и головные уборы, начиная со времени правления династии Северная Ци (550–577), представляют собой варварский костюм»), пытается лансировать идею, что «пуютоу» – доразвитие древних центральноазиатских шапок, допуская, что именно тюрки способствовали распространению этого особого головного убора от Согдианы и Тохаристана до Китая. И поскольку именно тюрки господствовали над огромной частью центральноазиатского региона в период VI–IX вв., это отразилось и в моде, т.е. на декорации и манере носить определенную одежду и в других элементах целостного костюма (Майтдинова Г.М., 1990, с. 127, 131).

Изображения «пуютоу» встречаются и в живописи из Афрасиаба и Пенджикента, в районе Средней Азии, которые в VII–VIII вв. находились под властью тюрков, хотя основная масса их населения говорила на разных восточноиранских диалектах. На восточной и северной стене афрасиабского зала можно найти изображения персонажей с черными шапочками с двумя завязками (наподобие ленточек) сзади (Альбаум Л.И., 1975, табл. XXXII–XXXV; Майтдинова Г.М., 1990, рис. 2.-14–16), похожих на таких же в Согде и Пенджикенте, в Восточном Туркестане и Китае (Беленицкий А.М., 1973, с. 26; Сычев Л.П., Сычев, В.Л., 1975, с. 55–60; Майтдинова Г.М., 1990, с. 128). И поскольку целью нашей работы не является исследование генезиса отдельного элемента костюма Центральной Азии, нам остается лишь заключить, что шапки «пуютоу» не могут рассматриваться сквозь призму *свое – чужое*, т.е. в качестве этнического маркера, так как они существовали в разнотнической среде. Скорее, удачное разграничение следовало бы искать в социальном направлении, поскольку оно в принципе было характерным для досовременного мира, но это вопрос, которому мы не сможем уделить внимание в данной работе.

Среди кочевников существовали и *свои* знаки, которые вводились аристократической культурой и которые таким образом консолидировали элиту. Один из этих знаков можно найти на стеле из Бугута (об этой стеле см.: Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 121–146), которая тоже расположена на черепахе, но содержит надпись на согдийском языке и – что, вероятно, важнее всего – в своей верхней части завершена необычным образом: здесь нет ни каганских знаков (ср. с горным козлом, схематически изображаемым на стелах эпохи Второго Тюркского каганата), ни императорских драконов, а присутствует изображение волчицы (волка?), под которой стоит человеческая фигура. Вряд ли можно сомневаться, что здесь представлена сцена из самого распространенного среди тюрков этногонического мифа – об их происхождении от волчицы. Эта легенда воплощена и в символике владельческих атрибутов тюркских каганов – их военные штандарты были увенчаны волчьими головами из золота (ср. с золотым/золотистым как цвет, предназначенный лишь для императора Китая!), а телохранители кагана назывались «волки» (*бёри*, по-китайски *фули*) (Clauson G., 1964, p. 3–22; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 126). Волк и волчье поведение, следовательно, знаки *тюркости*, хотя с общестадийной и типологической точки зрения они присущи не только тюркам, но и другим индоевропейским народам (ср., например, с волчицей Ромула и Рема; или с именем фракийского царя Ликурга) (о сопоставительной перспективе см.: Clauson G., 1964,

р. 3–22; Кардини Ф., 1987, ч. I). Главное в данном случае то, что тюрки их воспринимали как таковыми, т.е. как *свой* знак и *свое* поведение.

По-иному обстояли дела с хазаро-византийскими отношениями и взаимоотношениями между уйгурами и китайцами, так как в течение многих десятилетий они были союзниками: первые, против общего врага – арабов (Noonan Th., 1992, p. 109–132), а вторые – против повстанца Ань Лушаня и страшного для обеих сторон противника Тибета (см.: Beckwith C., 1993; Малявкин А.Г., 1992; Pulleyblank E., 1955; Mackerras C., 1968 (1972, 2nd ed.); Sinor D., 1998, p. 192, 196). Это, вероятно, смягчало крайние «нотки» в представлениях о *другом*, поскольку он был необходим – и в политическом, и в экономическом, и в военном отношении. Эти владельческие дворы даже справляли свадьбы на самом высшем уровне, в качестве переподтверждения их стратегических отношений между 60-ми гг. VIII столетия и до 40-х гг. IX в.

Вопреки всем образам-эпитетам («хитрые», «коварные», «лживые» и т.п.), тюрки и уйгуры не стремились уничтожить полностью оседлого *другого*, находящегося южнее от них. Конечно же, они не располагали необходимыми ресурсами, чтобы удержать эти земли, но не менее верно и то, что этот *другой* был им нужен для самоутверждения как в политическом плане, так и (в особенности) как идентичность. Ситуации *унижения другого* свидетельствуют именно об этом. В них владельцы из Рах Nomadica были весьма изобретательны, так как с помощью подобных действий и поведения они возвышались в собственных глазах и в глазах своих подданных. То же самое, впрочем, делали и представители оседлых цивилизаций. Л. Симеорова (1996, с. 29–43), например, говорит о том, что и в Византии была разработана специфическая, семиотическая по сути, система, которая унижала *другого* и этим способом воздвигала престиж ромейского василевса.

Унижение *другого* иногда воспринималось как условие для самоутверждения в определенных ситуациях. После 757 г. уйгуры, например, часто посылали в Китай слабых, хилых лошадей для обмена на шелк (Бичурин Н.Я., 19506, с. 323; Sinor D., 1998, p. 195). К. Маккерас (Mackerras C., 1972, p. 57) называет эту торговлю «военную визиту на китайском рынке». Знаковая стоимость и социальный престиж лошади в Средние века слишком хорошо известный факт, чтобы останавливаться подолгу на его обсуждении. Но давайте всё же рассмотрим, как подобное действие могло быть истолковано за пределами его (ожидаемой и желанной) экономической выгоды: в глазах знатного уйгура купить насилие хилого коня означало признать свою слабость и недостаток достоинства. Подобные знаки унижения видны и в 762 г., когда уйгурский каган, не получив в знак уважения надлежащий жест почтения от китайского престолонаследника, приказал забить досмерти палками двух членов его свиты (Бичурин Н.Я., 19506, с. 318; Гумилев Л.Н., 2004, с. 442).

Уйгуры сохранили подобное поведение, но уже в более широком масштабе, и после подавления восстания Ань Лушаня, когда они ощутили слабость Китая и его полную зависимость от уйгурской конницы против могущественного в то время Тибета. Приезжая в столицу Чанъань, уйгуры часто посягали на девушек на местных базарах, отнимали государственных лошадей и вообще вели себя безобразно и по-господски с китайцами. Но в 775 г. уйгурские торговцы перешли все границы, приведя вместо 6 тысяч отборных лошадей 10 тысяч кляч, после чего терпение китайцев кончилось и они отказались заплатить за товар. В результате чиновник на базаре был убит разгневанными уйгурами, но убийцы были схвачены и приговорены к пожизненному заключению. Тогда уйгурские солдаты ворвались в тюрьму, освободили своих соплеменников, а стражу избили; мало кто отделался лишь побоями. В 778 г. на престоле в Поднебесной оказался тот же китайский престолонаследник, из-за которого в 762 г. уйгуры унижительным образом избили палками его приближенных и советников. Именно он смог выгнать многих уйгурских «гостей» из столицы, паразитировавших за счет казны, а некоторые даже были убиты китайцами после переворота Тун багартархана в 779 г. Он желал мира с Поднебесной империей и поэтому в 781 г. согласился дать выкуп за смерть «гостей». Спустя два года уйгуры и китайцы заключили договор, с помощью которого постепенно пришел конец унижительному отношению уйгуров к Поднебесной империи, как и их гегемонии в столичных центрах. Согласно условиям договора каган соглашался называться вассалом Китая и не отправлять больше чем 200 уйгуров в данное посольство; а уйгуры приняли требо-

вание доставлять для принудительных торгов не более 1000 лошадей и, кроме того, не отводить китайцев за границу (Гумилев Л.Н., 2004, 450–452).

Тюркские каганы тоже демонстрировали схожее поведение по отношению к Китаю, особенно в 20-х гг. VII в., когда династия Тан должна была умиротворять Китай и восстановить порядок в Срединной империи. «Тан-шу» свидетельствует о ежегодных набегах кагана и о презрении, с которым он взирал на Китай. Специально упомянуто и об унижении императора, который был вынужден платить всё больше и больше кагану, наряду с постоянно увеличивающимися требованиями тюркского владетеля (Гумилев Л.Н., 1967, с. 247). Даже сам император признавал, что его отец, основатель династии Тан, в трудные времена после 618 г. был вынужден унизиться перед тюрками и признать себя их вассалом (Гумилев Л.Н., 1967, с. 255).

Пренебрежительное отношение к Поднебесной империи и особенно к двум северным династиям Чжоу и Ци, испытывающим серьезные затруднения в 70-х гг. VI в. поэтому стремящимся по отдельности к союзу с сильными в то время тюрками, можно найти и в словах Тобо/Таспар/Татпар-кагана. Он так увлекся в своем ликовании, что говорил следующим образом перед своими приближенными: «...только бы на юге два мальчика [династии Северная Чжоу и Северная Ци] (*Прим. авт. – Ц.С.*) были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности» (Гумилев Л.Н., 1967, с. 233).

Другие отрывки из китайских династических хроник также являются красноречивыми свидетельствами о том огромном значении, которое тюрки придавали своему достоинству и чести в отношениях подчиненности, которые Срединное царство всегда пыталось устанавливать по отношению к так называемым варварам (Гумилев Л.Н., 1967, с. 237, 280–281). Эти взаимоотношения походили на состязание по обману, в котором «старший брат» (Китай) требовал почтения как независимо от своего экономического и политического состояния на данный момент, тогда как тюркские, и особенно уйгурские владетели использовали каждый удобный случай для того, чтобы «пробить» систему (Гумилев Л.Н., 1967, с. 313–314). В данном случае можем согласиться с констатацией Л.Н. Гумилева, что между тюрками и китайцами существовал серьезный конфликт не только на государственном уровне, но и на уровне отличающихся мировоззрений и культур. Так, Великая степь «заявила свое право не быть Китаем, а быть только собой», опираясь на отрицание китайской культуры и возвеличение собственного превосходства над соседями, включая Китай (Гумилев Л.Н., 1967, с. 338–339).

Подобное поведение уйгуров после 757 г. по отношению к Танскому Китаю свидетельствует о зарождении в кочевом мире идеологии о равенстве с оседлым *другим*. Согласно этой идеологии, владетели этих формирований требовали к себе отношения не как к низшим варварам, а как к управителям, равноправным византийскому василевсу и китайскому императору (о равенстве в болгаро-византийских отношениях см.: Панова Р., 1995, с. 51, 57; ср. равенство в уйгуро-танских отношениях – на примере трехкратных браков в 758, 778 и 821 гг.; см.: Бичурин Н.Я., 1950б, с. 316–318; Sinor D., 1998, p. 196–197). Особенно возросла репутация уйгурского кагана после 60-х гг. VIII в. По случаю своей женитьбы на китайской принцессе (в 788 г.), в грамоте, специально отправленной императору Срединного царства, каган говорит дословно следующее: «Мы прежде считались братьями (*sic!*); а ныне зять по [линии твоей] дочери представляет полсына. Ежели тебя, государь, озабочивают западные жуны [тибетцы], то сын просит дозволения выступить с войском против них» (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 327).

А вот и краткое обобщение. Представления о *другом* и отношение к нему располагались не только в моральной плоскости, но и на уровне символично-иерархического.

10.3. Мировые религии и *другость*

За исключением ислама, крупнейшие в мире (и монотеистические) религии проникли в пространство между Черным морем и Монголией задолго до VI в., и ни одна из них не завоевала монополию в «степной империи». Все они были продуктом больших оседлых цивилизаций, т.е. были

изначально помечены *чужестью*, и поэтому кочевые предводители относились осторожно и с подозрением к их проникновению в степях. Выбор мировой религии или же ее замена другой со стороны кочевников всегда приводили к весьма серьезным последствиям для их культуры, включая определенную культурную ориентацию и селективность культурных влияний. Здесь надо иметь в виду две вещи: 1) кочевники принимали одну или другую мировую религию скорее из светских (чаще всего политических), чем из духовных соображений; 2) как правило, первыми в эти религии обращались владетели и аристократические элиты (Khazanov A., 1994b, p. 14–15), и только потом начиналось «крещение» обычного населения. Аристократия четко понимала, что монотеистические религии могли способствовать выдвижению новой (или модификации старой) политической идеологии и что они являлись базовым элементом при создании новой культурной идентичности.

В период с VI по IX в. в степной Евразии буддизм и даосизм рассматривались как неподходящие религии, так как они воспринимались как религии смирения, а часто – и как китайские (Sinor D., 1990, p. 312; ср. Бартольд В.В., 1968а, с. 431; о буддизме в Центральной Азии см.: Hausig H., 1992, s. 185 ff.) (ср. с безуспешной попыткой введения буддизма в качестве государственной религии среди тюрков при Таспар/Тобо-кагане и при Ниваре, в 70–80 гг. VI в., что отражено и на стеле из Бугута). Принятие же конфуцианства, переживающего настоящий ренессанс при династии Тан, было абсолютно немыслимым. И основание для подобного отказа надо искать не только в китайской концепции о превосходстве, осуществляемой как с помощью конфуцианства, так и в нем самом, но и, как пишет А. Хазанов (Khazanov A., 1994b, p. 22), в специфической роли, которую новая религия играла в китайском обществе и китайском государстве в целом. Там религия не имела какого-либо значимого самостоятельного существования, так как, в отличие от Европы и Среднего Востока, в Китае социализация через государственность считалась намного престижнее и заслуживала большего доверия, нежели социализация с помощью религии. Просто в Китае не существовало институционализированной деноминации и поэтому принятие некоторых «китайских» традиционных религий шло рука об руку с китаизацией. Эта «двойная опасность» вела кочевников лишь к одному – к деномадизации, а следовательно, и к потере их социальной и военной базы. Так в одно целое переплеталось несколько причин для отвержения «китайских» религий – они рассматривались не только сквозь призму *чуждости* и несоответствия кочевому образу жизни, но и воспринимались как опасные и с политической точки зрения (Khazanov A., 1994b, p. 23 f.).

В лучшем случае кочевники, которые проживали к северу от Китая или кочевали в непосредственной близости к Китайской стене, выбирали буддизм в качестве своей религии. Буддизм имел немало последователей в Поднебесной империи, но, несмотря на это, его там никогда не воспринимали как местную религию (Khazanov A., 1994b, p. 24). Может быть, это была одна из причин для попыток некоторых ранних тюркских каганов, как, например, упомянутых уже Таспара/Тобо (572–581) и Нивара (581–587), ввести именно буддизм в качестве государственной религии в каганате: его можно было бы использовать как этноинтегрирующий фактор с точки зрения оппозиции с Китаем. Такая гипотеза – в унисон с одной из замеченных А.М. Хазановым закономерностей при налаживании среди кочевников некоторой из мировых религий. Он называет эту особенность ‘either opposition or adjustment’ (Khazanov A., 1994b, p. 30). Эти попытки, однако, провалились (Бичурин Н.Я., 1950а, с. 233 и сл.; Sinor D., Klyashtorny S., 1996, p. 333; Liu Mau-tsaï 1958, s. 461–462; Christian D., 1998, p. 251). И всё же стоит отметить, что Таспар/Тобо принял буддизм от китайского монаха Хуй Лина и установил контакт с императором одной из двух северокитайских династий (Северная Ци), прося у него канонических буддистских книг. Но самая большая заслуга для проникновения этой религии в вышеупомянутом периоде принадлежит гандхарскому монаху Джинагупте/Чинагупте, который находился при дворе этих двух каганов между 575 и 585 гг. В сравнении с буддизмом, другие крупные мировые религии – зороастризм, несторианское христианство, манихейство – тоже имели свое место среди тюрков в период между VI–VIII вв., но оно было не таким значимым (Sinor D., 1990, p. 314 f.; об этих религиях см. также: Klimkeit H.-J., 2000, p. 69–81).

В общем, кочевые конфедерации выбирали в качестве *своей* государственной религии такую религию, которая предоставляла бы им конфессиональную оппозицию по отношению к основному противнику. Подобный выбор давал возможность прибавить стабильности собственной идентичности. Самую важную роль играла, конечно же, древняя тюркская религия – тенгрианство, которая вместе с культом к предкам была основой для тюркской идентичности, так как была исконно *своей* (об этом культе см.: Sinor D., 1990, p. 314; Roux J.-P., 1987a, p. 401–403; Roux J.-P., 1987b, p. 91–92).

Излюбленным приемом перед введением данной монотеистической или мировой религии среди кочевых элит был созыв религиозного диспута между разными представителями подобных вероисповеданий в дворах каганов. Эта практика, если только она не является всего лишь литературным *топосом*, действительно заслуживает специального внимания. Так, например, перед тем, как принять манихейство, уйгурский каган тоже позаботился о том, чтобы ему предварительно разъяснили основные положения этой религии при помощи религиозного диспута (Mackerras C., 1990, p. 330; Golden P., 1992, p. 174 f.; о манихействе в Центральной Азии см. также: Haussig H., 1992, s. 232 ff.; Lieu S.N., 1998). Уйгуры, как уже упоминалось раньше, в 762/3 г. предпочли манихейство, к которому китайцы относились весьма неодобрительно. Возможно, оппозиция к Китаю и вообще желание Бёгю-кагана (75–779) показаться независимым от Поднебесной империи и династии Тан были среди основных движущих мотивов для этого решения. Не следует, однако, исключать и возможность, что это был хорошо продуманный ход для манипуляции владетелей ослабленного китайского государства с целью навязать им некоторые взгляды уйгурского двора по отношению к религиозной политике (о возможных мотивах см.: Mackerras C., 1990, p. 331 f.; Foltz R., 1999, p. 80–81). А.М. Хазанов (Khazanov A., 1994b, p. 19–20) обращает внимание на тот важный факт, что манихейство в Уйгурском каганате, в сущности, было принято сразу после опустошительного для Китая восстания Ан Лушаня (755–763), и отмечает, что таким образом политическая конфронтация каганата с Поднебесной империей была «переведена на язык религиозной оппозиции».

К. Маккерас добавляет и еще один факт – в 768 г. каган смог убедить императора построить манихейские храмы и в Китае. Может быть, отмечает К. Маккерас, этим своим действием уйгурский владетель хотел наблюдать за уйгурскими обитателями империи и в то же время предоставить им сильное оружие против предвидимого китайского влияния. Спустя три года уйгуры попросили разрешения создать подобные центры еще в четырех городах, на этот раз в Южном Китае, и таким образом храмов «Доктрины Света» (китайское название манихейства) стало на четыре больше (Mackerras C., 1990, p. 332; см. также: Foltz R., 1999, p. 81). На самом деле, этот факт заслуживает большего внимания, нежели просто беглого упоминания. У него есть предыстория. В 732 г., последователи манихейства в Китае впервые были официально подвергнуты преследованию, а их религия была запрещена для всех, кроме иностранцев (Foltz R., 1999, p. 79). Уйгурский каган потребовал отмены этого запрета, и китайцам, истощенным долгими военными действиями против Ань Лушаня и Тибета, не оставалось ничего другого, кроме как примириться с этим унижительным для их суверенитета требованием, если они желали и впредь сохранить свою крайне важную дружбу с уйгурами. Так что требование кагана вряд ли являлось просто поступком, демонстрирующим идеологическую независимость (Khazanov A., 1994b, p. 19). Позже, к 806 г., уйгуры послали специальную миссию в столицу Китая, чтобы она там проповедовала манихейскую веру (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 331 и сн. 2; о некоторых тюркских гностических текстах, раскрывающих с разных сторон манихейские доктрины, см.: Gnosis on the Silk Road, 1993, p. 277–376). Для миссионеров был построен монастырь, и они принялись вводить свои требования, т.е. употребление фруктов и питье воды и кумыса. Однако из-за злоупотреблений и особенно из-за проступков, связанных с торговлей, проповедники были выгнаны из столицы в 817 г.

Чтобы завоевать сердца уйгуров и легче справиться с отрицательным отношением к *чужому*, манихейские проповедники подходили к этому весьма изобретательно. Они сознательно связывали свои религиозные понятия, символы и даже терминологию с тюркскими представлениями. Так, например, некоторые идеи манихейского учения, имеющие прямую связь со светом, приравнива-

лись к луне и солнцу, которые тюрки почитали с глубокой древности. Кроме того, манихеи «прикрепили» тюркское слово *bilig* (знание, в смысле «мудрость») – понятие, которое у кочевников изначально ассоциировалось с фигурой вождя, ко всем пяти основным добродетелям (например, любовь–знание, вера–знание, терпение–знание и т.п.). А для понятия «душа» они использовали тюркское *qut*, о котором уже шла речь в статье. Похожую гибкость в распространении некоторых из так называемых мировых религий в степной Евразии проявляли и несториане. Как манихейские, так и несторианские проповедники избегали крайностей в области веры, и именно поэтому эти две религии смогли привлечь столь многих последователей в Центральной Азии в период раннего Средневековья. Религиозные системы добиваются гораздо более серьезных успехов и имеют большую эффективность, когда им удастся адаптироваться к мировоззрению данной «атакуемой» аудитории, создавая ощущение, что «новое» послание на самом деле является лишь «улучшением» старой веры и полностью соответствует традиционным представлениям людей (Foltz R., 1999, p. 75, 81, 83).

Но не только оппозиция к Китаю имела значение в данном случае, важную роль играло и противостояние другим степным владетелям, в первую очередь карлукам. Они наследовали предводительство в Западном каганате после тюрков. На втором месте их оппозиция была направлена против киргизов, которые, как и карлуки, поддерживали христианство. На другом полюсе в этих сложных схемах противопоставлений в регионе в VIII–IX вв. находились тибетцы, принявшие буддизм. И не на последнем месте роль в выборе манихейства для уйгуров сыграл и коммерческий фактор, как это было и у хазар с иудаизмом. С этим призывом уйгуры, в сущности, обратились к согдийской манихейской диаспоре, как хазары в свое время обратились к еврейской (Khazanov A., 1994b, p. 20; Foltz R., 1999, p. 78). И до сих пор, однако, остается спорным вопрос о реальной значимости манихейства среди рядового населения Уйгурского каганата. По мнению Д. Тихонова (1983, с. 186), оно «не проникло на кочевую периферию», оставаясь «религией столицы и правящей знати государства» (см. также: Minorsky V., 1978, p. 275–305 и спец. с. 283; Ибн Хордадбех, 1986, с. 65, сн. 16–18; Mackerras C., 1990, p. 328; Foltz R., 1999, p. 83). И еще одна важная деталь. Проповеди Мани и его последователей против материальных вещей, являющихся порождением темного начала вселенной, не спасли уйгурскую элиту от ее усиливающегося и всё более демонстративного увеличения богатств, и, видимо, никто из каганов после 763 г. не был серьезно обеспокоен этим развитием (Mackerras C., 1990, p. 334).

В этих конфедерациях, однако, допускалось и свободное исповедование других религий, и особенно религий «Книги». Это дало повод для давней констатации, что кочевники были толерантными к *другому* вероисповеданию. Особо многочисленны сведения о хазарах, и они получены из самых разных источников, отличающихся как по происхождению, так и по жанровой характеристике, что не может оставить сомнений относительно достоверности подобного заключения. Похожую информацию можно обнаружить и в «Житие» св. Або Тифлисского/Тбилисского, который стал христианином как раз в Хазарии, поскольку «в северной этой стране [Хазарии] много селений и городов, которые живут беспрепятственно в вере Христовой» (Vigo M., 1977, p. 259, сн. 15). Арабская письменная традиция превратила во что-то вроде топоса сведения о семи верховных судьях в каганате хазар: двое – для мусульман, двое – для христиан, двое – для иудеев и один – для язычников (Заходер Б.Н., 1962, с. 148; Новосельцев А.П., 1990, с. 143). Особо любопытно описание Ибн-Русте и Гардизи, упоминающих о весьма большой веротерпимости жителей ас-Сарира: в пятницу они были в мечетях, в субботу – в синагогах, а в воскресенье – в церквях (Заходер Б.Н., 1962, с. 150).

Тем не менее бывали и случаи угроз нетерпимости в адрес иноверцев в пределах каганата. Один такой пример относится к первой половине IX в., незадолго до распада Уйгурского каганата, когда тамошний верховный владетель грозился избить всех мусульман, находящихся в его владениях, в ответ на преследования и убийства манихеев в Самарканде (Mackerras C., 1972, p. 42–43; Christian D., 1998, p. 270; Гумилев Л.Н., 2004, с. 471). В этой ситуации, однако, владетель действовал по принципу реципрокности, а не самоцельного гонения, или из странных и моментных, эмо-

циональных, побуждений. Подобным образом поступил и каган-бек Иосиф в Хазарском каганате (середина X в.) в ответ на гонения против евреев в Византии при Романе Лакапине (920–945). Согласно переписке Иосифа с Хасдаем ибн Шапрутом, каган-бек «избавился от многих христиан» (см.: Golb N., Pritsak O., 1982; Голб Н., Прицак О., 1997, с. 141, 163).

Возможно, самые многочисленные и самые типичные случаи изменений и приспособления с целью распространения новой мировой религии среди людей «степной империи» и, в частности, на территории Центральной Азии связаны с исламом. Эта религия предъявляла меньше всего крайних требований к кочевникам, а и не угрожала их освещенного Небом политического порядка. Оседлость, как следствие ее принятия, тоже не являлась обязательным условием, равно как и не-пременное создание новой этнической принадлежности и идентичности. Кроме того, по крайней мере в начальных веках, т.е. после VIII столетия, мусульманское духовенство требовало от кочевников единственно официально принять ислам и декларировать свою веру в Аллаха. Эта гибкая политика позволила сохранить немало традиционных особенностей в культуре местного населения, а также сохранить до наших дней и немало мусульманских реликтов в регионе Центральной Азии (Khazanov A., 1994b, p. 21–22; см.: Древние обряды..., 1986). Однако в эпоху раннего Средневековья, по крайней мере до X в., ислам всё еще не имел значимого успеха среди населения «степной империи» (о проникновении ислама см.: Haussig H., 1992, s. 242 ff.; о сопротивлении ислама в регионе Согдианы до 750 г. см.: Бичурин Н.Я., 1950б, passim; Бартольд В.В., 1968б, с. 295–301; De la Vaissière É., 2002, p. 258–286). До тех пор он был религией прежде всего граждан и особенно торговцев согдийского происхождения. В отличие от Хазарии, в Центральную Азию он проник в гораздо большей степени, проходя сквозь фильтр иранской цивилизации (Foltz R., 1999, p. 15).

Введение христианства в его несторианском варианте, особенно в пределах Западного Тюркского каганата и среди карлуков, было особо успешным в VII–VIII вв. В VII в., например, отмечается процветание общин в центральной и восточной части Средней Азии. Но в этом регионе приток христиан увеличился еще с середины V в., когда «сирийская церковь» отделилась от Константинопольской после соборов в Эфесе и Халкидоне (Беляев Л.А., 2000, с. 226). Значительную роль здесь сыграла так называемая Мервская митрополия в Северном Иране, имеющая древнее происхождение – согласно одним авторам, она существовала с IV в., а согласно другим – еще со времен Шапура I (242–272) (о христианстве в Центральной Азии см.: Бартольд В.В., 1964; Никитин А.Б., 1984, с. 121–137; 1992, с. 533–549; Кычанов Е.И., 1978, с. 76–86; Бадер А.Н., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 1996, с. 85–94; Беляев Л.А., 2000, с. 226–228; Litvinsky, B., 1996, p. 421–428). Один из ее митрополитов, Илья, даже получил прозвище «апостол тюрков» (Бадер А.Н., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 1996, с. 92), из-за своей миссионерской деятельности: в 644 г. он крестил тюркского владетеля и его армию «по ту сторону Окса», т.е. в Тохаристане. В 719 г. многие миссии из Тохаристана доезжали до Китая, и из сведений одной из них становится ясно, что в Тохаристане проживало немало несториан. Этот факт дает основания предполагать, что между несторианской церковью и тохаристанской аристократией существовали крепкие связи (Litvinsky B., 1996, p. 424; Haussig H., 1992, s. 218 ff.; Foltz R., 1999, p. 69 f.).

В Семиречье тоже находилась христианская миссия, и она была послана из Согдианы. Это подтверждается как сохранившимися некрополями с VI и VII вв. и церковью при Ак-Бешиме VIII в., так и христианскими надписями на сирийском и согдийском. Так что, когда тюркские племена прибыли сюда, они застали и христианское население. Как уже было отмечено, христианство завоевало особую популярность среди карлуков, а также и к востоку от них, среди киргизов, от которых остались стелы с руническими надписями и крестами (Litvinsky B., 1996, p. 425; о Карлукской митрополии см.: Беляев Л.А., 2000, с. 228).

В.В. Бартольд (1964, с. 275) упоминает, что, согласно сирийским хроникам, патриарх Тимофей (780–819) получал письма не только от тюркского владетеля, но и от других царей, описанных как крещеных им же (о деяниях там патриарха см.: Mackerras C., 1990, p. 333; ср.: Gabain A., 1949, s. 47–48). По мнению А. Минганы, в 781–782 гг. прошло второе массовое крещение тюрков, и пат-

риарх Тимофей учредил центральноазиатскую митрополию, чтобы напутствовать в особенности тюрок-христиан (Mingana A., 1925, p. 12–13; Foltz R., 1999, p. 70).

Согдийский торговый центр Пенджикент тоже хранит следы христианского присутствия. Его знаменитые стенописи от VI–VIII вв., изображающие ритуалы разных религий, включают и крайне интересный для нас сюжет – Иосиф раздает зерно в Египте. Некоторые детали иконографии дают основания для предположения, что этот сюжет имел христианский прототип (Беляев Л.А., 2000, с. 227). Но особое внимание заслуживает другой памятник, тоже свидетельствующий о проникновении христианства в Среднюю Азию – храм с середины VII – начала VIII в. в столице тюрок Ордуценте (Суябе) (Беляев Л.А., 2000, с. 227; Высоцкий А.М., 1989). Он был воздвигнут за пределами шахристана, но всё же находился вблизи от него.

Продолжительное существование христианства в Средней Азии и проникновение некоторых характерных отличий несторианской сирийской церкви в регионе можно проследить и на основе так называемых кайраков в сегодняшнем Киргизстане. Это плоские, сравнительно крупные камешки с равносторонними крестами и сирийско-тюркскими эпитафиями. Они были распространены в землях несторианцев в северных районах Притяньшанья со второй половины VIII в. и до середины XIV в. Их аналоги существовали и в Сирии (V–VI вв.), а также в соседних с ней районах. Следовательно, этот обычай строго соблюдался не только в местах расселения сирийцев, но и в регионах Средней Азии, где тюркоязычное население исповедовало христианство (Шифман И.Ш., 1987, с. 85–90; Беляев Л.А., 2000, с. 229). Самые ранние эпитафии Семиречья относятся к концу VIII в. и являются продолжением традиции воздвижения таких памятников в Мерве, Самарканде и Ургуте, где аналогичные надгробья относятся к VI–VII вв. Обычно надписи содержат дату по тюркскому циклическому («животному») календарю, имена усопших и их родителей. Эпитафии являются наглядным свидетельством о сочетании элементов двух языков (Беляев Л.А., 2000, с. 229). На территории северного Киргизстана сирийская письменность использовалась еще со времен принятия христианства там (конец VIII – IX в.) и до гибели несторианских общин в Семиречье в середине XIV в. (Беляев Л.А., 2000, с. 253, сн. 147).

Среди уйгуров проживали и язычники, вместе с манихеями и несторианами (Minorsky V., 1978, p. 283; Mackerras C., 1990, p. 333), как и во всей Центральной Азии, где соприкасались все мировые религии (христианство, зороастризм, иудаизм, буддизм, ислам и манихейство) и различные племенные культы (Litvinsky B., 1996, p. 421–431; Roux J.-P., 1984).

Из этого следует, что и с конфессиональной точки зрения, среди евразийских кочевых и полукочевых обществ *другой* (за исключением, разве что, дунайских болгар, где *другость* была сильно радикализована во втором и третьем десятилетии IX в. как раз в конфессиональном аспекте) не был полностью отвергнут, поскольку был необходим для собственной идентификации в стремлении этих конфедераций к большей гомогенности. Поэтому и их принятие мировых религий, изначально связанных с *чужим*, имело не только экономическую и религиозную подоплеку, но и соображения идентификационного и политического характера.

Одним из «побочных продуктов» вследствие контактов с оседлыми цивилизациями и их религиозными доктринами были попытки совмещать разные письменности и датирования в одном и том же месте, на одном и том же материальном носителе. Это явление наблюдается в некоторых надписях тюрок и уйгуров (для подобных примеров в Болгарии см.: Бешевлиев В., 1979; 1992; см. также: Степанов Ц., 2004, с. 288–305). Несомненно, в этих случаях кочевые элиты стремились вступить в диалог с *другими*, допуская, чтобы надписи выписывались на согдийском и китайском. Это особо хорошо заметно с середины VII в., когда они уже располагали собственным руническим письмом, созданным на основе согдийской письменности; и всё же, часть их надписей, высеченные с явной пропагандистской целью, часто носили и отличительные знаки *другого*.

Особо показательны датировки. В китайском тексте на стеле Кюль-тегина указана точная династическая дата: «кай-юань, двадцатый год», т.е. 732 г. В тюркском тексте на этом же памятнике даны три даты (смерть Кюль-тегина, совершение поминального обряда и освещение надписи

и заупокойного храма), причем даты вычислены по так называемому животному циклическому календарю, в частности «в год обезьяны» (Кормушин И.В., 1981, с. 140; ср.: Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971б, с. 110). Уйгуры тоже использовали не только 12-летний циклический календарь (Klyashtorny S., 1982, p. 341–346; Tekin T., 1982, p. 46–52; Klyashtorny S., 1985, p. 152–154), но и допускали употребление согдийского и китайского вида датировки на некоторых стелах (на Сэврэйской и Карабалгасунской). Следовательно, их послание было направлено как «вовнутрь», к их собственным подданным, которые могли прочесть тюркские и уйгурские руны, так и «наружу», в основном к китайцам.

В завершение можем отметить, что в религиозной области в этих обществах наблюдается особая флюидность, выражающаяся в частой смене государственной религии (это особенно характерно для тюрков и уйгуров) (Khazanov A., 1994b, p. 15). Эта флюидность во многом объясняет, почему в эпоху Средневековья кочевые культуры в степной Евразии, и особенно культуры к востоку от Каспийского моря, стали намного менее гомогенными, чем они были во времена Античности и до какой-то степени в раннем Средневековье. Религиозное разнообразие в степи привело и к разнообразию в письменных системах (алфавитах и шрифтах) и грамотности в целом, в стилях в искусстве, в моде и пр. (Khazanov A., 1994b, p. 15), т.е. всем тем, что воспринималось и как отличительная черта *другности* и которое было неразрывной частью принятия той или иной мировой религии. Это стало возможным за счет интенсификации в этом периоде встреч и диалога между кочевниками с их разными культурами и различными *другими*, в чем проявлялась как сила, так и слабость кочевых обществ.

Глава XI

ЭЛИТА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (X – начало XIII в.): МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (постановка проблемы)

История Волжской Булгарии – явление неординарное в Европе эпохи средневековья, хотя и не исключительное. Это связано с тем, что болгарское общество за небольшой промежуток времени прошло путь от осколка кочевой хазарской империи к государству с земледельческо-скотоводческим укладом, причем преимущественно земледельческим. При этом оно преобразилось идеологически, сделав шаг от господства языческого мировоззрения к монотеистической религии – исламу, что подразумевало коренную ломку традиционных представлений и замену их новыми, за чем скрывается достаточно сложный процесс развития социальных отношений в болгарском обществе. Что представляло собой это общество на протяжении рассматриваемого нами периода, судить непросто, поскольку болгарских письменных аутентичных источников не сохранилось. Этот факт стал причиной того, что с XVIII в. ученые пытались найти ответы или прийти к какому-то более-менее единому мнению по вопросу о булгарах на Волге: автохтоны ли они или пришлый народ в этих местах, на каком языке разговаривали, были ли единым племенем или состояли из многих; какова была их политическая, социальная организация, культура и дальнейшая судьба (Руденко К.А., 2014, с. 416–473). Однако пока не начались профессиональные раскопки археологических памятников во второй половине XX в., эти темы оставались в основном более или менее удачными гипотезами. Тем не менее даже спустя полстолетия после начала масштабных археологических изысканий многие принципиальные вопросы остаются дискуссионными (Хузин Ф.Ш., 2013, с. 212).

Непосредственно жизнь болгар на Волге «изнутри» описана только в двух сочинениях восточных авторов X–XII вв.: «Путевых заметках» араба Ибн Фадлана (X в.), ставших частично доступными в начале XIX в. благодаря публикациям отрывков из них казанским востоковедом Х.М. Френом из средневековой энциклопедии Йакута (более полный вариант вошел в научный оборот только в 1930–1950-х гг. в русском переводе А.П. Ковалевского) (1956) и «Описании путешествия» испанского уроженца Ал Гарнати (XII в.), опубликованном на русском языке О.Г. Большаковым и А.Л. Монгайтом в 1971 г. (Путешествие, 1971, с. 27, 30–35, 37, 42, 43–44).

Более детальные сведения о булгарах содержатся у Ибн Фадлана (причем в его «Записках» речь идет только об одном из племен которые он упоминает: собственно, болгар и баранджар-мусульман), хотя краткость его пребывания в болгарской стране, определенная предвзятость к наблюдаемым явлениям, общение через переводчика (который, вероятно, и был основным информатором Ибн Фадлана) (Коновалова И.Г., 2005, с. 38–39) заставляют предполагать, что он описывал лишь то, что смог увидеть и услышать, т.е. далеко не все. При этом даже доступную ему информацию он излагал избирательно, т.е. которая, по его мнению, была нужной и интересной (диковинной) для читателя. Кроме того, сама рукопись дошла до нас в отредактированном, а не в оригинальном виде, с элементами, которые могли быть добавлены в текст позже или пересказаны переписчиком спустя какой-то промежуток времени с заменой архаичной лексики, с целью сделать текст более понятным для читателей-современников (Коновалова И.Г., 2005, с. 36–37).

Иначе говоря, Ибн Фадлан зафиксировал только очень узкий и краткий срез жизни одного племени в стране болгар, по территории которого он совершил несколько экскурсий в течение начала лета 922 г. При этом его рассказ надо рассматривать через призму задач миссии (установить правила мусульманской веры, точнее исправить их у болгар-мусульман), его личного восприятия (образования, начитанности, набожности) (Коновалова И.Г., 2010, с. 44), мировоззрения той эпохи и арабской культуры, а также литературной арабской традиции и мифологии (Калинина Т.М., 2005а, с. 91–101; Коновалова И.Г., 2010, с. 42–45). Стоит учесть и особенности сведений информаторов Ибн Фадлана, с которыми он беседовал через переводчика (например, сюжеты о руссах, хазарах), которые описывали многие явления с негативным оттенком (Бейлис В.М., 1992, с. 4).

Мы не можем судить по приведенным Ибн Фадланом данным: было ли все так в болгарском обществе (кроме событий, которые разворачивались во время его присутствия) до приезда путешественника, например, во времена правления Шилки – отца болгарского эльтебера Алмуша, который принимал гостя, и сохранилось ли это позже, после смерти того же Алмуша. Трудно даже предположить, насколько обширна была власть эльтебера Алмуша, по крайней мере Ибн Фадлан называет его достаточно абстрактно: «царем сакалиба», что в сущности является своего рода литературным клише, принятым в арабоязычной литературе того времени (Калинина Т.М., 1994, с. 16). Но отметим, что, несмотря на этот литературный шаблон, в описании Ибн Фадлана приехавшие на съезд ближайшие соседи Алмуша под это определение, очевидно, не попадали.

Сведения Ал-Гарнати гораздо скуднее, хотя содержат некоторые интересные этнографические зарисовки, в которые вписаны виденные или услышанные им истории, реальные или придуманные (мифологические), вероятно, дополненные из багажа собственных представлений, а также почерпнутые из сочинений предшественников, ставших литературным штампом при описании стран «седьмого климата».

В связи с этим стоит сказать и о распространенных приемах восточных средневековых географов, в числе которых стоит обратить внимание на наиболее типичные: 1) заимствование без указаний на источник сведений, относящихся к более раннему времени, иногда не только другой эпохи, но и другого географического региона и, вероятно, другим народам, хотя и называвшихся булгарами (например, о булгарах в Малой Азии в VI в. или дунайских болгар VII–X вв.); 2) гиперболизация сведений (численности населения, войск противоборствующих сторон и т.п.), точнее их нумерологическая составляющая; 3) использование канонических образов, понятий или сюжетов из священных книг, священных сказаний или литературных произведений того времени или более раннего периода, например, о чудесном исцелении дочери правителя, после чего народ и правители принимают новую веру, или происхождении от легендарного героя, например, Александра Македонского и т.п.; 4) тиражирование необычных сюжетов, эпатазирующих читателей мусульманского Востока, например, о краткости летней ночи в Булгаре, которые включались в повествование вне зависимости от того, реально наблюдал их географ или ему об этом говорили или не говорили; 5) трактовка понятий Булгар или Сувар в значении область, округ, район, территория, а не как город (особенно для сообщений конца IX – X в.).

Эти данные ни в коей мере не могут быть основанием для однозначных суждений и полноценной реконструкции социально-политических отношений болгарского общества, а являются лишь фиксацией представлений данного путешественника или географа на основе реальных фактов или заимствованных им из других источников (Коновалова И.Г., 2006, с. 128; Мельникова Е.А., 1998, с. 118–119).

Из сообщений европейских и русских источников информацию о социальном и политическом строе получить практически невозможно. Так, из саг, записанных С. Стурлусоном (1995, с. 340) в XII в. следует, что Вульгария (Булгария) в первой половине XI в., во времена правления Ярослава Мудрого, была страной языческой и зависимой от киевского князя. В венгерских хрониках XII–XIII вв. есть полуполюгендарное известие, что около 970 г. болгарские князья Бил и Бокшу (Бакша), будучи мусульманами, со своими домочадцами из нескольких тысяч человек откочевали в Паннонию, основавшись на берегу Дуная у г. Буда, поселившись рядом, дав название своему месту жительства – Пешт (Христианский мир..., 2002, с. 282–283).

Проверить эти данные также нет возможности. Сведения венгерских миссионеров, искавших своих отдаленных родственников в Поволжье и побывавших в Булгарии накануне и в период монгольского вторжения, содержат общую информацию, причем также не называют ни одного имени правителя или правителей и вообще не имеют каких-либо деталей. При этом интересен один факт: С. Стурлусон в XII в., описывая события первой половины XI в., и венгерский монах-доминиканец в первой трети XIII в. называют Булгарию языческой страной, притом, что в это время здесь широко распространилось мусульманство. Однако в сообщении францисканца Иоанна Булгария рас-

смаатривается отдельно от Великой Венгрии, которую населяют язычники (Христианский мир..., 2002, с. 240). Что за страну описывают в данном случае эти путешественники, остается без ответа. Не могли ошибаться достаточно хорошо знавшие Восточную Европу скандинавы (Райт Дж.К., 1988, с. 277–278) и тем более лично побывавшие там монахи. В последнем случае это не относится к той части сообщения («Роман о Чингисхане»), которое является частью литературного произведения или реального повествования, но с литературными мифологемами, как в случае с народом паросцитов (Юрченко А.Г., 2002, с. 61).

Из русских летописей вообще не ясно: был ли у болгар в XI – начале XIII в. единый правитель или их было несколько; при этом ни один из них ни разу не назван по имени, хотя как таковые они упоминаются при описании политических или военных событий, например, под 1117 г., когда болгары отравили половецких князей во главе с Аепой, или в сюжете под 1185 г., описывающем поход на Великий город, когда один из болгарских князей выступил на стороне русских полководцев (История, 2006, с. 857, 873). Чаще всего русские летописцы писали о булгарах в целом, обобщенно: болгары собрали войска, выступили в поход и т.п.

В восточных источниках есть единственное сообщение, где упоминается имя болгарского правителя. Речь идет о щедром даре болгарского эльтебера Ибрагима в 1024 г. шиитской общине города Себзеvara (пригород Нишапура в Иране) для строительства мечети (Заходер Б.Н., 1967, с. 46); причем это сообщение также окутано мистическим ореолом: этот дар он сделал после пророческого сна! Нигде больше эти сведения не встречаются.

Ценные данные по болгарским правителям дает нумизматика: известны монеты, чеканенные в X в. (с 906/7 и до 990-х гг.) в двух болгарских городах: Булгаре и Суваре – Микаилом, Абдуллахом, Ахмедом (Суварским и Болгарским), Талибами (Суварским и Болгарским) (Kovalev R.K., 2013, р. 67–102). С начала XI в. из-за серебряного кризиса чеканка монет прерывается до начала XIII в. По монетам можно сделать несколько выводов: 1) после Алмуша правящая династия была одна – Джафарида (Джафар мусульманское имя Алмуша); 2) власть переходила как по наследству, так и по лествичному праву (родовому принципу наследования); 3) власть не была сосредоточена в одних руках – как минимум было две правящих ветви; 4) оба правивших дома (судя по монетным легендам) во второй половине X в. ориентировались в определении своего статуса (идеологического вассалитета) на среднеазиатских правителях (Саманидов), а не на Багдад.

Таким образом, данные письменных источников и нумизматики дают нам комплекс сведений практически только по X в., при наличии одного документального свидетельства, оставленного Ибн Фадланом в 922 г. Эти данные следует учитывать в контексте того, что большую часть этого столетия болгары на Средней Волге были в прямом подчинении Хазарского кагана, о чем свидетельствует дошедшее до наших дней письмо хазарского кагана Иосифа, написанное в 950-х гг., где в числе подчиненных и платящих дань ему племен упомянуты болгары (История, 2006, с. 668). Еще более детально пишет об этом Ибн Фадлан. Утверждать, что в этот период уже образовалось государство Волжская Булгария, массово строились города (Хузин Ф.Ш., 2013, с. 217), при отсутствии убедительных археологических данных и сведений письменных источников не корректно.

Из приведенных фактов следует, что, во-первых, в первой трети болгарский правитель был вассалом хазарского кагана и занимал достаточно скромное место в государственной иерархии каганата, что подчеркивалось и его титулом – эльтебер (Калинина Т.М., 2005, с. 48), который сохранялся вплоть до первой четверти XI в.; во-вторых, вместе с тем он обладал определенной свободой политического маневра, заключая династические браки с представителями правящих кругов соседней-кочевников (огузов), не подчиненных хазарам. Обратим внимание на этот факт, поскольку браки между представителями кочевой элиты и знатно оседлого населения (если брать ближайшие аналоги в истории Древней Руси) были чрезвычайно редки.

В-третьих, ни в одном из свидетельств очевидцев, наблюдавших жизнь болгар на Волге в начале X в., не говорится о постоянных болгарских поселениях (городах или селениях), постоянных жилищах, занятиях земледелием, ремеслами и т.п. Даже учитывая кратковременность пребывания

Ибн Фадлана у болгар и ограниченность в передвижениях, скрыть факт наличия городов или просто укрепленных мест и тем более строительства или его подготовки гигантской Соборной мечети, возведенной, по утверждению Ф. Ш. Хузина (2013, с. 211), в год прибытия Ибн-Фадлана, было невозможно, да и зачем – большая часть населения была по вере язычниками? Все сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, не могут подтвердить однозначно какой-либо государственной или просто оседло-поселенческой организации болгарского населения. Ссылки на то, что болгары до прихода на Волгу были строителями городов и сел, малоубедительны, поскольку нет данных о том, откуда собственно болгары продвинулись на Волгу, а идея о масштабной урбанизации в Хазарии в настоящее время подвергается критике (Флеров В.С., 2011, с. 224–225; Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я., 2014, с. 40). В-четвертых, болгарское общество не было однородным как в этническом плане, так и в конфессиональном. Не было организационного единства: Ибн Фадлан (как и другие арабо- и персоязычные восточные географы X–XII вв.) писал о предводителях нескольких разноименных кланов, которые прибыли на съезд после его приезда (Ибн-Даста, 2014, с. 22).

Исходя из этого вряд ли можно говорить о едином народе болгар в первой четверти X в. как по языку, так и по территории и в какой-то мере по роду занятий. Булгары, в данном контексте, – это этнические группы, проживавшие в области под общим названием Булгар; определенная этнолингвистическая общность. Ученые-лингвисты отмечали, что в начале X в. прослеживается не только близость болгарского и хазарского, но и в какой-то мере болгарского и угорского (мадьярского) языков (Ибн-Даста, 2014, с. 91).

Сложность еще и в том, что в сюжеты о волжских булгарах нередко вплетены рассказы о дунайских и приазовских (включая бассейн Северского Донца) булгарах, скомпилированные из других разновременных источников. К их числу, видимо, относятся и сообщения о земледелии, исламизации большей части болгарского населения и т.п. (Флеров В.С., Петрухин В.Я., 2014, с. 35; Ибн-Даста, 2014, с. 23, §4). Частью это могло быть и искаженным изложением сведений, полученных от информаторов, поскольку описываемая ими этнополитическая ситуация могла иметь место в другой области Хазарии, например в Приморском Дагестане (Магомедов М.Г., 2014, с. 186, 192).

Насколько вышеописанная ситуация сохранилась после 922 г., судить по письменным источникам невозможно, но скорее всего определенные изменения (особенно после обращения части правителей булгар в ислам) должны были происходить. Эта тема на данных письменных источников в отношении булгар не может быть раскрыта, но можно сделать предположение, что часть предводителей булгарских кланов исповедовала традиционную религию кочевых тюрок (тенгрианства или манихейства), часть – ислам (в основном элита из клана Джафара), а часть (не исключено) была последователями иудаизма (сыновья булгарских правителей были заложниками при дворе хазарского кагана), несторианства и православия византийского толка (известный основатель Великой Болгарии в Приазовье, Кубрат был крещен и являлся христианином (Пигулевская Н.В., 1976, с. 53)). Однако это вовсе не значит, что всё население булгарских кланов были единоверцами в соответствии с религией правителя. Есть пример Хазарии, где большинство населения вовсе не были последователями иудейской религии. Огузы, кочевавшие от Средней Волги до Устюрта и зимовавшие поблизости от крупных городов Хорезма, то принимали ислам, то отказывались от него. Для подтверждения этих тезисов нужны другие источники.

Отношения вассалитета между Булгаром и Итилем прекратились после разгрома Хазарии русским князем Святославом в 965 г. Русь, наследовавшая права сюзерена по отношению к племенам, входившим в состав Хазарии по существовавшему тогда международному праву, имела претензии и к волжским булгарам, что проявилось во время правления Владимира I Святого. По крайней мере, один раз в 985 г. он доходил с дружиной до пределов булгарских земель, однако эта демонстрация силы не привела к установлению политического контроля со стороны князя Владимира – был заключен мирный договор, судя по контексту и последующим событиям определявший независимость булгар от киевской власти и аннулировавший вассалитет по отношению к Хазарии

и его правителю, перешедший к русским князьям. Исходя из этого правящий клан Булгарии стал легитимным и получил признание на международной арене. Видимо, с этого периода можно говорить и о булгарской правящей элите, в некотором смысле соотнесенной с булгарским государством в целом.

Когда речь идет о государстве, то очевидно, что оно должно иметь границы, очерчивающие власть его правителей. Однако если мы попытаемся как-то определиться с ними по известным нам данным, то можно лишь констатировать, что клан Алмуша на момент прибытия багдадского посольства в 922 г. кочевал недалеко от Волги по левому берегу в пределах дневного перехода от реки (возможно, современные Спасский и Алексеевский районы Татарстана). Откуда прибыли представители других кланов, остается только гадать (известно только, что их путь занял один-два дня). Совершенно абстрактна попытка определить пределы области «Булгар» и для остальных десятилетий X в.

Такая картина вырисовывается при анализе письменных источников и данных нумизматики. Как мы видим, она весьма мозаична и полна лакун, которые охватывают значительные промежутки времени – время жизни одного или даже двух поколений.

Сопоставим эти данные с другим видом источников – археологическими данными. Накопление их происходило стремительно с середины XX столетия, также стремительно формулировались концептуальные обобщения. В начале 1950-х гг. появились фундаментальные исследования А.П. Смирнова о волжских булгарах, в 1970–1980-х гг. – труды Р.Г. Фахрутдинова, А.Х. Халикова и его ученика Ф.Ш. Хузина, в которых интерпретировались археологические данные в историческом контексте и обосновывались гипотезы генезиса булгарского государства (Руденко К.А., 2014, с. 498, 502–503).

На территории Казанско-Ульяновского Поволжья в 1960–1980-х гг. и в начале 2000-х гг. были исследованы впускные захоронения середины VIII в. в курганы бронзовой эпохи у с. Хрящевка и Кайбелы; Большетарханский могильник (изучено около 300 погребений) второй половины VIII – IX в.; Танкеевский (исследовано свыше 1000 захоронений), Тетюшский (изучено свыше 100 захоронений) и Автозаводской (около 10 захоронений) могильники IX–X вв. Большинство изученных захоронений могильников совершены по языческому обряду, хотя в Танкеевском и Тетюшском могильниках встречаются мусульманские захоронения, датированные X в. (в Танкеевском могильнике мусульманская часть преобладает: из предполагаемого количества захоронений около 3 000 они составляют 2/3, но исследованы очень в небольшом количестве). Полностью не изучен ни один могильник. Из этих некрополей достаточно подробно опубликован Большетарханский (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964), Танкеевский (раскопки 1966–1975 гг.) (Chalikova E.A., Kazakov E.P., 1977, p. 21–221; на франц. яз.).

Булгарских поселений ранее X в. не известно. К первым десятилетиям X в. (может быть, конца IX в.) относится селище в Малоиерусалимском овраге в северо-восточной части Болгарского городища (Старостин П.Н., 2007, с. 140–144). Материалы Билярского городища и близлежащего II селища, несмотря на утверждения о строительстве его в 920-х гг., артефактов ранее второй половины X в., а в большинстве своем рубежа X–XI вв. не содержат. Аналогичная ситуация было констатирована по материалам раскопок городища Сувар (Смирнов А.П., 1937, с. 330–332; 1941, с. 135–171). Ранние булгарские селища, по мнению Е.П. Казакова (1992, с. 308), появляются во второй четверти X в.

Для изучения социальных структур общества волжских булгар, по археологическим данным, пригодными могут считаться только могильники с языческим обрядом погребения. Безынвентарные мусульманские захоронения, появившиеся в Булгарии в X в., лишают нас такой возможности. С XI в. известны вещевые клады, которые дают представление об украшениях зажиточных слоев горожан. Небольшой объем информации можно получить из опубликованных материалов раскопок, прежде всего те случаи, когда в постройках были обнаружены монеты или средства платежа, а также предметы роскоши.

Не останавливаясь пока на анализе имеющихся данных, рассмотрим исторические заключения, полученные в ходе анализа археологических фактов, озвученные в литературе 70–80-х гг. XX в. Их сформулировали практически одновременно А.Х. Халиков, его ученик Ф.Ш. Хузин и Е.П. Казаков.

По версии Халикова–Хузина, болгары до конца IX в. были кочевниками-язычниками, постепенно обращавшимися в ислам и оседавшими на землю (в недавних публикациях Ф.Ш. Хузина (2013, с. 217) утверждается, что конец IX – первая четверть X в. – завершающий этап седентаризации). С начала X в. (сразу после приезда Ибн Фадлана) они обрели элементы государственного устройства, возведя на своей территории единовременно во второй половине 920-х гг. столичный мегаполис Биляр – Великий город – площадью более чем 600 га, с трехчленной планировкой и мощной системой укреплений, тем самым обеспечив себе суверенитет от хазарской власти и обретя городскую мусульманскую культуру. Проблема, которая со всей очевидностью противоречила данной гипотезе – как кочевники вдруг стали строителями и земледельцами, объяснялась ими по-разному в разное время.

1. Версия 1970 – начала 1980-х гг.: изначально говорилось о строительстве этого города багдадскими строителями, приехавшими к болгарам после завершения посольства Ибн Фадлана. Принципиально отвергая идею о включении в состав болгар на раннем этапе становления государства предшествующего местного коренного населения (автоматически наделяя тюрков-болгар качествами народа-первооткрывателя, по сути автохтона), они предполагали, что в течение 150 лет – с середины VIII до начала X в., происходил активный процесс седентаризации, усиленный интенсивным классообразованием и динамическим развитием социальных отношений и иерархической общественной системы, стимулированный торгово-ростовщическими операциями на волжско-камском пути. Эта позиция во многом была заимствована из концепции А.П. Смирнова, который предполагал социальную эволюцию коренных жителей восточноевропейских степей алано-сармат-болгар от родовых отношений к феодальным на Средней Волге в VI–X вв.

2. Версия второй половины 1980-х гг. На этом этапе концепции она некоторым образом трансформировалась с учетом идей, которые последовательно доказывал Е.П. Казаков. Концепция Е.П. Казакова (2000, с. 22) заключалась, с одной стороны, в постулате об этнической многокомпонентности раннеболгарского объединения со значительной ролью в нем угорского компонента, а с другой – в реконструкции нескольких волн прихода самих болгар на Волгу, т.е. становление болгарской государственности, по его мнению, имело не «автохтонно-эволюционный характер, а во многом было связано с миграциями». Исследователь считает, что угорский субстрат был присущ населению Предуралья с VII в. и постоянно присутствовал в составе болгарского населения как минимум до XIII в.

Гипотеза миграций Е.П. Казакова объясняла (без версии социального «скачка») изменение природы болгарского общества – от кочевого к оседлому, позволяя как бы разграничить материал языческих могильников IX–X вв. и мусульманских безынвентарных захоронений середины – второй половины X в., которые теперь трактовались как захоронения приазовских болгар-мусульман, земледельцев и ремесленников, переселившихся к своим соплеменникам на Средней Волге в период хазарско-печенежской конфронтации. Е.П. Казаков (2000, с. 22), подчеркивая археологическую природу своей периодизации, утверждает, что история Волжской Булгарии делится на раннеболгарский (IX – первая четверть X в.) и домонгольский (60-е гг. X – первая треть XIII в.) периоды, а между ними выделяется переходный период – второй–третьей четверти X в.

Е.П. Казаков (2000, с. 23) писал, что на раннеболгарском этапе происходит социальная дифференциация болгарского общества, ссылаясь в качестве доказательства этого тезиса на наличие в Танкеевском могильнике 7,5% захоронений воинов-всадников с набором воинского снаряжения и оружием, иногда по 2–3 погребенных в одной могиле. Переходный этап характеризуется им только по материалам поздних языческих захоронений Танкеевского могильника и Малоиерусалимским поселением в Болгарах. А начало домонгольского периода (измерский этап, по Е.П. Каза-

кову), по его мнению уже государственного, связано с фактически новым населением, мигрировавшим на Среднюю Волгу с низовий Кубани, которые были земледельцами, ремесленниками, градостроителями и т.д. (Казаков Е.П., 2000, с. 24).

Эту точку зрения в целом разделяла Т.А. Хлебникова, исследовавшая болгарскую керамику, обосновав идею о нескольких «волнах» болгар, хотя в целом она предполагала процесс внутреннего развития болгарского общества (вслед за А.П. Смирновым) как классового.

С учетом этих идей в концепции Халикова–Хузина при сохранении основных положений проблема кочевник-земледелец получала новое звучание, что также позволяло объяснить и декларируемый в этой гипотезе болгарский урбанизм первой половины X в. «Сдвинув» новую волну болгар-мусульман к началу X в., можно было тем самым объяснить достаточно резкую грань в материальной культуре языческих могильников типа Танкеевского и ранних болгарских поселений на Средней Волге.

3. Версия 1990-х – начала 2000-х гг.: гипотеза Халикова–Хузина изменилась еще раз, в связи с вводом в научный оборот материалов памятников новинковского типа на Самарской Луке и исследованиями Самосдельского городища в низовьях Волги (Хузин Ф.Ш., 2013, с. 210, 215). Г.И. Матвеева (1997) считала, что памятники новинковского типа принадлежали болгарам, оставившими некрополи, предшествовавшие и генетически родственные могильникам типа Больше-тарханского (первая волна болгар, родственная орде Аспаруха), создав условную связь между Великой Болгарией хана Кубрата и будущей Волжской Болгарией. Благодаря этому обрело силу перенесение условий и обстоятельств формирования социально-политических структур из Дунайской Болгарии как прямой и по сути синхронной аналогии.

Раскопки Самосдельского городища показали значительное число близких аналогий в ряде категорий материальной культуры, в частности круговой керамики с находками на памятниках Волжской Болгарии XI–XII вв. (Попов П.В., 2011, с. 60–88). Расширение географии ранних болгар на Волге и удревнение начального импульса проникновения их на Среднюю Волгу давало возможность исследователям относить начальный этап социальной эволюции болгарского общества к Великой Болгарии Кубрата, параллельно с становлением хазарского государства, тем самым снимая дихотомию кочевник-земледелец, проблему седентаризации и «теорию волн», устанавливая изначально присущую болгарскому обществу классовую социальную структуру государства классического типа.

Эти гипотезы, несмотря на свою кажущуюся цельность, однако уязвимы в нескольких моментах. Все они основываются на постулате, что материальная культура болгар на Волге со второй половины VIII в. – явление особенное, которая хотя и не получила наименование особой археологической культуры, но была обозначена условно как культура ранней Волжской Болгарии, т.е. рассматривалась как некая предтеча государственной унифицированной культуры болгарского государства, ее догосударственный, языческий этап. При этом практически всеми исследователями-булгароведами подчеркивалась ее основа: салтово-маяцкая культура, государственная культура населения Хазарского каганата. Она дополнялась на позднем этапе рядом этнических компонентов: угорским, поволжско- и пермско-финским, соотносимым с неволинской, поломской и ломоватовской культурами Предуралья, а также с археологической культурой муромы и мери Приочья.

Этот вопрос в советской археологической литературе практически не обсуждался, в силу того, что был весьма специфическим и мог вызывать интерес и дискутироваться у археологов, специализировавшихся на болгарской проблематике. В казанской археологии сосуществовали близкие в своей основе точки зрения А.Х. Халикова и Е.П. Казакова, а из ученых из других регионов в этом плане высказалась только московский исследователь-кочевниковед, признанный специалист по салтово-маяцкой культуре С.А. Плетнева (1981, с. 80), которая определила культуру ранней Волжской Болгарии как северный вариант салтово-маяцкой культуры, датировав ее IX–X вв., т.е. омоловив ее на полстолетия. Для большинства ученых, исследовавших древности даже близлежащих регионов, материальная культура болгар казалась достаточно цельной и неразрывно связывалась с последующей классической так называемой общеполгарской культурой и, как правило, не рас-

смаатривалась в контексте салтово-маяцкой культуры. Кроме того, болгары рассматривались как некая правящая группа кочевников-завоевателей, составлявшая правящую элиту покоренных ими народов Волго-Камья.

Исключение составила концепция самарского археолога Г.И. Матвеевой, озвученная во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Суть ее заключалась в следующем. В IV–V вв. н.э. район Среднего Поволжья заселяют славянские племена именьковской культуры, которые в VII в. частью ушли на запад, частью остались на старом месте, где обитали уже более 300 лет (Матвеева Г.И., 2003, с. 56, 77–79). В том же VII в., точнее в последней четверти этого столетия, на южной периферии границы обитания именьковских племен появилась небольшая группа населения, оставившая памятники новинковского типа, которая вступила в контакт с коренным в регионе (на тот момент) населением именьковской культуры (Матвеева Г.И., 1997, с. 98–99). Исходя из тезиса, что именьковское население – оседлое и земледельческое, следовал вывод, что земледелие стало присуще булгарам уже в конце VII – начале VIII в., что подтверждалось, по ее мнению, находками раннебулгарской керамики (правда, не новинковского, а большетарханского типа) на именьковских памятниках Ульяновского Поволжья и северных районов Самарской области (Матвеева Г.И., 1997, с. 98–99). Дальнейшая история булгар представлялась как формирование славянско-тюркского населения (Матвеева Г.И., 1997, с. 98), где господствующее положение занимали продвинувшиеся далее на север в середине – второй половине VIII в. булгарские племена (памятники типа Большетарханского могильника), как организующая составляющая часть (условно говоря, элита). О дальнейшей истории булгар исследовательница подробно не писала.

Ф.Ш. Хузин взял из концепции Г.И. Матвеевой только один эпизод – атрибуцию новинковских памятников как раннебулгарских, проигнорировав при этом существенную и по сути основную ее часть – об именьковском (славянско)-булгарском сосуществовании и слиянии. Однако эта атрибуция не однозначна. При ряде заметных сходных черт с салтово-маяцкими материалами в инвентаре погребений есть кардинальные отличия, как и в самом типе памятников, конструктивных особенностях могил и погребальной обрядности. В сущности, можно лишь констатировать, что речь идет о группе памятников хазарского времени, но кому они принадлежали – вопрос открытый. Е.П. Казаков, совершенно справедливо отметил это, считая, что новинковское население – это не болгары, а скорее всего хазары.

Разные точки зрения по принадлежности новинковских памятников высказывались В.Е. Флеровой (Нахапетян) (2001, с. 163–190), С.А. Плетневой (2003, с. 87) и др. По формальным признакам они больше всего соответствуют хазарским, в широком смысле этого слова, захоронениям. Ряд предметов, которые, по мнению Г.И. Матвеевой, являются маркирующими для новинковских памятников, такие как стилетообразные предметы с волютообразным навершием, встречается не только на Самарской Луке, но и в Подонцовье, например, в могильнике Сухая Гомольша начала VIII – третьей четверти IX в. (кремация, погребение 103) (Харьковская обл. Украины) (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, с. 167, 168, 227, рис. 25.-20, 21). Впрочем, эти аналогии достаточно своеобразны, учитывая спорные моменты в интерпретации этого памятника (Бубенок О.В., Аксенов В.С., 2009, с. 103–145). Высказано мнение о связи сухогомольшинских кремаций с материалами южносибирских археологических культур IX–X вв., не нашедшее, однако, поддержки среди исследователей. Отметим, что могильник у Сухой Гомольши не единственный в этом районе: в 2002 г. здесь случайно обнаружен еще один могильник с обрядом кремации (Аксенов В.С., 2005, с. 357–368).

Материалы Самосдельского городища пока еще мало введены в научный оборот, и однозначно судить о том, какой уровень сопряженности с средневожскими булгарскими находками они имеют и по какой причине, затруднительно. Из того, что опубликовано из раскопок этого городища, основной материал близок памятникам XI–XII вв., а не X в. (Самосдельское городище..., 2011).

Разные точки зрения высказываются по поводу многих оригинальных черт погребальной обрядности средневожских булгарских могильников VIII–IX вв., которые редко встречаются на остальной территории салтово-маяцкой культуры, но известны в могильниках именьковской культу-

ры, например, жертвенные комплексы из черепа и костей ног коня или, что значительно реже, крупного рогатого скота.

В последние десятилетия введены в научный оборот материалы могильников неволинской культуры (Голдина Р.Д., 2012), оказавшей несомненное влияние на формирование особенностей памятников раннебулгарского времени, функционировавших в IX в. Связи населения неволинской культуры с населением Хазарии доказаны на разнообразном материале, и их присутствие на Средней Волге не случайно, а закономерно. В каком-то смысле средневожские памятники IX в. можно рассматривать как южный вариант неволинских или юго-западный вариант поломских древностей. Впрочем, многие вопросы, касающиеся ключевых моментов в исследовании археологических материалов Волго-Камья, включая такие принципиально важные, как датировка, остаются в области дискутируемых (Комар А.В., 2010, с. 169–207).

В сущности территория Средней Волги от Самарской Луки и до Камы с севера на юг и от Свияги и до Ика с запада на восток была контактной зоной нескольких археологических культур: в VII в. – салтово-маяцкой (включая памятники новинковского типа), именьковской и кушнаренковской; в VIII в. – поломско-ломоватовской (в виде заимствований отдельных элементов); неволинской, салтово-маяцкой; в IX и первой половине X в. – неволинской, салтово-маяцкой и кушнаренковской (по Е.П. Казакову) или караякуповской (по В.А. Иванову). Это определяет специфику археологического материала VIII–X вв. Отметим заключение Е.П. Казакова (1992, с. 256–257), который, выделив несколько этапов формирования культуры ранней Волжской Болгарии, писал, что на втором этапе танкеевцы IX в. то же население, обитавшее здесь в VIII в., которое вошло в состав новых пришельцев из прикамского региона, переселившихся на Среднюю Волгу из мест своего проживания.

Если подвести итог этому краткому обзору, то заметим, что археологические гипотезы существенно отличаются от тех, которые базируются на сведениях письменных источников и нумизматики. Однако по мере накопления археологических материалов они не только изменились, но и достаточно быстро приобрели разночтения, обусловленные спецификой археологического источника. Как и сведения, дошедшие до нас в письменном виде, так и данные археологии не всеобъемлющи, а фрагментарны и исследовать их надо с учетом особенностей конкретных памятников, на фоне археологических материалов близких синхронных памятников всего региона.

Более того, имеется и ряд методических проблем, касающихся прежде всего выявления трудноуловимых социальных процессов в обществах с непостоянной оседлостью, таких как, например, седентаризация. Обратим внимание на работу В.В. Колоды (2005, с. 216–233), являвшейся попыткой изучить эту проблему на конкретных археологических материалах. Однако в отношении булгарских материалов такой аналитики сделать нельзя, поскольку булгарских поселений VIII–IX вв. на территории Казанского Поволжья, к сожалению, не выявлено. В связи с этим упомянем и о инокультурных памятниках, на части которых, в основном на небольшой территории правобережья Волги на севере Ульяновского Поволжья и Тетюшского течения Волги в Татарстане, выявлены находки раннебулгарского времени.

Речь идет о селищах и городищах именьковской археологической культуры, на которых найдены фрагменты раннебулгарской керамики, и ряд предметов, соотнесенных с находками на памятниках новинковского типа на Самарской Луке (Матвеева Г.И., 1997, с. 99). Часть этих артефактов более позднего времени – X–XII вв., другая часть либо могла попасть на них уже после запустевания поселения, либо (если допустить факт совместного проживания) настолько незначительна, что обозначить в целом это явление не может. Вряд ли правомерно утверждение, что в предбулгарский период во время проживания населения именьковской культуры здесь же кочевали болгары, причем здесь у них были как сезонные стойбища, так и стационарные городища (Матвеева Г.И., 1997, с. 99).

Вместе с тем можно констатировать, что потенциал археологических данных в реконструкции булгарской истории использовался в самых разнообразных позициях, например, социальной структуры населения, оставившего могильники VIII–X в. Поскольку изделия из драгоценных ме-

таллов на памятниках раннебулгарского времени редки, то в качестве богатства умершего рассматривались круговые кувшины, в совокупности с несколькими жертвенно-ритуальными комплексами в одном погребении, а также с особыми ритуалами, например, закрытие лица тканью с нашитой серебряной маской и иногда предметами вооружения (мужские захоронения).

Эту проблему стоит рассмотреть и с еще одной стороны. Какое все же было общество ранних булгар в период VIII–IX вв.? Кочевым или в большей степени оседлым? Сама по себе оседлость была присуща иномадам, причем не исключалась и вероятность того, что общество было многоукладным: часть племен могла вести кочевой образ жизни, часть – оседлый (Марков Г.Е., 2010, с. 281). Суть проблемы базируется на тех сюжетах, которые, увы, на археологических материалах практически неуловимы: формах собственности, для кочевых сообществ – на землю (территорию) или на скот (Марков Г.Е., 2010, с. 290). Также весьма затруднительно утверждать по данным археологии об эксплуатации соплеменников или об усилении имущественного расслоения в период частых военных столкновений, если бы таковые имели место в булгарской действительности X в. Даже в теоретическом плане предполагать наличие привилегированного сословия у волжских булгар (как, например, «ашина» у древних тюрков (Хазанов А.М., 2008, с. 177)) вряд ли возможно.

Особенно ярко это проявилось в поисках всаднической (дружинной) культуры ранних булгар на Волге. В качестве критерия такого рода определений были предметы вооружения, конского снаряжения и поясной гарнитур. Однако эти сюжеты, взятые из иной этнокультурной среды, другого временного периода и механически наложенные на несколько средневолжских памятников, в первую очередь Танкеевский могильник, который в своей основе больше относился к финно-угорскому миру, чем к тюркскому, в этом плане оказались не работающими, а интерпретация их в таком ключе – ошибочной. Наличие 7,5% всаднических захоронений в Танкеевском могильнике, при значительной унификации погребального инвентаря, не позволяет делать однозначный вывод о том, что у булгар в VIII–IX вв. имела некая всадническо-дружинная организация. Это противоречит и общим критериям формирования дружинной культуры (Горский А.А., 1989).

Как отмечается исследователями, пояс является одним из главных элементов кочевнической культуры на всем протяжении ее существования (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 188). Во многом его ассоциируют и с воинской (дружинной) культурой. Однако в Волго-Камье этот критерий не является определяющим: в могильниках раннебулгарского времени (кроме Больше-Тиганского) на Средней Волге поясной гарнитур больше присущ женскому костюму, чем мужскому, что также характерно для могильников финского населения Марийского Поволжья и Нижней Камы.

В этом отношении целесообразно сравнивать явления одного порядка, например, погребальные памятники Хазарии. Проведенные специалистами по хазарской проблематике исследования вопросов социальной организации входивших в него народов позволили утверждать, что в целом в каганате социальная или имущественная дифференциация вряд ли была глубокой (Флеров В.С., 1993, с. 121).

В литературе имеется гипотеза о скандинавской или скандинавско-булгарской дружине X в. Сама по себе такая конструкция для общества с непостоянной оседлостью является абсолютно искусственной и надуманной. Не подтверждено это и археологическими фактами. Использование артефактов из депортированных музейных коллекций, а также ссылка на один плохо документированный погребальный комплекс у с. Балымери не позволяет с доверием отнестись к этому предположению. Каких-либо иных доказательств, которые могли бы подтвердить эту гипотезу (они достаточно четко проработаны в археологической литературе (Кулаков В.И., 1993, с. 108–110)), нет.

Кроме того, не очень ясно, почему именно со Скандинавией, точнее со Швецией, нужно связывать находки нескольких мечей каролинского типа на булгарских землях, а не с русскими или каким-либо другими купцами или воинами не скандинавского происхождения. Тем более, что и на Русь приносили не шведы, а преимущественно выходцы из Дании (Толочко П.П., 2013, с. 69–70). На территории Булгарии, как и на сопредельных территориях, не найдены скорлупообразные фи-

булы, своего рода маркер присутствия скандинавского населения, поскольку единственная известная равноплечная фибула из Булгара широко встречается как у финского населения побережья Балтийского моря, так и у древних карел, вепсов и т.д.

Еще одним критерием для обоснования раннего образования болгарского государства и его классового характера является мусульманская религия, принятая отдельными представителями болгарской верхушки в начале X в. и являющаяся, как считают ряд исследователей, признаком уже сложившихся социальных классовых структур и влияния стран ислама на государственное строительство волжских болгар. Этот сюжет представляется в отношении периода конца IX – начала X в. малообоснованным, с точки зрения археологических материалов. Начальная дата мусульманизации волжских болгар с 920-х гг. основывается на датировках билярских могильников исходя из общей стратиграфии, ключевым пунктом которой являлась привязка к дневному уровню ряда монументальных построек, датировка которых сужена до X в., хотя представленный в публикации комплекс предметов датируется в широких рамках домонгольского периода (Исследования Великого города, 1976). Сведения Ибн Фадлана о наличии среди подданных эльтебера Алмуша группы баранджар-мусульман, еще не являются свидетельством мусульманизации **всех** болгар даже одного клана, как собственно не очень ясно: принадлежали ли баранджары к волжским болгарам.

Таким образом, археологические материалы по сути либо ограничивались глубоким источниковедческим исследованием без развернутых исторических, либо дедуктивно иллюстрировали определенную историческую гипотезу, меняясь в зависимости от развития научных идей и взглядов на ту или иную проблему. Реконструкции особенно в области социально-экономических отношений на археологических материалах практиковались мало, а те, которые были сделаны, оказались не особенно удачными. Нельзя сказать, что не делались попытки связать данные археологии со сведениями письменных источников. Однако даже попытки выявить связь археологических памятников с племенами, упомянутыми Ибн Фадланом и другими восточными географами, оказались в целом безуспешными.

Попытки определить социально-классовую структуру болгарского общества предпринимались несколько раз во второй половине XX в. Начало было положено археологом-булгароведом А.П. Смирновым (1940, с. 81), опубликовавшим в начале 1940-х гг. статью, в которой он утверждал, что болгарское общество было феодальным, в нем было классовое расслоение, выделялся правящий класс эксплуататоров.

Однако в статье советского историка Б.Д. Грекова (1945, с. 3–37) о волжских булгарах, вышедшей спустя пять лет после публикации А.П. Смирнова, основные тезисы которой вошли в «Историю ТАССР», опубликованной в начале 1950-х гг., эти тезисы А.П. Смирнова были опровергнуты. По предположению ученого, который опирался на сообщение Ибн Фадлана, с начала X в. и до начала XIII в. у болгар классовые отношения были дофеодальные (Греков Б.Д., 1945, с. 35; Материалы..., 1948, с. 167–168, 190). Под понятием феодального государства исследователь понимал способ производства, основанный на труде зависимых и крепостных крестьян, ведущую роль крупного землевладения и политическую силу крупных землевладельцев, отражающуюся в той или иной степени на организации государственной власти. Отсутствие сведений о системе зависимых соплеменников при упоминании рабов у Ибн Фадлана подтверждало это положение.

А.П. Смирнов своего мнения не изменил и исходя из данных археологических раскопок (в тот период не очень многочисленных) утверждал, что с X в. у болгар был феодализм европейского типа. Впрочем, о конкретном периоде формирования феодальных отношений в публикациях ученого речь шла условно, поскольку ни доказать это, ни опровергнуть было невозможно: не хватало фактов. А.П. Смирнов, соглашаясь с тем, что «действительно нет прямых данных, подтверждающих наличие феодальной ренты» во время Ибн Фадлана, ставит вопрос несколько в иной плоскости: когда оформляются феодальные отношения?

Основываясь на данных нумизматики, он предположил, что феодальные отношения у болгар уже сложились в конце X – XI в., а «эпоха Ибн Фадлана» была еще дофеодальным периодом (Смирнов А.П., 1948, с. 36). Ярким примером феодальной борьбы А.П. Смирнов считал соперничество между суварским и болгарским правителями во второй половине X в. Это положение, основанное также на данных нумизматики, в настоящее время не является бесспорным. С.А. Янина (1962, с. 194), изучив группу монет раннего чекана, сделала заключение, что «вывод о феодальной войне между братьями-правителями и успехе Болгара в 970-х гг. поспешен и противоречив».

Тем не менее тезис о феодальном характере экономических отношений со второй половины X в., выдвинутый А.П. Смирновым, стал основным и разделялся большинством болгароведов. Эту точку зрения в 1970–1980-х гг. поддержал Р.Г. Фахрутдинов, обосновав это фактом наличия многочисленных, хорошо укрепленных городищ, которые он считал феодальными замками, и крупных городищ-мегаполисов, где сосредоточивалась центральная болгарская власть. Это же положение мы найдем и в публикациях А.Х. Халикова конца 1970-х – начала 1990-х гг.

В сущности тезис о феодальном с X в. государстве волжских болгар настолько закрепился в литературе, что воспринимается сейчас априори (Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш., 2006, с. 139–150). В последнее время он несколько разнообразился попытками рассматривать феодализм у болгар как восточный, обусловленный мусульманским правом. Однако система доказательств любой формы классовой структуры болгарского общества ненамного продвинулась с 1950-х гг., а временами строится только на предположениях.

Тем не менее стоит отметить достаточно продуктивные исследования титула болгарских правителей – эльтебер и связи его с тюркской традицией. Верховным правителем болгар был эльтебер, имевший верховную власть над правителями отдельных кланов болгарского объединения – эсегел и берсула. Титул «эльтебер» (йылтывар) фиксируется примерно с VIII в., обозначая вождя тюркского племени (Кляшторный С.Г., 1980, с. 159). Однако данный титул являлся и выражением вассальной зависимости, титул зависимого от хана главы племени или племенного союза (Калинина Т.М., 2005, с. 48; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 64; Бубенок О.В., Аксенов В.С., 2009, с. 135). Исходя из этого можно заключить, что власть болгарского эльтебера в первую очередь ограничивалась властью хазарского кагана, а внутри страны – правителями соседних племен. Внутренне ограничение власти эльтебера ярко проявилось в оппозиции эльтеберу Алмушу со стороны предводителей племени суаз.

Заявка на суверенитет, сделанная еще при Джафаре, реализовалась после Микаила сына Абдаллаха. Тогда, в середине X в. организовалась особая область независимых от болгар племен, с центром в городе Суваре, чеканившем свою монету. Он, вероятно, просуществовал до 980-х гг., как это предполагал еще А.П. Ковалевский (1954, с. 51; см. также: Янина С.А., 1962, с. 194–196), хотя суварский суверенитет сохранялся, видимо, весь домонгольский период, о чем говорит их особый статус в Саксине, который отметил Ал Гарнати в 30-х гг. XII в. (Путешествие..., 1971, с. 27). В болгарском союзе обязательным было проявление знаков уважения к вождю – снятие головного убора и вставание. Эльтебер имел право на сбор налогов, как в форме хазарской дани – от каждого дома по шкурке соболя, так и торговой пошлине с торговцев – десятая часть товара для караванов из Хазарии и одного раба из десятка для каравана руссов или работоторговцев из других земель. Титул «эльтебер» в первой четверти XI в. сохранялся.

Однако эти изыскания в области титулатуры болгарских правителей первой четверти X в. не решали главной проблемы – выявления сути механизмов становления болгарского государства. Тема государственного становления Волжской Булгарии, связанная с появлением болгарских городов, и по сей день является проблемной, хотя и не особенно дискутирующейся.

Форма социальной организации болгарского общества в X в. в середине 2000-х гг. была рассмотрена Ф.Ш. Хузиным. Им было высказано мнение, что племен у болгар в начале X в. не было, а упомянутые Ибн Фадланом берсула, эсегел, баранджары и собственно болгары – это не племена в «традиционном понимании, а особые этносоциальные образования общеполитической конфедера-

ции переходного периода <...> члены которой связаны между собой не столько родовыми, сколько соседско-территориальными отношениями (?! – К.Р.)»; автор предлагает называть их княжествами (Хузин Ф.Ш., 2006, с. 126). Как толковать и понимать эти «этносоциальные образования-княжества», не ясно. При этом из сведений Ибн Фадлана такого вывода и тем более определения сделать нельзя. Из имеющихся в нашем распоряжении источников ни один не свидетельствует о том, что булгары в начале X в. управлялись не племенными вождями, а иным способом.

Для создания государства нужны определенные предпосылки: экономические и социальные. Из экономических предпосылок важнейшим является наличие ремесленных торговых и административных центров, прежде всего городов и сельскохозяйственной структуры. Такая позиция не является идеологическим наследием «марксистской археологии» советского времени, как считают некоторые американские и отечественные исследователи (Curta F., 2013, p. 309–311), а отражает объективные предпосылки для функционирования ремесленных и торговых отношений в обществе на определенной стадии его развития.

По умолчанию принимается гипотеза Казакова–Хузина об исключительно торговом пути возникновения булгарских городов (разделяемая и частью зарубежных коллег: Curta F., 2013, p. 318–321; ср.: Хузин Ф.Ш., 2006, с. 124–127), хотя время начала этого процесса, как и его особенности, исследователи определяют по-разному. Ф.Ш. Хузин вслед за А.Х. Халиковым считает, что этот процесс регулировался булгарским государством (?) или его правителем, определяя как отправную точку этого процесса багдадское посольство 922 г. и наличие определенных торговых отношений, вероятно международных. Говорить о развитой *внутренней* булгарской торговле в начале X в. нет веских оснований, как собственно и о булгарском государстве.

В этом отношении более логичной выглядит версия Е.П. Казакова, который связывает начало экономического развития булгарской области Хазарии с появлением торгово-ремесленных поселений в приустьевой части Камы (Семёновское и Измерское селища), а также в Ульяновском течении Волги (Головкинское селище) во 2–3-й четверти X в., наряду с тем, что это основывалось на миграции новых групп переселенцев-болгар из районов их земледельческой цивилизации в Придонье и Придонцовье, где на небольшом участке территории зафиксированы погребальные памятники с мусульманским обрядом захоронения (Кравченко Э.Е., 2005, с. 167). Впрочем, даже если эта гипотеза имеет основания, то вещевой комплекс поселений, связанных с этими могильниками (Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., и др., 2005, с. 261–356), с булгарскими материалами конца X в. мало согласовывается.

По мнению Е.П. Казакова, Семёновское и Измерское селища были предшественниками появления городов, хотя ни одно из таких поселений в город так и не превратилось. Крупные булгарские города возникли согласно данной гипотезе в конце X – начале XI в.

Данные нумизматики, к сожалению, пролить свет на эту проблему не могут. Начало чеканки булгарской серебряной монеты относится к первому десятилетию X в., а эмиссии булгарских монет осуществлялись на протяжении всего X в., особенно активно во 2–3-й четверти X в., причем большая часть их вывозилась за пределы булгарской области. Вряд ли эти монеты выступали в качестве денежного эквивалента в торговых операциях – слишком невелик размер эмиссии. Чеканка булгарской монеты – это своего рода политическая декларация, практически не сказывавшаяся на реальном суверенитете булгарской области Хазарии. Более того, это не результат экономической потребности булгарского общества, поскольку в поздних языческих захоронениях некрополей Волжской Булгарии первой половины X в. монеты булгарской чеканки не встречены, хотя в могильниках соседей булгар – поволжских финнов, например, марийцев, они, как и подражания им, встречаются часто и в немалых количествах.

Собственно, что представлял собой ранний булгарский город с точки зрения исторического, точнее административно-экономического содержания, в настоящее время мы представляем весьма смутно. Говорится о нем как ремесленном центре, центре торговли, т.е. некой экономической единице. Если не вдаваться в дискуссии о начале, например, Биляра, который по гипотезе Халикова–

Хузина ассоциируется с Булгаром, то возник он согласно этому в IX – начале X в., поскольку упоминается наряду с Суваром в восточных письменных источниках, написанных в этот период. Учитывая подчиненность болгарского элтебера от кагана Хазарии, сам по себе факт строительства огромного города кажется невероятным. Второй момент: чем поддерживался этот город при отсутствии сельскохозяйственной округи, да и вообще какой-либо поселенческой структуры, прежде всего сельской. С кем торговать и чем?

Стоит заметить, что в русских летописях «Великий город» упоминается только с 1164 г., а в дальнейшем в связи с событиями 1183, 1220, 1229, 1232 и 1236 гг. Если он был построен после 922 г. в таких гигантских размерах, то почему потребовалось более 150 лет, чтобы он приобрел в глазах летописца характеристику «Великий» (т.е. большой по размерам)? Эти вопросы остаются без ответа, поскольку нет каких-либо явных аргументов по письменным или археологическим источникам.

Причисляемые к поселениям IX – начала X в. Криушское и Малопальцинское селища, расположенные на Волге, датируются исследовавшими их учеными IX–XI вв. и к Биляру не имеют прямого отношения, а анализ опубликованного вещевого материала показывает, что артефакты с них датируются не ранее конца X – начала XI в. Также бездоказательна датировка Семеновских селищ началом X в. с возможностью IX в. (Хузин Ф.Ш., 2006, с. 122, 127), поскольку эти поселения не исследовались раскопками, а нумизматический материал начала X в., полученный из подъемного материала (селища находятся в зоне водохранилища, и культурный слой интенсивно размывается с 1956 г.), мог происходить из кладов, остатки которых были зафиксированы на этих памятниках в 1960-х гг. Предпочтительнее датировка начала функционирования этих поселений предложенная Е.П. Казаковым: вторая четверть X в.

Этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Перейти от одного образа жизни к другому даже на протяжении столетия в условиях средневекового общества – это неоднозначный процесс. Даже для обществ, где земледелие было традиционным занятием, развитие сельского хозяйства и экономики было длительным процессом (Риер Я.Г., 2000).

В этом отношении стоит обратить внимание на мнение, высказанное в отношении истоков древнерусского градостроительства (урбанизма) не с точки зрения археологической интерпретации, а как понятие, изначально основанное на патриархально-общинных традициях народов, вошедших в состав Древней Руси, и связанное в дальнейшем с принципами субординации, чинности и уместности, которого строго придерживалось средневековое общество Восточной Европы (Бондаренко И.А., 2013, с. 9). С этой точки зрения попытки связать болгарскую урбанизацию либо с традициями мусульманских стран, либо с наследием кочевых империй по сути односторонняя позиция, что собственно показала небольшая дискуссия по этому поводу (Руденко К.А., 1999, 2007; Хузин Ф.Ш., 2006, с. 123–127).

В данном контексте стоит обратить внимание на сочетание различных факторов, которые могли бы стимулировать процессы градообразования, прежде всего те, которые рождало само общество кочевников, особенно в соседстве с земледельческими центрами (Сираиси И., 2015, с. 424; Гертман А.Н., 1992, с. 66, 67).

Интересные параллели можно обнаружить с Древней Русью. Принципиально ситуация здесь была иная: земледельческое население с административными центрами – градами, мощный торговый путь «из грек...», опосредованная связь с формальным сюзереном – Хазарией, власть которой распространялась только на часть территории, заселенной славянскими племенами, а северные территории были независимы от нее. Урбанизационные процессы здесь шли на основе сформировавшейся сельской округи; в качестве их катализатора выступили открытые торгово-ремесленные поселения, процветавшие на международной торговле (варяги, хазары, арабы и др.) (Толочко П.П., 2013, с. 99–101).

Булгары на Средней Волге в VIII в. и, вероятно, первой половины IX в. такими предпосылками не обладали: население с непостоянной оседлостью, без развитого земледелия и стационар-

ных поселений, которые выполняли бы административные или экономические функции и, следовательно, могли бы закрепить развитие ремесел и промыслов, ориентированных на торговлю внешней или внутренней. Политически выделиться из Хазарии и создать отдельное государство ни в тот момент, ни позже было невозможно ни политически, ни экономически, и скорее всего даже не предполагалось. Международные торговые пути в тот период шли через Каму, Белую, а отнюдь не по Волге и волжский путь через эти территории стал функционировать уже во 2-й половине – конце X в. Это подтверждается и составом монетных кладов на болгарской территории. Определенную близость развитие этих двух территорий начинает проявлять только в X в., ближе к середине столетия, с образованием оседлых поселений, а также торгово-ремесленных факторий в низовьях Камы. Однако здесь они были перевалочным пунктом не в Европу, а в Хазарию и далее на Восток, что было обусловлено тем, что волжские болгары были частью населения каганата. При этом, как и на Руси, это был в основном, по выражению П.П. Толочко, тупиковый путь.

Подводя итог вышесказанному можно констатировать:

1. По письменным источникам болгары на Волге восточным географам известны с IX в.
2. По данным археологии на Средней Волге со второй половины VIII и до первой половины IX в. функционируют могильники с языческим обрядом захоронения и характерные по набору инвентаря для населения кочевого или с непостоянной оседлостью, атрибутированные как раннебулгарские. Поселений этого времени не выявлено.
3. Археологические исследования показали, что небольшие группы кочевого населения Хазарского каганата проникали в Самарское Поволжье в конце VII – начале VIII в. (памятники новинковского типа), однако севернее Самарской Луки они не известны. Письменными сообщениями эти данные не подкрепляются.
4. К IX в. можно отнести находки керамики, близкой погребальной из раннебулгарских некрополей второй половины VIII – первой половины IX в. (типа Больших Тархан) на местах поселений предшествующего времени на территории Ульяновского Поволжья (городище Чёртов городок, Беденьгинское селище). Вряд ли это можно связывать с созданием поселенческой структуры болгар и даже расценивать их как ее предтечу. В связи с этим упоминание Булгара и Суvara отражает не наличие именно городов, а характеризует определенные территории под этими названиями.
5. Одно из первых стационарных (оседлых) поселений волжско-камских болгар выявлено в Малом Иерусалимском овраге в Булгаре. Оно возникло на рубеже IX–X вв. и функционировало в первой четверти X в., т.е. в период Ибн Фадлана, что подтверждено нумизматическим материалом. Керамика на этом селище аналогична погребальной, но иного типа – характерной для Танкевского могильника, точнее, той его части, которая датируется по Е.П. Казакову концом IX – началом X в. Эта часть некрополя занята захоронениями, совершенными по языческому обряду, который был абсолютно преобладающим на этом могильнике до середины X в. Другие поселения с такими характеристиками на сегодняшний день не известны.
6. К 922 г. относится важный источник – свидетельство очевидца, побывавшего у болгар – Ибн Фадлана. В своих записках он не упоминает ни городов, ни каких-либо других постоянных поселений, отмечая, что болгары живут в юртах и перекочевывают с места на место. Власть эльтебера, по его свидетельству, не абсолютная, военной добычей он делится со своим окружением («Если же он прикажет дружине (совершить) набег на какую-либо из стран, и она (дружина) награвит, то он имеет вместе с ними (дружинниками) долю»), хотя его подданные и платят ему налоги. Характер его власти над соплеменниками не определен и во многом основан на личных качествах харизматичного лидера. При этом его зависимость от сюзерена – кагана Хазарии очевидна и неоспорима. По отношению к нему он не является единственным представителем власти в регионе: есть вожди других племен, которых эльтебер Алмуш хотел подчинить своей воле. О них Ибн Фад-

лан ничего не писал, поскольку в их владениях он не был, вероятно, там кончалась юрисдикция пригласившего его Алмуша. Характер власти у болгар Алмуша по совокупности сведений, переданных арабским путешественником, – потестарный. Сюжет с похоронами руссов – эпизодический, и нет оснований экстраполировать его ни на более ранний период, ни на более поздний, как некое регулярное явление и нет оснований предполагать какую-либо их роль в болгарском обществе. Археологически он не подтвержден. Особенно интересны данные о наличии в стане Алмуша общины мусульман-баранжаров (с учетом того, что и сам Алмуш исповедовал ислам). При этом следов мусульманских могильников, твердо датированных концом IX – началом X в., сейчас на территории предполагаемого расселения болгар на Волге не известно. Абсолютно преобладающим, по данным археологии, является языческий обряд захоронения. В целом единой картины о болгарском обществе и его социальной структуре по сведениям Ибн Фадлана получить невозможно: он наблюдал лишь отдельные эпизоды жизни болгар, в основном при дворе эльтебера, при этом был явно ограничен в свободе передвижения и общения.

7. Материалы Танкеевского могильника (захоронения первой половины X в.) свидетельствуют о смешанном в этнокультурном отношении обществе, с нарождающейся социальной дифференциацией: наличием захоронений с разнообразным инвентарем, в том числе и оружием, сопроводительными жертвами животных и т.д., составляющие не более 8% от общего числа изученных захоронений. Вполне очевидно, что эти элементы были привнесенными и сложились вне болгарской культурной традиции, если судить по оригинальным деталям культовой языческой погребальной практики, например, серебряными лицевыми масками. При этом говорить о социальной стратификации общества на этот период еще нет оснований: в большинстве случаев уровень ценности помещенных в захоронения предметов, за исключением малочисленных захоронений военных, примерно одинаков. То есть на территории Среднего Поволжья жившее здесь население известное под названием – болгары (стоит вспомнить мнение исследователей XIX в. о расшифровке слова «болгар» – «единый народ» (Григорович В.И., 1882, с. 64)) на период 1–2-й трети X в. представляло собой конфедерацию нескольких этнических кланов без социально-классовой стратификации, построенной на верховенстве власти предводителя – эльтебера для одного клана, избиравшегося из ближайшего окружения – состоятельных «всадников», имевших авторитет среди массы рядового свободного населения. Эти кланы сохраняли этнокультурное своеобразие, также имели собственное самоназвание (берсула, эсегель). Имели ли они общее руководство, остается под вопросом.

8. Археологические данные 2–3-й четверти X в. определяются материалами Танкеевского и Тетюшского могильников и поселений: Головкинского, Семеновского, Измерского селищ. Дата последних определяется по подъемному материалу из разрушенного культурного слоя – аналогиям части находок бронзовых украшений с материалами раннеболгарских могильников, нумизматике, а также стеклянным бусам. Раскопками исследовалось только наиболее позднее из них – Измерское селище последней трети X – XI в. (оно существовало весь домонгольский период), причем раскопками изучена часть, активно функционировавшая в XI в. В вышеупомянутых могильниках прослеживается сосуществование языческого погребального обряда и мусульманского.

9. Существующее мнение о строительстве города Биляра в 920-х гг., не упомянутого в письменных источниках, как и название Биляр (билиры-билеры), не фигурирует в источниках до XII в. (версия о Биляре-Болгаре является оригинальной, но далеко не бесспорной гипотезой) и не может быть абсолютно доказано по археологическим источникам, если только не видеть в городе Биляре – Билярское-II селище с находками второй половины X в. (в том числе и монетными), исследованное Е.А. Беговатым в начале 2000-х гг.

10. К 960–980 гг. относится несколько кратких сведений о булгарах: 965 г. – дружина князя Святослава Игоревича проходит через болгарские земли к Итилю; 970 г. – сведения о переселении части болгар во главе со своим предводителем в Венгрию; 985 г. – поход Владимира Святославича

на болгар и заключение мирного договора. При этом фигурирует общее название жителей области Булгар, вождь или военачальник летописцем не упоминается.

11. По данным нумизматики монеты чеканились в Суваре и Булгаре, причем с момента суверенизации (985 г.) интенсивность эмиссий стала минимальной, а в начале XI в. чеканка полностью прекратилась. Это еще раз подтверждает тезис о представительском характере чеканки болгарских монет и о том, что чеканка монеты не связана с конкретным городом и вообще не является свидетельством городской культуры. Монеты чеканились в двух центрах, что свидетельствует об отсутствии единого правления в болгарской конфедерации, наличии нескольких политических лидеров, правивших временами одновременно.

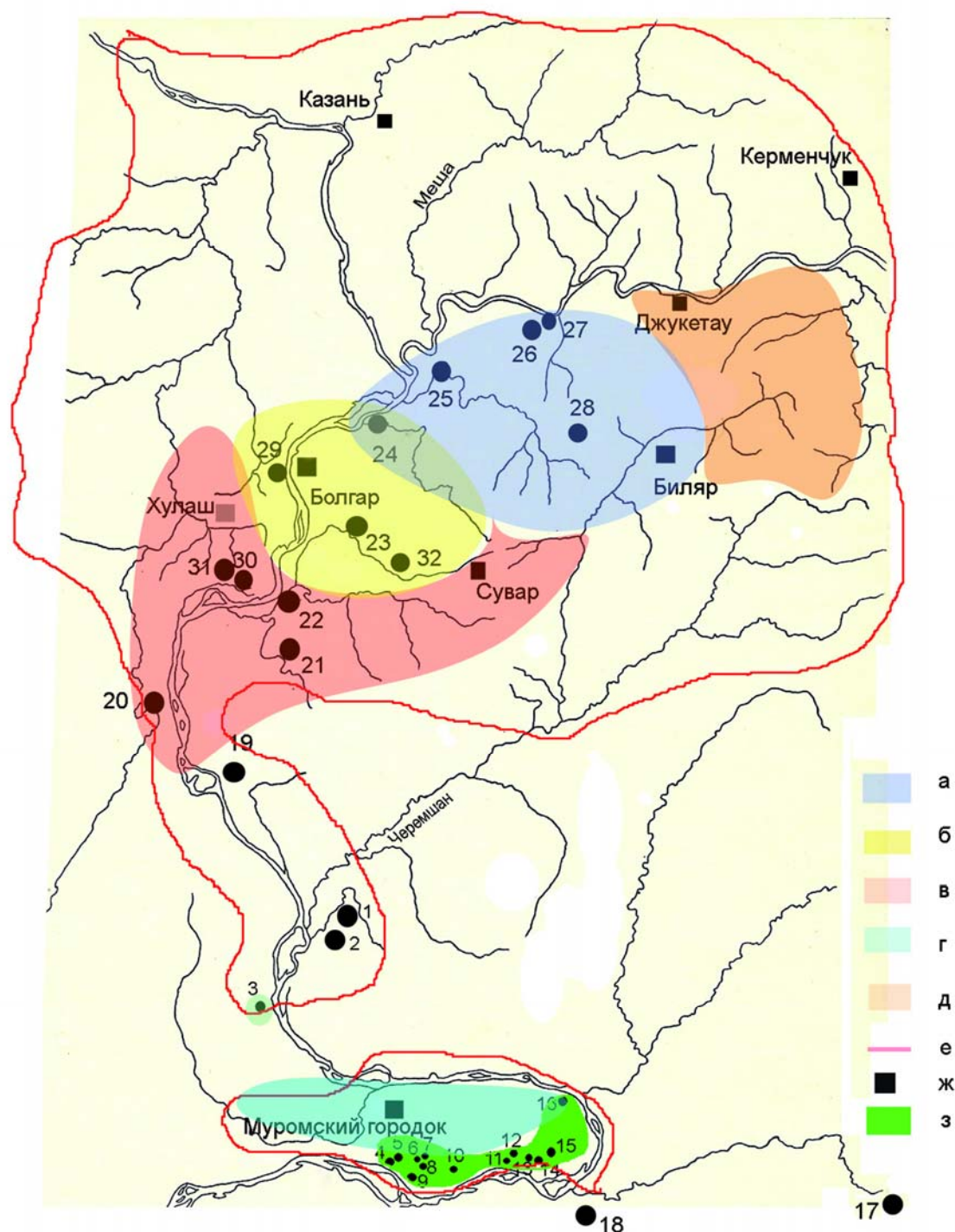
Главной коллизией для этого периода, на наш взгляд, является процесс трансформации общества болгар-номадов в оседлое население и земледельческую страну и последовавшее формирование новой системы управления и власти. Можно согласиться с мнением А.М. Хазанова (2008, с. 51), который утверждал, что суть номадизма в неразрывном, тесном всестороннем сосуществовании с внешним по отношению к ним миром, т.е. миром оседлых народов. К сожалению, применить к болгарскому материалу известные модели сосуществования оседлого населения и кочевников (Хазанов А.М., 2008, с. 76–78) практически невозможно. Как бы ни было заманчиво, но доказать то, что население Средней Волги в конце IX в. было оседлым, невозможно: нет ни городищ, ни селищ этого времени, т.е. селений, которые могли бы составить основу урбанизации начала X в., что в целом трудно представить в условиях хазарского владычества, если, конечно, при этом не утверждать, что этнической основой ранней Булгарии было население именьковской культуры, для чего также нет бесспорных доказательств (кроме единичных памятников с широкой датировкой выявленного материала).

Встречающееся в литературе мнение, что традиции хозяйствования, основанные на земледелии, как и сам образ жизни, отличный от кочевого и зафиксированный археологами в области Дона и Северского Донца, болгары привнесли на Волгу в VIII в., никакими конкретными фактами из археологии раннебулгарского времени не подкреплено, да и значительная часть таких памятников в указанном регионе относится уже к X в., а то и XI в.

Можно было бы провести сравнение с болгарами на Дунае и мадьярами на пути на Запад, однако исторический контекст здесь был совершенно иным. Как отмечал И. Фодор (2015, с. 56), мадьярам в Хазарии удалось сохранить этническое своеобразие благодаря специфике языка и высокой степени этнической консолидации. Это на начальной стадии было присуще и болгарам Аспаруха в Дунайской Болгарии (Рашев Р., 2008). Булгары на Волге оказались в окружении многочисленных племен, близких по уровню экономического и социального развития. В культурном отношении сближению и ассимиляции способствовала, вероятно, и языковая близость, судя по утверждениям восточных географов.

Здесь имеется еще один интересный момент – это наличие различных кланов в болгарской средневолжской конфедерации. Часть из них, вероятно наиболее крупных, имела собственные наименования: берсула, эсегель, суваз (карта 1). Их отметил Ибн Фадлан в начале X в. Можно предполагать наличие и других более мелких объединений, названия которых восточным авторам не известны. Одной из таких клановых групп могли быть мадьяры, не ушедшие в Леведию около 750 г. и оставшиеся на территории Центрального Закамья¹, занятой булгарами в только в IX в. Археологически они представлены Больше-Тиганским и XII Измерскими могильниками, биярскими находками и Алексеевским погребением, датированными IX – началом X в. Этот клан владел территорией от Шенталки на востоке, на севере – до Камы, включая камскую пойму от современного Чистополя и до р/п Алексеевское; на западе до р. Актай; на юге – до Малого Черемшана. Отдельные группы этих номадов кочевали южнее – в пойме Большого Черемшана.

¹ Инфильтрация небольшой мадьярской группы в северном направлении в конце VIII – первой половине IX в. была отмечена на археологических памятниках бассейна Чепцы в Удмуртии (Иванов А.Г., 2007, с. 159).

Карта 1. Предполагаемые места расселения булгарских кланов в начале X в.

Могильники VII – первой половины X в.: 1 – Хрящевка; 2 – «Золотая Нива»; 3 – Шиловка; 4 – Малая Рязань-II; 5 – Малая Рязань-I; 6 – курган Брусяны-II; 7 – Брусяны-III; 8 – Брусяны-VI; 9 – Брусяны-II; 10 – Осиновка-III; 11 – Шелехметь-II; 12 – Новинки-III; 13 – Новинки-I; 14 – Новинки-II; 15 – Рождествено-III; 16 – Выползово-I; 17 – Немчанка; 18 – 116-й км; 19 – Кайбелы; 20 – Автозаводской; 21 – Урень-I; 22 – Старая Майна; 23 – Танкеевка; 24 – Измери-XII; 25 – Девичий городок; 26 – Алексеевское погребение; 27 – Лебяжское погребение; 28 – Большие Тиганы; 29 – Тетюши; 30 – Большие Тарханы-II; 31 – Большие Тарханы-I; 32 – Кокрять (4–16: памятники новинковского типа второй половины VII – первой половины VIII в. (по: Г.И. Матвеевой).

Предполагаемые места расселения булгарских кланов начала X в.: а – билиры; б – болгар; в – сувары; г – баранджар; д – берсула; е – границы распространения памятников домонгольской Булгарии (XI – начало XIII в.) (по Р.Г. Фахрутдинову); ж – булгарские города конца X – начала XIII в.; з – область памятников новинковского типа (VII в. н.э.)

Эта этническая группа компактно просуществовала до последней четверти X в., возможно, под именем «билиры» в рамках конфедерации, а часть их, уже принявшая мусульманство, мигрировала в Паннонию в 970-х гг. Оставшиеся «билиры» были частично ассимилированы, хотя, судя по сообщению венгерского монаха-доминиканца, в Великом городе – Биляре жили люди, говорившие и понимавшие по-венгерски, а в двух днях пути от этого города обитали кочевники, говорившие на венгерском языке. Отметим и то, что имя болгарского эльтебера Алмуша (Альмаса) времен Ибн-Фадлана очень напоминает имя отца Арпада – Алмуца, по-венгерски – Алмош (Константин Багрянородный, 1989, с. 161, 393, прим. 16). С.Г. Кляшторный утверждал, что имя Алмуш соответствует Эль Алмышу – древнетюркскому имени (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 71). Е.П. Казаков (1992, с. 327) также локализует «билиров» (рассматривая их как отдельное племя) к востоку от Болгара, в районе Билярского городища, при этом он предполагал, что они усилились в 970-х гг., после походов русского князя Святослава, разгромившего город Болгар как центр племени «болгар».

Возможно, именно «билиры» были тем консолидирующим звеном в становлении элиты болгарского государства на протяжении X в. Хорошо вооруженная мадьярская орда, хотя и не многочисленная, представители которой обладали особым языком, специфической материальной культурой, выполнила ту руководящую роль, которую сыграли тюрки-болгары на Дунае среди славянских племен. Эти группы характеризуются самым низким уровнем культурной и, скорее всего, этнической метисации в средневолжских конфедерации болгар. Однако в отличие от Дунайской Болгарии на Волге «билиры» не были единственной политической доминантой в конфедерации. Тезис о нескольких элитах в этой конфедерации (Дашковский П.К., 2015а, с. 163) подкрепляется и чеканкой болгарских монет в двух местах – Суваре и Болгаре.

Другой клан можно связать с могильниками раннебулгарского времени IX–X вв. Танкеевским, Тетюшским, а также с Березогривским погребением в Алексеевском районе Республики Татарстан и сопоставить с кланом под названием *булгар*. К нему же относится поселение начала X в. в Малоиерусалимском овраге в Булгаре.

Е.П. Казаков предположил, что первоначально болгары располагались на юге будущей территории Волжской Болгарии, откочевывая к зиме на юг. Судя по сообщению Ибн Фадлана, ставка болгарского эльтебера находилась в местности под названием «Три озера». Топоним этот сохранился в виде названия села Три Озера в Спасском районе Татарстана в 7 км от Болгара и в 12 км от Танкеевского могильника (Казаков Е.П., 1992, с. 326, 327). Ф.Ш. Хузин (2006, с. 137), возражая против этой гипотезы, предположил, что болгары проживали в среднем течении Малого Черемшана в районе Биляра, который, по его мнению, в то время назывался Болгар.

С топонимом «Сувар» можно связать памятники клана *суваз*: для X в. – это территория южнее Болгара, где находится городище Сувар, о чем писали А.Х. Халиков (2011, с. 201) и Е.П. Казаков (1992, с. 327); не исключено, что к ним относятся и памятники конца VIII – IX в. правобережья Волги в районе Ульяновского Поволжья – Автозаводской могильник в Ульяновске, I Больше-Тарханский в Тетюшском районе Татарстана¹, а также комплекс памятников у с. Ундоры с находками раннебулгарского времени, впускные захоронения Кайбельского могильника и отдельные объекты на Самарской Луке. Этот клан, вероятно, локализовался в IX–X вв. (а возможно, и позже) на территории Ульяновского Поволжья, а часть его в X в. продвинулась в бассейн Свияги.

Сложнее всего с определением местоположения кланов *эсегель* и *берсула*. Эсегелей С.Г. Кляшторный связывал с огузским племенем изгиль/эзкель (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 64). Можно предположить, что эта группировка располагалась к югу – в районе Самарской Луки и в бассейне Большого Черемшана. По мнению А.Х. Халикова (2011, с. 201), они были территориально связаны с волжским побережьем и выходили на правобережье, где существовал город Ошель. Е.П. Казаков (1992, с. 328) считал, что эсегели обитали на левобережье Волги, на южных окраинах болгарской территории, южнее суваз и граничили с мадьярами, аргументируя это тем,

¹ По мнению Е.П. Казакова (1992, с. 326), они относятся к племени булгар.

что территория эсегель, по данным восточных источников, была северными границами проживания мадьяр, а южными – кочевья печенегов.

Берсула=берсилы, возможно были частью суварского клана, тесно связанного с огуро-огузским племенами (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 68). Если Е.П. Казаков отказался от точной привязки местоположения этого племени к современной географии Среднего Поволжья, за отсутствием каких-либо ориентиров в источниках, то А.Х. Халиков (2011, с. 201), напротив, утверждал, что берсула жили в центральном районе Булгарии, между Малым Черемшаном и Актаем-Бездной и где был основан затем Биляр. Исходил он из трактовки их этнонима как «серебряные» булгары.

Тут же, по его мнению, должна была проживать и мусульманская диаспора – *баранджар* (барджардов), которые, по сведениям Ибн Фадлана, были некими «домочадцами», вероятно в силу своей малочисленности, другого вероисповедания и, возможно, подчиненного состояния в иерархии булгарской конфедерации. Е.П. Казаков считал, что они проживали севернее Самарской Луки на границе с огузами в некой лесистой местности, которая защищала их от врагов, близ области Булгар. По его мнению, это были выходцы из Северного Кавказа, родственные болгарам (Казаков Е.П., 1992, с. 328).

Таким образом, зафиксированная письменными источниками для начала X в. конфедерация племен под общим названием «булгары» не имела общего руководства, а правящий класс каждого из кланов имел те же права, что и правитель булгар, выступивший в первой четверти X в. лидером конфедерации. Это была власть военных предводителей, руководивших соплеменниками.

Реконструировать процессы «феодализации», не имея фактов, как и утверждать, что «с середины X в. до второй половины XII в. в Волжской Булгарии господствовал государственный феодализм, при котором большая часть земельных угодий юридически принадлежала государству», представляется преждевременным (Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш., 2006, с. 142, 148, 149). Данная гипотеза базируется на сопоставлениях с титулами знатных людей, которые сохранились на эпитафиях XIV в., или предположениями о социальной структуре булгарского общества из аналогий с мусульманскими странами (Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш., 2006, с. 150).

Вполне логично предполагать наличие в булгарском обществе XI–XII вв. политической, военной и религиозной элит, однако доказать это на основе конкретных исторических или археологических данных сложно. Если принять к сведению факты того, что в периоды военных столкновений в основном в XII в. булгарские князья могли выступать на стороне противника, то вполне очевидно, что они обладали свободой политической воли и военным обеспечением. Это могло быть только в том случае, если имело место деление территории государства на области, близкие по расположению старым клановым территориям, возможно, имевшим права автономии с собственными правителями. Вероятно, поэтому в известных нам эпизодах, описывающих, например, военные конфликты булгар и русских в XII в., упоминаются не булгарские князья с дружинниками, а булгары из Собекулян, Челмата и Темтюзей, т.е. с каких-то территорий, население которых так именовались. В других случаях говорится о жителях того или иного города – Ошеля, Великого города.

Интересно замечание летописца, что при известии о походе русских войск на Ошель в 1220 г. жители Великого города собрались «все со князьями своими», одни на конях, другие пешие. То есть вполне очевидно, что единого руководства и руководителя в данном случае не было, а решение о военном походе приняли булгары, бывшие в Великом городе. Из этих фраз летописца можно построить значительное количество гипотез, в том числе и о характере власти у булгар. Однако мы остановимся только на том, что по факту основным действующим лицом были не князья (эмиры) с дружиной, а горожане (еще более показательно, что именно горожане организовали оборону Великого города в 1183 г.). Впрочем, о том, что Великий город был резиденцией некоего «князя Болгарского с дружиною», можно заключить из летописного сообщения 1164 г.

Если привлечь данные археологии, то выделяются крупные городские агломерации, из которых отдельную область представлял к началу XIII в. Биляр – Великий город, занимавший площадь более 600 га вместе с укреплениями (Руденко К.А., 2014, с. 167). Выявленная система агломераций

разных уровней позволяет подкрепить предположение об областной административной системе Булгарии, формировавшейся на основе территориального членения мест проживания кланов конфедерации в X в.

Р.Г. Фахрутдинов разработал социальную типологию болгарских городищ (опираясь на идеи Н.Ф. Калинина), которая с небольшими изменениями использована в работах Ф.Ш. Хузина (2006а, с. 152–154) и переработана А.М. Губайдуллиным (2002, с. 46–49) (с привлечением разработок А.В. Кузы). К сожалению, судить о том, когда возникли эти памятники, каков был их характер и насколько формальные признаки городищ (например, площадь, количество валов и рвов) могут соответствовать таким определениям, как «город», «крепость», «манзиль», в настоящий момент преждевременно, поскольку ни одно городище не исследовано полностью. Поэтому привлекать в качестве аргумента эти объекты по данным критериям не совсем корректно.

Из вышеприведенных сведений можно сделать еще одно заключение: Великий город и его население выступали в качестве активной гражданской силы во внутренней жизни Булгарии. Имели ли горожане такое влияние в других болгарских городах, нам не известно. Но тем не менее особый статус городского населения вполне очевиден. Любопытен еще один факт: несмотря на почти полувековые раскопки как Болгарского, так и Билярского городищ, выявить аристократический район или двор эмира или правителя на этих памятниках так и не удалось. Пока не объяснимо, почему в центральной части Великого города располагались районы металлургов, кузнецов и гончаров. Если город был спланирован сразу в начале X в. (по концепции Халикова–Хузина), то почему эти небезопасные производства находились в его центре?

Не касаясь этой проблемной темы, подчеркнем неоспоримый факт, что Великий город – Биляр был крупнейшим ремесленным и торговым центром, что подтверждается тысячами находок. Размах производимой продукции, ее серийность позволяют утверждать, что здесь трудились десятки ремесленников, часть которых были состоятельными. Именно в мастерской мастера-ювелира, работавшего с янтарем, был обнаружен небольшой тайник с несколькими серебряными украшениями.

К сожалению, материалы раскопок Билярского городища опубликованы только в малой части, а по отдельности раскопы не публиковались вовсе. Поэтому полноценный анализ этих данных невозможен. Тем не менее имеющийся в музейных коллекциях материал из сборов подъемного материал на городище и в его окрестностях позволяет сделать ряд наблюдений, касающихся некоторых особенностей социального состава населения города. Маркером такого рода явлений могут быть престижные вещи. В первую очередь это относится к изделиям из драгоценных материалов – золота и серебра. Это в основном женские украшения – золотые филигранные височные подвески (рис. 1), плетеные проволочные браслеты (рис. 2), цельнолитые перстни, а также аналогичные им из серебра, только в более обширном ассортименте. Установлено, что массово изготавливались черненные перстни с характерными орнаментальными мотивами (рис. 3). Черневые перстни, изготовленные по индивидуальному заказу, принадлежали, вероятно, очень важным персонам (рис. 4). Хотя и золото, и серебро импортировались, но большая часть ювелирной продукции изготавливалась в Булгарии.

Специальное исследование ювелирных изделий из Волжской Булгарии (Руденко К.А., 2011; 2015) показало, что городские ремесленники ориентировались в основном на внутренний рынок, причем в большей степени на городское население, которое и было основным потребителем их продукции (Руденко К.А., 2015, с. 59). Небольшое количество профессиональных ювелирных центров, сосредоточенных в нескольких городах – Булгаре, Биляре, Муромском городке (карта 1), привело к тому, что на всей территории Булгарии бытовали практически одни и те же формы украшений, изготавливавшиеся как в золоте, так и в серебре, а также бронзе (меди). При этом высокий уровень стандартизованности и локальность распространения такого рода изделий могут свидетельствовать в пользу того, что они на внутреннем рынке выступали еще и в качестве денежного эквивалента.

Рис. 1. Булгарские филигранные височные украшения XI – XII вв. (золото, электр)

Рис. 2. Булгарские серебряные плетеные проволоочные браслеты. XI–XII вв. Собрание ГИМ

А.Х. Халиков предполагал, что в Биляре существовали кварталы или районы, где работали металлурги, кузнецы и гончары, например, так называемый *Кузнечный мар*, что было подтверждено и археологическими раскопками. Этот факт свидетельствует о достаточно представительном слое профессиональных ремесленников в городской среде столичного мегаполиса.

Судя по клеймам, которые ставились на керамические изделия (рис. 5), отмечавшие продукцию самых крупных мастерских, уровень организации гончарного дела был достаточно высоким. Н.А. Кокорина (2006, с. 285) считает, что гончарные клейма Билярского городища являлись семейно-родовыми тамгами и принадлежали знатым родам. Керамическое производство Биляра было специализированным – кроме массовой круговой посуды производились поливные изделия (Кокорина Н.А., 2006, с. 281). Причем часть изготавливаемых изделий была ориентирована на внутренний рынок страны, хотя и не составляла главную долю гончарной продукции внутреннего рынка: были и другие производственные центры, а также имели широкое распространение кустарные ремесла и промыслы.

Таким образом, для крупных и средних городов одним из социальных слоев были профессиональные ремесленники, имевшие определенный уровень организации (возможно, типа европейского цеха). Последнее в какой-то мере подтверждается и наблюдениями Ю.А. Семькина (2006, с. 254), который на основании исследования булгарской кузнечной продукции пришел к выводу, что у булгарских кузнецов был институт ученичества, хотя, по его мнению, это не выходило за рамки семьи, т.е. профессиональное ремесло было наследственным. Кроме того, он отметил, что в домонгольский период произошло отделение производства железа от металлообработки (Семькин Ю.А., 2006, с. 253), т.е. металлургия железа составляла отдельное направление деятельности, а кузнечное дело – отдельное. Металлургические районы известны в Биляре, Болгаре, Муромском городке, городище Хулаш (Семькин Ю.А., 2006, с. 254). Очевидно, что часть ремесленников-профессионалов, содержавших мастерские с подмастерьями и учениками, была достаточно зажиточной.

Рис. 3. Булгарские серебряные перстни с чернью XI – начало XIII в.
Композиции с геометрическими, растительными (А, Б, В) и орнитоморфными (Г) орнаментами

Рис. 4. Серебряный перстень с черневым узором из Билярского городища. XII в.
Собрание Национального музея РТ (инв. №10211-26)

Рис. 5. Клейма на дне круговых булгарских сосудов.
Будгарское городище. Экспозиция МБЦ БГИАМЗ

Элитный комплекс украшений булгарской аристократии, торговой знати и их окружения XI–XII вв. можно обозначить небольшим числом престижных предметов, большая часть которых является украшениями женской прически и костюма. Это височные филигранные подвески из золота или меди, покрытой золотой фольгой (рис. 1); золотые ожерелья с медальонами, украшенные зернью и сканью; плетеные золотые браслеты, литые перстни (последние могли быть и мужскими).

Маркируют этот слой знати остатки домашних бань, сложенных из кирпича. Несколько из них исследованы в Биляре, по одной на Муромском городке, в Суваре, Больше Тоябинском и Красносундюковском городищах. Эти постройки характерны как для крупных и малых городов, так и для укрепленных усадеб, где находился административный центр и была резиденция правителя. Строительство и содержание их было доступно только богатым людям.

Таким образом, аристократический слой населения был более характерен для городов, где выявлены редкие ювелирные украшения, элитные усадьбы с кирпичными банями, редкие и дорогие изделия, например, бытовые стеклянные поделки: флаконы, бутылки и т.п.

Имела ли болгарская аристократия собственную дружину или военизированную охрану? В связи с этим отметим, что дорогие воинские аксессуары, как и оружие, в имеющихся коллекциях практически не встречаются. Это не означает, что их не было совсем, но очевидно, количество их было небольшим. Это косвенно подтверждается находками железных стремян с декоративным рисунком, выполненным способом врезной таушировки. Датируются они по аналогиям XI–XII вв. (Армарчук Е.А., 2006, с. 24–25, рис. 12). Однако эти изделия найдены не на городищах, а на селищах, удаленных от крупных городов.

Этот сюжет непосредственно связан с вопросом о болгарской дружине, которая упоминается в ряде сообщений русских летописей. Сведения о ней настолько скудны, что любая попытка реконструкции является гипотетической. На этом фоне рассуждения об организационной структуре болгарской армии (Измайлов И.Л., 2006, с. 351–360) умозрительны и не основываются на источниках. Предметы вооружения, найденные в подъемном материале (а таковых в музейных коллекциях с болгарских памятников большинство), без точного археологического контекста трудно однозначно связать только с болгарскими военными: они могли также принадлежать и иноземным воинам. Учитывая различного рода воинские столкновения и стычки на территории болгарского государства в XII в., которые зафиксированы в летописях, с учетом тех, что имели внутренний характер и сведения о них не дошли до нас, эта версия имеет все основания.

По археологическим данным можно предполагать, что на вооружении болгар были мечи (до XII в.), сабли, копья и дротики, лук. Защитное вооружение было представлено кольчугами, пластинчатым доспехом, шлемом и щитом. Некоторые восточные авторы утверждают, что болгары импортировали кольчуги и мечи за пределы страны. Однако это археологическими данными не подтверждается. В могильниках ранних болгар на Волге VIII–X вв. такого рода находок нет, за исключением обрывков кольчужного плетения в трех погребениях Танкеевского могильника: №508, 584 и 1047 (Казаков Е.П., 1985, с. 24). На болгарских поселениях XI–XII вв. изредка встречаются единичные кольчужные кольца.

Как наиболее престижный выделяется пластинчатый доспех. На памятниках домонгольской Булгарии: Билярском и Тигашевском городищах, I, IV Семёновском, Измерском, IV Старокуйбышевском селищах найдены железные пластины, атрибутированные исследователями как детали защитного доспеха (Казаков Е.П., 1985, с. 26, рис. 2.-1–5, 9, 10). Большая часть их происходит из подъемного материала (из раскопок происходят находки из Билярского и Тигашевского городищ), что не позволяет их узко датировать. Наибольшую коллекцию, преимущественно из раскопок (12 экз.), на сегодняшний день представляют находки с Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана (рис. 6) (Руденко К.А., 2002, с. 59–64), датированные второй половиной XI – началом XII в. Показательно, что большая часть деталей пластинчатого доспеха происходит не с городищ, а из находок на селищах. Это могло быть только в случае наличия болгарского территориального ополчения, опирающегося на местных владельцев и их вооруженных приближенных.

Дополнительные сведения о наличии болгарских специализированных воинских контингентов могли бы дать детали уздечки. По мнению Е.А. Армарчук (2006, с. 108), «к уздечке перешла знаковая роль, несущая определенную информацию о ее владельце, которую до X–XI вв. играли наборные воинские пояса». Что касается последних, то выделить их из массы обнаруженных накладок и пряжек в основном на Измерском селище не представляется возможным. Нет среди них серебряных изделий, что должно отражать их статусный характер. В XI–XII вв. на территории Булгарии господствовала железная уздечная гарнитура аскизского облика (Руденко К.А., 2001), причем распространение ее – повсеместно, и видеть в ней некое элитное содержание ничем не оправдано.

В целом имеющиеся данные не позволяют делать однозначный вывод о наличии некой разветвленной системы болгарских «феодалных дружин» и их иерархии, как и о профессиональной болгарской армии с «рыцарскими отрядами». Совершенно не реальными являются утверждения о численности болгарской армии в 10–20 тысяч человек и даже в 3–4 тысяч воинов (Измайлов И.Л., 2006, с. 356). Военной прослойки таких масштабов в Булгарии не было, и, следовательно, говорить

о воинской элите не приходится. Имеющиеся данные позволяют предполагать территориальную организацию военных подразделений, во главе которых стояли представители местной аристократии с вооруженными приближенными.

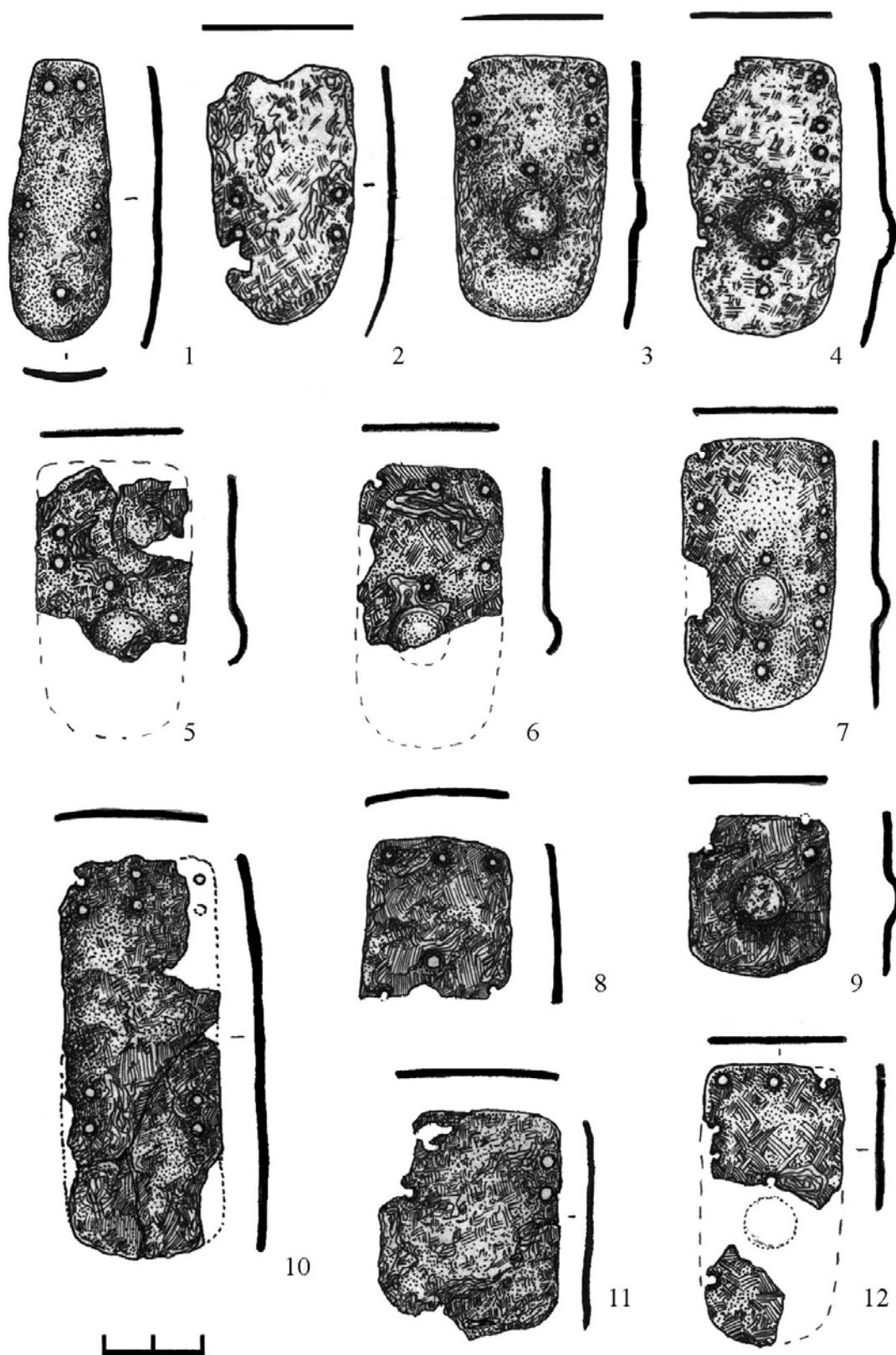

Рис. 6. Железные пластины от доспеха. Конец XI – начало XII в. Остолоповское селище (Алексеевский район РТ). Раскопки К.А. Руденко

Как показали события 1220 г. – взятие болгарского Ошеля, такие местные предводители, владельцы небольших областей, достаточно автономные в своих правах, могли совершать и внешние рейды, за пределы Булгарии.

Список элитных изделий можно дополнить импортными поделками. Из наиболее выразительных – это шахматы из слоновой кости, металлическая парадная посуда, включавшая чаши с серебряной инкрустацией, бронзовые литые иранские ковши и светильники, чашечки для сурьмы, привозная поливная, фаянсовая (рис. 7) и стеклянная посуда; серебряные импортные украшения со вставками из поделочных камней или вставками-печатками. Из этого списка явствует, что для аристократической части болгарского общества была присуща определенная бытовая культура, включавшая не только дорогую обстановку, но и интеллектуальные развлечения (игра в шахматы).

Рис. 7. Чаша с рельефным декором. Иран, XII в. Находка на Билярском городище.
Раскопки А.Х. Халикова и Г.И. Дроздовой

Показательно, что практически все вышеперечисленные находки сделаны на Билярском городище; встречаются они и на городище Булгарском и Муромском городке, а также (единичные артефакты) на ряде небольших городищ с мощной фортификацией (феодалных замков, по классификации Р.Г. Фахрутдинова), например, II Екатеринослободском. Это позволяет предположить, что часть болгарского правящего класса была сосредоточена в нескольких крупных городах. Зажиточные горожане и чиновники администрации составляли особую группу населения Великого города. Именно для них и членов их семей выпускались небольшие серии серебряных черненных перстней и мелких аксессуаров. Эта прослойка составляла социальную опору власти болгарских князей и духовенства.

Вместе с тем нет каких-либо «кварталов знати», элитных районов даже в Биляре, в котором масштабно исследована центральная часть города, основная застройка – землянки и полуземлянки, а наземные постройки, которые можно было бы уверенно связывать с зажиточными горожанами, единичны (Хузин Ф.Ш., 2006, с. 209). Такие конструкции болгарских домов вовсе не являются свидетельством бедности их хозяев. Эти дома были достаточно благоустроенными и соответствовали среднему достатку владельца. Впрочем, критерии для определения жилищ горожан по уров-

ню их благосостояния пока не определены. Также можно констатировать, что население разных конфессий, национальности жило в булгарских городах чересполосно, о чем свидетельствуют археологические артефакты.

В качестве примера можно привести находки лазуритовых подвесок на Билярском и Джуке-тауском городищах, в Казанском кремле (Руденко К.А., 2014а, с. 224–244). Это редкие украшения, принадлежавшие знатным половчанкам, вряд ли использовались в инокультурной среде как «модное» изделие. Наиболее вероятное время их появления на булгарских памятниках – начало XIII в., в первой фазе монгольской экспансии на запад.

Можно констатировать, что булгарская элита прошла несколько этапов в своем развитии. Первый этап – период военной демократии с вождями-предводителями в рамках политической подчиненности сюзерену – хазарскому кагану (750–960-е гг.). Социальные процессы в начале этого периода во многом были обусловлены новыми экологическими условиями обитания булгар на Средней Волге (Руденко К.А., 2007, с. 170–171).

По материалам могильников раннебулгарского времени какого-либо социального расслоения мы не обнаружим. Эльтебер булгар был предводителем только одного из нескольких кланов. Власть его с начала X в. была наследственной, что закрепило принятие верхушкой клана «булгар» ислама. В других кланах ситуация могла быть другой. Так, судя по материалам Танкеевского могильника, в этом клане во второй половине IX в. аристократией была небольшая группа воинов, похороненных по языческому ритуалу с инвентарем, сходным с поломско-ломоватовскими и неволинскими древностями. И скорее всего, через недолгое время сложилась двойная элита – на основе булгарского населения (времени Больше-Тарханского могильника) и поглотившего их неволинского (поломско-ломоватовского). Вместе с тем в других кланах ярко выраженных военных приоритетов в погребальном инвентаре, например Больше-Тиганском могильнике, мы не найдем.

Таким образом, до середины X в. основным типом организации булгарских племен, стоявших на потестарной стадии развития политических институтов, была конфедерация. Военные предводители выполняли роль политических лидеров в мирное время и полководцев в военное. Население платило налоги, но личной зависимости в тот период, скорее всего, не было.

Вторая половина X в. и первая четверть XI в. – время серьезных перемен в булгарском обществе (Руденко К.А., 2013, с. 238–268) и начало следующего этапа (970–1020-е гг.). Освобождение от власти хазар (965 г.) не привело к централизации власти у булгар. Имеющиеся материалы пока не позволяют определить сущность проходивших в недрах конфедерации процессов. Судя по косвенным данным, власть принадлежала вождям, руководившим отдельными кланами; предводитель булгар до первой четверти XI в. сохранял титул «эльтебер». Новой социальной силой, которая стала формироваться на протяжении этого периода, были жители городов. Это стало причиной того, что постепенно родоплеменное деление сменилось территориальным. В этот период некоторые кланы покинули Средневожье – частью южнее в область Саксин (кланы, связанные с огузами), частью в Прикамье (клан булгар), частью на запад – в Паннонию. Одной из причин в данном случае выступали явления, связанные с проявлением новых этнокультурных отношений в регионе (Руденко К.А., 2012, с. 622–625; 2013, с. 238–268; 2013а, с. 306–308).

Продолжился процесс внутренней колонизации на основе комплексного ведения хозяйства и формирования поселенческой структуры в Булгарии, уже не на территориях общих клановых владений, а закрепленных (захваченных или переданных во владение) земель за аристократией. Преобладающей стала система ареального расселения, сменившая точечную (Руденко К.А., 2014, с. 192).

Скорее всего, в первой половине XI в. стала складываться социальная структура булгарского общества, основанная на новых экономических реалиях – территориальных владениях, в основе которых – поселенческие агломерации, в центре которых были, как правило, города и земельные владения аристократии (Руденко К.А., 2014, с. 188–191). Дополнительным фактором было широкое распространение среди населения Булгарии ислама, хотя здесь есть много хронологических, терри-

ториальных особенностей (Руденко К.А., 2013б, с. 72–101). После этого можно говорить о государственной территории Булгарии.

Если изложенная выше гипотеза верна, то находит объяснение и роль городского населения в жизни Булгарского государства в следующий период (вторая четверть XI в. – начало XIII в.). В этой среде формировалась городская элита нескольких уровней – из профессиональных ремесленников, купечества, клановой аристократии. Горожане являлись опорой власти того правителя, который был в тот период правителем города и области.

Отсутствие в летописных текстах имен булгарских правителей и упоминание об их самостоятельных действиях в различных ситуациях позволяет предположить, что они в первую очередь были связаны с территориями своих владений, где были их вотчины (одним из археологических ориентиров здесь могут служить домашние кирпичные бани, выявленные в результате раскопок). В крупные города (как, например, Биляр, Муромский городок), вероятно, они приглашались (как в Новгороде) на какой-то срок. Известны и некоторые названия этих территорий – Собекуль, Челмата, Темтюзь. Связаны они с какими-то этнографическими особенностями населения данных территорий или получили название от городов – не ясно. Больше оснований предполагать первую ситуацию, поскольку других примеров связи населения того или иного района Булгарии с названиями городов мы не знаем.

Таким образом, булгарская элита периода государственности классифицируется следующим образом: 1) городская элита – администрация (включая князя с дружиной), богатые ремесленники, купечество (ростовщики), городская аристократия, духовенство; 2) представители старой булгарской племенной (клановой) аристократии – князья владельцы территорий (областей); 3) кочевая элита – восточные и южные соседи булгар – угры и, возможно, огузы, часть которых проживала на территории Булгарии.

Единого правителя у булгар не было: крупные города избирали себе правителей из местных аристократов или князей, прежде всего, как полководцев и исполнительную власть. Князья, как и земельный олигархат – владельцы отдельных областей Булгарии с личной дружиной, пользовались значительной автономией и были достаточно независимы, чтобы вести собственную политику даже за пределами государства. Крестьяне были территориально объединены системой общин, где большая часть населения была лично свободной. Доказательств их крепостного состояния у нас нет.

Такая политическая ситуация в Булгарии базировалась на незавершенных процессах социальной стратификации, возможной только на стадии формирования классовых отношений при многоукладности экономики этого государства. При этом мобилизационные возможности государства в случае военной опасности реализовались путем призыва свободного населения. Военной элиты, как и общих вооруженных сил, в Булгарии не было.

Булгарское общество домонгольского времени, скорее всего, использовало рабский труд (домашнее рабство, строительство укреплений и т.п.): Булгар был одним из транзитных центров международной работорговли. Частная собственность на имущество имела распространение как в городах, так и на селе: многочисленные навесные металлические замки и ряд других артефактов свидетельствуют об этом. Основной была собственность на землю и угодья, особенно в скотоводческих районах. Скорее всего, имели место разные виды собственности, в зависимости от преобладающего типа хозяйствования на конкретной территории. Экономика Булгарии была многоукладной, что сказалось и на характере управления и власти в государстве. Исходя из этих соображений у нас нет оснований предполагать высокий уровень развития отношений личной зависимости в булгарском государстве.

Раннефеодальный характер булгарского государства домонгольского времени предполагал ситуацию, что процесс развития социальных отношений здесь разворачивался в сторону усиления личной зависимости податного населения. Наследие эпохи булгарского номадизма, раннее возникновение городов с их особой культурой и слабость политических институтов создали эту уникаль-

ную ситуацию в Волжской Булгарии. Классовая структура общества не была четко оформлена, а элита – консолидированной. Развитие булгарского общества шло ни по образцам восточных государств, ни по западным моделям государственного устройства. Сильная власть местной аристократии не давала возможности образованию централизованного государства с единым управлением.

Интегрированность булгарской экономики в общее торговое пространство Волго-Камского региона стимулировала накопление богатств в руках тех аристократических кланов, которые контролировали ключевые речные или сухопутные пути и наделяло их особым положением во внутривополитической жизни Булгарии. Наиболее состоятельная часть купеческого сословия осуществляла международные операции, связанные с такими товарами, как рабы, пушнина, редкие породы дерева и ископаемой кости, рыбий клей, вывозившиеся на рынки Бухары, Самарканда, Мерва, Нишапура. Ввозились ими редкие ингредиенты для ремесел (ртуть, олово, свинец), сырье для ювелиров (золото, серебро, поделочные камни и янтарь) для ювелирных мастерских и заказчиков ювелирных украшений. Кроме того, импортировались предметы роскоши (ткани, художественная керамика, стекло и металл), благовония, полуфабрикаты и т.п. Последние из товаров были рассчитаны на узкую элитарную прослойку булгарского общества, прежде всего городской истеблишмент и часть местной аристократии.

Более существенную роль в экономике Булгарии играла транзитная торговля, приносившая прибыль не только купеческой верхушке, но и князьям (эмирам), чьи земли находились на пути следования караванов, а также тех, кто был приглашен в крупные города, за счет пошлин. Тем не менее транзит товаров был лишь частью рынка, который образовался во внутреннем пространстве государства за счет реализации ремесленной продукции булгарских мастеровых, сырьевого и продовольственного рынков. Последний из них был базисом благосостояния Булгарии. Благодаря ему существовали города, функционировала внешняя торговля (импорт зерна), поддерживались контакты с кочевым окружением (обмен на продукты животноводства, лошадей и т.п.). На торговле зерном, солью, рыбой специализировалась другая часть купечества. Если рыбный промысел и торговля были привлекательны для внутреннего рынка, то зерно и соль в большей степени имели выход на русский рынок.

Однако главную политическую и экономическую силу в Булгарии составляли аристократы и князья, владевшие земельными угодьями и собиравшие подати со свободных общинников, находившихся на подвластных им землях.

Особую роль во внутренней жизни Булгарии играли территориальные округа, центрами которых были крупные города, в каждом из которых сложилась своя иерархия власти. Учитывая особенности возникновения и развития городов разного статуса, власть здесь была представлена по-разному. Во всех крупных городах были сословия купцов, ремесленников, аристократии, а также служителей культа. Косвенные сведения позволяют предполагать наличие здесь интеллектуальной элиты – учителей, богословов, ученых, медиков, писателей, поэтов, алхимиков, астрологов. В малых городах властные структуры и элита могли замыкаться на небольшой группе людей. Механизмы взаимодействия различных сословий, их состав и градация требуют дополнительных исследований.

Таким образом, элита Булгарии прошла за более чем 300-летний период истории булгар на Волге сложный путь трансформации от родоплеменной организации к системе социально-классовых структур. Вместе с тем наследие предшествующего времени окончательно не исчезло – в той или иной форме оно проявлялось в период расцвета Булгарии. Булгарские аристократы-землевладельцы, контролировавшие отдельные территории государства, играли ведущую роль в политической жизни страны. Власть булгарского князя была ограниченной, с одной стороны, олигархами-землевладельцами, с другой – городской знатью, опиравшейся на торговый капитал и свободный рынок товаров. Эта городская элита, включавшая слои аристократии, купечества, зажиточных ремесленников, играла немалую роль в системе организации власти и развития государства.

Еще предстоит выяснить роль кочевого компонента в структуре болгарской власти в период развитого государства. На сегодняшний день можно только констатировать их присутствие во властных структурах Булгарии на определенных этапах в промежутке XI – начала XIII в. В тщательной разработке нуждается тема религиозной элиты, учитывая широкое распространение ислама в Булгарии.

Монгольское нашествие коренным образом изменило ситуацию. Властные структуры Булгарии были уничтожены, как и большая часть аристократии. Прямое монгольское правление, воинские контингенты на покоренных территориях, насаждение новых правил администрирования и ломка территориальных границ, как и процессы внутренней миграции, привели к тому, что сложившиеся ранее традиции государственности и власти были полностью вытеснены, сложилась новая элита, которая правила в соответствии с законами монгольского государства.

Глава XII

УПРАВЛЯЮЩИЙ КЛАСС В КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ ЛЯО (907–1125)

Одной из вечных тем исторической науки была и остается история различных социальных слоев. Если до недавнего времени основное внимание уделялось низам общества, истории их сопротивления «угнетению» и «эксплуатации», то в прошлом веке сформировался устойчивый интерес как ко всей социальной «анатомии», так и к функционированию тех слоев общества, которые принято именовать элитными, «верхами общества», хотя интерес к прошлому и настоящему тех слоев населения, которые заняты управлением общества, существует на самом деле на всем протяжении человеческой истории во всех цивилизациях. Можно сказать, что это одна из вечных исторических и политологических проблем.

Естественно, что каждая цивилизация для обозначения управленцев выработала свои наименования. В рамках европейской общественной мысли сложилось несколько таких терминов. Это, прежде всего, «знать», «аристократия», «элита», «правлящий класс». Все они возникли в разное время и в разных обществах, однако во многих ситуациях, особенно в публицистике, рассматриваются как синонимы¹. Понятия «аристократия» и «знать» часто используются в негативном смысле, особенно в марксистской литературе (Мейкшан И.А., 2011, с. 142; Политология, 1993, с. 27). Это особенно характерно для российской науки в настоящее время, когда мы, безусловно, наблюдаем в некотором смысле плохо контролируемый информационно-терминологический хаос. Разумеется, надо учитывать, что эти термины появились в разные эпохи и в разных регионах, хотя и на более или менее близкой стадии развития, когда выстраивалась иерархия родов и племен, шла ожесточенная борьба их друг с другом и вырабатывались нормы и рецепты их сосуществования.

Ни один из данных терминов из европейской и русской культур выбросить невозможно, и уже хотя бы поэтому делаются попытки разобраться в их соотношении. Предпочесть один какой-то не хватает достаточных оснований, и поэтому они чаще всего используются одновременно. Однако, думается, они, с учетом их специфичности, могут быть расположены в определенной иерархии.

Именно элитологическая история киданьского общества позволяет это проиллюстрировать достаточно ярко. Кидани, существовавшие на протяжении тысячи лет (III–XIII вв.) в одном из самых сложных и густонаселенных регионов мира (Восточная Азия), создали и развивали в рамках ряда государств (Великая Ляо, Западная Ляо, Северная Ляо, Восточная Ляо) весьма совершенную управленческую структуру, опыт которой изучался на протяжении всех последующих столетий чжурчжэнями, монголами, китайцами, маньчжурами, корейцами. История изучения киданей, по сути, есть история изучения деятельности именно элиты. Политическая история киданьского государства есть квинтэссенция информации о жизни и деятельности этого своеобразного народа-элиты.

Материал по киданьской элите накопился уже немалый, вряд ли хотя бы в ближайшем будущем будут найдены новые текстовые свидетельства. В любом случае они уже будут лапидарны и случайны. Текстов энциклопедического масштаба, адекватных «Цидань го чжи» и «Ляо ши», в природе больше не существует. Новые сведения могут дать археологические исследования, но и они уже не совершат революции, тем более, что их информация касается лишь быта, хозяйства, топографии и т.д.

Своеобразным недостатком современных исследований, вероятно, стоит считать то, что элита чаще всего рассматривается вне определенных исторических рамок, как своего рода универсальный общественный феномен. Да, элита была, есть и будет в истории человечества всегда, в то же время вряд ли спорным покажется утверждение, что она имеет свои исторические, этнические и социальные отличия, что при всей своей схожести европейская элита имеет и свои существен-

¹ По мнению Д. Джери, аристократия – это «наследственная элита или класс знати» (см.: Джери Д., Джери Дж., 2001, с. 37).

ные отличия от азиатской. Элита в средние века не то же самое, что современная элита. Сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда, не изучив досконально конкретно-исторические варианты, мы торопимся создать некую абстрактную модель элиты вообще. Не менее часто мы «читаем», скажем, ту же азиатскую элиту через европейскую и достаточно механически переносим «признаки» и «функции» европейской элиты на Восток. Не удивительно, что при этом у нас появляются «основания» говорить о некоей «недоразвитости» восточных «феодалов» или современной азиатской этнонациональной знати. Мы забываем, что «иное» не есть «меньшее» или «худшее».

Если сказанное имеет отношение к оседлой восточной элите, то кочевников нередко вообще выводят за рамки соответствующего исследования. Между тем хочется сказать, и надеюсь, приводимый ниже материал засвидетельствует это, что именно у кочевников многие аспекты социальной структуры выражены гораздо рельефнее, четче, чем у оседлых. В частности, кочевая элита в своей жизнедеятельности меньше «отвлекается» на многие проблемы экономики или культуры, например, на философские, литературные или религиозные споры и часто старается лишь «сражаться» и «править».

12.1. Источники информации о киданьском управляющем классе и их особенности

Безусловно, наибольшую информацию об этом можно получить на материале истории империи Ляо (907–1125). К тому же она еще в средние века была очень квалифицированно обобщена и структурирована в таких обширных исторических сводах, как «Ляо ши» («История династии Ляо») и «Цидань го чжи» («История государства киданей»), специфику которых в данном случае обязательно необходимо учитывать.

Китайская историография – уникальный набор текстов, которые рассматривают историю через государство, точнее, даже через династию, т.е. видят решающую роль именно элиты. Именно поэтому «Цидань го чжи» и «Ляо ши» содержат обширный и детальный фактологический материал, который позволяет термины «правлящий класс», «знать», «аристократия» и «элита» рассматривать как самостоятельные дефиниции, развести их в содержательном и семантическом смыслах, выстроить их иерархию.

Из них первым по времени создания является «Цидань го чжи» («История государства киданей»). Автором этой работы был помощник начальника императорского книгохранилища Е Лунли. Свое сочинение он написал и представил южносунскому императору Сяоцзуну (1163–1189) в 3-й луне 7-го года эры правления Чунь-си (1180 г.).

Состоял этот труд из 27 глав и пяти дополнений. При написании своего произведения Е Лунли использовал множество работ китайских и, прежде всего, сунских историков, поэтому В.С. Таскин (1971, с. 68), сличивший текст «Цидань го чжи» с некоторыми другими источниками, делает вывод о том, что «для правильного понимания текста целесообразно привлекать источники, которые легли в основу этого сочинения».

Это сочинение своего рода знаковое. Среди китайских исторических сочинений – это первая работа, посвященная истории другого государства, к тому же кочевого. До него писались лишь отдельные очерки или давались экскурсы в общих произведениях, типа династийных историй. Это не удивительно, ведь по всей Евразии увеличивается политическая и цивилизационная роль народов, ведущих преимущественно подвижный образ жизни. Усиливается внутренняя борьба и создаются разного размера довольно рыхлые этнические конгломераты – кельты на территории Европы и хунну в Восточной Азии, однако в целом этническая структура динамичных народов носит «кустовый» характер. Создаются союзы племен из кельтов, германцев, славян, тюркских и монголоязычных осколков. Они трудно перерастают в региональные системы, не могут связать свою будущую жизнь с четко определенным жизненным пространством, ориентированы фактически лишь на оборону или нападение. Довольно часто они распадаются, и из мелких пазлов формируются другие конфигурации. Какие-то из них проходят огромные расстояния, прежде чем попытаются создать

государства – гунны, готы. Создаются синтезные государства – кочевые империи (Ляо, Цзинь). Какие-то номады исчезают полностью (хунну, кидани, чжурчжэни), какие-то становятся частью средневековых этносов (франки постепенно эволюционируют во французов и немцев).

Перспективное развитие региона, где они располагаются, уже полностью определяется ими. Так появляются европейские средневековые империи (Каролингская, Священная Римская), кочевые империи Восточной Азии (Ляо, Цзинь, Юань). Хунну значительно повлияли на прекращение роста древнекитайской государственности, которая окончательно прячется за Стену. Все последующие китайские династии (Суй, Тан, Сун, Мин) лишь обороняют и отстаивают свою территорию.

Оседлые государства пытаются заново осмыслить развитие цивилизационных зон и делают это через привычные механизмы. Европа рисует новую историософию, опираясь на идею религии и «Рима», Китай смотрит через модель идеальной государственной конструкции. В Европе широкое распространение получает жанр «церковных историй», в Восточной Азии – «династийных историй». Эти произведения носят характер энциклопедических сводов, а о номадах и кочевниках пишут особые тексты. Так появляются «Германия» Тацита, «Церковные истории народов», «Ляо ши», «Цзинь ши», «Юань ши». Государства, основанные динамичными народами, пытаются сравнить со своими. Е Лунли в «Цидань го чжи» прямо называет это одной из своих целей. Да и сами кочевники пытаются осознать себя в эпических произведениях, сочинениях типа «Сокровенного Сказания».

Эти два вектора сканирования истории и культуры региона не совпадают друг с другом. Кочевников интересует движение, личности, борьба, т.е. то, что явно доминирует в их обществе. Оседлые народы, на примере сочинения Е Лунли это как раз хорошо видно, внимание направляют на механизмы государственного строительства в динамичном обществе.

Южносунские историки уже не могли замалчивать и тот факт, что кидани первыми из «варваров» стали на один уровень с китайцами, сменив привычную для дальневосточного мира вертикаль бицефальным устройством мира: Китай – Ляо. Чтобы объяснить это и дать свое объяснение роли киданей в истории дальневосточного региона, используются самые различные методы. Самым неудачным из них надо признать тот, который отразился в названии сочинения, когда киданьский этнополитический конструкт именовался всего лишь «государством» («го»). Кроме того, история киданей упорно излагалась лишь в связи с историей Китая. Против кочевников в той или иной степени были направлены и средневековые китайские ренессансы, особенно сунский, где антикиданьская тенденция прямо заметна. Многие события в истории взаимоотношения двух империй сознательно фальсифицировались. Вряд ли здесь можно видеть сознательную фальсификацию киданьской истории, скорее это соответствующая своему времени и своей ментальности попытка осознать киданьский феномен. Даже то обилие информации о быте, культуре и обычаях киданей и окружавших их народов говорит о сохранении отношения к ним как к «варварам» и не демонстрирует нам все многообразие, целостность и самобытность киданьской культуры.

В отличие от «Цидань го чжи» «*Ляо ши*» («История династии Ляо») делает упор не на политическом или военном аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа, его общественном и государственном строе, культуре, религии, обычаях, праве и др. Это основной источник наших сведений о киданях.

Отказ от прежней традиции интерпретации можно объяснить, вероятно, тем, что монголам понадобилось воспринимать Ляо, одного из своих предшественников, как более масштабное государственное образование. Так впервые восточноазиатская культура признала притязания киданьских правителей на императорский статус. Понадобился и киданьский опыт имперского строительства, а для его обобщения мог быть использован только жанр династийной истории.

Приказ о составлении истории династии Ляо отдал цзиньский император Си-цзун. Работу начал Ила Цзыцзин, а после его смерти продолжил и закончил Сяо Юнци. Этот труд из 75 цзюаней (известный как «история Сяо Юнци») был представлен императору в 1148 г., но вскоре был признан неудовлетворительным, так как многие чиновники возражали вообще против написания стан-

дартной истории для «варварской» династии киданей. С 1189 по 1207 г. 13 чиновников трудились над составлением нового варианта; половина из них была киданями. Новый вариант получил название «история Чэнь Дажэня». Окончательно работа была завершена лишь при монгольской династии Юань.

Среди составителей «Ляо ши» вначале развернулся серьезный спор, в процессе которого одна группа чиновников утверждала, что, поскольку кидани установили свою власть на территории китайской империи, поэтому их история должна быть включена в историю Сунской династии, а другая группа настаивала на том, что Ляо было независимым северным государством, которое даже китайских императоров заставило признавать вассальную зависимость, и, следовательно, история Ляо должна быть написана как самостоятельное произведение. В 1343 г. специальный комитет из 23 человек во главе с монголом Токто возобновил работу, «чтобы не лишиться источника сведений» (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, p. 611). Токто вынес соломоново решение, заявив, что Ляо, Цзинь и Сун все были ортодоксальными династиями и потому история каждой должна быть датирована в соответствии с ее собственным календарем.

Так появился современный вариант «Ляо ши», являющейся одной из 24 китайских династийных историй (Ляо ши, 1936; см. также: Суровцов М.Н. Ответ... // История Железной империи, 2007; Gabelentz C., 1879).

Состоит он из 116 цзюаней (глав) и содержит огромный фактический материал, необходимый для исследования общественного и государственного строя киданьской империи Ляо.

12.2. Особенности формирования и развития киданьского управляющего класса

Чтобы отчетливо увидеть специфику киданьского управляющего класса, надо, разумеется, исследовать длинный ряд конкретных проблем. Первой из них является, разумеется, проблема причин и предпосылок их появления. Эти предпосылки необходимо разделить на политические, экономические и социальные (см. подробнее: Пиков Г.Г., 2002а–б; 2003а; 2012). Прежде всего, следует отметить, что развитие киданьского общества обусловлено воздействием общецивилизационных факторов, которые четче всего проявляются на соответствующем этапе. Вместе с формированием цивилизаций складывается вертикальная многоступенчатая модель общества («феодалная лестница»). Это связано с формированием слоев людей, занятых специфическим трудом, своего рода узкоспециализированных специалистов – крестьян, рядовых кочевников, феодалов разных уровней статуса, элиты. Сказывалась и растущая милитаризация общества, особая роль войны и военного сословия.

В европейской общественной мысли фактически аксиоматичным является утверждение о наличии в обществе двух крупных классов: «класс, который правит, и класс, которым правят»¹. Думается, на происхождении всех этих представлений сказывается помимо всего прочего и широко распространенный с эпохи Просвещения тезис об антагонистическом устройстве общества, о борьбе эксплуататоров и эксплуатируемых. В этом случае все члены общества, кроме непосредственных производителей (крестьян, рядовых кочевников), автоматически переводились в разряд угнетателей. Здесь видится мировосприятие социальных низов – горожан, много веков не входивших в трехчастную модель общества², крестьян эпохи разложения феодальной эпохи, поднявшихся на великие крестьянские войны, пролетариев, подвергавшихся в эпоху первоначального накопления

¹ Утверждение Г. Моска (цит. по: Ашин Г.К., 1985, с. 45).

² Епископ Лимерикский Гилберт в своем сочинении *De statu ecclesiae* («О статусе Церкви», 1130) рисует общество как иерархию – это люди молитвы (*oratores*), землепашцы (*aratores*) и воины (*bellatores*). Трехфункциональную модель общества (жрецы, воины, скотоводы и пахари) отстаивал и Ж. Дюмезиль, который выделял такие основные функции, как укрепление космического (мирового) и правового порядка; использование физической силы (воинская функция); поддержание благосостояния (экономическая функция) (см.: Дюби Ж., 2000; Дюмезиль Ж., 1986).

капитала неимоверной эксплуатации, просветителей, объявивших войну всему «старому», церкви и «феодальным порядкам».

Реальная модель традиционного общества действительно покоится на идее неравенства как базовой, однако это неравенство общественных слоев связано с разной их ролью в организации производственной и общественной жизни. Это в свою очередь обусловлено спецификой отношений собственности, в частности, особой ролью земли как основного вида богатства. Как в оседлом, так и в кочевом обществе земля более важна, чем все остальные виды средства обогащения (рабы, деньги, должности, торговля, творчество). В результате по отношению к земле и выстраивается своеобразная очередь людей, которые обладают той или иной степенью возможности распоряжаться ею, но не владеют ею полностью – так называемая *феодальная лестница*. Земля считается ничьей, «божьей». У киданей она считалась, прежде всего, государственной, «киданьской землей». «Киданьская земля» – не феномен. Традиционно вычленились земли всех племен, однако это название постепенно расширяло свое значение и получало сакральную аргументацию. Оно эволюционировало в направлении того значения, которое имело у древних евреев понятие «Земля Обетованная». Все, что произрастает на земле, считалось даром Неба.

Вместо принципа землевладения в традиционном обществе господствует принцип землепользования. Крестьянин или рядовой кочевник зависит от общины и держателя земли (рыцарь, глава рода). Они же «получают» право распоряжения от вышестоящего и так по цепочке до самого верха: вождь племени – хан – Небо; граф – герцог – король – Бог. «Небо» или «Бог» выступают, по сути, как олицетворение обычаев и традиций, кутюмов, законов, регулирующих состояние всей социокультурной модели.

Эта модель способствует созданию двух секторов и двух классов людей. Одни «сидят» на земле, т.е. занимаются производством (крестьяне, рядовые кочевники), другие занимаются вопросами обеспечения бесперебойности развития производственного цикла – обеспечивают охрану территории, распределяют получаемые продукты, регулируют межродовые и межплеменные отношения. Между этими секторами неизбежны проблемные отношения, а порой и конфликтные. В качестве антагонистических они станут оцениваться лишь на стадии разложения этой модели. Отсюда, вероятно, стоит называть тот класс, который стоит над непосредственными производителями, не классом, который правит, а классом, который управляет, т.е. *управляющим классом*. Конечно, в реальной жизни эти отношения осмысливаются с помощью дихотомии господство–подчинение, но сущностной здесь является дихотомия производство–управление. Непосредственных производителей большинство, управленцев гораздо меньше. Это «господствующее меньшинство» неоднородно, что зависит от степени оседлости общества, специфики экономики, уровня централизации государства, особенностей исторического и политического развития и т.д.

В контексте этой логики формирование и развитие управляющего класса у киданей было неизбежно и предсказуемо. Этот процесс идет на всем протяжении киданьской истории, однако апогея достигает именно в период империи. Любопытно при этом отметить, что вся эта киданьская история укладывается в рамки периода в истории евразийских «миров», который в последние десятилетия все чаще именуют вождеством. На этой стадии выделяется и элита у всех народов. Именно на это обстоятельство в отношении кочевников особо обращают внимание китайские авторы.

Период, в который укладывается история Ляо, – особый в истории Евразии, занявший почти тысячелетие (приблизительно 500 г. н.э. – XIV–XV вв.) и имеющий целый ряд особенностей. Это период так называемых *поздних кочевников* и бурного развития различных евразийских оседлых цивилизаций. Период X–XII вв. тоже занимает особое место в истории Евразии. Практически все регионы этого полицентричного мира вышли на новый виток своего развития. К началу II тыс. н.э. все пригодные для земледелия и скотоводства территории были поделены, и стала ощущаться острая нехватка земли. Ценность ее резко повышается. Происходит существенный рост населения, близкий к демографическому взрыву. Образуются региональные центры (Дальний Восток, Индия, арабский халифат, Русь, Византия, Западная Европа). Наряду с ростом значения земледелия повы-

шается роль войны как средства решения широкого комплекса политических, социальных, экономических, демографических, религиозно-идеологических проблем. Земледелие и городская экономика не в состоянии были стать эффективными средствами решения этих проблем. Отсюда резко повышается потребность в государстве как регуляторе отношений различных этносов, пестрых социальных групп, экономических укладов, культур и языков. Государство же начинает играть роль организатора широкой внешней экспансии как традиционного для феодально-аграрной экономики метода приведения в соответствие ресурсов и потребностей.

Играла свою роль и поддержка других крупных государств, в данном случае, китайских империй (на европейском Западе это Рим, Византия), заинтересованных в том, чтобы не было хаоса в окружающем империю пространстве. Все империи, как правило, создавали в средние века буферный пояс из полузависимых от нее и даже независимых государств. Кризис мог быть вызван экономическими, политическими и иными причинами. Это стимулировало идущий в обществе процесс милитаризации и развитие военно-иерархической структуры степного общества. Милитаризация параллельно дополняется появлением харизматического лидера и его сакральной легитимизацией в качестве правителя. Происходит концентрация у него власти.

Киданьский материал позволяет говорить о существовании трехуровневого управляющего класса, что и дает возможность в полной мере задействовать все три термина – «знать», «аристократия», «элита».

Низовой уровень, он же базовый, представлен «*знатью*», наибольшей в количественном отношении частью, первой по происхождению, и по возможности приложения к историческому материалу.

Ее статус определяется уже этимологией. Само слово «знать», как известно, индоевропейского происхождения (ср. также латышск. *zināt*, нем. *Kennen*). В славянских языках является производным от *знати* – «отличать, замечать, знать, узнавать». Речь идет, прежде всего, об узнавании своих сородичей по родовому знаку.

В киданьском обществе знатные люди это те, кто принадлежит, прежде всего, к родовой знати. Внешний яркий отличительный признак их – знание своего предка и всех родных до седьмого колена. Любое общество создает культуру как механизм сканирования и осмысления видимого исторического периода. Своеобразная формула этой «истории» звучит примерно так: «мой прадед говорил мне, что его прадед видел». Основатель государства Апоки гордился тем, что принадлежал к роду Елюй – одному из трех правивших кланов киданей. Основатель западокиданьского государства Даши принадлежал к императорскому роду Елюй и в «Ляо ши» особо подчеркивается, что он был потомком основателя восточного киданьского государства Елюй Апоки в восьмом поколении.

История, судя по всему, именно для верхушки общества, начиная со знати, особо значима. Четко прослеживается связь знати с определенной территорией, на которой она проживала и трудилась, и за пределы которой, как правило, не выходила. Роды были основными структурными единицами государства. Они же составляли основу армии. Этот фактор обеспечивал непрерывность и преемственность этногенеза. Союзы племен или империи сменяли друг друга, а племена чаще всего сохранялись на прежних местах. Смена названий и самоназваний часто практиковалась в Степи и была вполне логичной в политике. Это могло быть проявлением политической лояльности или давало преимущества в статусе. Роды сохраняли свою организационную самостоятельность, и это серьезно замедляло их интеграцию в состав «киданьского народа». Часто сохранялись и языковые отличия.

Знать – это своего рода потомственное служилое дворянство, занятое управлением на местах: охраной мест обитания, пастбищ и перекочевков, организацией набегов, участием в походах в качестве низшего командного состава и т.д. Для успешного ведения кочевого хозяйства удобнее всего именно малые формы организации в виде отдельных родов или кланов.

Этнический состав ее очень пестр. Это не только и даже не столько кидани, сколько представители тех племен, которые контролировались империей. Они медленно эволюционируют в «ки-

даньский народ» как имперский, хотя впоследствии, ввиду незаконченности этого процесса, составят фундамент сначала «чжурчжэньского», а потом и «монгольского» народов.

Видимо, многие из представителей низшей знати существовали на этих территориях и до образования киданьского государства, входя в иные племенные конгломераты и нося их имя. Кидани тоже прошли через это, практически вся их додинастийная история – это история скитаний по Восточной Азии и войн с различными племенами. Одна из причин возвышения киданей – фактическое вытеснение их из Степи, частично на ее окраину. Вероятно, этот фактор повлиял на то, что они становятся скорее своеобразным военным народом, чем народом-скотоводом или земледельцем. Со временем они обретают свою территорию («киданьская земля») и часть рядовых киданей, видимо, оседает на ней, но основная часть вынуждена, хотя бы для удержания этих земель под своей властью, продолжать заниматься военными операциями и постепенно начала строить ту конструкцию, которую в развитом виде мы называем кочевой империей. Поскольку империя была довольно сложным и неустойчивым образованием, основная масса киданей максимально дистанцировалась от производственного цикла и превратилась в своего рода народ-элиту, присвоив себе функции государственного и военного строительства. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в так называемых *варварских королевствах* Европы, которые создавались усилиями того или иного союза племен.

Положение знати не киданьских племен определялось тем, каким образом они были завоеваны. Если племена покорялись киданям без сопротивления, то по указу 921 г. они приравнивались к киданьскому населению, становились, по выражению китайских авторов, «покорными варварами» и получали право самоуправления, хотя и под контролем киданьских чиновников. Те же роды, которые оказывали завоевателям сопротивление, переселялись в другие районы страны либо включались в состав военных поселений, где использовались на военной службе (Wittfogel K., Feng Chia-sheng, 1949, p. 193). В Ляо переселяют побежденных бохайцев, мятежников. Оседлое китайское и бохайское население по указу 921 г. составляли группу, которая ставилась по своему общественному положению ниже «варваров». Главной причиной того, что бохайцы находились на самой низшей социальной ступени среди всех покоренных народов, являлось большое количество поднимаемых ими восстаний.

После образования киданьского государства начинается массовый подъем киданей через социальные лифты в верхи общества, результатом чего стала довольно пестрая ситуация. Незначительная часть сравнительно бедных или переселенных членов киданьских племен вошла в слой локальной знати, основная масса киданей составила слой аристократии (воины и управленцы) и верхушка стала элитой, которую возглавил род Елюй. Количество и удельный вес киданей возрастает снизу вверх по социальной лестнице. Это привело к тому, что у киданьской империи не стало прочного этнического фундамента, что, впрочем, характерно для всех средневековых евразийских государственных образований, в которых титульный этнос сосредоточил в своих руках лишь управленческие функции. Основной массе кочевников было все равно, кто ими управляет, и они после гибели Ляо как своего рода офисный планктон сравнительно легко приспособятся к новой ситуации и перейдут под власть чжурчжэней. Также легко они впоследствии станут «монголами». Единственное, что у них может сохраниться в течение бесконечно долгого времени – связь с родом и героем-предком.

Значение племенной знати никогда не падает. Она как «сидела», так и «сидит на земле» и участвует в организации непосредственного производства. «Государство» просто надстраивается сверху. Даже у вождей племен иные функции.

Социальная дифференциация – результат и выражение процесса складывания двухцикловой модели. В этом плане какие-то народы могут сами «вырасти» до государства, как, например, китайские роды и племена, однако известны и случаи, когда власть создавали пришельцы. Таковы, по сути, все «варварские королевства» раннесредневековой Европы. Кидани тоже создали власть в районе, где проживали и другие роды. Это рассматривается обычно как подчинение киданями

этих родов себе, но, вероятнее всего, здесь своеобразное делегирование полномочий по верховному управлению одному из народов.

Возможно, отсутствие единственного столичного центра в Ляо можно объяснить и тем, что на местах оставалась значительная власть родов. Государство рисковало вызвать сильное сопротивление с их стороны и предпочитало вести «бродячий образ» жизни. Постоянно передвигающиеся из одного замка в другой, своего собственного или вассала, правители характерны и для ранне-средневековой Европы. Киданьские правители, как уже было сказано, решали лишь общегосударственные проблемы, а в дела на местах почти не вмешивались. То, что в Ляо между государством и общиной были непростые взаимоотношения, мешало и эволюции империи, тем не менее идея кочевого государства в целом была принята племенами. Елюй Даши на переговорах с западномонгольскими племенами апеллировал к идее «нашей родины».

Знать как наиболее консервативная часть управляющего класса почти не уничтожается в ходе крупномасштабных завоеваний, тогда как элитные роды часто истребляются сознательно и полностью. Возможно, во время войн Хорезма с каракитами в начале XIII в. шел настоящий геноцид, ибо киданей стремились уничтожить полностью, и можно предположить, что практически полностью были уничтожены представители правящего рода Елюй. Само наименование «каракитай» («народ китаев») можно понимать как народ без элиты.

«Аристократию» киданей в доимперский период составляли племенные вожди «восьми кочевий» (Материалы, 1984, с. 154, 157, 163, 171, 172–173, 186) и другие представители знатных кланов. В рамках империи эти люди регулировали ситуацию не на локальном, а на региональном уровне. Деятельность их не описывается детально, однако упоминается несколько более подробно, чем деятельность знати. Племенная аристократия играла особенно важную роль в проведении в жизнь преобразований, инициированных сверху. Она же достаточно активно поддерживала внешнюю политику правительства.

Есть мнение, что аристократия – не слой, а «особая форма политической организации, при которой власть принадлежит привилегированным группам общества, внутри которых аккумулируются и ретранслируются моральные, этические и духовные ценности социума» (Зубец О.П., 2000, с. 169–170; Тощенко Ж.Т., 1999, с. 71, 75). Думается, что у киданей для этого не сложилось достаточных оснований, хотя племенная аристократия и пыталась регулировать ситуацию в своем регионе. Для кочевой аристократии из-за особенностей кочевой экономики и политической жизни всегда было трудно закрепить свой привилегированный статус. Достаточно вспомнить здесь основателя киданьского государства Елюй Апоки, который вынужден был отказаться от своей власти над конфедерацией из-за сопротивления аристократии, апеллировавшей к традициям.

Одной из ключевых причин перехода к элитарной форме правления у киданей была именно нестабильность работы этой аристократической системы. Рост значения власти правителя в данном случае стоит объяснять не присущей якобы кочевникам авторитарной власти, это миф, а сложной этносоциальной ситуацией, когда к этническим проблемным отношениям, как это и бывает в переходные периоды, добавляются конфликтные социальные, выливающиеся в противоречия. Это как в средневековой, так и исследовательской литературе получило наименование «разложение строя». Аристократическая система была в кризисе, и происходил рост самостийности и центробежных тенденций. К тому же государство было необходимо для выполнения «общих дел» (оборона региона, ликвидация последствий стихийных бедствий, регулирование товаропотоков и др.).

В Ляо медленно складывается имперская идеология, но всегда существовала оппозиция, которая имела и свою контр-идеологию (аристократическая система). Она проявлялась в сложных отношениях с племенами, восстаниях братьев императора или его родственников. У аристократии во взаимоотношениях с элитой всегда были аргументы о том, что она древнее империи, происходит из древности и опирается на ментальную парадигму, но у элиты была мощная контр-идея, связанная с божественной сущностью императора. К тому же знать и аристократия ориентировались на ментальную культуру, фань, тенгризм, а элита, прежде всего роды Елюй и Сяо, на модель «им-

перии» и восточноазиатскую культуру в целом. Соотношение этих ориентаций неизбежно носило характер дихотомии. Если это не порождало острые конфликты, то все же определяло известную напряженность во взаимоотношениях «народа» и власти, существование сложного отношения к власти вообще. Поскольку многое в практике власти шло от «ханьского» как концентрированного выражения восточноазиатского в целом, это тоже настораживало «народ» и влияло на известную интеграцию интересов простонародья и знати. Кидани могли не принимать многое из конфуцианства еще и потому, что его рецепты могла использовать кочевая аристократия. Политическая рецептура Китая действительно подразумевает обязательное наличие старой наследственной аристократии: «Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий» (Древнекитайская философия, 1971, с. 140). Чжурчжэни впоследствии учитывали эти настроения и пытались оторвать «народ» от элиты.

Знать и аристократия сознательно противопоставляли себя остальному свободному населению, подчеркивая знатность своего происхождения, богатство, статус. Окружали себя роскошью, носили особые одежды, вели особый образ жизни, имели дружинников и могли выставить много воинов, содержать их за свой счет. В погребениях особенно много оружия, оно дорогое и совершенное. Пожалуй, искусство особенно красноречиво говорит о разрыве их с остальным населением и в духовной сфере. Они отличаются тягой к китайской роскоши. Они и в источниках упоминаются таковыми.

Конец Ляо, как и любой другой империи, был предопределен достижением такого уровня общего развития, когда начинает выравниваться уровень социального и экономического развития всех ее частей и они из партнеров снова превращаются в соперников. Складывается местная элита, управляющая субрегионом как политическая, и она все меньше начинает нуждаться в поддержке со стороны метрополии. Ее выращивает сама имперская элита, ибо одних высших чиновников недостаточно, а эти люди лучше понимают местные проблемы. В условиях господства этнической системы, разумеется, отношения между этими частями снова начинают обостряться как межэтнические.

Если Китай в случае социально-политического кризиса ставил задачу вернуть прежнюю оптимальную династийную модель, то для киданей такой возврат невозможен, ибо в их прошлом такой модели нет. В этой связи сформировалась аристократическая модель, к тому же находящаяся в состоянии кризиса.

12.3. Киданьская элита и династия Елюй

Элита в киданьских государствах представлена правящими династийными родами Елюй и Сяо.

Династия – одно из понятий, которое часто применяется в политической и социальной истории, но почти всегда сводится к последовательности правителей, принадлежащих к какой-либо семье или роду. Ее история, как правило, сводится к описанию наиболее известных или влиятельных ее членов. Такие династии практически всегда присутствуют в истории того или иного государства.

Уже хотя бы потому, что возможность передачи власти по родственной линии окончательно складывается в период существования крупных государственных образований и цивилизаций, династию можно считать одной из характерных черт именно цивилизации. В наиболее развитом виде они существуют в империях, хотя тенденция к оформлению этого института есть в любом государстве, особенно, если оно долго существует и в нем выделяется группа профессиональных правителей.

В качестве наиболее репрезентативного примера берется род Елюй в киданьской империи Ляо, период существования которой можно считать апогеем развития кочевой цивилизации. Серебряная империя киданей вполне может быть использована в качестве примера и потому, что является типичной кочевой империей и ее развитие отражает те закономерности, которые прослежи-

ваются и в других империях, особенно современных ей. Именно в ней появляется и окончательно реализуется возможность формирования типа именно государственного правителя, а не просто военного вождя.

Первая проблема, которая встает при изучении истории любой династии, – причины и предпосылки ее появления. По этой теме существует поистине безбрежная историография, однако чаще всего речь идет о специфике кочевого общества и особой роли их отношений с оседлым миром. Вероятно, здесь существует множество факторов и помимо уже упомянутых общецивилизационных (см. подробнее: Пиков Г.Г., 2009а–б; 2012).

Одним из маркеров любой цивилизации является указание на особую роль того или иного этноса. В Ляо, как и в остальных евразийских классических империях, особую, системообразующую, роль играют кидани. Именно они создают «жизненное пространство» государства, структурируют его, упорядочивают. Естественно, что под их контроль переходит большое количество самых разнообразных социальных и этнических групп. Со стороны это выглядит как завоевание, так оно воспринимается всеми соседями, да и самими киданями тоже. В данном случае завоевание – это форма и механизм форматирования пространства, которое, в свою очередь, есть не прихоть самих киданей или результат наличия у них какой-то особой силы, а следствие давно идущих процессов складывания цивилизационной зоны. Задолго до киданей это пытались сделать различные этнические группы тюрков и монголов.

С родом обязательно связана и династия. История киданей ярко демонстрирует, как вместе с формированием и развитием этноса на основе внешне случайного объединения племен идет развитие родов и их соперничество своим результатом имеет выход на первый план какого-то одного из них.

К тому же у киданьского этноса налицо два алгоритма развития. Первый – вертикальный. Этнос, развиваясь, сам по себе перерастает в суперэтнос, первый вариант монголоязычной народности, начинает играть роль элиты в созданной империи. Второй – горизонтальный. Этнос перерастает в суперэтнос за счет складывания конгломерата связанных с ним других этнических групп, складывания иерархии этносов. Однако если италийско-средиземноморский или китайский суперэтносы складывались за счет интеграции близких в этническом отношении групп, в Ляо, кроме кочевников на севере и западе, на юге и востоке были китайцы, бохайцы, тунгусо-маньчжуры, т.е. представители иной этничности и ментальности. Кроме того, если упомянутые выше «миры» складывались в достаточно однородных экономических зонах, то у киданей прослеживаются принципиально отличающиеся друг от друга зоны – кочевая, городская, лесная. Их экономическое взаимодействие более сложное и складывание единого экономического пространства идет крайне медленно.

Единственным средством обеспечения идущей медленно и противоречиво интеграции была власть. В государстве киданей, строго говоря, и рождается впервые в таком объеме феномен политической власти. Это приводило к диктатуре киданей и, естественно, что одним из следствий этого было то, что киданей очень скоро стали воспринимать как оккупантов, узурпаторов власти, угнетателей. Кочевые народы долго терпели их как своего рода плотину от Китая. Точно так же будут воспринимать и каракитаев мусульмане и тюрки в более позднее время.

Есть и ментальные факторы. Одной из особенностей киданьской ментальности все китайские, а потом и мусульманские авторы отмечают их непокорность и неуживчивость. Думается, что это одна из важнейших предпосылок трансформации этой этнической группы в народ-элиту. Как неугомонные франки¹ долго не могли ужиться со своими соседями и в конце концов потеснили их, так и кидани всячески дорожили свое независимостью и отстаивали ее. Если другие роды и даже племена часто перемешивались, то кидани в лучшем случае лишь «покорялись».

¹ Слово «франки» латинского происхождения и означало «ушедшие со своего места», «свободные» от постоянства.

Источники подчеркивают, что они сами выбрали себе в качестве самоназвания слово «цидань». Не китайцы и не другие кочевники их так называли. Они могли бы принять чужое имя, войти в состав чужого этноса, но поступили именно так и тем самым противопоставили себя всем. Не выбрали себе и имя своего тогдашнего вождя, человека явно незаурядного. Даже имя Апоки, основателя империи, не стало нарицательным.

«Цидань», если использовать современную терминологию, стало своеобразным стартапом, этнонациональным проектом на века вперед. В чем-то похожие проекты можно усмотреть в истории еще, и «цидань» неплохо смотрится в одном ряду с «США», «Элладой», «Римом», «евреями». Понятно, что империя сначала была экстраординарным проектом, но потом стала жить уже своей жизнью.

То, что кидани были «воинственными», означает, что, будучи бездомным этносом, как некогда древние евреи, они боролись за право проживать в регионе, как умели очищали для себя территорию, «отвоевывали» себе «землю обетованную».

Культурная история кочевников до сих пор изучалась лишь с точки зрения восприятия ими достижений оседлых народов. Аксиомой считается, что кочевники бескультурны, разве что в рамках кочевых империй возможен более или менее значительный культурный синтез. Между тем можно говорить, как минимум, о двух различных культурных процессах – невидимом и видимом. *Невидимый* (естественно, невидимый текстами, т.е. не нашедший отражение в текстах) шел до момента образования государства, когда, собственно, складываются все необходимые компоненты культуры. *Видимый* осуществляется в рамках государств, практически лишь крупных, когда происходит «проявление» этноса, т.е. он начинает играть более заметную роль в истории региона и это находит отражение в политике и текстах. Поскольку новое государство еще не создало собственной культуры и занималось оформлением своей территории, то все интересы соседей сосредоточились на фиксации войн, политической эволюции, хозяйства. Это, кстати, тоже работало на представление, что кидани пришли к власти обманным и насильственным путем.

В сознании киданей уже в ранние века усматривается своего рода парадигмальная мировоззренческая матрица, которая формируется на основе «цидань»¹. Как «евреи», бежавшие из египетского плена, от этого события начали отсчитывать свою этническую судьбу, так и слово «цидань», зажившее своей самостоятельной жизнью, открыло путь к формированию специфической идентичности. Здесь важен именно фактор выбора «слова», которое будет «в начале» и благодаря которому «все станет в нем». Это придает «избранность» народу, а то, что «вокруг враги», позволяет искать место для строительства своего рода «островной модели», крепости в окружении. Через эту фазу проходит большинство народов-строителей. «Цидань» требует алертности, которая присуща всем живущим на фронтире. К тому же выжить в бездомном состоянии было невозможно, любые бомжи рано или поздно исчезают. Нужна была своя территория, а ее можно было только отвоевывать. Сразу появляется ряд целей, достижение которых потребует много времени, а значит, будет формироваться долгосрочная эффективная программа этнонационального развития. Необходимо укрепление вертикали власти, а следовательно, стимулируется формирование «феодальной лестницы», т.е. иерархической вертикальной модели. Этот полусознанный проект ориентировался на строительство государственности. Понятно, что не об «империи» идет речь, но хотя бы о тех структурах, которые уже существовали в Степи. Собственно, Апоки и начнет с провозглашения своеобразной автономии в рамках обширного и эфемерного пространства. Так поступит и Пипин Короткий, провозгласивший себя управляющим франкской территорией от имени не ведавшей об этом византийской императрицы Ирины. Апоки пойдет дальше и сделает то, что сделал сын Пипина Короткого Карл Великий – провозгласит империю. Как и Каролингская империя, Ляо станет центром самостоятельного «мира».

¹ «Цидань» – современное звучание. В тюркских рунических текстах VIII в. это звучит как «ки-тан», «кытан» (Малов С.Е., 1959, с. 22–23).

В результате в киданьской истории четко выделяются два бифуркационных момента. Один связан с обретением идеи «цидань», а второй с началом строительства своего государства, которое неизбежно может быть лишь оборонительным в условиях своей слабости и существования многих достаточно сильных противников. Даже распавшийся после династии Тан Китай отнюдь был не по зубам кому-либо. Никто из кочевников, вплоть до Чингисхана, и не помышлял о его завоевании. Это было невозможно с военной точки зрения и не нужно с экономической.

Государство перейдет к активной обороне, карательным акциям, дипломатии. Развалить его можно было только в двух случаях, если бы появилось более сильное и агрессивное государство, а таковых не было, или государство, созданное преступным путем. Именно в измене как государственном преступлении и узурпации власти долго обвиняли чжурчжэньского вождя Агуду, который пришел к своей власти под лозунгом освобождения от ляоского гнета. Это тоже довольно нечастый случай в истории. Другие правители приходили к власти, используя систему выборов (Апоки, Чингисхан) или объявив о своей принадлежности к легитимной и свергнутой несправедливо династии (Елюй Даши). Агуда активно использовал революционную риторику, а Даши создавал правительство в изгнании, став в отличие от «красного» чжурчжэньского правителя «белым». Такова, собственно, модель всех революций: «уходящие» держатся за прежнюю модель, а новые выступают против ее «гнета».

В истории киданьского правящего класса соответственно можно выделить два периода. В додинастийный происходило формирование знати и аристократии. Основание династии стало революцией, свершившейся неизбежно в условиях, когда стали возникать метарегиональные проблемы, которые аристократия не могла решать в принципе. Это могла сделать только элита. На базе «династийного рода» как своего рода семейной корпорации создавалось нечто вроде «семейной фирмы», «цеха» (*universitas*). Именно поэтому правители везде ставят своих родственников, которые, по сути, специализируются именно на управлении, осуществлении власти, солидарны со своим родом, отделяются от остальных родов даже ментальностью, обречены на отчужденность и параллельное существование со всем народом, а в случае кризиса или гибели государства стихийно или сознательно уничтожаются.

Киданей не понимают еще и потому, что они, пожалуй, *первыми* из восточноазиатских племен в таком массовом масштабе оторвались от непосредственного производства и превратились в некий управленческий цех. В классических цивилизациях (Индия, Китай, средневековая Европа) воины были одной из частей общества, в Ляо же происходило соединение политики, полиции, войны и уже хотя бы поэтому киданям просто некогда было только воевать.

В киданьском обществе поэтому довольно рано и четко вырисовывается и выделяется управляющая элита, и средневековые китайцы это видят, но они не всегда понимают, что эта элита решает *иные* проблемы и что называется по определению не может копировать китайские рецепты.

Додинастическая история киданей занимает обширный исторический период, более полутысячелетия (примерно с 235 по 907 г.). Уже в «Ляо ши» намечена периодизация этой истории, с которой можно согласиться и поныне. *На первой стадии* (с III в. и до конца династии Суй, 618 г.) кидани существовали в виде нестабильной конфедерации восьми племен. *Вторая стадия* представлена племенной конфедерацией Дахэ (начало VII в. – 730 г.), а *третья* – племенной конфедерацией Яонянь (730–907 гг.).

В средневековой китайской историографии киданей традиционно называли потомками племенного объединения дунху («восточные варвары»), которое возникло во времена ранней династии Чжоу (около 1100 г. до н.э.) и исчезло во времена династии Хань после разгрома хунну (около 150 г. до н.э.).

Первоначально во главе каждого племени стоял старейшина, который избирался на общем собрании племени. Эти вожди назывались в китайских источниках по-разному. Например, в «Старой истории пяти династий» Сюэ Цзюй-чжэна отмечалось, что «вождь каждого кочевья назывался *дажэнь* («большой человек»)» (Е Лунли, 1979, с. 346–347, 411). Несмотря на господство какого-

либо одного рода, власть верховного вождя не была наследственной. Во-первых, пусть даже и формально, глава конфедерации избирался на курултае вождями всех восьми кочевий, а во-вторых, он в любое время должен был уступить это место другому представителю своего племени, если тот побеждал при выборах на пост вождя этого кочевья, так как верховным вождем могли стать лишь вожди восьми киданьских племен, которые, в свою очередь, периодически переизбирались на общих собраниях своих племен. Это была классическая родоплеменная конфедерация, наподобие той, что существовала и у франков в годы возвышения и прихода к власти Хлодвиг.

В середине VII в. Танский двор, создав для управления киданями так называемое Сунмоское (Сунмо – р. Сунгари) военное управление, за помощь, оказанную киданями императору Тан во время его похода в Корею (644 г.), назначил на должность главы этого управления верховного вождя киданьской конфедерации Кугэ с предоставлением ему титула ван (князь, верховный правитель). Это не было признанием независимости киданей. Как писал Н.Я. Бичурин (1842, с. XXVIII, XXXII), «...империя и государство, по понятию китайцев, суть две вещи, существенно различающиеся одна от другой. Империей называют такое государство, в составе коего, кроме господствующего народа, находятся другие народы, поддавшиеся ему... государство на китайском языке называется го, но в отношении к иностранным владениям китайцы под словом го понимают второстепенную державу; посему иностранным владетелям беспрепятственно уступают титул го-ван, что в понятии европейском значит: король, а в понятии китайцев *государь второстепенной державы*, и по большей части зависимой». Термин го или гоцзя в китайском языке трактуется в зависимости от контекста и как государство, и как страна (Галенович Ю.М., 2011, с. 40–41). Иероглиф «го» чаще всего употреблялся с другими словами, которые уточняли его значение: шу-го (вассальное государство), бень-го (коренное государство), вай-го (вассальное государство).

В этом плане можно говорить, что «обучение» искусству управления киданей началось задолго до образования государства. Кидани – одно из тех кочевых племен, представители которого гораздо чаще, чем члены других племен, получали различного рода титулы от китайцев. Это объяснялось тем, что у них по «дикости» никогда не было своих званий и должностей, однако дарование какого-либо титула, а начинали китайцы с незначительных, было обусловлено определенными заслугами человека в деле управления и установления добрососедских отношений с окружающими племенами и народами. Просто так китайцы не могли давать титул, это бы привело к дискредитации самой системы должностей. Нашлось бы много недовольных тем, что варвар получил тот или иной титул ни за что. Здесь о недовольных ничего не говорится, как не было недовольных и среди «варваров». Титул был своего рода «дипломом об образовании» и, видимо, ценился в кочевой среде, где увеличивалась потребность в менеджерах более высокого уровня, чем родовая знать.

Хотя этот титул и поднимал престиж киданьских вождей в глазах других кочевников, однако он означал в то же время их зависимость от Танской империи, поэтому многие верховные вожди киданьской конфедерации объявляли себя каганам. Этот титул имели раньше правители могущественного Уйгурского каганата. Если и можно усомниться в точности китайских источников, сообщающих о том, что киданьские вожди уже в середине VIII в. имели такой титул, то после падения Уйгурского каганата в 840 г. никто уже не мог запретить им называть себя так.

Вождь рода Елюй (Ила), представитель которого впоследствии стал основателем киданьского государства, назывался *илицинь*. Этот термин П. Пеллиот (Pelliot P., 1930, p. 44) отождествляет с тюркским словом «*irkin*» («правитель»), а О. Ковалевский (Kovalevskij O., 1844, p. 3) – с монгольским словом «*erkin*» («главный»). Судя по переводу термина *илицинь* с киданьского языка, данному в «Ляо ши», *илицинем* назывался «крупный чиновник, командующий войсками и лошадьми» (Ляо ши. Цз. 116, с. 423). Кроме этого, *илицинь* «ведал наказаниями» (Ляо ши. Цз. 61, с. 269), т.е. сосредоточивал в своих руках не только административную и военную, но также и судебную власть. «Ляо ши» дает возможность проследить эволюцию наследования поста *илициня* в роду Елюй от Су-цзу – прадеда Абаоци до него самого. Поскольку ни одно кочевье не обладало доста-

точным могуществом, восемь киданьских племен (Даньцзели, Ишихо, Шихо, Навэй, Пиньмо, Нэйхуэйцзи, Цзицзе и Сивэнь) (Материалы..., 1984, с. 186) примерно в VI в. объединились и выдвинули общего вождя, который «по существовавшему [среди киданей] закону... менялся каждые три года» (Материалы..., 1984, с. 157, 163, 171). И хотя срок его полномочий истекал только через три года, если он не оправдывал возлагавшихся на него надежд, мог быть заменен и раньше этого срока. Например, в конце IX в., когда кидани вели упорную борьбу с правителем китайской области Ючжоу Лю Жэнь-гуном, вождем всех киданьских кочевий был один из представителей рода Яонянь. Каждый год Лю Жэнь-гун выжигал в степи траву, из-за чего у киданей гибло много лошадей. Киданьские вожди посчитали, что их нынешний военный руководитель «не справляется с обязанностями» и выбрали на его место Апоки, вождя рода Елюй.

С этих пор вожди всех кочевий стали периодически собираться на общие советы, которые в истории монголов известны по китайским источникам под названием *дахуэй* («большое собрание»), а по «Сокровенному сказанию» – *курултай* (или *курултай*). Слово *курултай* на русский язык переводится как «собрание». В источниках называются два основных вопроса, которые обсуждались на таких собраниях киданьских вождей.

Во-первых, «если предстояла война, вожди кочевий собирались для обсуждения связанных с ней вопросов»; «в случае набора воинов [на войну] требуется согласие всех кочевий, отдельные кочевья не могут делать набор воинов самостоятельно»; «при наборе воинов и перед войной все кочевья собираются на совещание, а на охоту каждое кочевье ходит самостоятельно».

Во-вторых, совещание собиралось для выбора общего вождя союза восьми киданьских племен, который «по существовавшему [среди киданей] закону... менялся каждые три года». В «*Удай шицзи*» («Записки по истории Пяти династий») Оуян Сю рассказывается: «...всегда выдвигался один *дажэнь*, перед которым всегда выставлялись знамя и барабан в знак власти над восьмью кочевьями. Если он находился у власти долгое время или же если во владении случались стихийные бедствия, в результате которых погибал скот, [все] восемь кочевий собирались на совещание и выставляли знамя и барабан перед следующим [*дажэнем*], который сменял [бывшего вождя]. Сменяемый считал, что такова первоначальная договоренность, и не смел бороться за власть» (Материалы..., 1984, с. 186).

Таким образом, эти собрания киданьских вождей являлись своего рода высшим совещательным органом племенной конфедерации, основной целью создания которой было совместное ведение военных действий, а избираемый на нем глава этой конфедерации выполнял прежде всего функции командующего объединенными военными отрядами. На пост военного вождя избирался наиболее смелый и решительный глава одного из кочевий.

Движение к универсальной государственной форме началось, как это убедительно показали Н.Я. Бичурин, М.Н. Суровцов, Фэн Цзяшэн, К.А. Виттфогель, Л.Н. Рудов, Е.И. Кычанов, Н.Н. Крадин и др., не в X в. даже. Если до конца VI в. верховный вождь киданей избирался из разных кочевий, то затем, благодаря усилению отдельных родов, главой конфедерации все чаще и чаще становятся представители только этих родов. С 80-х гг. VI в. до 716 г. таким правящим родом был сначала род Дахэ, затем род Яонянь, а с 907 г. род Елюй (Думан Л.И., 1955, с. 8).

Возникновение кочевой империи было связано с событиями, которые повлияли и на возникновение специфической элиты.

Основателем киданьского государства и династии, одним из типичных представителей киданьской элиты был вождь племени киданей и представитель рода Елюй Апоки.

Он известен в источниках под несколькими именами. Начиная с периода Пяти династий (907–959) его имя обычно транскрибируется в китайских историях как Абаоцзи. Сунский историк Оуян Сю (1007–1072) отмечал, что Ли Ци в сочинении «*Цзиньмэньцзи*» приводит указ лянского императора к киданям, в котором Абаоцзи назван Абуцзи. Китаец Чжао Чжичжун, долгое время состоявший на службе у киданей, в утерянной книге «*Иньшань цзалу*» пользуется транскрипцией Абаоцзинь. Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей» употребляет имя Амаки. Ученый коми-

тет, созданный при маньчжурском императоре Цянь-луне (1736–1796), исправил имя Абаоцзи на Аньбацзянь (Амбагянь), поскольку на маньчжурском языке, по мнению чиновников, оно было связано со словами *амба* («великий») и *гянь* («надзирать»).

Он родился в тринадцатом году девиза царствования китайского императора Сянь-тун (872 г.) в Южной Монголии. В этом году киданями правил Сизэрчи из клана Дахэ, а затем его сменил Циньданы.

При рождении мальчика называли Чоличжи, запретное прижизненное имя И. В совершеннолетнем возрасте получил имя Апоки.

В китайских текстах сохранились легенды о его рождении. Мать мечтала о том, чтобы ее сын был рожден Небом. Однажды ей приснилось, что само солнце проникло в ее лоно и она забеременела. Так Апоки стал сыном Солнца, а кидани через него детьми Солнца. Они и известны стали как солнечные кидани. Когда Апоки родился, вся юрта осветилась чудесным светом и наполнилась необыкновенным ароматом. Новорожденный был как трехлетний ребенок и сразу же смог ползать, а в три месяца пошел.

Детство его было непростым. Дед погиб во время конфликта между племенами, отец и дядя бежали и тем избежали гибели. Мальчик был спрятан бабушкой. Отца Апоки звали Ганьли, он принадлежал к роду Елюй (Ели, Шили) – одному из трех правивших кланов киданей; мать была уйгуркой из рода Сяо. По «Ляо ши», Елюй было объединенным названием кланов правителей: «*Три Елюй именовались: один – Дахэ, второй – Яолянь, третий – Шили. Это как раз императорский род*».

Отец заставлял пленных китайцев учить сына китайскому языку, кроме того, Апоки умел говорить на уйгурском и бохайском языках.

С юных лет Апоки верил в свое высокое происхождение и в историческое предназначение киданей, которые должны подчинить не только ближайшие племена, но и далекие страны.

Время Абаоцзи – знаковое для киданей, своего рода переломный момент в их истории, переход от типично кочевой к более сложной и комплексной экономике. Именно Апоки в 911 г. учредил государственные железоплавильни. Примерно в 903 г. они начали строить поселения, обнесенные стенами. Позже появились крупные города и дворцы – Верхняя столица, дворец Апоки (по-китайски Хуньигун). Как своеобразные обозначения пределов первоначального государства были возведены четыре башни – Западная (Си лоу) в Верхней столице, Южная (Нань лоу) на горе Муюшань, Восточная (Дун лоу) в Линхуачжоу и Северная (Бэй лоу) в Танчжоу.

Начинали развиваться дороги, расстояния на которых были отмечены курганами по бокам. Приказы передавались через гонцов с пайцзами. При Апоки это были бирки, имевшие форму отлитой из золота рыбки.

В молодости Апоки стал известен благодаря своим походам на соседние племена *си*, *шивэй* и *угу*, а в 903–904 гг. Апоки совершает ряд удачных набегов на северо-восточную границу Китая, а в 905 г., в самый разгар междоусобной борьбы в Китае, с 400 тысячами воинов покоряет девять больших китайских городов. Благодаря своим крупным военным успехам он в 907 г. избирается главным вождем восьми киданьских кочевий. К этому времени власть вождя (*илицзиня*) племени, к которому относился Апоки, довольно прочно закрепилась за его родом Елюй (Ила) и начинает передаваться по наследству.

Точно неизвестно, как именно Апоки стал главой всех киданей. Согласно одной версии, в 916 г. после упреков вождей в том, что он долго не сменяется, Апоки подчинился их требованиям и под предлогом, что ему необходимо управлять захваченными в плен китайцами, попросил разрешения образовать отдельное кочевье (Материалы, 1984, с. 187).

Е.И. Кычанов, комментируя историю прихода Апоки к власти, сомневается в существовании обычая находиться у власти три года и предполагает, что его вспомнили именно для того, чтобы отстранить «узурпатора». Вероятно, сказала и поддержка Апоки со стороны прежнего кагана Ханьдэцзиня. При нем Апоки занимал высший пост в государстве – юйное. На этом же посту прежде были его отец и дядя по отцу. Это слово происходит от древнеуйгурского «огют» («советник»).

Этот чин давался за большие заслуги, и «тот, кто не имел больших заслуг, не получал его» («Ляо ши»). Апоки, будучи юйюе, «ведал военными и государственными делами». Именно эта должность во многом давала ему право на высшую власть.

Апоки трижды отказывался, ссылаясь на пример со стороны своего предка, но в итоге согласился. Основанное им государство Апоки назвал «Государство Цидань» («Государство киданей»), а эру своего правления – Шэньцэ (букв.: «Возведение на престол по воле духов») (Е Лун-ли, 1979, с. 42), подчеркивая тем самым, что власть им была не захвачена, а предоставлена самим Небом.

Китайцы не могли уже тогда принять киданьскую элиту в целом и конкретно Апоки как равноправных акторов политики в Восточной Азии. Апоки, с их точки зрения, «узурпировал» власть дважды. Первый раз, когда он не захотел сменяться с должности вождя союза племен в соответствии с традицией. Китайцы считали, что приход к власти, вопреки правилам, есть нарушение порядка, установленного Небом. В самом Китае мятежников всегда осуждали и, даже если они захватывали власть, вели с ними борьбу до конца. Они либо не учитывали экстраординарность ситуации у киданей (аристократическая модель не справлялась), либо не хотели менять ситуацию (слабые кидани выгоднее). Второй раз Апоки «узурпировал» власть, когда стал создавать свою элиту путем своеобразной «опричнины». Здесь кочевая аристократия, хотя и не принимала идею верховной и, по сути, неограниченной власти, понимала, что сложная социополитическая ситуация носит универсальный характер в рамках всей Восточной Монголии и Маньчжурии. Они готовы были поддержать Апоки, позволить ему укрепить властную вертикаль. В результате в Ляо установилось своеобразное двоевластие кочевой племенной аристократии и элиты, представленной, прежде всего, родами Елюй и Сяо.

Создание Абаоцзи своеобразной «опричнины» действительно стало еще одним важным средством укрепления им своей верховной власти, хотя в субъективном плане создание элиты и образование империи как надтерриториального государства – следствие нежелания Апоки ссориться с аристократией. Он в конце концов увлекает ее новыми возможностями с помощью обогащения и усиления за счет новой внутренней политики, где бы аристократия играла важнейшую роль.

Однако впоследствии, при правнуках Апоки, именно как итоговая сложилась напряженная ситуация. Аристократия (своего рода «бояре») и элита («дворяне») не могли одолеть друг друга и их соперничество привело к патовой ситуации – невозможно было вернуться назад к аристократической модели и нельзя идти вперед, к будущей нации. Происходило естественное перепроизводство элиты, которую уже нельзя было задействовать в полном объеме. В капиталистической Европе «дворяне» пойдут в «буржуа» и появится новый класс, который сменит и феодалов, и дворян. Здесь же буржуазия не могла появиться.

«Шахматную партию» с Ляо невозможно было «доиграть», ее можно было только прекратить, что и сделает мятежный чжурчжэньский вождь Агуда.

Апоки стал претендовать на статус «совершенномудрого» государя, но отличался от него принципиально. Такой государь приходил к власти, основываясь на традициях и «законах», а Апоки стал создавать все новое. Конечно, на региональном уровне использовалось старое, но на уровне государства уже новое. Приверженцы Апоки, будущая элита государства, стали чем-то вроде партии власти и, соответственно, им в итоге не прощали, что они становились выше общества, что искусственное становилось выше естественного.

Апоки провел религиозную реформу, суть которой заключалась в том, что, наряду с распространенным среди киданей шаманизмом, допускалось существование южных мировых религий, в том числе конфуцианство (Gabelentz H., 1879, s. 19–20). Сделано это было не из-за идеологических пристрастий формирующейся киданьской элиты, а скорее из конъюнктурных соображений, чтобы подвести обоснование под провозглашение старшего сына Бэя престолонаследником. Конфуцианское учение проповедует незыблемость соблюдения принципа первородства при наследовании императорской власти. Таким образом, успешное проведение этой реформы привело бы к отказу от древних обычаев киданей, предусматривающих одинаковую возможность передачи по-

литической власти как сыновьям, так и братьям правителя. Неудивительно, что родовая знать приняла это новшество в штыки, а братья Абаоцзи подняли мятежи: 916 г. – Лагэ, 918 г. – Дела. Сопротивление было решительно пресечено, и авторитет правителя от этого только вырос.

Впоследствии важную роль в государстве стал играть и буддизм. Легитимность киданьских правителей определялась еще и тем, что они поощряли развитие буддизма. Еще до образования своего государства кидани стали строить буддийские храмы, первым из которых стал Храм Начала Учения, основанный в 902 г. Именно буддизм оказался наиболее подходящей идеологической основой для складывающегося киданьского государства, ибо, отрицая родоплеменную исключительность, провозглашая единство культа и абсолютное значение божества, способствовал преодолению прежней родоплеменной разобщенности и становлению централизованного государства. Своей проповедью пассивного отношения к действительности и непротивления злу буддизм стал важным средством консолидации привилегированных сословий, которые всячески его поддерживали.

Апоки можно назвать *self-made man*. У него были неплохие стартовые возможности. Он был представителем одного из ведущих родов и, что называется, по праву рождения стал во главе не только своего племени, но и всего союза. Сказались личность Апоки, его честолюбие, властолюбие, энергичность, экстравертность, прагматизм, цинизм. Представители элиты опережали массовое сознание осмыслением новых вызовов, что хорошо видно на примере деятельности Апоки.

Он понимал, что в то время все варианты «возвышения» были уже известны и против них выступали как кочевые аристократы, так и китайцы, которых устраивала аристократическая система в степи. Ее можно было контролировать, спекулировать на демократических ценностях, хотя на самом деле демократия блокировала честолюбие и хороша лишь в мирное время. Эта система была уязвима для дипломатии *divide et impera* и громоздка и неуклюжа, если предстояла какая-то кампания против Китая.

В целом можно говорить, что в степи сложилась ситуация застоя, а внутренние проблемы (перенаселение, социальная напряженность, блокирование в узких границах, перепроизводство знати и аристократии) накапливались и требовали немедленного решения. Нужен был в некотором смысле парадоксальный ход, и Апоки нашел его. После своего избрания в 907 г., опираясь на поддержку своих воинов и активно используя добычу, полученную во время своих успешных походов, он остается на своей должности не положенные три года, а целых три срока (Stein R., 1939, p. 51). Было ли это дальновидное и глубокое продуманное решение или результат операции Апоки по возвращению к власти, но именно кидани в лице основных родов стали трансформироваться в элиту, которая надстраивалась над племенной аристократией. Аристократия была и останется и впоследствии ее единственным противником. Однако Апоки оставил ей все – власть, земли, привилегии, а сам «отселился». Постепенно он, а вслед за ним, и другие правители империи оставили себе лишь высшие функции управления и защиты государства. Модель «империи», как показывает история всех существовавших в истории человечества государств такого типа, предназначена для решения исключительно внутренних проблем региона, пусть даже и обширного, и для нее характерен принципиальный отказ от любых форм внешней экспансии – военных, экономических, политических, идейных.

Переворот Апоки, безусловно, носил революционный характер. Его приход к власти можно назвать своеобразной революцией, которая по значимости, видимо, несколько не уступала перевороту Пипина Короткого, имевшего своим итогом образование империи Каролингов. Елюй Апоки в борьбе за трон существенно помогали выходцы из уйгурского по происхождению рода Сяо. Именно они помогли устранить братьев и дядей императора и тем самым укрепить возможность наследования власти не от брата к брату, а от отца к сыну. Род Елюй в благодарность «поделился» властью с Сяо и в результате возникла бицефальная (двуглавая) система власти (император – из рода Елюй, императрица – из рода Сяо). Тандем Елюй–Сяо отражает сохраняющийся в той или иной мере монголо-тюркский синтез в государстве.

Предшественствующие роды, возглавлявшие коалицию киданьских племен (Дахэ с VII в., Яолян с 874 до 906 г.), пытались реализовать идею «кагана» как ее главы. Апоки в своей деятельности опирался на китайцев и противопоставил их аристократии, которую и попытался уничтожить во время переворота в большом количестве, тем самым устранив или нейтрализовав ее почти полностью. Взамен он предложил программу создания новой по характеру державы. Здесь явно прослеживается влияние китайцев, перешедших на территорию киданей, и, возможно, пример тангутского государства, с которым у киданей были достаточно стабильные и прочные хозяйственные и культурные связи. Возможно, сказалась политика невмешательства со стороны китайской империи Тан. С одной стороны, она уже не имела прежних возможностей вмешиваться в дела северных варваров, но в то же время была заинтересована в том, чтобы на севере возникло своего рода буферное и автономное по отношению к империи объединение. Идея «цидань го» («киданьского государства») фактически и сводила это объединение к территории, контролируемой киданями. Однако уже в 926 г. Апоки принял титул Тай-цзу («великий предок») – храмовый титул, который ранее давался только китайским императорам, положившим начало новой династии. Тем самым он отказался от прежней автономии (Е Лун-ли, 1979, с. 350, прим. 18) и приравнял свою власть китайской, но пока только приравнял. Однако в следующий период существования государства (982–1074) сложилась новая геополитическая реальность и проявилось иное отношение киданей к себе и своей собственной истории. Рядом с древним, исконно китайским «миром» складывается новый, который в соответствии с западной традицией, уже давно и достаточно успешно изучающей этот феномен, можно назвать «рах сиданька». Елюй Апоки «объединил все тридцать шесть иноземных народов». В этом районе сложилась аналогичная китайской модели «цивилизация – варвары», где в качестве культурного центра выступала именно новая империя. Она создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для своих соседей и заняла особое место в восточноазиатском метарегионе, ибо постепенно кидани начали строить свой «мир» как «тянься» («поднебесный») и пытались играть роль «чжунго» («срединного государства») вместо Китая для остальных кочевых народов как четырехчастной периферии («сы и») и даже в идеале всей ойкумены. Для киданьского «мира» характерны замкнутость в политических границах, географическая и климатическая локальность, киданецентризм, т.е. этноцентризм, традиционализм, стабильность и длительность существования, «древность» зарождения, самобытность и оригинальность, уникальность исторического развития, цивилизационно-культурный экспансионизм, привлекательность «имиджа» для других народов, не только «соседних», но и отдаленных, умение «уживаться» с ними, наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и в то же время являлось для народа «сдерживающей силой» от преступлений, особое значение литературы и письменности, предельная централизация государства и особая сила «верховой власти». Все эти факторы говорят о существовании совершенно новой культурно-идеологической ситуации. Кидани создали свой «мир», фактически дочернюю цивилизацию, и в результате название «цидань» закрепилось как название киданьской территории.

Формой своего прихода к власти Апоки нарушил в итоге прежние легитимные формы воцарения. Он хотя и пришел к власти выборным путем, однако потом провел акт «узурпации», не дожидаясь утверждения своей власти китайским императором.

Налицо новое и революционное в практике Степи. Апоки берет идею вождя, но переосмысливает его образ, увеличивая его права и полномочия и рассматривая его не первым среди равных, а поставленным Небом. Апоки, вероятно, достаточно умело сочетал киданьскую племенную традицию легитимации своей власти как полученной с помощью духов, так и китайскую (Е Лун-ли, 1979, с. 350), ибо берет идею императора, которая родилась на Юге, но обосновывает ее с помощью не конфуцианства, а кочевой ментальной культуры. Фактически он не просто синтезирует эти две фигуры, а создает третью – кочевого императора. Это импонирует кочевникам, ведь ими управляет свой кочевой правитель.

Ляоский правитель – новое явление для всей Азии. Здесь объявлялось, что новое государство представляет интересы всех племен, а в зоне проживания не только монголы, но и тюрки, тунгусо-

маньчжуры, китайцы. Хотя прямо не говорилось об этом, но потенциально эта империя могла бы быть объединением всех, живущих «от рассвета до заката». Впоследствии эту идею гениально использует Чингисхан.

Однако киданьский император отличается не только от «северных» правителей, но и от южных. На юге была более сложная социальная и экономическая ситуация, дисперсность социальных слоев, развитые ремесла, земледелие, торговля. Неудивительно, что здесь особую роль играла социальная элита. На севере экономика регулировалась веками сложившимися механизмами, и какой-либо хаос здесь был редок. Проблемными были оборона и участие в торговых связях с другими странами. Здесь существовала необходимость в формировании политической элиты, и Ляо стала первой гигантской ее школой. Особо следует подчеркнуть, что специфика социальных, экономических и этнических проблем обусловила необходимость их решения с помощью не завоеваний, а регулирования. В условиях политической нестабильности в регионе, одним из последствий чего и стал распад империи Тан, необходимо было обезопасить его от этой турбулентности, организовав эффективную и целостную оборону. Военные операции Апоки, а в какой-то степени и его преемника Дэгуана, можно назвать, используя современную терминологию, антитеррористическими операциями, превентивными военными действиями, наказанием за нарушение договоренностей и т.п. Естественно, что прямым последствием их стало и установление прочного господства в регионе киданей, но так или иначе это было в интересах всех северных племен. Ни разу в своей истории кидани не ставили задачу захвата чужой земли, за пределами своей зоны.

У гениального Апоки были все необходимые для политического деятеля такого уровня качества – незаурядные организационные способности, политическое чутье, дальновидность, смелость, беззастенчивость в выборе политических средств и т.п. Он более активно, чем его предшественники, использовал во внутренней сфере убийство и вероломство. Фигура Апоки выделяется в истории киданьской элиты, ибо он «навел порядок», «открыл», «указал путь», «начал», «дал истину», т.е. не просто вывел из тупика, а показал долгий и хороший путь в будущее.

В 916 г. Апоки повысил свой титул. 9 апреля 916 г. на большой церемонии после принесения жертв Небу Апоки получил титул «Великого священномудрого и Великого просвещенного небесного императора». Был объявлен первый девиз царствования – «Шэньцэ» («Пожалование божеством грамоты на титул»). Пэй, старший сын Апоки и Шулюй, был официально объявлен наследником престола. Название эры правления связано с тем, что Апоки после покорения различных племен нужно было заставить их признать свою власть, а для этого необходимо было законное основание. Не добившись возведения на престол от династии Лян, Апоки и назвал годы своего правления «Возведение на престол по воле духов», подчеркнув этим, что он не захватил власть, а поставлен управлять духами, т.е. самим Небом.

Одним из средств укрепления личной власти и строительства государства для Апоки стало активное использование опыта и знаний китайцев. Собственно, эта практика установилась фактически еще с хунну. Китайцы были либо пленными, либо добровольными перебежчиками. Естественно, что их роль по-разному оценивается исследователями. В китайской или японской литературе она часто преувеличивается и утверждается, что возвышение Апоки и укрепление его власти в борьбе с родственниками обеспечили именно китайцы. Сам Апоки владел китайским языком, хотя и боялся, что его воины, восприняв через язык нравы и обычаи китайцев, станут менее боеспособными.

Еще в 902 г. во время вторжения киданей в Хэбэй и Хэдун на север было уведено 95 тысяч пленных. После этого обнесли стеной город Лунхуачжоу и стали внутри него возводить буддийский храм Кайцзяосы (Храм, открывающий учение). В 903 г. кидани атаковали Цзичжоу. С именем Кан Моцзи, попавшего в плен при взятии киданями этого города, связано создание Китайского города (Ханьчэн). Город находился к юго-востоку от горы Таньшань, на р. Луаньхэ. Здесь добывались соль и железо, а земля была пригодна для высевания различных злаков. Возможно, как считают некоторые исследователи, название «Китайский город» не является собственным именем, по-

скольку оно прилагалось и к другим поселениям, где жили китайцы. В частности, Китайский город существовал в Верхней столице, Южной столице и к югу от областного города Цзяньчжоу. В 909 г. китаец Хань Чжигу в храме Дагуансы в Лунхуачжоу воздвиг памятную стелу, на которой впервые были описаны подвиги и заслуги Апоки. У гор Таньшань Апоки приказал построить город Янчэн («Бараний город») для торговли с Китаем.

В 915 г. в столице соорудили храм Конфуция, а в 916 г. императорский указ предписывал строить по всей стране конфуцианские, буддийские и даосские храмы. В столице выстроили императорский запретный город.

Китаец Лу Вэньцзинь *«научил Тай-цзу делать для итурма города подземные ходы, используя которые кидане нападали на город со всех сторон днем и ночью. В городе, в свою очередь, копали ямы и жгли в них масло для отражения киданей»* («Цидань го чжи»).

Китаец Хань Яньхуэй, «отличавшийся умом и большим знанием литературы», особо ценился правителем, который «полюбил его и сделал главным советником, обращаясь к нему по поводу каждого действия». Он предложил расселить пленных китайцев и заставить их заниматься земледелием и ремеслом, *«впервые научил киданей организации официальных учреждений, постройке городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, и созданию торговых местечек для поселения китайцев, что дало каждому из них возможность иметь жену и заниматься распахой и обработкой пустующих земель. В результате все китайцы стали спокойно жить и заниматься своими делами, а количество беглецов стало все больше сокращаться»*.

Переход китайцев на службу к киданям вряд ли можно считать только заслугой киданьских правителей или искать причину в невыносимых условиях существования для чиновников в Китае. Эта версия принадлежит китайскому послу к киданям Ху Цяо. В начале X в. переход от одного правителя к другому считался нормальным явлением, а служба в Ляо ничем принципиально не отличалась в глазах ханьского населения от службы в самом Китае. После разграничения территорий киданями и китайцами в середине века и особенно после Шаньюаньского договора 1005 г. перебежчиков на ту или иную сторону стали выдавать обратно.

Ближайшим сподвижником Апоки была императрица Шулюй Пин (кит. Елиду; храмовое имя Интянь) (879–953). «Ее предки были уйгуры», отец ее служил ачжагэжи при клане Яолян. Как говорится в «Ляо ши», «императрица была человеком высокомерным, строгим, решительным и честолюбивым». Она активно вмешивалась в дела империи.

Апоки скончался 16 августа 926 г. На следующий день Шулюй была провозглашена регентшей с правом решать государственные гражданские и военные дела. Ему пожаловали посмертно титул Небесного императора (Хуан ди) и храмовое имя Тай-цзу (букв. «Великий предок»). Это храмовой титул, который давали после смерти китайским императорам, положившим начало новой династии. В 1008 г. ему присвоили новый посмертный титул Великого победоносного, великого светлого императора (Да шэн да мин хуанди). В 1052 г. этот титул расширили – Великий победоносный, великий светлый, священномудрый величественный небесный император (Да шэн да мин шэнь ле тянь хуанди). На месте его смерти возвели павильон Вознесения на Небо, а город Фуюй, к юго-западу от которого он скончался, переименовали в Хуанлунфу (Область Желтого Дракона). По «Ляо ши», название «Область желтого дракона» появилось в связи с легендой о желтом драконе, убившем Апоки.

12.4. Специфика киданьской элиты

Становление монархической формы правления в киданьском государстве проходило в острой борьбе за власть между различными группировками, одни из которых в качестве обоснования своих притязаний выдвигали провозглашенный еще императором Елюй Абаоцзи принцип престолонаследования от отца к старшему сыну, а другие придерживались старых киданьских обычаев, допускавших наследование престола поочередно всеми братьями. В результате этой борьбы побе-

ду одержали сторонники передачи власти от отца к старшему сыну. Их успех на первом этапе был предопределен союзом с одной из самых могущественных семей рода императрицы, а в дальнейшем и самим характером принципа престолонаследования по нисходящей линии, который в большей степени способствовал укреплению власти монарха и всего государства в целом.

Так на вершине социальной пирамиды государства киданей оказались императорский клан Елюй и имеющий уйгурское происхождение клан Сяо, из которого киданьские императоры выбирали себе жен. Прямые потомки первого киданьского императора Елюй Абаоцзи образовали род, получивший название «Горизонтальные Шатры» (*хэн чжан*), а потомки двух его дядей и пяти братьев составили три рода под общим наименованием «Три ответвления отцовской семьи» (*сань фу фан*) (Ляо ши. Цз. 71, с. 313; Цз. 37, с. 146; Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 191). Члены этих четырех родов, являвшиеся благодаря своему близкому родству с основателем киданьского государства самым высшим сословием, а также представители остальных родов клана Елюй и нескольких самых могущественных родов клана Сяо, которые в 1029 г. были официально провозглашены знатными родами нации, занимали почти все основные посты в государственном аппарате империи Ляо.

В результате мы имеем дело с бицефализмом власти: «соправление» императорского клана Елюй и клана императрицы Сяо, которые фактически представляли собой большие семьи. Их представители занимали подавляющее большинство наиболее важных военных и гражданских постов в имперской администрации. Клан Елюй происходил от племени шели, получившего название от одноименного места, где оно кочевало: «Шели – место в двухстах ли к востоку от Верхней Столицы (ныне существует река Шили моли и при переводе этого названия на китайский появилась фамилия Елюй» (Е Лун-ли, 1979, с. 310). Клан со времени правления Абаоцзи делился на «пять подразделений» (северная часть) и «шесть подразделений» (южная часть). Они управлялись «великими князьями» (*да ванами*). Семья императора относилась к «пяти подразделениям», прямые потомки Абаоцзи выделялись как «поперечные» («горизонтальные») шатры, а потомки его дядей и братьев – как «три патриархальных хозяйства» (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 491; Kwanten L., 1979, p. 95). Клан императрицы Сяо имел уйгурское происхождение и тоже делился на несколько линиджей (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 191).

В итоге правящий род выдвигается, прежде всего, решив особую задачу обеспечения независимости, от остальных групп. Апоки отделился от всех и тем самым как бы противопоставил себя и свой род остальным. В условиях сложности социальной и политической ситуации, когда необходимо сплотиться по вертикали, вокруг одного человека, в обстоятельствах кризиса представители нового рода не пытаются работать по старым «правилам», предлагая свой вариант кардинального изменения ситуации. Новый род поднимается над остальными, претендуя не столько на нечто материальное (земля, богатство), сколько на универсальную власть. Именно универсальная власть становится новым политическим феноменом. Они становятся «первыми среди равных» (*primus inter pares*). Это одновременно ментальная революция, ибо в итоге начнет складываться новая структура общества, будущая «феодальная лестница». Новый правитель «приходит к власти», т.е. ему делегируются особые полномочия остальными членами общества, принимающего его как личность, которая «ничья», не принадлежит к другим родам, и главной своей задачей считает управление обществом как регулирование различных связей. Правитель не борется с другими, а выступает в своеобразной роли третейского судьи. По сути его главная задача – контролировать социально-политический порядок.

Отличие династийного рода и в том, что он не один из существующих, а как бы начинает новый ряд, наследуя все государство, а не то или иное родовое владение. Для обеспечения социально-политической стабильности, чтобы не возникали усобицы, этот род передает власть по своим линиям (брату, сыну). Правитель должен быть предсказуем для общества, т.е. власть не должна уходить опять на сторону. Устанавливаются жесткие требования к порядку наследования, складывается новая узкая профессиональная среда, аналогичная в чем-то другим средневековым сферам (кли-

рики, феодалы, крестьяне, ремесленники, школяры). Род Елюй это своеобразная *universitas* (корпорация) правителей. Правители становятся «наверху» общества, выше них только «Небо» или «Бог» как система традиций и рецептов, договоров и ограничений и получают свое обоснование и «право» на управление уже не в качестве ставленников племени, а как креатуры сверхъестественных сил (исполнители Воли Неба). Естественно, они не должны перечить этой «воле». Если нарушение все же происходит, то к власти приходит новая династия, создающая новое государство, которое будет контролировать эту территорию (новый хозяин). Часто это уже иная конструкция: сменившие чжурчжэней монголы создали «общечеловеческую», а не этническую империю. Правящие роды киданей, чжурчжэней, монголов становятся главными только с основанием империи, т.е. вытесняют другие роды, побеждают и создают государство. Здесь есть еще одна революция. Апоки, вопреки обычаю, передал власть не братьям, но провозгласил себя основателем династии, императорской по китайскому образцу, установив свой девиз правления (Ляо ши. Цз. 1, с. 9а) и объявив своего сына Бэя наследником. Для основателя государства и его преемников обязательны становятся связь с господствующим этносом, с территорией («родиной»), наличие харизмы, уважение к традициям, умение управлять и побеждать.

В результате можно говорить о формировании в государстве достаточно обширного слоя элиты, что было одним из важнейших факторов для стимулирования процесса государствообразования. Выделение «белой» и «черной» кости, деление общества на знать и народ, основа стратификации на родословных связях, связь власти правителей с клановой системой, генеалогическая близость претендента к линии правителя говорят о сложности разделения политических и родовых отношений.

Элита – неотъемлемая и важная часть любого социума. Она осуществляет функции управления социумом, вырабатывает новые модели (стереотипы) поведения, позволяющие социуму приспособляться к изменяющемуся окружению, контролирует большую часть материальных и политических ресурсов, занимает высшие посты в иерархии статуса и власти. получив их по положению или по заслугам.

На примере киданьской элиты можно видеть действенность двух наиболее распространенных трактовок термина «элита». Это – аксиологический (ценностный) подход, когда подразумевается, что входящие в элиту обладают более высокими интеллектом, талантом, способностями, компетентностью по сравнению со средними показателями конкретного социума («лучшее»). В то же время правомерен и альтиметрический подход, оценивающий принадлежность к элите по факту обладания индивидуумами реальной власти. Термин «элита» в значительной степени вполне адекватен для обозначения той части киданьского социума, которая обладала реальной властью и влиянием. В то же время, хотя и закрытая, она все же внутренне неоднородна, иерархически выстроена и основана на принципах строгого подчинения и жесткой централизации. Элита Ляо к тому же специфическая, скотоводческая.

Одним из факторов, способствовавших перманентной слабости киданьского государства, являлось парадоксальное положение рода Елюй. С одной стороны, он есть порождение собственно киданьской родоплеменной структуры и государство, которое он создал и возглавил, можно было бы отнести к типу древних государств-общин, но, с другой – положение этого рода было настолько особым, что Ляо можно считать, действительно, государством, созданным в результате «узурпации» власти.

История киданьского общества ярко демонстрирует и склонность его элиты к деградации, т.е. к неоправданному увеличению собственных предпочтений, при одновременном уклонении от каких-либо обязанностей перед социумом.

В истории киданьского государства особенно заметна цикличность, связанная с экономическими и политическими факторами. В течение первого (почти весь X в.) проходила деятельность «отца» Абаоцзи («начал»), «сына» Дэгуана («продолжил») и «внука» Ши цзуна («завершил»): «возвышение Тай-цзу было подобно степному пожару. Его дело продолжил Тай-цзун», при Шиц-

зуне «военное могущество сохранялось» (Е Лун-ли, 1979, с. 94, 104). Решающим было начало X в., когда вырабатывалась долгосрочная программа преобразований и начиналась ее реализация. Абаоцзи подчинил своей власти различные племена, и появилась альтернатива: объединение кочевых областей и внешнеполитическая экспансия. Второй вариант был предпочтителен и неизбежен. Для возникающего государства крайне важно было убрать многовековую опасность со стороны опасных соседей, особенно Китая. Кидани уже далеко продвинулись по пути складывания государственности и синизации. Они стали лидерами кочевого мира в борьбе с южным регионом и были уверены в поддержке остальных кочевников. На базе антикитаизма идет организация совместной обороны кочевых племен, организация культуры и государственности, объединение региона и упрочение территориального организма при сохранении традиций. Кидани пытаются создать общегосударственную синкретическую идеологию, используя буддизм и сочетая различные варианты (бохайский, китайский, киданьский), но в основе ее четко прослеживается идея «семьи» (улус). Оформляется система Север–Юг. Время правления Ши-цзуна – середина цикла – «золотой век», достижение «конца истории». Trend завершается, и «правнуки» начинают новый цикл, «они сняли латы и шлемы в женских покаях» (Е Лун-ли, 1979, с. 113). Это период правления «ленивых» правителей, «осень» киданьской истории – время сбора плодов и подведения итогов, время «тучных коров», за которым можно уже разглядеть период «тощих коров». Фактически заканчивается период захвата «жизненного пространства», правители «сохраняют» доставшееся им «наследство» (Е Лун-ли, 1979, с. 139). Этим правителям «повезло»: «благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства» (Е Лун-ли, 1979, с. 154). Апофеозом этой политики станет Шаньюаньский договор 1004 г. Север становится малоинтересен киданям: Ляо – полуоседлое государство. Оно отходит от чистой кочевой экономики и «плывет» за счет седентаризации. Паразитический характер государства обусловил его перерождение в деспотическое. Начинается период стагнации и спада. И, как точно подмечает Е Лунли, «если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая, поэтому Агуда, живший при императоре Тянь-цзо, – это тот же Абаоцзи, живший при Поздней династии Тан» (Е Лун-ли, 1979, с. 224). История государства киданей ничем в этом плане не отличается от истории дальневосточного мира в целом, для которого характерен циклический характер исторической эволюции. Китайские авторы традиционно рассматривали историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуай) империй. Западные и отечественные исследователи это тоже часто признают «внутренней логикой китайской истории» (Васильев Л.С., 1972).

Чрезмерная бюрократизация привела к своеобразному «перепроизводству» кочевой аристократии и, как следствие, к усилению центробежных тенденций, автаркизации отдельных хозяйств.

Сыграла свою роль и выявленная Т. Барфильдом борьба приверженцев конфедеративного и автократического путей развития общества. Соправительство с Сяо приводило, как справедливо отмечал В.В. Трепавлов, к ослаблению автократии и усилению трансформации в конфедерацию.

Одним из отличительных признаков киданьской империи была монархическая форма правления, тесно связанная с феноменом династии. Киданьский правитель пользовался неограниченным авторитетом, что роднит его с фигурой китайского императора, у которого «политическая власть не ограничивалась миром людей, а распространялась на всю природу в целом» (Мартынов А.С., 1972, с. 75). Принятие Апоки в 916 г. императорского титула Тянь-хуан-ван в соответствии с нормами китайского этикета приводило к серьезным изменениям в формах и методах правления. Император становится «начальной функцией всех дел в государстве» (Суровцов М.Н., 2007). От Китая было перенято представление об императоре как Сыне Неба (тянь цзу), который получил «мандат Неба» (тянь мин) на правление, а из монгольской традиции – право на управление всем миром. Это дает ему Вечное Небо (möŋke tengri – Eternal Heaven). В итоге обосновывалось право и обязанность императора быть членом особого, так сказать, императорского рода. Кроме китайской и родовой монгольской традиций, на сакрализацию верховного правителя повлияли уйгурская и тюркская. В орхонских текстах видно,

что правитель получает два мандата – от Неба вверху и от Земли внизу. Собственно киданьские представления, безусловно, тоже повлияли на это. Сказался культ великого предка, которому, разумеется, помогало Небо. Он фактически «оправдал» надежды рода, «выведя» его наверх к власти. Род правителя происходит от прародителей всех людей. Перед битвой обязательно приносились жертвы предкам, но прежде всего Небу. Свои победы правитель объяснял поддержкой Неба. Не случайно в китайской религиозной традиции Небо выделялось среди других божеств. Как и монголы впоследствии, кидани приписывали Небу универсальные черты (вечное, высокое). Еще в Орхонских надписях (VII–VIII вв.) говорилось о высоком синем Небе. Но через киданей к монголам придет акцент на воле и силе Неба. «Сила» правителя тождественна силе Неба, сульдэ – «связь миров», основа самоорганизации мира и император – ее достойный посредник. Правитель создает иерархическую лестницу «с Неба на Землю» и утверждает единый закон Неба на Земле.

Киданьский правитель получал в результате право даже творить свой особый мир (миропорядок) и подчинять ему все пространство на вечные времена. Все империи претендуют на это и кидани не исключение. Все соседние народы воспринимались как потенциальные члены новой мировой империи. Фактически переосмысливается понятие ойкумены. Это уже не просто населенная людьми зона, а мир своих людей, «наших», до горизонта культуры. Войны против не желающих присоединиться к империи оправдывались морально и идеологически, более того, они обязательны, ибо те не хотят жить «по божеским законам».

Отношения с другими народами находили отражение в символике вассальных отношений, которая фактически копировала внутрисемейные отношения (отец–сын и др.). Не желающие присоединиться к державе воспринимались как противники конкретно императора как проводника воли Неба.

Император не был все же единоличным правителем, хотя и считался часто окончательной инстанцией и от его имени принимались важнейшие решения. В его кладовых «скопились целые горы редких и драгоценных вещей» (Е Лун-ли, 1979, с. 152). Государственные стада насчитывали около миллиона голов, их пасли в основном в Силоу (Е Лун-ли, 1979, с. 47; Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, р. 47). Был специально разработан особый дворцовый церемониал (Е Лун-ли, 1979, с. 468–479, 523). Идеализация власти отражена в сложной титулатуре, пышном этикете двора, в создании разветвленной дипломатической системы, табели о рангах, роскошных императорских одеждах, символах власти, искусстве, монетах, печатях.

На практике правитель все же должен был считаться со сложным характером взаимодействия различных этнических и социальных слоев, политических групп, культур, религиозных представлений, традиций и обычаев.

Все эти нюансы фиксируются в имперском праве. Чингисхан создаст особый текст – Ясу, но кидани соединяли эту «теорию» с историческими хрониками. В частности, в «Ляо ши» для этой цели специально выделены особые главы по праву (например, 62 цзюань – «уголовное законодательство»).

У императора, символизировавшего собой государство, были сложнейшие и ответственные задачи (кроме указанных выше): более рационально распределять и перераспределять пастбища и водные ресурсы, координировать перекочевки, охранять кочевья от множества врагов, налаживать торговые связи с зарубежьем, упорядочивать политические связи внутри империи и даже за ее пределами.

На региональном уровне этим успешно занимались кочевые аристократы, но теперь масштаб проблем увеличился и за их решение должна взяться универсальная держава. Если в родовой общине отношения ее членов регулировались с помощью выработанной тысячелетиями или даже в чем-то заимствованной из животного царства половозрастной иерархией (все обозначения «родства», т.е. дед, отец, сын, внук, мать, тесть etc. обязательно имели функциональную нагрузку), то теперь нужна была другая система. Она тоже должна была быть иерархична (традиционное общество в принципе не приемлет идею равенства, эта идея появляется только в мозгу горожанина эпо-

хи процесса первоначального накопления капитала) и пользоваться терминами родства, наполняя их, по сути, иным содержанием. Это способствовало становлению элементов государственной власти, формированию бюрократического аппарата.

12.5. Формирование бюрократической элиты в Ляо

Особое место в государстве занимало *чиновничество*, которое часто считают особым сословием на Востоке или рассматривают его частью привилегированного сословия. В империи Ляо, однако, состав чиновничества формировался из различных сословий и чиновниками могли стать члены императорской семьи, родственники императрицы, а также купцы, ростовщики, ремесленники, за исключением духовенства, мелких торговцев, мясников, врачей, незаконнорожденных, преступников и зависимых людей (Ляо ши. Цз. 20, с. 82; Цз. 27, с. 104). Иначе говоря, киданьское чиновничество можно считать не сословием, а особой социальной группой (Даньшин А.В., 1985). Она складывалась на протяжении всей ляоской истории как бюрократическая или административная часть, посредник между верхушкой элиты и населением. Именно она впоследствии в массовом порядке будет переходить на сторону чжурчженей.

Источники по истории киданьского государства не позволяют дать полную информацию о чиновничьей структуре в Ляо. Можно предположить, что на юге империи чиновничество было организовано по китайскому образцу. Во всей империи чиновничество освобождалось от всех трудовых повинностей и налогов, а также получало помощь от государства. Один из китайцев, находившийся всего три месяца на посту премьер-министра Южного региона, сумел за это время скопить 70 тысяч связок монет и на такую же сумму ценные металлы и драгоценности (Ляо ши. Цз. 29, с. 110). Некоторые китайские чиновники получали фамилию Елюй и включались в состав Императорских Горизонтальных Палаток, что давало им возможность заключать браки с кланом императрицы Сяо (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 228, note 17).

Состав чиновников Северного правительства пополнялся в основном киданями, а Южного (китайского) правительства – китайцами.

Пополнение рядов чиновников из китайцев проводилось главным образом путем заимствованной из Китая так называемой привилегии *инь* (тень), в соответствии с которой человек, обладавший чиновничьим рангом, как бы отбрасывал тень на своих сыновей и мог тем самым требовать для них какие-то должности, а «находящийся в тени» имел право на смягчение наказаний за совершенные преступления. В результате китайское чиновничество в киданьском государстве воспроизводило себя преимущественно из своих собственных рядов, затрудняя проникновение в их состав выходцев из других социальных групп. Правда, возможность стать чиновником все же была и для них. Начиная с периода правления императора Шэн-цзуна (982–1031 гг.), они могли принять участие в сдаче экзаменов на ученую степень доктора (*цзиньши*), получив которую, имели право быть избранными на чиновничий пост. Испытание проводилось по поэзии и праву, причем поэзия считалась основным предметом, а законы – второстепенными. Как и в Танской империи, экзамены проходили в три тура. Те, кто успешно сдавал их в волости (*сян*), назывались *сянцзянь* («рекомендованные волостью»), выдержавшие экзамен в области (*фу*), назывались *фуцзе* («посланные областью»), а после сдачи экзамена в столичном управлении государственной канцелярии именовались *цзиди* («получившие ученую степень *цзиньши* в результате экзамена») (Е Лун-ли, 1979, с. 318). Однако право *цзиньши* не означало занятие определенного поста. По «Цзиньши», киданьское правительство предоставляло должность только двум-трем лицам из десяти, сдавших экзамен. Лишь около 600 человек, сдавших экзамены на степень *цзиньши*, получили различные должности. За 30 лет со времени введения экзаменов (с 988 и по 1118 г.) степень *цзиньши* получили примерно 2 тысячи 400 человек (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 456, 491–492, note 4). Видимо, чиновники, имевшие степень *цзиньши*, составляли, как и в Китае в X–XIII вв., лишь одну треть часть их общего количества, в общей сложности около 1800 человек (Даньшин А.В., 1985).

Если исходить из того, что на одного чиновника накануне гибели чжурчжэньского государства приходилось 975 человек (Воробьев М.В., 1975, с. 171–173), а незадолго до крушения киданьской империи Ляо 1055 человек, то весь бюрократический аппарат мог насчитывать около 3600 человек.

В Ляо сложилась своеобразная традиция подбора чиновников. Еще до образования государства отдельные должности у киданей могли быть переданы «по наследству». Например, в VIII в. члену клана Сяо Талегэ была пожалована «наследственная» должность судьи. В племени Ила все должности передавались представителям рода Елюй (Ляо ши. Цз. 73, с. 312; Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 399). После образования государства у киданей оформляется так называемая система *шигуань* (наследственных чиновников) или *шисюань* (наследственного отбора), в соответствии с которой преимущественное право занимать в киданьском государстве некоторые должности имели представители определенных родов клана Елюй или Сяо (Ляо ши. Цз. 1, с. 13, 15; Цз. 2, с. 17; Цз. 6, с. 33; Цз. 20, с. 82; Цз. 21, с. 86; Цз. 31, с. 119; Цз. 73, с. 322; Цз. 78, с. 337; Цз. 81, с. 343; Цз. 87, с. 357; Цз. 90, с. 365 и др.). Были, естественно, попытки отдельных людей сосредоточить в своих руках одновременно руководство Северным и Южным министерствами Северного региона. Например, в 1077 г. выяснилось, что Елюй И-синь и два его брата уже несколько лет удерживают за собой в Северном регионе посты обоих министров. Это было пресечено, а сам Елюй И-синь был объявлен изменником (Ляо ши. Цз. 23, с. 92; Цз. 110, с. 407).

Для более качественного отбора чиновников в состав южной администрации в 988 г. была восстановлена система экзаменов. Император активно привлекал китайцев в северную администрацию. Начался период обширного заимствования китайского опыта в управлении, правовой сфере, культуре. Перенесение китайских традиций на управленческую практику северной администрации (создание государственного сектора, увеличение налогов, рост числа должностей) отразилось на положении рядовых кочевников: активно шел процесс оседания номадов, рос госсектор за счет конфискации племенных земель, кочевники сгонялись с пастбищ и родовых территорий, солдаты пограничной службы заставляли обрабатывать поля и выращивать зерно и т. д. (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, p. 193–195; 137, с. 184, 186; Дробышев Ю.И., 2010, с. 108–122; и др.).

12.6. Сферы деятельности киданьской элиты

Элита восточноазиатских кочевых империй добивается особых успехов в своей деятельности, которые признаются и за пределами империи.

На это повлияла не только специфика развития самой зоны классических кочевых империй, но и то, что она была в то время своеобразным местом встречи разных цивилизационных интересов и этнополитических и экономических процессов. Из Китая сюда шли технологии, капитал, квалифицированные специалисты, достаточно развитые коммерческая и материальная структуры. Маньчжуро-корейский регион был заинтересован в бесперебойном функционировании «окна» в Китай, ориентировался в той или иной степени на китайскую торговлю, культуру, надеялся на военную помощь со стороны региональных структур (киданей, китайцев, бохайцев). Кидани «предлагали» метарегиону земельные массивы, неосвоенные территории, неквалифицированную рабочую силу, тоже нуждались в общении с Китаем и даже во многом ориентировались на него.

«Квадрат» не закрывался и не превращался в самостоятельную геополитическую и макроэкономическую зону во многом из-за того, что мешала Западная Монголия, тяготевшая к кочевым районам и Сибири. Это одна из причин того, что зона «кидань» не стала ни «Ганзой», активно занимавшейся торговым посредничеством, ни «санкт-петербургским окном» на запад, а осталась «островом», своеобразной «луной» Китая. Она стала эксклавом одновременно и Китая и кочевников, хотя связи с Китаем очень долго для нее значили больше, чем связи с кочевым миром.

Сказалось и время складывания элиты – знаковое для киданей, своего рода переломный момент в их истории, переход от типично кочевой к более сложной и комплексной экономике. Китай

получил все же центр сдерживания растущей внешнеполитической активности варваров и по этой причине период Пяти династий и десяти царств (907–959) прошел для Китая сравнительно безболезненно. Лишь кидани периодически вторгались на его территорию, но ограничились тем, что выровняли свои южные границы и добились того, что китайские династии перестали быть опасными для Севера. В итоге почти одновременно на Севере и Юге возникают равновеликие империи – киданьская Ляо и китайская Сун. На несколько столетий в этом регионе установится геополитическое равновесие, пусть и шаткое.

Апоки не нарушал базовых кочевых традиций и не выходил за пределы этой ментальности. Явно не мечтая о создании чисто китайской династии, он строит свой «мир», хотя и с использованием китайского опыта. Скорее начинается политическое соревнование двух великих империй. Здесь нужны были новое видение политики, новые личностные качества. Новый характер киданьской государственности, естественно, потребует формирования новой элиты, которая станет революционной как по своему происхождению, так и по характеру, являющейся результатом синтеза кочевых и оседлых, в большей степени восточноазиатских в целом элементов.

Для народа-элиты характерна нерасчлененность сфер его деятельности, когда его члены являются одновременно воинами, хозяйственниками и управленцами, нечто вроде мастеров как цеховой элиты. Основные направления деятельности киданьской элиты: выстраивание госаппарата (основу заложили преобразования Апоки), развитие идеи и модели империи, адаптация имперской конструкции к Ляо, строительство родов Елюй и Сяо как правящих, поддержание существования элиты как надстройки над аристократией, обеспечение эффективного функционирования договорных отношений с знатью и аристократией, активная внешняя политика, направленная на стабильность существующих границ, языковая политика и т.д.

Есть в итоге два комплекса причин возвышения киданьской, чжурчжэньской и монгольской элит: 1) обособление монгольской зоны, ее перенаселенность, этнополитический хаос, нестабильное экономическое развитие и 2) конфронтация Севера и Юга как следствие истощения внутренних ресурсов зон. Для решения последних проблем Китай создаст самую мощную средневековую империю – Сун. Север создаст бицефальную имперскую систему: Ляо – Цзинь. Окончательно создаются вертикальные модели. Потом сработает своеобразный «маятник»: восточное государство Цзинь сокрушит империю Ляо, а западномонгольские племена уничтожат чжурчжэней.

Это апогей развития кочевой цивилизации. Дальнейший путь эволюции уже за наукой, техникой, торговлей, но кочевники на это не способны, вернее, их цивилизация, как и крестьяне в Европе, в этом не нуждается. В конце концов, цивилизации уникальны не только в своем облике, но и в перспективах своего развития. Любые разговоры о «тупиковом» развитии какого-то «мира» отдают стремлением прочесть его эволюцию через историю другой цивилизации. Этнополитическая и этносоциальная модели кочевой и крестьянской цивилизаций работали многие столетия, и уже одно это говорит о существовании смысла их появления. Бицефальная модель Севера Восточной Азии подняла эти районы до уровня развития тогдашних оседлых государств.

Из триады общественных процессов (экономические, политические, культурные) у кочевников на первом месте находились политические. Именно поэтому государства у кочевников возникают в экстраординарных случаях как оборонительные или наступательные союзы, которые оседлые авторы и именуют «государствами». Проект «Ляо» и стал таким же экстраординарным мероприятием, только он перерос границы обычной ситуации. Сложное положение у скотоводов к северу от Китая сохранялось несколько столетий, и на всем протяжении этого периода существовали три великих кочевых империи – Ляо, Цзинь и Юань.

Следует отметить и то, что в средневековой Евразии существовал особый тип государства. Если на Древнем Востоке первичные государства создавались на основе общин (полис, цивитас, ном), то средневековое государство создавалось как экстерриториальное, оно поднималось над общинами. Соответственно правящая элита была новым социальным слоем, недаром эти государства создаются в результате завоевания (готы, бургунды, вандалы), приглашения чужеземцев или

выхода какого-либо рода за пределы прежней структуры. На примере Ляо хорошо видно, что отношения между родом Елюй и другими родами до самого конца династии оставались проблемными и довольно отчужденными.

Социально-политическая деятельность киданьской элиты – самый яркий пример ее роли в развитии киданьской державы. Элита создает один из самых совершенных этатических механизмов в Евразии, стоящий в одном ряду с крупнейшими империями средневековья.

Образованию государственной организации у киданей способствовали имущественная дифференциация и сложные отношения социальных групп, сопровождавшиеся переменами в экономической жизни. В Ляо социально-экономические, социально-политические и социально-культурные отношения существовали в неразделенной форме, поэтому государство окажется оптимальной формой решения множества проблем.

Апоки начинает расширять территорию киданей, захватывая земли у других племен и народностей. Он присоединил к своим владениям ряд соседних племен: на севере – племена чернотележи, шивэй, на западе – си (кумоси) и др. Постепенно были вытеснены из Монголии киргизы, расширены владения за счет земель уйгуров, мохэ, чжурчжэней, государства Бохай и части Северного и Северо-Восточного Китая. Создается *de facto* будущая имперская зона, что стало непосредственной предпосылкой для необходимого структурирования этого пространства. Будущая империя изначально создается как в этническом, так и в социально-экономическом отношении неоднородной. Входящие в ее состав многочисленные племена и народности находились на различных ступенях общественного развития – от родового строя до развитых феодальных отношений. Это были кочевые и полукочевые племена на севере и оседлое население на юге. В «Ляо ши» содержится подробное описание киданьских племен, которые зависели от империи или поддерживали с ней те или иные отношения, что создает в случае с Ляо, в отличие от предшествующих или даже некоторых последующих кочевых государственных образований, исключительно благоприятную возможность создать достаточно четкую картину общественного строя ляоского государства.

Благодаря элите, которая интуитивно строила государство, начала разрабатываться идея государственности. Исчерпывающее изложение ее дать сложно из-за специфики подачи этой информации в источниках, однако вполне репрезентативный обзор возможен.

Одним из основополагающих понятий ее был «народ». Для киданей это был не просто «народ» (на-род), а источник государственности на земле. Он – этнополитическое сообщество, стратифицированное, с горизонтальной гентильной организацией и включает племена, роды, большие отцовские семьи, которые достаточно автономны и имеют своих глав, знамена, отряды.

О разработанности идеи государственности у киданей свидетельствуют представления о ее богоданности, сакральности, признании народа ее носителем, допущение элементов федерализма, отсутствие четкого размежевания функций и сфер власти, категорическое требование законности и справедливости.

В 916 г. фактически была установлена наследственная монархия. Новое государство получило наименование «Цидань го» («Государство киданей»), а эру своего правления Апоки обозначил как Шэньцэ (букв.: «Возведение на престол по воле духов») (Е Лун-ли, 1979, с. 42). Такое название эры правления вызывалось необходимостью иметь законное с точки зрения в данном случае кочевой традиции основание для признания его власти различными племенами. Тем самым он подчеркивал, что власть им была не захвачена, а предоставлена «духами», т.е. самим Небом.

Правителю обязательно должны помогать члены его рода. Апоки сразу же поддержал его род, что свидетельствует о том, что они уже переходили к смене занятий. Это станет смыслом их жизни. После разгрома Ляо с Елюй Даши ушло до 200 членов родов Елюй и Сяо. Заметная роль в политической жизни Си Ляо членов рода Сяо, например, полководца Сяо Валила, говорит о том, что присущий Ляо дуализм двух родов, возможно, не исчезал и в других условиях.

Идея государственности проявляется и в том, что кидани решающее значение придавали внутренней жизни и империя не стала паразитировать на внешнеполитической экспансии как сред-

стве решения внутренних проблем. Превалировало становление и развитие государства как сложной социополитической структуры.

Захватив на востоке государство Бохай и создав на его территории государство Дундань (Восточное [Ци]дань, 926–927 гг.), Абаоцзи устанавливает, правда после ряда сражений, относительно стабильные отношения с Китаем.

После смерти Абаоцзи императрица Шулюй искусно использовала старый обычай принесения человеческих жертв по случаю смерти императора и устранила многих своих политических противников. После этого «вдовствующая императрица с отрубленной кистью руки» (Е Лун-ли, 1979, с. 227) достаточно легко провела церемонию избрания нового императора. Став императором, Дэ-гуан вместе с матерью активно использовали благоприятную внешнеполитическую ситуацию. 50-тысячная армия Дэгуана проходит через проход Ямынь-гуань, разбивает танское войско и способствует созданию новой династии Поздняя Цзинь (936–946 гг.). К киданям переходили 16 китайских округов (в современных провинциях Хэбэй и Шаньси). Эти территории не были большими по площади, но в результате кидани брали под контроль горную цепь, которая служила естественной защитой их границ (Schwarz-Schilling, 1959, s. 29). К тому же, как отмечал В.П. Васильев (1857, с. 17), «допущение инородцев не грабить, а уже властвовать над китайскими городами... должно было произвести великий переворот и между обитателями Монголии; они приучились владеть китайскими землями и увидели, что можно этот первый опыт повторить и в более обширных размерах».

Хотя после смерти Дэ-гуана в 947 г. на престол вступил поддержанный армией его племянник, старший сын его старшего брата Бэя Уюй (император Ши-цзун), но с притязаниями выступили объявленный ранее наследником брат Дэгуана Лиху, а затем сыновья двух младших братьев Абаоцзи – Чагэ и Пэньду. Лиху сказали, что «в соответствии с правилами, всякий раз, когда есть старший сын основного рода, право наследования не передается к младшему брату». Разъяснение для Лиху считается первым официальным провозглашением в киданьском государстве принципа престолонаследия по основной (нисходящей) линии (Даньшин А.В., 1985).

После этого проблема престолонаследия в такой плоскости острой уже не была, зато появилась другая, а именно проблема, связанная с особой ролью в киданьском обществе женщин. Члены рода императриц всячески поощряли их на усиление своей личной власти. Тем самым, разумеется, происходило и усиление этого рода. В контексте истории политической организации это нашло отражение в стремлении императриц в противовес принципу престолонаследия от отца к старшему сыну возвести на престол других сыновей или даже племянников.

Сложная внешнеполитическая ситуация в Восточной Азии в предмонгольский период, имперская структура государства, неустойчивая социальная обстановка, достаточно хаотично идущие и слабо контролируемые этнические процессы в государстве, – все это способствовало тому, что организация верховной власти в киданьском государстве идет сложно и противоречиво и в отдельные исторические моменты балансирует на грани перехода к своеобразной военно-деспотической монархии. Наиболее ярко эти тенденции, что вполне объяснимо, проявились в период правления двух первых киданьских императоров (время Цзу и Цзунов, по классификации М.Н. Суровцова), который отличался «милитаризмом, внешним усилением государства, расширением границ» (Суровцов М.Н., 2007, л. 866).

Киданьская элита сыграла важную роль в формировании и развитии военной инфраструктуры империи Ляо. Один из факторов, способствовавших укреплению империи Ляо – удачное решение киданями военных проблем. Именно у киданей «мобильность стремени и ударная сила стали сочетаться с дисциплинированной, как часы, военной организацией» (Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В., 1975, с. 99). Армия считалась у киданей «оплотом /щитом/ государства», а военное дело обеспечивало безопасность государства: «В делах государства и войска определено за основу: любовь к народу. Если народ богат, то и воинов изобилие. Если воинов много, то и государство могутущественно» (История Железной империи, 2007, с. 67).

Основой военной мощи киданьского государства были *ордо*. *Волудо* (*ордо*, орда) – своеобразная военная организация, которая, по мнению В.С. Таскина, служила основой военной мощи киданей (Е Лун-ли, 1979, с. 516–517). По «Ляо ши», Абаоцзи создал ордо после разделения племени Ила в 922 г. По «Ляо ши», «Поскольку у него не стало хватать личной охраны, он установил систему *волудо*, оторвав для себя области и уезды, прирезав дворы и тягловых, чтобы укрепить центральную власть за счет местной... Когда император пребывал во дворце, охрана защищала, а когда выезжал, сопровождала его. После похорон императора она продолжала охранять его могилу» (Ляо Ши. Цз. 35; цит. по: Е Лун-ли, 1979, с. 516–517). Ядром этой гвардии явился отряд «живота и сердца», сформированный для защиты своего «дворца», в который была набрана «тысяча храбрых и сильных мужчин из всех племен» (Wittfogel К.А., Feng Chia-sheng, 1949, p. 549). Отряды ордо были самыми боеспособными частями и не раз выручали киданей в сложных ситуациях. Численность ордоских войск постоянно увеличивалась. К концу династии Ляо все ордо «имели 408 000 взрослых мужчин. Они поставляли 101 000 конных солдат» (Wittfogel К.А., Feng Chia-sheng, 1949, p. 547).

Верховным главнокомандующим всех войск был император. Только он мог принимать наиболее важные решения: высылал приказы о мобилизации войск, назначал и смещал командующих войсками, мог пересмотреть назначение на должность какого-либо офицера, часто лично сам возглавлял военные походы, оставляя своим заместителем принца императорского рода.

Командование военными силами империи находилось в ведении северного канцлера и «администрации великого главнокомандующего». Северный канцлер, вместе с императором определявший общую политику страны, осуществлял контроль и над военными делами.

Кидани, ведя присущий им образ жизни охотников и скотоводов, получали элементарные военные навыки уже в детстве. Всю жизнь они проводили верхом на лошади, охраняя стада от диких животных, а также «сгибали мощные луки и убивали животных для обеспечения своих повседневных нужд» (Wittfogel К.А., Feng Chia-sheng, 1949, p. 126–127), поэтому «они были крепкими в борьбе, нечувствительны к холоду и, таким образом, этим превосходили в борьбе» (Gabelentz Н., 1879. Part. XI, p. 9). В мирное время все необходимые военные навыки приобретались и отшлифовывались во время больших императорских охот. Император Тай-цзун, например, прямо заявил, что «охота не просто погоня за удовольствием. Она является средством тренировки военных навыков» (Wittfogel К.А., Feng Chia-sheng, 1949, p. 565).

У киданей были и свои выдающиеся военачальники и полководцы. Один из них – Елюй Ся-го, которого император Шэн-цзун назначил «главноуправляющим войсками» в южных районах империи. В результате «пограничные рубежи очень укрепились» (Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В., 1975, с. 111).

То, что аппарат управления в кочевом сообществе, по сути, является военной организацией, вполне объяснимо. Все древние и средневековые государства создаются с активным участием военных. Само слово «империя» родом из армейской структуры, оно некогда означало устройство войска по семейному принципу. Император, подобно отцу семейства, тоже считался отцом всех людей. Представители юга чаще всего имели дело с киданями, находящимися на военном марше. Действительно, достаточно гибкая социальная структура киданей легко могла в этом случае трансформироваться в милитаризованную структуру. Китайцы считали, что таковой же она является в мирное время.

Киданьские войны были разными по масштабам и всегда преследовали определенные цели. Здесь видны экономические интересы, в том числе и захват добычи, но в этом плане кидани не были исключением среди евразийских народов. Они, как и охота, были формой тренировки. Это важно для скотовода, может быть, еще больше, чем для земледельца. Если оседлый феодал часто был защищен стенами и другими укреплениями, то кочевой феодал большую часть своей жизни проводил на природе, где неизбежны были столкновения со зверями и другими людьми. Варвары понимали, что война – аборт культуры и нуждались в *регулярном* поступлении китайских товаров и продуктов, общении с китайской культурой.

Экономическая политика киданьской элиты

Можно подвергнуть серьезному сомнению кажущееся аксиоматическим представление о стихийном характере распространения и развития тех или иных сфер хозяйства. Анализ письменных текстов позволяет сделать уверенное предположение о сложившейся постепенно практике осознанной экономической политики и регулировании экономических процессов и связать ее преимущественно с киданьской элитой.

К этому киданьский этнос подталкивала вся его история. Традиционно считается, что до образования государства они были стопроцентными кочевыми скотоводами, а развитием земледелия и ремесел они обязаны исключительно китайцам. Эта точка зрения представлена не только в «Цидань го чжи» и «Ляо ши», но и в более ранних китайских исторических и географических текстах, словом, сформулирована именно китайцами. Однако внимательный анализ их додинастийной истории позволяет увидеть более сложную ситуацию.

Начнем с того факта, что их история начинается с того, что они оказались одним из осколков разбитого сяньбийского союза. Они не были истреблены полностью и явно не подверглись серьезной ассимиляции со стороны более крупных соседей, но потеряли свою землю и превратились в одно из перекасти-поле, каковых было много в первые века нашей эры. Мы не знаем, какого рода хозяйство они вели до этой катастрофы и было ли у них в той или иной форме земледелие, существовали ли ремесла, но теперь-то они были лишены даже малейшей возможности все это развивать, и по этой простой причине вынуждены были мотаться по всей степи со стадами животных, пригодных для подобного рода странствий. Разумеется, это можно назвать кочевым скотоводством, но делать из этого вывод о том, что кидани вообще не знали земледелия, никаких оснований нет.

Любопытно, что, как только им удавалось жить на какой-то территории сколько-нибудь долго, у них сразу появлялись «начатки земледелия и ремесел». За это время они значительно обогатили свою культуру, но перейти к какой-то определенной системе хозяйствования сначала не успевали, а потом, видимо, уже и не хотели. Они все чаще выступают в качестве своего рода наемных отрядов и участвуют в многочисленных сражениях, приобретая огромный боевой опыт и явно развивая навыки урегулирования разного рода споров, которые так пригодятся им в период империи. Вероятно, теряя за эти столетия навыки хозяйствования, они приобретали и развивали искусство управления, что в итоге и привело их к статусу этноса-элиты. Разумеется, это не означает, что земледельческие или ремесленные навыки были утрачены совсем. В составе их племен находились семьи и даже роды, в хозяйстве которых земледелие было достаточно заметно.

Кидани оставались в пределах своей зоны. Если чжурчжэньская империя появилась в результате захвата территории ляоской империи и половины сунской, монгольская раскинулась на необъятных евразийских пространствах, то киданьская есть продукт развития исключительно «хоумленда». Это один из тех факторов, которые позволяют нам считать ее классической кочевой империей. Из трех восточноазиатских народов-элит (кидани, чжурчжэни, монголы) именно кидани создавали свое государство как форму решения исключительно внутренних проблем.

Именно кидани изменили алгоритм и соответственно судьбу маргинально-фронтирной зоны «цидань». До них эта зона функционировала по планам и сценариям Китая, который медленно, но неуклонно продвигался на север, подчиняя его себе в цивилизационном плане. Однако северные племена за свою тысячелетнюю историю серьезно изменились. На территории «застенного Китая» уже были города, развивались ремесла, распространялось земледелие. Все это получило дополнительные стимулы в период Ляо.

Все происходившее в зоне в додинастийный период можно уподобить тому, что в позднеримское время получило наименование «варваризации». Этот процесс хорошо изучен, но аналогичная ситуация в Восточной Азии еще, думается, подлежит рассмотрению под таким углом зрения. Самым важным итогом этой варваризации на востоке и станет появление уникальной киданьской империи. Именно киданьская элита, по сути, создает долгосрочную программу развития зоны. Она из фронта начинает превращаться в цивилизационную зону. Теперь народами, творящими

ее историю, становятся не китайцы из империи, не «хань-эр» (китаизированные) на юге зоны, не переселяющиеся сюда беглецы с юга, а именно северные племена и особенно кидани, влияние которых становится обратно пропорциональным их численности.

Киданьская политика, прежде всего экономическая, представляется глубоко продуманной, взвешенной и объективной. Они учитывали главный фактор, который определял всю стратегию – эта территория мало пригодна для земледелия. Даже в наше время в принципе не ставится задача превратить эти пастбища в поля, тогда же это была бы задача просто неподъемная. Это могли бы сделать трудолюбивые и опытные южные китайцы, но их приход на север означал бы неминуемую гибель кочевой цивилизации. Да и не нужно было кочевникам широкое распространение земледелия. Их собственное скотоводческо-комплексное хозяйство было почти самодостаточным, насколько вообще самодостаточным может быть любое средневековое хозяйство.

Кидани сознательно стержнем экономики империи сделали именно скотоводство, альтернативы коему просто не могло быть в этой зоне. Зона была небольшой, а чем больше было бы скота, особенно овец, тем быстрее деградировала бы почва. Опасным было и широкое распространение здесь земледелия и городов. Много городов, к которым потянулись бы скотоводы и земледельцы, протянулись дороги, тоже бы способствовало деградации почвы. Если в Европе формула *urbi et orbi* означала диалектическое равновесие города и деревни («города и веси»), то здесь сложно соотносились пастбища и города, юрты и дома.

Кидани сознательно регулировали соотношение скота и городов. Да, они создали в зоне сеть городов, но те, за небольшим исключением, не были крупными (та же ситуация и в Европе). К тому же это был, по сути, уникальный тип города – «степной», «войлочный». Дело, разумеется, не только в том, что в степи не хватало камня и дерева, пригодного для градостроительства по южному образцу, здесь был не нужен и опасен «южный город» с его неизбежной торгово-ремесленной и сельской инфраструктурой. По этой причине кидани поощряли создание небольших городков, крепостей, караулов, почтовых станций и т.п. Они не без основания считали китайское поощрение градостроительства в степи формой экспансии. Даже система пяти столиц была небезопасна и сами эти «столичные» города мегаполисами, отнюдь, не являлись.

В то же время кидани четко видели неспособность скотоводческой экономики решить все проблемы и стимулировали развитие торговли, как внутренней, так и внешней, хотя тоже до известных пределов. Для любого государства, и Ляо не исключение, важно активно участвовать во внешней торговле. Киданьская элита много делала для поддержания достаточного уровня контроля над торговыми путями, шедшими через страну. Своеобразной торговой войной можно назвать борьбу с Бохаем и Кореей. Кидани внимательно следили за торговлей и в Сибири. И в отношениях с Китаем торговые вопросы были не на последнем месте.

Экономического преобладания торгово-ремесленной сферы они не могли допустить. В отличие от оседлых районов города обслуживали не земледельческую, а скотоводческую периферию и в определенной мере торговлю, прежде всего, магистральные пути.

На юге империи экономическая ситуация была зеркально противоположной. Там доминировали земледелие, ремесла и торговля, но и здесь кидани все же регулировали их развитие искусственно.

В итоге можно говорить, что кидани фактически придерживались экономической политики, суть которой можно выразить формулой «одно государство, две экономики». Господство скотоводства в центре государства в определенной степени способствовало стабильности государства и его экономики. В империи Цзинь удельный вес земледелия и связанной с ним экономики был больше, и это вызывало серьезные трения между двумя экономическими сферами. Такая ситуация немыслима в оседлых земледельческих и торговых цивилизациях и потому кажется случайной, но она во многом носила искусственный характер и довольно четко регулировалась киданьской элитой. Собственно киданьские земли были своего рода константой некоего трансформера, а остальные части, прежде всего Юг и Восток, регулировались в зависимости от этнополитической ситуа-

ции или экономических проблем. Процесс интеграции киданей развивался достаточно быстро в пределах определенного пространства, а остальные части были подвижны и в какой-то мере изменчивы. Какие-то роды приходят, какие-то уходят с территории киданей, подчиняются, восстают. Однако все эти процессы не имеют принципиального значения для империи в целом. Ляо делилась на племенные области, т.е. уже сложившиеся экономико-этнические области, которые играли заметную роль во всех областях жизни. Если средневековые европейские «варварские королевства» были искусственными образованиями, которыми управляли пришлые племена, то Ляо было естественным завершением этноэкономического строительства. Благодаря осознанной и целенаправленной деятельности киданьской элиты происходит крупнейший экономический подъем в Восточной Азии домонгольского времени.

Особенности внешнеполитической деятельности киданьской элиты.

Это одна из важнейших тем в истории как оседлых имперских образований, так и кочевых сообществ. Именно она дает возможность увидеть, что на определенном этапе своего развития кочевники выходят за пределы межплеменных столкновений и проводят достаточно четкую и осознанную внешнюю политику на метарегиональном пространстве. Против этого утверждения выступают на бытовом уровне, сводя роль кочевников к роли бомжей, роющихся на помойках оседлых государств. Не согласны с этим и развернутые научно-идеологические теории, как, например, представление средневековых китайских историков и династийных историй о том, что только Китай и другие конфуцианские государства были способны на глобальное видение внешнеполитических контактов и именно они их и иницируют. На самом деле длительная и сложная практика межплеменных и межгосударственных отношений, создание своего собственного «мира» и принятие метарегиональных идеологических конструкций позволили в конечном итоге киданям, чжурчжэням и монголам создать свои собственные политологические концепции.

Сохранившийся в письменных источниках материал о внешнеполитической деятельности киданей говорит о вполне зрелом политическом мышлении киданьских правителей и дипломатов, отсутствии примитивных и сугубо бытовых пристрастий в политике, равно как и наивных стремлений к «дружбе» с более могущественным соседом. Отчетливо видны стремление киданей соблюсти интересы своего «мира» прежде всего и зрелое умение играть на восточноазиатской «шахматной доске» свою партию. Именно деятельность элиты сыграла ключевую роль в превращении киданьского государства в крупнейшую международную силу Евразии.

В истории Восточной Азии, в том числе и у киданей, особую роль всегда играла дихотомия «Север–Юг», т.е. отношения с «цивилизованным» Китаем (Юг) и «варварской» Сибирью (Север). Именно история киданей наиболее ярко демонстрирует переход к иному формату отношений. Приняв в качестве этнонима название маргинальной территории между Югом и Севером, они, пожалуй, первыми из «восточных иноземцев» так четко и осознанно заявили о желании стать «родственником» южан. Они отвлекали на себя многих потенциальных противников Китая, хотя и не всегда придерживались принципа «сяо» в отношениях со своим могущественным южным «родственником».

Не без основания считается, что отношения киданей с Китаем занимают центральное место во внешней политике этого народа и созданных им государств. Тот факт, что кидани не умели брать китайские города, как впоследствии, кстати, чжурчжэни и монголы, не знали дорог, ведущих глубоко на юг, ясно свидетельствует, что они и не прогнозировали подобные мероприятия. Если слабел боевой дух киданей, как утверждают средневековые авторы, то это значит, что явно не на внешнюю агрессию они ориентировались в своей политике. Из двух основных задач киданьская элита выбирала не «сражаться», а «управлять». «Усмирить» Китай кидани смогли не военным путем, а своей дипломатией экстракласса, что признавали сами китайцы. Шаньюаньского мира 1004 г. хватило на всю оставшуюся историю империи Ляо. Как во всех евразийских оседлых и кочевых обществах, у киданей милитаризм проявлялся преимущественно во внутренних конфликтах, для которых, строго говоря, и предназначался.

На самом деле скорее китайцы осуществляли экспансию в отношении киданей, но не военную, а экономическую. Они поощряли заселение южных районов империи китайцами, поощряли поставки в Степь товаров и продуктов, что отчасти сворачивало комплексность ляоской экономики и способствовало расширению скотоводства. Киданская элита вынуждена будет уделить особое внимание этой проблеме. Китайцы поддерживали аристократию и в той или иной мере способствовали консервации родового и аристократического строя. Не без их помощи существовали «прохладные» отношения между киданьской элитой и обществом.

Китай часто использовал идею экономических «санкций», даже после заключения Шань-юаньского мира. Прибегал к методам информационной блокады, когда препятствовал культурному общению своего населения и соседних стран с киданями и те вынуждены были много информации получать в результате деятельности посольств. Неоднократно упоминаются примеры попыток подкупа элиты и аристократии.

Нужно учитывать «розу» конфликтов и дихотомий в регионе: Север–Юг как природно-климатические зоны, скотоводы–земледельцы, фань–хань, Запад (тюрки, ислам) – Восток (тенгризм, монголы).

«Киданьский ренессанс» как основная форма культурной политики элиты

Практически все исследователи подчеркивали несоответствие кочевников всем мыслимым критериям цивилизованности. Тем не менее термин «возрождение», сама возможность применения которого оспаривается подчас некоторыми специалистами даже по отношению к европейским национальным ренессансам как XIV–XVI вв. (за исключением итальянского), так и VIII–XII вв., вполне может быть использован и по отношению к культурным процессам в кочевых обществах. Эту возможность определяет и легитимизирует понимание «возрождения» не просто как страницы истории европейской культуры, а как особенности развития культуры в целом. «Киданьский ренессанс» – период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй (подробнее см.: Пиков Г.Г., 2010). В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции. Можно сказать, что три великих «вызова» спровоцировали образование Киданьской империи и расцвет имперской культуры – культурный «китайский», этнополитический «кочевой» и региональный макроэкономический. Зона классических кочевых империй стала и своеобразным *треугольником встречи разных цивилизационных интересов*. История культурного подъема при киданях демонстрирует, что его непосредственными предпосылками были политическое объединение зоны «цидань» и взаимодействие ученой китайской культуры с народной киданьской культурой.

Для «киданьского ренессанса» характерна определенная замкнутость в пределах империи. «Ренессансный взрыв» оказался тесно связан с апогеем развития империи. В государстве идут сложнейшие социально-политические и культурные процессы. В этом плане реновационные процессы – один из первых признаков невозможности развития того или иного общества традиционным экспансионистским путем и необходимости его перехода на интенсивный вариант. Само «киданьское возрождение» есть смысл определять как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе – китайской культуре как культуре восточноазиатского метарегиона.

Анализ киданьских и китайских исторических текстов позволяет сделать четкий вывод о том, что именно реновационный характер киданьской культуры способствовал достаточно массовому созданию культурных ценностей внутри государства, активному участию этих ценностей в создании и регламентации деятельности имперских социальных институтов, оказывал определенное влияние на темпы и направление развития народов и племен внутри страны, также способствовал развитию международных коммуникаций, ретрансляции созданной в культурных центрах информации, цивилизационно-культурному экспансионизму и в то же время складыванию привлекательного «имиджа» имперской культуры для других народов, не только «соседних», но и отдаленных. Постепенно происходит ассимиляция «древней» культуры и создается «правильное» представле-

ние о ней. В культуре складываются единая картина истории, единая система времени, развитая символика.

Культурная деятельность элиты предопределила существование феномена «киданьского ренессанса» как крупного расцвета культуры, включающего диалектическое взаимодействие народной ментальности и таких сфер «высокой» культуры, как письменность, литература, право, философия истории.

Кидани стали претендовать на превосходство своей культуры над другими. Апоки прямо заявил, что киданьское «не хуже китайского». Тем самым наносился мощный информационный удар по идеям Чжунго и Тянься. Не удивительно, что кидани стали проводить служебную культурную политику, по сути, направленную на смену синоцентризма на киданецентризм. В культуре и политике династии Сун дихотомия Север–Юг выходит на первый план.

Один их признаков элиты – ее образованность. Это особо подчеркивается в текстах, особенно в отношении представителей императорского рода. Елюй Даши был членом академии Ханьлинь и сдавал экзамены в Китае. Можно говорить о существовании искусственной системы образования для привилегированных слоев. Программа была изоцированная – языки, литература, управление, физическое развитие.

Кидани «обожествляли» знания. Только киданьских императоров называют «совершенно мудрыми», владеющими знаниями о дао и дэ, без чего невозможно управление на основе добродетели. Всегда подчеркивалось, что указы императора есть следствие обладания доверием Неба и знаниями.

Если знаниями неправильно пользуются, то появляются «лишние» люди, которые «неправильно» делают, не образованы, делают не то, «неправильно». В отношении создателя западнокиданьского государства Елюй Даши особо подчеркивается его «образованность», т.е. не просто наличие знаний, но и умение ими пользоваться. То же самое говорится и об Апоки.

Культурная политика была узкой и элитарной. Мы не случайно судим о развитии ляоской культуры по примерам, связанным с деятельностью правительства. Это и предопределило эффект «безмолвствующего большинства», «темноты масс» кочевников. «Знания» как владение не только традициями и навыками, но и письменного языка, литературы, права, текстов, рецептов иноземных элит нужны только тогда, когда решаются внеэкономические и надэтнические проблемы. В те времена знания, с одной стороны, являются итогом развития ментальной культуры, но с другой – в условиях многослойности и мультикультурности общества, ростом значения метарегиональных процессов они пополняются за счет внешних культурных источников.

Ярким примером сознательной реновационной политики киданьских властей является создание в стране искусственного международного «киданьского» языка, действовавшего на этой территории ряд столетий в качестве «мирового языка», синтетического, впитавшего в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов цивилизационной зоны.

В империи практически с самого начала складывалась сложная этнополитическая и языковая ситуация, одним из ярких проявлений которой было многообразие языков и диалектов, т.е. «вавилонизм» как явление разноречия. Использование же китайского языка как «международного» приводило к излишней синизации культуры и общества. Все это и повлияло на формирование четкой и продуманной языковой политики киданьских властей, сознательного стремления к единому имперскому языку как коммуникативной системе, облегчающей общение в регионе.

Одним из таких мероприятий, имевших принципиальное значение для складывания имперской культуры, и было изобретение собственной киданьской письменности. Считается, что первым в 920 г. (в день и-чжоу первого месяца весной пятого года Шэнь-цзе) было изобретено так называемое *большое письмо*. Составителями этого письма были Тулюйбу и племянник первого киданьского монарха Елюй Лубугу, которые для этой цели изобрели «письмена в количестве более трех тысяч знаков», прототипом для которых послужили китайская и, вероятно, бохайская письменность.

Через уйгуров, своеобразных культурных посредников между Китаем и Западом, кидани познакомились и с образцами центральноазиатской письменности и литературы. В 4-м месяце 925 г. уйгуры прибыли ко двору с данью (ЛШ 2, 5в). По свидетельству «Ляо ши» (цз. 64), общаясь в течение двадцати дней с уйгурскими послами, младший брат (или сын?) первого киданьского правителя Елюй Абаоцзи, по имени Елюй Тилаго (или Тела, Дэла по прозвищу Юньдухунь, очень «умный»), сумел основательно ознакомиться с их разговорным языком и письменностью, после чего при явном одобрении императора, создал свое собственное («малое») киданьское письмо, надписи на котором «встречались повсюду».

Создание киданьской письменности было не просто важным событием в истории государства, оно продемонстрировало зрелость киданьской культуры. Именно этот факт чаще всего служил критерием величия государства Ляо. Одним из важнейших свидетельств огромной общественной роли киданьских письменностей является наличие богатой *литературы* (подробнее см.: Стариков В.С., 1968, с. 148–151; Пиков Г.Г., 2010, с. 269–280). Появление и распространение книги является одним из ярких признаков усложнения социально-политической жизни общества, перехода на стадию государство- и классообразования, оформления иерархической структуры общества и государства, складывания единого культурного пространства в региональном масштабе. Давно уже отмечено, что киданьские литературные произведения являются наиболее ранними образцами монголо-язычной литературы.

Примером реновационных процессов в киданьской культуре и свидетельством широкого интереса к миру, во многом спровоцированном именно «киданьским ренессансом», говорит и *рецепция традиционного китайского права* киданями. Это право было необходимо и набирающей силу киданьской власти, ибо развивало и обосновывало идею монархической власти. Наличие этого процесса ярко отражает такие особенности реновационного процесса, как стремление выработать единое универсальное право, пусть и сохраняющее акцент на поземельных отношениях, стремление поставить под контроль государства справедливые и жесткие законы, создать достаточно развитую пенитенциарную систему.

Киданьское право в истории восточноазиатского метарегиона занимает не исключительное, но весьма заметное место. Именно в Ляо впервые в государственно-национальных рамках былработан достаточно эффективный опыт существования в сложном полиморфном восточноазиатском мире и не менее эффективные методы управления оседлым населением.

Именно этим объясняется начатая в 983 г. работа по переводу на киданьский язык. В качестве «образца для подражания» и «учебного пособия по управлению государством» (Кычанов Е.И., 1986, с. 10) был использован китайский кодекс «Тан люй шу и». Китайское право привлекало императоров Ляо, вероятно, еще и тем, что оно к X в. в результате сложнейшей и длительной эволюции, по сути, стало универсальной в теоретическом отношении системой, ибо в нем были выработаны такие базисные понятия, как «право», «закон», «обычай» и др., создана такая всеохватывающая и емкая форма, как «кодекс», обобщена самая мощная на Дальнем и Среднем Востоке правовая традиция. Поэтому «танский кодекс стал основой кодексов последующих династий» (Riasanovsky V.A., 1965, p. 179). Определенную роль в систематизации киданьских законов сыграл, вероятно, китаец из Янь Хань Яньхуэй, который «впервые научил киданей организации официальных учреждений» (Е Лун-ли, 1979, с. 43).

Письменные источники содержат богатую информацию и о *международном праве*. Ляо активно вынуждено было вместе со становлением законов и обычаев войны закладывать и основы посольского, торгового, договорного и других институтов права. Не без участия Ляо в регионе создавалась такая система межгосударственных связей, какую принято в международных отношениях называть «концертом государств», ибо налицо постоянная взаимосвязь между ними. Таким образом, история Ляо прекрасно демонстрирует существование и развитие в этом регионе активных международных отношений, которые регулировались нормами права. Основным международно-правовым партнером киданей был Китай. С экономической точки зрения он был для Ляо важен

прежде всего потому, что именно его территория была средоточием основных торговых путей того времени: Китай–Индия, Китай–«Западный край», кочевой «Север»–«земледельческий» Юг. Большая часть торговли Ляо велась через торговые пути ханьских земель. Кроме того, этот район был для Ляо поставщиком многих необходимых товаров. Во многом именно этим объясняются многочисленные военные конфликты киданей со своим южным соседом. Во взаимоотношениях империи Ляо с китайскими династиями важной вехой является подписание Шаньюаньского договора между империями Ляо и Сун (1004), который не просто констатировал установление мирных отношений между двумя государствами, но и устанавливал своеобразный баланс сил в регионе.

Таким образом, киданское право предстает и как достаточно типичное для своего времени и в то же время как обладающее значительной спецификой. Универсальными его характеристиками являются акцент на политико-административных и поземельных отношениях, идея сосуществования различных правовых подсистем, сочетание обязательности для всех и «этажности» («равенство равных и неравенство неравных»), широкое использование традиции в качестве регулирующего фактора.

В это же время четко проявляются специфические черты киданского права, ставшие к тому же причинами его недолговечности. «Права человека» были трудно совместимы с кочевым менталитетом. Сосуществование кочевого и оседлого (обычного и ученого) права зачастую было эклектичным и механическим. Усиливающаяся идеологизированность права вступала в противоречие с акцентом на этнической исключительности.

12.7. Судьба киданьской элиты после крушения империи Ляо

Чжурчжэни сразу же начали демонтаж киданьской элиты. Первой подверглась информационному удару идея «Ляо», когда было искажено значение этого слова. Кидани находились в двойственной ситуации: они были врагами для своих соседей и чужаками для простолюдинов и даже в определенной степени для локальной знати. Этим и воспользуется мятежный Агуда. Иероглиф «ляо» традиционно переводится как «железный» и империя киданей – как Железная. Эта традиция появилась, по мнению ряда исследователей (Китайско-русский словарь, 1888, с. 380; Стратанович Г.Г., 1964, с. 100), в минскую эпоху, когда китайцы сбросили ненавистное монгольское иго и иначе стали «читать» историю взаимоотношений своего государства с северными варварами. Это прочтение основывалось не только на том, что слова «железо» и «железный» у многих монгольских племен были синонимом слов «сила» и «могучий», но имели и подтекст «железные оковы», «кандалы».

Именно в контексте угнетения стали рассматривать и саму киданскую историю и культуру, и сущность киданьского государства. Если династия создала несправедливое государство, занимавшееся этническим и социальным угнетением, то тем самым фактически в осуществлении этого обвинялись именно представители элиты. Несмотря на то, что чжурчжэни изучали управленческий опыт Ляо и всячески перетягивали на свою сторону отдельных людей, даже основатель западнокиданьского государства Елюй Даши какое-то время служил им, в целом киданьская элита стремительно разрушалась. Для своей информационной атаки чжурчжэни использовали новое понимание «свободы». Если для киданей свобода дает право на самостоятельность и уникальность развития, то для чжурчжэней она дает право на борьбу с тоталитаризмом и угнетением.

Чжурчжэни гордились своими победами над Ляо, хотя одновременно повторяли китайский тезис о воинственности киданей и тем самым, можно сказать, внесли свой вклад в формирование этого современного клише. Следует отметить, что именно во время династии Цзинь появилось «Цидань го чжи» («История государства киданей») с несомненным использованием тех материалов, которые попали в руки цзиньцев после разгрома Ляо. Этим трудом был подан пример того, как должны проводиться ревизия и фильтрация киданьского цивилизационного наследия. Кидани рассматривались как «варвары», а значит, извратители культуры.

Чжурчжэни сумели активно войти в кампанию по дискредитации киданей и извращению сложившегося имиджа их цивилизации, но свой адекватный имидж они создать не сумели. Культурное влияние чжурчжэньского государства было менее широким. Созданное ими письмо носило не международный, а региональный характер. Картина мира киданей была более широкой и уступала разве что лишь китайской, тогда как чжурчжэни максимально изолировались от окружающего мира и противопоставили себя и Северу, и Югу. Это станет одним из факторов, обезоруживших кочевников перед лицом достаточно активной культурной экспансии Китая.

Все же происходившие изменения на поздней стадии развития кочевой цивилизации и специфическая внутренняя политика империи Цзинь дискредитировали саму идею кочевой империи, создателями которой, безусловно, были кидани.

Киданьская элита была многопрофильна, высококвалифицирована и обладала широкими знаниями в области управления разных народов, монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, китайских. Чжурчжэньская империя перестала контролировать большую часть Монголии и тюркские роды. Ядро династии к тому же было не монгольским, а тунгусо-маньчжурским. Цзинь теряла многие прежние связи с тюрко-монгольским миром и развивала, не в пример киданям, идею своего господства в нем. Даже китайцы не позволяли до такой степени упрощать отношения с окружающими народами.

Империя Сун предприняла энергичные меры по оживлению реконкисты и отвоевание своих земель представила как борьбу с бандитами, тем самым киданьская элита дискредитировалась и с этой стороны.

В результате шел одновременно демонтаж цельного комплекса ляоской элиты и ее роль фактически сводилась к угнетению социальных низов и других народов. Демонтаж исторической памяти шел широко, проводился осознанно, умело и на всю глубину киданьской истории и культуры. Уничтожалась память о народе в целом, почему и появляется сейчас возможность говорить о безмолвствующей киданьской культуре (Пиков Г.Г., 2005). Осмеяны и оклеветаны оказались государство, армия, культура, экономика. Это, а в какой-то мере потом еще и завоевательная политика монгольского государства при Чингисхане на века определили неприязнь к кочевой государственности.

Что касается киданьской цивилизации, то в результате была размонтирована ее центральная матрица, т.е. система ценностных координат. Кидани «рассыпались» и постепенно утратили надличностное сознание и коллективную волю. У них отрезали историческое прошлое, и, естественно, чтобы не стать манкуртами, они вынуждены были искать новую этническую нишу, которую обретут окончательно лишь при монголах. Чжурчжэньское и монгольское заместят киданьское, которое сохранится лишь в препарированном виде в двух великих текстах, в отдельных фактах, именах, мифах. Кидани при Цзинь утратили целостную картину мира, способность к логическому и объективному осмыслению своего прошлого и превращались из демоса в охлос (толпу), что фиксирует и слово «каракитай». Здесь речь идет не только о тех, кто создал свой центральноазиатский эксклав, но и о маркере понижения статуса этноса, потери им культурной матрицы. Киданьская «семья» («киданьский народ») стремительно распадалась, а в одиночку роды или племена прожить не могли и уходили или становились рано или поздно «чжурчжэнями». Кидани, таким образом, прошли все три стадии эволюции этноса – формирование, в данном случае случайное, как совокупность групп и индивидов, складывание «народа» и распад на совокупность индивидов.

«Переформатирование» Ляо связано и с эрозией имперского механизма, который воспроизводил связи, соединяющие людей и их малые группы. Государство – одновременно продукт и генератор народа и страны, сложный этап в развитии этноса. В данном случае его развитие зашло очень далеко и дошло до критического момента – или переход в другую плоскость, или рассеяние, что и произошло, не без помощи, правда, чжурчжэней. Ослабление киданьского этноса и государства идет с необъяснимой скоростью и это тоже воздействует на сознание людей.

Между Западом и Востоком. Судьба киданьской элиты в Центральной Азии

Причины гибели империи Ляо и последующего образования на востоке западнокиданьского государства разнообразны, но все они так или иначе связаны с изменением геополитической обстановки в Центральной и Восточной Азии в целом и спецификой ее развития как имперского государства в частности (Пиков Г.Г., 2002а–б; 2003а).

Усилившиеся на далеких, казалось, северо-восточных окраинах шэнньюйчжи («немирные чжурчжэни») с 1112 г. окончательно вышли из повиновения киданям и активизировали свою политику, направленную на объединение всех чжурчжэньских племен. Эта война закончилась разгромом ляоской империи и появлением на свет Золотой империи чжурчжэней (Цзинь (1115–1234)).

В политических событиях и военных действиях этого периода активное участие принял будущий основатель государства западных киданей – *Елюй Даши* (1087–1142), совершивший беспрецедентный переход с территории Северного Китая в районы Центральной Азии. По масштабам своих достижений он, безусловно, может считаться одним из самых выдающихся людей средневековой Евразии. Даши принадлежал к императорскому роду Елюй и был потомком основателя восточного киданьского государства Елюй Абаоцзи в восьмом поколении. Родился он, судя по свидетельству «Ляо ши», в 1087 г. Уже в юности Даши прославился среди выдавших виды кочевников как отличный стрелок из лука и великолепный наездник. И в то же время у него были разносторонние познания в различных областях как киданьской, так и китайской культуры. В маньчжурском переводе «Ляо ши» есть сообщение о том, что в 1115 г. он удостоился степени цзиньши.

Елюй Даши играл, вероятно, в этот период немалую роль в политической жизни Ляо. Его должности цыши и цзедуши предполагали, что их обладатель одновременно занимал какие-то посты еще и в центральном правительстве (Е Лун-ли, 1979, с. 346, 351) и был облечен военными и гражданскими полномочиями. В «Ляо ши» (29 цз.) он известен также как один из «важных министров». После ряда удачных операций он все же оказался в плену чжурчжэней, из которого вскоре бежал. После пленения Тяньцзо-ди чжурчжэнями Елюй Даши возвел на императорский престол его сына, носившего титул Лян-вана, после чего бежал с ним на запад в сопровождении порядка 200 всадников (Ляо ши, цз. 30).

С прибытием на западную границу империи начинается новый этап не только в биографии Елюй Даши, но и в истории киданьского общества – последняя попытка вооруженной борьбой сломить натиск завоевателей, что можно было сделать, только объединив все античжурчжэньские силы, в том числе и многочисленные кочевые племена Монголии, для которых полчища Агуды представляли потенциальную опасность. Даши решился, как сообщает «Ляо ши», объявить себя императором. Это произошло в 5-й день 2-го месяца года цзя-чэнь (1124) (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, p. 632).

Так была провозглашена цель всей последующей истории киданей – возрождение былой силы и славы империи и под этим лозунгом пройдет вся яркая история каракитайского государства.

Воспользовавшись беспокойством, которое вызвало у кочевников появление чжурчжэней в Монголии, Елюй Даши созвал курултай в Бешбалыке в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалык). На этот съезд прибыли «главы семи областей и вожди 18 племен». Анализ письменных источников позволяет уточнить, что Даши с целью восстановления империи и организации борьбы с чжурчжэнями пытается создать союз племен и придать ему наступательный характер. Это была последняя попытка сколотить военную коалицию племен и подготовиться к чжурчжэньскому нашествию, но племена, собравшиеся на съезд, предполагали организовать лишь оборонительный союз, и потому после первых же активных действий Даши (поход на округ Тайчжоу к западу от слияния рек Нонни и Сунгари) один за другим стали отпадать от этого союза. Елюй Даши шесть лет безуспешно пытался восстановить империю, используя силы, собранные в Западной Монголии.

Вероятно, на этом же съезде Елюй Даши принял на себя монгольский титул «гурхан». Если императорский титул отражал его притязания на киданьский престол и стремление возродить им-

перию, то второй показывал, что средством для достижения цели он избрал конфедерацию монгольских племен, противников чжурчжэней.

Однако в результате сложившегося соотношения сил киданям Елюй Даши не находилось места непосредственно на территории бывшей киданьской империи. Взвесив все обстоятельства, в день цзя-у 2-го месяца (13 марта) 1130 г. Елюй Даши принес в жертву Небу, Земле и своим предкам серого быка и белую лошадь и устроил смотр своим войскам, перед которыми поставил задачу совершить марш на запад, «к арабам» (дашы).

Сельджукский султан Санджар потребовал от Даши принятия ислама. Даши вынужден был принять сражение с армией «последнего великого Сельджука» Санджара, которое состоялось 5 сафара 536 года хиджры (9 сентября 1141 г.) в Самаркандской области, на Катванской равнине, расположенной между Ходжентом и Самаркандом.

Елюй Даши понимал, что Катванская битва была лишь военной победой, и, видя неустойчивость политической ситуации в регионе, не стремился к дальнейшим завоеваниям. Вскоре после Катванской битвы Елюй Даши «взошел на трон», т.е. стал уже не беглецом, а легитимным правителем. Если его первый девиз правления как своего рода подведения итогов значился как «покровительствуемый Небом», имеющий право на свои деяния, то теперь он был изменен на «страна умиротворена». Фактически это и изменение военной доктрины с наступательной на оборонительную. Так в сердце Азии, на территории Казахстана и Киргизии, появилось новое государство Си Ляо (Западное Ляо).

По размерам Западное Ляо не уступало Золотой империи чжурчжэней и Южносунскому государству. Вся империя была разделена на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которые управлялись непосредственно центральным правительством империи и зависимые территории.

Первые правители государства, прежде всего гурхан Елюй Даши, упорно хотели превратить его в империю. Верхушка населения, придерживающаяся киданьской культуры, была немногочисленна. Судя по «Ляо ши» (цз. 30, л. 46), Даши имел в своем распоряжении 200 всадников. Джувейни называет «восемьдесят человек его племени». Видимо, мятежного принца сопровождали действительно только члены его собственного рода. Кидани занимали ключевые посты в армии и в системе управления Си Ляо. И хотя в Восточный Туркестан ушло большое количество родовых групп из Монголии, именно эти люди были руководителями «исхода» и вместе с императором вырабатывали доктрину нового государства. С этой целью шло активное заимствование китайского и киданьского опыта государственного строительства (Пиков Г.Г., 1986, с. 24–33). Среди чиновников, окружавших гурхана, значатся и такие должности, которые существовали в Ляо (воспитатели сыновей правителя, чиновники, ответственные за придворный этикет, проведение церемоний, управлявшие шатрами, канцелярскими принадлежностями, лампами и свечами). Как и в период Ляо, у западных киданей существовал титул «Великого князя шести подразделений», «ту-лу», «ю-шуми фу ши», «первого министра», «фу-ма». Правда, имелись и мусульманские титулы, такие как «везир».

В западнокиданьской же культуре явно наблюдаются общие для всей Восточной Азии факторы – наличие общей письменности (в киданьской интерпретации¹), отсутствие единой религиозной доминанты и фактическое наличие китайской идеи «саньцзяо» (трех учений – буддизма, даосизма, конфуцианства), общность права, духовная общность, наличие социально стратифицированных культур (чиновника, монаха, воина)². Каракитайская держава – модель переноса восточноазиатской парадигмы на запад, в мусульманский мир. Это основная причина недолгого существования ее.

¹ Литературные произведения западных киданей записал советник Чингисхана Елюй Чуцай, который отмечал их высокие художественные достоинства.

² Классификация Е.И. Кычанова (1988, с. 93).

Каракитайская династия «благополучно и счастливо правила в течение трех карнов и пяти лет¹, в течение которых никакая беда не коснулась подола их удачи» (Чингисхан..., 2004, с. 254).

Все же западнокиданское государство умерло не своей смертью. Именно приход в начале XIII в. к власти найманского хана Кучлука знаменовал собой начало заключительного этапа в истории западнокиданского государства, когда оно, раздираемое внутренними противоречиями, расшатанное борьбой среднеазиатских народов за свержение ига киданей, потерпевшее ряд крупных неудач на внешнеполитической арене (войны с гуридами, хорезмшахами и т.д.), ослабленное в результате недальновидной внутренней и внешней политики найманского вождя, быстро шло к печальному финишу.

Особое значение для судьбы западных киданей имела битва в августе–сентябре 1210 г. при Таласе. В одном из мусульманских текстов есть сообщение о том, что «великий султан Мухаммад б. Текеш полностью истребил их и отобрал у них все клады на земле. Та сторона очистилась от них, так что вокруг не встретишь ни одного мужа – [кара]китая». Возможно, во время войн Хорезма с каракитаями в начале XIII в. шел настоящий геноцид, ибо киданей стремились уничтожить полностью и можно предположить, что практически полностью были уничтожены представители правящего рода Елюй. Все каракитаи, упоминающиеся после гибели государства, были всего лишь выходцами с его территории. Представители же родовой знати продолжили свое существование. В монголоязычной среде они легко растворились во владениях новых хозяев. О киданях говорит и долго сохраняющаяся генетическая память в виде этнонима «кытай».

Подводя итог, можно сказать, что кидани и их элита внесли свой вклад в развитие человечества. Они создали цивилизационно-культурный феномен – империю Ляо. Предмонгольский и монгольский периоды стали сейчас своего рода «античностью» для Севера Восточной Азии и Сибири. Деятельность киданьской элиты имела особое значение в процессе формирования и развития особой цивилизационной зоны, получившей впоследствии наименование «монгольского мира». Можно говорить, что благодаря киданям в монголоязычной зоне впервые происходит появление феномена развитой политической власти.

¹ Современное значение слова «карн» «столетие». Отсюда в переводе текста Рашид ад-Дина И.Н. Березиным (1888, с. 80) ошибочно указывается «триста пять лет». В то время это слово означало тридцатилетний период. Следовательно, каракитаи правили меньше столетия.

Глава XIII

КИДАНЬСКИЕ ИСТОКИ МОНГОЛЬСКОГО «МИРОУСТРОЕНИЯ»

Уже достаточно давно было установлено, что объем понятия о мировом господстве у монголов XIII в. был несравненно шире, чем у прочих центральноазиатских номадов до них. Если декларации о покорении «всех четырех стран (углов) света», высеченные на стелах от имени тюркских и уйгурских каганов, в реальности подразумевали лишь подчинение их власти кочевников Великой степи, то в указах монгольских правителей «весь мир» – это, действительно, вся ойкумена, все географическое пространство, пределов которого могли достичь копыта монгольских коней. При этом под Вечным Небом имела законное право существовать только одна суверенная держава – монгольская. Чем могла быть обусловлена подобная эволюция представлений, породившая «мироустроительную» идеологию и давшая начало феномену Монгольской империи?

По этому поводу в науке высказано несколько гипотез:

1. В период консолидации под властью Чингисхана монголы заимствовали универсалистскую идеологию у Китая, так как монгольская теория единственного легитимного государства чрезвычайно напоминает китайскую.

2. Имперская идеология монголов – неотъемлемая часть древней степной традиции, передававшаяся от одного кочевого этноса другому.

3. Имел место симбиоз китайских и степных идей, когда при столкновении с китайской цивилизацией на многовековую канву кочевых представлений о верховной власти наложился китайские политико-философские учения.

4. Основам теории и практики государственного управления монголов обучили уйгуры.

5. Развитие имперской идеологии обусловлено гением Чингисхана, которому идеи мирового господства внушал Тэб-Тэнгри, обычно считающийся шаманом.

Отнюдь не отрицая вероятность того, что каждая из перечисленных гипотез удовлетворительно объясняет те или иные аспекты проблемы, позволим себе выдвинуть аргументы в пользу еще одной.

6. Существенную, а может быть и первостепенную, роль в формировании имперской идеологии монголов сыграли киданьские советники Чингисхана и его ближайших преемников¹.

Идея, согласно которой кидани послужили для монголов передатчиками некоторых китайских политико-философских концепций, сама по себе не нова. Ее высказывали Ван Го-вэй, О. Лэттимор, И. Рахевильц, Л.Л. Викторова, П.Д. Буэлл, Д.О. Морган, Г.Г. Пиков, М. Биран и некоторые другие исследователи. Однако, как правило, историки обсуждали ее лишь мимоходом при решении своих задач. Данное сообщение также не претендует на окончательное решение этого вопроса; оно, скорее, нацелено на привлечение к нему внимания возможно более широкой аудитории для консолидации поисков в этом направлении.

Кидани – монголоязычный полукочевой народ, обитавший на территории нынешних Маньчжурии, Внутренней Монголии и отчасти Монголии. В X–XII вв. кидани создали империю Ляо, управление которой в некоторых отношениях было подобно Китаю. В Ляо проживало много китайцев, и часть из них была занята на государственной службе. Уже в годы правления основателя киданьского государства Елюй Абаоцзи (907–926) в стране начали активно внедряться китайские методы управления и градостроительства. Китайский перебежчик Хань Яньхуэй впервые «научил киданей организации официальных учреждений, постройке городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, и созданию торговых местечек для поселения китайцев» (Е Лун-ли, 1979, с. 43). Имея с китайской империей Сун общую границу (чего, кстати, долгое время лишены были монголы) и обмениваясь посольствами, кидани имели возможность перенимать опыт своих южных

¹ Некоторая аргументация уже приводилась мною (Дробышев Ю.И., 2012а, с. 77–90; 2012б, с. 274–314).

соседей¹. Согласно Г.Г. Пикову (2002б, с. 193), Абаоцзи заимствовал китайское представление об императоре как о Сыне Неба, получающем на правление небесный Мандат, а из степной традиции он взял идею о мировом правлении, санкционированном Вечным Небом. К. Виттфогель и Фэн Цзя-шен пишут по этому поводу: «Старая китайская идея, что их император управлял “всем-под-небом” и что другие страны были их данниками, была заимствована императорами Ляо, но с любопытной модификацией; собственно Китай не классифицировался среди подчиненных государств, разве что от случая к случаю» (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 317). Таким образом, киданьский император фактически становился наместником Неба на Земле и, следовательно, правителем всех правителей. В результате он получал право творить свой миропорядок и подчинять ему на вечные времена все пространство. Соседним народам в этой схеме предназначалась роль потенциальных членов новой империи (Пиков Г.Г., 2002, с. 194; 2003, с. 82–83). В 929 г. государственный деятель Елюй Юйчи развернул перед сыном и преемником Абаоцзи – Дэгуаном (926–947) грандиозный образ мир-империи Ляо: «Если они (бохайцы. – Ю.Д.) вернутся в свои старые жилища и получают также щедрые дары из дерева, железа, соли и рыбы, они непременно будут жить в мире и наслаждаться своим делом. Впоследствии мы сможем выбрать некоторых [из них] и выдвинуть их охранять наш левый [фланг], тогда как тюрки, дансяны и шивэй помогут нашему правому. Мы сможем благодаря этому сидеть здесь и контролировать Южные страны, объединить весь мир, завершить предприятия, которые не были достигнуты нашими божественными предками, и передать безграничное счастье последующим поколениям» (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 112). Однако этому плану не суждено было осуществиться. По мнению Г.Г. Пикова, кидани ушли от этноцентрической концепции, но не успели создать мироустроительную. Незавершенность этого перехода от представлений о военном и политическом преобладании к имперскому миропониманию значительно ослабляла киданьское государство (Пиков Г.Г., 2003, с. 103–104). Несмотря на это, Г.Г. Пиков (2005, с. 158) высоко оценивает значение киданьской империи как образца для подражания у монголов и позже у маньчжуров. Кидани сумели наладить систему дуального управления, когда кочевники управлялись согласно кочевым законам, а оседлые жители Ляо – по канонам оседлого (прежде всего китайского) мира. Такой метод позволял до некоторой степени сглаживать противоречия между номадно-скотоводческим и оседло-земледельческим хозяйством и создавать более диверсифицированную и тем самым более стабильную экономику, чем типичная экономика кочевой империи. Ранние монголы были данниками и фактическими союзниками киданей, а позже вступили на их стороне в борьбу с чжурчжэнями.

О землях племени мэнгу, обычно отождествляемого с ранними монголами, китайский историк Е Лун-ли в «Истории государства киданей» сообщает следующее: «Прямо на севере земли киданей доходят до владения Мэнгули. В этом владении нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, [основным] занятием является охота. Люди не живут

¹ Не надо также забывать о киданьских заимствованиях у тюрков, в частности, титулатуры (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 428–434). Логично думать, что некоторые представления о сакральном характере верховной власти кидани тоже могли почерпнуть из тюркской культуры. В годы своего правления киданьская династия Елюй брала в жены девушек из уйгурского клана Сяо. Уже поэтому попытки выделить киданьское влияние на монголов «в чистом виде», скорее всего, бесперспективны. В связи с этим необходимо отметить, что и сами монголы, по-видимому, имели возможность знакомиться с тюркскими мироустроительными представлениями напрямую, минуя тех же киданей (Biran M., 2004, с. 340–342). Во-первых, монголы контактировали с тюркоязычными народами – вероятными потомками номадов, некогда создававших и населявших могучие тюркские империи. Во-вторых, согласно развиваемой Т.Д. Скрынниковой (2012, с. 387–397) идее, могла существовать генетическая дуальность правящей элиты зарождавшейся Монгольской империи, т.е. сочетание в роду Чингисхана как монгольского, так и тюркского этнических субстратов. Потомки тюркских каганов могли не только добавить свою кровь, но и передать память о славном прошлом. Однако насколько адекватной была эта память к началу XIII в., еще предстоит выяснить. Во всяком случае, трансляция тюркского опыта построения империй вкупе с соответствующей идеологией заслуживает пристального внимания.

постоянно на одном месте, а кочуют в каждый из четырех сезонов года в поисках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо и кумыс. С киданями не воюют, а лишь торгуют с ними изделиями из шкур и шерсти крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей» (Е Лун-ли, 1979, с. 305). Таким образом, владения киданей и монголов соприкасались. Была развита приграничная торговля. Следовательно, уже в эту далекую эпоху киданьская культура имела возможность инфильтрации в среду монгольских кочевников. Разумеется, речь не идет о передаче монголам космологических идей или правил управления государством. Рынок у пограничной заставы вряд ли был для этого подходящим местом. Тем более маловероятны контакты монгольских пастухов и охотников с представителями китайской учености, между которыми не только зияла социальная пропасть, но и лежали сотни километров киданьских земель.

Впоследствии попавшие под власть киданей степные просторы использовались как государственные пастбища. Известно, что при закате Ляо на территории Монголии выпасалось несколько сотен тысяч императорских лошадей, до которых не могли добраться восставшие против киданей чжурчжэни. Эти лошади достались Елюй Даши, когда он окончательно покинул последнего киданьского императора Тянь-цзо (1101–1125) и бежал на запад (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 128). Кроме того, вассальные кочевые племена выплачивали дань скотом и мехами, а также выставляли воинов для киданьской армии. Кидани несли свою культуру непосредственно в степи. В период своего могущества Ляо включала более половины территории современной Монголии. В сфере ее прямого влияния оказались и земли, населенные монголами. Известный историк и археолог Х. Пэрлээ (1963, с. 316) полагал, что монгольские племена в течение 200 лет поддерживали с Ляо политические, экономические и культурные связи, которые способствовали их социально-политическому развитию. Хотя кидани вели с монголами меновую торговлю, но на продажу железа был наложен запрет. Чжурчжэни отменили этот запрет и завозили металлическую монету, которую монголы пускали на производство вооружения (Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 63).

После гибели Ляо контакты монголов с киданями, вероятно, не прервались, но осуществлялись с той их частью, которая последовала за Елюй Даши в Среднюю Азию и стала известна под именем кара-киданей (каракитаев). Последние не оставляли надежду вернуть свои исконные земли из-под власти чжурчжэней. Во время дальнего похода в 1156 г. кара-кидани достигли Хедуна – города в Центральной Монголии, где ранее размещался сильный киданьский гарнизон и находился наместник. По мнению М. Биран (Biran M., 2008, с. 46), сам факт их проникновения так глубоко в степи доказывает существование дружественных отношений между ними и монгольскими племенами. Более того, Западное Ляо торговало с Монголией – отсюда присутствие мусульманских купцов в ближайшем окружении Чингисхана. Когда хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1220) отнял у кара-киданей Трансоксианию, в степях стали испытывать нехватку тканей, что и вызвало монгольскую торговую миссию в Отрар в 1218 г. (Biran M., 2008, с. 138).

В монгольских кочевьях киданьские перебежчики из империи Цзинь появились довольно рано. Уже в 1203 г. к Чингисхану примкнул Елюй Ахай – цзиньский посол к кереитскому хану Токорику, а немного раньше он в знак своей лояльности и гарантии перехода на сторону монголов оставил у Чингисхана в заложниках своего младшего брата Елюй Тухуа. Эти братья, а особенно Елюй Ахай, являлись наиболее влиятельными советниками Чингисхана по делам Китая до появления при его дворе знаменитого Елюй Чу-цая. Скорее всего, именно Елюй Ахай был ответственен за раннее принятие монголами китайских бюрократических и административных практик. Вполне возможно, что кидани надеялись восстановить свою государственность руками монголов, и именно они подталкивали Чингисхана к войне с Цзинь с целью окончательного уничтожения этого государства. Около 2010 г. в стане Чингисхана оказался еще один киданьский лидер – Елюй Ниэр. Он предложил своему новому господину план нападения на чжурчжэней, состоявший из десяти пунктов и заслуживший одобрения (Rachewiltz I., 1966, с. 98).

Сунский посол к монголам Чжао Хун отметил, что в числе подстрекателей к войне с Цзинь был и богатый уйгурский купец Тянь, который в подробностях рассказывал монголам о богатствах

чжурчжэней и убеждал их вторгнуться для грабежа (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 72). Полагают, что под этим человеком следует понимать известного Чинкая, позже основавшего земледельческую колонию где-то в районе Восточного Алтая, хотя в «Юань ши» он назван керейтом, а не уйгуром.

Активные военные действия начались в 1211 г. и в течение нескольких лет носили характер традиционных для кочевников грабительских набегов. Разграбив города и селения, монголы уходили в степь, чтобы на следующий год вернуться опять. В начале лета 1215 г. после почти годичной осады пала Средняя столица «Золотой империи» – Пекин. С этого момента политика монголов в отношении Цзинь кардинальным образом меняется. Они уже не довольствуются грабежом и ослаблением врага, а приступают к методичному захвату его земель. Мы полагаем, что есть весомые основания признать настойчивые советы киданей в качестве основной причины перехода Чингисхана от обычной степной стратегии приграничного грабежа к аннексии земель и полному разрушению соседнего государства. Кто как не кидани был горячо заинтересован в гибели Цзинь, лишившей их власти на их собственных территориях?¹ Великий хан к тому времени, очевидно, уже воспринимал мир широко, и править Степью не значило для него править миром, а ведь именно эту сверхзадачу возложило на него Вечное Небо. Подтолкнуть Чингисхана к войне не грабительской, а войне на уничтожение можно было, внушив ему, что между ним и Небом еще находится явно мешающая фигура чжурчжэньского императора. Думается, сделать это было несложно, так как для монголов рубежа XII–XIII вв. Цзинь, скорее всего, была именно Средним государством, тогда как «настоящее» Среднее государство – Южная Сун – могло казаться им далекой южной окраиной мира. Вероятно, именно империя чжурчжэней имела в виду под «Поднебесной» в «Стеле на пути духа его превосходительства чжун-шу лина Елюй [Чу-цзя]», где говорится: «Тай-цзу (т.е. Чингисхан), давно стремившийся овладеть Поднебесной, когда-то справлялся о близких родственниках дома Ляо...» (Мункуев Н.Ц., 1965, с. 70). Поэтому занять место цзиньского монарха могло означать занять центр Вселенной. Для этого даже не нужно было перемещать двор в какую-то из пяти столиц чжурчжэньского государства, достаточно лишь искоренить клан Ваньянь. Возможно, примерно так учили Чингисхана его киданьские советники. Вряд ли им стоило больших усилий «подарить» Чингисхану Мандат Неба, который выпал из рук чжурчжэней. Монголы были родственны киданям по языку; и те, и другие имели опыт кочевой жизни и, по китайским понятиям, являлись «варварами». Монгольская культура, во всяком случае изначально, была киданям ближе, чем китайская или чжурчжэньская. Если когда-то Небо даровало им свой Мандат, то почему же теперь оно не могло дать его монголам? Надо полагать, не безмолвствовали и переходившие на сторону Чингисхана китайцы, которым было за что ненавидеть чжурчжэней, но, в отличие от киданей, им было гораздо труднее согласиться с мыслью, что Небо дало свой единственный Мандат на правление «варвару» по прозвищу Чингис. Это категорически противоречило многовековому китайскому представлению о природе небесного Мандата, которого мог удостоиться лишь накопивший силу дэ гуманный и совершенный житель Поднебесной. За невозможностью точно установить, чьи конкретно уста – киданьские или китайские – громче других взывали к универсалистским амбициям Чингисхана, мы считаем эти мировоззренческие этнические различия достаточно весомыми, чтобы склоняться в пользу киданей. Кроме того, входившая в высшее общество Цзинь китайская элита держалась отчужденно и придерживалась традиций Северной Сун, а кидани могли и отчасти желали передать свои знания следующей династии, не столько в изящных искусствах и беллетристике, сколько в искусстве государственного управления (Erling von Mende, 2011, с. 906–907).

Однако Чингисхан едва ли помышлял о реставрации Ляо. Хотя он искал и привлекал к себе на службу отпрысков киданьской императорской фамилии Елюй, никто из них не снискал чести

¹ Сказанное не означает, что все кидани, служившие чжурчжэням, ступили на путь измены. Известны случаи, когда киданьские военные и гражданские чины до последнего стояли за Цзинь и либо погибли в бою, либо были казнены монголами (Erling von Mende, 2011, с. 887).

быть возведенным им на восстановленный ляоский престол. Среди неразберихи и хаоса, вызванных монгольскими вторжениями в Цзинь, на землях Северо-Восточного Китая было провозглашено ни много ни мало три государства Ляо, самое известное и долгоживущее из которых Восточное Ляо (1211–1220) основал мятежный тысячник чжурчжэней Елюй Люгэ, а два остальных – восставшие против него сподвижники. Елюй Люгэ ввел девиз правления «Юань-тун» («Начало правления»), но ему хватило благоразумия не принимать императорского титула и не обострять отношений с монголами. После его смерти это государство было превращено всего лишь в одну из областей Монгольской империи (Кычанов Е.И., 1995, с. 167). Гениальному монгольскому стратегу были нужны покорные союзники в борьбе с чжурчжэнями, а не потенциальные господа.

Говоря о киданьском влиянии, невозможно пройти мимо советника Чингисхана и Угэдэя – прославившегося своей мудростью и гуманностью Елюй Чу-цая (1189–1243). Он был принят монголами на службу еще весной 1218 г. и сыграл чрезвычайно большую роль в налаживании гражданской администрации на оккупированных землях Северного Китая. В его биографии, сочиненной Сун Цзы-чжэнем и впоследствии включенной в сокращенном виде в «Юань ши», приводятся слова, якобы сказанные Чингисханом своему сыну и преемнику на великоханском престоле Угэдэю: «Небо пожаловало этого человека нашему дому» (Мункуев Н.Ц., 1965, с. 78, 89, 187). Просвещая своих патронов в области налогообложения покоренного населения, участвуя в подборе управленческих кадров и разрабатывая придворный церемониал, Елюй Чу-цая, несомненно, знакомил монгольскую элиту с принципами универсального правления, применявшимися в государствах дальневосточного культурного круга. Однако с момента падения династии Ляо прошел почти век, и Елюй Чу-цай, родившийся и выросший уже в чжурчжэньском, а культурно – по существу, в китайском государстве, вряд ли может считаться носителем собственно киданьской культуры и киданьских политических представлений. Несмотря на бесспорные заслуги этого человека в приобщении монгольских владык к достижениям оседлой цивилизации, он, как истинный конфуцианец по образованию и буддист по вероисповеданию, являлся выразителем не столько киданьской или чжурчжэньской культуры, сколько китайской. Даже если бы он или его соплеменники проповедовали перед Чингисханом чисто киданьские представления (если вообще можно говорить о бытовании таких представлений в описываемое время), та парадигма власти, которую мы видим у монголов эпохи завоеваний, не является простой репликой киданьской парадигмы, которая фактически обосновывала региональное лидерство киданей, но не более.

По-видимому, по значимости влияния на мировоззрение Чингисхана в рамках обсуждаемых нами проблем после Тэб-Тэнгри¹ следует поставить именно Елюй Чу-цая, который в силу своего положения при хаганском дворе не мог не просветить своего господина по части той высокой роли, которая ему отведена решением Неба. Сам Чингисхан к тому времени, похоже, был вполне готов к признанию за собой особой мироустроительной миссии. В 1222 г. Елюй Чу-цай составил календарь и в памятной записке к нему вновь повторил мысль, что за завоевания Чингисхана ответственно Небо, ибо такие подвиги невозможно осуществить лишь человеческими усилиями. По И. Рахевильцу (Rachewiltz I., 1973, с. 33–34), эти аргументы укрепляли веру Чингисхана в свое предназначение и усиливали его желание захватить все, что есть под Небом.

¹ Рашид ад-Дин рассказывает об этом человеке следующее: «Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: “Бог со мною беседует, и я посещаю небо!”. Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: “Бог повелел, чтобы ты был государем мира!”. И чингизханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: “Повелением бога имя твоё таково должно быть!” ... У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в [самое] сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед. От тепла его [тела] замерзшая вода растаивала и от воды поднимался пар. Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, – и [это] стало общеизвестным, – что он ездил на небо на белом коне. [Разумеется], [все] это – несообразности и вранье простых людей, но он владел каким-то обманом и притворством; с Чингиз-ханом он говорил дерзко, но так как некоторые [его слова] действовали умиротворяюще и служили поддержкой Чингиз-хану, то последнему он приходился по душе» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 167).

Л.Л. Викторова (1980, с. 175) выдвинула перспективную идею, что «...сам Чингис рассматривал себя как законного преемника политического и этнокультурного наследия киданьской империи Ляо, отомстившего чжурчжэням за ее разгром». Версия о мести чжурчжэням за киданей берет начало в широко известном диалоге Чингисхана и его будущего советника Елюй Чу-цая: «По прошествии года столичный город [государства Цзинь] не смог удержаться и подчинился царствующей династии. Тай-цзу (т.е. Чингисхан), давно стремившийся овладеть Поднебесной, когда-то справлялся о близких родственниках дома Ляо и теперь вызвал [его превосходительство] (Елюй Чу-цая. – Ю.Д.) на аудиенцию в [свою] походную ставку. Его величество (Чингисхан. – Ю.Д.) сказал его превосходительству: “[Дома] Ляо и Цзинь – извечные враги. Я отомстил им (т.е. цзиньцам) за тебя!”. Его превосходительство сказал [ему]: “Со времен моего деда и отца все [мы] служили ему (т.е. дому Цзинь), как подданные. Так неужели [я] осмелюсь еще быть двоедушным и стать врагом [своего] государя и отца, будучи подданным и сыном?” Его величество высоко оценил эти слова и оставил его около [себя] для советов» (Мункуев Н.Ц., 1965, с. 70). Однако у нас нет оснований принимать слова Чингисхана на веру. Анализ событий ясно показывает, что он имел совершенно другие причины воевать против Цзинь. Диалог же, если он действительно имел место, мог быть затеян Чингисханом для проверки верности Елюй Чу-цая своему господину, что являлось одной из идей-фикс монгольского суверена. В годы укрепления своей власти в степях будущий «Потрясатель Вселенной» крайне негативно относился к людям, предававшим своих «природных ханов». Он был убежден, что полагаться на них нельзя: в следующий раз они столь же легко изменят и тебе, и поэтому приказывал казнить их без всякой жалости. Позже он смягчил свое отношение к перебежчикам. Итак, оставим в стороне версию о мести за киданей. Даже гораздо более правдоподобные суждения об отплате чжурчжэням за собственных погубленных предков, подающиеся южносунским послом к монголам в 1237 г. Чжао Хуном как основная мотивация Чингисхана к нападениям на Цзинь (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 72), могли на самом деле быть всего лишь риторикой, доступной разумению его кочевых сподвижников. Стремился ли Чингисхан на самом деле к власти над Цзинь? Какие преимущества он получил бы при этом?

Представляется, что власть Чингисхана как универсального монарха выглядела бы более легитимной, если бы он смог доказать ее преемственность от власти, в прошлом бывшей не менее высокой. Его собственные предки могли претендовать лишь на правление в некоем объединении монгольских племен – *Хамаг монгол улус*, само существование которого оспаривается многими специалистами. Но даже если оно существовало, то не охватывало всю Монголию. Выступить наследником Ляо – это уже гораздо более серьезная претензия, на которую он имел, по крайней мере, некоторые, пусть и зыбкие, формальные основания, как потомок союзников киданей. В принципе, нельзя полностью исключать и какое-то отдаленное генеалогическое родство предков Чингисхана с киданьским двором или, по крайней мере, создание ложной генеалогии. В свое время преемниками киданьской империи Ляо, а не какой-либо китайской династии, объявляли себя и чжурчжэни (Гончаров С.Н., 1986, с. 19). Таким образом, возможно, Ляо являлось источником легитимации для династий, претендовавших на власть на землях Северного Китая в рассматриваемую эпоху. Поэтому выступить в качестве политического наследника киданьских императоров имело для Чингисхана смысл.

В подтверждение идеи о существовании преемственности между киданями и монголами Л.Л. Викторова привела несколько аргументов. Так, со времен монгольского хана Тумбина и киданьского императора Дао-цзуна (1055–1101) были установлены более тесные связи между этими народами. Потомки Тумбина брали в жены девушек из унгиратов и олхонутов, которые генетически принадлежали к киданям. Дед Есугая был женат на унгиратке, мать Чингисхана Оэлун была из племени олхонутов, а его жена Бортэ – дочь вождя унгиратов. Далее, после падения Ляо монголы, как союзники киданей, претендовали на часть ее территории в Восточной Монголии и ценой больших усилий получили эти земли (Викторова Л.Л., 1981, с. 77–78). В 1220-е гг. монголы завоевали земли, главным образом, населенные киданями: часть империи Цзинь и Семиречье (Викторова

ва Л.Л., 1980, с. 175)¹. Наконец, по мнению Л.Л. Викторовой, в детстве Тэмучжин некоторое время жил при дворе побратима своего отца Есугая – кереитского хана Тоорила (позже получившего от чжурчжэней титул Ван-хана), к которому из Цзинь в качестве послов приезжали кидани. Тэмучжин мог с ними встречаться. Потом, уже будучи взрослым, он неоднократно навещал Тоорила и продолжал общение с киданьскими послами (Викторова Л.Л., 1981, с. 171, 173). Сама практика отправки чжурчжэнями киданей с дипломатическими миссиями в монгольские кочевья выглядит вполне рациональной: будучи монголоязычными, кидани, очевидно, испытывали меньше трудностей в общении с местной элитой.

На культурное влияние киданей указал и Рашид ад-Дин (1960, с. 21) в разделе о предке Чингисхана в седьмом поколении Кайду-хане: «Так как они были близки к государству Хитай и владению тамошних государей, то среди них были употребительны и в ходу термины и прозвища, [употребляемые] населением Хитая».

Ван Го-вэй предположил, что монгольский обычай обмена лошадьми, одеждой и другими вещами в ходе братания мог иметь киданьское происхождение, а слово «*анда*» («побратим») пришло в монгольский язык из киданьского (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 239). Может быть, в данном случае более корректно говорить не о заимствовании, а о типологическом сходстве. Н.Ц. Мункуев и В.С. Таскин (1971, с. 149–152) в совместной статье обосновали общность обычая побратимства у киданей и монголов, но воздержались от утверждений о заимствованиях. Хотелось бы обратить внимание на то, что если у киданей этот обычай распространялся и на область международных отношений (авторы проиллюстрировали этот тезис примерами из «Ляо ши» и «Цидань го чжи») (Мункуев Н.Ц., Таскин В.С., 1971, с. 150), то монголы в период создания империи его не практиковали. Точнее говоря, сам Чингисхан, который единственный имел законное право заключать международные соглашения, не прибегал к подобному дипломатическому средству. Из текста «Сокровенного сказания» известно, что он (тогда еще Тэмучжин) в детстве совершил обряд побратимства с Джамухой и затем дважды его повторял (Козин С.А., 1941, с. 105–106), но в дальнейшем уже не имел никаких названных братьев, а при заключении союзов демонстрировал свое безоговорочное превосходство, которое исключало возможность побратимства: мироустроительная идея монголов не предполагала наличие независимых правителей, равных по статусу монгольскому хагану.

Ван Го-вэй также установил сходство между киданями и монголами в их культовом отношении к знамени и барабану. Как знаки власти, они упоминаются в известном описании ритуала выбора предводителя киданьских племен (*дажэня*) (Материалы по истории древних..., 1984, с. 186). В имперский период киданьской истории ими жаловали достойных, а у монголов, чтобы иметь знамя и барабан, надо было занимать командный пост (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 77). Южносунский дипломат Сюй Тин подтверждает эту информацию: «У каждого большого начальника и военного предводителя (*тоусян*) имеется по одному боевому стягу»; с их помощью управляют сражением (Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 62).

Перед началом войны кидани гадали по бараньей лопатке (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 216). Подобный способ выяснения грядущих побед и поражений практиковался и монголами.

Можно отметить и еще одно сходство. Как у ранних монголов, так и в современной Монголии бытует культ священных деревьев, которые интерпретируются как «мировая ось» в масштабах рода. Поэтому с такими деревьями связывается много важных для индивида и общества ритуалов: испрашивание здоровья, удачи, детей и т.д. Там совершали жертвоприношения духам и праздновали знаменательные события. Одинокое стоящее «развесистое дерево» как центр торжественных мероприятий монголов упоминается в «Сокровенном сказании» (Козин С.А., 1941,

¹ Н. Ням-Осор (2003, с. 79) разделяет мнение Л.Л. Викторовой, что киданьские завоевания в Центральной и Средней Азии были одним из факторов военных успехов Чингисхана.

с. 85, 106). Аналогичный культ существовал и у киданей, причем на высшем государственном уровне. Так, при мобилизации армии император возле одиночного дерева жертвовал серого быка и белую лошадь и делал доклад божествам Неба, Земли и Солнца. Если на пути императорского кортежа такого дерева не попадалось, жертвоприношения совершали там, где император устраивал стоянку (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 268). На священной горе киданей Муешань ритуалы жертвоприношения тоже проводились у особого дерева (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 268).

Дошедшие до наших дней сведения позволяют предполагать усвоение монголами некоторых административных институтов, имевшихся у киданей. Вопреки практически общераспространенному мнению, Д.О. Морган доказывает, что свои первые шаги в бюрократии монголы делали прежде всего под учительством не уйгуров, а киданей; позже вышли на сцену наставники-бюрократы Персии и Китая (Morgan D.O., 1982, с. 128, 130, 133; Buell P.D., 1979, с. 124). Монгольскую империю он рассматривает как возможного наследника государства кара-киданей, погибшего в 1218 г. (Morgan, 1982, с. 133). Впрочем, с последним предположением не соглашается специалист по истории кара-киданей М. Биран (Biran M., 2008, с. 206).

Широко распространенный в Монгольской империи институт *даругачи* (тюрк. *баскак*) – официальных представителей правителя на завоеванных территориях, сначала получил развитие в Центральной Азии на землях, управлявшихся кара-киданами, и от них заимствован монголами (Morgan D.O., 1982, с. 129). В Ляо был принят титул *«тай-ши»*, происходящий от китайского *да-ши* (великий наставник [императора]) (см.: Hucker Ch.O., 1985, с. 481; Serruys H., 1977, с. 353–380). В отличие от Поднебесной, так стали обозначать должность во всех гражданских и военных административных учреждениях как в метрополии, так и в провинциях (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 153–154). Мухали, оставленный в 1217 г. Чингисханом покорять Цзинь, получил титул не только *го-вана*, но и *тай-ши*. Этот титул, известный у монголов и позже, вероятно, восходит к киданьскому и не имеет ничего общего с китайским прототипом (Pelliot P., 1930, с. 45).

Разумеется, вычленив собственно киданьское влияние непросто. В годы консолидации монгольских племен и первых побед Чингисхана ближайшим примером могли послужить цзиньские политические и административные институты, а среди советников Чингисхана находилось много чжурчженей и китайцев.

Пожалуй, наиболее противоречива информация о заимствовании монголами особых верительных дощечек – *пайцз* (монг. *гэрэгэ*¹), имевших различное назначение и соответственно этому изготовлявшихся из разных материалов. В Китае их применение достоверно известно с эпохи Тан (618–906). Они широко использовались также в империи Ляо. Согласно записи в «Ляо ши» за 1082 г., на 200 серебряных табличках около 30 см длиной выгравировали на киданьском языке надписи «Спешить!» или «Табличка скакать на лошади по императорскому указу». Когда в государстве возникала серьезная проблема, император лично давал эти таблички посланникам и отмечал необходимое количество сменных лошадей. Если сменных лошадей по какой-то причине не хватало, вместо них брали других (Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng, 1949, с. 168). Аналогичны сведения Е Лун-ли: «По форме серебряные дощечки похожи на музыкальный инструмент *фансян*. На них вырезано два киданьских знака: “следует спешить”. Гонец, имеющий дощечку, проезжает на лошадях несколько сот ли² в один день. Куда бы он ни приезжал, дощечка рассматривается как [знак] личного прибытия главы государства, поэтому все необходимое гонцу заменяется вне очереди и никто не смеет отказывать ему» (Е Лун-ли, 1979, с. 331). Как видно из этих сообщений, использование пайцз было неразрывно связано с ямской службой, которая и обеспечивала своевременное донесение информации до адресата. Само слово «ям», известное и в русском языке, китайского происхождения, было заимствовано сначала киданями, а через их посредство монголами.

¹ Буквально означает «то, что свидетельствует», «то, что гарантирует» (Cleaves F.W., 1953, с. 259).

² Ли – китайская мера длины, приблизительно равная 560 м.

Именно монголы довели ямскую службу до совершенства на гигантских просторах созданной ими империи. Однако неясно, с какого образца (или образцов) они скопировали свои пайцзы в первые десятилетия XIII в.

Одним из первых, кто усмотрел в использовании монголами пайцз киданьское влияние, был японский ученый Ханеда Тору – в 1938–1945 гг. президент университета Киото. Его мнение разделяет И. Рахевильц (Rachewiltz I., 1966, с. 112), согласно которому практика вручения этих серебряных, золотых или позолоченных верительных табличек с изображением головы тигра при назначении на высокий пост возродилась при Чингисхане, что было заметным отклонением от бюрократических обычаев, принятых в Цзинь.

Чжао Хун зафиксировал в Северном Китае циркуляцию пайцз трех типов: золотых с изображением тигров, простых золотых и серебряных. Тигриные пайцзы имели надпись на китайском языке: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению!», остальные – «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Спешно!» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 73–74). Точность этой информации подтверждается находками пайцз. Так, еще в 1930-е гг. на территории бывшей провинции Жэхэ была найдена золотая пайцза с теми же самыми иероглифами, как в отчете Чжао Хуна. По мнению Н.Ц. Мункуева, монголы заимствовали практику использования пайцз у чжурчжэней (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 180). Подобных взглядов придерживается и М.Г. Крамаровский (2002, с. 218), указывающий, что великоханские и золотоордынские пайцзы по форме пластин восходят к чжурчжэньскому типу, введенному в империи Цзинь в 1145 г. Между тем, по уточненным данным, чжурчжэньская пайцза, на которую ссылается автор, датируется 1220-ми гг. и имела хождение в Восточном Ляо (Ивлиев А.Л., 2000, с. 184).

В своем обзоре тангутских пайцз выдающийся российский востоковед Е.И. Кычанов проследил параллели с пайцзами других государств Центральной и Восточной Азии – современников тангутского государства Си Ся. Согласно данным китайских историков, киданьские пайцзы имели квадратную форму и надпись «Пайцза [гонца], едущего с высочайшим повелением на резвом скакуне». Точно такая же надпись обнаружена на пайцзах тангутов, однако своей круглой или лопатовидной формой они отличаются от киданьских. Надписи на чжурчжэньских пайцзах гласили: «Срочно отправиться и вручить!» Е.И. Кычанов (1974, с. 266–270) предположил, что монголы заимствовали «в первую очередь у этнически близких им киданей или чжурчжэней, от которых на заре своей истории они зависели». Позже он сменил точку зрения на генезис монгольских пайцз. Отметив, что накануне объединения Монголии Чингисханом их использование в источниках не упоминается, он утверждает, что монголы переняли их у тангутов (Кычанов Е.И., 1986, с. 96). Действительно, в Си Ся изготавливали пайцзы круглой формы, аналоги которых в Ляо и Цзинь неизвестны, но в Монгольской империи такие пайцзы существовали, например, так называемая Боготольская пайцза. Тангуты и монголы, кроме пайцз, получали специальный документ, где указывалось количество выюнных животных, которых мог требовать посланец в пути (Sato Takayasu, 2012, с. 366). Указ об обязанности послов иметь грамоты для проезда по почтовым дорогам был издан летом 1232 г. (Мункуев Н.Ц., 1965, с. 116).

Сюй Тин тезисно поведал о становлении монгольской бюрократии, но, к сожалению, не уточнил, какова была национальность тех чиновников, которые обучали монголов азам гражданского управления. Ясно лишь, что они были служащими в Цзинь, поэтому могли быть и чжурчжэнями, и китайцами, и киданями: «У татар с самого начала не было принято назначать на должности и просить жалованья, правитель татар тоже не уяснил [значения этого]. Чиновники рассказали о значении этого и почему это нужно. У татар [теперь] имеются только золотые пайцзы с тигриной головой, простые золотые пайцзы и простые серебряные пайцзы [согласно рангу чиновников]. Имеющие заслуги [чиновники] сами предоставляют золото и серебро, а татарский правитель дает разрешение, чтобы [эти чиновники] сами отчеканили пайцзы с вырезанными сверху уйгурскими [или мусульманскими] буквами, которые гласят не что иное, как: “Силою вечного Неба...” и т.д., весь этот текст на внешней стороне пайцзы» (Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 54).

Очевидно одно: инициальная формула сделанных на этих пайцзах надписей, которую, к сожалению, только и удосужился привести в своем отчете Сюй Тин, была чисто монгольской. В дальнейшем именно она наносилась на пайцзы и предваряла указы великих и улусных ханов и монгольских князей¹. Однако похоже, что уже на раннем этапе монгольской государственности имели хождение несколько типов пайцз, разнообразие которых не ограничивалось только жалованными и посольскими пайцзами. Следовательно, разными были их форма и надпись. Отсюда могли проистекать противоречия в источниках. Кроме того, вполне вероятно, что далеко не все типы дошли до нас как в описаниях, так и в археологических находках. Наконец, возможно, существовал не какой-то один источник заимствования, а несколько. В настоящее время затруднительно дать однозначный ответ, откуда монголы при Чингисхане взяли практику использования пайцз, и не имели ли они сами аналогичных предметов. Бытование у кочевников, и в частности у монголов, специальных деревянных бирок, на которых делались насечки или зарубки, известно (Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 41). При возникновении у них письменной культуры на таких бирках могли появиться надписи, а широкий доступ к драгоценным металлам вкупе с ростом международного положения монгольских властителей естественным образом привел к подражанию образцам из оседлых государств.

Опираясь на вышеизложенное, заключим, что в эпоху Чингисхана у монголов не было недостатка в выходах из государств, обладавших высокой культурой и развитой политической философией, однако, идеи мирового господства, какими мы их видим в указанное время, вероятнее всего, проистекали из наследия Китая. Представляется наиболее вероятным, что монголы сравнительно близко познакомились с китайскими политическими учениями при посредстве киданей еще в X – начале XII в., точнее, они могли познакомиться с китайскими идеями, усвоенными киданьской культурой, и ассимилировать что-то, что непротиворечиво встраивалось в их собственную картину мира. Тем не менее монгольская концепция верховной власти не была копией китайской концепции. Благодаря киданьским советникам они могли взять на вооружение китайскую космологическую модель, но воплощали ее, опираясь на центральноазиатскую традицию. Поэтому в политике первых монгольских хаганов наблюдается сочетание утонченной китайской идеи мироустройства и brutальных степных методов ее осуществления – качество, которого, на наш взгляд, была лишена политика всех остальных кочевых империй Центральной Азии.

¹ Заслуживает внимания тот факт, что Чжао Хун (см. выше) сообщает о китайских, а не уйгурских надписях на пайцзах, к тому же не содержащих ссылок на силу Неба. Не означает ли это, что между 1221 и 1237 гг., видимо уже при Угэдэе, была введена стандартная формулировка, с которой начинались все официальные хаганские указы?

Глава XIV

ТИТУЛАТУРА МОНГОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ ПРЕДИМПЕРСКОГО И РАННЕИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА¹

До сих пор остается недостаточно разработанной терминология лидерства различных социальных групп элиты монгольской политики, созданной Чингисханом, их иерархии. Источники, задачей которых было возвеличивание Чингисхана и его потомков, а также обоснования их права на высшую власть в Монгольской империи, констатируя события, не могут не отразить, хотя бы имплицитно, общих тенденций традиционной политической культуры. Отношениям власти придавалось большое значение: власть делала возможным представление об обществе как об определенной целостности, она воплощала нормы мирового порядка и обеспечивала их соблюдение. В обществе, рассматриваемом как единый организм, носитель верховной власти воспринимался как символ единства, его личная харизма была харизмой рода, племени, любого уровня этносоциального организма, он избирался для контактов с Небом. В обществах, подобных монгольскому, «власть в потестарном смысле, как правило, органически сочетается... с властью ритуальной, которая, в свою очередь, образует одну из важнейших черт соционормативной культуры. По существу мы сталкиваемся снова с неоднократно уже упоминавшейся нерасчлененностью культуры доклассового общества, в частности, такой ее сферы, как руководство функционированием социального организма... Единство власти потестарной и ритуальной весьма хорошо можно наблюдать в момент перехода от доклассового общества к классовому, особенно в обществе предклассовом, когда преобладающей формой потестарной надстройки становится вождество. Возрастание роли ритуального момента на этом этапе развития отношений власти и властвования нашло отражение в достаточно частом обладании в руках правителя власти собственно потестарной (более точно было бы, вероятно, говорить о позднепотестарной или даже „предполитической“ власти) и религиозной власти, т.е. в одновременном его функционировании в качестве первосвященника, или сакрального, или даже обожествленного правителя» (Куббель Л.Е., 1988, с. 54–55). И, безусловно, в распределении власти профанной и ритуальной большую роль играло место той или иной группы в иерархии элит.

Рубеж XII–XIII вв. стал периодом перестройки потестарного организма монгольской общности, вызванной политической активностью элит и активизацией процесса укрупнения политий. Потребность вести более крупные военные действия соединенными силами вызвала к жизни необходимость избрания военного вождя, способного объединить эти усилия. Эта новая для расширявшейся монгольской общности форма лидерства получила и новое обозначение, уже имевшее традицию в регионе – *хан*: Хабул-хан, Амбагай-хан, Хутула-хан, Чингисхан, Чжамуха-гурхан. Принадлежать к коническому клану, не все из них занимали в нем лидирующее положение, но выделялись в рамках харизматического типа «господства – подчинения» и внесли коррективы в действовавшие родовые институты и отношения, не уничтожая их, а приспособлявая к изменившейся ситуации.

Для изучения потестарно-политической культуры монголов важно отметить эволюцию понимания генеалогического принципа власти как структурообразующего, который сохранял свое значение, несмотря на то, что традиционные механизмы наследования власти могли прерываться харизматическими лидерами, что мы наблюдаем в случае с Чингисханом, например. Генеалогическая непрерывность являлась абсолютным условием существования единства монгольского общества вплоть до XX в. В XII–XIII вв. генеалогия была одной из форм моделирования *своего* социально-политического пространства складывавшегося Монгольского улуса на основе выстраивания кровно-родственных связей. При этом было неважно, являлись ли эти связи реальными или фиктивными.

Я уже писала о том, что генеалогия по мужской линии предков Чингисхана, ведущая начало от Бортэ-Чино, зафиксированная в источниках, представляет собой генеалогическое древо тай-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-01-00170 «Эволюция представлений о власти в монгольском обществе XIII–XX вв.».

джиутов, вероятнее всего тюркоязычных, что позволяет говорить об одновременном партнерстве – соперничестве двух групп: тюркоязычной и монголоязычной. Можно предполагать, что тюркоязычные народы, представлявшие политики разного уровня, заселяли широкое пространство – «татарскую степь», ведь расцвет второго Восточнотюркского каганата с конца VII в. характеризуется заметным расширением территории. В десятом поколении от легендарных предков Бортэ-Чино и Гоа-Марал отмечаются брачные пары – Борджигидай-Мэргэн/Монголджин-Гоа и Хорилартай-Мэргэн/Баргуджин-Гоа, в которых мужские эпонимы выступают как маркеры тюркоязычных общностей (*борджигин* и *хори*), а женские имена указывают на монгольское происхождение (*монгол* и *баргу*), что позволяет говорить о двухчастности ядра общности, разросшейся впоследствии до размеров Монгольской империи.

Патрилинейная генеалогия, исчисляемая за много поколений до Чингисхана, позволяла очертить границы общности и легитимизировать централизацию власти в руках Чингисхана: его предок Бодончар, впервые установивший отношения власти среди монголов благодаря небесному происхождению, отмечался как родоначальник. Небесное происхождение предка, к которому апеллируют его потомки, – попытка примирить оба типа (традиционный и харизматический), в чистом виде не встречающиеся. С одной стороны, власть традиционно передается старшему сыну, а легитимность этой передачи «подтверждается» генеалогией, ссылка на которую подтверждает древность традиции. С другой стороны, чтобы быть ханом, необходимо было обладать сакральным качеством. Надо сказать, что связь власти с религиозными представлениями была теснейшей и состояла уже в том, что «власть в ее конкретно-исторической реальности делает возможным представление о том или ином социальном организме как об определенной целостности, воплощающей нормы мирового порядка и обеспечивающей их соблюдение. Более того, в глазах членов общества она и олицетворяет эти качества» (Куббель Л.Е., 1988, с. 40).

Как правило, считается, что в традиционных обществах механизмом регуляции властных отношений была генеалогия, закреплявшая власть за старшей ветвью клана. Это убеждение происходит из утверждений нативных источников, которых множество (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 345–355). Но нельзя забывать, что одновременно во властных структурах, как в профаном, так и в ритуальном поле культуры, важна была роль и младшего рода. Наиболее известное обозначение младшего члена рода, связанное с выполнением им ритуальных функций по отношению ко всему правящему дому – *отчигин*, происхождение которого связано с тюркским языком. С ним же связан и формант – *чар*, также выступающий маркером младшего сына, получавшего в управлении территории левой руки (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 355–371).

При работе с текстом «Тайной истории монголов» мое внимание привлек титул, значение которого как будто достаточно известно – *нойон*. Анализ статуса и функций лиц, обозначенных титулом *нойон*, представляет особенный интерес для системного исследования властных отношений в монгольском обществе XII–XIII вв. Б.Я. Владимирцов, описывая этот период, рассматривал *нойонов* как одну группу – «класс феодалов» – в разделах «Вассалитет» и «Основы феодализма» в рамках своей концепции монгольского кочевого феодализма. При этом он отмечает, «что в первые годы существования монгольской империи как великих (царевичи, вассалы монгольского хана. – Б.В.), так и малых (т.е. нояны, ханские зятья, владельцы тем, тысяч, вассалы монгольского хана или его арриер-вассалы. – Б.В.) сеньоров называли одинаково *ноуан* “господин, военный сеньор”» (Владимирцов Б.Я., 2002, с. 413), включая таким образом разные по социальному статусу группы правящей элиты в одну.

Можно ли определить статус и производные от статуса права и обязанности социальной группы, обозначаемой титулом *ноуан*? Одним из путей, которым определяется статус группы, обозначаемой титулом *ноуан*, может быть сопоставление ее места в иерархии с позицией других групп в той же социальной страте, а именно элиты, монгольского общества периода сложения империи Чингисхана и его сына Угэдэя. Эту социальную страту – элиту – объединяет совместная деятельность в социально-политической сфере по стабилизации жизни общества, с одной стороны. С дру-

гой стороны, права и обязанности отдельных социальных групп дифференцированы, что закрепляется фиксацией за каждой из них статусных символов, важнейшим из которых становится титул. Закрепление титулов способствует адекватному выполнению представителями групп своих функций и, соответственно, достижению требуемого консенсуса в их совместной деятельности. Это, конечно, в идеале.

В реальности же Монгольская империя представляла собой нестабильное общество, находящееся в состоянии постоянного изменения границ и ее состава. Потестарно-политическую культуру Монгольской империи характеризует то, что она вырабатывалась и функционировала в этнически неоднородном сообществе. Властвующая элита распространяла свою власть не только на соплеменников, но и на завоеванные группы, принадлежавшие разным этническим общностям, что создавало новый уровень отношений, поскольку частично управление последними осуществлялось рекрутируемыми из их же рядов персонами.

Реконструкция модели социальных статусов правящей элиты монгольского общества связана с 1206 г., когда Чингисхан стал отмечать заслуги своих сподвижников. С одной стороны, для многих из них были подтверждены их прежние титулы или им были дарованы новые (см. далее), с другой – главы воинских соединений получили титул *нойон* в качестве маркера воинского статуса и функции – от десятков до тьмы.

Общепринято считать, что титулом «нойон» обозначались представители правящей элиты монгольского общества, что как будто подтверждается сообщением «Тайной истории монголов» о том, что в 1206 г. «...нойоны тысяч Монгольского улуса: появились нойоны девяносто пяти тысяч, которых назвал (назначил) Чингисхан» (пер. мой. – Т.С.) – *mongqol ulus-un mingqad-un noyad-I cinggis-qahan-nu nereyidükßen yeren tabun mingqad-un noyat bolba* (Rachewiltz I. de, 1972, p. 114), Б.Я. Владимирцов (2002, с. 400) лишь отметил, что «общий титул *ноуан*, т.е. “господин”, “сеньор”, “военный сеньор”; как известно, титул этот – китайского происхождения – с давних пор носили представители степных аристократических родов». Хотя упоминания титула до 1206 г. в «Тайной истории монголов» довольно редки, можно сделать некоторые выводы. Имплицитные данные «Тайной истории монголов» позволяют предположить, что титул *нойон* был маркером: 1) правителя определенного этносоциального объединения (Хорилартай-мэргэн) или политики (Таргутай-Кирилтух); 2) военачальника (у найманов и у Ван-хана); 3) младших сыновей правящих фамилий (Ехэ-Цэрэн, Бэлгутэй-нойон, Отчигин-нойон). После оформления структуры Монгольского улуса наряду с обозначением титулом *нойон* воинской функции его носителей (от десятников до темников) сохранялось и обозначение им младших представителей аристократического рода.

Желание попытаться выяснить, какие социальные группы маркировались титулом *ноуан* и каковы функции группы лиц, им обозначенных, было инспирировано статьей К. Атвуда в его энциклопедии, которую ниже привожу полностью: «***noyan (noyon)*** The word *noyan* has throughout Mongolian history signified those not of the ruling lineage who are entrusted by the sovereign, or KHAN, with higher office. Its specific designation at any one time flows from the particular character of Mongolian authority at the time. In the MONGOL EMPIRE the commanders of the decimal units (10s, 100s, 1,000s, and 10,000s) were all *noyan*, although in practice the title was reserved for the higher ranks. *Noyan* (plural *noyad*) were thus above the ordinary Mongols but below the *uruq* (seed), or descendants of CHINGGIS KHAN (Genghis, 1206–27) and his brothers¹. Since the main task of these *noyad* was war, *noyan* acquired the connotation of “commander,” equivalent to the Arab and Persian *emir* and the Turkish *bey/beg*. Chinese dictionaries, however, also gave its equivalent as *guanren*, “official.”

During the QING DYNASTY (1636–1912) the sovereign rulers in Beijing entrusted rule in Mongolia to the descendants of Chinggis Khan, who were thus called *noyan*. Since this Mongolian ruling class was now purely hereditary and Mongolia was mostly at peace, *noyan* in this epoch acquired the connotation of “nobleman.” After 1921 the word *daruga/darga*, “boss,” “head,” replaced the aristocratic *noyan* as

¹ Отчигин-нойон – сын Оэлун.

the term for officials. *See also* SOCIAL CLASSES IN THE MONGOL EMPIRE; SOCIAL CLASSES IN THE QING PERIOD» (Atwood K., 2004, с. 412). То есть, по мнению К. Атвуда, *нойон* – это термин, который обозначает тех, кто не принадлежит к правящему линиджу, но кому суверен или хан доверил высшие должности.

В цитируемой выше статье К. Атвуда отразилась общая для интерпретации ранних исторических эпох проблема выявления значения семантически важных терминов. Сложность понимания исторического контекста заключается в том, что зачастую исследователи при переводе, который, безусловно, представляет собой и интерпретацию ранних средневековых текстов, используют практически современные значения терминов социальной структуры и политической организации, оформившиеся в результате их эволюции, что затрудняет реконструкцию реального уровня развития монгольской общности в конкретные исторические периоды. Первоначальное значение монгольских терминов, отражающих разные аспекты властных полномочий, выраженных в обозначении социальных статусов, заметно отличаются от тех, что привносятся современными исследователями в переводы на европейские языки, что и нашло отражение в статье К. Атвуда. Монгольские оригинальные источники, созданные представителями монгольской элиты, воспроизвели и репрезентировали значимые феномены, характерные для конкретного исторического периода, что позволяет реконструировать соответствующую своему времени политическую культуру, в частности ее социальную сферу.

На мой взгляд, следует обратить внимание на одно из высказываний Б.Я. Владимирцова (2002, с. 400), где он разграничивает два периода – до и после образования империи: «Звание сотника, тысячника, темника было наследственным; носящие же эти звания получали общий титул *ноуан*, т.е. “господин”, “сеньор”, “военный сеньор”; как известно, титул этот – китайского происхождения – с давних пор носили представители степных аристократических родов. **Перенесение** (выделено мной. – Т.С.) титула *ноуан* на военных вассалов-феодалов знаменательно. Каждый ноян, получив в ленное потомственное владение “сотню”, “тысячу”, “тьму”, являлся прежде всего вассалом царевича одного из уделов-улусов, на которые распадалась монгольская империя, а затем он был вассалом монгольского императора, как главы империи и войска монгольского. Вместе с тем сотники почти всегда являлись вассалами тысячников, а тысячники очень часто оказывались вассалами темников. Получалась система вассальных отношений, довольно стройная, представляющая собой цепь вассалов и арриер-вассалов», где, как мы видим, он отмечает, что титул *нойон* носили «представители степных аристократических родов». Более того, Б.Я. Владимирцов (2002, с. 400) отмечает, что «в эпоху монгольской империи титул этот носили и царевичи; Толуй, например, назывался *уеке ноуан* “великий ноян”».

Но Толуй был не единственным членом правящей фамилии, который был наделен титулом *нойон*. О том, что титул *нойон* маркирует именно персон, принадлежавших к правящей фамилии, говорит следующее свидетельство: «Однажды мать Чингиз-хана Оэлун-экэ, Чингиз-хан и его братья: Джочи-Касар, Отчи[ги]н-нойон, вместе с Сэче-беки и Тайчу, которые являются вождями ветви юркин от племени кият, собрались в лесу, в долине реки Онона, и, приготовив кобылиц и бурдюки [ундурха] для кумыса, устроили пир» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 91). Есть ли закономерность в том, что титулом *нойон* маркировался младший сын? Ведь, согласно широко бытующему мнению, младший сын обозначался термином *отчигин*. Так, Отчигин-нойон упоминается Рашид ад-Дином (1952б, с. 274) при описании того, «что он разделил между своими сыновьями, исключая Екэ-нойона, племянниками, младшим братом Отчигин-нойоном и своей матерью Оэлун-экэ». Отчигин-нойону, четвертому, самому младшему брату Чингисхан выделил пять тысяч человек, а племяннику Элджидай-нойону¹ – три тысячи (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 277).

¹ «Элджидай Чингиз-хан любил больше всех [своих] племянников, ибо он был более справедлив и более распорядителен. Так как его отец Качиун умер в молодости, то он не слишком прославился, но Элджидай был весьма почтен и известен» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 277).

Упомянутый выше Екэ-нойон – это Тулуй, который жил с матерью и его доля была включена в ее часть, потому что он отдельно не упомянут (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 279), о чем сказано так: «Все остальные войска, кроме этих войск, которые Чингиз-хан соизволил определить [за каждым], он отдал вместе с личными ордами и юртами младшему сыну Тулуй-хану, по прозванию Екэ-нойон; тот ведал всем. ...Согласно установленному обычаю, они ведают своими войсками и всеми способами выполняют условия единства со всем уруком Екэ-нойона. Все те войска, которые принадлежали Екэ-нойону, за это время пребывали на службе Кубилай-каана, который был его сыном и кааном [своего] времени» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 278–279).

Следует обратить внимание на то, что упоминаемые в «Сборнике летописей» персоны, обозначающиеся титулом *нойон*, являлись младшими сыновьями. Свидетельства тому, что именно младшие сыновья могли маркироваться титулом *нойон*, обнаруживаются и в «Тайной истории монголов». Когда в 1204 г. пришла весть о том, что найманский Таян-хан намеревается напасть на монголов, Чингисхан тут же, на охоте, устроил совещание. «§190. ...Тогда Отчигин-нойон говорит: “Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони – жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?”. Затем слово взял Бельгутай-нойон¹ ... §191. Понравилось это слово Бельгутая (-нойона – в монгольском тексте. – Т.С.) Чингиз-хану» (Козин С.А., 1941, с. 143–144, §190–191).

В «Тайной истории монголов» мы обнаруживаем и другие персонажи, которые отмечены титулом *нойон*. Некоторых из них не удалось идентифицировать по их месту в генеалогических таблицах правящих домов. Например, §149: “*taýici’ud-un noyan tarqutai-kiriltuq*” (Rachewiltz I., 1972, с. 67), «...который был предводителем племени тайджиут» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 90–91]; §158 у найманского Буирух-хана был караул, возглавляемый Йеди-Тублухом (монг. *yedi-tubluq neretü noyan inu qara’ul yabuju* (Rachewiltz I., 1972, с. 74). Когда Ван-хан с Чжамухой собирались на бой с Чингисханом, то «§170 ...в помощь к Дунхайтам назначили Хоришилемун-тайчжия, **начальника** (выделено мной. – Т.С.) Ван-хановской тысячи **турхаудов**» (Козин, 1941, с. 131, §170); (монг. *dongqayid-un gejige ong-qan-ni mingqan turqa’ud-un noyan qori-silemün-taisi-yi ke’eldüba* (Rachewiltz I., 1972, с. 82)). В это время у найманского Таян-хана был «Великий нойон Хори-субэчи» (монг. *yeke noyan qori-sübeci* (Rachewiltz I., 1972, с. 103), который, обвинив Таян-хана никчемным (*turlug tayang yadaqu metü ele buyu ci ke’et qor-iyen deledü’et buru’u qataraba* (Rachewiltz I., 1972, с. 103)), покинул его. В §197 описывается история, случившаяся после победы Чингисхана над меркитским Тохтоа-беки осенью 1204 г. Хоас-меркитский Даир-Усун повез свою дочь Хулан-хатун показать Чингисхану, а по дороге встретился с Наяя, который называется здесь Наяя-нойоном и «Великим нойоном Чингисхана» (монг. *cinggis-qahan-ni yeke noyan* (Rachewiltz I., 1972, с. 107)).

Но кроме упоминаемых выше Отчигин-нойона (младший сын Оэлун – жены Есугэй-багатура (§195) (Rachewiltz I., 1972, с. 103) и Бельгутэй-нойона (младший брат Чингисхана от другой жены Есугэй-багатура)², которые были младшими сыновьями в семьях своих матерей, совершенно определенно можно говорить о Ехэ-Цэрэне, младшем сыне Хулан-багатура³. «§51. ...Он был нойоном двух дархадов – Бадая и Кишлика (в §169 они названы табунщиками – адучи. – Т.С.)» (Козин С.А., 1941, с. 84).

И последний персонаж, на который я хотела бы обратить внимание – это Хорилартай-мэргэн, нойон хори-туматов, бежавший, как сообщает «Тайная история монголов», от конфликтов из-за охотничьих угодий. Источник не содержит подробной информации о нем⁴. Мы можем только

¹ «Тысяча Белгутэй-нойона, брата Чингисхана» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 273).

² Когда Белгутэй разыскивает свою мать, захваченную меркитами, он называется в §112 Белгутэй-нойоном.

³ Хулан-багатур – пятый сын Хабул-хагана, Хадаан и Тодоён (шестой и седьмой его сыновья) потомства не имели.

⁴ («8. Tede bölök irgen ber köl-barqujin-tögüm-ün ejen barqudai-mergen-nü ökin barqujin-go’a neretei ökin-ni qori-tumd-un noyan qorilartai-mergen-ne ökdeksen aju’u») (Rachewiltz I., 1972, с. 14).

предполагать, исходя из архетипа традиционного мировоззрения, отразившегося в истории Бодончара, изгнанного его старшими братьями, что Хорилартай-мэргэн был младшим братом, не получившим после смерти отца сакральную территорию рода и его юрту, что предписывалось обычаем, и даже был вынужден покинуть родовую территорию, но в то же время сохранившим статус/имя нойона хори-туматов.

Считаю необходимым напомнить статус и функции младшего сына в социальной структуре монгольского общества. Общеизвестно его обозначение термином *отчигин*, носитель которого сохраняет сакральные функции на протяжении всей своей жизни. Другие самые младшие представители того же рода, не имея права называться так же, поскольку не могли быть хранителями родового очага и исполнителями связанных с ним ритуальных функций, назывались иначе. Показателен пример Толуя, младшего сына Чингисхана, как о нем сообщает Рашид ад-Дин.

Как мы знаем, носитель титула *отчигин* – Тэмугэ-отчигин¹ жил довольно долго, поэтому Тулуй, младший сын Чингисхана, который получил в пользование основной юрт отца, не являлся *отчигином*, он нигде не упоминается с этим титулом, в «Сборнике летописей» он называется Тулуй-ханом, Екэ-нойоном или Улуг-нойоном. Хотя это опровергает утверждение Рашид ад-Дина (1952а, с. 193), что «обычай монголов таков: младшего сына называют отчигин по той причине, что он пребывает в доме, а огонь является центром домашней жизни», лидерство Тулуя во властвующем клане манифестируется, как видим, через другие маркеры – титул *хан*, каковым он не называется в «Тайной истории монголов», или определение *великий*.

Следует, на мой взгляд, более подробно остановиться на констатации источниками места Толуя в социальной иерархии. Поскольку в каждом поколении происходило деление на крылья, значение статуса Тулуя сохранялось для следующих поколений – детей Чингисхана и его внуков, что подчеркивается в источниках: «Тулуй-хан большей частью находился постоянно при отце. Чингисхан всегда с ним советовался обо всех делах: о важных и о незначительных. Он называл его нукером. *Юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингисхана были в его подчинении* (здесь и ниже подчеркнуто мной. – Т.С.)... *он является основой дома, семьи. ...Чингиз-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола*, но [потом] он сказал: “Эта должность, в которой ты будешь вести моими юртом, ставкой, войском и казной, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, – так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей”... Чингиз-хан скончался. После того, как его гроб поставили в ставку и в точности исполнили обряды оплакивания, другие братья и царевичи [все] уехали каждый в свой юрт, а Тулуй-хан водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингисхана, и воссел всевластный [на царский престол]» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 107–109). В этой пространной цитате неоднократно, как мы видим, подчеркивается главная функция Толуя: получая в наследство от отца его родовую территорию и ставку, центр которой составляла юрта отца (монг. *гэр*) – дом Чингисхана, он становится хранителем этого дома, хранителем правящей фамилии.

Но его функции не ограничиваются рамками семьи. О том, что ультимагенитурный принцип может подразумевать и распространение власти младшего сына на весь улус, свидетельствует следующий текст: «Все остальные войска, кроме этих войск, которые Чингиз-хан соизволил определить [за каждым], он отдал вместе с личными ордами и юртами младшему сыну Тулуй-хану, по прозвищу Екэ-нойон; *тот ведал всем* (здесь и ниже выделено мной. – Т.С.). *Все уважаемые эмиры, которые принадлежали [к войскам] правой руки, левой и центру* и имена которых написаны, и другие эмиры, имена которых не выяснены, *состояли при нем*» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 275–276). Выделенное курсивом (хан, хотя он никогда не носил этого титула, который всем ведал и при котором все состояли) позиционирует лидирующий статус Тулуя, определяемый его местом

¹ Младший брат Чингисхана Тэмугэ-отчигин «непрерывно выступал в походы по велению ярлыка Кубилай-каана» (Рашид ад-Дин, 1956б, с. 56).

во властвующем линидже: именно с левым крылом был связан престол и, соответственно, верховная власть в политике.

«И по этому важному, тонкому делу посылали со всех сторон друг к другу гонцов и занялись подготовкой великого курилтая. Когда ослабли сила и ярость холода и наступили первые дни весны, все царевичи и эмиры направились со [всех] сторон и краев к старинному юрту и великой ставке (по «Сокровенному сказанию» курилтай собрался в год мыши, т.е. 1228 г. Юань-ши датирует возведение Угедая на престол восьмым месяцем 1229 г. – *Прим. пер.*). Из Кипчака – сыновья Джучи-хана: Урадэ, Бату, Шейбан, Берке, Беркечар, Бука-Тимур; из Каялыка – Чагатай со всеми сыновьями и внуками; из Имиля и Кунака – Угедей-каан с сыновьями и своим родом; с востока – их дяди; Отчигин, Билгутай нойон и их двоюродный брат Илджидай-нойон, сын Качиуна, – со всех сторон в местность Келурен явились эмиры и сановники войска. Тулуй хан, почетные прозвища которого Еке-нойон и Улуг-нойон, – глава дома и коренного юрта своего, – был уже там. Все упомянутое общество трое суток было занято удовольствиями, собраниями и развлечениями. Затем вели разговоры о делах государства и царствовании. Согласно завещанию Чингиз-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевичи единодушно сказали Угедей-каану: “В силу указа Чингиз-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию”. ... Угедей-каан сказал: “Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности *старший брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон – младший сын великой ставки* (выделено мной. – Т.С.). Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 18–19). С одной стороны, Угэдэй как старший (фактически) в левом крыле, т.е. в монгольских землях, согласно примогенитурному принципу, должен был возглавить правящий дом, что и подтвердил Чингисхан назначением его своим наследником. С другой стороны, учитывая то, что сакральный центр территории (очаг) наследует младший, устами Угэдэя старшим (в ритуальном смысле) называется Тулуй. Таким образом, в Толуе соединились две функции: сакральная и властная, что обеспечивалось его статусом – нойон правящего дома или *гэрийн нойон*, хотя мы не обнаруживаем в источниках его именованья именно таким образом. Лишь имплицитные данные позволяют нам сделать такое заключение¹.

Данный статус мы встречаем в более поздних текстах. Прежде всего в «*Ѓауан теүке*» речь идет о *Döčin ger-ün noyad*². Подтверждают предположение о том, что в пред- и раннеимперский период нойоном обозначался младший сын, получавший в наследство от отца родовую территорию и юрту отца, т.е. считался хранителем родового очага и правящего дома, материалы «*Ѓауан теүке*». В них мы обнаруживаем упоминание о «нойонах сорока домов», т.е. правящих домов Монголии, которые обозначались как «сорок монголов».

¹ Подтверждением того, что младший представитель дома обладает широким набором функций, являются данные о потомках Джочи-Хасара – второго, после Темучжина, сына Есугэя. «В эпоху Менгу-хана и Кубилай-каана заместителем Джочи-Хасара был Есунгу (его младший сын. – Т.С.), слава и молва о нем широко распространились. Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма почитали и считались с ним. Согласно обычаю, он ведал всем войском и племенем отца и своих старших и младших родичей» (Рашид ад-Дин, 19526, с. 52).

² Ниже привожу интерпретацию Ц.П. Ванчиковой – примечание 29: «*Döčin ger-ün noyad* – букв. переводится как ‘нойоны сорока юрт’. В данном случае предпочтительней вариант перевода ‘сорок нойонов юрт’, так как общеизвестно число юрт, посвященных Чингисхану, – ‘восемь белых юрт’ (*naiman čaγan ger*). Нойоны юрт – должность надсмотрщиков за юртами с реликвиями Чингисхана» (Ѓауан теүке, 2001, с. 86). На мой взгляд, числительное 40 следует сохранить за словом *ger*, которое в данном случае означает не юрта, а [правящий] дом, маркировавшим правящую фамилию. «Четыре дархата вместе с сорока нойонами юрт являются одними из высших служащих в чиновничьем аппарате, список которых приводится в ‘Чаган тэукэ’» (Цагаан туух, 2001, с. 86).

Примечание 40: «Нойоны юрт (*ger-ün noyad*), т.е. хранители восьми белых юрт, где находились реликвии Чингис-хагана и его жен» (Жамцарано Ц., 1961, с. 194–234) (Ѓауан теүке, 2001, с. 87).

Можно предположить, что нойоны 40 юрт – это главы тумэнов – сообществ, на которые делилась Монголия – 40 монголов (40 [правлящих] домов – гэров. – Т.С.). Эти нойоны, как главы своих владений, должны были представлять свои владения на ежегодном обряде, посвященном Чингисхану у восьми белых юрт. «В силу великой необыкновенности [Чингиса], вращающий тысячу золотых колес Хубилай Чакраварун Сэчэн-хаган, воздвигнув восемь белых юрт для всеобщего поклонения Алтан гэгэну, установил великое шелковое учение» (Цагаан туух, 2001, с. 72). “Qubilai... altan gegen-ü yerüngkei-yin sitügen naiman čayan ger-I baiyulju” (Čayan teüke, 2001, с. 28).

«Из вельмож, по правилам управляющих жертвоприношениями всеобщему [объекту] поклонения, главный – хонджин, второй Алгагчи-тайши, [следующие] – дзайсан, *нойоны сорока юрт* (выделено мной. – Т.С.), четыре дархата. [Возложив] подношение нужных предметов для праздника Жертвоприношения четырем временам на тумэн двенадцати отоков ордосов, постановил строго совершать подношения» (Čayan teüke, 2001, с. 72). “Ene yerüngkei-yin sitügen-ü takil tabiy-i yosučilan jakiqu tüsimed-ün terigün qonjin: ded ilyačı tayiši: jayisang: döčün ger-ün noyad dörben darqad: takiqu dörben čay-un tayilya-yin qurim-du kereglekü jüil-i arban qoyar otuγ ordus tümen-dur qatangyadqan takiqu bolγan toytayabai” (Čayan teüke, 2001, с. 28).

Обязательное участие нойонов сорока юрт, т.е. сорока тумэнов, составляющих Монголию, определяется традицией присутствия на обряде представителя каждого структурного подразделения общности.

Их статус подтверждает следующий параграф «Цагаан туух»: «Штраф с нойонов юрт взимают хан и джинон. Если провинятся хан и джинон, то лошадей (daγal-un morid-i) тушимэла, ведающего порядком нойонов, отдать нойонам юрт» (Čayan teüke, 2001, с. 72).

«Если лошади и овцы (для выполнения обряда. – Т.С.) плохие, то нойоны юрт должны платить в соответствии с законом, следует поймать дважды по два хороших коня и незамедлительно изъять» (Čayan teüke, 2001, с. 72). «Если не хватает меры войлока [для юрты] или он плохой, то незамедлительно // 26 изъять две лошади. Если его совсем не хватает, то нойоны юрт должны платить штраф. Как штраф изъять две девятки [скота] во главе с верблюдом» (Čayan teüke, 2001, с. 72). «Взыскание установленной дани с двенадцати внешних отоков возлагается на нойонов юрт и старейшин¹» (Čayan teüke, 2001, с. 72). Предложенный в данном случае перевод монгольского слова *terigülegči* как старейшина затемняет понимание, поскольку переводит персону *terigülegči* в другую социальную категорию. На самом деле, на мой взгляд, стоило при передаче монгольского слова использовать его первое значение – глава, поскольку в монгольском тексте нет перечисления. И из содержания монгольского текста² только ясно, что нойоны юрт являются главами определенных структур.

Перечисление проступков, связанных с подготовкой и проведением жертвоприношения у восьми белых юрт, служит дополнительным доказательством того, что *ger-ün noyad* не «надсмотрщики за 8 юртами» Чингисхана, как пишет Ц.П. Ванчикова, они являлись владельцами, которые отвечают за своих подданных (албату): поставка арзы и араки, войлока, лошадей и овец. Безусловно, это все поставляют тумэны, которые отвечают и за их качество. Соответственно, и ответственность за поставленные объекты жертвоприношения несут главы тумэнов – нойоны правящих домов, а не нойоны восьми юрт.

О том, что за ними сохраняется и ритуальная функция, свидетельствует следующий текст: «Мандухай-хатун сказала: “Говоря, что потомок моего хана еще ребенок, говоря, что народ его не имеет владыки, говоря, что я – вдова, потомок Хасара принуждает меня!”. Мандухай-хатун надела на Даян-хана сапоги на тройной подошве, взяла у алагчигудского Унэгэ кувшин с вином, приказала нойонам юрты совершить окропление влагой в честь Великой ханши и стала молиться ей» (Золотое сказание, 2005, с. 54).

¹ Terigülegči «...переводится как ‘глава, начало; первый, главный, выдающийся’... нами переведено как ‘старейшина’» (Čayan teüke, 2001, с. 87).

² Ger-ün noyad terigülegči abtuγai (Čayan teüke, 2001, с. 30).

Учитывая неполную функциональную дифференцированность и изменчивость терминологии личных статусов в монгольской политической культуре и избегая упрощающих интерпретаций многозначных терминов, можно сказать, что в доимперский и раннеимперский период титул *нойон* служил для обозначения младшего сына в разных ветвях правящей фамилии, в том числе и в домах разных жен в одном поколении (Отчигин-нойон – Белгутэй-нойон). А фраза «Тайной истории монголов» о том, что в 1206 г. в Монгольском улусе «появились нойоны девяносто пяти тысяч, которых назвал (назначил) Чингисхан» (Rachewiltz I., 1972, p. 114), свидетельствует скорее об актуальности титула в качестве маркера властного статуса, чем об указании на конкретную должность и место в иерархии властвующей элиты Монгольского улуса. При этом многие из упомянутых в этом списке персон обозначались титулами, которые определяли их функции при дворе Чингисхана.

Традиционно коренные преобразования Монгольского улуса связываются учеными со ссылкой на источники («Тайная история монголов» и «Сборник летописей»), со второй интронизацией Чингисхана в 1206 г., что приводит часть из них к утверждению, что этот момент можно обозначать как создание административного аппарата и рождение Монгольского государства. Основанием для подобного вывода исследователей являются предпринятые после интронизации 1206 г. распределения воинских подразделений и раздача титулов.

Действительно, в «Тайной истории монголов» подробно расписано, какие обязанности Чингисхан возложил и на кого, какие титулы получили удостоенные его особого внимания сподвижники. Для того чтобы выявить реальную картину, рассмотрим персональные статусы тех, кто носил отмечаемые как государственные титулы, их функции, посмотрим, насколько новым явлением это было в кочевой среде: не отмечались ли они раньше 1206 г. или у других правителей.

Сразу после первой интронизации Чингисхана¹ (после инцидента с Чжамухой и конфликта с тайджиутами) избравшие его ханом приняли на себя обязательства служить ему (Козин С.А., 1941, с. 108) и одновременно часть из них получила от него должности.

«По воцарении Чингисхана приняли обязанность носить колчан Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжедай и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Дулдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами... Дегаю он поручил заведовать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур ...Ему и было поручено заведовать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. ...Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено: “Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-актачинами”. Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведовать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: “Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими ‘дальними стрелами-хоорцах да ближними-одора!’” ...§125. взойдя на ханский престол, так сказал Чингисхан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме: “...Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися”» (Козин С.А., 1941, с. 109–111].

Прежде всего необходимо отметить характерные черты вновь образованной общности, которую отличают два наиболее важных условия. Во-первых, собравшиеся вокруг Темучжина обозначаются в речи Ван-хана монголами (§126), которые его «нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою» (Козин С.А., 1941, с. 111). Поскольку, согласно перечню вступивших в коалицию, ее состав, отмеченный этническими и родовыми маркерами, достаточно пестр, можно говорить о формировании полиэтнической политики при лидерстве монголов и, соответственно, о политической монголизации включенных в нее групп. Во-вторых, нельзя не заметить военного харак-

¹ Наиболее вероятная дата этого события 1189 г. С одной стороны, есть сведения, что оно произошло, когда Темучжину было 28 лет (27 по европейскому исчислению: 1162 + 27 = 1189 г.), с другой – состоявшееся вскоре после этого избрание Чжамухи гур-ханом датируется годом курицы – 1189 г. (подробнее см.: Rachewiltz I., 2004, p. 457–460).

тера этой коалиции: Чингисхан выбирается предводителем в этой войне, на что указывает описание взаимных обязательств Чингисхана и избравших его (§123–124). Тогда же, как можно предположить на основании сказанного Чингисханом Хорчи-Усуну («поставлю тебя нойоном-темником» (Козин С.А., 1941, с. 107), войско было организовано по десятичной системе, и командиры тысяч получили титул *нойон*. Это имплицитное указание на тысячную организацию народа-войска Чингисхана не отрицает и актуальности куренной организации, характерной для того времени.

Военный характер новой общности подчеркивается словами Чингисхана со ссылкой на членство пришедших к нему сторонников в дружине: «И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!» (Козин С.А., 1941, с. 109–111). При этом термин *дружина* (*nököt*) (Rachewiltz I., 1972, p. 53) выступает как обобщающее обозначение служилых людей, видевших свои основные функции в завоевании добычи, когда они «кормились» сами и «кормили» хана, добывая богатство в войнах с «чужими». Но кроме военной функции, как мы видим, дружинники, назначенные каждый на свое место, выполняли и другие обязанности.

Если мы внимательно посмотрим на процитированное выше распределение обязанностей Чингисханом между своими сподвижниками-нукерами, то увидим, что уже в 1189 г. значительная часть его дружинников получила свои должности при первой интронизации. Уже тогда конфедерация, возглавляемая Чингисханом, была довольно значительной – тринадцать куреней. Надо заметить, что в «Сокровенном сказании» есть сведения о соотношении двух типов социальной организации: тринадцать куреней соответствуют трем тьмам (Козин С.А., 1941, с. 112). Именно так описываются войска Чжамухи и Чингисхана перед битвой. Трудно предполагать, что эти цифры реальны, измерение войска тысячами и тьмами было довольно условным. Неясно, как эти тринадцать куреней распределялись на три тьмы. При этом наиболее вероятно, что курень (*хурээ*[н]) представлял собой этносоциальное образование: обозначаясь именем лидирующего этноса, мог включать и другие группы (Козин С.А., 1941, с. 108). Подчеркивая ведущую роль военной функции дружины, Чингисхан выделяет из сподвижников Боорчу и Чжелме – способных военачальников, назначая их старшими над всеми. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. Можно предположить, что уже тогда оформились военные лидеры крыльев: правого и левого.

Но кроме этого, Чингисханом были назначены люди из числа нукеров на разные должности. Здесь следует сделать еще одно очень важное для понимания социальной структуры замечание. Увеличение размеров коалиции под эгидой Чингисхана вело, соответственно, к росту числа приближенных, постоянно сопровождавших его, т.е. ханской ставки. Естественно, можно говорить об образовании двора. К тому же наряду с юртами на телегах (*ger terge*) впервые отмечается и появление понятие «дворца» – юрты, выполнявшей эту функцию (монг. *ordo ger*) (Rachewiltz I., 1972, p. 51), которые отбираются у неприятеля. Необходимо было содержать и охранять двор и главную юрту – дворец, что потребовало распределения обязанностей, т.е. создания номенклатуры придворных чинов. Для обозначения придворных чинов использовались известные и распространенные в регионе термины.

Оставим пока без комментариев значение титула *черби*, его упоминания в данном случае контекстом не определяется. И. Рахевилц (Rachewiltz I., 2004, p. 445) переводит его как *chamberlain* (управляющий двором, камергер) и предполагает, что основной функцией черби было наблюдение за штатом хана. Пока мы только видим, что лица, маркируемые этим термином, выполняют разные функции. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что Оголай-черби, Чжэтай и Дохолху-черби уже тогда были назначены *хорчинами*, поскольку им было поручено носить колчан (*qor aqsaba*) (Rachewiltz I., 1972, p. 52): лучниками, согласно С.А. Козину, или колчаноносцами (*quiverbearer*), согласно И. Рахевилцу. Если иметь в виду, что этой интронизацией легитимизирова-

лось формирование новой политики достаточно большого размера и, соответственно, двора, то речь может идти о назначении придворных чинов. В этом контексте представляется логичным принять обозначение этой должности как колчаноносец, два из которых были черби. Третий черби (Суюкету-черби) получил чин *баурчина*, т.е. ответственного за распределение напитков. Тогда же *баурчинами* (кравчими – по С.А. Козину, стольниками – по Рашид ад-Дину, *stewards* – по И. Рахевилцу) назначаются также Онгур и Хадаан-Далдурхан. Интересно то, что приведенный выше текст не содержит полной номенклатуры лиц, получивших чины. Мы узнаем еще об одном баурчи – Шикиуре, история с которым позволяет узнать об их функциях¹. Ссылка баурчи Шикиула на то, что избивание его определяется смертью Есугея и его старшего брата Некун-тайчжи, позволяет предположить, что он имел этот титул еще при дворе Есугея. Функция баурчи – соблюдать придворный этикет коллективных трапез, которые имели не только профанный, но и сакральный смысл. Если следовать логике традиционной культуры, то можно сказать, что к этому периоду Чингисхан уже был лидером значительного объединения, поскольку порядок раздачи чаш был не традиционный (сначала старшему лидеру клана), а харизматический (сначала военному вождю): первым получил чашу Чингисхан и представители его семьи, затем – Сача-беки и его семья (князь-юркин)², хотя последние принадлежат к роду, старше рода Чингисхана в коническом клане, т.е. данным обрядом закреплялись новые границы сообщества и иерархия лидеров, возглавлявших составлявшие его части.

За коней отвечали как конюшие (актачины) Бельгутай и Харалдай, так и табунщики (адуучины) – Хуту, Моричи и Мулхалху. Первые следили за мериными, что подтверждает и содержание §131 (Козин С.А., 1941, с. 112), где о Бельгутае говорится, что он отвечал за меринов (*aqta bariju*) (Rachewiltz I., 1972, p. 55). Рашид ад-Дин уточняет: «В пору ссоры Бэлгутай-нойон следил за порядком у коновязи» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 56)³. Но одновременно в его обязанности входили и придворные функции: отмечается, что он «от нас на этом пиру был распорядителем» (Козин С.А., 1941, с. 112). Табунщики отвечали за сохранность табунов и обеспечение двора пищей: кумысом, мясом.

Как видим, наряду с понятием дружина появляются и представления о дворе, как о новой форме социальной структуры в монгольской среде. Отмечается постоянно присутствие при хане

¹ Так, вскоре после этой интронизации 1189 г. состоялась битва между войсками Чингисхана и Чжамухи, в которой последний победил. Несмотря на поражение Чингисхана в этой битве к нему продолжали прибывать те, кто хотел быть его сторонником. Это были урутский Чжурчедай и мангутский Хуялдар со своими подданными, хонхотанский Мунлик-эчигэ. «§130. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингиз-хан, вместе с Оэлун-учжун, Хасаром, Чжуркинским Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чару наливали, по порядку, Чингиз-хану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий (у Рашид ад-Дина – стольник [баурчи] – Т.С.) стал наливать чару по очереди, начиная с молодой жены Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжин-хатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: “Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?”. Побитый кравчий громко заплакал, причитая: “Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-тайчжия?”» (Козин С.А., 1941, с. 112).

² Данные союзы не могли быть прочными, примеров соперничества старшей ветви клана (беки) и младшей (отчигин) с харизматическим лидером Чингисханом в источниках множество. Даже внутри одной общности кияты наблюдалось стремление к перераспределению власти: если Есугэй и Чингисхан получили ее харизматическим путем – благодаря собственным способностям они расширили границы своих владений, то Сэче-беки пытались сохранить традиционные механизмы передачи власти – к старшему потомку. Этому способствовали и традиционные генеалогии, задачей которых было вести счет родства.

³ Китайские иероглифы, поясняющие значение этой коновязи, переводятся как «место вне ханской ставки, где привязывают лошадей» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 56), что также определяет термин *актачи* как придворный чин. Ниже дается уточнение: «На этом пире коновязью Чингиз-хана и [коновязью], принадлежащей Сэче-беки и их матерям, заведывал Бэлгутай-нойон, брат Чингиз-хана. Он имел на руках коней [и] стремянных Чингиз-хана» (Рашид ад-Дин, 1952б, с. 92).

его нукеров: в войне и в мирное время. Появляются новые обязанности и должности, которые присваиваются отдельным служилым людям, т.е. социальные отношения формализуются и закрепляются придворными чинами: воинские функции совмещаются с престижными функциями обслуживания хана при его дворе и вокруг него. Все это свидетельствует о формировании комплексного ханского хозяйства, центром которого была «дворцовая» юрта – и как резиденция хана, и как центр, вокруг которого начинает складываться «двор», который поручили ведению Додай-черби. И хотя еще не упоминаются специальные социальные термины, известные позже (кешиктен, турхауты, кебтеулы) и обозначавшие охрану хана, таковая уже начала формироваться (например, хорчины, известные в этом качестве позже).

Следует сказать, что между первой и второй интронизацией, сопровождаемыми одновременно назначениями и наделением чинами, в «Тайной истории монголов» содержится еще одно описание организационных мероприятий, связанных с подготовкой к войне с найманами в 1204 г. Тогда «произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов, – ночной охраны, и 70 человек турхаудов, – дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния. Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьдесятю турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§192. Кроме того, Чингиз-хан издал такое повеление: “Стрельцы, турхауты, кешиктены, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам”. ...Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ» (Козин С.А., 1941, с. 144).

Начало §192 (монг. “qorcin turqa’ut kesikten bawurci e’ütenci aqtaci üdür kesik oroju”) (Rachewiltz I., 1972, p. 100), где перечисляются должности, И. Рахевилц (Rachewiltz I., 2004, p. 114) перевел так: «The quiverbearers, the dayguards, the steward, the doorkeepers and the grooms are to go on roster duty in daytime», т.е. колчаноносцы, дневная стража, кравчие, привратники и конюшие несут охранную службу днем. Причем автор в переводе не передал никак монгольского слова *кешиктен*, которое С.А. Козин выделил как отдельный чин.

Мне представляется, что в данном тексте этим словом выделяются хорчины и турхауты, которые имели общее обозначение – *кешиктен*. Но в §191, как мы видим, слово *кешиктен* встречается дважды. Сначала оно упоминается, когда Чингисхан выделил 80 кебтеулов и 70 турхаудов (последние под командованием Оголе-черби совместно с Худус-Халчаном), т.е. ночную и дневную стражу. Затем этот же термин относится к тысяче, состоящей из избранных богатырей под командованием Архай-Хасара, которая в битвах должна находиться рядом с Чингисханом, а в остальные дни – «пусть будет моей личной дневной стражей» («olon üdür turqaq kesikten minu bol-tuqai») (Rachewiltz I., 1972, p. 100). Раздельное упоминание двух разных групп, несущих дневную службу, позволяет предположить, что Оголе-черби не входил в тысячу Архай-Хасара, а возглавлял самостоятельное подразделение. Можно с уверенностью говорить о том, что уже к 1204 г. была сформирована личная гвардия Чингисхана – кешиктен, в которой выделялись ночная (кеб-

теул) и дневная (турхаут) стражи, причем последняя дополнялась еще одной тысячей. Вероятно, имеет значение то, что шестеро, среди которых был и Огеле-черби, выделяются специальным титулом – *черби*.

Возможно, значение титула *черби* станет понятным из сравнения этого текста с предыдущим, если мы вспомним, что в 1189 г. у Чингисхана было тринадцать куреней, которые в тексте «Тайной истории монголов» не были перечислены полностью. Известные, т.е. упомянутые в источнике, курени возглавлялись представителями клановой аристократии. Возможно, подобная структура сохранялась и в 1204 г., а для ведения военных действий необходима была профессиональная координация, ответственность за которую была возложена на черби – высшие военные чины при ставке, возглавлявших по два куреня каждый. Двенадцать куреней могли составлять два крыла, а тринадцатый курень (тысяча Архай-Хасара) – это центр. Тогда это могло быть наивысшим военным званием, и одновременно они могли носить придворные чины, как, например, Огеле-черби и Дохолху-черби еще при первом распределении должностей было поручено носить колчан, т.е. они были хорчинами (колчаноносцами), Сюйкету-черби баурчин (кравчим), а Додай-черби отвечал непосредственно за хозяйство двора. Одновременно, как мы видели, Огеле-черби возглавлял и 70 турхаутов.

На высокий военный статус черби, имевших право принимать самостоятельные решения, указывает следующий запрет Чингисхана, фиксируемый 1206 г. и выводящий из сферы их влияния личную ночную гвардию: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таком нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление» (Козин С.А., 1941, с. 173). Содержание этого текста эксплицитно указывает на верховные военные функции черби: они называются «ведающие воинами черби» (*cerik medegü cerbin*) (Rachewiltz I., 1972, p. 134). В некоторой степени подтверждает это и материал о Бала-черби, фигурировавшем под №49 в списке нойонов-темников 1206 г. (Козин С.А., 1941, с. 158), о котором в «Сборнике летописей» сообщается: «Во время Чингиз-хана из всех эмиров-тысячников правого крыла войска, которые были в свите [Чингиза], был Бала-нойон» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 97). Здесь подчеркивается, что чжалаирский Бала-черби (Архай-Хасар был его старшим братом), воевавший в Индии, был из свиты. Похоже, что звание *черби* было неизменным – имена его носителей встречаются и в 1189, и в 1204, и в 1206 гг., тогда как придворный чин мог меняться¹.

Таким образом, уже к 1204 г. можно говорить о маркерах военных функций: черби, кешиктен, турхаут, кебтеул, колчаноносцы (хорчи), нойон-тысячник или сотник (*minqad-un ja'ud-un nouad*), нукеры (*nököd*). Важное место в социальной структуре занимает и наделение приближенных сторонников придворными титулами: кравчие (*баурчи*), конюшие (*актачи*), привратники (*уудэнчи*), стремянные (*боточин*), табунщики (*адуучин*).

Можно говорить о том, что деятельность Чингисхана по устройству Монгольского улуса в 1206 г., на которую ссылаются исследователи, стала завершающим этапом. После назначения девяноста пяти нойонов-тысячников, Чингисхан особо отмечает статусы некоторых из них, оказавших ему наибольшую поддержку в процессе завоевания. Он поручил Шиги-Хутуху (пятый сын – приемный – Оэлун-эхэ) судейство; подтвердил высокий статус Мунлика-эчигэ (мужа Оэлун), обозначив ему самое высокое место («буду сажать тебя на самом высоком месте»; нукера Боорчу, который вместе с Мухали привел Чингисхана к власти, также усадил на самое высокое место («сиди же ныне выше всех») (Козин С.А., 1941, с. 160–161). Позже Чингисхан повторяет свое распоряжение

¹ Например, это видно по карьере Бороула: «Из числа старших эмиров этого племени во время Чингиз-хана был Борагул-нойон, который на службу Чингиз-хана был сначала отведывателем ханской пищи [букаул] и стольником [баурчи]. Потом стал телохранителем [казикту], затем эмиром кезика, потом эмиром-темником. В дальнейшем стал уважаемым старшим эмиром правого крыла, степенью ниже Богорчи-нойона» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 171).

с дополнением: «Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса – Мухалию, коему присвоил звание *го-ван*. Ведай же ты, Наяя, Центральной тьмою» (Козин С.А., 1941, с. 168).

Чингисхан постоянно оценивает военную службу своих нукеров:

«И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов Хубилая и Чжелме да Чжебе с Субеетам, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими уруутами и Мангутами, – Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?» (Козин С.А., 1941, с. 163).

Следует отметить, что дальше Чингисхан специально отмечает заслуги упомянутого здесь Чжелме, росшего вместе с ним: «Вступив в дружину мою вот с таких пор, Чжелме, Рабом при пороге, / Моим вратарем ты служил. ...За девять проступков взысканья / Минуют тебя, мой Чжелме!» (Козин С.А., 1941, с. 164]. (монг. *tere nököcekse'er bosoga-yin bo'ol e'üden-ü emci*) (Rachewiltz I., 1972, p. 121). Этот текст совершенно точно обозначает функции Чжелме: с одной стороны, он воин – нукер Чингисхана¹, а с другой – он «раб порога, слуга двери», что можно понимать как придворный чин – привратник (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 227–230). Если здесь функции даны описательно, то еще раньше, в 1204 г., мы обнаруживаем его как чин – *e'ütenci* (Rachewiltz I., 1972, p. 100).

В серии всех этих назначений отмечается Тулун, который за участие в собирании улуса (*ulus quriyaldun*) (Rachewiltz I., 1972, p. 121) получил тогда же титул *черби*, и который был сыном хонхотанского Мунлика (Мунлик-отец – муж Оэлун – матери Чингисхана). Но, как было показано выше, этот титул был закреплен за ним раньше, уже в 1204 г. он упоминается в числе шести черби. Теперь же, в 1206 г., уточняются его конкретные обязанности – наделение всех пищей и вином. В данном назначении Тулуна, который также был в числе девяноста пяти нойонов-тысячников, сопровождают баурчи, функции которых называет и Чингисхан, присваивая этот придворный чин Онгуру и Бороулу:

«§213. ...Ты ведь был со мною одним курунем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чиншиутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. ...разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником. ...Когда вы, двое моих кравчих (*bawurči*) Онгур и Бороул, так раздаете яства направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками (точнее: пусть Толун сидит с вами в центре. – Т.С.)» (Козин С.А., 1941, с. 165).

В данном случае черби статусно выше: он сидит в центре, тогда как баурчи – по обеим сторонам. При этом нельзя забывать, что основной обязанностью баурчи, как и других нукеров Чингисхана, была военная функция, причем командная, они могли быть нойонами-тысячниками или командирами сотен². Можно отметить и еще один нюанс: состоявшие в свите Чингисхана и про-

¹ «Пусть равно также и Чжебе с Субеетам начальствуют над теми тысячами, которые они стяжали своими собственными трудами» (Козин С.А., 1941, с. 168).

² Так, например, Чингисхан говорит, отдавая свою жену Ибаха-беки (дочь керейтского Чжаха-Гамбу) Чжурчедаю: «Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе в приданое двух поваров – Ашик-темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!» (Козин С.А., 1941, с. 162). На мой взгляд, это очень примечательный отрывок, содержание которого позволяет предположить, что баурчи прежде всего выполняли функции глав подразделений, в данном случае были командующими сотнями. Поскольку они составляли приданое жены Чингисхана, т.е. находились при дворе, то и имели придворные чины. При назначении тысячников и распределении тысяч они упоминаются как зятья: Алчи-гурген (№86) и Аших-гурген (№83).

живавшие при его дворе нойоны-тысячники имели еще и свою личную сотню. Последними в распределении тысяч 1206 г. называются братья Дегай и Кучугур из племени бесуд, получившие подтверждение титулов и должностей 1189 г. (Козин С.А., 1941, с. 168).

Представляется интересным то факт, что большая часть лиц, получивших в 1206 г. от Чингисхана титулы нойон-тысячник (монг. *minqad-un noyat*) (Rachewiltz I., 1972, p. 114), участвовали в первой интронизации. Двадцать восемь из них упоминаются среди пришедших при первой интронизации Чингисхана: «Осмотрелись и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаилов – три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан (№63) с братьями, всего пять Турхудов. Сын Мунгету-Кияна – Унгур (№13) со своими Чиншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас – Хубилай-Худус (№8) с братьями. Из племени Манхунд – братья Чжетай (№22) и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу (№2), младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме (№9), младший его брат, Чаурхан-Субээтай-Баатур (№51). Из племени Бесуд пришли братья Дегай (№11) и Кучугур (№33). Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутай-Таки (№23 Тахай?) со своими братьями. Еще из Чжалаилов: Сеце-Домох и Архай-Хасар-бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан – Сюйкету-черби (№30). Из племени Сукеген – Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува (№24). Из племени Олхонут – Кингиядай (№80). Из племени Горлос – Сечиур (№77 – Сечавур). Из племени Дорбен – Мочи-Бедуун. Из племени Икирес (№87–89 на три тысячи ихиресов) – Буту, который состоял здесь в зятях (№89) (Rachewiltz I., 2004, p. 765). Из племени Ноякин – Чжунсо (№32). Из племени Оронар – Харачар (№28) со своими сыновьями (№35 – Оронартай?). Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун (№7) и Коко-Цос (№29) со своими Менен-Бааринцами. ...Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев – Хунан (№7) и прочие, одним же куренем – Даридай-отчигин, один курень Унчжин-Сахаитов. ...и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинського Соорхату-Чжурки; одним куренем – Хучар-беки, сын Некун-Тайчжия; одним куренем – Алтан-отчигин, сын Хутала-хана» (Козин С.А., 1941, с. 107–108). Можно говорить о продолжении политики поощрения тех нукеров, которые оказали Чингисхану услуги в собирании Монгольского улуса.

Важной частью перестройки Монгольского улуса явилась реорганизация гвардии – *кешиктен турхах* (монг. *Kesikten turqaq*) (Rachewiltz I., 1972, p. 128), состоящая из трех частей: хэбтэулы, хорчины и турхауты (монг. *kebte'ül, qorcin, turqa'ut*) (Rachewiltz I., 1972, p. 114). Чингисхан говорил о них – «тот десяти тысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяти тысяч и пяти тысяч» (Козин С.А., 1941, с. 173). Состоявшие прежде из малого числа воинов (80 – дневной и 70 – ночной стражи), эти подразделения пополнялись представителями элиты (Козин С.А., 1941, с. 168). В результате такой реорганизации гвардия-кешиктен стала насчитывать тьму – 10 000 человек, из которых большую часть (8 000) составляли турхауты, разделенные на тысячи, и по тысяче воинов были в составе хорчинов и кебтеулов.

Общим для всех трех групп гвардии является то, что в отношении их было личное указание Чингисхана: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком (монг. *yeke qol*) (Rachewiltz I., 1972, p. 130)» (Козин С.А., 1941, с. 170). Точнее: «Великим центром». Это соотносится и с позицией кешиктен в мирное время, призванной охранять Чингисхана. Отборная тысяча Архай-Хасара (*arqai-yin ba'atut*) (Rachewiltz I., 1972, p. 135) располагалась перед дворцовой юртой. Справа от нее несли службу тысяча хорчинов под командованием Есун-Тее и Букидая и три тысячи турхаутов во главе с Алчидаем, Оголе (здесь Оголе упоминается без титула *черби*) и Ахутаем. Остальные четыре тысячи турхаутов, возглавляемые Буха, Додай-черби, Дохолху-черби и Чанаем, должны были находиться слева от дворца. «Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой сто-

роны от него» (Козин С.А., 1941, с. 174) (монг. *Kebte'ül ordo ger terge asara'at ordo-yin dergede jewün ete'et yabutuqai*) (Rachewiltz I., 1972, p. 135). Последнее предложение позволяет предположить, что «дворец» представлял собой юрту на телеге.

Из всех командующих тысячами гвардии выделяется Додай-черби, главным в обязанностях которого было ведение ханского господского хозяйства, в которое входили службы, находившиеся в дворцовой юрте и за ее пределами: стада, табуны (Козин С.А., 1941, с. 174). Кроме того, в функции Додай-черби, названного в числе одного из четырех командующих турхаутами левой стороны, кроме заведывания хозяйственными делами входило еще и управление всеми турхаутами (дневной стражей). Это назначение противоречит прежнему восхвалению Чингисханом своих турхаутов, когда он называет «великими турхаутами» тех семьдесят, которые служили ему под командованием Оголе-черби, и баторов Архая, которых он называл «старыми богатырями» (монг. *ötögüs ba'atut*) (Rachewiltz I., 1972, p. 133).

Чингисхан настаивает на исключительном положении кешиктен в социальной структуре: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной (*kesiktü-yin kötöcin*) (Rachewiltz I., 1972, p. 131) моего кешиктена выше армейского начальника – сотника или десятичника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников» (Козин С.А., 1941, с. 170). Исключительное место среди десяти тысяч гвардии (кешиктен) принадлежало тысяче кебтеулов – ночной страже. Интересно, что называется только ее главнокомандующий – Еке-Неурин, какое-либо деление тысячи кебтеулов не упоминается.

На незавершенность социальной реорганизации Монгольского улуса указывает то, что сохранялась неопределенность распределения властных полномочий. С одной стороны, как уже говорилось, дворцовыми службами ведал Додай-черби. Но с другой стороны, определяя обязанности кебтеулов, Чингисхан сказал: «В ведении кебтеулов состоят придворные дамы (*Čerbin ökit* – И. Рахевилц (Rachewiltz I., 1972, p. 160) называет их женщины-дежурные – *female attendants*. – Т.С.) и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи – темечины и коровьи пастухи – хукерчины» (Козин С.А., 1941, с. 173). Как видим, эти обязанности кебтеулов практически аналогичны таковым Додай-черби.

На дублирование кебтеулами функций, которыми наделялись особо приближенные нукеры, следует обратить особое внимание. У всех кебтеулов был высочайший статус: «Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам» (Козин С.А., 1941, с. 171), хотя, как уже упоминалось, выше всех сидели и Мунлик-эчиге, и Боорчу. Именно с кебтеулов начинается раздача питья и еды (Козин С.А., 1941, с. 173) в коллективных трапезах – пирах. Исключительное положение кебтеулов определяется выполнением ими сакральных функций: они охраняют «золотую жизнь» Чингисхана (монг. *altan amin minu*) (Rachewiltz I., 1972, p. 135), наблюдая за столом Чингисхана, сопровождая его «на соколиную охоту или звериную облаву» (Козин С.А., 1941, с. 173). Кебтеулы также хранят сакральные инсигнии власти – знамена, барабаны, копыя (о них см.: Скрынникова Т.Д., 1997б, с. 113–117), «имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках», «двое из кебтеулов состоят при Великой виннице» (Козин С.А., 1941, с. 173), что было прерогативой Толунчерби и баурчи Онгура и Борохула.

Кебтеулами дублировались и каждодневные обязанности, контроль за которыми был поручен Чингисханом кому-либо из своих нукеров: «...на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. ...Всеякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. ...Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул (*kebte'ül-ün e'üdecin*) (Rachewiltz I., 1972, p. 134), около самой юрты. ...От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты (*ordo ger*). ...Кебтеулы принимают

участие в разрешении судебных дел в Зорго, совместно с Шиги-Хутуху¹. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцирей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке выючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани» (Козин С.А., 1941, с. 173).

Это детальное расписание обязанностей самого элитного воинского подразделения Чингисхана, пожалуй, самое показательное. Оно демонстрирует характер всех служб, предписываемых к обязательному исполнению – соотносимости их с обслуживанием личности Чингисхана и его хозяйства, и коллективного хозяйства ханской ставки, к которой относились не только его домохозяева, но и приближенные нукеры-военачальники и кешиктены. И в этом контексте можно принять к сведению сообщение источника о приоритете кебтеулов в управлении ставкой, или, иначе говоря, двора Чингисхана, хотя практически невозможно исходя из имеющихся материалов разграничить придворные функции кебтеулов и тех нукеров, которые получили рассмотренные выше придворные чины.

Перечисление должностей и обязанностей указывает на существование развитого комплексного хозяйства при дворе Чингисхана, что диктовалось, как мы видели, постоянным проживанием здесь же тьмы кешиктеров. Безусловно, каждая коллективная трапеза превращалась в пир, выполнявший социальную и сакральную функции, когда моделировалось новое социальное пространство. Коллективная трапеза выступала одной из форм престижного материального вознаграждения за службу Чингисхану.

На неопределенность функций учрежденных должностей и чинов указывает, на мой взгляд, отсутствие в сохранившихся частях «Ясы» каких-либо статей, распределявших обязанности между ними и подтверждавших их статус. Мы видели, что все придворные чины присваивались только членам кешиктена. Но в «Ясе» мы встречаем лишь пункты, связанные с исполнением кешиктером охранных и военных функций.

И еще одним важным фактом является то, что центральная власть, в данном случае Чингисхан, не выделяет средств на содержание этой структуры. Даже ее элита – кешиктен – должна формироваться за счет собственных средств: когда Чингисхан перечислял тех, кто может вступить в гвардию, предписывалось, что они должны являться при своих конях и вооружении (Козин С.А., 1941, с. 168). Можно предположить, что эти придворные чины, маркировавшие должности в ставке хана, не были наследственными. «Тамурдар-нойон, – оруженосец [курчи] Чингиз-хана; ... Имекчин и Бугудай-конюший [актачи] – из детей и родственников Тамудар-нойона» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 101), т.е. потомок хорчина имел чин актачи. Фактов передачи чина кому-либо из потомков обнаружить не удалось. Вероятно, в XIII в. придворные чины давались за личное служение.

Нукеры, которым присваивали эти чины, выполняли наряду с основной военной функцией различные служебные обязанности при дворе (*ordo ger*) (Rachewiltz I., 1972, p. 133) Чингисхана.

¹ Как наиболее показательный пример назначения на административно-судебную должность приводится упоминание обязанностей Шиги-Хутуху: «Далее он вверил Шиги-Хутуху судебную власть над всеми и сказал ему: “Борись с воровством, отвращай от лжи, казни тех, кто заслуживает смерти, наказывай тех, кто заслуживает наказания. Кроме того, регистрируй решения о распределении и о судебных делах всего населения и, записывая синими буквами, собирай их в книгу”» (Rachewiltz I., 2004, p. 135). Но трудно считать это назначение как оформление государственного аппарата, учитывая следующие обстоятельства. Во-первых, как известно, одновременно он наделил обязанностью следить за соблюдением порядка, прикрепив их к Зорго, кебтеулов. Во-вторых, источниками позиционируются как знатоки ясы и закона Тулуй, «который день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 19), и Чагатай («Всякий, кто имеет сильное желание познать ясу, билики и правила, как блюсти царство, пусть последует за Чигитаем» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 93). В-третьих, достаточно сомнительна реальная роль Шиги-Хутуху как главного исполнителя административно-судебных функций, прежде всего он был нойоном-тысячником (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 416–417), а суд вершил сам хан и хурилтай. Причем система наказаний носила не столько характер выстроенного судебного расследования, сколько, как писал В.А. Рязановский (1931, с. 32), административной расправы.

Вероятнее всего, обозначаемые этими придворными чинами должности обуславливались необходимостью регулировать порядок проведения коллективных трапез (пиров), если вспомнить немногочисленные упоминания выполнения конкретными нукерами обязанностей, свойственных определенному чину (Толун-черби и баурчи Онгур и Борогул, баурчи Шикиул, актачи Белгутай), и порядок в ханской ставке (хорчины, турхауты, кебтеулы). То, что даже хорчины (чин, присваиваемый одной из элитных групп гвардии), так же как баурчины, занимаются раздачей питья и кушаний (Козин С.А., 1941, с. 173), подтверждает придворный характер их службы, во-первых. Во-вторых, свидетельствует об отсутствии четкой иерархии. Практически невозможно выявить статусные различия рассмотренных выше придворных чинов: с одной стороны, лица, отмеченные одним и тем же чином, выполняют разные обязанности, с другой – одинаковые обязанности приписываются разным чинам¹. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о том, что упоминаемые в источниках титулы или должности можно рассматривать как обозначение придворных чинов, но не чиновников, за которыми закреплены определенные функции управления.

Необходимо учитывать, на мой взгляд, справедливое мнение А.М. Хазанова о том, что «у кочевников абортинную модель нельзя представлять как жесткий структурный каркас для фиксации малоизменяющейся реальности. Сам каркас подвижен и в соответствии со спецификой конкретной действительности приспособлен не только для статичности функционирования социальных форм, но и для их трансформаций и изменений. Не случайно сами кочевники явно осознают структурные принципы своих моделей, но в то же время нередко весьма смутно представляют их границы и отдельные детали» (Хазанов А.М., 2008, с. 152).

¹ Сотней могли вестать и баурчины, и хорчины. Так, например, «Ил-Тимур-баурчи, из ставки старшей жены Чингиз-хана, матери [его] четырех сыновей, Бортэ-фуджин, он ведал сотней воинов из личной [государевой] тысячи» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 101). Или «Улдур-курчи, который был блюстителем порядка [шихнэ] в четырех больших ордах Чингисхана и ведал одной сотней из его личной тысячи [воинов], также был из племени джалаир» (Рашид ад-Дин, 1952а, с. 98).

Глава XV

ТОРЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Термин «торе» (в различных источниках монгольского, тюркского и русского происхождения также – *тора, тура, тюря* и т.д.) в политико-правовой практике тюркских и монгольских народов отличается многообразием, и его конкретное значение зависело от государства или народа и эпох, когда он употреблялся. В течение нескольких столетий он трансформировался из политико-правовой категории в обозначение сословной принадлежности. Данная работа посвящена исследованию статуса особой элитарной группы «торе» в государствах Центральной Азии. Однако прежде чем приступить к анализу ее статуса, необходимо разобраться, каким же образом термин, первоначально обозначавший древнетюркское право, приобрел значение сословной принадлежности.

Для этого считаем целесообразным проследить эволюцию данной политико-правовой категории в средневековых тюрко-монгольских государствах и выявить причины ее постепенного «слияния» с государственной идеологией Чингизидов и их преемников.

15.1. «Право» или «правление»?

Первыми исследователями *торе*, по всей видимости, следует считать специалистов, занимавшихся древнетюркской руникой, поскольку именно в рунических надписях, относящихся к древнетюркской эпохе, впервые встречается этот термин, соответственно, именно они постарались первыми определить значение этого термина, его соотношение с другими социально-политическими институтами древнетюркского общества. Соответственно, о *торе* упоминают уже такие авторы, как В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, С.Е. Малов, А.Н. Бернштам, А.Н. Кононов, Э. Наджип и др. К отдельным вопросам, связанным с действием *торе* в тюркских народах и государствах, обращались также В.В. Бартольд, С.Г. Агаджанов, С.Г. Кляшторный, Ш. Классон (см. подробнее: Трепавлов В.В., 1993, с. 38–39). Анализом использования термина *торе* в более поздние времена – эпохи Чингисхана, Монгольской империи и постимперских тюрко-монгольских государств занимались В.В. Трепавлов (1991а–б; 1993), Т.Д. Скрынникова (1997б; 2002; 2013а–б; 2013в, с. 57–59), К. Хамфри и А. Хурэлбатор (2004; Humphrey C., Hürelbaatar A., 2005, p. 25–26), Р.Ю. Почекаев (2004; 2009а, с. 30–32; 2009б). Своеобразная систематизация представлений о значении термина «торе» была проведена составителями словарей тюрко-монгольской лексики (Будагов Л., 1869, с. 390–391; Древнетюркский словарь, 1969, с. 580–582; Doerfer G., 1963, s. 264–267).

Изначально, в тюркскую эпоху, *торе* представляло собой систему правовых установлений тюркских каганов, непосредственно связанных с отправлением их функций правителя. В частности, С.Г. Кляшторный (Klyashtorny S.G., 2004, p. 13) на основании анализа древнетюркских рунических надписей выводит триаду «каган–эль–торе» (т.е. «правитель–государство–закон/право»). При этом важно отметить, что хотя оно и было результатом правотворческой деятельности конкретных правителей, тюрки не «персонализировали» *торе*, не соотносили его с личностями каганов, поскольку считалось, что те лишь формулировали волю Неба (личная консультация С.Г. Кляшторного, 2012 г.). В дальнейшем в тюркском мире термин «торе» приобрел значение закона, издавна установленного в соответствии с общепринятым порядком (см., например: Уйгурские деловые документы, 2013, с. 112–113).

В монгольском же обществе дочингисовой эпохи *торе* превращается в некую генеральную совокупность правовых принципов, которые, как считается, были установлены самим Небом (а не правителями по воле Неба) и не могли быть ни изменены даже самими ханами, ни нарушены без риска вызвать гнев верховного божества (Скрынникова Т.Д., 1997а, с. 68; ср.: Хамфри К., Хурэлбатор А., 2004, с. 465). Это позволяет говорить о том, что представление о *торе* в монгольском

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322.

обществе формировалось в период так называемого *божественного понимания права* (так характеризовал это явление итальянский мыслитель Д. Вико (1994, с. 386; см. также: Почекаев Р.Ю., 2004, с. 532), что предполагает и сакральный (недесакрализованный) характер самого торе (см. подробнее: Скрынникова Т.Д., 1997а, с. 68; 2002, с. 143–144).

В содержательном отношении в имперскую и постимперскую эпоху торе, по мнению исследователей, представляло собой совокупность основополагающих принципов государственного устройства – системы разделения улуса на крылья, порядок занятия военных и административных должностей (в том числе соправительство), завоевание иностранных государств, распределение доходов и трофеев (Трепавлов В.В., 1993, с. 41). Эти принципы, в соответствии с современным учением о праве, могут считаться своего рода «предустановленными» («постулируемыми») – в отличие от устанавливаемых государственной властью норм и правил поведения (см.: Кельзен Г., 1994, с. 151). К последним в монгольском обществе относились ханские указы (ярлыки) и иные правила, в совокупности образовавшие так называемую Великую Ясу Чингисхана (Трепавлов В.В., 1993, с. 40–41).

Зачем же Чингисхану и его преемникам понадобилось инкорпорировать древнее тюркское право, постепенно вытесняемое нормами ханского законодательства, в элемент имперской правовой системы? Думается, смысл этих действий заключался в стремлении представителей «Золотого рода» обеспечить себе дополнительный фактор легитимации в глазах подданных как монгольского, так и тюркского происхождения (учитывая тюркское происхождение торе), монополизировать право на верховную власть в глазах многонационального населения империи. Как можно увидеть, Чингизиды в течение своего правления старались всячески увеличивать число таких факторов, обосновывая право на власть с помощью самых различных норм. Так в более поздние времена, когда происхождение от Чингисхана и поддержка Неба в силу различных политических причин перестали считаться основными факторами легитимации, потомки великих ханов стали апеллировать к нормам как обычного права, так и права религиозного, включая соответствующие положения в собственное законодательство (см. подробнее: Почекаев Р.Ю., 2006; 2013). На раннем же этапе монгольской имперской государственности аналогичная политика проводилась, по нашему мнению, и в отношении торе.

Инициировав этот процесс, Чингисхан, прежде всего, постарался закрепить за собой и своим родом право на толкование норм торе, ранее принадлежавшее родоплеменным предводителям-бэки. В «Сокровенном сказании» можно увидеть, как со временем право толкования торе постепенно переходит от родоплеменных вождей именно к Чингисхану: сначала он назначает бэки своего сторонника Усуна, а затем (вероятно, после его смерти) закрепляет это право толкования «сакрального права» исключительно за собой (Козин С.А., 1941, с. 162, 16, 167–168; Скрынникова Т.Д., 2013в, с. 58). Аналогичным образом после Чингисхана толкованием права занимаются и его прямые потомки – обладатели ханского титула. Первым из них является Угедэй (1229–1241), который, в частности, говорит: «Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который... опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе» (Козин С.А., 1941, с. 199). В более поздние времена торе также толковалось ханами-Чингизидами. Так, в ярлыке золотоордынского хана Улуг-Мухаммада (1419–1421, 1424–1437), датированном 1420 г., фигурирует выражение *töräsi erdi* как некое право, на основании которого занимал должность отец получателя ханского ярлыка (А.П. Григорьев (2006, с. 120, 124) переводит это выражение как «обычное право его было»). Подобная трактовка свидетельствует о правильности предположения В.В. Трепавлова (1993, с. 41) насчет того, что порядок занятия административных должностей в тюрко-монгольских обществах мог регламентироваться нормами торе. К числу наиболее поздних примеров толкования торе Чингизидом можно отнести, в частности, упоминание торе как издревле существовавшего порядка в словах кашгарского хана Султан-Саида (1514–1533), сказанных при пленении мятежного киргизского предводителя Мухаммада: «Хоть тебя по туре следовало бы казнить, однако из великодушия я дарю тебе жизнь» (Мирза Мухаммад Хайдар, 1996, с. 447). Предположительно здесь

речь может идти о норме торе, предписывающей сохранять верность своему правителю-сюзерену и недопустимость враждебных действий против него (см. также: Козин С.А., 1941, с. 167–168; Почекаев Р.Ю., 2004, с. 537).

Полагаем, что, пользуясь неопределенностью, которой ко времени Чингисхана стали характеризоваться некогда вполне конкретные нормы древнетюркского права-торе, представители «Золотого рода» получили возможность выдавать за нормы, якобы установленные Небом, любые нормативные положения или принципы, которые отвечали их интересам на том или ином этапе политического развития чингизидской государственности. Закономерным итогом этого процесса стало «присвоение» заслуг в создании торе Чингисхану и его потомкам.

Уже в середине XIII в. европейские дипломаты, посетившие двор монгольских ханов в Каракоруме, отмечали, что, «согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права]» («История татар»..., 2002, с. 116). У нас нет оснований считать, что в данном случае речь идет именно о торе, несмотря на отмеченный ранее его «сакральный» характер (см. подробнее: Почекаев Р.Ю., 2007, с. 147), важно то, что Чингисхан уже в правление его непосредственных преемников, сыновей и внуков начинает позиционироваться как создатель не только имперского права и правопорядка (Ясы), но и всей совокупности правовых норм, регулировавших жизнь в Монгольской империи, а после ее распада – и в постимперских чингизидских государствах. Характерным примером этого явления можно счесть действие у ногайцев Большой Орды в XVI в. «*adet-i cengiziyue*» (Беннигсен А., Вайнштейн Ж., 2009, с. 363; см. также: Трепавлов В.В., 2004, с. 283). Таким образом, и в памяти правителей постчингизидских государств Чингисхан остался как создатель всей тюрко-монгольской правовой системы, в том числе и обычного права – *адата*.

Соответственно, и древнетюркское право торе стало со временем ассоциироваться с законотворческой деятельностью основателя Монгольской империи. Этот процесс был довольно длительным, и поначалу торе в имперском праве продолжало считаться одним из самостоятельных источников – как разновидность обычного права. Именно в таком значении оно употребляется в значительном числе официальных документов XIII–XIV вв. уйгурских князей – тюркских вассалов монгольских великих ханов (личная консультация Л.Ю. Тугушевой, 2012 г.). Думается, что в это время приписывание создания торе Чингисхану было не актуально, поскольку в этот период основным законодательством Монгольской империи являлись ясы (законы и установления) Чингисхана, в совокупности составлявшие Великую Ясу, которая, по нашему мнению, представляла собой систему правовых норм и принципов, обеспечивавших поддержание правопорядка в Монгольской империи и государствах имперского типа – ее преемниках, являясь, таким образом, в какой-то мере аналогом торе. Разница между ними заключалась в том, что принципы торе считались установленными самим Небом, тогда как принципы Ясы имели «земное» происхождение, будучи установленными Чингисханом и его преемниками.

Однако к концу XIV – началу XV в связи с кризисом имперской государственности в чингизидских государствах роль Великой Ясы начала падать, и с этого времени наравне с ней начинает активно упоминаться торе, причем именно как результат законодательной деятельности Чингисхана. Так, в «Продолжении сборника летописей», составленного, по мнению исследователей, персидским ученым первой трети XV в. Хафиз-и Абру (см.: История Казахстана..., 2006, с. 273–274; Хафиз Абру, 2011, с. 14), упоминаются «(тура) и устав (ясык) Чингиз-хана» (Сборник материалов..., 1941, с. 141). Г. Дорфер (Doerfer G., 1963, s. 264–265) в своем словаре также отмечает употребление понятия *Torah-djenkhizkhaniah*, в частности, у арабского автора начала XV в. Ибн Арабшаха – современника Амира Тимура. В.В. Бартольд (1968б, с. 171) также отмечает, что «Тимура и чагатаев обвиняли даже в том, что для них тура Чингиз-хана стояла выше шариата; на этом основании сирийскими богословскими авторитетами была издана фетва, по которой Тимур и его подданные не признавались мусульманами». Захир ад-Дин Бабур, тимуридский падишах Индии, в первой трети XVI в. упоминает об установлениях Чингисхана – *Tûreh-e-Chengiz* или *Yâsa Chengiz* (Memoirs,

1826, р. 202). Крымский историк XVIII в. Мухаммад-Риза в сочинении «Семь планет в известиях о царях татарских» (ок. 1737) упоминает о применении «чингизской торе» в Крымском ханстве последней трети XVII в. (см.: Смирнов В.Д., 2005, с. 248). Даже придворные авторы бухарской династии Мангытов (1785–1920), не принадлежавшей к прямым потомкам Чингисхана, в XIX в. упоминают о «тура-и Чингиз» как о древнем обычае и непреложном праве правителей чингизидского происхождения» (Кюгельген А., 2004, с. 259, 263). По мере дальнейшего кризиса и окончательного распада чингизидских государств имперского типа Великая Яса как законодательство, созданное именно для регулирования отношений между субъектами имперского значения, постепенно вообще вышла из употребления, что возвысило роль и значение торе – хотя бы и в чисто формальном отношении.

Как можно увидеть из ряда цитированных выше фрагментов (в частности, в сообщениях Хафиз-и Абру, Муин ад-Дина Натанзи и Бабура), торе и Яса позиционировались как правовые категории приблизительно одного уровня и, представляемые как результат правотворчества Чингисхана и его потомков, в какой-то степени уравнивали и взаимно дополняли друг друга в различных сферах правоотношений. Это должно было вернуть пошатнувшиеся авторитет и легитимность потомков Чингисхана в глазах своих тюркских подданных. Именно это стремление Чингизидов и нашло отражение в источниках.

В дальнейшем Чингизиды в еще большей степени закрепили торе в системе собственного ханского права, «включив» в число его создателей, помимо самого Чингисхана, также и ряд других значительных правителей. Так, например, в сочинении Муин а-Дина Натанзи «Мунтахаб ат-таварих», известном так же, как «Аноним Искандера», встречаются, по меньшей мере, два упоминания торе («тура») в значении «обычай» или «уложение», не связанные с именем Чингисхана. В разделе о деяниях чагатайского правителя Тука(Бука)-Тимура (1272–1291) Натанзи пишет: «Пятнадцать лет Бука-Тимур выполнял то, что было правилом царствования и, возвратив еще раз к жизни утраченное уложение [в прим. «тура» – Р.П.] Бату, определил на [свое] место, как и было [прежде], дела гражданские и государственные» (Аноним Искандера, 1973, с. 128; ср.: Из «Мунтахаб ат-Таварих»..., 2007, с. 53). В разделе же о правлении золотоордынского хана Шадибека (1399–1407) содержится следующее сообщение: «Так как Идигу установил тонкие обычаи (тура) и великие законы (ясак) и люди из привольности попали в стеснение, то Шадибек тайно хотел уничтожить его» (Сборник материалов..., 1941, с. 136). Таким образом, торе, ранее ассоциировавшееся исключительно с самим основателем Монгольской империи, впоследствии стало «коллективной собственностью» членов его рода. При этом стоит оговорить, что Идигу (Едигей русских летописей), бекляри-бек и фактический правитель Золотой Орды в 1399–1412 гг., строго говоря, не относился к Чингизидам, поскольку происходил из племени мангыт. Однако он, во-первых, являлся зятем хана Токтамыша (гургеном ханского рода), во-вторых, действовал от имени номинальных ханов из рода Чингизидов-Джучидов. Кроме того, в «Мунтахаб ат-таварих» нет прямого указания на то, что Идигу установил собственное торе – вполне возможно, что автор сочинения имел в виду правопорядок, существовавший при прежних ханах. Именно это право, существовавшее еще с до-имперского периода отныне стало ассоциироваться с Чингизидами, их правовой и государственной политикой.

Не случайно крымский хан Мурад-Гирей, намереваясь укрепить свою власть и сделать ее более независимой от мусульманских государственных и правовых институтов, решил сформировать суд, который действовал бы именно на основе торе. Это свидетельствовало, с одной стороны, о попытке усилить роль чингизидского (ханского) права в Крымском ханстве, с другой – об отсутствии у Мурад-Гирея имперских амбиций – в ущерб своему сюзерену турецкому султану. Именно поэтому крымский хан не попытался восстановить в Крыму имперского правопорядка – Ясы Чингисхана, а предпочел именно торе, которое даже турецкие правоведы признавали и соотносили с собственным законодательством – «кануном» (см.: Смирнов В.Д., 2005, с. 248; Почекаев Р.Ю., 2009б, с. 322–323).

До сих пор речь шла о тюркских государствах – преемниках Монгольской империи. Обратившись же к собственно монгольским государствам, мы обнаруживаем несколько иную ситуацию в отношении торе. Эта правовая категория продолжает употребляться и в постимперскую эпоху, правда, в значительной степени трансформировавшись в политическую: термин «торе» используется достаточно часто, однако чаще означает не «право», «законы», а «правление», «государство», «правительство» (в таком же значении слово *tör* употребляется и в современном монгольском языке) (Хамфри К., Хурэлбатор А., 2004, с. 464–465; Большой академический монгольско-русский словарь, 2001, с. 245). При этом ассоциирование торе с Чингисханом и Чингизидами в собственно монгольской правовой идеологии и летописной традиции оказывается минимальным.

Тем не менее отдельные примеры такого ассоциирования встречаются. В ряде ритуальных текстов упоминается «небеснорожденный Чингисхан, получивший *törü* народов мира», а также о том, что он получил *törü* отдельных правителей – в частности, кераитского Ван-хана и найманского Даян-хана. Хубилай, внук Чингисхана и монгольский хан (1260–1294), также упоминается как «держатель» торе в силу обладания ханской властью и родовой харизмой (Скрынникова Т.Д., 2013б, с. 139–140). Надо полагать, в имперскую эпоху, и, вероятно, в ранний постимперский период (конец XIV в.) и в Монголии предпринимались попытки «присвоения» торе Чингисхану и Чингизидам. Однако в позднесредневековых монгольских текстах прямая связь между обладанием торе и происхождением Чингисхана или других ханов – его потомков не наблюдается: фактически каждый монарх в силу своего положения и своих функций также устанавливал или приобретал торе (Скрынникова Т.Д., 1997б, с. 68–69). Это явление очень напоминает небезызвестный «мандат Неба» – традиционную китайскую политическую категорию, в соответствии с которой право на власть зависело не от происхождения монарха, а от его способности эту власть удержать и принести пользу государству и подданным.

В сочинениях XVI–XVII вв. эта тенденция проявляется весьма отчетливо: торе подается как абстрактная правовая категория, напрямую не ассоциируемая с конкретными личностями правителей как его создателей – в отличие от тюркской (тюрко-монгольской) правовой и летописной традиции. Например, в «Белой истории» – важнейшем источнике по политической и правовой идеологии позднесредневековых монголов, термин *торе* (в значении «правление») упоминается как совокупность ряда правовых принципов – приверженность религии, «правление истины», деятельность хагана и чиновников (Сауан теүке, 2001, с. 76; см. также: Хамфри К., Хурэлбатор А., 2004, с. 468–469). Особенно ярко эта тенденция проявилась в период принятия монголами буддизма в конце XVI в., когда торе начинает соотноситься уже с «двумя правлениями», т.е. с властью не только светской (ханы), но и духовной (буддийские церковные иерархи) (Хамфри К., Хурэлбатор А., 2004, с. 470; Скрынникова Т.Д., 2013в, с. 98; 2013б, с. 143). Естественно, признание за Чингизидами права на единоличное обладание (и, тем более, создание) торе было вовсе не в интересах буддийской церкви, быстро набиравшей влияние в Монголии. Более того, буддийская церковь присвоила себе право даровать ханские титулы не только на основании происхождения (от Чингисхана), но и в знак признания заслуг перед «желтой верой»: так, ханами стали правители Джунгарии (чорос), Тибета (хошоуты), Калмыкии (торгоуты) (см. подробнее: Почекаев Р.Ю., 2011, с. 128–129). Соответственно, в монгольской историографии конца XVI–XVIII вв., представители которой придерживались преимущественно тибетской (фактически – буддийской) историографической традиции даже при описании монгольской государственности и права до принятия буддизма, авторы не пытались соотносить торе с Чингисханом и его родом, поскольку такая концепция могла бы подорвать степень легитимности приобретения ханской власти в новых условиях – как не-Чингизидами, так и Чингизидами. В таком же абстрактном смысле, без привязки к конкретным правителям, категория *торе* использовалась в монгольской политико-правовой традиции вплоть до эпохи Монгольской автономии включительно (Хамфри К., Хурэлбатор А., 2004, с. 470–472).

Почему же в монгольской традиции торе не было столь тесно связано с личностью Чингисхана и представителей его рода, как это было в тюркской традиции? Анализ источников не дает

прямого ответа на этот вопрос, поэтому остается лишь делать предположения. Думаем, что причина заключалась в особенностях политической ситуации в Монголии, которая весьма существенно отличалась от ситуации в тюркских государствах Чингизидов. Авторитет Чингизидов существенно понизился после падения империи Юань и в результате междоусобиц, приведших к почти полному физическому исчезновению монгольской ветви династии. Соответственно, начинается ожесточенная борьба за трон между членами «Золотого рода» и представителями нечингизидских династий – сначала потомками братьев Чингисхана, а затем и предводителями могущественного племени ойратов, некоторые из них также принимали ханские титулы. Естественно, в таких условиях Чингизиды не имели возможности объявить себя «монополистами» в обладании торе: их противники просто-напросто не дали бы им сделать это. Тюркские государства же (Крымское, Бухарское, Хивинское, Казахское ханства и др.) в течение длительного времени сохраняли независимость, и в них на протяжении веков у власти традиционно стояли потомки Чингисхана, которые ради укрепления этой власти последовательно закрепляли свою роль в создании и применении торе.

15.2. От семейного клана к сословию

Закономерным итогом стало полное ассоциирование в тюркских государствах самого термина «торе» с потомками Чингисхана – как по мужской, так и по женской линии. Приставка «торе» к имени того или иного представителя рода Чингизидов свидетельствовала о правах на трон и верховную власть.

По-видимому, одним из первых упоминаний торе именно в этом значении стала фраза из послания-битика золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II (1428 г.): «...затем, когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, между нами, торе [turamiz], вспыхнула вражда» (Султанов Т.И., 1975, с. 54; см. также: Курат А.Н., 2014, с. 37, 38; Melek Ozyetgin A., 1996, s. 108). Как видим, здесь речь однозначно идет о торе как совокупности лиц, которые имеют право претендовать на трон и поэтому борются за нее между собой. Скорее всего, использование термина «торе» применительно к прямым потомкам Чингисхана должно было выделить их среди других многочисленных претендентов на власти, не имевших чингизидского происхождения. Это было оправдано в условиях демонополизации власти Чингизидов, начавшейся практически во всех улусах бывшей Монгольской империи в середине XIV в. в результате их распадов и гражданских войн. В первой четверти XV в. наиболее могущественными противниками Чингизидов в борьбе за верховную власть являлись ногайские князья, потомки Едигея, в Золотой Орде и потомки Амира Тимура в Средней Азии. Эпитет «торе» применительно к потомкам Чингисхана должен был подчеркнуть их большие права на верховную власть по сравнению с этими претендентами-узурпаторами. Политические реалии позднего золотоордынского времени нашли отражение и в исторических сочинениях, созданных столетия спустя. Так, например, в «Фирдаус ал-икбал», составленном придворными авторами хивинских ханов Шир-Мухаммадом б. Аваз-бием Мунисом и его племянником Мухаммад-Ризой Мирабом Агахи в первой половине XIX в. упоминается, что после смерти бездетного султана Тимур-Шейха (из династии Шибанидов) его «эль [владение. – Р.П.] ушел к другим тора» (Фирдаус ал-икбал, 1969, с. 436; Shir Muhammad Mirab Munis, 1999, p. 25). Таким образом, подчеркивалось право сословия торе не только на верховную власть, но и на распоряжение всеми владениями в том или ином тюрко-монгольском государстве.

В дальнейшем *торе* как приставка к именам потомков Чингисхана получила широкое распространение в Казахстане и тюрко-монгольских государствах Центральной Азии. Правда, к этому времени цель употребления этого термина Чингизидами несколько изменилась. Дело в том, что к этому времени понятие «ак-суйек» («белая кость»), ранее относившееся исключительно к потомкам Чингисхана, уже в XVI–XVII вв. было существенно расширено: с этого времени в него стали

включаться также сейиды (потомки пророка Мухаммада) и ходжи (потомки первых халифов, а также первых арабских завоевателей, обосновавшихся в Средней Азии) (см., например: Ерофеева И.В., 2003, с. 11–12). Поэтому термин «торе» должен был отделить потомков Чингисхана от других представителей «белой кости», маркировать их право на верховную власть, которой, в отличие от них, не обладали сейиды и ходжи. По сути, «торе» стало своеобразным эквивалентом титула «султан», на который имели право исключительно потомки Чингисхана (Ерофеева И.В., 2003, с. 15). Это было важно, поскольку хотя сейиды и ходжи не пользовались таким авторитетом, как Чингизиды, и обладали влиянием преимущественно в духовной сфере, их положение в тюрко-монгольских государствах неуклонно возрастало (см., например: Зиманов С.З., 1958, с. 221–223).

Приставка *торе* упоминается применительно к хивинским царевичам из династии Арабшахидов (ветви рода Шибанидов, потомков Шибана, пятого сына Джучи, основателя Золотой Орды). Например, при описании борьбы за власть в первой трети XVI в. сообщается, что, когда в одном из сражений был убит некий Аганай-султан, «все тора разгневались и ожесточились» (Фирдаус ал-икбал, 1969, с. 439). Известный хивинский хан Ширгази (1714–1728), расправившийся с экспедицией А. Бековича-Черкасского в 1717 г., являлся потомком Арабшахида Джан-тора (Фирдаус ал-икбал, 1969, с. 458).

Как «тора Кашгара» в середине XVI в. фигурирует Абд ал-Латиф, потомок Чагатая, второго сына Чингисхана (Тазкира, 1969, с. 235). Интересно, что в данном случае титул *тора* отражает не только право его на власть, но и факт обладания этой властью – правление в Кашгаре (об этой «ипостаси» торе речь пойдет ниже).

Наиболее широко термин «торе» применялся по отношению к казахским Чингизидам, причем именно этим торе посвящен целый ряд специальных исследований (см., например: Ерофеева И.В., 1997; Сабитов Ж.М., 2008). Под «казахскими» мы подразумеваем потомков Чингисхана, возглавлявших Казахское ханство, а впоследствии и выделившиеся из него жузы (Старший, Средний и Младший) или даже отдельные родоплеменные подразделения. Следует иметь в виду, что «национальная принадлежность» торе-Чингизидов является достаточно условной: Т.И. Султанов вполне обоснованно подчеркивает, что потомки Чингисхана не принадлежали к какому-либо казахскому или узбекскому роду, а формировали собственный семейный клан, стоящий над родами, племенами и племенными объединениями (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992, с. 347). Вместе с тем в источниках неоднократно упоминаются именно «казахские тора» (Тарих-и Кашгар, 1969, с. 412–414). Однако, учитывая наднациональный статус торе, их неоднократно приглашали на трон Хивинского ханства в XVIII в. – в ущерб представителям местной ханской династии Арабшахидов (таких же торе, как упоминалось выше) (см.: Shir Muhammad Mirab Munis, 1999, p. 62–81). Шигаитора б. Барак-султан, также представитель казахской ханской династии, в 1748 г. был провозглашен ханом племенем кипчак, проживавшим в Фергане (см.: Бейсембиев Т.К., 2009, с. 225). В ряде исторических сочинений также фигурируют «каракалпакские тора», т.е. казахские Чингизиды из поколения в поколение приглашавшиеся каракалпаками на ханский трон в первой половине XVIII в. – например, Ядгар (Shir Muhammad Mirab Munis, 1999, p. 77), Ишим-султан (Фирдаус ал-икбал, 1969, с. 458) и др. Еще одна ветвь казахских султанов именовалась «катаганскими тора» (Тарих-и Кашгар, 1969, с. 416).

Торе в Казахстане обладали особым статусом, что проявлялось как на формально-юридическом, так и на бытовом уровне. Так, Чингизиды не подлежали суду биев (их могли судить только ханы и семейный совет), были избавлены от уплаты налогов и телесных наказаний. При встрече с торе представитель «черной кости» должен был сойти с коня и стать на колени, в собраниях потомки Чингисхана садились на почетные места и, как правило, на белые кошмы (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992, с. 348–349). Одевались они, в принципе так же, как и менее родовитые казахи, однако только они имели право носить одежду из шелка, бархата, атласа и парчи, а также шапки (колпаки) белого цвета с опушкой из меха черно-бурой лисицы. После перехода в подданство Российской империи еще одним символом власти ханов и султанов стало жало-

вание им российскими монархами шуб из мехов соболя или той же чернобурки (Ерофеева И.В., Усманова Э.Р., 2014, с. 644–659).

В связи с этим интересно отметить, что государства и родоплеменные объединения, которые не возглавляли потомки Чингисхана, воспринимались как более низкие по статусу. Наиболее ярко это проявилось в отношении киргизов, во главе которых практически никогда не стояли торе-Чингизиды, представители «белой кости». Не случайно они упоминаются и в восточных, и в российских исторических источниках под названием «Черная Орда» или «черные киргизы» (кара-киргизы): тем самым подчеркивалось, что их правителями являлись не торе, обладавшие всей полнотой прав на верховную власть, а местные манапы – представители «черной кости» (Сведения..., 1851, с. 141; Prior D.G., 2013, р. 141–142, 144).

Характерно, что казахские торе-Чингизиды XVIII в. чаще всего упоминаются с этим титулом в хивинских хрониках. Дело в том, что хивинские ханы XIX в. неоднократно пытались распространить свою власть на казахские роды и племена (преимущественно Младший жуз), и им было необходимо обосновать свои права на власть над казахами давними связями между Хивой и Казахстаном. Например, тот факт, что казахские правители издавна признавали власть хивинских ханов, нашел отражение в «Фирдаус ал-икбал»: ряд казахских правителей, включая «Фулад-тора», т.е. султана Чингизиды, принес присягу хивинскому хану Ширгази и принял участие в его походе на Мешхед (Фирдаус ал-икбал, 1969, с. 459). В конце 1760-х гг. в хивинских военных предприятиях участвовали казахские правители, в том числе Айчувак-торе (будущий хан Младшего жуза) (Фирдаус ал-икбал..., 1938, с. 340; Shir Muhammad Mirab Munis, 1999, р. 102).

Казахские Чингизиды XIX в. также фигурируют с титулом «торе» в кокандских и бухарских исторических сочинениях. При этом применение этого титула к казахским султанам придворными авторами среднеазиатских ханов (которые не принадлежали к роду Чингисхана) имел также политический подтекст. Так, например, в кокандском произведении «Тарих-и Алимкули амир-и лашкар» («Жизнь Алимкула»), посвященном кокандскому временщику Алимкулу, активно противостоявшему российскому продвижению в Средней Азии в середине XIX в. с титулом «торе» фигурируют самопровозглашенный хан Кенесары и его сыновья: Kancha Sary Tora, Tauchik Tora, Ahmad Tora, Sadyq Tora. Используя применительно к ним титул «тора», автор стремится подчеркнуть, что представители казахской элиты, обладавшие правом на верховную власть, боролись против российских имперских властей в Казахстане (The Life of Alimqul, 2003, р. 31–32). В аналогичном контексте фигурирует в кокандских исторических хрониках правитель Старшего жуза султан (или хан) Адил-тора, сын знаменитого казахского хана Аблая (Бейсембиев Т.К., 2009, с. 192, 251).

В переписке с правителями Османской империи кокандские ханы жаловались, что российские власти с помощью денег и различных уловок привлекали на свою сторону «тюря» и некоторых ханов, которые считались вассалами Коканда (Васильев А.Д., 2014, с. 184). Полагаем, употребление титула «торе» в отношении казахских правителей призвано подчеркнуть могущество кокандских властителей, которые, не будучи Чингизидами, все же обладали сюзеренитетом над представителями казахского правящего рода, имевшими право на верховную власть. Во время похода российских войск под командованием К.П. фон Кауфмана на Хиву в 1873 г. хивинские военачальники пытались действовать совместно с «киргизскими тюрями» (Бартольд В.В., 1963, с. 409), т.е. казахскими султанами, недовольными русскими реформами в Казахстане.

Один же из сыновей Кенесары, Садык-султан, фигурирует в бухарском сочинении «Тарих-и сулатин-и мангитийа» («История мангытских государей») также с титулом «торе», однако автор титулует его так не без иронии: «Да не будет тайной, что Сиддик-тюря казах считал себя потомком Чингиза» (Мирза Абдал'Азим, 1962, с. 94), т.е. сомневается в его чингизидском происхождении и, соответственно, не считает конкурентом в борьбе за власть своим собственным покровителем – бухарским эмирам из династии Мангытов, не принадлежавших к роду Чингисхана. Характерно, что этот торе-Чингизид (в течение длительного времени претендовавший на ханскую власть среди казахов, в Коканде, Кашгаре и др.) и в других среднеазиатских источниках

(как исторических хрониках, так и дипломатической переписке) нередко даже «лишается» султанского титула и фигурирует как Садык-бек, т.е. как представитель правящей элиты, но относящейся, с чингизидской точки зрения, к «черной кости» (см., например: Тухтияев И., 1989, с. 11; Васильев А.Д., 2014, с. 227, 228).

Однако нельзя не отметить, что и лояльные российской администрации казахские Чингизиды употребляли этот титул даже в официальной переписке с имперскими чиновниками. В частности, Айганым, вдова Вали-хана, последнего правителя Среднего жуза (и бабушка известного ученого Ч.Ч. Валиханова) в переписке с российскими властями в 1828 г. всячески подчеркивала статус и права своих сыновей – торе, имевших право на власть и на собственные владения (Martin V., 2013, p. 223–224). Еще один верный сторонник Российской империи, Конур-Кульджа Кудаймендин, ага-султан Акмолинского округа, в переписке с западносибирским генерал-губернатором И.А. Вельяминовым в 1830 г. также упоминал отдельно «торе и биев», т.е. подчеркивал различие представителей казахской элиты, относившейся, соответственно, к «белой кости» и «черной кости» (Martin V., 2013, p. 228, 240).

Думается, столь трепетное отношение представителей лояльной к Российской империи казахской властной элиты к своему статусу и прерогативам, которые он им давал (должен был давать), не случайно проявилось именно в этот период. Как раз на рубеже 1820–1830-х гг. российские власти стали предпринимать энергичные действия по ослаблению положения казахских Чингизидов, стараясь создать из представителей «черной кости» новую элиту, которая своим статусом была бы всецело обязана имперской политике и, как следствие, являлась бы полностью лояльной российским властям – в отличие от торе-Чингизидов, которые имели особый статус по праву рождения. Даже ханша Айганым, всецело поддерживавшая российскую администрацию и ее действия в Казахстане, была твердо уверена, что реформы, проводимые как раз в этот период имперскими властями в Казахстане, не смогут поколебать прав и положения торе (Martin V., 2013, p. 226).

Поэтому имперская администрация сделала ставку на возвышение представителей «черной кости» при одновременном снижении статуса торе. Так, когда в результате введения в действие «Устава об управлении сибирских киргизов» (разработанного М.М. Сперанским в 1822 г.) в Среднем жузе была упразднена ханская власть, и на смену прежним ханам пришли правители (ага-султаны) так называемых «внешних округов» и «волостные султаны», первоначально предусматривалось, что султанские должности будут принадлежать только представителям рода Чингисхана, т.е. казахским торе (Устав..., 1830, §30–31). Однако уже в середине 1820-х гг. на должности волостных султанов стали претендовать представители «черной кости», которые имели российские награды или воинские звания, тем самым в глазах российской администрации ничуть не уступая по статусу султанам по происхождению, т.е. торе. А в 1836 г. представитель «черной кости» Шорман Кучуков (капитан русской службы, пользовавшийся уважением в степи) был избран старшим султаном Баян-аульского округа (Джампеисова Ж., 2006, с. 131, 137). Официально право казахов неханского происхождения, но имеющих имперские чины или награды, избираться в волостные и окружные султаны было закреплено лишь в 1855 г. (Высочайше утвержденное положение..., 1856). Начиная с этого времени казахские султаны по происхождению уже не имели сословных привилегий, которые сохранили лишь те из них, которые состояли на государственной службе и имели имперские чины и награды (см., например: Olcott M.B., 1995, p. 60). Ну, и последним ударом по статусу казахских торе стало обложение их налогами и сборами, т.е. лишение налогового иммунитета, еще одного важнейшего элемента их особого статуса в Степи. Только представители отдельных ветвей ханского рода сохранили эту привилегию. Так, согласно Временному положению об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г., «льготы от платежа кибиточного сбора и других повинностей, дарованные семействам покойных хана Ширгазы Айчувакова и султанов Баймухамета Айчувакова, Ахмада и Арслана Джантюриных, равно как и семействам киргизов, убитых и раненых в 1844 г. в отряде, действовавшем против мятежного Султана Кенесары Касымова, остаются в своей силе... От платежа кибиточного сбора освобо-

ждаются также потомки бывших ханов Валия и Букея, по прямой линии, пользовавшиеся льготами от платежа ясака за определенное количество голов скота» (Временное положение..., 1960, §186–187). Как видно из текста, сохранение за некоторыми казахскими торе налогового иммунитета отнюдь не означало признания их особого положения, а было всего лишь милостью со стороны российских властей.

Тем не менее, несмотря на то, что формально торе-Чингизиды в Казахстане были лишены своего особого статуса и в глазах российской администрации не отличались от остального населения Степи, они пользовались авторитетом и почитанием среди казахов еще и на рубеже XIX–XX вв. Так, известна казахская поговорка: *еөренін сүйегінен көпір салса басып өтпе* («если из костей султана будет сложен мост, не переходи, наступая») (Ерофеева И.В., 2003, с. 13). Казахский бий второй половины XIX в. Кунанбай Оскенбаев (отец знаменитого казахского просветителя Абая Кунанбаева), занимавший пост ага-султана, тем не менее сам заявлял: *«Тіріміздің билігі – төреде, өліміздің билігі – кождада»* («В нашей мирской жизни все решают чингизиды, в религиозной – ходжи») (Исламизация..., 2008, с. 42–43). Таким образом, можно отметить, что среди казахов торе, во-первых, однозначно соотносились с прямыми потомками Чингисхана – султанами, во-вторых, сохраняли авторитет и влияние в казахском обществе даже после формально-юридического лишения их особого статуса российскими имперскими властями.

Несколько иначе стала складываться ситуация в ханствах Средней Азии – Бухарском и Хивинском, – в которых во второй половине XVIII – начале XIX в. произошла смена власти: ханов-Чингизидов заменили представители других династий. В Бухаре к власти пришла династия Мангытов, в Хиве – Кунгратов. Несмотря на то, что в обоих ханствах фактически произошла ломка традиции, согласно которой только прямые потомки Чингисхана могли занимать трон, представители новых династий (т.е., узурпаторы в глазах Чингизидов) постарались легитимировать захват ими трона и присвоение монарших титулов.

Достичь этого им удалось за счет династических браков: и хивинские Кунграты, и бухарские Мангыты неоднократно женились на представительницах рода Чингисхана, и их потомки, таким образом, приобретали толику крови «Золотого рода». И это позволило амбициозным представителям новых правящих династий присваивать своим потомкам тот же титул «торе», который прежде принадлежал лишь потомкам Чингисхана по прямой мужской линии.

Один из первых примеров подобной трансформации значения термина «торе» в Бухаре имел место в конце 1750-х гг., причем он представляется совершенно «притянутым за уши». Мухаммад-Рахим-бий, представитель династии Мангытов, в 1740-х – начале 1750-х гг. фактически управлявший Бухарским ханством в качестве аталыка, а затем, свергнув законного хана из династии Аштарханидов, в 1756 г. созвал курултай, на котором был избран в ханы (Кюгельген А., 2004, с. 269; Seka R., 2004, p. 43–72). Уже это стало вопиющим нарушением политической традиции тюрко-монгольского мира. Однако он пошел еще дальше и назвал своим наследником внука, который фигурирует под именем Фазыл-торе. При этом малолетний наследник ни по мужской, ни даже по женской линии не принадлежал к Чингизидам: его мать была дочерью Мухаммад-Рахима, а отец – Нарбута-бий Мангыт, племянник того же Мухаммад-Рахима. Единственной «зацепкой», дающей основание Фазыл-торе для обладания этим титулом, являлось то, что его мать... прежде была замужем за ханом Абд ал-Мумином, который был впоследствии свергнут и убит ее отцом (Мирза Абдал'Азим, 1962, с. 47)! Неудивительно, что после смерти Мухаммад-Рахима следующий бухарский эмир, его дядя Даниял-бий, не счел права Фазыл-торе на трон законными и предпочел сделать ханом некоего Абу-л-Гази, который, по некоторым сведениям, принадлежал к Чингизидам лишь по женской линии (Мирза Абдал'Азим, 1962, с. 49–50). Но даже и в этом случае его права на трон выглядели более обоснованными, чем права Фазыл-торе!

А вот сын и преемник Даниял-бия, эмир Шах-Мурад женился на дочери покойного Абу-л-Файз-хана, и его собственный сын от этого брака, следующий эмир Хайдар уже получил относительно законное основание добавить к своему имени приставку *торе* – равно как и его брат Нур

ад-Дин, правитель Мерва (см., например: Продолжение..., 1938, с. 371). Более того, обретя право на приставку *торе*, последующие эмиры уже начиная с 1820-х гг. официально именовались также и ханами, что нашло отражение в том числе и в их монетном чекане (Григорьев В.В., 1861, с. 23; Fræhni Ch.M., 1855, p. 133). Впоследствии сыновья эмиров стали именовать «торе» (в русских официальных документах XIX – начала XX в. – «тюря» или «тюряджан») (Записка..., 2002, с. 99), тем самым окончательно закрепив за собой право на верховную власть в Бухарском эмирате, нередко и в эпоху правления Мангытов именуемом Бухарским ханством. И хотя в исследовательской литературе встречается мнение, что термин «торе» в бухарской политико-правовой практике означал именно наследника трона (Бейсембиев Т.К., 2009, с. 46), анализ источников опровергает его: например, все четырнадцать сыновей бухарского эмира Музаффа назывались торе (см., например: Мирза Салимбек, 2009, с. 39–48), при этом наследником официально считался только один из них.

Аналогичным образом право на титул «торе» присвоили себе и представители хивинской ханской династии Кунгратов: многие из них брали в жены представительниц рода казахских Чингизидов, что и давало им основание присоединять приставку «торе» к своим именам. Уже второе поколение Кунгратов, хан Алла-Кули и его брат Рахман-Кули именовались торе (История царствования Алла-кули-хана..., 1938, с. 427, 434, 444, 447, 458 и др.). В дальнейшем этот титул, как и у бухарских Мангытов, стал принадлежностью всех представителей правящего рода: им обладали и ханские сыновья – Сейид-Махмуд-торе, Сейид-Ахмад-торе (сыновья Мухаммад-Рахима I), и племянники – Сейид-Мухаммад-торе (История царствования Мухаммед Эмин-хана..., 1938, с. 524, 525; см. также: Записка..., 2007, с. 305), которые тем самым приобретали равные права на трон. Так, из вышеперечисленных трех царевичей ханом в дальнейшем стал именно Сейид-Мухаммад (1856–1864), чей отец в свое время не занимал ханского трона.

Титул «торе» за хивинскими ханами признавали и российские власти. В официальной документации чиновников Туркестанского края Абд ал-Малик, мятежный старший сын бухарского эмира Музаффа, пользовавшийся поддержкой англичан в борьбе против отца, именовался «Катта-тюре» (см., например: Бухара и Афганистан..., 1974, с. 44, 61, 101, 114, 115), т.е. «старший торе» (по сути – первый в очереди наследников на трон). В переписке с бухарским ханом Мухаммад-Рахимом II (1864–1910) представители администрации Туркестанского края использовали титул «торе» по отношению к ханскому брату и сопернику в борьбе за трон Атаджан-торе (ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 24/158), а затем и к сыну-наследнику Исфандияру (будущий хан Исфандияр II, 1910–1918) (ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 123/24, д. 123/40).

В третьем среднеазиатском ханстве, Кокандском, мы можем наблюдать очередную трансформацию термина «торе» как обозначения представителей властной элиты. Станным образом он стал принадлежать не представителям правящего рода (пусть даже и не из числа потомков Чингисхана), а представителям совершенно другого слоя властной элиты – ходжам, в значительной степени конкурировавшим с кокандскими ханами за власть.

Причиной тому стали особенности политического развития Кокандского ханства. В течение длительного времени единого государства в Фергане не было, и власть над разными областями этого региона принадлежала различным политическим группировкам – представителям родоплеменной знати узбекских племен, а также и семействам ходжей, фактически создавших в своих владениях теократические монархии. Лишь в начале XVIII в. правящее семейство одного из узбекских племен, минг, сумело сосредоточить относительную полноту власти в своих руках и в течение некоторого времени создать единое Кокандское ханство. Право на верховную власть и ханский титул отныне имели только представители правящей династии Минг (что в общем-то отражало принцип преобладания светской власти над духовной, сформировавшийся еще во времена Чингисхана и затем закрепленный в Средней Азии при Амине Тимуре) (Бейсембиев Т.К., 1985, с. 40–41). Однако игнорировать могущественное сословие ходжей кокандские ханы не могли.

Надо сказать, что, несмотря на единое название, это сословие отнюдь не было однородным и единым. Его составляли представители самых различных семейств, в разное время добившихся

признания в качестве потомков пророка Мухаммада или почитаемых в исламе святых и священнослужителей. Среди них были выходцы из Касана, Маргелана, Ташкента, Кашгара, потомки Ходжи Ахрара, Махдум-и Азама, Лутфаллаха Чусты и др. (Валиханов Ч.Ч., 1985а, с. 182; Бейсембиев Т.К., 1985, с. 37; Кавахара Я., 2010, с. 121–122). При этом отдельные семейства ходжей порой не признавали друг друга и даже обвиняли в шарлатанстве и самозванстве (DeWeese D., 1999, p. 517). Соответственно, и титул «торе» приобрели далеко не все ходжи или даже представители какого-то определенного клана или семейства, поэтому представляет интерес выяснение причин, по которым торе стали именоваться представители не правящего ханского рода, а ходжи.

Попытку разобраться в происхождении некоторых обладателей этого титула и причинах присвоения его ходжам предприняла японская исследовательница Я. Кавахара на примере так называемых «маргеланских тура», которые, еще по наблюдению Ч.Ч. Валиханова (1985а, с. 182, 184), обладали титулом «тюря». Из обнаруженных ею источников следует, что предки этого семейства принадлежали к правящему роду Восточного Туркестана (Кашгарского ханства) – так называемой династии Белогорских ходжей (Актаглык), потомков Ахмада ал-Касани, более известного как Махдум-и Азам. Основателем этой династии стал Хидайаталлах Ходжа Аппак, в конце XVII в. при поддержке могущественных джунгарских правителей свергший ханов, потомков Чагатая и принявший ханский титул (The History, 1897, p. 36; Кычанов Е.И., 1980, с. 64). Маргеланские торе являлись прямыми потомками его брата Караматаллаха, сын которого, Абдаллах, женился на дочери своего дяди Ходжи Аппака (Кавохара Я., 2010, с. 129). Исследовательница с титулом «тура» упоминает уже этого Абдаллаха (Кавохара Я., 2010, с. 130), хотя из текста используемого ею же источника следует, что этот титул стал применяться его потомками не ранее первой четверти XIX в. в Кокандском ханстве, т.е. в ее интерпретации происходит значительное «удревнение» этого титула применительно к потомкам Махдум-и Азама.

Таким образом, можно сделать вывод, что присвоение титула *торе* (*тура*) именно ходжам в известной степени отражало их прежнее обладание верховной властью в том или ином регионе – Кашгаре, Маргелане, Чусте и пр. Соответственно, после того, как правители из династии Минг обрели верховную власть в Фергане (в ущерб многочисленным семействам ходжей, также претендовавшим на нее), они в качестве своеобразного политико-правового компромисса признали за ними право на титул «торе» как отражение их прежнего правящего статуса и, возможно, как право на управление теми или иными регионами Кокандского ханства в дальнейшем. Таким образом, наличие у ходжей Кокандского ханства титула «торе» свидетельствовало о признании за ними прав не только на духовный авторитет со стороны жителей Ферганы, но и на вполне «светское» управление теми или иными владениями в рамках ханства. Так, например, Махмуд-хан-тора, потомок почитаемого святителя XV в. Ходжи Ахрара, в 1806–1813 гг. управлял Ура-Тюбе в качестве вассала кокандских ханов (Бейсембиев Т.К., 1985, с. 40), Хаким-хан-тура б. Масум-хан-тура (потомок Махдум-и Азама, а по матери – двоюродный брат кокандского Мухаммад-Али-хана) в 1820-х гг. управлял Наманганом (Бабаджанов Б.М., 2010, с. 21–22) и т.д. Во время восстания 1870-х гг. против российской политики в Кокандском ханстве еще один маргеланский ходжа Вали-хан Тура получил в управление Маргелан и возглавил его оборону от войск М.Д. Скобелева (Бабаджанов Б.М., 2010, с. 545–546).

Однако такое компромиссное (со стороны ханов) признание особого статуса ходжей в дальнейшем нередко оборачивалось против самих же правителей из династии Минг. Пользуясь как своим статусом и влиянием, так и кровными связями с ханским домом, некоторые ходжи-торе сами претендовали на ханский трон в Коканде. Так, в 1822 г., после смерти Омар-хана его старшая сестра Афтаб-айим, супруга Масум-хан-тура (потомка Махдум-и Азама), потребовала передать трон своему сыну Чини-тура, который через нее приходился внуком Нарбута-бию, племянником Алим-хану и Омар-хану и, соответственно, старшим двоюродным братом их сыновьям. Правда, добиться власти ему не удалось: он вместе со своими родителями вскоре попал в опалу и был изгнан из Коканда (Бейсембиев Т.К., 1985, с. 38–39). В 1847 г. кокандские эмиры, недовольные засильем при

дворе хана Худояра предводителей племени кипчак, предприняли попытку возвести на трон Падшах-ходжу-тура, потомка Лутфаллаха Чусты – еще одного почитаемого в ханстве святителя. Однако кипчакские сановники раскрыли заговор, перебили часть заговорщиков, а остальным пришлось бежать. Падшах-ходжа также, помимо принадлежности к роду ходжей, был внуком Нарбута-бия по материнской линии, что повышало его шансы на признание в качестве хана, если бы заговор в его пользу увенчался успехом (Бейсембиев Т.К., 2009, с. 266–267, 966). В 1855 г. был раскрыт заговор еще одного внука Нарбута-бия, Рустам-хана-тура (двоюродного брата по отцу вышеупомянутого Чини-тура), против хана Худояра. Как и в случаях с его предшественниками, часть его сторонников была казнена, часть – изгнана из города (Бейсембиев Т.К., 2009, с. 271; Бабаджанов Б.М., 2010, с. 227). Однако урок не пошел впровод претенденту, и в 1862 г., когда против Худояра выступило сразу несколько претендентов, он вновь предпринял попытку занять трон и в окрестностях Андижана был провозглашен ханом (Наливкин В., 1886, с. 198). А вышеупомянутый маргеланский правитель Вали-хан-тура не только сам стал во главе города, но и сумел добиться принятия мусульманскими учеными фетвы против одного из претендента на трон – Султан-Мурада (брата хана Худояра): царевич был обвинен в том, что «является человеком русских» и казнен (Бабаджанов Б.М., 2010, с. 546). Есть основания полагать, что к восстанию Дукчи Ишана в 1898 г. в Андижане, одной из целей которого считалось восстановление Кокандского ханства (упраздненного в 1876 г. и включенного в состав России в качестве Ферганской области Туркестанского края), имели отношение кокандские ходжи: так, духовным наставником предводителя восставших в молодости был Султан-хан-тура, представитель рода маргеланских ходжей (Манакиб-и Дукчи Ишан, 2004, с. 84–100).

Еще в большей степени сумели реализовать свое право на власть прямые потомки Ходжи Аппака, близкие родственники маргеланских «тура», также имевшие титул *торе*. В середине XIX в. представители этого семейства неоднократно пытались вернуть себе власть в Кашгарии, около 1760 г. захваченной империей Цин. Наиболее активно проявили себя в этом отношении братья Ишан-хан-тура, Вали-хан-тура, Кичик-хан-тура и их двоюродный брат Бузрук-хан-тура. В 1847, 1851, 1855 и 1856 гг. они предпринимали попытки восстановить власть своего рода хотя бы над частью прежних владений, но терпели неудачу. В 1857 г. Вали-хан-тура сумел на некоторое время захватить Кашгар, однако в 1859 г. был оттуда изгнан (как раз во время его правления в Кашгаре побывал Ч.Ч. Валиханов (1985а, с. 148–157).

Когда мусульманское население Восточного Туркестана в 1864 г. подняло восстание против китайского владычества, туда был направлен эмиссар кокандских властей Якуб-бек, который в течение некоторого времени сумел подчинить себе значительную часть региона и создать государство Йэттишар. Во многом его успех был связан с тем, что номинальным главой государства был провозглашен сначала Бузрук-хан-тура, затем Ишан-хан-тура, потом Вали-хан-тура, после чего Якуб-бек вновь пригласил на трон Бузрук-хана. При этом Якуб-бек, вполне обоснованно опасавшийся, что ходжи в силу своего происхождения и статуса начнут претендовать на реальную власть, отравил Ишан-хана и Вали-хана, а затем заставил Бузрук-хана отречься от власти и отправиться в хадж (Веселовский Н., 1899, с. 99–100). Единственным легитимным претендентом на трон Кашгарии в итоге остался Хаким-хан-тура, сын Ишан-хана, но его Якуб-бек отправил наместником в Турфан. Однако после смерти Якуб-бека именно Хаким-хан выступил против его сыновей как основной соперник в борьбе за трон, правда, был разгромлен и бежал (Веселовский Н., 1899, с. 107–108; Ресалэ-и-Якуби, 1940, с. 132).

Итак, специфика развития кокандской государственности и политические реалии Ферганы обусловили появление довольно влиятельной и политически активной прослойки властной элиты – ходжей, которые обладали как духовным авторитетом, так и правами светских правителей (*торе*), чем не без успеха пользовались в борьбе за власть не только в Коканде, но и в соседних регионах.

Как видим, с течением времени в различных государствах круг лиц, обозначавшихся термином «торе», постоянно расширялся: сначала в него входили только потомки Чингисхана по прямой мужской линии, затем к ним добавились эмиры Бухары и ханы Хивы, претендовавшие на родство

с Чингизидами по женской линии, потом, в Кокадском ханстве, ходжи, вообще не имевшие отношения к роду Чингисхана и использовавшие иные основания для приобретения права на титул «торе». Однако для всех этих категорий элиты объединяющим критерием являлась принадлежность к определенному семейству, роду, династии. Тем не менее в XVIII–XIX вв. мы можем наблюдать еще один этап эволюции термина «торе» как обозначения представителей властной элиты. На этот раз речь пойдет об отражении в нем не происхождения и связанных с ним прав на власть, а факта реального обладания властью.

В ряде исторических сочинений с титулом *торе* упоминаются, в частности, «калмацкие тора», т.е. правители ойратов, находившиеся у власти – например, тора Дуренк, тора Лама Дарджи, которые в XVII–XVIII вв. занимали ханский трон у ойратов (Тарих-и Кашгар, 1969, с. 415–416; Ислам-наме, 1969, с. 425). То, что в данных случаях речь идет не о наследственном титуле, дающем право на власть, а именно о факте нахождения на троне и обладании этой самой властью, подтверждается, в частности, сведениями сочинения середины XVIII в. «Ислам-наме»: «...сделали тора Лама Дарджа», «[Они] сделали одного [человека] претендентом [на ханский трон], нарядив [его, подобно] тора, оспаривая у Дабаджи звание тора», «Вновь он [Дабаджи] водворился на престоле..., но хотя и закрепилось за ним имя тора, не было ни мгновения ему покоя» (Ислам-наме, 1969, с. 427, 428, 430). В данных сообщениях речь идет о правителях Джунгарского ханства – Лама-Дорджи (1749–1753) и Даваца (1753–1758), причем приобретение ими титула «торе» связывается исключительно с восхождением на трон. Соответственно, тот же Даваца, будучи временно лишен трона в результате мятежа ойратских нойонов, лишился и титула *торе*, который вновь вернул себе после подавления этого мятежа.

В данном случае мы имеем дело не столько с «тюркским», сколько с «монгольским» пониманием термина «торе» – в смысле не законное право на власть, а реальное обладание властью и связанные с ней prerogatives, о чем подробно говорились в первом разделе настоящей главы. И это не удивительно: вышеупомянутые сочинения («Тарих-и Кашгар» и «Ислам-наме»), в которых торе упоминаются не как представители семейств, а как правящие монархи, составлялись в Восточном Туркестане в тот период времени, когда он находился в вассальной зависимости от ойратов, т.е. правителей Джунгарского ханства в Западной Монголии, буддистов по вероисповеданию (см. подробнее: Чимитдоржиев Ш.Б., 1979, с. 13–19). Несомненно, политико-правовые представления ойратской элиты могли оказать влияние на представление о торе в изменившихся условиях.

Однако сама тенденция расширения сословия торе за счет лиц, реально обладающих властью, впоследствии получила дальнейшее развитие и в других регионах Центральной Азии, не затронутых монгольским влиянием. Во многом она была связана с реформами системы местного управления в тюркских регионах, входивших в состав Российской империи в XVIII–XIX вв.

Так, например, в башкирских родословных (шежере) упоминаются некие «свои тюря» среди башкир родов кайпан, герей, уран, тазлар, байки и балыкчи, которые тем не менее подчинялись ханам (Башкирские родословные, 2002, с. 378–379). Казалось бы, речь идет о родовой элите, однако данное сочинение было составлено в конце 1880-х гг., когда термин «торе» уже полностью трансформировался из обозначения потомственной правящей элиты в категорию лиц, обладающих официальными властными полномочиями. Это подтверждается и другим башкирским шежере (составленном в 1900 г.), в котором упоминается некий Утягул-тюря, который «двадцать лет служил дистаночным начальником, т.е. атаманом» (Башкирские родословные, 2002, с. 222). Эта же тенденция нашла отражение и в Татарстане того же времени, где термин *турра* стал обозначать чиновников всех рангов. Причем подобная трансформация торе происходила не только в Поволжье и Приуралье, которые находились в составе России уже с середины XVI в., но и в центральноазиатских регионах, вошедших в состав Российской империи гораздо позже. Так, в Казахстане, где пиетет к торе-Чингизидам, как отмечалось выше, сохранялся и на рубеже XIX–XX вв., тем не менее этот термин стал также обозначать чиновную знать, т.е. лиц, облеченных властными полномо-

чиями, причем не только начальников местного самоуправления из числа казахов, но и представителей имперской администрации (Эпистолярное наследие..., 2014, с. 929).

Тот факт, что даже российские представители власти стали попадать в категорию «торе», нашел отражение и в среднеазиатских источниках, создатели которых не слишком положительно относились к имперским властям и производимым ими преобразованиям в Туркестане и ханствах Средней Азии. Так, например, придворный автор бухарских эмиров Мирза Абдал'Азим Сами (1962, с. 61) называет российского военачальника генерала М.Г. Черняева, захватившего в 1865 г. Ташкент и ставшего первым военным губернатором Туркестанской области, «Черняев-тюря». Ферганский чиновник последней четверти XIX в. Мухаммад Азиз в сочинении «Тарихи Азизи» называет начальника Ошского уезда капитана В.И. Томича «Тумич-тура», а некоего француза А. Алоизи, занимавшегося изучением шелководства в Фергане, – «Алвизи-тура» (Сангирова Д.Х., 2000, с. 26–27), вероятно, и его, в силу предоставленных ему полномочий, считая представителем власти.

На протяжении нескольких веков категория «торе» неоднократно существенно меняла свое значение. Изначально древнее тюркское право уже в XIII–XIV вв. оказалось «приватизированным» потомками Чингисхана, старавшимися закрепить свою монополию на верховную власть в тюрко-монгольских государствах. С той же целью уже в XV–XVI вв. они изменили эту категорию, превратив ее в титул «Золотого рода», отражающий ту же монополию на верховную власть и ханский титул. По мере изменения политической ситуации в Центральной Азии круг лиц, подпадавших под категорию «торе» (и, как следствие, обладавших правами на власть и монаршие титулы), постоянно расширялся. Закономерным итогом эволюции этой уже политической (а не чисто правовой) категории стало превращение ее в обозначение всего круга лиц, обладавших властными полномочиями самого разного уровня, в том числе и представителей российских имперских властей. При этом нельзя не отметить, что сами российские чиновники не претендовали на обладание титулом *торе* – он всего лишь отражал их принадлежность к властной элите в глазах местного населения Центральной Азии. Тем не менее, на наш взгляд, восприятие их как торе, т.е. носителей власти в соответствии с местными политико-правовыми представлениями, свидетельствует о значительном сближении российских имперских властей с местными элитами и об адаптации имперской политики к центральноазиатским реалиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития отечественной исторической науки в проблемной области археологических и палеосоциологических исследований сформированы базовые методологические установки, необходимые для изучения элитных групп в системе политических отношений номадов Саяно-Алтая и сопредельных территорий в эпоху поздней древности и раннего средневековья.

В историографии отечественной исторической науки возможно определить четыре характерных периода изучения социально-политических отношений номадов. Первый период – с начала 1920-х до начала 1940-х гг. – характеризуется созданием первых интерпретаций общественного строя кочевников. При этом определяющую роль в данном процессе начинает играть идеологический фактор, что находит выражение в формировании формационного подхода в изучении отечественной истории.

Второй период определяется с середины 1940-х до начала 1960-х гг. На данном этапе происходит накопление и осмысление материалов элитных памятников, их интерпретация в рамках формационной концепции. Так, М.П. Грязновым на материалах пазырыкских курганов были сделаны выводы о наличии в кочевом обществе имущественного расслоения, редистрибутивных отношениях, наследственном характере власти номадов. Анализируя материалы элитных памятников, исследователь пришел к заключению о существовании «племенных вождей». М.П. Грязновым также была сформирована комплексная методика социологического анализа археологического материала. Другой исследователь, С.И. Руденко, в реконструкции социальной структуры пазырыкцев опирался на данные археологических памятников. По его мнению, можно выделить три категории памятников, соответствующих социальным группам: рядовых номадов, кочевой аристократии и погребения вождей племен. Значительный вклад ученый внес в разработку изучения социальной планиграфии памятников.

На данном этапе развития отечественной исторической науки происходит постепенное переосмысление формационного подхода, его применения к анализу кочевого общества. Так, в начале 1960-х гг. С.И. Руденко указывает на необходимость «творческого» восприятия марксизма, призывая ученых неформально понимать положения формационной концепции. Причиной подобного изменения методологических принципов изучения истории стали не только перемены в политической жизни страны, связанные с «оттепелью», но и значительные трудности адаптации особенностей социально-политического развития номадов к конкретным формациям.

В последующий третий период – с середины 1960-х до конца 1980-х гг. – исследователи предлагают различные концепции, описывающие формирование и функционирование в социальной структуре номадов групп, обладающих властью. Данные методологические направления раскрывают особенности кратических отношений в конкретные исторические периоды. Формационный подход формально создавал условия для выделения «правлящих» групп в обществе древних кочевников. Являются важными разработки учеными идей «раннеклассового общества», «ранних кочевников», позволяющих определять различные формы организации власти номадов.

Формирование и развитие Н.Н. Крадиным идеи «кочевой империи» как законченной социально-политической системы в некоторой степени положило конец долгим дискуссиям предшествующих десятилетий. Теоретические и методические работы, выполненные отечественными историками и археологами с середины 1960-х до конца 1980-х гг., создали методологическую и методическую платформу для развития российской науки в современное время.

В современный период развития отечественной исторической науки в социальных реконструкциях происходит применение в социальных реконструкциях «теории элит», что позволяет сформировать принципиально новую систему общественных отношений, в основании которой лежит разделение общества на две группы – «элиту» и «массу». При этом главным определяющим признаком элиты является не экономическое превосходство, как это постулируется в социальной археологии, а обладание властью. При этом реконструкция элитных групп номадов на-

правлена на выявление маркеров, составляющих «комплекс власти» для конкретной исторической эпохи.

Представители археологического направления в изучении элиты формируют категории социальных маркеров, которые применяются в различные исторические эпохи. Максимальная совокупность подобных индикаторов, сосредоточенная в одной единице социальной структуры, свидетельствует о наивысшем ее статусе в данной системе отношений. При этом эти индикаторы не являются постоянными. В историческом процессе социальной эволюции происходит их изменение, что отражает динамику признаков элитности.

Среди наиболее значимых маркеров элиты для скифо-сакской эпохи учеными выделяются следующие: во-первых, монументальность и масштабность погребальной обрядности; во-вторых, сложная система организации внутреннего пространства погребального памятника; в-третьих, наличие в инвентарном комплексе «престижных» предметов; в-четвертых, присутствие полного набора предметов вооружения; в-пятых, традиция массовых сопроводительных захоронений животных. Для скифо-сакского периода, по мнению исследователей, характерна ярко выраженная «опредмеченная» форма элитизации и сакрализации. На данном этапе развития социальной дифференциации и мировоззренческих установок кочевников доминирует наглядное воплощение власти, проявляющееся посредством масштабности погребальной обрядности, количественного и качественного состава погребального инвентаря, которые соответствуют сакральному статусу правителя.

Для гунно-сарматской эпохи, как показано на основе историографического анализа работ кочевниковедов, характерно определенное изменение комплекса признаков элитности. В первую очередь это касается масштабности погребальных памятников, которая менее мегалитична по сравнению с предшествующей эпохой, а статус отдельных вещей (например, комплекс вооружения, богатые головные уборы) в некоторой степени нивелируется. В то же время для элиты гунно-сарматского периода характерно формирование идеологического комплекса власти, выраженного в определенных государственных культах, а также мифологемах.

В археологическом материале элитных хуннских погребальных памятников необходимо отметить следующие особенности: во-первых, сложность планировки погребальной конструкции, наличие дромоса; во-вторых, обилие импортных предметов, в первую очередь шелка; в-третьих, существование традиции ритуального соумирания, что выражается в наличии в погребальной камере человеческих костей; в-четвертых, отсутствие сопроводительных захоронений животных.

Важным компонентом функционирования элиты, по мнению кочевниковедов, в кочевом обществе является воспроизводство определенного типа политической культуры, обеспечивающей нормальное развитие социума. Религиозный аспект политической культуры в обществе кочевников во многих его формах, как в свернутом, ментальном, так и открытом способе функционирования, являлся наиболее ярким способом выражения нормативных, поведенческих и ценностных категорий, обеспечивающих нормальное функционирование нестабильного по своей природе кочевого общества, статус которых приравнивался к священному вследствие своей непосредственной апелляции к божеству, что в свою очередь определяло его беспрекословный авторитет.

Отдельно необходимо отметить выводы ученых об относительно политической культуре хунну, которая имела ярко выраженный характер, проявившейся, во-первых, в системе легитимации власти и обосновании сакрального статуса правителя. Во-вторых, вслед за исследователями можно утверждать о непосредственной взаимосвязи сезонных ритуалов кочевников с проведением собраний, в рамках которых решались основные политические и организационные вопросы жизнеобеспечения общества.

В период гегемонии сяньби и жуэней имела место быть активная религиозная политика в кочевых империях. При этом в религии видели не просто систему мировоззрения, но мощную политическую силу, умело управляя которой можно добиться значительных результатов. Наиболее ярким проявлением религиозного аспекта политической культуры стало время правления Тобакой династии.

Системообразующие функции элиты, как показано современными нomaдологами, возможно рассматривать на нескольких уровнях социального пространства – на макроуровне она определяет динамику изменений общественной системы, образуя «социальные циклы»; на микроуровне элита насаждает культуру, культивирует необходимые ценности и нормы в обществе, создает ситуацию конкурсного отбора наиболее приспособленных элементов для включения их в свою группу (рекрутирование элиты) и т.д.

В кочевом обществе элита также несет на себе организующие функции, действие которых возможно рассмотреть на данных уровнях. Следует отметить, что экстенсивная нomaдная экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь легитимированной иерархии, вследствие чего потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников центральноазиатского региона. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на действия элиты скотоводов, а также во многом детерминировало методы сохранения государственной структуры в обществе нomaдов.

На уровне империи элита в первую очередь создает необходимые условия для охраны своей власти, а также всей империи в целом. Правитель кочевого общества, являясь лидером политической элиты, в то же время не сосредоточивал в своих руках всю полноту власти.

На индивидуальном уровне появление и развитие элиты нomaдов стимулировало развитие искусства и ремесленной деятельности, способствовало распространению своеобразной кочевой моды. Будучи единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью, правитель нomaдного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи, создавая тем самым представление о «престижности» вещи, обладание которой демонстрирует высокий социальный уровень хозяина. Статус «престижности» предмета распространялся не только в среде, близкой к ставке правителя, но охватывал всю территорию кочевой мультиполитии.

В кочевом обществе военная доблесть и мужество являлись основным критерием отбора элиты. Милитаризованный характер организации кочевого общества требовал от своих членов в первую очередь военных успехов. Война являлась механизмом естественного отбора наиболее сильных и централизованных коллективов и выдающихся личностей, укреплявших свое положение и статус в ходе удачных военных действий. На основе данного принципа формируется дружина правителя, объединяющим принципом в которой было не знатное происхождение, а верность вождю.

В результате военный предводитель с помощью преданной ему дружины мог соперничать за влияние с традиционной знатью и в конечном счете узурпировать власть. При этом вокруг него складывалась новая служилая знать, становившаяся опорой в борьбе со старой, традиционной аристократией.

В кочевом обществе на всех уровнях социального пространства – от общественного до индивидуального – элита играет весьма важную роль в организации жизни скотоводов. Стабильное развитие политической системы напрямую зависит от организованности правящего меньшинства, его способности быстро и верно реагировать на изменение ситуации в социокультурном пространстве. Однако в кочевом обществе стабильное, последовательное развитие политической системы во многом затрудняется отсутствием механизма обновления элиты. Рекрутирование правящего класса происходит преимущественно на основе военного принципа, что влечет за собой окостенение элиты и ее деградацию вследствие того, что элита имеет узкопрофессиональную ориентацию. В результате этого кочевое общество не способно воспроизводить элиту, последовательно развивая политическую систему, после чего политическая организация кочевников может существовать лишь один социальный цикл, неизбежно разрушаясь по его завершению.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПО – Археологические памятники Оренбуржья
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук (Москва)
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКПИ – История Казахстана в персидских источниках
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МБЦ БГИАМЗ – Музей Болгарской цивилизации Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии (Санкт-Петербург)
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РТ – Республика Татарстан
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТС – Тюркологический сборник
УАС – Уральское археологическое совещание
ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЮНЦ – Южный научный центр РАН
AJA – American Journal of Archaeology
FA – Folia Archaeologica

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев В.И. Осетинский социальный термин *Алдар* // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1968. Т. XXVII.
- Абаев В.И. Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 277–325.
- Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996.
- Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 132 с.
- Акишев К.А. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: (материалы заседаний круглого стола 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). СПб., 1994. С. 8–12.
- Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья: хазарское время / гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк, 2005. Т. 4. С. 257–368.
- Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухомольшанский могильник VIII–X вв. // Хазарский альманах / отв. ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков, 2006. Т. 5. 308 с.
- Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003. 416 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991. 411 с.
- Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960. Т. I. С. 284–312.
- Алексин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 167. С. 3–9.
- Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986. 192 с.
- Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. II. С. 288–294.
- Альбаум Л. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Аноним Искандера // Материалы по истории киргизов и Киргизии / пер. с перс. О.Ф. Акимущкина. М., 1973. Т. I. С. 112–127.
- Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве: по материалам выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 2 марта – 2 мая 2004 г. СПб., 2004. 64 с.
- Аристократия // Большая энциклопедия: в 62 т. М., 2006. Т. 3. С. 427–428.
- Аристократия // Первый толковый БЭС. СПб.; М., 2006. С. 114.
- Аристократия // Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 27.
- Аристократия // Словарь исторический: личности, общество, политика. М., 1998. С. 74.
- Армарчук Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М., 2006. 226 с.
- Армянские источники об аланах / сост. Р.А. Габриелян. Ереван, 1985. Вып. 2.
- Артамонов М.И. Скифское царство // Советская археология. 1972. №3. С. 56–67.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. 155 с.
- Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская археология. 1982. №1. С. 8–22.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. 246 с.
- Арутюнова-Фиданян В. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. М., 1995. С. 42–61.
- Арутюнова-Фиданян В. Термин «контактная зона» или «земля» – «хора» // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998. М., 1998. С. 3–4.
- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. 204 с.
- Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966. 160 с.

- Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985. 256 с.
- Ашин Г.К. О понятии «элиты» и не только // Власть. 2005. №11. С. 40–54.
- Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. 608 с.
- Ашин Г.К., Понедельков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии: учеб. пособие. М., 1999. 304 с.
- Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент, 2010. 744 с.
- Бадер А.Н., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока: мат. междунар. конф. М., 1996. С. 85–94.
- Базен Л. [L. Bazin]. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII в. // Зарубежная тюркология. М., 1986. Т. 1. С. 345–360.
- Байпаков К. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998.
- Балабанова М.А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 201–208.
- Балабанова М.А. Позднесарматская культура по антропологическим данным // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. СПб., 2004. С. 21–32.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки // Российская археология. 2006. №1. С. 98–106.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки // Вестник древней истории. №2. 2009. С. 89–108.
- Баранов И. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Бартольд В.В. События перед хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 2. С. 400–413.
- Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Собр. соч.: в 9 т. М., 1964. Т. 2, ч. 2.
- Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов // Собр. соч.: в 9 т. М., 1968а. Т. 4.
- Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968б. Т. V. С. 17–192.
- Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 59–85.
- Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / пер. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с.
- Батиева Е.Ф. Население Танаиса по антропологическим данным // Вестник Танаиса. Недвиговка, 2007. Вып. 2. С. 98–114.
- Батиева Е.Ф. Кочевники Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э.: (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011. 159 с.
- Башкирские родословные / сост., пер. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Уфа, 2002. Вып. 1. 480 с.
- Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.
- Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1997. Вып. 14. С. 113–142.
- Бейлис В.М. Ибн Фадлан о «двоевластии» у русов в 20-е гг. X в. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1992. С. 3–5.
- Бейсембиев Т.К. Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII–XIX вв.: (по некоторым сочинениям кокандской историографии) // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 37–46.
- Бейсембиев Т.К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX вв. Алматы, 2009. 1263 с.
- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.
- Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. 1980. №22. С. 213–218.
- Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. СПб., 2000.
- Беннигсен А., Вайнштейн Ж. Большая Ногайская орда и торговля в Причерноморских степях (конец XV в. – 1560-е гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. Казань, 2009. С. 341–364.

- Березин И.Н. Рашид-эд-Дин. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины // Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб., 1888. Ч. XV. С. 80.
- Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946. 208 с.
- Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // Советская археология. 1990. №1. С. 213–223.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону, 2008. Т. 1. 220 с.
- Бессонова С.С. Дружинные курганы в украинской лесостепи скифского времени // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: тез. докл. СПб., 1998. С. 57–58.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. 2-е изд. София, 1992.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012. 752 с.
- Бисенбаев Асылбек. Другая Центральная Азия. Алматы, 2003. 300 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 4 т. М.; Л., 1950. Т. 1–2.
- Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950а. Т. I. 382 с.
- Бичурин Н.Я.. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950б. Т. II. 355 с.
- Блок А. Феодальное общество. М., 2003. 504 с.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006. 240 с.
- Богданова В.И. Новые антропологические материалы конца I тыс. н.э. из Тувы // Музей антропологии и этнографии. 1980. Т. 36. С. 100–107.
- Боковенко Н.А. Проблема генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 41–48.
- Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 129–137.
- Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004. S. 85–91.
- Болтрик Ю.В. Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннескифское время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 193–202.
- Большаков О.Г. История халифата. М., 1998. Т. 2.
- Большаков О.Г. История Халифата. Т. 3: Между двумя гражданскими войнами, 656–696. М., 1998.
- Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэндэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М., 2001. Т. III. 440 с.
- Бондаренко Д.М. Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть. М., 1995.
- Бондаренко И.А. Патриархальные устои древнерусского градостроительства // Архитектурное наследство. 2013. №59. С. 5–11.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. Вып. 17. №1. С. 65–72.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Воинские пояса как индикатор этнокультурных связей между кочевниками Центральной Азии в сяньбийскую эпоху // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 86–91.
- Браунд Д. Препарируя сарматов: проблемы археологической и источниковедческой методологии // Вестник древней истории. 1994. №4. С. 168–173.
- Бубенок О.В., Аксенов В.С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах / гл. ред. Н.Н. Олейник. Харьков; Киев, 2009. Т. 8. С. 103–145.
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I. 810 с.
- Бунятян Е.П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 109–124.
- Бунятян Е.П. О формах собственности у кочевников // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985а. С. 21–43.

- Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев, 1985б. 226 с.
- Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ; Иркутск, 2012. С. 296–303.
- Бураев А.И. Курган Шороон Дов. Скульптурные изображения из дерева // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №8. С. 67–74.
- Бухара и Афганистан в начале 80-х гг. XIX в. (Журналы командировок Г.А. Арендаренко). М., 1974. 143 с.
- Бытковский О.Ф. Комплекс с иранским стеклянным сосудом могильника Красноуральский // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. II. С. 26–28.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 177–187.
- Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 гг. // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5-ти т. Алма-Ата, 1985а. Т. III. С. 97–218.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5-ти т. Алма-Ата, 1985б. Т. 2. 416 с.
- Васильев А.Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханов Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX в.). М., 2014. 356 с.
- Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857.
- Васильев Л.С. Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая // Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972.
- Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1980. №6. С. 157–175.
- Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ (к проблеме азиатского способа производства) // Вопросы истории. 1966. №5. С. 77–90.
- Васильева Л.Н. Теория элит (синергетический подход) // Общественные науки и современность. 2005. №4. С. 75–85.
- Васильева Л.Н. Элита или эрзац-элита: политическое будущее России // Общественные науки и современность. М., 2007. №1. С. 91–102.
- Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.
- Васютин С.А. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 95–100.
- Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005а. С. 215–223.
- Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ, 2005б. Кн. 2. С. 56–71.
- Васютин С.А. К проблеме социальной характеристики кочевых обществ степей Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат. всерос. науч. конф. Барнаул, 2007. С. 193–196.
- Васютин С.А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. №10(1). С. 34–39.
- Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. 400 с.
- Васютин А.С., Мокрынин С.В. Сакские курганы царского типа Приисыкуля // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1989. Ч. I. С. 61–63.
- Вачкова В. Традиции на священата война в ранна Византия. София, 2004.
- Вдовченков Е.В. Молодежные союзы у сарматов: постановка проблемы // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Ростов-на Дону, 2004. Т. 3, вып. 3. С. 133–139.
- Вдовченков Е.В. Историография социальных исследований сарматов // Известия вузов. Сер.: Общественные науки. №5. Ростов-на-Дону, 2011. С. 47–52.

- Вдовченков Е.В. Катафрактерии и сарматский социум: постановка проблемы // Политическая антропология традиционных и современных обществ: мат. междунар. конф. Владивосток, 2012а. С. 71–81.
- Вдовченков Е.В. Сарматизация Танаиса как частный случай взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012б. С. 197–219.
- Вдовченков Е.В. Ардарагенты и лимиганты (к вопросу об отношениях зависимости у сарматов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2012в. №11, ч. 2. С. 59–61.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993. С. 18–55.
- Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. 480 с.
- Вертиенко Г.В. Концепт смерті у іраномовних номадів: автореф. дис...канд. іст. наук. Київ, 2010. 20 с.
- Вертиенко Г.В. Іконографія скіфської есхатології. Київ, 2015. 224 с.
- Веселовский Н. Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1899. Т. XI. С. 87–105.
- Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994. 656 с.
- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 224 с.
- Викторова Л.Л. Роль киданей в этнокультурной и политической истории монголов X–XII вв. // Общество и государство в Китае: труды XII науч. конф. М., 1981. Ч. II. С. 71–79.
- Викторова Л.Л. Процесс сакрализации реального феномена в культуре монгольских кочевников // Сакральное в культуре: мат. III междунар. Санкт-Петербургских религиозных чтений. СПб., 1997. С. 23–24.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса в VII–I вв. до н.э. М., 1989. 284 с.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. 223 с.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.
- Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными псалмами из могильника Царского // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 64–68.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. I–II.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.
- Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999. 312 с.
- Воробьев М.В. Чжурчжэнь и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М., 1975. 451 с.
- Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны / отв. ред. Е. Мельникова. М., 1999.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура, искусство, костюм / отв. ред. Б.А. Литвинский. М., 2000.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992. 687 с.
- Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях // Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. I, №120. С. 323–340.
- Высоцкий А.М. Христианский памятник на городище Ак-Бешим // Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1989.
- Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату Министром внутренних дел о порядке избрания в Киргизской степи в старшие султаны // ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1856. Т. XXX. Отд. I. №29069. С. 177.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Галанина Л.К. О критериях выделения «царских» курганов раннескифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 76–81.
- Галенович Ю.М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI в. истории России и русско-китайских отношений. М., 2011.
- Ганиев Р.Т. Восточные тюрки и Китай в 630–679 гг. в Центральной Азии // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2011. №4 (38). С. 93–108.
- Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1995.
- Глебов В.П. К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Волгоград, 2006. С. 199–203.

- Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. 1977. №4. С. 53–73.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. 304 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964. 201 с.
- Гертман А.Н. К проблеме возникновения городов у скотоводческого населения. Модель на материалах VII–VIII вв. из Южного Приаралья // Античная цивилизация и варварский мир: (мат. III археол. семинара) / отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 61–68.
- Годелье М. Загадка дара. М., 2007. 296 с.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. / пер. с англ. М.; Иерусалим, 1997.
- Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / отв. ред. Н.А. Иванов. М., 1992. С. 11–33.
- Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2012. Т. 21. 472 с.
- Голыгин Е.Н. Когнитивный подход к анализу практики политической элиты: идейные истоки и основные принципы // Вестник МГУ. Сер. 12: Полит. науки. 2007. №6. С. 89–96.
- Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127–1142. М., 1986. 296 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 85–98.
- Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.
- Горончаровский В.А. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология: мат. междунар. конф. СПб., 1998. С. 85–89.
- Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Побужья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.
- Горский А.А. Древнерусская дружина (к истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. 124 с.
- Граков Б.Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. IV. С. 145–156.
- Граков Б.Н. Скифский Геракл // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. Вып. 34. С. 7–18.
- Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов: доклады делегации СССР. М., 1960. Отд. оттиск. 22 с.
- Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды ТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960а. Т. I. С. 7–72.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды ТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960б. Т. I. С. 73–150.
- Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. №4. С. 18–34.
- Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды ТКАЭЭ: материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л., 1966. Т. II. С. 81–107.
- Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии / отв. ред. А.М. Решетов, Ч.М. Таксами. М., 1975. С. 158–182.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Греков Б.Д. Волжские булгары в IX–X вв. // Исторические записки. 1945. №14. С. 3–37.
- Григорович В.И. Славянские древности. Лекции профессора В.И. Григоровича, читанные в Новороссийском университете в 1877/8 г. Отд. оттиск из Русского филологического вестника. Варшава, 1882. Вып. 1. 76 с.

- Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006. С. 74–142.
- Григорьев В.В. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре: Записки Мирзы-Шемса Бухари // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1861. С. 1–169.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
- Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. 1955. Вып. 24. С. 19–29.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.
- Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. 232 с.
- Гуляев В.И. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1990. Вып. 201. С. 103–109.
- Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // Российская археология. 1995. Ч. 1, №1. С. 76–77.
- Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // Российская археология. 1995. Ч. 2, №2. С. 84–85.
- Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 10–18.
- Гумилёв Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрков // Советская археология. 1959. №3. С. 11–25.
- Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. 504 с.
- Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. 2-е изд. М., 2002. 560 с.
- Гуревич А. Избранные труды. Т. 1: Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. 352 с.
- Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ, 1995. 144 с.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья в VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 134 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. №2. С. 75–92.
- Гуцалов С.Ю. Материалы раскопок курганов могильника Лебедевка-II в 2002 г. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 38–46.
- Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // Российская археология. 2009а. №3. С. 72–78.
- Гуцалов С.Ю. Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 2009б. №2. С. 182–192.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба-II в Западном Казахстане // Российская археология. 2010. №2. С. 51–66.
- Гуцалов С.Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба-II // Российская археология. 2011. №1. С. 81–96.
- Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребения предскифского времени с территории орско-илекских степей // Вестник археологии Западного Казахстана. Актюбе, 2005. Вып. 2. С. 78–82.
- Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю. Комплекс с иранским стеклянным сосудом могильника Илекшар-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012а. Т. 2. С. 24–25.
- Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю. Материалы раскопок Западно-Казахстанской археологической экспедиции // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012б. Т. II. С. 34–38.
- Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С. Могильник Лебедевка-II // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. I–II. С. 39–44.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 172 с.
- Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири / отв. ред. А.Н. Манделыштам. Л., 1975. С. 141–145.
- Давыдова А.В. О классификации и хронологии памятников сюнну // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 109–113.
- Давыдова А.В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология. 1982. №1. С. 132–142.
- Данилов С.В. Ильмовая падь – некрополь хунну // Палеоэкология человека Байкальской Азии / отв. ред. Л.В. Лбова. Улан-Удэ, 1999. С. 82–87.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. 202 с.

Данилов С.В. К вопросу о социальной организации кочевых обществ Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Харинского. Иркутск, 2005. С. 233–235.

Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 254–257.

Даньшин А.В. Государство и право киданей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985.

Дашковский П.К. Курган как отражение некоторых мировоззренческих представлений населения Горного Алтая в скифскую эпоху // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: тез. докл. темат. науч. конф. 1996. С. 36–37.

Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыцкого кургана // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 44–47.

Дашковский П.К. Проблемы изучения социальной организации пазырыкцев Горного Алтая // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 40–42.

Дашковский П.К. К вопросу о служителях культа в пазырыцком обществе // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 316–319.

Дашковский П.К. Отчет об археологической разведке в Краснощековском районе Алтайского края летом 2001 г. Барнаул, 2002 (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Особенности социальной структуры «пазырыцкого» общества Горного Алтая // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003а. С. 10–38.

Дашковский П.К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003б. №11. С. 59–72.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2002 г. Барнаул, 2003в (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004а. С.34–37.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2003 г. Барнаул, 2004б (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Харинского. Иркутск, 2005а. С. 239–244.

Дашковский П.К. О сакрализации правителей государственных образований кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ, 2005б. С. 63–67.

Дашковский П.К. Оружие в погребальном обряде пазырыцкой культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005в. С. 36–41.

Дашковский П.К. К вопросу о формировании мировоззренческого статуса правителей кочевых обществ Евразии в скифо-сакский период // Археология Южной Сибири: идеи, методы открытия. Красноярск, 2005г. С. 147–149.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2004 г. Барнаул, 2005д (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2005 г. Барнаул, 2006 (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия АлтГУ. Барнаул, 2007а. №4 (2). С. 46–52.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2006 г. Барнаул, 2007б (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Памятники эпохи средневековья Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае: предварительные итоги исследования и интерпретация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008а. Т. III. С. 216–218.

Дашковский П.К. Религиозный аспект политической культуры и служители культа у кочевников Центральной Азии в хунноско-сяньбийско-жужанский период // Известия АлтГУ. Сер.: История. Барнаул, 2008б. №4(2). С. 36–45.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2007 г. Барнаул, 2008в (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Начальный этап формирования религиозной элиты у кочевников Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: мат. 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). Иркутск, 2009а. С. 119–125.

Дашковский П.К. Религиозная политика и служители культа в Кыргызском каганате // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009б. Вып. 5: Археология и этнография. С. 199–208.

Дашковский П.К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху Средневековья // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2009в. №4/1(64). С. 65–71.

Дашковский П.К. Элементы религиозного синкретизма у населения Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху поздней древности // Религиоведение. 2009г. №1. С. 48–61.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2008 г. Барнаул, 2009д (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в.: дис. д-ра ист. наук. Барнаул, 2010а. 663 с.

Дашковский П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2010б. 42 с.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2009 г. Барнаул, 2010в (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2011. 244 с.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2010–2011 г. Барнаул, 2012 (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013а. С. 187–190.

Дашковский П.К. Исследование курганов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013б. Вып. XVIII–XIX. С. 133–137.

Дашковский П.К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013в. С. 128–133.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2012 г. Барнаул, 2013г (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014а. С. 207–210.

Дашковский П.К. Иранский религиозный комплекс верований в мировоззрении кочевников Сибири и Центральной Азии в скифо-сакский период // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. Барнаул, 2014б. С. 11–19.

Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014в. С. 235–243.

Дашковский П.К. Распространение прозелитарных религий у тюркоязычных кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. Барнаул, 2014г. С. 37–46.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014д. С. 46–62.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2013 г. Барнаул, 2014е (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К. Исследование курганов скифской эпохи в Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015а. Вып. XXI. С. 88–92.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии / отв. ред. С.Г. Кляшторный. Барнаул, 2015б. 224 с.

Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2014 г. Барнаул, 2015в (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А. Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2015. Вып. 10. С. 40–44.

Дашковский П.К., Карымова С.М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. Барнаул, 2012. 252 с.

Дашковский П.К., Культякова Д.В. Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007. Вып. I. С. 24–44.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Актуальные проблемы изучения мировоззрения хунну Центральной Азии // Время и культура в археолого-этнографических древних и современных обществах Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат. Западно-Сибирской археол.-геогр. конф. Томск, 2008. С. 278–282.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение элиты кочевых народов Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья: теоретический и исторический аспекты // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV междунар. Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск, 2010а. С. 149–153.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Религиозный аспект политической культуры тюрок Центральной Азии (по письменным, археологическим и этнографическим источникам) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань, 2010б. Ч. 1. С. 216–220.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Динамика признаков элиты и формирование религиозно-идеологического комплекса власти у кочевых народов Центральной Азии: к постановке проблемы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. междунар. науч. конф. / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск, 2011а. С. 316–323.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование погребальных и ритуальных объектов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2011б. С. 73–78.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Религиозный аспект политической культуры в кочевых империях Центральной Азии // Сакральный образ правителя. Сер.: Медеевистика / под ред. С.А. Васютина. Кемерово, 2011в. Вып. 5. С. 51–63.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Импорт как маркер кочевой элиты Центральной Азии: к постановке проблемы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. III междунар. конф. Улан-Батор, 2012а. Т. 1. С. 594–602.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Некоторые особенности развития элиты в кочевых обществах Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Политическая антропология традиционных и современных обществ: мат. междунар. конф. Владивосток, 2012б. С. 124–137.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение «правлящего класса» в кочевых обществах Центральной Азии поздней древности в отечественной историографии 1920-х – середины 1960-х гг. // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. Барнаул, 2013а. №4/1. С. 24–29.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение привилегированных социальных групп древних кочевников Центральной Азии в контексте развития отечественной номадологии в 1960-е – начале 1990-х гг. // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. Барнаул, 2013б. №4/2. С. 47–53.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Вера и обряды кочевых народов Центральной Азии в хунно-сяньбийский период // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. Барнаул, 2014а. С. 20–37.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014б. Вып. XX. С. 94–100.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Некоторые тенденции изучения элиты древних и средневековых кочевников Центральной Азии в современной российской номадологии // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014в. С. 59–64.

- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение кургана скифо-сакского периода на могильнике Чинета-II // Продолжение исследование курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2015а. Вып. 10. С. 44–47.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. К вопросу о выделении региональной элиты у кочевников Алтая в скифскую эпоху // Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения: мат. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015б. С. 14–17.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России: мат. Всерос. археол. съезда. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 20–22.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005а. С. 62–68.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Памятник пазырыкской культуры Ханкаринский дол в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2005б. Т. XI. С. 294–296.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследование объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 315–319.
- Дашковский П.К., Тур С.С., Усова И.А. Изучение памятников Ханкаринский дол и Чинета-II в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 205–210.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Реконструкция женского головного убора из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол // Социогенез в Северной Азии: мат. 3-й Всерос. конф. Иркутск, 2009. С. 125–128.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Семантика головных уборов «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань, 2010. С. 304–306.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 78–84.
- Дашковский П.К., Шабанова Д.Ю. Служители культа в кочевых обществах Центральной Азии: терминологический аспект // Неверовские чтения: мат. III Всерос. конф. (с междунар. участием), посвящ. 80-летию со дня рождения В.И. Неверова. Т. II: Теоретические и прикладные исследования в религиоведении. Барнаул, 2010. С. 18–27.
- Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006. 269 с.
- Джери Д., Джери Дж. Аристократия // Большой толковый социологический словарь. М., 2001. С. 37–38.
- Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 181–226.
- Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. 1980. №5. С. 102–130.
- Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 162 с.
- Добролюбский А.О. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982. С. 59–67.
- Добролюбский А.О. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев, 1987. С. 107–118.
- Доде З.В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. 2005. №4. С. 25–35.
- Дольник И.Р. Естественная история власти // Знание – сила. 1994. №10. С. 24–36.
- Доржурун Ц. Раскопки могил в горах Ноин-Ула // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 36–44.
- Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. М., 1971. Т. 1.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.

- Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Дробышев Ю.И. Эволюция материальной и духовной культуры сяньби // Вопросы истории. 2006. №1. С. 101–120.
- Дробышев Ю.И. Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае: мат. XL науч. конф. (Ученые записки отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2). М., 2010. С. 108–122.
- Дробышев Ю.И. Кто научил монголов поклоняться Небу? // Российская тюркология. 2012а. №1 (6). С. 77–90.
- Дробышев Ю.И. У истоков имперской идеологии средневековых монголов // Общество и государство в Китае. М., 2012б. Т. XLII, ч. 3. С. 274–314.
- Думан Л.И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XI. М., 1955.
- Думан П.И. Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до Нового времени) // Китай: традиции и современность. М., 1976.
- Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. М., 2000.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., комм. В.С. Таскина. М., 1979. 608 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997. С. 46–144.
- Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы, 2003. 178 с.
- Ерофеева И.В., Усманова Э.Р. Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII – первой четверти XIX в. // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2014. С. 643–669.
- Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе: Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. САЖ. 1961. Т. 6, №3. С. 194–234.
- Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–98.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. 388 с.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006. 159 с.
- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников. Астана, 2006. 360 с.
- Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат. междунар. конф. СПб., 1996. 202 с.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры. М., 1988. 196 с.
- Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. Алматы, 2003. 432 с.
- Жумаганбетов Т.С. Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. 2006а. №2. С. 119–126.
- Жумаганбетов Т.С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. 2006б. №4. С. 154–162.
- Жумаганбетов Т.С. Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2008. Вып. 27. № 34 (135). С. 14–19.
- Завойкина Н.В. Тапаеі'tai в истории Боспорского государства // Древности Боспора. М., 2004. Т. 7. С. 163–199.
- Зайцев Ю.П. «Склеп жриц» Усть-Альминского позднескифского некрополя // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 294–319.
- Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // История Казахстана в русских источниках. Алматы, 2007. Т. VI. С. 300–318.
- Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / подгот. публ. М.А. Чепелкина // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 96–126.
- Заходер Б. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1.
- Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южно-Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.

- Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. 296 с.
- Знать // Первый толковый БЭС. М.; СПб., 2006. С. 645.
- Золотое сказание / (пер. Г.С. Гороховой, А.Д. Цендиной) // История в трудах ученых лам. Сфера Евразии / сост. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М., 2005. С. 19–61.
- Зубец О.П. Аристократизм // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2000. Т. 1. С. 169–170.
- Зубов А.П., Павлова О.И. Религиозные аспекты политической культуры Древнего Востока: образ царя // Религии Древнего Востока. М., 1995.
- Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 153–161.
- Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. III. С. 105–123.
- Зуев В.Ю. Материалы к истории изучения прохоровских курганов в Оренбуржье (по итогам экспедиции 2001 г.). СПб., 2003. 71 с.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерк истории и идеологии. Алма-Ата, 2002. 338 с.
- Иакинф. Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными // Московский телеграф. 1828. №22.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986.
- Ибн-Даста Абу-Али Ахмед бен Омар. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах / пер. с араб. Д.А. Хвольсона. 3-е изд. М., 2014. 216 с.
- Иванов А.Г. Группы кушнареновско-каракуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры: мат. науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г. / под ред. С.Г. Баталова. Челябинск, 2007. С. 147–161.
- Ивлиев А.Л. Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 181–184.
- Из «Мунтахаб ат-таварих» Му'ин ад-дина Натанзи / пер. А.Х. Зияева // История Казахстана в персидских источниках. Т. V: Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Алматы, 2007. С. 47–84.
- Измайлов И.Л. Военное дело // История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006. С. 336–367.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. 377 с.
- Илюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 100–140.
- Илюков Л.С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник Царский) // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону, 2004. Вып. 1. С. 198–214.
- Илюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. 289 с.
- Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традиции Т. 2: Генеалогические грамоты и сакральные семейства: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе в XIX–XXI вв. / отв. ред. А. Муминов, А. фон Кюгельген, Д. ДеУис, М. Кемпер. Алматы, 2008. 368 с.
- Ислам-наме / пер. В.П. Юдина // Материалы по истории казахских ханств XV–XIII вв. Алма-Ата, 1969. С. 419–430.
- Исмагилов Р.Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 89–92.
- Исследования Великого города / отв. ред. В.В. Седов. М., 1976. 264 с.
- История Ат-Табари. Ташкент, 1987.
- История Железной империи. Новосибирск, 2007.
- История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / пер. М.Х. Абусеитовой, Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006. 620 с.
- «История татар» Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя» / пер. С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко. СПб., 2002. С. 72–126.
- История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006. 960 с.
- История царствования Алла-кули-хана: извлечения из «Рияз-уд-довле», сочинение Мухаммед Риза мираба Агехи / пер. А.К. Боровкова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. Т. 2. С. 427–476.

- История царствования Мухаммед-Эмин-хана: извлечения из «Джами-уль-вакыат-и-султани», сочинение Агехи / пер. З. Аксакова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. Т. 2. С. 500–561.
- Кавахара Я. «Святыне семейства» Маргелана в Кокандском ханстве в XIX в. // *Raх Islamica*. 2010. №1 (4). С. 121–139.
- Казаков Е.П. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1985. С. 21–27.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992. 335 с.
- Казаков Е.П. О становлении государственности Волжской Булгарии в IX–XI вв. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: мат. науч. конф. / отв. ред. А.А. Арсланова. Казань, 2000. С. 21–27.
- Калинина Т.М. «Царь славян» Ибн Фадлана // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1994. С. 15–16.
- Калинина Т.М. Знать хазар по данным арабо-персидских источников // Хазарский альманах / гл. ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков, 2005а. Т. 4. С. 43–56.
- Калинина Т.М. Рассказы арабских путешественников Ибн Фадлана и Абу Хамида Ал-Гарнати о великане в Поволжье // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г.: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2005б. С. 91–101.
- Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. 208 с.
- Калиновская К.П., Марков Г.Е. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестник МГУ. Сер.: История. 1987. №6. С. 56–69.
- Камалов А.К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001. 216 с.
- Карагодин А.И. Дуальная организация у приволжских калмыков // Советская этнография. 1984. №5. С. 25–36.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / пер. с итал. М., 1987.
- Кастанье И.А. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1913. Вып. XXIX. С. 73–83.
- Кельзен Г. Динамический аспект права // Конституция и власть: сравнительно-исторические исследования: пробл.-темат. сб. М., 1994. С. 144–164.
- Килуновская М.Е. Произведения мелкой пластики из Тувы // Проблемы археологии. 3. СПб., 1994. С. 109–122.
- Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2. С. 91–101.
- Китайско-русский словарь Палладия и П.С. Попова. Пекин, 1888. Т. 1.
- Киришин Ю.Ф., Шульга П.И., Дёмин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 29–36.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 216 с.
- Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в Монголии // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 486–487.
- Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. №3. С. 82–95.
- Кляшторный С.Г. Тэсинская стела (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. №6. С. 76–90.
- Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 159–168.
- Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М., 1986а. С. 217–228.
- Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986б. С. 312–339.
- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.

- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.
- Кляшторный С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 100–103.
- Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2. С. 23–31.
- Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. 328 с.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Сэврэйский камень // Советская тюркология. 1971а. №3. С. 106–112.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971б. Вып. X. С. 121–146.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992. 379 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. 2-е изд. СПб., 2004. 368 с.
- Книга Марко Поло / пер. И.П. Минаева. М., 1956. 376 с.
- Кобахидзе Е.И. Старейшины (старшины) в дореформенной Осетии // Дарьял. Владикавказ, 2002. №1. С. 244–255.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбатар Д., Идерхангай Т.О. Элитный хуннский курган Хух Удзуурийн Дугуй II-I в Булган сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. междунар. конф. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 329–342.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. 348 с.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongolun Niuša Tobšaаn. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л., 1941. Т. I. 620 с.
- Кокорина Н.А. Гончарное производство // История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006. С. 278–286.
- Колода В.В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах / гл. ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков, 2005. Т. 4. С. 216–233.
- Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2010. С. 169–207.
- Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII – XII в. н.э.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 221 с.
- Коновалов П.Б. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993. С. 5–29.
- Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ, 2008. 98 с.
- Коновалова И.Г. К вопросу об источниках Ибн Фадлана о народах Восточной Европы // Хазарский альманах / гл. ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков, 2005. Т. 4. С. 35–42.
- Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, пер., коммент. М., 2006. 328 с.
- Коновалова И.Г. Пространство путешественника // Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен / под ред. А.В. Толстикова, И.Г. Галковой. М., 2010. С. 40–49.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / отв. ред. Л.И. Грацианская, В.К. Ронин. М., 1989. 496 с.
- Кормушин И.В. Текстологические исследования по древнетюркским памятникам. I // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 140–149.
- Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М., 2006. 112 с.

Корпус боспорских надписей / под ред. В.В. Струве. М., 1965. 954 с.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск, 1993. 152 с.

Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк, 2005. Т. 4. С. 153–186.

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорова: (материалы экспедиции 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья: хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк, 2005. Т. 4. С. 261–356.

Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблема археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 19–23.

Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. 240 с.

Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993. С. 192–209.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. Владивосток, 1996. 164 с.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути в цивилизации: монография. М., 2000. С. 314–336.

Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001а. 312 с.

Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001б. №4.

Крадин Н.Н. Политическая антропология: учеб. пособие. М., 2001в. 213 с.

Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.): доклады российской делегации. М., 2002. С. 72–78.

Крадин Н.Н. Символика власти в археологии и этнологии // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 439–441.

Крадин Н.Н. Политическая антропология: учебник. М., 2004. 270 с.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007. 416 с.

Крадин Н.Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 330–346.

Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 72 (1–2). С. 330–352.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004. 106 с.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо. М., 2014. 351 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. 557 с.

Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: Культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. 364 с.

Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 212–224.

Кредер А.А. Аристократия // Словарь по новейшей истории. М., 1998. С. 19–20.

Крушанов А.А. Элиты теории // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд. М., 2001. С. 684–685.

Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 25–36.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Кудрявцев А. Феодальный Дербент. Пути и закономерности развития города в VI – середине XIII в. М., 1993.

- Кузнецова Т.М. Археологические маркеры погребения «номарха» // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запорозжє, 2009. Т. XV. С. 79–85.
- Кузнецова Т.М. Бідолашний Орік // Археологія. 2012. №3. С. 45–51.
- Кузьмин Н.Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 127–138.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе. 1986. 134 с.
- Кукушкин И.А. Семантика массовых захоронений лошадей в царских курганах ранних кочевников // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сб. науч. тр. Барнаул, 2004. С. 276–283.
- Кулаков В.И. Социальная стратификация могильника Ирзекапнис // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев) / отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М., 1993. С. 106–118.
- Кулиновская М.Е. Золотые изделия скифского времени из Тувы // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 106–111.
- Культура политическая // Политология: словарь-справочник / гл. ред. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М., 2000. С. 128.
- Курат А.Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / пер. с турец. Р.Р. Галеева. Казань, 2014. 256 с.
- Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып 1.
- Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып 2.
- Курганы левобережного Илека. М., 1995. Вып 3.
- Курганы левобережного Илека. М., 1996. Вып 4.
- Куринских О.И. Виды погребальных конструкций в могильниках у с. Покровка (савроматская и раннесарматская эпоха) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 63–85.
- Куринских О.И. Колчанные наборы ранних кочевников левобережного Илека VI–II вв. до н.э.: аспекты хронологии (по материалам могильников у с. Покровка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 218–221.
- Курманкулов Ж., Раймкулов Б., Иштангали С. Исследования курганного отряда №2 УКАЭ на могильнике Кырык-Оба-2 // Вестник археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 87–92.
- Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н.э. и курган Аржан // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 105–117.
- Курчатов С.И., Симоненко О.В., Чирков А.Ю. Сарматский воинский могильник на Среднем Прути // Археологія. 1995. №1. С. 112–123.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему // Российская археология. 1995. №2. С. 99–104.
- Кызласов И.Л. Начало обсуждения материалов гробницы Майхан-Ул // Вопросы тюркологии. 2012. №2. С. 95–110.
- Кызласов Л.Р. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев в VI–XIII вв. (язык, письменности, религия) // Этнографическое обозрение. 2004. №6. С. 3–13.
- Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.
- Кычанов Е.И. Тангутские пайцзы // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 266–270.
- Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. 1978. Вып. 26 (89). С. 76–86.
- Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980. 191 с.
- Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986а.
- Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века: история и культура народов Азии. Новосибирск, 1986б. С. 94–98.
- Кычанов Е.И. О единстве дальневосточного культурного региона // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Душанбе. М., 1988. Т. 1.
- Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995. 271 с.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 319 с.
- Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010. 364 с.

- Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004. 516 с.
- Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Литаврин Г.Г. Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI–X вв. // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 100–108.
- Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей). // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 18–49.
- Лотман Ю.М. Культура и информация. София, 1992.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М., 1988. С. 352–391.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути. М., 1994.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / пер. Н.П. Шастиной. М., 1973.
- Лю Маодай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / пер. В.Н. Добжанского, Л.Н. Ермоленко // Бюллетень общества востоковедов. Прил. I. М., 2002. 126 с.
- Ляо ши (История Ляо) / сост. То Кэ То и др. // Сыбу бэйяо (Собрание основных произведений по четырем разделам). Шанхай, 1936. Т. 33. 434 с.
- Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. 2-е изд. М., 2014. 232 с.
- Майтдинова Г.М. О трансформации головного убора у древних кочевников (к истории одежды раннего средневековья) // Культура среднего Востока (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л., 1951. 452 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. 112 с.
- Малышев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008. 365 с.
- Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. // История и культура востока Азии. Новосибирск, 1974. Т. 2.
- Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 65–82.
- Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 103–126.
- Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии: (материалы и исследования). Новосибирск, 1981. 336 с.
- Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. 296 с.
- Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск, 1989. 432 с.
- Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск, 1992.
- Манакиб-и Дукчи Ишан (Аноним жития Дукчи Ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 г.) / пер. с араб., введ. и коммент. Б.М. Бабаджанова. Алматы, 2004. 398 с.
- Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987. 141 с.
- Маодай Лю. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / отв. ред. Д.Д. Васильев; пер. с нем. В.Н. Добжанского, Л.Н. Ермоленко. М., 2002. 126 с.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. 319 с.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд, испр. М., 2010. 320 с.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 1–167.
- Марсадолов Л.С. К вопросу о семантике кургана Аржан // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово. 1989. Ч. 2. С. 33–35.
- Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат. Всерос. науч. конф. Барнаул, 1997. С. 96–99.

- Мартынов А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайского императора в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. №5.
- Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. 338 с.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевых обществ. Алматы; М., 1995. 320 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. 191 с.
- Массон В.М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: (материалы заседаний круглого стола 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб., 1994. С. 1–8.
- Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.
- Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именниковская культура: учеб. пособие. Самара, 2003. 160 с.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000. 399 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / введ., пер. и прим. В.С. Таскина. М., 1968. Вып. 1. 239 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / введ., пер. и прим. В.С. Таскина. М., 1973. Вып. 2. 250 с.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. и комм. В.С. Таскина. М., 1984. 486 с.
- Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 23 с.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 152–183.
- Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 220 с.
- Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. 252 с.
- Медведев А.П. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2010. Вып. 10. С. 140–146.
- Мейкшан И.А. Титул правителя Хуннской империи как отражение системы макрокосмоса кочевников // Актуальные проблемы развития социально-политического и религиозного пространства России: сб. ст. / под ред. П.К. Дашковского, Е.В. Притчиной. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 111–115.
- Мейкшан И.А. К проблеме выделения элиты хунну Центральной Азии (по материалам письменных источников) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск, 2008а. Вып. 7. С. 58–67.
- Мейкшан И.А. Проблема совмещения элит в кочевом обществе хунну Центральной Азии // Актуальные проблемы социально-политического и религиозного пространства России. Барнаул, 2008б. Вып. 4. С. 79–86.
- Мейкшан И.А. Выделение критериев погребального обряда элиты хунну (к постановке проблемы) // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): мат. XLIX регион. археол.-этнограф. конф. / отв. ред. Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова. Кемерово, 2009. С. 142–143.
- Мейкшан И.А. Элита, аристократия, знать в кочевом обществе: некоторые аспекты изучения по материалам письменных и археологических источников // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2011. №4/1. С. 142–147.
- Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. С двумя таблицами надписей // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1899. Т. XII, вып. II–III. С. 1–144.
- Мельник В.А. Политическая культура // Современный словарь по политологии. Минск, 2004. С. 320–324.
- Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V–XIV вв. М., 1998. 255 с.
- Миняев С.С. Социальная планиграфия погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (соц. структура и общественные отношения) // Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 115–117.

- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.
- Миняев С.С. Элитный комплекс суннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №2. С. 49–58.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса №7 в могильнике Царам // Археологические вести. СПб., 2002. №9. С. 86–119.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сунну в пади Царам // Российская археология. 2007а. №1. С. 159–166.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. 2007б. Вып. 14. С. 130–137.
- Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / пер., прим. Л.М. Епифановой. М., 1962. 179 с.
- Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / пр. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент, 1996. 727 с.
- Мирза Салимбек. Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата) / пер. Н.К. Норкулова. Ташкент, 2009. 329 с.
- Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. II. С. 46–48.
- Могильников В.А. Курган №5 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 187–234.
- Мозолевский Б.М. Товста Могила. Киев, 1979. 248 с.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана №2 могильника Покровка-2 в 1991 г. // Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1. С. 15–17.
- Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. №10. С. 187–198.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Мохов В.П. Об определении понятия «элита» // Общество и экономика. 2008. №3–4. С. 130–143.
- Мошкова М.Г. Сарматские курганы Оренбургской области // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 83. С. 115–126.
- Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. №115. С. 206–242.
- Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумаковского могильника близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1972. №153 (Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени). С. 27–48.
- Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 258–268.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат. VII Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2011. С. 162–167.
- Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. 224 с.
- Мункуев Н.Ц., Таскин В.С. Об общности института побратимства и термина *jad* у киданей и монголов // Этнографическое обозрение. 1971. №4. С. 149–152.
- Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. 86 с.
- Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев, 2014. 119 с.
- Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Архітектура Бердянського кургану // Археологія. 1998. №2. С. 82–93.
- Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского гос. пед. университета в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 19689.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, хронология, развитие: мат. IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. С. 71–84.
- Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар): факсимиле / пер. Н.Ц. Мункуева. М., 1975. 287 с.
- Наглер А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о хозяйственных типах в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 87–91.
- Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. 215 с.

- Некрасов А.М. Крым – центр причерноморской контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 22–41.
- Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011. 304 с.
- Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш. Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006. С. 139–150.
- Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). // Восточный Туркестан и Средняя Азия: история, культура, связи. М., 1984. С. 121–137.
- Никитин А.Б. Христианство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 533–549.
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. 350 с.
- Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 203–218.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Ням-Осор Н. Монгольское государство и государственность в XIII–XIV вв. Улан-Удэ, 2003. 285 с.
- Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 210–218.
- Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток: история, филология. М., 1984. С. 215–223.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.
- Ожегов С.И. Знать // Словарь русского языка. 25-е изд. М., 2006. С. 230.
- Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. №2. С. 85–99.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. 188 с.
- Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа // Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 тал.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Ч. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 290 с.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М., 2012. 472 с.
- Павленко Ю.В. Концепція рабовласницької формації: виникнення, криза та сучасний стан // Археологія. 1990. №4. С. 125–136.
- Панов В.А. К истории народов Средней Азии. Вып. 1: Сюнну (Хунну). Турецкое происхождение народа Сюнну (Хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916. 81 с.
- Панов В.А. К истории народов Средней Азии. Владивосток, 1918. Вып. 2. 168 с.
- Панова Р. Столичният град в културата на средновековна България. София, 1995.
- Переводчикова Е.В., Таиров А.Д. Произведения скифского звериного стиля из 1-го филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2010. Вып. 11. С. 198–212.
- Перерва Е.В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 27 с.
- Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. С. 129–244.
- Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976. 240 с.
- Пиков Г.Г. О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986. С. 24–33.
- Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989.
- Пиков Г.Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002а. С. 190–203.
- Пиков Г.Г. Специфика кочевой империи (на примере киданьского государства Ляо) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2002б. Т. 1. вып. 2: Востоковедение. С. 18–30.
- Пиков Г.Г. Киданьский язык как «искусственная» коммуникативная система // Шестые Макушинские чтения. Новосибирск, 2003а. С. 261–264.

- Пиков Г.Г. Специфика государственного устройства киданьских государств (Ляо и Си Ляо) // История и социология государства. Новосибирск, 2003б. С. 67–113.
- Пиков Г.Г. Безмолвствующая культура киданей // ALTAICA. X: сб. ст. и мат. М., 2005. С. 141–168.
- Пиков Г.Г. «Киданьский ренессанс» // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. С. 269–280.
- Пиков Г.Г. Кочевая империя как феномен восточноазиатской истории // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор, 2012. Т. 2. С. 420–426.
- Плано Карпини. История Монгалов. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / отв. ред. Н.П. Шастина. М., 1957 С. 23–83.
- Плетнёва С.А. Хазары. М., 1976.
- Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1981. С. 77–79.
- Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. 180 с.
- Плетнева С.А. Возможности выделения социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // Российская археология. 1993. №4. С. 160–175.
- Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.): учеб. пособие. Воронеж, 2003. 248 с.
- Плетнева С.А. Половцы. М., 2010. 211 с.
- Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 2006. 136 с.
- Политическая культура // Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянова. М., 1993. С. 264–266.
- Политология: энциклопедический словарь. М., 1993.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. 1.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. 184 с.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008а. №2. С. 77–87.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Ханьская колесница из кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008б. №4. С. 63–70.
- Попов П.В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань, 2011. С. 60–88.
- Попов С.А. Тайны Пятимаров. 2-е доп. изд. Челябинск, 1982. 248 с.
- Попова И. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
- Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманизма // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978а. С. 3–36.
- Потапов Л.П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978б. С. 50–64.
- Почекаев Р.Ю. Эволюция торе в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 530–543.
- Почекаев Р.Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии М., 2006. С. 164–173.
- Почекаев Р.Ю. «Закон», «обычай», «традиция» средневековых монголов в «Книге о тартарах» Иоанна де Плано Карпини // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №2. С. 141–149.
- Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009а. 260 с.
- Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // ТС. 2007–2008. М., 2009б. С. 320–326.
- Почекаев Р.Ю. Альтернатива Чингизидам? Ногайская Орда и Джунгарское (Ойратское) ханство: сравнительная политико-правовая характеристика // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. II. С. 118–137.

- Почекаев Р.Ю. Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2013. №1. С. 96–109.
- Продолжение «Фирдаус ал-икбаль» / пер. П.П. Иванова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. Т. II. 700 с.
- Прокопий Кессарийский. Тайная история. М., 1993.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971. 134 с.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 200 с.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа. 2013. 278 с.
- Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилуе (Краткие известия о черных татарах) / пер. Р.П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 27–120.
- Пэрлэ Х. Собственно монгольские племена в период Киданьской империи // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. V. С. 314–317.
- Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. 12. 106 с.
- Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893 (Приложение к LXXII тому Записок Импер. академии наук №2).
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. 215 с.
- Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / пер. с англ. М.А. Кабанова. М., 1988. 478 с.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Распопова В.И. Согдийский город и кочевая степь в VII–VIII вв. // Краткие сообщения Института археологии СССР. 1970. Вып. 122. С. 86–91.
- Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX в. София, 2008. 600 с. (на болгар. яз.).
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л., 1952а. Т. I, кн. 1. 212 с.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952б. Т. I, кн. 2. 315 с.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. Ю.П. Верховского. М.; Л., 1960. Т. II. 248 с.
- Ресалэ-и-Якуби (Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана) / пер. И. Первышева // Историк-марксист. 1940. №3 (73). С. 127–136.
- Решетов А.М. Дракон в китайской культурной и политической традиции // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 142–163.
- Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев, 2000. 320 с.
- Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П.К. Коковцова и С.И. Руденка // Материалы по археологии России, издаваемые Государственной археологической комиссией. Петроград, 1918. №37. 83 с. с табл.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России: атлас. СПб., 1913. 112 табл.
- Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. Петроград, 1918. 190 с.
- Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. 2-е изд. М., 2002. 156 с.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / отв. ред. Н.П. Шастина. М., 1957. С. 85–194.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: исследование и каталог. Казань, 2001. 256 с.
- Руденко К.А. Новые находки деталей пластинчатого доспеха из Волжской Булгарии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии / под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелевой. Новосибирск, 2002. С. 59–64.
- Руденко К.А. Экологическая адаптация кочевого населения и формирование средневековой поселенческой структуры в Среднем Поволжье в VIII–XIV вв. н.э. // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 170–172.
- Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Казань, 2011. Т. I. 256 с.
- Руденко К.А. Противостояние или симбиоз: население степи и леса в Среднем Поволжье в IX–XIV вв. (историко-археологические аспекты взаимодействия) // Степи Северной Евразии: мат. VI меж-

дунар. симпозиума и VIII междунар. школы-семинара «Геоэкологические проблемы степных регионов» / науч. ред. А.А. Чибилёв. Оренбург, 2012. С. 622–625.

Руденко К.А. Волжские булгары в этнокультурном пространстве Волго-Камья в IX – начале XI в. // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: сб. ст. Ижевск, 2013а. С. 238–268.

Руденко К.А. Динамика освоения булгарским населением территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в IX–XI вв. и его экологическая адаптация // Динамика современных экосистем в голоцене: мат. Третьей Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). Казань, 2013б. С. 306–308.

Руденко К.А. Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2013в. Вып. VI. С. 72–101.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань, 2014а. 768 с.

Руденко К.А. Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.И. Соёнова. Горно-Алтайск, 2014б. №7(19). С. 224–244.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань, 2015. Т. II. 528 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. 203 с.

Рукавишников И.В., Яблонский Л.Т. Исследование кургана №2 могильника Филипповка-2 // Российская археология. 2014. №4. С. 118–133.

Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин, 1931.

Сабитов Ж.М. Генеалогия «Торе». Астана, 2008. 326 с.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Проблемы сарматской археологии и истории. Уфа, 2014.

Савельева Т.В., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // Вестник древней истории. 1972. №3. С. 106–123.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 80–89.

Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2. С. 31–43.

Савченко Е.И. Мощевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе // Российская археология. 1999. №1. С. 125–141.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры у хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 113–137.

Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 113–137.

Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. I. 242 с.; ч. II–III. 269 с.

Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. 295 с.

Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань, 2011. 170 с.

Сангирова Д.Х. «Тарихи Азизи» – важный источник по истории изучения царского колониального периода: автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000. 34 с.

Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. II. С. 283–287.

Сарткожаулы К., Очир А., Эрдэнболд Р., Каржаубайулы Ж. Древнетюркский мавзолей раннего средневековья: (предварительный обзор) // Вопросы тюркологии. 2012. №2. С. 80–94.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. 308 с.

- Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1851. Кн. 5. С. 140–154.
- Сдыков М.Н. Степная пирамида. Уральск, 2008. 211 с.
- Сдыков М.Н., Бисембаев А.А. Исследования на могильнике Кырык-Оба: некоторые итоги и перспективы // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. Уфа, 2006. С. 114–116.
- Сейткалиев М.К. Ближневосточный импорт в погребениях ранних кочевников Западного Казахстана (по материалам кургана №2 (05) некрополя Кырык-Оба-II) // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер.: Общественные науки. 2009. №1. С. 62–69.
- Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009. 232 с.
- Семенов Вл.А. Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. 1999. С. 165–170.
- Семенов-Зусер С.А. Родовая организация у скифов Геродота // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. 9, вып. 1. 34 с.
- Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное дело // История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006. С. 249–258.
- Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 372 с.
- Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2009. №4/2. С. 190–194.
- Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. 2010. С. 171–180.
- Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2013а. 206 с.
- Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // Краткие сообщения Института археологии. 2013б. Вып. 229. С. 71–83.
- Симеонова Л. Семиотика на униженieto: високопоставени чужденци в имперската столица през Х в. // Родина. 1996. №4. С. 29–43.
- Симоненко А.В. О военном деле сарматов Северного Причерноморья // Роль кочевников в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 26–42.
- Сиранси И. Исследование процесса образования Монгольской империи с точки зрения социальной эволюции // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток, 2015. Вып. 3. С. 422–428.
- Сиротин С.В. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 136–139.
- Сиротин С.В. Комплексы эпохи ранних кочевников одиночного кургана Яковлевка-II из Зауральской Башкирии // XVIII Уральское археологическое совещание. 2010. С. 240–243.
- Сиротин С.В. Комплекс с предметами ахеменидского круга одиночного кургана Яковлевка-II // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. II. С. 157–162.
- Скальник П. Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // Советская этнография. 1991. №3. С. 144–146.
- Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане №5 могильника Березки-I // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 382–393.
- Скифы Западного Казахстана / под ред. М.Н. Сдыкова. Алматы, 2007. 207 с.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992. 47 с.
- Скрипкин А.С. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б.Н. Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов)» // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 9. С. 11–35.
- Скрынникова Т.Д. Роль буддизма в формировании политических идей в Монголии (XIII–XVII вв.) // Методологические аспекты изучения истории духовной культуры Востока. Улан-Удэ, 1988.
- Скрынникова Т.Д. Сакральность правителя в представлении монголов XIII в. // Народы Азии и Африки. 1989. №1. С. 67–75.
- Скрынникова Т.Д. Право в монгольской традиционной политической культуре // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997): докл. рос. делегации. М., 1997а. С. 66–69.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997б. 216 с.

Скрынникова Т.Д. Сакральное право средневековых монголов // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: мат. междунар. науч. конф. (Звенигород, 2–5 июня 2001 г.). М., 2002. С. 143–146.

Скрынникова Т.Д. Древнетюркские корни правящей элиты Монгольской империи // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012. С. 124–137.

Скрынникова Т.Д. Концепция *törü* в монгольском буддизме XVII в. // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Пятые Доржиевские чтения. Буддизм и современный мир: мат. конф., Санкт-Петербург, 13–15 июня 2012 г. СПб., 2013а. С. 95–106.

Скрынникова Т.Д. Представления о законе в монгольских летописях XVII в. // Страны и народы Востока. М., 2013б. Вып. XXXIV. С. 131–151.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана / 2-е изд., доп. СПб., 2013в. 384 с.

Смаилов Ж.Е. Исследование могильника Кырык-Оба // Культурное наследие: отчет об археологических исследованиях по государственной программе в 2005 г. / под ред. К.М. Байпакова. Алматы, 2006. С. 139–141.

Смаилов Ж.Е. Некрополь Кырык-Оба. Алматы, 2007.

Смаилов Ж.Е. Материалы раскопок Института археологии им. А.Х. Маргулана // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. 2. С. 29–33.

Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования на могильнике Кырык Оба-II в 2008 г. // Культурное наследие: отчет об археологических исследованиях по государственной программе в 2008 г. Алматы, 2009. С. 178–181.

Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Исследование могильника Кырык-Оба // Культурное наследие: отчет об археологических исследованиях по государственной программе в 2006 г. / под ред. К.М. Байпакова. Алматы, 2007. С. 159–162.

Смирнов А.П. Исследования городища Сувар // Советская археология. 1937. №4. С. 330–332.

Смирнов А.П. Очерки по истории волжских булгар // Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Вып. XI. С. 50–129.

Смирнов А.П. Сувар. Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. М., 1941. Вып. XVI. С. 135–171.

Смирнов А.П. Скифы. М., 1966. 200 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. М., 2005. 544 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 379 с.

Смирнов К.Ф. Раскопки древних курганов под Орском // Вопросы истории. 1973. №7. С. 214–219.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. 175 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 3–51.

Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 56–64.

Сорочан С. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // Византийский временник. 2003. Т. 62. С. 21–46.

Стариков В.С. Из истории изучения киданьской художественной литературы // Страны и народы Востока. М., 1968. Вып. 6. С. 148–151.

Старостин П.Н. Остатки Древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей: мат. Учредительного Международного конгресса /отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов. Казань, 2007. Т. II. С. 140–144.

Статистическая обработка погребальных памятников азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М., 1994. 119 с.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009. 176 с.

Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII вв. М., 1965.

Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.

Степанов Ц. Границы, идентичности и дружба в степна Евразия през VI–IX вв. (тюрки, уйгуры, хазары) // 50 години специалност «тюркология» в Софийския университет «Свети Климент Охридски»: юбил. сб. София, 2004. С. 288–305.

- Степанов Ц. Българите и степната империя през Ранното средновековие: Проблемът за Другите. София, 2005а.
- Степанов Ц. Време, памет и забрава в Рах Nomadica през VI–IX вв. // Културните текстове на миналото. Носители, символи и идеи. Т. 1: Текстовете на историята, история на текстовете: сб. в чест на проф. Казимир Попконстантинов. София, 2005b. С. 151–157.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981. №18.
- Стратанович Г.Г. К вопросу о наименовании государства Кидань и Ляо // Топонимика Востока: новые исследования. М., 1964.
- Стратанович Г.Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: мат. Всес. конф. Сер. литературы, фольклора и истории. Элиста, 1974. Вып. I. С. 220–230.
- Стурлусон С. Круг земной. М., 1995. 689 с.
- Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С. 53–61.
- Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 72–87.
- Суровцов М.Н. Ответ на тему «О владычестве киданей в Средней Азии» // Архив востоковедов Института восточных рукописей. Фонд А.М. Позднеева. №44. Оп. 1. Ед. хр. 278.
- Сухбатор Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 61–71.
- Сыма Цянь. Исторические записки / пер. Р.В. Вяткина. М., 2002. Т. 8. 510 с.
- Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. М., 1975.
- Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф / пер. В.П. Юдина // Материалы по истории казахских ханств. XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С. 232–236.
- Таиров А.Д. Генезис раннесарматской прохоровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2. С. 87–96.
- Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. 68 с.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 32.
- Таиров А.Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // Вестник древней истории. 2006. №1. С. 135.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–159.
- Тарих-и Кашгар / пер. В.П. Юдина // Материалы по истории казахских ханств. XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С. 398–418.
- Таскин В.С. Китайские источники по истории династии Ляо // Страны Дальнего Востока (история и экономика). М., 1971. С. 62–182.
- Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // Советская археология. 1966. №2. С. 33–49.
- Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 3–28.
- Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 113–128.
- Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1994. 150 с.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. 564 с.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. 308 с.
- Тихонов Д. Основные этапы развития культуры уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: мат. I республ. уйгуроведческой конф., 29–31 мая 1979. Алма-Ата, 1983.
- Тишин В.В. К проблеме форм эксплуатации и социальной зависимости в древнетюркской среде VI–XI вв.: историографический обзор // Этнографическое обозрение. 2014а. №4. С. 93–107.
- Тишин В.В. К вопросу о двоевластии в Тюркском каганате // Восток (Oriens). 2014б. №2. С. 23–33.
- Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 554 с.
- Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. II. С. 43–56.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии ИАиЭ СО РАН. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 50–59.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

Толочко И.В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. – V в. н.э.): опыт сравнительного изучения: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 312 с.

Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб., 2013. 208 с.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в.: политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. 633 с.

Тощенко Ж.Т. Аристократизм // Политическая энциклопедия: в 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 71.

Тощенко Ж.Т. Аристократия // Политическая энциклопедия: в 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 71.

Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 145–169.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С. Комплекс с предметами ахеменидского круга Ново-Кумакского могильника // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. II. С. 51–53.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. II. С. 54–64.

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. I. С. 282–284.

Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи XIII в. // Archivum Eurasiae medii aevi. Т. VII. 1987–1991. Wiesbaden, 1991a. P. 249–278.

Трепавлов В.В. Төрү у древних тюрков и монголов // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: информ. бюлл. 1991б. Вып. 18. С. 19–30.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. 168 с.

Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи: к проблеме восточных заимствований в российской государственности // Восток (Oriens). 1994. №2. С. 49–62.

Трепавлов В.В. Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Herausgegeben von Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2004. S. 279–292.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 351–374.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 185–193.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М., 2008. 192 с.

Тухтиев И. Нумизматические материалы как источник по истории Восточного Туркестана (XVIII – начало XX в.): автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1989. 25 с.

Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – гранична зона на византийския Запад. София, 1976.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Нэй Мэнгу Алучжайдэн фасяньды сюнну му [Хуннские вещи, найденные в Алучжайдэн, Внутренняя Монголия] // Каогу. 1980. №4. С. 333–338 (на кит. яз.).

Угдыжеков С.А. О власти правителя в Хакасии VI–XIII вв. // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 156–162.

- Угдыжеков С.А. О сакральном характере власти правителя в Хакасии VI–X вв // Известия Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Сер. 7: Общественно-политические науки. Абакан, 1998. Вып. VII. С. 34–45.
- Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана / предисл., транскр., пер. Л.Ю. Тугушевой. М., 2013. 328 с.
- Устав об управлении сибирских киргизов // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XXXVIII. №29127. С. 417–433.
- У Энь. Чжунго бэйфан цинтун тоудяо дайши [Бронзовые поясные украшения на севере Китая] // Каогу сюебао. 1983. №1. С. 25–37 (на кит. яз.).
- У Энь. Лунь сюнну каогу яньцзю чжунди цзигэ вэньди [О некоторых проблемах археологического изучения сюнну] // Каогу сюебао. 1990. №4 (на кит. яз.).
- Фавстос Бузанд. История Армении / пер. М.А. Геворкяна. Ереван, 1953. 238 с.
- Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография болгарских городищ. Советская археология. 1990. №4. С. 68–84.
- Фирдаус ал-икбал / пер. Н.Н. Мингулова // Материалы по истории казахских ханств. XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С. 431–475.
- Фирдаус ал-икбал, сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи / пер. П.П. Иванова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. Т. 2. С. 323–354.
- Фирсов К.Б. Могильник Мечетсай // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. I. С. 45–50.
- Флёров В.С. О социальном строе в Хазарском каганате (на материалах Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев) / отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М., 1993. С. 119–133.
- Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011. 264 с.
- Флёрова В.А. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк, 2001. С. 163–190.
- Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 215–253.
- Флоря Б.Н. «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 142–151.
- Фодор И. Венгры: древняя история и обретение Родины. Пермь, 2015. 132 с.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 172 с.
- Хазанов А.М. О характере рабовладения у скифов // Вестник древней истории. 1972. №1. С. 159–170.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. 343 с.
- Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы. Исследования по общей этнографии / отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1979. С. 125–177.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы, 2000. 604 с.
- Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе / Раннее государство, его альтернативы и аналогии: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 468–489.
- Хазанов А.М. Кочевые государства и государства кочевников. Тавтология или история? // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Алматы, 2007. С. 9–16.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб., 2008. 512 с.
- Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2011. 336 с.
- Хамфри К., Хурэлбат А. Значение термина *törü* в монгольской истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 464–482.
- Хара-Даван Э. Чингиз-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. Алма-Ата, 1992. 272 с.
- Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н.э. – начала II тыс. н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 108–114.
- Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди (Дополнение к собранию историй Рашида) / пер. с перс., пред., коммент., прим. Э.Р. Талышханова. Казань, 2011. 320 с.

- Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы, 1995. 288 с.
- Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: мат. францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002. 478 с.
- Худяков Ю.С. Роль военного дела в социальной стратификации кочевого общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат. Всерос. науч. конф. Барнаул, 1997. С. 9–11.
- Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.
- Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.): учеб. пособие. Казань, 2006а. 583 с.
- Хузин Ф.Ш. Булгарские города и проблемы их происхождения // История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006б. С. 152–162.
- Хузин Ф.Ш. Городская застройка: жилые дома, хозяйственные постройки и общественные здания // История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань, 2006в. С. 205–226.
- Хузин Ф.Ш. Некоторые проблемы изучения ранних этапов булгарской цивилизации на Волге // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи: мат. II Междунар. Болгарского форума / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2013. С. 210–220.
- ЦГА РУз. Ф. И-125 (канцелярия хивинского хана). Электронная версия с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.
- Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 51–87.
- Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. 239 с.
- Черников С.С. Загадка Золотого кургана. М., 1965. 189 с.
- Черных Е.Н. Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественно-научные методы в археологии. М., 1989. С. 24.
- Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М., 1979. 87 с.
- Чингисхан: История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / пер. Е.Е. Харитоновой. М., 2004.
- Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (сер. II – сер. IV вв. н.э.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2009. 37 с.
- Шведчикова Т.Ю. Искусственная деформация головы как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 25 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. 352 с.
- Шер Я. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда / пер. с англ. М., 1981.
- Шираиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 239–250.
- Шифман И.Ш. Заметки по эпиграфике Пальмиры // Палестинский сборник. 1987. Вып. 29. С. 85–90.
- Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 2. С. 40–43.
- Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. 132 с. (Археологические изыскания. Вып. 18).
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Т. II: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. / введ., биогр., коммент., сост. И.В. Ерофеевой. Алматы, 2014. 1032 с.
- Эрдэнэболд Л. Исследования саркофагов уйгурских аристократов на территории Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. междунар. науч. конф. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 500–510.
- Эрдэнэбаатар Д. и др. Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын: Хуннугийн язгууртны булшны судалгаа. Улаанбаатар, 2015. 256 с.
- Эрэгзэн Г., Алдармунх П. Дурлин нарсаны Хунну булш-II. Улаанбаатар, 2015. 307 с.
- Юрченко А.Г. Империя и космос: реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002. 432 с.

- Яблонский Л.Т. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1. С. 18–55.
- Яблонский Л.Т. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // АПО. 1998а. Вып. 2. С. 97–119.
- Яблонский Л.Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998б. Вып. 1. С. 8–24.
- Яблонский Л.Т. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 325–339.
- Яблонский Л.Т. Миграционные процессы в восточной части Евразийских степей в начале раннего железного века // Антропология на пороге III тысячелетия. М., 2003. Т. 1. С. 218–233.
- Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: мат. семинара Центра истории и культуры сарматов. Волгоград, 2007а. Вып. II. С. 4–36.
- Яблонский Л.Т. Сокровища сарматского кургана // Природа. 2007б. №8. С. 59–62.
- Яблонский Л.Т. Курганы сарматских вождей в Южном Приуралье // National Geographic. 2007в. С. 122–135.
- Яблонский Л.Т. Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004–2007 гг.): каталог. Оренбург, 2008а. С. 41–77.
- Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского-I могильника // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Лопатина. Саратов, 2008б. Вып. 6. С. 253–267.
- Яблонский Л.Т. Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004–2007 гг.) // Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008в. С. 41–77.
- Яблонский Л.Т. «Амазонка» из Прохоровки // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 256–268.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии // Материалы и исследования по археологии России. М., 2010. №12. 383 с.
- Яблонский Л.Т. Новые раскопки в Казахстане и проблема формирования раннесарматской культуры // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы: мат. междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2011а. Т. II. С. 59–64.
- Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат. VII междунар. конф. Ростов-на-Дону, 2011б. С. 234–240.
- Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт южно-уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал: мат. междунар. науч. конф. Уральск, 2012. С. 370–392.
- Яблонский Л.Т. Памятники переходного типа эпохи формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Переходные эпохи в археологии: мат. XIX Уральского археол. совещания. Сыктывкар, 2013а. С. 82–85.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. М., 2013б. Кн. 1. 231 с.
- Яблонский Л.Т. Золото ранних кочевников Южного Приуралья как исторический источник (по материалам могильника Филипповка-1) // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс, 2014а. С. 81–83.
- Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане №1 могильника Филипповка-1 (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2014б. Вып. 232. С. 3–7.
- Яблонский Л.Т. Система вооружения элитного воина IV в. до н.э. на востоке скифской ойкумены (древнейшие катафрактары Евразии?) // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат. междунар. науч. конф. памяти А.И. Мелюковой. Ростов-на-Дону, 2014в. С. 417–433.
- Яблонский Л.Т. Курганы-святилища могильника Филипповка-2 (предварительное сообщение) // Всадники Великой степи: традиции и инновации: труды филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана. Астана, 2014г. Т. IV. С. 88–93.
- Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка-10 // Нижневолжский археологический вестник. 2005. Вып. 7. С. 149–213.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // Российская археология. 2007. №2. С. 55–62.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 177–205.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Ведер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка-1 и Покровка-2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып. 2. С. 4–57.

Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II. Владикавказ; Цхивал, 1992. С. 189–214.

Яценко С.А. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 200–204.

Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. 1995. №3. С. 188–194.

Яценко С.А. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I – сер. III вв.н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир: (тез. докл. V археол. семинара). Новочеркасск, 1996. С. 19–20.

Яценко С.А. Имена аланов из Танаиса второй половины II – первой половины III вв. н.э. как исторический источник // Донская археология. 1998. №1. С. 54–55.

Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: архитектура, искусство, костюм. М., 2000а. С. 296–384.

Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв.н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000б. Вып. 3. С. 172–185.

Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // Вестник древней истории. 2000в. №4. С. 186–204.

Яценко С.А. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2001г. Т. 1. С. 4–21.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001а. 190 с.

Яценко С.А. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников // Методы изучения культуры в России. М., 2001. С. 244–252.

Яценко С.А. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I–II вв.н.э.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 2001б. Вып. 17. С. 363–373.

Яценко С.А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 126–135.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. 661 с.

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – III в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 58–65.

Яценко С.А. Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008а. Кн. 3. С. 281–310.

Яценко С.А. Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008б. Вып. 9. С. 117–126.

Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2011. Вып. 12. С. 197–213.

Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. №2 (8). С. 25–41.

Яценко С.А. К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XVIII Крупновские чтения: мат. междунар. конф. М., 2014а. С. 300–301.

Яценко С.А. Дружина у кочевых сарматов: материальные свидетельства // Историческое обозрение. Вып. 15: Элита России в прошлом и настоящем. М., 2014б. С. 25–39.

Яценко С.А. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н.э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень. 2014в. Вып. 6. С. 40–63.

- Яценко С.А. Приемы ограбления современниками курганов кочевой знати различных категорий (на примере сарматов рубежа I–II вв. н.э.) // *Казахское ханство в потоке истории*. Алматы, 2015а. С. 615–629.
- Яценко С.А. Костюм женщин-воительниц у ранних кочевников // *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: мат. XVIII междунар. науч. конф.* СПб., 2015б. С. 47–56.
- Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской степи // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. №1. С. 171–182.
- Allsen T. *Spiritual geography and political legitimacy in the Eastern steppe // Ideology and the formation of early states*. New York, 1996. P. 116–135.
- Allsen T. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles*. Cambridge, 1997.
- Atwood Ch. *Encyclopedia of Mongolia and Mongol Empire*. Indiana University. Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ ханы тахилын онгоны судалгаа // *Археологийн судлал*. 2003. Т. XXI. Т. 75–83.
- Bacon E. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York, 1958. 235 p.
- Barfield T. *The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies*. 1981. Vol. XLI, №1. P. 45–61.
- Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge, 1992 (First published in 1989). 325 p.
- Barfield Th. *Steppe Empires, China, and the Silk Route: Nomads as a Force in International Trade and Politics // A. Khazanov and A. Wink (eds.), Nomads in the Sedentary World*. Richmond, UK, 2001. P. 234–249.
- Barfield Th. *The Devil's Horsemen: Steppe Nomadic Warfare in Historical Perspective // S.P. Reyna and R.E. Downs (eds.), Studying War: Anthropological Perspectives*. 1994. S. 1.
- Barfield Th. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Oxford, 1989.
- Bartusis M. *The Function of Archaising in Byzantium // Byzantinoslavica*. 1995. Vol. 56. P. 271–278.
- Bashilov V.A., Yablonsky L.T. *Some Modern Problems of the History of the nomadic Societies of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age // 4th Annual Meeting. Abstracts book*. Goteborg. 1998. P. 91–92.
- Beckwith C. *The Tibetan Empire in Central Asia*. Princeton. N.J., 1993 (4th ed.).
- Biran M. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History. Between China and the Islamic World*. Cambridge, 2005.
- Biran M. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History*. Cambridge, 2008. 279 p.
- Biran M. *The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // Medieval Encounters*. 2004. Vol. 10, №1–3. P. 340–342.
- Biro M. *Abo's Georgian Vita. // Acta Orientalia Academiae Hungaricae*. 1977. Vol. XXXI, №2. P. 247–260. Bloomington. Facts On File, Inc. 2004.
- Brosseder U. *Xiongnu Terrace Tomb and Their Interpretations as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on „Archaeological Research in Mongolia“ held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007 / Ed. by J. Bemmman, H. Parzinger, E. Pohl, and D. Tseveen-dorzh*. Bonn, 2009. P. 247–280.
- Brumfiel E.M. and T. Earle (eds.). *Specialization, exchange, and complex societies*. Cambridge etc. 1987. 160 p.
- Buell P.D. *Sino-Mongolian Administration in Mongol Bukhara // Journal of Asian History*. 1979. Vol. XIII, № 2. P. 121–151.
- Čaγan teüke – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / пер. П.Б. Балданжапова, исслед., коммент. Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001. 200 с.
- Chalikova E.A., Kazakov E.П. *Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est.-Budapest*, 1977. P. 21–221 (на фр. яз.).
- Chavannes E. *Documents sur les Tu-kiue (Turcs) occidentaux*. Sankt-Peterburg [Сборник трудов Орхонской экспедиции, 6]. 1903.
- Christian D. *History of Russia, Central Asia and Mongolia*. Vol. 1: *Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire*. Oxford, 1998.
- Claessen. *The Early State: A Structural Approach. The Early State*. Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague, 1978. P. 533–596.
- Clauson G. (sir). *Turks and Wolves // Studia Orientalia*. 1964. Vol. 2. P. 3–22.
- Cleaves F.W. *Darura and Gerege // Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953. Vol. 16, №1/2. P. 237–259.

- Curta F. Markets in Tenth-Century al-Andalus and Volga Bulghāria: Contrasting Views of Trade in Muslim Europe // *Al-Masaq: Journal of the Medieval Mediterranean*. 2013. Vol. 25, Issue 3. P. 305–330 (на англ. яз.).
- Dashkovskiy P.K. Kurgans of the yenisei Kyrgyz at the Chineta II burial ground in the Altai // *Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia*. 2014. №2 (42). P. 82–89.
- Dashkovskiy P.K., Usova I.A. Pazyryk burial at Khankarinsky dol in the Northwestern Altai // *Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia*. 2011. №3 (47). P. 78–84.
- Davis-Kimball J., Yablonsky L. Kurgans on the Left Bank of the Ilel. Berkeley, 1995–1996. P. 159.
- DeWeese D. The Politics of Sacred Lineages in 19th-century Central Asia: Descent Groups linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine Documents and genealogical Charters // *International Journal of Middle East Studies*. 1999. Vol. 31. P. 507–530. (на англ. яз.).
- Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // *Journal of World History*. 1999. №10 (1). P. 1–40.
- Di Cosmo N. Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002.
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I. Wiesbaden, 1963. 557 s. (на нем. яз.).
- Drompp M.R. Imperial State Formation in Inner Asia: the Early Turkic Empires (6th to 9th centuries) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. T. 58, №1. P. 101–111.
- Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997. 268 p.
- Earle T. Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boudler, 2002. 432 p.
- Ecsedy I. Trade-and-War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1968. Vol. XXI. P. 131–180.
- Ecsedy H. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. P. 245–262.
- Ecsedy I. Chinese-Turk Political Connection and Conflict in 615 A.D. // J. Harmatta (ed.), *From Alexander the Great to Kul Tegin*. Budapest, 1990. P. 123–132.
- Ecsedy I. Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1977. T. XXXI. Fasc. 1. P. 3–15.
- El-Cheik N. An Ambivalent Image: Byzantium Viewed by the Arabs // D.R. Blanks (ed.), *Images of the Other: Europe and the Muslim World before 1700*. The American Univeristy in Cairo Press, 1996. [Cairo Papers in Social Science, Vol. 19. Monograph 2/1996]. P. 122–135.
- Erling von Mende. Lantern Bearers – of the Qidan Species: The Importance of Qidan Personnel in the Service of Two Alien Successor Dynasties during the 12th to 14th Centuries // *Asiatische Studien*. 2011. Vol. LXV, №4. P. 883–918.
- Feinman G. The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes // *Foundations of Social Inequality*. Ed. by T.D. Price and G.M. Feinman. NewYork, 1995. P. 255–279.
- Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery and Empire. Cambridge, 2012. 648 p.
- Fletcher J. The Mongols: ecological and social perspectives // *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46. 1986. №1. P. 11–50.
- Foltz R. Religions of the Silk Road. Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century. New York, 1999.
- Fräñhni Ch.M. *Opusculorum postumorum. Pars prima* / Ed. B. Dorn. Petropoli, 1855. 451 p. (на лат. яз.).
- Frye R. The Sasanian System of Wall for Defense // M. Rosen-Ayalon (ed.), *Studies in Memory of Gaston Wiet*. Jerusalem, 1977.
- Frye R. The Heritage of Central Asia. Princeton. New York, 1996.
- Frye R., Litvinsky B. The Northern Nomads, Sogdiana and Chorasmia // *History of Humanity*. Paris, 1996. Vol. 3. P. 466–468.
- Gabain A. von. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850–1250). Wiesbaden, 1973.
- Gabain A. von. Das uigurische Königreich von Kotcscho (850–1250). Berlin, 1961.
- Gabain A. von. Irano-Turkish Relations in the Late Sasanian Period // E. Yarshater (ed.). *The Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 1: The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge, 1983. P. 613–624.
- Gabain A. von. Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken // *Der Islam*. 1949. Bd. 29.
- Gabelentz H. Geschichte der Grossen Liao. Spb. 1879.

- Gnosis on the Silk Road. Gnostic Texts from Central Asia. Trans. and Presented by H.-J. Klimkeit. San Francisco, 1993.
- Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982.
- Golden P. Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1.
- Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Chinggisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae medii aevi*. Beisbader, 1982. Vol. 2. P. 37–76.
- Golden P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992.
- Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
- Golden P.B. The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic // *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel*. Bloomington, Indiana, 2001. Uralic and Altaic series. Vol. 167. P. 27–56 (на англ. яз.).
- Grakov B. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Ural // *ESA*. 1928. T. 3. P. 25–62.
- Haas J. From leaders to rulers. New York, 2001. 286 p.
- Haussig H. Die Geschichte Zentralasiens und der Seidenstrasse in vorislamischer Zeit. Darmstadt, 1992.
- Hole J.-L. Social Integrative Faculties and the Emergence of Social Complexity on the Mongolian Steppe // *Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility* / Ed. by B. Hanks and C. Linduff. Cambridge, 2009. P. 358–377.
- Holmgren J. Marriage, kinship and succession under the Ch'i-tan rulers of the Liao dynasty (907-1125) // *T'oung Pao*, Second Series. 1986a. Vol. 72. Livr. 1/3.
- Holmgren J. Observations on marriage and inheritance practices in early Mongol and Yüan society with particular reference to the levirate // *Journal of Asian History*. 1986b. Vol 20, №1. P. 127–192.
- Honey D. History and Historiography on the Sixteen States: Some T'ang Topoi on the Nomads // *Journal of Asian History*. 1990. Vol. 24, №2. P. 161–217.
- Honeychurch W. Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility and Culture Contact. New York, 2015. XI. 321 p.
- Honeychurch W., Wright J., Amartuvshin C. Re-writing Monumental Landscapes as Inner Asian Political Process // *Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility* / Ed. by B. Hanks and C. Linduff. Cambridge, 2009. P. 330–357.
- Hucker Ch.O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, 1985. 676 p.
- Humphrey C., Hürelbaatar A. Regret as a Political Intervention: An Essay in the Historical Anthropology of the Early Mongols // *Past & Present*. 2005. P. 3–45 (на англ. яз.).
- Hüttel H.-G., Erdenebat U. Karabalgasun und Karakorum – zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal (Хаар Балгас ба Хархорум – Орхоны хондий дэх хожу нуудэлчдийн суурьшмал хоёр хот). Улаанбаатор, 2009. 64 с. (на немец. и монг. яз.).
- Hyeung-won Yun, Eun-jeong Chang. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Ed. by U. Brosseder and B. Miller. Bonn, 2011. P. 261-274 (Bonn Contributions to Asian Archaeology, Vol. 5).
- Ikeda O. Les marchands sogdiens dans les documents de Dunhuang et de Turfan // *Journal Asiatique*. 1981. Vol. 279.
- Iordanes. *Getica* // Латински извори за българската история. София, 1958. Т. 1.
- Irons W. Political Stratification Among Pastoral Nomads. Pastoral Production and Society. Cambridge, 1979. P. 361–375.
- Jagchid S. The Historical Interaction between the Nomadic People in Mongolia and the Sedentary Chinese // G. Seaman and D. Marks (eds.), *Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery*. Los Angeles, 1991. P. 63–91.
- Juvaini. Genghis Khan. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Translated by J.A. Boyle. Manchester, 1997.
- Kenk R. Frühmittelalterliche Gräber aus West-Tuva. München, 1982. 100 p.
- Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.
- Khazanov A. Nomads and the Outside World. Madison; Wisconsin, 1994a (2nd ed.).
- Khazanov A. The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes // M. Gervers and W. Schlepp (eds.), *Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic*. Toronto, 1994b. P. 11–33.
- Klimkeit H.-J. Manichaeism and Nestorian Christianity // *History of Civilizations of Central Asia*. Paris, 2000. Vol. 4. Pt. 2. P. 69–81.

- Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague. 1963.
- Kürsat-Ahlers E. Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern: Über die Sozio und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-nu und Göktürken mit einem Exkurs über die Skythen. Berlin, 1994.
- Klyashtorny S., Livshic V. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1972. Vol. XXVI, №1. P. 69–102.
- Klyashtorny S. The Terkhin Inscription // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae*. 1982. Vol. XXXVI, №1–3. P. 335–366.
- Klyashtorny S. The Tes Inscription of the Uighur Bögü qaghan // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae*. 1985. Vol. 39, №1. P. 137–156.
- Klyashtorny S.G. Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: The Legal Documents and Practical Regulation // *Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke*. Topeka, 2004. P. 13–39. (на англ. яз.).
- Kovalev R.K. Were There Direct Contacts Between Volga Bulgāria and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 2013. №20. P. 67–102 (на англ. яз.).
- Kovalevskij O. Dictionaries Mongol-Russe-Francais. V.Z. Kazan, 1844.
- Krippes U. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians // *Central Asiatic Journal*. 1991. Vol. 35, №1–2. P. 67–80.
- Kwanten L. Imperial nomads: A history of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York & London, 1940. 585 p.
- Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B.I. Texte. Wiesbaden, 1958. 484 с. (на нем. яз.).
- Lieu S.N. Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China (2nd ed.). Tübingen, 1992.
- Lieu S.N. Manichaeism in Central Asia and Medieval China. Leiden; Boston; Cologne, 1998.
- Litvinsky B. Christianity, Indian and Local Religions // *History of Civilizations of Central Asia*. Paris, 1996. Vol. 3. P. 421–431.
- Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. 1. Wiesbaden, 1958.
- Liu X. The Silk Road. Washington, D.C., 1998.
- Mackerras C. The Uighur Empire (744–840) according to the T'ang Dynastic Histories. Canberra, 1968 (1972, 2nd ed.).
- Mackerras C. The Uighurs // D. Sinor (ed.). *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge et al., 1990. P. 317–342.
- Mann M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986. 560 p.
- Martin V. Using Turki-Language Qazaq Letters to Reconstruct Local Political History of the 1820s–30s // *Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century)* / Ed. by P. Sartori. Leiden; Boston, 2013. P. 207–246 (на англ. яз.).
- Melek Ozyetgin A. Altin Ordu, Kirim ve Kazan sahasina ait yarlik ve bitiklerin dil ve usulup incelemesi. Ankara, 1996. 297 s. (на тур. яз.).
- Memoirs of Zehir-ed-Din Baber, emperor of Hindustan, written by himself in the Jagatai Tirki / Transl. by J. Leyden and W. Erskine, notes and hist. intr. By C. Waddington. London, 1826. 432 p. (на англ. яз.).
- Menander. Excerpta de legationibus // *Гръцки извори за българската история*. София, 1958. Т. 2.
- Menges K. Titles and organisational Terms of the Qytan (Liao) and the Qara-Qytan (Si-Liao) // *Rocznik Orientalistyczny*. Krakow, 1953. Т. XVII (1951–52).
- Miller B. Xiongnu “Kings” and the Political Order of the Steppe Empire // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2014. Vol. 57. P. 1–43.
- Mingana A. The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: A New Document. Manchester, 1925.
- Miniaev S.S., Sakharovskaia L.M. Investigation of a Xiongnu Royal Tomb Complex in the Tsaraam Valley. The Silk Road. 2006. №4(1). P. 47–51.
- Miniaev S.S., Sakharovskaia L.M. Investigation of a Xiongnu Royal Tomb Complex in the Tsaraam Valley. Part 2: The Inventory of Barrow №7 and the Chronology of the Site. The Silk Road. 2007. №5(1). P. 44–56.

- Minorsky V. The Turks, Iran and the Caucasus in the Middle Ages. London (Variorum Reprints), 1978.
- Morgan D.O. Who Ran the Mongol Empire? // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1982. №1. P. 124–136.
- Noonan Th. Byzantium and the Khazars: A Special Relationship? // J. Shepard and S. Franklin (eds.), Byzantine Diplomacy. Aldershot, UK, 1992. P. 109–132.
- Noonan Th. The Khazar–Byzantine World of the Crimea in the Early Middle Ages: the Religious Dimension // Archivum Eurasiae Medii Aevi [Wiesbaden]. 1998–1999. Vol. 10. P. 207–230.
- Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. Vol. 8. P. 16–26 (на англ. яз.).
- Olcott M.B. The Kazakhs. 2nd ed. Stanford, 1995. 388 p. (на англ. яз.).
- Pan Ling. A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by U. Brosseder and B. Miller. Bonn, 2011. P. 463–474 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
- Pchenichniouk A.H. Le kourgane royal de Filipovka au sud de l'Oural // DossAParis. 1994. №194. P. 64–65.
- Pelliot P. Notes sur le “Turkestan” de M.W. Barthold // T'oung Pao. 1930. Vol. XXVII, livr. 1. P. 12–56.
- Prior D.G. High Rank and Power among the Northern Kirghiz: Terms and Their Problems, 1845–1864 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century) / Ed. by P. Sartori. Leiden; Boston, 2013. P. 137–180. (на англ. яз.).
- Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altaische Jahrbücher. 1952. Bd. 24. H. 1–2.
- Pritsak O. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche. Oriens Extremus, 1954. №1. P. 178–202.
- Pritsak O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism // Pritsak O. Studies in Medieval Eurasia. London (Variorum Reprints), 1981. №11.
- Procopius Caesarensis. De aed./De bellis // Гръцки извори за българската история. София, 1958. Т. 2.
- Pshenichnuk A.H. The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. New York, 2000. P. 21–30.
- Pulleyblank E.G. Sogdian Colony in inner Mongolia // T'oung Pao, 1952. Vol. 41. P. 317–356 (на англ. яз.).
- Pulleyblank E. G. The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London; New York; Toronto, 1955.
- Rachewiltz Igor de. Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972.
- Rachewiltz Igor de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth Century. Translate with a historical and philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004.
- Rachewiltz I. de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. Vol. 9. №1–2. P. 88–144.
- Rachewiltz I. de. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // Papers on Far Eastern history. Canberra, 1973. №7. P. 21–36.
- Rau P. Die Graber der fruhen Eisenzeit im Uneteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze. Pokrovsk, 1929. 113 s.
- Riasanovsky V.A. Fundamental principles of Mongol Law. The Hague, 1965.
- Róna-Tas A. On the Development and Origin of the East Turkic “Runic” Script // Acta Orientalia Hungaricae. 1987. Vol. XLI, №1. P. 7–14.
- Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. 121 s.
- Roux J.-P. La religion des Turcs et des Mongols. Paris, 1984.
- Roux J.-P. Tengri // M. Eliade (ed. in chief). The Encyclopedia of Religion. New York; London, 1987. Vol. 14.
- Roux J.-P. Turkic Religions // M. Eliade (ed. in chief). The Encyclopedia of Religion. New York; London, 1987. Vol. 15.
- Rybatzki V. Die Tonüquq-Inschrift. Szeged, 1997.
- Sato Takayasu. Study of Messenger Passports in the Xi-Xia Dynasty // Тангуты в Центральной Азии. М., 2012. P. 364–374.
- Sáenz C. Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs // Chiefdoms, Power, Economy and Ideology / Ed. by T. Earle. Cambridge etc., 1991. P. 100–118.

- Salzman P. Pastoralists: Equality, hierarchy and the state. Boulder, 2004. 193 p.
- Steinhardt N. «Changchuan Tomb No. 1 and Its North Asian Context // Journal of East Asian Archaeology. 2003. №4. P. 225–292.
- Schafer E. The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkeley; Los Angeles, 1963.
- Schwarz-Schilling Chr. Der Friede von Shan-Yüan (1005 n. Chr.). Wiesbaden, 1959.
- Sela R. Central Asia in the 18th Century: The Age of Introspection. Ph. D. Diss. Indiana University, 2004. 256 p. (на англ. яз.).
- Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1977. Vol. 37, № 2. P. 353–380.
- Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. By Yu. Bregel. Leiden; Boston; Koln, 1999. 1281 p. (на англ. яз.).
- Sinor D., Klyashtorny S. The Turk Empire // B. Litvinsky et al. (eds.), History of Civilizations of Central Asia. Paris, 1996. Vol. 3. P. 327–347.
- Sinor D. The Uighurs in Mongolia and the Kyrgyz // M. Asimov and C. Bosworth (eds.). History of Civilizations of Central Asia. Paris, 1998. Vol. 4. Pt. 1. P. 191–200.
- Stein R. Leao-tche // T'oung Pao. 1940. Vol. XXXV.
- Stepanov Ts. The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, AD 822–836. // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10, №1. P. 1–19.
- Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others. Leiden; Boston, 2010.
- Tamura Jitsuzo. Types of Nations in the World of North Asia // Miscellanea Kiotiensa, Essays in celebration of the Semicentennial of the Faculty of letters of Kyoto University. 1956. Vol. 4. P. 475–492 (in Japanese).
- Tekin T. The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Academiae Hungaricae. 1982. Vol. XXXVII, №1–3. P. 43–68.
- The History of the Khojas of Eastern Turkestan / Summarized form Tazkira-i-Khwajagan of Muhammad Sadiq Kashghari by R.B. Shaw // Supplement to the Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1897. Vol. LXVI. Pt. I. VI+67 p. (на англ. яз.).
- The Life of Alimqul: A Native Chronicle of Nineteenth Century Central Asia / Ed. and transl. by T.K. Beisembiev. London; New York, 2003. XIV+116 p. (на англ. яз.).
- Tschugunov K., Parzinger G., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan von Arschan 2 in Tuva. München, 2006. 144 s.
- Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton, 2003. 264 p.
- Turchin P., Hall T. Spatial Synchrony Among and Within World-Systems: Insights From Theoretical Ecology // Journal of World-System Research. 2003. Vol. IX, №1. P. 37–64.
- Vaissière É. de la. Histoire des marchands sogdiens. Paris, 2002.
- Waldron A. The Great Wall of China. From History to Myth. Cambridge, 1990.
- Wedder J.F., Egorova V., Kambl J., Morgunova N., Trunaeva T., Barfield Th. Inner Asia and the Cycles of Power in China's Imperial Dynastic History // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles, 1991. P. 21–62.
- Wedder J.F., Egorova V., Kambl J., Morgunova N., Trunaeva T. Greeks, Amazons and Archaeology // The Silk Road. 2004. Vol. 2, №2. P. 17–24.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. Philadelphia, 1949. Vol. 36. 752 p. (на англ. яз.).
- Yablonsky L.T. Excavations of a “Royal” Barrow-Grave in the Southern Ural // FA. LIII. Budapest, 2007. P. 85–100.
- Yablonsky L.T. New Excavations of an Early Nomadic Burial Ground at Filippovka (Southern Ural Region, Russia) // AJA. 2010. Vol. 114. P. 129–143.
- Yatsenko S.A. Colour Combinations in the Costume of Three Pre-Islamic Dynasties of Iran against the Background of the Synchronous Iranian World // 7 ICAANE. Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 12–16 April 2010. Wiesbaden, 2012. P. 315–333 (на англ. яз.).
- Yatsenko S.A. Images of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tomb in Mongolia // Silk Road. 2014. V. 12. P. 13–24.

CONCLUSION

At the present stage of development of archaeological and paleosocial research the basic methodological principles and strategies required for the study of elite groups in the system of social and political relations of Eurasian nomads of the Late Antiquity and Middle Ages are formed. The use of "theory of elites" in social reconstruction allows to create a fundamentally new approach to the study of social relations, which basis is the division of society into two groups – "elite" and "mass". At the same time the main characteristic of elite is not the economic superiority, as it postulated in social archeology, but the possession of power. Reconstruction of the elite groups of nomads aimed to identify markers of the "power complex" for a particular historical era. It is important to note that the maximum set of such indicators, concentrated in a single unit of social structure shows its highest status in system of relations. At the same time, these indicators are not constant in the historical process of social evolution; the signs of elitism have its dynamics.

Among the most significant marker of the elite of Scythian-Saka epoch steppe zone of Eurasia are the following: firstly, the monumentality of the funeral rites; secondly, the complex system of organization of the internal space of the funerary monument; thirdly, the presence of "exclusive" items among the grave goods; fourthly, the presence of a complete set of arming; fifthly, the tradition of burials, accompanied by animals. The Scythian-Saka period is characterized by "objectified" form of elite and sacralization. At this stage of social differentiation and worldview aims a visual realization of power, which is developed by means of the scale of the funeral rites, the quantitative and qualitative composition of the grave goods, which correspond to the sacred status of the ruler, is dominated.

Huns-Sarmatian era is characterized by the changes of the features of elitism. First of all it concerns the scale of the funerary monuments that are less megalithic in comparison with the previous Scythian epoch, at least in the land part of the objects, although pit graves and constructions within the grave have significant parameters. In addition, the status of some items, such as weapons complex, rich headgear is leveled to a certain extent. At the same time the elite of Xiongnu is characterized by the formation of the ideological complex of power, expressed in some state cults and mythology. The archaeological material of elite funerary monuments of Huns has the following characteristics: firstly, the complexity of the layout of the burial structure, the presence of dromos; secondly, plenty of imported goods, most of all, silk; thirdly, the presence of braid in the burial chamber; fourthly, the lack of burials, accompanied by animals.

The study of archaeological and written sources on social history of the Pazyryk and Xiongnu Society of South Siberia and Central Asia made possible to indicate the regional elite in the social structure of Late Antiquity nomads. The methodical aspect of the indication of a given social group requires a comprehensive approach that takes into account the specifics of functioning of nomadic society, and systematic analysis of written and archaeological data. As a marker signs of the regional elite, in addition to the parameters of the funerary objects, "prestigious things" that have spread in a different cultural surroundings should be separately denote. These include items of imports (silk, Chinese lacquer ware), the elements of the costume (headgear, torcs, decorations). Despite the fact that the composition and value of the grave goods of these objects is significantly give in to the scale of "royal" mounds, however, they are notable among regional groups of monuments. The use of this social category can significantly extend the study of the problems of the social structure of nomads and take into account the specificity of functioning of nomadic politeia, as well as the relationship between central and outlying regions of the political groups of nomads.

An important component of the functioning of the elite in the nomadic society is the reproduction of a certain type of political culture, which provides the normal development of society. The religious aspect of the political culture in the society of nomads in its many forms such as a hidden, mental and open way of functioning is the most striking way of expressing normative, behavioral, and value categories. These categories provide the normal functioning of the unstable nature of the nomadic society, the status of which was equal to the sacred because of its appeal to the supernatural power that determines its absolute authority.

It should be noted that the political culture of the Xiongnu has a distinct character, manifested, firstly, in the legitimation of power and justification of the sacred status of the ruler. Secondly, it can be asserted that the seasonal rituals of nomads connected with meetings where the basic political and organizational life-support questions of society solved. An active religious policy took place during the period of hegemony of Xianbi and Rouran. The elite saw in religion not only a system of philosophy, but also a powerful political force. The most striking manifestation of the religious aspect of the political culture has happened during the rule Tuoba dynasty.

In the Middle Ages a complication of social and political organization of the nomadic peoples took place. Thus, in contrast to the Scythian-Saka and Huns-Sarmatian periods a social differentiation in Turkic and Mongolian time is less clearly reflected in the funeral rites. Elite funerary monuments are not very different from the ordinary burials of nomads, although differences exist. It is manifested mainly in reducing the number of buried horses, the absence of burials, accompanied by dependent people, the limitation of qualitative and quantitative indicators in relation to the objects put in the burial.

It should be noted that the elite were a system-created group in nomadic communities. They played an important role in society from the traditional regulation within the tribe to the organization of campaigns and conquests. Complication of elite occurred in connection with the integration of tribes and tribal unions into larger political entities. The elite of the nomadic empires were especially various. Thus, the elite Turkic Khaganate represented a clear pattern of imperial version of nomadic elites. The Uyghur Khaganate clearly showed a tendency to complicate the social structure, but a complete separation of the elite in a closed class has not occurred because of the short life of a state. The fate of a nomadic society was largely dependent on how the governor was able to solve the problem of elite overproduction. The importance of this factor can be clearly seen from the so-called Ibn Khaldun law, who was the first to note as early as in the XIV century that the dynasties created by the nomads did not live longer than three or four generations. At the same time during the transition from one generation to another, the dynasties lose the ability to group consolidation, in view of many reasons, including environmental and the complexity of providing all members of the elite with sufficient number of subordinate people and cattle. In the second generation, strong competition between the elite started and nomadic empires, as a rule, did not live longer than three or four generations.

It is also important to note that the excavation materials of Turkic memorial complexes demonstrate a high degree of influence from Chinese culture. This effect of the Celestial Empire were manifested in structural features of objects of Turks, clay and wooden figures of standing people and the riders, the images on the walls of the dromos and others. Certain influence of China on the nomadic culture and worldview can be traced in the following Mongol time. The study showed that the Mongols met with Chinese political teachings, assimilated by Khitan culture in the X – early XII centuries. However, it does not mean that Mongolian concept of sovereignty was a copy of the Chinese concept. In this case, due to the Khitan counselors Mongols could adopt a Chinese cosmological model and implemented it on the base of Central Asian tradition. It should be noted that the milestone XII–XIII centuries was a period of reformation of potestarian organism of Mongolian community, caused by the activity of political elites and the intensification of the process of consolidation polities. The need to conduct large-scale military actions by significant joint military contingents faced nomads with necessity of electing war leader-Khan. It is necessary to consider that the Mongolian empire was formed and functioned in ethnically not uniform environment that was, however a characteristic of many nomadic empires. The ruling elite have spread its power over not only fellow tribesmen, but the conquered groups belonging to different ethnic communities. Thus, there is such a thing as a "double elite", known in the history of Turkic states of early Middle Ages. The emergence of a "double elite" influenced the development of social and political relations, because the control of the conquered peoples exercised by recruited persons from amongst the conquered peoples. In this case, it is necessary to pay attention to the diversity of titles of Mongolian politeia, which largely reflects the specifics of the social and political relations between the nomads themselves and the conquered peoples. A noteworthy situation with the term "torus", which originally meant the ancient Turkic

right, but in the XIII–XIV centuries was "privatized" by the descendants of Genghis Khan, which tried to consolidate its monopoly on the supreme power in the Turkic-Mongolian states. With the same purpose in the XV–XVI centuries, this term has become a title of "Golden kin" which reflected the same monopoly of the supreme power and Khan's title. As far as the political situation in Central Asia has changing, the number of persons falling under the category of «torus» was constantly expanding. In the end, the term of the torus from political and legal category has become a symbol of belong an authoritative group of persons to the certain social class.

No less important is the consideration of elite groups of the agricultural pastoral peoples, not just nomads. In particular, the study of elites of Volga Bulgaria during the period of state let to identify groups such as the urban elite (the administration, including the Knyaz and his warriors), rich artisans, merchants, urban aristocracy, the clergy, representatives of the old Bulgarian tribal aristocracy (knyaz owners of the territories), nomadic elite (eastern and southern neighbours of the Bulgars – Ugric peoples and possibly Oghuz Turks). At the same time Mongolian invasion greatly influenced on the institute of authority and accordingly, the elite in Bulgaria. The introduction of direct Mongolian governing, placing troops on the conquered lands, the imposition of new rules of the administration and breaking the territorial boundaries has led to the fact that the previously established traditions of statehood have been completely extruded and formed new elite that ruled according to the principles of the Mongolian state law. This monograph, of course, does not exhaust all the range of problems of studying elite of ancient and medieval peoples of Eurasia. At the same time, the authors hope that outlined methodological and methodical principles, historical analysis of the formation and development of elite groups of different peoples of the vast region will be useful to researchers of the social and political history of the nomads.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований, исполнительный директор Азиатского экспертно-аналитического центра этнологии и международного образовательного сотрудничества Алтайского государственного университета.

Адрес: Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, АлтГУ, лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований.

E-mail: dashkovskiy@fpn-asu.ru.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Адрес: Россия, Москва, ул. Рождественка, 12, Институт востоковедения РАН.

E-mail: altanus@mail.ru.

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета.

Адрес: Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Центр политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН.

E-mail: kradin@mail.ru.

Мейкшан Илья Александрович, сотрудник лаборатории этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета.

Адрес: Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, АлтГУ, лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований.

E-mail: mejkshan.ia@mail.ru.

Мурзин Вячеслав Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Бердянского университета менеджмента и бизнеса.

Адрес: Украина, г. Запорожье, Бердянский университет менеджмент и бизнеса.

E-mail: vjmurzin@ukr.net.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета.

Адрес: Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, Новосибирский государственный университет.

E-mail: pikov@gf.nsu.ru, gennadij-pikov@yandex.ru.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Адрес: Россия, 197348, Санкт-Петербург, Коломяжский пр., 20, кв. 607.

E-mail: ropot@mail.ru.

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, музееведения и искусствоведения факультета художественной культуры и дизайна Казанского государственного университета культуры и искусств.

Адрес: Россия, 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3, КазГУКИ.

E-mail: murziha@mail.ru.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета.

Адрес: Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, АлтГУ, кафедра археологии, этнографии и музеологии

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru.

Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

Адрес: Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная 18, Институт восточных рукописей РАН.

Степанов Цветелин, доктор наук, доцент философского факультета Софийского Университета «Св. Климента Охридского».

Адрес: Болгария, София, 1000, бульвар Цар Освободител, 15, философский факультет Софийского университета «Св. Климента Охридского».

E-mail: stepanov64@yahoo.com.

Яблонский Леонид Теодорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН

Адрес: Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН.

E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru.

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Адрес: Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет.

E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

Научное издание

**ЭЛИТА В ИСТОРИИ
ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ**

Коллективная монография

*В оформлении обложки использованы фотографии
П.К. Дашковского и Л.Т. Яблонского*

Редактор: Н.Я. Тырышкина

Технический редактор: П.К. Дашковский

Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 60х84/8.

Усл. печ. л. 38,0. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, ул. Мерзликина, 10
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@mail.ru